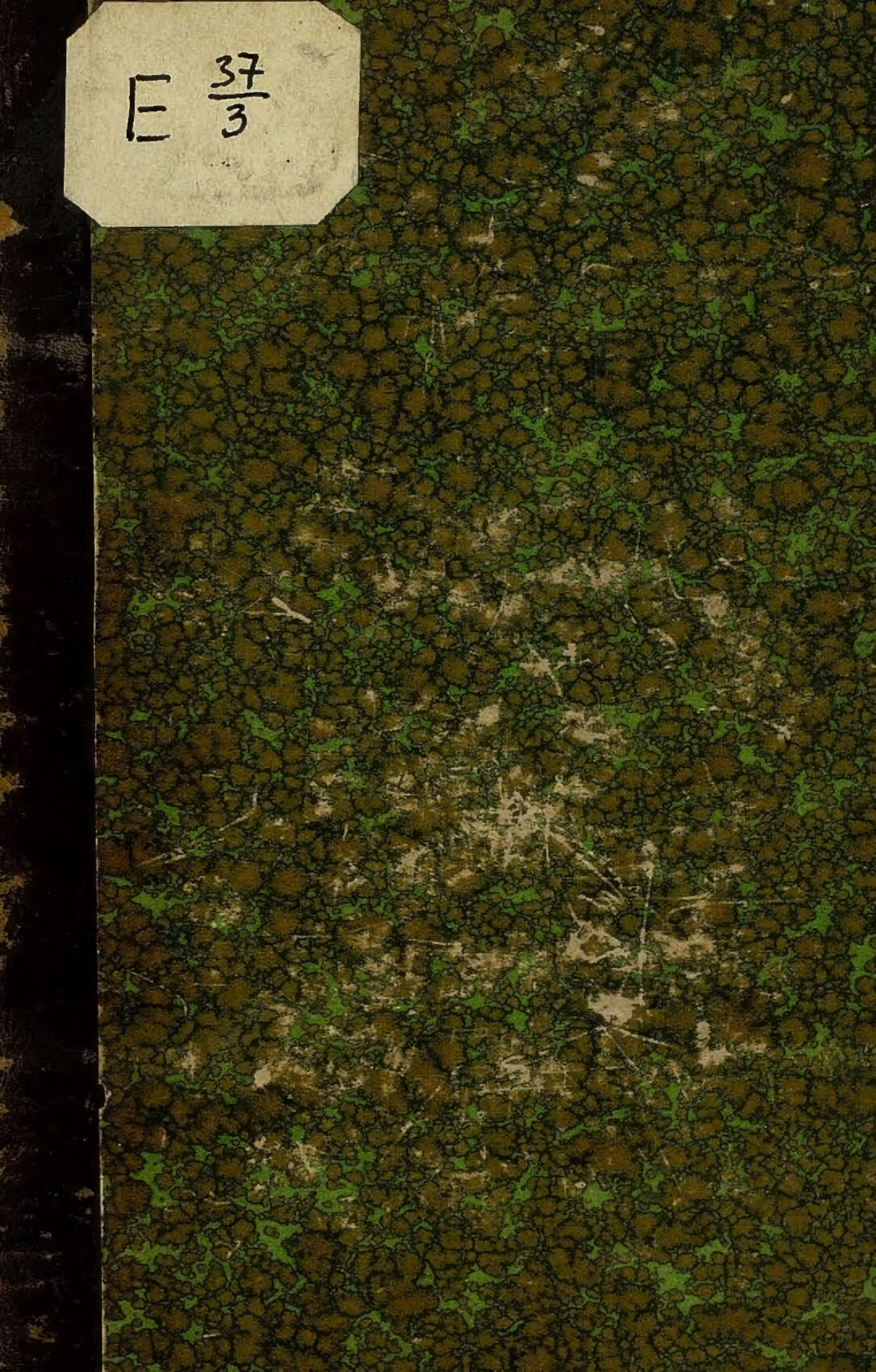

E 37/3

ОБОЗРѢНІЕ

РУССКОЙ ИСТОРІИ

ДО

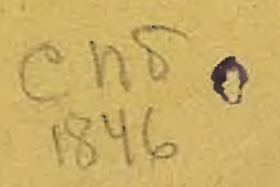
ЕДИНОДЕРЖАВІЯ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

СОЧИНЕНІЕ

НИКОЛАЯ ПОЛЕВАГО.

Съ портретомъ и факсимилемъ автора.

ОБОЗРѢНІЕ

РУССКОЙ ИСТОРІИ

до

ЕДИНОДЕРЖАВІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Н. Полевой

1

I. Россійское царство, или Русское государство, въ половинѣ XVII вѣка, было великимъ [illegible] не только въ Восточной Европѣ, но и [illegible] Азіи. Оно занимало тогда большую часть Европы и почти всю Сѣверную часть Азіи.

по пространству земель, составлявшихъ его, было уже однимъ

II. Предѣломъ его на Сѣверѣ было Ледовитое море, омывающее берега Россіи и Сибири. Западная граница его начиналась отъ береговъ Ледовитаго моря, прорѣзывалась отъ Лапландіи Датской и Шведской, границею съ Финляндіею до Ладожскаго озера, западный берегъ котораго, съ землею Невою и Орѣховымъ островомъ, древними Новгородскими владѣніями, принадлежалъ Швеціи, по Столбовскому миру, вмѣстѣ съ Балтійскими прибрежьями отъ устья Невы до устья Наровы. Граница шла потомъ по Ингерманландіи и Лифляндіи, тогда принадлежавшимъ Швеціи; только часть озера Чудскаго (Пейпуса), ниже Наровы, и до него край его, отходилъ уже за Россію. Ниже Русская граница съ Польшею, повороти къ востоку, примыкала къ городамъ Себежъ, Невель, Великіе Луки, Мстиславль, опредѣленные съ областями Псковскою, Великолуцкою, Смоленскою, верховья Днѣпра до впаденія Сожи обладало. Потомъ Днѣпръ разграничивалъ Россію съ Польшею, по Андрусовскому договору. На правомъ берегу Днѣпра принадлежалъ Россіи только Кіевъ съ его округомъ, по случаю временнаго владѣнія Русскихъ. Ниже Кіева простиралась [illegible] Русскихъ областей весьма недалеко, и [illegible] по лѣвому берегу, почти до устья Ворсклы, поворачивала на востокъ погранична, или Украйнскими линіями, къ Сѣверному Донцу, отдѣляя Запорожье, предѣлъ казацкой области, которая по договорамъ Россіи съ Польшею и Турціею, находилась почти безъ [illegible] никому не принадлежащими и незаселенными. Нижнее теченіе Днѣпра до Днѣстра простиралась степь; по лѣвую сторону Днѣпра, впаденіи Днѣпра, оставались Турціи, отдѣляя Украинскія мѣста, и потомъ распространяясь на востокъ до береговъ Донца, и по всѣмъ до Азовскаго моря, Крыма и береговъ Черного моря. Принадлежало Россіи завоеванный Донскими казаками, но устье его, почти до Черкасска, главнаго казацкаго города, было во владѣніи Турковъ. По Черноморскому прибрежью кочевали Ногайцы, Турки; Крымская орда занимала полуостровъ, составлявшій владѣнія хана Крымскаго, подвластнаго Турціи, но обладавшаго всѣми татарскими землями на Днѣпрѣ, далеко въ степь. Днѣпровскими порогами начиналась Запорожская Сѣча, могло пребывать отдѣльной Запорожской вольницы, жившей подъ властію Россіи низовьевъ Днѣпра. Защищаемы были Запорожцами пороги [illegible]

1 владѣнія Турецкое,

Донъ бывшій граница на востокъ,

границы охраняемое

ОБОЗРѢНІЕ

РУССКОЙ ИСТОРІИ

ДО

ЕДИНОДЕРЖАВІЯ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

СОЧИНЕНІЕ

НИКОЛАЯ ПОЛЕВАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1846.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, Іюня 9-го, 1846-го года.

Ценсоръ *Никитенко*.

Въ типографіи К. Жернакова.

Сочиненіе покойнаго Н. А. Полеваго, издаваемое нынѣ подъ заглавіемъ: «*Обозрѣніе Русской Исторіи до единодержавія Петра Великаго*», долженствовало составить первый томъ обширной «Исторіи Петра Великаго».

Н. А. Полевой думалъ издать эту «Исторію» въ 4-хъ большихъ томахъ, каждый въ 40 печатныхъ листовъ. Недостатокъ источниковъ и пособій къ Исторіи Петра Великаго, доселѣ не изданныхъ и хранящихся въ архивахъ, былъ главною причиною, по которой авторъ не могъ и даже не хотѣлъ спѣшить окончаніемъ своего труда. Къ этому надобно присоединить многочисленныя постороннія занятія, развлекавшія дѣятельность Н. А. Полеваго въ послѣдніе годы его жизни.

Все, что по смерти Н. А. Полеваго было найдено въ его бумагахъ и относилось къ издаваемой нынѣ книгѣ, представляется здѣсь на судъ читателей. Остальныя «Примѣчанія» по нѣкоторымъ причинамъ напечатаны быть не могутъ. Сверхъ того не напечатано здѣсь *второе* «Введеніе въ Исторію Петра Великаго», въ которомъ Н. А. Полевой хотѣлъ изобразить все государственное бытіе Россіи до 1689-го года. Онъ не успѣлъ окончить этого *втораго введенія*, начало котораго читатели могутъ видѣть въ приложенномъ здѣсь снимкѣ съ рукописи покойнаго Полеваго.

С. Петербургъ,
Іюня 1-го дня, 1846 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Отечеству трудъ мой, *соотечественникамъ* созданное любовью къ великой отчизнѣ, вѣрою въ ея славную будущность!

Если судить трудъ мой по степени его совершенства, по тому, какое мѣсто надобно дать ему среди другихъ историческихъ твореній, предварительно осуждаю самъ себя: *Исторія Петра Великаго*, которую осмѣливаюсь представить читателямъ, недостойна ни имени Великаго, ни того благоговѣнія, коимъ исполнено сердце каждаго Рускаго къ его памяти.

Но пусть судятъ трудъ мой по усердію, съ какимъ возлагаю посильную лепту на алтарь отечества, по ревности, съ какою старался я совершить его, по цѣли, мною предположенной.

Исторія различается отъ простой *лѣтописи* цѣлью, духомъ, направленіемъ — не говорю о формѣ: она можетъ

быть разнообразна до безконечности, и всякая равно будетъ хороша, если умъ и знаніе историка вѣрно извлекутъ ее изъ сущности его творенія. И лѣтопись и исторія суть *повѣсти о дѣлахъ*. Но лѣтопись только разсказываетъ ихъ; исторія раскрываетъ идею, заключенную въ дѣлахъ, показываетъ мѣсто тѣхъ или другихъ событій въ великой книгѣ судебъ: здѣсь ея различіе отъ лѣтописи, и если смотрѣть съ сей точки зрѣнія на историка, онъ истинный провѣщатель тайнъ провидѣнія, глашатай великихъ уроковъ опыта, человѣкъ всѣхъ вѣковъ, гражданинъ всѣхъ странъ. Не предписываемъ ему, какъ долженъ онъ исполнить свое дѣло; повторяемъ: форма труда можетъ быть разнообразна до безконечности. Пусть только уразумѣетъ историкъ повѣсть судебъ и угадаетъ, если можно такъ выразиться, великую тайну сліянія своего предмета съ жизнью человѣчества. Всякая прелесть искуства будетъ только дополненіемъ къ идеѣ, сущности историческаго творенія.

И тѣмъ важнѣе она, когда историкъ повѣствуетъ о событіи обширномъ, вѣковомъ, или разсказываетъ жизнь одного человѣка, но человѣка представителя великихъ событій, сына судебъ, посланника провидѣнія.

Исторія великихъ есть повѣсть жизни народовъ. Подобные солнцамъ среди системъ звѣздныхъ, горнымъ высямъ среди долинъ, рѣдко и не случайно являются великіе люди: они выводы временъ; вѣка готовятъ ихъ и на вѣка отражается дивная жизнь ихъ; перстъ Божій указуетъ имъ время ихъ явленія и у колыбели ихъ слышанъ гласъ судебъ: *Господь съ тобою, сильный крѣпостью!*

Дивно ихъ явленіе и поучительно разсматривать жизнь великаго: отдѣлять въ ней временное, преходящее, частное

человѣка отъ вѣковаго, нерушимаго, общаго человѣчеству, изображать ее въ живыхъ подробностяхъ мѣстными красками минувшей жизни, и соображая предшествовавшее и послѣдовавшее, опредѣлять наконецъ мѣсто и назначеніе великаго на землѣ и въ жизни человѣчества.

И не бывши Рускимъ, не увлекаясь непреодолимою любовью къ отчизнѣ, кто не сознаетъ, что нашъ Петръ былъ однимъ изъ достопамятныхъ явленій человѣчества? Разсмотрите жизнь его, сообразите превышающіе силы обыкновеннаго человѣка труды его, исчислите все созданное имъ: многіе ли и — гдѣ равные нашему Петру? Но такой взглядъ на Петра Великаго будетъ далеко недостаточенъ, и что еще важнѣе: онъ подастъ поводъ къ ошибочнымъ сужденіямъ и невѣрнымъ выводамъ.

Мы видимъ такія ошибки въ мнѣніяхъ не только многихъ Европейцовъ, но даже нѣкоторыхъ изъ нашихъ соотечественниковъ.

Удерживая негодованіе наше, скажемъ, что какъ многіе видятъ въ Россіи только явленіе тяжелой, громадной силы, такъ и въ Петрѣ Великомъ видятъ многіе только умнаго, если угодно геніяльнаго самовластителя, случайно, безотчетно полюбившаго Западное образованіе, какъ другіе любятъ побѣды и нѣгу дворскую, видятъ царя, желѣзною волею хотѣвшаго передвинуть порядокъ событій. Если, говорятъ намъ, Петръ принесъ пользу своими дѣлами, то и зла причинилъ ими не менѣе. Крайними точками такого превратнаго мнѣнія, съ одной стороны можно положить мнѣніе тѣхъ, кто въ Россіи видитъ политическое явленіе, подобное имперіямъ Чингисовъ и Тамерлановъ, а въ Петрѣ дикаго Тамеамса, только въ обширномъ объемѣ; съ дру-

гой стороны мнѣніе тѣхъ, которые, хотя и сознаютъ величіе и отчетливую систему дѣлъ Петра, но осуждаютъ однакожь ихъ, называя нарушеніемъ какого-то естественнаго, историческаго порядка дѣлъ. Стройнѣе и правильнѣе, по ихъ мнѣнію, могло бы все совершиться безъ Петра. Здѣсь начинаетъ горевать близорукая любовь человѣчества, сожалѣющая о жертвахъ насильственнаго переворота; виденъ бываетъ ошибочный взглядъ на послѣдовавшее послѣ Петра и на современное намъ образованіе Россіи; являются робкое недоумѣніе о потерѣ нашей народной самобытности и опасеніе за нашу будущность.

Всѣ сіи, болѣе или менѣе превратныя и невѣрныя мнѣнія происходятъ отъ неточнаго и неполнаго взгляда на дѣла Петра Великаго.

Понять его можно только узнавши исторію Россіи, а узнать исторію Россіи можно только знакомому съ исторіею человѣчества.

«Что было, то долженствовало быть:» заключеніе справедливое и вѣрное. «Явленіе, столь громадное, обширное, продолжительное, какимъ является Россія, не могло и не можетъ быть чѣмъ нибудь мимолетнымъ, подобнымъ фантасмагорической пестротѣ царствъ Азіи, мгновенныхъ явленій силы вещественной:» также вѣрное заключеніе. Но подобныя рѣшенія слишкомъ неопредѣленны. Нашъ умъ требуетъ убѣждающей отчетливости: силлогизмъ не прихоть, но вѣчный законъ ума человѣческаго.

Извлечь удовлетворительный, оправданный умомъ нашимъ выводъ исторіи Русской изъ исторіи человѣчества, а изъ исторіи Русской пояснить исторію Петра Великаго; изложить послѣ сего дѣла его, какъ строгую повѣрку вывода;

безпристрастно показать въ Петрѣ Великомъ посланника судебъ, дѣятеля воли провидѣнія и съ тѣмъ вмѣстѣ человѣка; въ дѣлахъ его отличить вѣковѣчное отъ преходящаго; раскрыть, какъ родилось, развивалось и совершилось въ немъ сознаніе его великаго предназначенія; наконецъ, повѣрить справедливость своего повѣствованія и своихъ выводовъ повѣстью о бывшемъ послѣ Петра до нынѣ: вотъ дѣло того, кто будетъ писать исторію Петра Великаго, кто, уклоня отъ себя всю гордость народнаго честолюбія, будетъ прежде всего безпристрастенъ, отказавшись на время отъ безотчетнаго изумленія передъ великимъ, призоветъ, такъ сказать, прошедшее на судъ настоящаго и въ настоящемъ предугадаетъ будущее. Таковъ, повторяемъ, долгъ историка Петра Великаго, и — благо ему: великъ долгъ его, но велика и награда! Онъ покажетъ намъ, что Петръ Великій и дѣла его были необходимы не только потому, что съ рожденіемъ его пришло уже время вдвинуть Россію въ полную, общую исторію человѣчества и ею начать новую исторію Европы, но и потому, что Россія прожила уже тогда всю отдѣльную жизнь свою, данную ей Іоанномъ III-мъ, геніемъ XV вѣка, родоначальникомъ Петра Великаго по духу и дѣламъ, прожила, говоримъ, и могла склониться къ разрушенію, еслибы цари, хотя и достопамятные и доблестные, но *не Петръ*, явились на тронѣ Мономаха. Онъ изъяснитъ намъ, какъ заброшенная съ небесъ въ грудь юнаго царя искра великаго предвѣдѣнія судебъ Россіи, разгаралась въ бурномъ началѣ его царствованія, укрѣплялась думою съ посланными къ нему провидѣніемъ людьми, утвердилась убѣжденіемъ ума въ необходимости преобразованія рѣшительнаго и полнаго, даже для поддержанія

современнаго ему, государственнаго бытія Россіи. Онъ изобразитъ, какъ вели къ тому Петра Великаго въ послѣдствіи всѣ политическія отношенія Россіи, всѣ событія, дѣла, успѣхи и неудачи — самыя ошибки его, и какъ наконецъ, черезъ сорокъ лѣтъ, созрѣла и необъятна стала мысль Петра Великаго. Изображая Россію до Петра и послѣ Петра, Европу его времени и его самого въ отношеніи къ Европѣ, онъ утвердитъ, что Петръ Великій, совмѣщая въ себѣ весь свой вѣкъ, не превышалъ его (дѣло человѣку невозможное), но былъ впереди его. Тогда разсмотрѣніе трудовъ, предпріятій, мыслей Петра проявитъ необъятную громадность его генія, творившаго все не безотчетно, но съ полнымъ сознаніемъ, ибо ничто не было ему чуждо въ мірѣ идей современныхъ, и не одну наружность преобразовывалъ онъ, но глубоко внѣдрялъ свои преобразованія въ сущность бытія, и не нарушалъ историческаго порядка, но восполнялъ его въ стройномъ согласіи народа и вѣка, Европы и Россіи, такъ, что на его основаніи возсоздалась новая исторія Европы, не только Россіи, такъ, что изъ живительнаго источника, имъ открытаго, новая жизнь проникла вѣка, и мы нынѣ едва только можемъ догадываться о томъ, что уже понималъ онъ. Здѣсь уничтожатся и неумѣстная любовь человѣчества и ложный философскій выводъ изъ исторіи Русской, осуждающій великаго. И если притомъ историкъ будетъ повѣствовать дѣла Петра, исчислитъ всѣ его труды, болѣзни, страданія, его высокое одиночество генія среди всѣхъ окружавшихъ его, самоотверженіе, не пощадившее даже роднаго сына, громаду помысловъ и предпріятій, подъ которою разрушилась наконецъ его, казалось, неистощимая сила жизни, если онъ

покажетъ Петра, говорящаго подъ Полтавою: «Обо мнѣ не заботьтесь — была бы жива и благоденствовала Россія!» Петра подъ Прутомъ, повелѣвающаго Сенату: «Если попадусь въ плѣнъ — не слушайте меня; если погибну — изберите изъ среды вашей достойнѣйшаго!» Петра, пишущаго сыну: «За отечество и людей моихъ не жалѣлъ я моего живота и пожалѣю ли сына недостойнаго!» и наконецъ его, безсмертнаго, на одрѣ смерти, восклицающаго: «Изъ меня познайте, какъ бѣденъ человѣкъ!»... Нѣтъ! историкъ не сохранитъ тогда холоднаго безпристрастія, на которое обрекъ себя по своему долгу историка — онъ увлечется порывомъ сердца, гордостью народною, мыслью: «Моему отечеству принадлежитъ одинъ изъ величайшихъ въ исторіи человѣчества людей, царь безсмертный, посланникъ Божій на землѣ;» историкъ будетъ пристрастенъ: онъ преклонитъ передъ Петромъ колѣни свои и у гробницы его прольетъ радостныя слезы, повторяя: «Радуюсь и горжусь, что я Рускій — *Петръ* былъ *Русскій Царь*, и велика судьба того царства, гдѣ родился Петръ Великій, гдѣ залогомъ будущаго остался гробъ его!»

Простимъ историку такое увлеченіе, если онъ оправдаетъ его сознаніемъ ума и повѣркою опыта. Такое чувство удивленія не будетъ безотчетнымъ порывомъ народнаго самолюбія, не будетъ мѣлкою хвастливостью любви къ отчизнѣ. Лести подозрѣвать въ немъ нельзя: льстятъ только живымъ; отъ мертвыхъ одна награда: *сознаніе добра*, по словамъ Державина, «паче Крезовыхъ сокровищъ драгоцѣнное.»

Исторіи Петра Великаго, такой, какую воображаемъ мы здѣсь, у насъ еще не было, и до нашего времени са-

мая идея ея не могла явиться, ибо только новѣйшему знанію обязаны мы истиннымъ, высшимъ взглядомъ на Исторію и на Человѣчество: онъ былъ неизвѣстенъ поэтической, изящной исторіи Грековъ, лѣтописной схоластикѣ Среднихъ Временъ и философскому скептицизму прошедшаго столѣтія. Но такая исторія *возможна*, а признавая возможность ея, согласимся, что *только такая исторія* должна быть *исторіею Петра Великаго* и самое стараніе приблизиться къ ней уже составитъ подвигъ замѣчательный.

До сихъ поръ у насъ почти вовсе нѣтъ никакой исторіи Петра Великаго. Не будемъ винить нашего, еще столь юнаго образованія: Исторія есть плодъ образованія болѣе зрѣлаго. Еще менѣе можемъ мы ожидать настоящей исторіи Петра Великаго отъ иностранцовъ. Прежде они не умѣли, нынѣ не захотятъ понять, и понимая, не захотятъ передать намъ вѣрнаго понятія о Петрѣ Великомъ. На то есть свои причины. Западъ боится насъ, завидуетъ намъ и не скажетъ истины.

Но о Петрѣ Великомъ было однакожь писано много. Самые близкіе къ нему современники, кромѣ Записокъ и отдѣльныхъ повѣствованій о частныхъ событіяхъ жизни его, оставили намъ нѣсколько рукописей, подъ именемъ *Исторій*. Незабвенную память заслуживаетъ особенно изъ всѣхъ писавшихъ о Петрѣ *И. И. Голиковъ*, простой, неученый гражданинъ города Курска. Проникнутый благоговѣніемъ къ памяти Великаго, бесѣдовавшій съ современниками и сотрудниками его, онъ много лѣтъ посвятилъ на собраніе матеріяловъ и описаніе жизни Петра Великаго, самъ не называя труда своего исторіею. Въ книгѣ Голикова сохранились намъ драгоцѣнные матеріялы, и если во-

обще его *Дѣянія Петра Великаго* и *Дополненія къ дѣяніямъ* требуютъ критическаго разбора, важность трудовъ Голикова, безъ котораго много подробностей могло погибнуть, всегда останется неоспорима. — Краткое, сухое извлеченіе изъ книги Голикова, съ немногими дополненіями изъ другихъ источниковъ, издано было на Нѣмецкомъ языкѣ г-мъ Бергманомъ (оно переведено на Русскій языкъ подъ именемъ *Исторіи Петра Великаго*). Трудамъ Голикова соревновалъ современникъ его Туманскій, напечатавшій сперва любопытное собраніе матеріяловъ, подъ названіемъ: *Собраніе записокъ о Петрѣ Великомъ*, а потомъ начинавшій писать *Жизнь и дѣянія Петра Великаго* — издана одна первая часть.

Кромѣ г-на Бергмана, нѣсколько иностранцовъ писали о Петрѣ Великомъ. Упомянемъ только о недостаточныхъ сочиненіяхъ гг. *Галема* и *Клаудіуса*, и краснорѣчивомъ, но исполненномъ цвѣтистыми софизмами повѣствованіи *графа Сегюра*. Любопытнѣе всѣхъ былъ опытъ *Вольтера*. Оракулъ своего времени, Вольтеръ, философъ, поэтъ и все что угодно, думалъ, будто онъ и историкъ. Написавъ легкій очеркъ *исторіи Карла XII*, онъ просилъ дать ему матеріялы для исторіи Петра Великаго. Вольтеру заказали исторію и онъ написалъ нѣсколько сотъ страницъ остроумнаго и безобразнаго вздора, недостойнаго названія исторіи, до того, что самъ Вольтеръ смѣялся надъ своимъ трудомъ.

Вотъ почти все главное. Не упоминаемъ о мѣлочныхъ и частныхъ компиляціяхъ, а также и о другихъ полныхъ *исторіяхъ*, Русскихъ и иностранныхъ.

Нѣсколько лѣтъ тому, мы могли ожидать замѣчательнаго труда, и еслибы и не вполнѣ достигъ онъ своей цѣ-

ли, то, по крайней мѣрѣ, былъ бы совершенъ человѣкомъ дарованія необыкновеннаго: говоримъ объ *А. С. Пушкинѣ* и исторіи Петра Великаго, которую предпринималъ онъ писать: на подвигъ сей призывала его священная воля Августѣйшаго Потомка Петра Великаго. Преждевременная смерть Пушкина лишила насъ надеждъ утѣшительныхъ. Сколько мнѣ извѣстно, немногіе только матеріялы успѣлъ собрать Пушкинъ и только еще *принимался изучать* обширный предметъ своего занятія. — Въ то время, когда вся Россія ожидала труда Пушкина, и потомъ, когда оплакивала она гибель столькихъ упованій, сокрытыхъ въ могилѣ его, трудолюбивый литтераторъ, П. П. Свиньинъ неутомимо занимался нѣсколько лѣтъ сочиненіемъ исторіи Петра Великаго. Опыты трудовъ его заслужили одобреніе Россійской Академіи, коей былъ онъ членомъ. Но публикѣ остаются неизвѣстными достоинство труда почтеннаго г-на Свиньина, и въ какомъ размѣрѣ писалъ и далеко ли довелъ онъ свое сочиненіе.

Соображая все исчисленное, хотя не довѣряю познаніямъ моимъ и предварительной обработкѣ мною матеріяловъ, весьма недостаточной, безъ гордой самоувѣренности, но и безъ робости однакожь, осмѣливаюсь посвятить памяти великаго царя трудъ мой — безъ робости, повторяю, ибо увѣренъ въ добросовѣстности моего труда, и въ томъ, что все зависѣвшее отъ средствъ и способовъ моихъ истощено мною съ возможною, сколько силы мнѣ позволяли, отчетливостію. Совершенство не удѣлъ человѣка на землѣ. Предметъ столь обширенъ, что на него едва достанетъ соединенныхъ усилій и жизни многихъ. «Дѣлать что можемъ, предоставляя потомъ другимъ дѣлать лучше,» было

всегдашнимъ правиломъ моимъ во всѣхъ моихъ литтературныхъ занятіяхъ.

Судьба не назначала меня, по моему рожденію и первоначальному воспитанію, на литтературное поприще, но потомъ она увлекла меня на него непреодолимымъ порывомъ. Невольно увлеченъ я былъ и къ сочиненію исторіи Петра Великаго.

Какъ запомню себя, имя *Петра Великаго* было уже мнѣ знакомо. Почтенный родитель мой, землякъ, родственникъ и другъ Голикова, въ числѣ первыхъ понятій, какія передавалъ намъ, передалъ и благоговѣніе къ имени *Мудраго Преобразителя Россіи.* Въ числѣ первыхъ книгъ, какія читалъ я, былъ трудъ Голикова, въ дѣтствѣ протверженный мною почти наизусть. Когда, черезъ много лѣтъ потомъ, отечественная исторія сдѣлалась главнымъ предметомъ моихъ занятій, когда мнѣ надобно было узнавать вполнѣ матеріялы и сущность моего дѣла, *Петръ Великій*. предметъ первыхъ впечатлѣній моего дѣтства, перваго развитія моихъ юношескихъ понятій, явился мнѣ предметомъ особеннаго, обширнаго и многолѣтняго изученія. Писавши *Исторію Русскаго народа,* я долженъ былъ отдѣлить повѣствованію о Петрѣ Великомъ опредѣленный, недостаточный объемъ. Но чѣмъ болѣе вникалъ я вообще въ исторію отечественную, тѣмъ огромнѣе развивалась передо мною исполинская идея Петра Великаго, и тѣмъ болѣе видѣлъ я невозможность изобразить его, хоть сколько нибудь удовлетворительно, въ маломъ объемѣ. Краткій очеркъ являлся недостаточенъ. Надобны были подробности, ибо тогда только Петръ Великій познается вполнѣ, когда все изучили мы въ немъ — дѣла, слова, мысли его. И мой

краткій очеркъ превратился въ нѣсколько томовъ, составившихъ уже слишкомъ обширный эпизодъ въ книгѣ, долженствовавшей обнимать всю Русскую исторію. Невольное негодованіе, когда слышалъ я притомъ превратныя мнѣнія о нашемъ безсмертномъ Петрѣ, мысль, что честь Русская обязываетъ насъ смѣло принять на щитъ и отразить софизмы мыслителей ложныхъ, рѣшили меня обработать и издать отдѣльно отъ Исторіи Русскаго народа жизнеописаніе Петра Великаго. Слѣдствіемъ такого рѣшенія была книга, которую предаю нынѣ суду соотечественниковъ.

Повторю: да судятъ ее только по усердію и ревности исполненія, и по цѣли, какую предполагалъ я себѣ.

Послѣ труда Голикова много было собрано и издано вновь матеріяловъ для Исторіи Петра Великаго. Притомъ трудолюбивому Голикову мало были извѣстны иностранные матеріялы: всѣ важнѣйшіе изъ нихъ были у меня подъ рукою, а равно и все то, что послѣ Голикова издано на Русскомъ языкѣ. Въ особенной статьѣ исчисляю, чѣмъ пользовался я изъ прежнихъ и новыхъ Русскихъ и иностранныхъ источниковъ, отдаю и критическій отчетъ въ нихъ. Читатели увидятъ обширность моихъ пособій, но сколько еще остается не изданнаго, зарытаго въ пыли архивовъ, сокрытаго подъ замками библіотекъ! Сіи не изданныя пособія почти всѣ были мнѣ недоступны. Счастливымъ почелъ бы я себя, еслибы судьба позволила мнѣ посвятить остатокъ дней моихъ на изысканіе, изслѣдованіе, прибавленіе новыхъ свѣдѣній и дополненіе ими жизнеописанія Великаго Петра — мысль, радующая близъ самой могилы, при сознаніи, что мы хотѣли, если и не могли быть чѣмъ нибудь полезны въ жизни нашей. Осуществле-

ніе желаній всего чаще не отъ насъ зависитъ. Утѣшимся, исполняя то, что находится въ нашихъ силахъ и средствахъ.

Пересоздатель Россіи, дивный сынъ судебъ, Царь Русскій, Петръ Великій! прими благоговѣйное приношеніе памяти твоей отъ потомка тѣхъ, кому благотворилъ ты, кого велъ ты къ славѣ, счастію, совершенствованію нравственнаго достоинства человѣка! Вѣрю безсмертію за могилою, вѣрю, что ты, уже чуждый земныхъ страстей, земнаго праха, геніемъ хранителемъ паришь, безсмертный, надъ твоею православною Русскою землею, внушаешь мудрость Царю, потомку твоему, силу мужества и любви къ отечеству его подданнымъ, и веселишься честью и славою Русской земли. Кто изъ насъ, Рускихъ, не захочетъ показать, чѣмъ только можетъ, что онъ достойный потомокъ тѣхъ, кого ты, Великій, называлъ *дѣтьми* своими!

Ораніенбаумъ,
Іюля 8-го, 1840 года.

ВВЕДЕНІЕ

ВЪ

ИСТОРІЮ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Читая исторію народовъ и царствъ безъ высшей мысли о судьбахъ Божіихъ, ею излагаемыхъ, видимъ въ ней грустное, печальное, тяжкое повѣствованіе. Такъ, стоя на берегу моря, смотримъ на волны, безотчетно подъемлемыя бурею, палимыя молніею, то отражающія въ себѣ небо съ звѣздами, то возстающія влажными горами изъ глубины. И такою, въ безотчетномъ стремленіи, явится намъ и *жизнь прошедшаго* — море безконечное, вѣчно движимое, вѣчно устремленное къ безвѣстной цѣли бытія, обуреваемое страстями, возмущаемое событіями, рѣдко отражающее въ себѣ спокойное небо счастія и благоденствія нашихъ предковъ. Но *гдѣ* и *что* цѣль его?

Мысль о мудрости создателя одушевляетъ намъ природу; познаніе вѣчныхъ законовъ вселенной разрѣшаетъ намъ тайну ея настоящаго бытія. Такъ мысль о судьбахъ Бога въ прошедшемъ, о томъ, что все представляемое намъ въ минувшихъ событіяхъ было развитіемъ воли и судьбы

божественной, доказательствомъ безконечной мудрости, все ведущей ко благу, одушевляетъ намъ Исторію и разрѣшается въ стройную, таинственную *жизнь человѣчества*, не горестную, но утѣшительную уму и сердцу — безспорное доказательство премудрости и благости творца.

Человѣку недовольно безотчетной увѣренности въ непреложность истины. Умъ его требуетъ положительныхъ доказательствъ. Здѣсь дѣло *Исторіи*.

Возвышая человѣка надъ всѣми частностями событій, она возводитъ его на высшую точку зрѣнія, показываетъ ему, что подобно каждому изъ насъ, составляющему часть того или другаго *семейства*, изъ коихъ образуется *народъ*, всѣ народы суть части великаго всемірнаго семейства — *человѣчества*. Подобно намъ, *человѣкамъ*, всѣ *народы* раждаются, живутъ и умираютъ, образуя собою *жизнь міровую*. Подобно нашимъ, ихъ дѣла, самыя страданія ихъ стройны, необходимы — суть средства ко благу ихъ, а развитіе жизни ихъ здѣсь — доказательство другой жизни, за гробомъ, невѣдомой намъ, но достовѣрной. Развиваясь полнымъ наслажденіемъ жизни въ опредѣленныхъ предѣлахъ, царства и народы въ то же время составляютъ собою исполинскія звѣнья цѣпи, которою падшій человѣкъ восходитъ къ творцу, не отвергшему его, но подвергнувшему испытаніямъ на земли: сія цѣль *совершенствованіе человѣка* здѣсь, улучшеніе его, ни чѣмъ не препинаемое, безпрерывное, и его-то явленія представляютъ намъ событія жизни царствъ и народовъ. При такомъ созерцаніи Исторіи, увѣренность въ премудрость творца, затаенную въ смутной жизни нашей, переходитъ въ достовѣрность и ярко освѣщаетъ, безъ того непостижимую намъ, цѣль бытія міра и жизни человѣчества.

Любопытно — нѣтъ, болѣе нежели любопытно — важно, необходимо намъ познаніе исторіи народовъ съ сей высшей точки зрѣнія. Каждый народъ видитъ здѣсь тайну бытія своего въ настоящемъ, цѣль будущей судьбы своей, вѣрною стезею стремясь содѣйствовать ей тѣми силами,

какія далъ ему творецъ достигать сей таинственной цѣли, искони предназначенной. Здѣсь урокъ властителямъ, поученіе простому гражданину, указаніе избраннымъ, тѣмъ, кого отличилъ создатель призваніемъ на подвиги великіе.

Зажжемъ неугасаемый свѣтильникъ Исторіи и освѣтимъ огнемъ его жизнь человѣчества. Предварительно необходимъ взглядъ на мѣсто жизни и дѣйствій его.

Послѣ *великой субботы* творенія, когда кончились измѣненія вещественныхъ силъ природы и явилось въ мірѣ послѣднее, духовное созданіе Божіе, вѣнецъ твореній его, *человѣкъ*, жилище человѣка, земля представила ему въ отвердѣлыхъ грудахъ своихъ поверхность обширнаго материка планеты, на которомъ сомкнуты были двѣ великія части свѣта, Азія и Европа, Востокъ и Западъ, двѣ противоположности, двѣ половины міра; ихъ борьба должна была составить *жизнь человѣчества*, ибо жизнь есть ни что иное, какъ бореніе двухъ началъ: возрожденія и разрушенія, свѣта и тмы, стремленія частей къ самобытности и стремленія цѣлаго совмѣстить въ себѣ самобытность частей. Окончаніе одной борьбы есть начало другой; могила прошедшаго бытія колыбель новаго, переходъ отъ конца къ началу, отъ одного развитія къ другому, всегда болѣе полному, и совершенствованіе сею борьбою частнаго общимъ, общаго частнымъ.

Азія, громадная часть свѣта, превосходящая Европу въ четыре раза величиною, составляетъ обширное пространство земель, протянутое отъ нетающихъ льдовъ сѣвера до знойныхъ странъ юга въ одну сторону, и отъ безконечнаго Океана Восточнаго до странъ Африки въ другую; непроходимые льды ограничиваютъ Азію на сѣверъ; океанъ оканчиваетъ ее съ юга и востока, тамъ гдѣ Чукотскимъ мысомъ сближается она къ сѣверу съ Америкою, новою *частью свѣта*, а Малайскіе архипелаги связываютъ ее къ югу съ Океанійскими землями; съ запада узкимъ перешейкомъ примыкаетъ къ ней полуостровъ Африканскій, третья великая часть материка.

Все удостовѣряетъ насъ, что самая обширная и самая разнообразная природою часть міра, Азія была колыбелью первобытнаго человѣка. Нѣкогда позорище великихъ переворотовъ природы, она довершила ихъ великимъ явленіемъ его. Но человѣкъ былъ подавляемъ въ ней громадностью природы и не могъ совершать своего полнаго частнаго развитія, гдѣ потребна была ему побѣда духа надъ вещественностью. Жизнь его въ Азіи была слишкомъ кратка, окружавшая его природа слишкомъ могуща: и онъ бѣжалъ изъ своего первобытнаго отечества, унося съ собою только первобытное образованіе, первыя идеи *религіи, науки, общественности, искуства*, четырехъ великихъ стихій, коими опредѣляется бытіе человѣка на землѣ. Не въ Африкѣ, океанѣ песчаныхъ пустынь, испещренномъ оазисами, гдѣ только на нихъ и по приморью, заслоненному хребтами горъ, могъ поселиться человѣкъ, можно было ему достигнуть своего высшаго развитія; не въ Америкѣ, куда переходилъ онъ только черезъ отдаленный сѣверъ, или черезъ моря безконечныя; не въ Океаніи наконецъ, послѣдней по своему вещественному образованію части свѣта, лишенной единства и самобытности разбросаннымъ положеніемъ частей ея: только *Европа* оставалась ему убѣжищемъ; сюда устремился онъ изъ Азіи, своей первобытной отчизны.

Далеко уступая обширностью, разнообразіемъ и природою Азіи, Европа собственно только *дополненіе* материка Азіятскаго. Но она представляла настоящее мѣсто пребыванія человѣку, гдѣ побѣждая природу, онъ вполнѣ могъ сознать нравственное бытіе свое, *познать самого себя*. Вся лежащая въ климатѣ умѣренномъ, вся доступная человѣку, даже на самой сѣверной оконечности своей, прорѣзанная внутрь морями, средствами сообщенія, отдѣленная отъ Азіи Каспійскимъ моремъ и высокимъ горнымъ хребтомъ, Европа образовала собою новый міръ, такой же отдѣльный и различный отъ Азійскаго міра, какъ отдѣльна и различна природа Европы отъ природы Азіи, когда моря, съ трехъ сторонъ омывающіе Европу, даютъ чело-

вѣку возможность отсюда достигать по волнамъ ихъ во всѣ концы міра.

Глубокій мракъ вѣковъ покрываетъ эпохи первоначальнаго переселенія народовъ изъ Азіи въ Европу, но слѣды его явны въ преданіяхъ и повѣстяхъ народныхъ, въ ихъ памятникахъ, въ ихъ языкахъ: здѣсь читаемъ мы ихъ исторію, видимъ, какъ Азійскіе пришельцы, съ своими идеями, своимъ первобытнымъ образованіемъ, заселяли свое новое Европейское наслѣдіе, и какъ время и мѣстность преображали ихъ и создавали изъ нихъ частныя различія Европейскихъ народовъ.

Мы находимъ въ Европѣ три великія племени: *Цельтовъ. Тевтоновъ, Славянъ.* Одно объемлетъ собою югъ и западъ Европы; другое раздвинуто далѣе отъ него къ востоку; третье придвигается съ востока къ Тевтонамъ. Всѣ они гнали передъ собою первобытныхъ жителей Европы, рыжеволосыхъ *автохтоновъ* (Финскія племена), въ глубокій сѣверъ. Были ль сіи Азійскіе переселенцы части *народовъ* Азіи: *Цельты* племенъ Семитическихъ, витязей, страстныхъ битвъ и поэзіи; *Тевтоны* Индо-Германскаго, или Мидійскаго измѣненія Азіи, воинскія орды, съ мрачною вѣрою и непобѣдимою идеею свободы; наконецъ, *Славяне* Санкритское, или Индійское племя, тяжелое, мирное, осѣдлое, земледѣльческое? Или образовывали они собою тѣ общественныя дѣленія, изъ коихъ составились въ послѣдствіи Азійскія *касты?* Загадка донынѣ неразрѣшимая. Обширное пространство, мѣсто перехода изъ Азіи въ Европу, примыкало къ поселеніямъ Славянъ съ востока, истинная officina gentium (горнъ народовъ). Такъ, по выраженію нашихъ лѣтописцовъ, *сѣдоша по мѣстамъ своимъ* пришельцы Азіи, и новая жизнь ихъ прежде всего явилась тамъ, гдѣ природа и мѣстность всего болѣе ей благопріятствовали.

Въ Элладѣ началась сія новая жизнь Запада и Европы, тамъ, гдѣ Средиземное море сближаетъ берега Европы, Азіи и Африки, проходъ сквозь Столпы Геркулесовы от-

и невѣрныхъ бы обратилъ ко истинному Христіанскому 1553.
закону, да и тѣ бы вкупѣ съ нами славили великое имя Святыя Троицы, Отца, и Сына, и Святаго Духа, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь.

РѢЧЬ МИТРОПОЛИТА КЪ ЦАРЮ И ГОСУДАРЮ.

О Богомъ вѣнчанный Царю и Благочестивый Государь, Великій Князь, Иванъ Васильевичь, всея Русіи! Мы, Твои богомолцы со освященнымъ Соборомъ, молимъ Бога и великой Его благодати хвалу воздаемъ, и что возглаголемъ, токмо къ Нему рцемъ: Дивенъ Богъ во славахъ, творяй чудеса, показавый на тебѣ, Царѣ Благочестивомъ, славу Свою, и свѣтлыя побѣды надъ враги дарова тебѣ надъ Крымскимъ Девлитъ Кирѣемъ, Царемъ нечестивымъ, и Свое Христоименитое стадо отъ нахожденія иноплеменнаго Агарянина нынѣ тобою, Государемъ нашимъ, сохранилъ насъ. Ты же, Государь нашъ, по таковой Божіей благодати, своихъ великихъ трудѣхъ и съ братомъ своимъ, Княземъ Володиміромъ Андреевичемъ, и со всѣми своими Христолюбивыми воинствы, поборающими по Благочестіи, съ Божіею помощію и заступленіемъ мужественнѣ ты, Царю, Царски добрѣ подвизаяся противу супостатъ своихъ, нечестивыхъ Царей и клятвопреступниковъ, Татаръ Казанскихъ, иже всегда неповиннѣ проливающихъ кровь Христіанскую, и оскверняющихъ, и разоряющихъ святыя церкви Божіи и Православныхъ Христіянъ въ плѣнъ расхищая и разсѣвая по лицу всея земли; и ты, Благочестивый Царю, крѣпкій въ бранѣхъ, возложилъ еси неуклонную надежду и вѣру на Бога Вседержителя, и показалъ еси великіе подвиги и труды, потщался еси, данный тебѣ талантъ умножити и разхищенное стадо паствы твоея свободити отъ работы. И видѣвъ Владыка неотложную твою вѣру, и чистоту, и любовь нелицемѣрную, и разсужденіе благоразумное, и храбрость, и мужество, и цѣломудріе, не усумнѣлся еси пострадати до крови, паче реку, предалъ еси душу свою и тѣло за святую, чистую нашу, и пречестнѣйшую Вѣру Христіанскую, и за церкви святыя, и за порученную

юго западной сторонѣ сей части свѣта, знаемъ ихъ, хотя и темно, изъ борьбы племенъ Персіи, Аравіи, Египта и Индіи, но здѣсь не ограничивалась жизнь Азіи. Тамъ, далѣе къ сѣверу, совершались свои перевороты великіе, и какъ Цельты, Тевтоны и Славяне садились въ Европѣ на мѣстахъ своихъ, гнали автохтоновъ Европы въ сѣверъ и сражались между собою на югѣ и западѣ, такъ и въ Азіи, первобытные туземцы, племена *Тунгусовъ*, Финны Азійскіе, загнаны были въ тундры и лѣса сѣверные, бѣжали въ Новый Свѣтъ; на ихъ мѣстахъ закочевали и засѣли два многочисленныя племени, *Хунновъ* и *Саковъ*, или *Монголовъ* и *Турковъ*. Страшными переворотами долженствовали сопровождаться ихъ поселенія: видимъ отбитые обломки сихъ племенъ въ глубинѣ сѣвера; находимъ смѣшенія ихъ съ Финнами и Тунгусами; узнаемъ движенія ихъ черезъ Становой и Уральскій хребты въ Европу, гдѣ напирали они другъ на друга въ древней Скиѳіи, и наконецъ обратное движеніе ихъ на югъ и западъ Азіи, гдѣ являются Азійскія племена съ исторіею совершенно намъ неизвѣстною, въ *Армянахъ* и *Мадьярахъ*, переходы и паденія царствъ въ Вавилонѣ и Ниневіи, когда на востокъ отдѣлялись племена Китайскія, на юго-востокъ Малайскія, а на высотахъ Тибета составлялось религіозное царство Ламаизма.

И въ Азіи югу и западу предоставлено было развитіе болѣе полное, какъ предоставлено было оно югу и западу Европы. Здѣсь Индіецъ возвелъ свою Религію, Философію, Политику и Искуство до такой высокой степени, какая только была возможна Азіятскому человѣку; здѣсь закочевалъ въ степяхъ витязь и поэтъ Аравитянинъ и Персидская монархія проявила собою силу Азіятскаго Рима, вдвигалась даже въ Европу съ полчищами Дарія и Ксеркса, сближалась въ Африкѣ съ Римомъ и приготовляла Азію на борьбу съ народами Европы. Человѣчеству потребна жизнь, а жизнь, повторяемъ, есть борьба противоположныхъ началъ, но что могло быть противоположнѣе древней Европы и древней Азіи?

При различіи природы и человѣка Европы и Азіи, необходимо долженствовали быть различны развитія ихъ обитателей. И тамъ и здѣсь человѣкъ стремился побѣдить природу, но тамъ онъ былъ побѣждаемъ ею, здѣсь побѣждалъ ее; въ Азіи задыхался онъ въ избыткѣ вещественности — въ Европѣ ему недоставало ея; здѣсь предлежали ему трудъ и борьба, тамъ самозабвеніе и безпечность. Необходимымъ слѣдствіемъ являлось въ Европѣ преобладаніе духа, въ Азіи преобладаніе вещественности. Но область духа и въ Азіи также удѣлъ человѣка. Что должна была образовать собою духовная область Азіи? мечтательность и фанатизмъ.

Въ сихъ различіяхъ двухъ частей свѣта, и въ томъ, что жизнь всякаго человѣка, жизнь каждаго народа, жизнь всего человѣчества состоитъ изъ вѣчной, никогда некончаемой борьбы противоположныхъ началъ; что окончаніе каждой борьбы есть уже начало новой; что каждое бореніе бросаетъ уже сѣмяна, оставляетъ запасы борьбѣ и жизни будущаго и все стремится роковою борьбою къ своему совершенствованію — вотъ въ чемъ заключается вся исторія *человѣка, народа, человѣчества.* При совершенной свободѣ воли частной, все подчиняется предвѣчнымъ законамъ судебъ Божіихъ, и только потому иное кажется намъ *случайностью*, что уму нашему не дано разгадывать вполнѣ тайнъ провидѣнія; потому все кажется намъ однообразно и безразлично, что великій законъ тождества, среди безконечнаго разнообразія, есть законъ всего въ мірѣ. Таковы условія исторіи Человѣка, Народа, Человѣчества. Лишеніе, паденіе, смерть представляются намъ видимымъ зломъ, когда они суть только преходящія средства и орудія въ десницѣ вѣчной премудрости и неистощимой любви.

Узнавая такимъ образомъ сущность Исторіи, мы можемъ еще болѣе: можемъ означить даже и самые виды, въ какихъ она совершалась, совершается и будетъ совершаться. Вся исторія Человѣчества есть ни что иное, какъ борьба Азіи съ Европою и Европы съ Азіею, или

борьба *началъ* и *образовъ*, въ какіе заключены Европа и Азія. Всѣ другія части свѣта и исторія ихъ суть только дополненія къ исторіи Азіи и Европы. Какъ вещественное бытіе состоитъ изъ вдыханій и выдыханій, какъ вещественная жизнь есть рядъ смѣняемыхъ одно другимъ сжиманій и разжиманій вещества, и какъ всякое существованіе представляетъ въ частныхъ, сливающихся въ общее однообразіе переходахъ, періоды *начала*, *развитія*, *окончанія* каждаго бытія и предмета, такъ всѣ сіи условія суть необходимыя условія исторіи человѣка, народа и человѣчества. Каждое стремленіе раздвинуться внѣ себя послѣдуется противодѣйствіемъ, вдвигающимъ, такъ сказать, бытіе обратно въ самого себя, какъ будто на отдыхъ, собраніе новыхъ силъ, новое раздвиженіе внѣшнее, ограничивая тѣмъ переходы уму и духу человѣческому, хотя собственно нѣтъ разрыва общему въ безпрерывномъ послѣдованіи частностей. И еще важное обстоятельство, необходимое полнотѣ нашихъ понятій: каждый всеобщій переходъ отличается отъ предшествовавшихъ тѣмъ, что мѣсто дѣйствія и сущность его бываютъ болѣе обширны, болѣе объемлющи. Такихъ переходовъ донынѣ было уже три; они образовали собою *древнюю*, *среднюю*, *новую исторію*.

Пояснивъ себѣ непреложные законы Исторіи, видимъ необходимость узнать и тѣ образы, въ какихъ является человѣкъ Европейскій, а съ тѣмъ вмѣстѣ и условія различія и однообразія въ его образахъ.

Паденіе человѣка лишило его первобытнаго великаго отличія, божественнаго богодохновенія, коимъ былъ онъ одухотворенъ *по образу и по подобію Божію*. Началось время испытанія его, терпистый путь, коимъ идетъ онъ къ своему предвѣчному творцу. Безконечная любовь создателя не лишила его небеснаго руководства въ трудномъ странствованіи: она дала ему *вѣру* и образовала изъ нея *религію* человѣка. Свѣтильникъ во мракѣ ночи, заря, предвѣстница новаго дня съ окончаніемъ дня настоящаго, она свѣтитъ и горитъ на небосклонѣ духа человѣческаго. Но

человѣкъ утратилъ сей неугасимый свѣтильникъ; сомнѣніе, какъ мрачная туча, облекло ему непотухающую небесную зарю. Онъ мыслилъ замѣнить небесный свѣточъ собственнымъ своимъ умомъ, хотѣлъ освѣтить небосклонъ свой изъ области своего духа и потерялся въ неразгадаемой тайнѣ, утопилъ мысль свою въ океанѣ безконечности. И здѣсь не оставилъ его творецъ, неистощимый милосердіемъ, но уже только *избраннымъ*, только смиренномудрію ума далъ онъ познаніе тайны: всѣмъ другимъ сдѣлалась она непостижимою; непостижимъ сталъ законъ, соединяющій духъ съ вещественностью, непознаваема стала жизнь за гробомъ. Темнымъ наведеніемъ, лишенный истинной вѣры, человѣкъ постигаетъ *нѣчто*, помнитъ *нѣчто*, но никогда тайна не раскроется предъ нимъ вполнѣ, если не обратится онъ къ истинамъ свободнаго божественнаго откровенія. Такъ донынѣ не найдено еще ни одного дикаря, не предполагающаго бытія Бога и жизни за гробомъ; такъ въ первоначальныхъ идеяхъ человѣчества и въ исторіи религіозныхъ идей его видимъ слѣды первобытной истины, но какъ солнце въ туманѣ, какъ слабый свѣтъ солнца, отразившійся отъ мѣсяца, печальный, грустный, унылый. Судіею и мстителемъ является творецъ, а не отцомъ человѣка, и необходимо бываетъ допущеніе идеи *злаго начала* при идеѣ *начала добраго*, во всѣхъ религіяхъ, начиная съ грубаго Фетишизма Лапландцовъ и Тунгусовъ до философской религіи Китайцовъ, въ религіяхъ Буддизма, Браминизма, Маговъ, Египтянъ, Скандинавовъ, Цельтовъ и Мугаммеданъ.

Но если въ возношеніи человѣка къ небу не дано ему полноты богопознанія и самопознанія, творецъ одарилъ его великими средствами познанія всего, что его окружаетъ, всего до чего могутъ коснуться умъ и чувства его: далъ ему волю, умъ, совѣсть, открылъ міръ наслажденій, царемъ поставилъ его надъ всѣми твореніями въ мірѣ. Какъ великъ, какъ прекрасенъ является онъ здѣсь — послѣднее созданіе творца!

И одаренный умомъ, волею, чувствомъ, человѣкъ является соперникомъ безсознательной, безчувственной, вещественной силы природы. Непобѣдимо стремится онъ къ самопознанію, съ перваго вопроса: *Кто я?* до утвержденія великой истины: *познай самого себя.* Истины ищетъ онъ всюду, спрашиваетъ объ ней у природы, открываетъ ее въ самомъ себѣ: и она отвсюду отзывается на его голосъ. Неутомимо ищетъ онъ и другой великой идеи: *блага и добра,* стремится возсоздать ее себѣ и другимъ, подчиняя ей даже свою неукротимую волю. Наконецъ, онъ открываетъ и третью, послѣднюю область своего земнаго бытія, область *изящнаго,* творитъ въ ней міръ искуства, міръ наслажденій изящныхъ, и всѣми тремя порывами, къ истинѣ, благу, изящному, устремляется отъ земли къ небу. Икаръ слабокрылый, онъ забываетъ въ восторгѣ своемъ, что удѣлъ его на землѣ *испытаніе* и небо недостижимо ему безъ свободнаго откровенія любви, благости и премудрости творца!

Но такъ составляются четыре отношенія человѣка, которыя надобно извѣдать, если хотимъ познать общность, въ одномъ ли человѣкѣ, въ народѣ ли, въ цѣломъ ли человѣчествѣ. Придадимъ, поясняя понятія, симъ четыремъ отношеніямъ названія *религіознаго, философскаго, политическаго* и *поэтическаго.* Они суть стихіи, изъ коихъ слагается жизнь человѣка. Слѣдственно, прежде всего, всѣ изложенныя нами условія Исторіи, суть условія и законы, развитія, различія и борьбы исторической въ Азіи и Европѣ и переходовъ древней, средней и новой исторіи.

Какъ въ природѣ необходимо предполагать періодъ хаоса, такъ необходимо предположить и въ исторіи человѣка безсознательное время разкладки, такъ сказать, стихій духа и вещества. Придадимъ названіе *доисторическихъ временъ* симъ временамъ составленія первыхъ обществъ, развитія первыхъ идей умственныхъ, когда власть отца переходила во власть патріарха, холмъ молитвы становился храмомъ предвѣчному, первая пѣснь излетала изъ устъ

человѣка, мудрость опыта переходила въ законъ; возникали первыя сѣмяна науки и знанія; мѣна земледѣльца съ пастухомъ начинала торговлю; сильные звѣроловы составили первыя дружины воиновъ; вождь ихъ прообразовалъ собою монарха, соперника жрецу, властителю умовъ посредствомъ духа и религіи. Сюда относятся древнѣйшія переселенія и дѣленія народовъ, борьба Финскихъ, Тунгускихъ и Эѳіопскихъ автохтоновъ съ позднѣйшими племенами, въ Азіи Монголами, Турками, Индійцами, въ Европѣ Цельтами, Тевтонами, Славянами, въ Африкѣ и Океаніи Малайцами, въ Америкѣ Абцехами и Перуанцами. Когда образовались сіи дѣленія племенъ и народовъ? Какіе признаки тождества и различія являютъ намъ въ сихъ отношеніяхъ Азія и Европа?

Одинаково жизнь человѣка развивается тамъ и здѣсь, въ стремленіи религіозномъ, философскомъ, политическомъ и поэтическомъ. Одинаково сѣверъ и востокъ составляютъ запасъ жизненныхъ силъ, развивающихся на западѣ и югѣ: здѣсь Славяне и Цельты, тамъ народы Монгольскіе и Семитическіе, и среди ихъ, здѣсь Тевтоны, тамъ племена Турецкія. Индія, не Эллада ли она Азіи, съ ея миѳологіею, поэзіею, зодчествомъ? Персія, не Римъ ли она Азіятскій? Но великая разница *тамъ* и *здѣсь*.

Религія — тяжкое, подавляющее чувство величія силъ природы и грознаго владычества бога, требующая кровавыхъ жертвъ и изступленій изувѣрства, подчиняющая непреложному уставу всѣ дѣла и поступки человѣка. Отсюда власть жреца, грозная ѳеократія; она стремится овладѣть мудростью и скрываетъ ее, какъ тайну, отъ народа, все облекая въ миѳъ и символъ. *Философія* — или религіозный мистицизмъ, или отчаяніе матеріялизма, низходящаго въ безбожіе. Отсюда вражда религіи и философіи, и каждое покушеніе человѣка проникнуть тайны природы является возмущеніемъ противъ религіи. *Политика* — назначеніе богомъ избранныхъ и совершенное подчиненіе волѣ ихъ общества, при строгомъ раздѣленіи условій об-

щественныхъ кастами и званіями; переходъ отъ неограниченнаго деспотизма прямо къ безконечному рабству; униженіе женщины и многоженство. Наконецъ, *Искуство* — стремленіе выразить религіозное чувство величія: исполинскіе истуканы, мрачные подземные храмы, гибель частнаго генія въ механической работѣ вѣковъ и поколѣній. И подлѣ громады храма — кибитка, шалашъ, кирпичный домъ человѣка, вдавленнаго, такъ сказать, въ безчувствіе умственное, при наслажденіи чувственномъ, которое обѣщаютъ ему даже и за могилою, какъ величайшую награду.

Такова *Азія*.

Религія — возвышеніе духа, апоѳеозъ человѣка, переходъ въ изящные образы, отмѣненіе ужасовъ, антропоморфизмъ бога, приданіе ему чувствъ и страстей. Отсюда паденіе власти жреца, терпимость всѣхъ вѣрованій, горсть ѳиміама вмѣсто крови, жизнь за гробомъ легкая мечта эѳирнаго счастія, продолженіе наслажденій духа, прерванное на земли. Напрасно мистикъ Элезвиса и оракулъ Додона хотятъ удержать въ Элладѣ религію Востока: гимны Орфея забыты; роскошная сага Омирова становится миѳологіею народа. Отсюда и *философія* смѣлая, свободная: раздробляетъ ли она анализомъ природу, возводитъ ли ее синтезомъ къ одухотворенію, всегда спиритуализмъ ведетъ ее къ разгадкѣ тайнъ природы, разоблачая отъ миѳа религіознаго; духъ человѣка возлетаетъ къ высшимъ рѣшеніямъ вопросовъ нравственности и богопознанія. *Политика* — развитіе свободной воли человѣка и паденіе деспотизма ѳеократическаго, равно въ лѣсахъ Тевтона, въ республикахъ Греціи, въ городѣ Рима; женщина, хотя еще униженная, но уже идеалъ красоты, предметъ любви и почтенія, какъ жена, какъ мать. Рабство удѣлъ только того, кто палъ въ борьбѣ съ превышающимъ его достоинствомъ, но уже не знаменіе позора, налагаемое рожденіемъ. Законъ стражъ и властитель каждаго гражданина, или горожанина. Наконецъ, при осѣдлой, *городской* жизни, *Искуство*, возводящее въ идеалъ произведеніе изящное, гро-

мадность, сведенная въ область гармоническаго прекраснаго, свѣтлый храмъ и подлѣ него торжище, театръ, портикъ, выводящіе жизнь наружу; поэзія, то возвышенная отъ земли въ небо *эпопеею*, то низводящая судьбы неба на землю въ *драмѣ*, то кипящая духомъ въ *лирикѣ;* человѣкъ сознающій всюду свое достоинство, одухотворяющій свое частное бытіе.

Такова *Европа́*.

Другія части свѣта суть *дополненія* Азіи и Европы, сказали мы. И такъ, между Азіею и Европою быть битвѣ за судьбы человѣчества! Дѣятельная, испытующая, всераздробляющая, духовная Европа придетъ въ самозабвенную, мистическую, всеобобщающую, вещественную Азію. Но Азія не уступитъ ей, захочетъ подавить ее своею громадностью, своими исполинскими силами. Кому уступить въ борьбѣ? Кому превозмочь въ битвѣ? Какія слѣдствія оставятъ они въ Азіи и въ Европѣ?

Вотъ вопросы жизни человѣчества, разрѣшаемые Исторіею.

Мирно и дружелюбно мѣнялись въ началѣ своими пріобрѣтеніями человѣкъ Азійскій и человѣкъ Европейскій. Эллинъ учился у Халдея и Египтянина; Финикіецъ отдавалъ свои ткани за янтарь Балтики и олово Албіона; Спартанецъ помогалъ оружіемъ Персу; берега Азіи усѣялись цвѣтущими селеніями Грековъ. Но Эллинъ явился въ Египтѣ и Персіи съ мечемъ въ рукѣ, и Ксенофонты, Аристиды, Ѳемистоклы показали Азіи преимущество Европейскаго *искуства* надъ Азійскою *силою*. Явился посланникъ судебъ, перенесъ Европу въ Азію, покорилъ ей Египетъ и Персію, поставилъ алтари боговъ ея на предѣлахъ Индіи. Какъ будто ужасаясь своей удачи и смѣлости, онъ спѣшитъ укрыться въ могилу. Мноомъ казался онъ Азіи, и подвигнутая въ основаніи, сила Азійская всколебалась могущею грозою. Въ отпоръ ей готова была Европа, и всѣ усилія Кароагена, Пароіи, Арменіи, Пальмиры уничтожились передъ могущимъ Римомъ. Цари Азіи влеклись ра-

бами въ Капитолій; золото и драгоцѣнности Азіи, боги Египта, искуство Эллады принесены были въ дань городу-міру. Тогда настало время совершиться великому завѣту судебъ: *Богочеловѣкъ* изрекъ въ Азіи слово спасенія. Храмъ древняго Януса затворился навѣки. Настало время новой борьбы; событія готовились въ будущемъ, и когда человѣкъ считалъ исторію свою уже оконченною, до окончанія одного только перваго періода ея оставалось ему еще *пять вѣковъ*.

Не уступила Азія: ея побѣдою, побѣдою исполинской силы ея заключилась исторія Рима и древняго міра. Римское оружіе проникло въ лѣса Тевтоновъ и изъ нихъ двинулись сыны свободы на Римъ, порабощенный деспотизмомъ, упавшій духомъ. Движеніе ихъ повлекло за собою орды другихъ варваровъ. И безъ того тѣсно становилось имъ въ мѣстѣ перехода ихъ, древней Скиѳіи. Едва успѣвала исторія отмѣчать ихъ имена, по мѣрѣ того, какъ волны ихъ приливали на западъ Европы. Перевороты въ степяхъ Монгольскихъ и движенія въ племенахъ Турецкихъ отозвались отъ юрты Сибирскаго Тунгуса до чертоговъ Рима: и нестало *древняго міра Европейскаго;* онъ былъ стертъ съ лица земли, заваленъ обломками; забыта была его религія; новый міръ явился на его мѣстѣ! Но Западъ не уступилъ правъ своихъ Азіи, какъ не уступитъ правъ своихъ духъ вещественности и жизнь могилѣ.

Сущность событій древней исторіи можно означить: въ религіи освобожденіемъ духа и познаніемъ истины откровенія, чего столь суетно силилась достигнуть мудрость Эллинская; въ философіи полнотою свободы мысленія; въ политикѣ борьбою республики съ единовластіемъ; въ искуствѣ явленіемъ высшихъ идеаловъ вещественной красоты.

Но настоящее всегда начало будущаго. Когда стихли волны возмутившихся народовъ, внутренняя борьба силъ Европы и Азіи уже волновалась новою жизнію.

Снова мирно и дружелюбно началась мѣна идей, опытовъ и труда между Азіею и Европою. Но область исто-

ріи раздвинулась уже на лѣса Тевтоновъ и на поселенія Славянъ. Христіанство проникло въ сердца и души пришельцовъ варваровъ, исполняя ихъ новыми, дотолѣ невѣдомыми ощущеніями. Царства ихъ возникли на мѣстахъ древнихъ царствъ. Сподвижники побѣдителей древняго міра потребовали себѣ доли въ добычѣ, какъ прежде требовала ея отъ деспотизма республика; въ городскихъ общинахъ укрылся Европейскій горожанинъ отъ меча свирѣпыхъ феодаловъ; грозная власть новаго деспотизма увидѣла надъ собою духовнаго владыку въ лицѣ Римскаго первосвященника; страданіе и слабость нашли себѣ убѣжище въ нѣдрахъ Церкви. Явились изъ развалинъ древняго міра *законъ* и *искуство*, плѣнившіе варваровъ. Христіанство освѣтило земли Тевтоновъ и Славянъ, образовало государства въ древней Галліи, Германіи и Славяніи, и поставило ими преграду послѣднему движенію Азіи, хлынувшему въ ордахъ Монголовъ, какъ прежде мечемъ отразила Европа звѣровиднаго Гунна и набѣгъ витязя Аравійскаго, глубоко вторгавшихся въ Европу на западѣ.

Отодвинутая сама въ себя, Азія создала свою послѣднюю религію въ Исламизмѣ, поставила свое послѣднее укрѣпленіе въ изувѣрствѣ послѣдователей Мугаммеда. Западъ и югъ ея опять сосредоточили въ себѣ жизнь и силу, грозя остатку древней Европы, Греціи; они поработили себѣ священный градъ, гдѣ совершился обѣтъ человѣческаго спасенія, гдѣ началась новая жизнь міра. И опять настало время Европѣ двинуться въ Азію, Европѣ, оканчивавшей внутреннюю борьбу стихій общественныхъ, деспотизма, феодализма, гражданства, власти свѣтской и духовной, Европѣ, раздѣленной на царства, подчиненной закону, постигшей прелесть искуства и поэзіи, замѣнившей языческій храмъ Готическою церковью, Римскій дворецъ феодальнымъ замкомъ, древнюю республику новымъ общественнымъ устройствомъ, и какъ нѣкогда силы ея сосредоточивались въ Римѣ, сосредочившей силы свои во власти

намѣстника Римской церкви. По слову его: *Такова воля Бога!* подвиглись на борьбу съ Азіею народы Европы.

Долго длилась сія борьба и произвела совершенно неожиданное слѣдствіе. Спасительная идея единовластія, охраняемаго закономъ и правами, при уничтоженіи своевольнаго феодализма, принесена была Европою съ Востока; и если Азія опять побѣдила Западъ, разрушила Грецію, вдвинулась въ Европу, за то она передала Европѣ начала новой Египетской философіи, остатки древняго искуства, спасенные Византіею отъ сабли Музульманина. Побѣдою Азіи заключилась исторія Среднихъ вѣковъ, какъ прежде заключалась ею древняя исторія. Но велика была разница древняго и средняго періода. Не гибелью Запада, но укрѣпленіемъ его кончился новый періодъ. Толпы Азійскія остановились передъ Европою и не могли разрушить ея общественнаго устройства. Не смерть, но начала жизни передалъ Востокъ Западу; не побѣдителемъ сталъ онъ на обломкахъ восточной Европы, но, утомленный, палъ на сіи развалины, надолго почивши сномъ, отъ котораго возбудить его суждено было Западу. Отъ Монгольскихъ и Турецкихъ племенъ уцѣлѣли только бѣдныя царства; власть Оттомановъ потому только страшила Европу что ей надобно было опять сознать силы и совершить новый періодъ развитія. Но, повторимъ, періодъ средній заключился однакожь снова побѣдою Азіи надъ Европою, побѣдою вещественности надъ духомъ, силы надъ разумомъ, схоластики, искавшей мира между вѣрою и умомъ, надъ философіею. Въ искуствѣ воцарилась идея громадности Азіятской съ утратою изящества. Въ политикѣ законъ и охранитель его, власть гражданская, уступили мѣсто недоступной ѳеократіи запада. Мракъ изувѣрства и суевѣрія отяготѣлъ надъ Западомъ, устрашеннымъ силою Оттомановъ. Гдѣ тогда скрывались начала будущаго возрожденія Европы? Гдѣ былъ представитель ихъ, подобный Тевтону, вышедшему въ міръ древній изъ лѣсовъ Германіи?

***

Всюду и во всемъ таились они, а представителемъ ихъ былъ участокъ Тевтоновъ, нѣкогда, древле, въ междоусобіяхъ Цельта и Германца, отброшенный на полуостровъ Скандинавскій. Тамъ долго укрывались отъ Европы *сѣверные люди* (Нордманны). Когда утихло волненіе народовъ, выступили они въ легкихъ ладьяхъ своихъ, явились въ Италіи, въ Иберіи, основали свои царства въ Галліи, въ Британіи, на берегахъ Пароенопейскихъ, прошли сквозь Славянскіе лѣса въ Грецію, образовали новыя царства между Европою и Азіею, когда остатки ихъ соединялись въ отчизнѣ своей въ желѣзное государство Шведское, составили самобытное государство на Датскомъ полуостровѣ, дѣлили на мѣлкія владѣнія Норвегію, заселяли Исландію и задолго до Колумба узнали Америку. Міръ опять ждалъ тогда конца своего. И не разрушеніе его, но начало новыхъ великихъ событій готовилось ему, а мѣстомъ ихъ долженствовалъ быть уже цѣлый міръ, и окончаніе ихъ можетъ быть нами только угадано, по тѣмъ посылкамъ, какія передали намъ исторія Древняя и исторія Средняя.

Представитель закона въ лицѣ Императора Римскаго, представитель ѳеократіи въ лицѣ первосвященника Ватиканскаго, остатки феодализма въ лицѣ вассаловъ Имперіи и Церкви, остатки городскихъ общинъ въ республикахъ и вольныхъ городахъ; окрестъ и среди нихъ троны Франціи, Испаніи, Португаліи, Англіи, Шотландіи, Бургундіи, Даніи, Швеціи, государствъ, уже опредѣлившихъ свой народный характеръ; Оттоманъ на юго-западѣ Европы — представитель Востока и Исламизма; сѣверо-востокъ Европы, заслоненный отъ Азіи Венгріею, Польшею и Московіею; духъ испытанія, готовый сразиться съ удручавшею его схоластикою; монархія, готовая бороться съ ѳеократіею; духъ «буренъ и неукротимъ,» вызывавшій Западъ на поприще науки и искуства, представлявшій ему *златыя царства* за Океаномъ: таковы были стихіи, такова была историческая мѣстность Европейскаго человѣка, когда началъ

онъ *новую исторію,* на листахъ коей суждено было ему вписать лѣтописи цѣлаго міра за нѣсколько столѣтій, и *послѣднія* страницы коихъ еще не перевернулись передъ нами. Никогда прежде событія не были столь велики, никогда прежде мѣсто дѣйствія ихъ не было столь обширно. Но законъ тождества въ разнообразіи и здѣсь былъ неизмѣненъ.

Надобно было Европейскому человѣку еще разъ сознать свои силы, и тогда только снова устремиться на борьбу. Слѣдствіемъ сознанія долженствовало быть равновѣсіе внутреннихъ силъ и дѣятелей Европы; слѣдствіе устремленія должно было опять отразиться на Востокъ.

Дѣятельная работа всѣхъ способностей человѣческихъ означила начало новой исторіи. Все о чемъ мечтали Древніе и Средніе вѣка, все что заключалось въ идеяхъ самыхъ смѣлыхъ прежнихъ мыслителей, перешло въ жизнь и существенность. Народы стремятся соединиться въ законное монархическое единство. Съ феодализмомъ, республикою и общиною падаетъ частная независимость общественной жизни Европейскаго человѣка. Стѣсненная въ политикѣ, воля Европейца устремляется въ область науки и искуства; онъ изучаетъ искуство древнихъ, возсоздаетъ новое искуство великими памятниками; книгопечатаніе, пушка, порохъ, компасъ ведутъ къ свободѣ ума, побѣдѣ воинскимъ искуствомъ, распространенію мореплаванія. Рафаэль творитъ живопись. Коперникъ познаетъ теченіе свѣтилъ небесныхъ. Португальцы плывутъ около Африки и разрушаютъ древній торговый путь Азіятскій. Колумбъ открываетъ Новый Свѣтъ. Еще неприкосновенна ѳеократія Рима, хотя власть гражданская потрясала уже ея политическое владычество и въ кострѣ Гусса не сгорѣли замыслы противъ ея духовнаго преобладанія. Настаетъ время и ея паденія. И когда двѣ монархическія силы Европы, Императоръ и Король Франціи, уже самобытные и могущіе, сразились между собою за преобладаніе властью, изъ земли Тевтона раздался кличъ свободы духа, какъ

раздавался оттуда нѣкогда кличъ свободы политической. Монархизмъ видѣлъ усиленіе власти своей въ униженіи Папы. Реформація, съ ея ѳеологическими спорами, тридцати-лѣтнею войною, возстановленіемъ Нидерландовъ, началомъ Пруссіи, измѣненіемъ порядка дѣлъ въ Англіи, явленіемъ Швеціи на поприщѣ Европейской политики, укрѣпленіемъ Швейцаріи, паденіемъ Папской власти, уничтоженіемъ нѣсколькихъ неумѣстныхъ дѣленій Европы (Шотландіи, Венгріи, Бургундіи, Богеміи, небольшихъ Италіянскихъ и Славянскихъ государствъ), переходомъ отъ политическаго волненія Европы къ сохраненію независимости государствъ системою мнимаго *равновѣсія*, ознаменовала время, протекшее отъ вторженія Оттомановъ въ Европу до Вестфальскаго мира (1648 г.), при безмѣрномъ раздвиженіи Европы внѣ ея предѣловъ, въ Азію, Африку, Америку, куда стремятся Европейцы Океанійскимъ моремъ, лѣсами Сибири, даже черезъ льды сѣверныхъ морей. Независимость Италіи, сила Испаніи, ѳеократія Папы, самовластіе Австріи исчезаютъ въ кровавой борьбѣ. Настаетъ вѣкъ Людовика XIV-го; полъ-столѣтія идетъ еще борьба Европы съ его превозмогающимъ геніемъ; окончаніе сей борьбы знаменуется новою, необходимою для равновѣсія Германіи силою, Пруссіею, соперницею Императора, которому уступалъ гордый Людовикъ XIV-й. Летятъ годы, и казалось, наступаетъ наконецъ тишина и миръ Европейскаго человѣка, когда Фридрихъ, Аннибалъ XVIII вѣка, нисходитъ въ могилу. Нѣтъ! здѣсь было опять только начало новаго перехода исторіи.

И какой переходъ! Является уже не призракъ всесвѣтной власти надъ міромъ, но мысль о дѣйствительномъ надъ нимъ обладаніи. Въ Азіи Европейцу нѣтъ уже препоны: Китайская стѣна не заслоняетъ отъ него древняго Китая; море, отдѣляющее новый свѣтъ отъ стараго, какъ будто высохло подъ колесами Европейскаго парохода. Едва тѣнь царства самобытнаго остается въ Европейскомъ представителѣ Азіи, Оттоманѣ. Духъ испытанія не сражает-

ся уже съ охократіею Рима, но въ какомъ-то изступленіи, гордый успѣхами и удачами, возстаетъ на святыя права власти, при неисчислимомъ разнообразіи мнѣній, опытовъ и трудовъ новаго человѣка въ философіи, политикѣ и искуствѣ. Не кончина ли міра, дѣйствительно, грозитъ человѣку? Не періодъ ли варварства среднихъ вѣковъ наступаетъ въ Европѣ? Гдѣ здѣсь борьба Европы съ Азіею, всегда оживляющая Западъ? Гдѣ устремленіе Запада на Востокъ? Гдѣ Востокъ, долженствующій сразиться съ Западомъ? Откуда возникнутъ начала, оживляющія Западъ новою жизнью?

Обозрѣваемъ Западъ и находимъ его истощеннымъ внутреннею борьбою и исполинскими событіями въ теченіе послѣдняго полустолѣтія (1789-1840 г.). Азіятскаго Востока нѣтъ въ мірѣ. Дикаго устремленія варваровъ съ Востока не будетъ болѣе. Западъ идетъ къ Востоку, обращая къ нему свои молитвенныя слова: «Отдайте мнѣ мою Религію! возвратите мнѣ мой Законъ! Скажите, гдѣ остановиться моему духу испытанія и чѣмъ должно быть мое Искуство?»

Видимъ окончательное доказательство вѣрности идеи, какія предположили мы, представляя исторію человѣка, государства и человѣчества борьбою Востока съ Западомъ, Европы съ Азіею, говоря, что каждый переходъ сей борьбы сопровождается новымъ собраніемъ силъ въ Азіи и Европѣ, каждый бросаетъ сѣмяна будущаго въ отдѣльномъ живительномъ началѣ, и большее совершенствованіе, большее прежняго раздвиженіе силъ человѣка является въ каждомъ переходѣ, подобно цѣпи, выше и выше возводящей человѣка къ небу и творцу его. Все вполнѣ оправдывается намъ новою исторіею.

Паденіе царства Европейскихъ Оттомановъ; царство Португальца, Нидерландца и Британца въ Индіи; судьба Востока, разрѣшаемая Европою; громы Англіи близъ стѣнъ Пекина — что всѣ сіи событія, если не движеніе Запада на Востокъ? И древняя и средняя исторіи сравнятся ли

обширностью дѣйствій и мѣста ихъ съ новою? Кажется, годъ замѣняетъ здѣсь столѣтіе: мгновенно падаютъ и воздвигаются престолы; мгновенно измѣняютъ народы свои коренныя мнѣнія, забываютъ свои вѣковые опыты. Благоговѣйте предъ уроками провидѣнія: просвѣщенное государство стремится въ состояніе грубаго варварства, мѣняетъ законную власть монарха на скипетръ деспота, возстаетъ грозою военныхъ нашествій; передъ нимъ уничтожается древняя Германская Имперія, ему покорны Испанія, Италія, Нидерланды, и черезъ *десять лѣтъ* гдѣ та сила, предъ коею все преклонялось? Побѣдитель покоренъ волѣ народовъ, давно ли побѣжденныхъ имъ! Но въ бурѣ протекшихъ событій исчезаетъ между тѣмъ Польша, возстаетъ Греція, пробуждается Испанія, образуются новыя самобытныя царства въ Европѣ и въ Новомъ Свѣтѣ. Развѣ *великая сѣверная война 1812 года* не была движеніемъ Запада на Востокъ? Очередь Востоку двинуться на Западъ. Когда наступитъ сему великому событію? Въ какихъ образахъ совершится оно? Гдѣ живительное начало, предназначенное одушевить Западъ новою жизнію?

Развѣ не видите, что уже Востокъ *подвигся?* Потому незамѣтно намъ его движеніе, почему плывя въ кораблѣ, мы воображаемъ себя неподвижными, а берега бѣгущими. Намъ кажется, что берега рѣки временъ бѣгутъ передъ нами въ событіяхъ, когда мы сами двигаемся по ней впередъ. Живительное начало уже явилось, но не въ толпѣ Тевтоновъ, не въ набѣгахъ Норманновъ, не въ Восточныхъ формахъ, но въ видѣ великаго народа, соединившаго въ себѣ Востокъ и Западъ, Азію и Европу, народа съ вѣрою не искаженною мудрованіемъ, съ уроками мудрости, почерпнутыми изъ опыта прешедшихъ вѣковъ, съ политикою, во главу коей, краеугольнымъ камнемъ, положенъ законъ, съ искуствомъ, которое дружитъ идеи Востока и Запада, народа потомка тяжелыхъ Славянъ и отважныхъ Норманновъ, роднаго Европѣ, роднаго и Азіи. Десять вѣковъ готовилось провидѣніемъ сіе начало новой жизни въ исторіи

великаго народа, отдѣльной по видимому, но въ сущности синхронистической исторіи Европейской. Сей народъ — *Русскій народъ;* сіе начало живительное — *Россія.*

Не ошибаемся мы, не увлекаемся народнымъ честолюбіемъ, не мечтаемъ: исторія привела насъ къ выводу окончательному и вѣрному. Мы не мечтаемъ. Безпристрастно разсматривали мы исторію человѣчества; обратимся къ повѣркѣ разсмотрѣннаго исторіею нашего отечества, найдемъ мѣсто Русской исторіи въ лѣтописяхъ Европы и Азіи.

Между Карпатскими и Уральскими горами, Кавказомъ, Чернымъ моремъ, Каспійскимъ моремъ и сѣвернымъ Океаномъ пролегла въ Европѣ обширная площадь земель, едва взволнованная горами, заключающая въ себѣ всѣ климаты, отъ холоднаго до жаркаго. Ни чѣмъ не отличена сія обширная полоса земли, кромѣ рѣкъ, громадно ее разсѣкающихъ. Она не Азія: она предѣлъ Европы съ Востокомъ, издревле мѣсто перехода народовъ, шедшихъ изъ Азіи въ Европу. Отъ сѣверо-запада примкнулъ къ ней Скандинавскій полуостровъ; верхній край ея заселенъ остатками Европейскихъ автохтоновъ; въ южныхъ предѣлахъ ея процвѣтали нѣкогда Греческія колоніи по прибрежью Эвксинскаго моря; къ западу ея сдвинулся запасъ земледѣльческихъ Славянскихъ народовъ. Море заливало нѣкогда сію безконечную долину; кости допотопныхъ животныхъ и остатки морскихъ раковинъ находятся въ глубинѣ земли по самой срединѣ ея; на югѣ ея видны неоземленѣвшія еще горы морскихъ коралловъ.

Сюда, гдѣ издревле толпились народы, гдѣ проходили Гунны, Авары, Булгары, Мадьяры, ушла часть Славянъ, когда царства Славянскія начали устанавливатся въ Европѣ; они заселили берега древняго Борисоена, двинулись къ берегамъ Балтики, заняли лѣса древней Скиѳіи.

Нордманны, пришельцы изъ Скандинавскаго сѣвера, сошлись въ землѣ Борисоенитовъ съ ея Литовскими и Сла-

вянскими обитателями, жившими въ области обильной лѣсами, мѣхами и хлѣбомъ, осѣдлой и мирной. Славяне покорились имъ. Имя *Руси* замѣнило всѣ другія имена Борисоенскихъ переселенцовъ. Феодальная система Норманновъ не могла здѣсь явиться: не конунги съ вассалами завоевали Славянъ, но малая дружина воинственныхъ удальцовъ, которыхъ покоренные назвали *князьями.*

Въ деревянныхъ городкахъ по Днѣпру засѣли *Русскіе Князья,* раздѣляя участки покоренныхъ племенъ своимъ *добрымъ* и *смышленымъ* дружинамъ. Днѣпръ вывелъ ладьи ихъ въ Черное море и Грецію, гдѣ товарищи ихъ уже составляли стражу Императоровъ Царяградскихъ. Морской разбой, привычное занятіе Норманна, огласилъ имя Руссовъ у стѣнъ Царяграда. Неудача его повела Руссовъ къ воинскимъ дѣйствіямъ на сухомъ пути, особливо, когда осѣдлость среди Славянъ, языкъ, общественность, религію коихъ приняли они, преобразила ихъ буйные нравы. Берега Дуная сдѣлались мѣстами завоеваній Русскихъ. Руссы перешли Днѣпръ, воюя народы, жившіе отъ нихъ на востокъ. Греки увидѣли въ нихъ защиту отъ Хазарскихъ, Печенѣжскихъ и Булгарскихъ варваровъ, откупая себѣ ихъ помощь. Христіанская вѣра смягчила души Руссовъ; они добровольно приняли ее отъ Грековъ, благоговѣйно вняли ея святымъ истинамъ и съ нею узнали «единодержавіе *благовластное.*» Несчастное правило семейнаго раздѣла владѣній разрушило прекрасное начало. Право старѣйшинства въ родѣ, соединенное съ правомъ владѣнія столицею *Великаго Князя,* и право старшинства между родами княжескими, обагрили, залили кровью берега Днѣпра. Но они послужили спасеніемъ въ грядущемъ, разрознивъ части Русской земли, самобытно разбросавъ сіи части по берегамъ Десны, Клязьмы, Оки, Волги, Дона, устроивъ на сѣверѣ Новгородскую и Псковскую общины, какъ средство торговаго сношенія съ Европою, сдвинувъ въ княжество Русскую землю въ Галичѣ и на Волыни, и тѣмъ сближая ее съ отдѣлявшимъ отъ Россіи Европу Польскимъ царствомъ,

покорившимъ себѣ Литовскія лѣса. Европа едва слышала имя Россіи, когда совершались сіи первоначальныя событія Русской исторіи.

Явились послѣдніе варвары Азійскіе, *Монголы*. По степямъ, гдѣ нѣкогда кочевали Хазары, Печенѣги, Половцы, пришли они къ святому граду Русскому *Кіеву*, обратились отсюда къ сѣверу, къ западу, покатили головнею Русскую землю, и по волѣ провидѣнія изумительно поворотили обратно за Волгу. Переходъ черезъ степи и лѣса до западной Европы утомилъ ихъ; они засѣли на берегахъ приволжскихъ, оставляя бѣднымъ Руссамъ, въ дикихъ лѣсахъ ихъ, жизнь за рабство. Руссы покорились; видѣли Кіевъ въ рукахъ Польши; родныя области во власти Литвы; Тевтонскихъ рыцарей, втѣснившихся на Балтійскія прибрежья; честь князей и жизнь народа въ волѣ Монгола. Имъ оставались только *родной языкъ* и *православная вѣра*. Страданія ихъ казались безконечны: ими искупала Русская земля Европу — а Европа не знала Россіи!

Чуждая западу Европы, самобытно началась тогда новая Россія среди снѣговъ и лѣсовъ, въ бѣдномъ городкѣ на берегахъ Москвы рѣки, подъ игомъ Монголовъ, съ вѣрою въ единодержавіе, единственное средство прочнаго бытія государственнаго, очищенное отъ ложной мысли семейныхъ удѣловъ, укрѣпляемое бѣдствіемъ, составляя сборище, уже *не Славянъ* и *Варяговъ*, а *однородно-Русское*. Черезъ сто лѣтъ, *Московское государство Руссовъ* обнимало уже обширную область сѣверную; съ мечемъ въ рукѣ стало оно на поле битвы съ Монголами, погибавшими въ междоусобіяхъ; сразилось съ Литвою — угрожало Польшѣ.

Рядъ властителей, чудно являемыхъ провидѣніемъ на дѣло его, видимъ въ Москвѣ послѣ ея основателя, князя *Даніила*: честолюбивый *Георгій*, хитрый *Іоаннъ* I-й, гордый *Симеонъ*, пылкій *Димитрій*, медленный *Василій* I-й, другой *Василій*, *темный* очами, но прозорливый умомъ — таковы были властители Москвы, и рядъ ихъ заключается великимъ явленіемъ *Іоанна* III-го, въ то время, когда Евро-

па начинаетъ свою новую исторію. Царьградъ падаетъ предъ Оттоманами — Европа слышитъ о Россіи. Но она еще не знаетъ ея, не знаетъ земли, укрѣпленной страданіями, закаленной въ снѣгахъ Русскихъ, побѣдившей Монголовъ, грозной Литвѣ и Польшѣ. Руссы являются въ Европѣ; Европейцы идутъ въ Руссію: они чужды другъ другу; вѣра, языкъ, нравы, обычаи раздѣляютъ ихъ. Европа думаетъ, что *Московія* принадлежитъ Востоку — Европа не знаетъ Россіи.

И еще два столѣтія протекаютъ въ отдѣльномъ отъ Европы, самобытномъ политическомъ существованіи Россіи. Она созидаетъ свое государственное бытіе, раздвигается за Уральскій хребетъ, сражается съ Литвою, Польшею, Ливонскими рыцарями, Швеціею, Крымскимъ остаткомъ Татаръ, Оттоманами, и все еще чужда Европѣ, когда уже близится, наступаетъ роковой XVIII-й вѣкъ. Или Россіи, дѣйствительно, суждена не *Европейская судьба* и *Азія* отчизна ея? Для чего же составилось въ Европѣ столь громадное, самостоятельное, самобытное явленіе? Не предупреждайте времени: оно не наступало еще для Русской земли.

Тогда наступитъ оно, когда Европа, утвердивъ свою монархическую іерархію, разрушивъ власть ѳеократіи, распространясь во всѣ предѣлы міра, въ изумленіи остановится передъ сосѣдомъ, столь близкимъ и столь чуждымъ ей, и спроситъ его: «Развѣ твое мѣсто *здѣсь?* Ты *Востокъ* — ты *Азія!*» — «Здѣсь,» скажетъ ему тогда Русская земля. «Россія не Азія; Востокъ моя родина: Нордманнъ прародитель мой, Греція дала мнѣ вѣру. Я спасла тебя отъ Монгола, и моя самобытность, мое родство равно причастны Азіи и тебѣ. И когда твоя философія разрушитъ вѣру твою, когда мечта о несбыточныхъ утопіяхъ политическихъ подроетъ престолы твоихъ властителей, когда твое искуство потеряетъ цѣль свою, твоя поэзія будетъ воплемъ отчаянія, и только грубый военный деспотизмъ, или отвратительная политика корысти и мѣлкаго эгоизма

будутъ единственными твоими владыками, во мнѣ найдешь ты своё спасеніе, свое будущее!»

Что, еслибы дѣйствительно такъ отвѣчалъ *Рускій* западному *Европейцу* въ концѣ XVII-го вѣка? Онъ изумилъ бы его. И могъ ли Европеецъ тогда повѣрить ему, смотря на *тогдашнюю* Россію?

Родная Европѣ по мѣсту и происхожденію, была ли Россія современна ей исторически? Заключали ли она въ себѣ достаточно силъ на подвигъ, ей предназначаемый? Страдала ли она одними съ Европою скорбями? Дѣлала ли равныя съ нею успѣхи и пріобрѣтенія? *Что* была тогда Русская земля?

Пусть Славяне были издревле жителями Россіи, пусть пришли они съ береговъ Дуная въ позднѣйшее время: что намъ до Славянъ, истлѣвшаго, гнилаго жолудя, послужившаго зародышемъ исполинскому древу? Не Славянское, а *Русское царство*, не древняя, а *наша Россія* началась въ Москвѣ: тамъ началась она, гдѣ могилы Іоанна Калиты, Іоанна III-го, мощи митрополитовъ Петра и Алексія, обитель Сергія, Кремль Московскій, гдѣ была проявлена первая мысль единодержавія, гдѣ *Царь* заступилъ мѣсто *Князя — великаго* по имени, раба Монголовъ, Литвы и внутренней крамолы на дѣлѣ, гдѣ плотно скрѣпляемая Русь Іоанна Калиты состояла въ началѣ изъ *восьми* только бѣдныхъ городковъ, а Русь Іоанна III-го обнимала предѣлами области отъ Балтики до Кіева, отъ Смоленска до Волги и Уральскихъ горъ. Она нашла ихъ, не занятыя разсѣянными только въ дремучихъ лѣсахъ городками, возобладала въ нихъ не дикарями безвластными — нѣтъ: она взяла области, уже сознавшія общественную жизнь, жадно стремившіяся къ Москвѣ, какъ точкѣ опоры Руси и православія; съ нихъ надобно было только *смести соръ чужевластія* (какъ говорили наши предки).

Черезъ два столѣтія послѣ Іоанна III-го, въ царствованіе Алексія и Ѳеодора, Русь была уже громадною: ее составляло пространство земель отъ Днѣпра до Чукотска-

го мыса, отъ Черноморскихъ степей до Бѣлаго моря, отъ рѣки Амура до Ледовитаго моря. Сотни тысячь воиновъ Русскихъ выходили въ поле ратовать; благоговѣйно стояли окрестъ престола царскаго сановники; нѣсколько милліоновъ подданныхъ Царя Московскаго сливались въ одной вѣрѣ, въ одномъ языкѣ.

Но не пространство земель и не сила вещественная составляютъ истинное могущество царствъ. Велики были политическія созданія Чингисовъ и Тамерлановъ, но разлетались, какъ мечта, въ немногіе годы. Развитіе общественное, полная жизнь религіозная, политическая, философическая и изящная укрѣпляютъ государство.

Высшее развитіе общественное можетъ быть только Европейское, начатое въ Элладѣ, продолженное въ Римѣ, обнявшее собою среднюю исторію Европы, составившее новую исторію человѣка. Каждый переходъ даетъ ему новое измѣненіе и совершенствуетъ его, но сущность и явленія его всегда одинаковы, всегда одни и тѣ же.

Таково ли было общественное развитіе Россіи въ 1689-мъ году? Нѣтъ! — Была ли тогда Россія Европою? Нѣтъ! — Стремясь двинуться въ Европу, обладала ли она потребными на то силами и средствами? Еще разъ *нѣтъ!*

Россія жила жизнью, отдѣльною, самостоятельною, самобытною. Но существуя сею жизнію, она была окружена чуждымъ ей бытіемъ другихъ народовъ. Государству мало только одной своей жизни, какъ человѣку въ обществѣ мало только одного своего бытія, ибо онъ живетъ въ необходимыхъ отношеніяхъ къ другимъ членамъ общества: не только *человѣкъ*, онъ *гражданинъ* въ обществѣ другихъ, и ему необходимо подчиняться условіямъ общей жизни товарищей бытія его. Тотъ, кому данъ участокъ общаго неравный съ другими, уступитъ другимъ. Всякая особенность бытія, насильственное движеніе, несвоевременность, запоздалость равно бываютъ причиною гибели народовъ и упадка ихъ, если нѣтъ на то общихъ причинъ. Швеція, гремѣвшая при Густавѣ Адольфѣ; Польша, спасшая Вѣну при

Собіескомъ; Нидерланды, республика купцовъ, при окружавшей ее илеѣ монархизма; Турція, представитель Востока въ Европѣ; Стюарты, изгоняемые изъ Англіи; потомки Вазы, оставляющіе Швецію; Наполеонъ и дикій военный деспотизмъ его въ XIX-мъ вѣкѣ — доказательства неопровержимыя. Идти впередъ и совершенствоваться — назначеніе и человѣка и царства. Горе медлителю!

До конца XVII вѣка Россія совершила все возможное развитіе вещественности, но его только и совершила она, и событія XVII-го вѣка показали мѣру полнаго бытія Россіи на сей степени. Они пояснили и опасность, какой подвергается Россія, если не устремится далѣе. «Будьте совершенны!» говорилъ Богочеловѣкъ. «Духа не угашайте!» присовокуплялъ богодохновенный апостолъ его.

То, что спасло Россію въ бурѣ междоусобій и подъ игомъ Монголовъ, что положило основу ея вещественному величію — однородность, православіе и единодержавіе, составляя основныя стихіи Россіи, сохранялись въ ней глубоко, вросли въ почву ея и могущественно крѣпили ее. Не было различія языка, подобнаго тому, какое видимъ въ Лангедокѣ и Бретани, Валлисѣ и Шотландіи, Германіи и Мадьяріи, соединенныхъ въ государства; не было Католика и Реформата на раздоръ Церкви; не было гордаго аристократа и буйнаго демократа на споръ противъ власти царя.

Но *что* было кромѣ того?

Сложенная изъ однородныхъ, но разнообразныхъ стихій земли и народа, Россія не спаялась еще тогда въ единое прочное цѣлое. Москва, составляя мѣсто начала ея государственнаго бытія и пребыванія царей ея, составляла и мѣстную основу Россіи, къ западу до Смоленска, къ востоку до Нижняго Новгорода, къ югу до предѣловъ Малороссіи, къ сѣверу до Новгорода и Пскова: всюду здѣсь было продолженіе Москвы, но далѣе оно слабѣло и исчезало. Пустыни Архангельска и Пустозерска, на-

полненное буйными полудикарями приволжье, отдаленная Астрахань, придонье и Уралъ, заселенные буйными казаками, Малороссія, готовая возстать по голосу Дорошенковъ и Брюховецкихъ, стѣсняемая въ своихъ неумѣстныхъ и несвоевременныхъ, но драгоцѣнныхъ ей требованіяхъ казачества, не привыкшая къ *воеводству Русскому*, переводимая необходимостью на лѣвый берегъ Днѣпра, возмущавшая области Черниговскія и Стародубскія, *Кіевъ*, мѣстопребываніе митрополита Малороссійскаго, схоластики и обычаевъ не Русскихъ, послѣ двухъ сотъ-лѣтняго обладанія Польши и Латини, не представляли собою прочныхъ областей царства. Городки разбросаны были между Волгою и Дономъ, и какъ по Бѣлогородской чертѣ наблюдала воинская стража набѣги Татаръ Крымскихъ, такъ воинскія дружины хранили здѣсь спокойствіе внутреннее, когда какой нибудь Мазепа затаивалъ въ душѣ своей измѣну и бунтъ, Запорожская Сѣча не признавала надъ собою ни чьей власти, Донскіе Черкесы требовали подарковъ царскихъ за вѣрность, а послѣ бунта Разина лежали въ пеплѣ города и селенія. Сибирь, далѣе Казани, была Русскою Канадою. Съ пищалью за плечами двигался по ней казакъ, стрѣляя звѣря, грабя туземнаго дикаря, ненавидимый имъ, строя *зимовье*, пріютъ на зиму, призывая на промыселъ разгульную вольницу, платя только ясакъ царю и взнося поминки воеводѣ. Кромѣ добычи звѣрей, ничего не извлекала Русь изъ *золотаго дна* Сибирскаго. Не имѣя ни связей, ни торговли съ Азіею, куда Португальцы и Голландцы старались достигнуть черезъ пучины морей, Россія не знала драгоцѣнностей, сокрытыхъ въ землѣ Сибирской.

Такова была *мѣстность* Россіи. Сообразите, что ее окружало. Съ сѣверо-запада прилегали къ ней области Шведскія, еще столь недавно бывшія Русскими, отнятыя насиліемъ, лишившія Россію торговли съ Балтикою, роднаго Орѣшка, древняго Ивангорода, Ижорской земли. Отъ областей Шведскихъ протягивались къ югу лѣса Бѣлорус-

сіи и пажити Днѣпра, подвластныя Польшѣ также Русское родное достояніе, но тогда враждебныя намъ, не по духу жителей, но по волѣ ихъ повелителей, и въ слѣдствіе политической вражды Польши съ Русью. За ними, на мѣста первоначальныхъ казачьихъ областей, сталъ Оттоманъ, и черезъ степи, недоступныя Руси, изъ Крымскаго гнѣзда разбоя, тысячи Татаръ готовы были пролетѣть до Курска и Серпухова по одному слову Султана, по своенравной прихоти Хана своего, по первому звону Польскаго червонца. Отторгнутая отъ приморьевъ, открытая по всей западной границѣ своей, обезопасенная отъ Турціи только отдаленностью Царяграда, отъ Польши только несчастнымъ образомъ правленія сего государства, отъ Швеціи только тѣмъ, что со времени Тридцатилѣтней войны Швеція увлеклась на западъ, Россія не могла ожидать помощи отъ союзовъ Европейскихъ, чуждая политикѣ Европы. Новые Баторіи могли явиться въ Польшѣ; новые Густавы-Адольфы могли наконецъ подумать о Московіи; новый Солиманъ могъ вспомнить о своихъ единовѣрцахъ, когда со времени самозванцовъ не прошло еще и ста лѣтъ, и когда своеволіе южнаго казачества могло подкрѣпить каждаго врага Россіи.

Достаточны ль были собственныя силы Русскія на отраженіе враговъ внѣшнихъ? Былъ ли окрестъ царскаго престола сонмъ вельможъ, мужей совѣта и полководцовъ? Были ль у царя средства составить сильныя полчища Русскія? Надобно разсмотрѣть внутренній составъ государства, и тогда узнаемъ средства его внѣшней защиты.

Говорятъ: вредъ людей геніяльныхъ состоитъ въ томъ, что они все мѣряютъ на свои силы. Такой упрекъ остается на памяти Іоанна III-го за Азіятскую іерархію двора, имъ учрежденную. Уничтожая удѣлы и вольные города, отнимая области у Литвы, поборая Золотую Орду, онъ звалъ къ себѣ сильныхъ людей отвсюду, давалъ имъ богатства и отличія — требовалъ одного: совершеннаго отреченія отъ правъ самобытныхъ; Іоаннъ III-й былъ главою ихъ — былъ всѣмъ: они были ничто! избираемые и руководимые Іоанномъ, являлись Шенятевы и Холмскіе.

Уже при сынѣ его Василіи видна была опасность тогдашней дворской олигархіи, въ двѣсти лѣтъ потомъ, она пріобрѣла силу непобѣдимую, изобрѣла особенныя права *мѣстъ,* руководила брачными союзами царей Русскихъ, и змією крамолы облегла окрестъ царскаго престола. Воля царя, по видимому, безграничная, подчинялась тайной хитрости дворскихъ партій: другой Іоаннъ могъ управлять ими, но каждый *не Іоаннъ* былъ безсиленъ разрушить ея волшебное обаяніе, и отъ престола царскаго удалены были Сильвестры, Адашевы, Пожарскіе, Палицыны, Матвѣевы, мужи царской думы и воеводы ратные. Власть и начальство были удѣломъ *мѣстъ* и *родовъ*; Россія лишена была олигархіею великихъ стратиговъ и мудрыхъ болярь.

Но самое устройство воинскихъ дружинъ Русскихъ было смѣшанное, медленное на оборону государства: служба *помѣстныхъ*, безотчетный сборъ народа, дружины *стрѣлецкія,* своеволіемъ своимъ подвергавшія государство внутреннимъ бѣдствіямъ, регулярныя Нѣмецкія дружины, слабыя ничтожныя толпы наемныхъ бродягъ — такова была Русская рать. Издревле славясь мужествомъ, готовые умирать за вѣру и Царя, Рускіе уступали въ битвахъ чужеземцамъ, при плохомъ устройствѣ оружія, незнаніи строя, неопытности воеводъ, разнообразіи состава дружинъ. Морскихъ ополченій Рускіе не знали во все — у нихъ не было морей; только крѣпостями старались ограждать себя Рускіе, и въ нихъ *отсиживаться* отъ непріятеля, только многочисленностью давили они слабыхъ противниковъ.

Непрочность союза въ частяхъ государства и слабость внѣшней защиты его могутъ уже показать, что внутреннее скрѣпленіе и самое общественное устройство его долженствовали представлять великіе недостатки, что законъ слабо защищалъ гражданина, составленный изъ смѣшенія древнихъ уставовъ, удѣльныхъ узаконеній, исключеній изъ общаго и смѣшенія властей; что Казна Царская, не управляемая систематически, терпѣла недостатки при обремененіи подвластныхъ, лишенныхъ пособія промышленности и искуства, стѣсненныхъ монополіями.

Душу Рускаго услаждала святаго вѣра, но и сіе небесное услажденіе омрачалось невѣжествомъ, нерѣдко увлекавшимъ въ расколъ, не терпѣвшимъ свѣта науки, лишавшимъ Россію просвѣщенныхъ дѣятелей на поприщѣ гражданскомъ и духовномъ, ибо благочестіе и бодролѣтель не всегда бывали достоинствами всѣхъ, даже по обширности Русской земли, недостатку училищъ и всякихъ пособій знанія. Заведенныя въ Москвѣ школы казались народу *Латинскою* ересью.

Отъ того на нравы Русскіе налегала грубая, тяжелая кора суевѣрія, предразсудковъ, стремленія къ чувственнымъ удовольствіямъ, изувѣрной ненависти ко всему новому и чужеземному. Бѣдствія народа — пожары, голодъ, тлетворныя повѣтрія, были гибельны и часты.

Іоаннамъ III-мъ надлежало возсѣдать на престолѣ Россіи, и она могла продолжить свою государственную самобытность; только ихъ непобѣдимой волѣ можно было приводить въ согласіе разнородныя стихіи, изъ коихъ, въ теченіе послѣднихъ двухъ сотъ лѣтъ, сложилась Россія. Царствованія Василія, Іоанна IV-го, Өеодора І-го, Бориса, Василія Шуйскаго, Михаила, Алексія, Өеодора ІІ-го, были тому доказательствомъ. Вникнемъ въ причины, и мы найдемъ, что онѣ были одинаковы въ буйствѣ олигарховъ во время малолѣтства Іоанна IV-го, въ паденіяхъ Годунова и Шуйскаго, въ явленіи Самозванцовъ, въ замыслахъ Польши при Сигизмундѣ, въ неудачахъ при Михаилѣ, въ потеряхъ и волненіяхъ, какими ознаменовалось царствованіе Алексія, и наконецъ въ кровавомъ смятеніи Стрѣльцовъ послѣ Өеодора ІІ-го.

И такому государству быть живительнымъ началомъ Европы и Запада?

Христіанское, но Азіятское царство, географическою ошибкою поставленное въ Европѣ, громада вещественности, вѣрная добыча разрушенія отъ времени и сосѣдей — ему суждено исчезнуть, какъ исчезла Бургундія, какъ исчезла Польша, ему должно подчиниться другимъ, какъ

подчинились остальныя, основанныя Славянами государства, Моравія, Богемія, Силезія!.. Нѣтъ!..

Нѣтъ! Провидѣніе не ошибается. Исторія Европы и Азіи довела насъ къ сознанію великаго назначенія Россіи; мѣстность указала намъ въ Россіи *посредника* между Востокомъ и Западомъ; громадность, самобытность, отдѣльность Исторіи Русской выводятъ ее изъ ряда всѣхъ другихъ политическихъ явленій Европы и Азіи. Не Римъ Россія, но и не держава Чингиса, не Эллада Александрова, но и не Китай. Кто исчислитъ и покажетъ намъ въ будущемъ всѣ таинственные пути провидѣнія? Но уроки прошедшаго поученіе будущему, еще великіе подвиги остается совершить Россіи: сознать судьбу свою, скрѣпить духомъ свои силы вещественныя, откликнуться на голосъ Европы, стать на ряду съ ея образованіемъ.

Велики сіи подвиги, но Тотъ, Кто посылалъ Россіи Іоанна І-го положить *начало* Русской землѣ, Кто одушевлялъ на брань съ Монголами Димитрія, Кто далъ скипетръ Іоанну ІІІ-му, Кто въ царствованіе внука его являлъ Адашевыхъ и Сильвестровъ, спасалъ православную Русь въ годину Самозванцовъ, Тотъ пошлетъ новыхъ избранниковъ: и проведутъ они Русскій народъ сквозь пучины моря — «духъ его предыдетъ предъ ними», и какъ нѣкогда Израиля, покажетъ его избраннымъ среди народовъ!

Не годы, а столѣтія потребны совершиться судьбамъ столь огромнымъ столь чудеснымъ. *Шесть вѣковъ* потребно было возсоздать Россію въ вещественныхъ образахъ, сколько еще столѣтій потребно одушевить сіи вещественные образы духомъ? А только двадцать лѣтъ остается до явленія Карла XII-го, полъ-столѣтія до явленія Фридриха Великаго — *столѣтіе* до Наполеона....

Что *лѣта* и *столѣтія* передъ волею Провидѣнія! И что скажетъ Европа, если оно ниспошлетъ Россіи мужа судебъ, краткимъ вѣкомъ человѣка восполняющаго вѣка? И если онъ одухотворитъ, пересоздастъ Россію, такъ, что западъ завистливо будетъ сравнивать свое ветхое образованіе съ новымъ образованіемъ Русской земли, оправды-

вающимъ мѣстность, исторію, судьбу Россіи? Избранники всегда являлись, когда время вызывало ихъ на подвигъ. являлись Александры въ Элладѣ, Цезари въ Римѣ, Карлы Великіе па западѣ. Чт·. если въ Россіи суждено явиться мужу свершителю судебъ, безпримѣрному въ лѣтописяхъ міра? Тогда.... тогда оправдается передъ нами великій урокъ Исторіи.

И *онъ* явился въ Россіи — явился *Петръ Великій.* Съ 1689 года, въ *тридцать шесть лѣтъ*, совершилъ онъ свое великое призваніе. Какъ совершилъ онъ его? Лѣтопись дѣлъ его передъ вами — раскройте ее и поучитесь изъ нея. Совершилъ ли онъ его? — Передъ лицомъ запада, передъ лицомъ всего міра, смѣло отвѣчаемъ: *Совершилъ!*

Вспомните слова мудраго проповѣдника: «Всѣ великія царства на земли, различными способами, споспѣшествовали славѣ Бога, какъ самъ Онъ изрекъ о томъ устами пророковъ своихъ Чѣмъ болѣе будете вы изучать великія событія и возводить ихъ къ высшимъ началамъ, тѣмъ болѣе будете изумляться путямъ провидѣнія. Пріучайтесь къ понятіямъ, которыя будутъ потомъ болѣе и болѣе проясняться въ вашемъ умѣ, и вы научитесь узнавать въ человѣческихъ дѣлахъ законы вѣчной премудрости, отъ коей сіи зависятъ. Не всегда возвѣщаетъ Богъ волю свою и судьбы царей и царствъ, имъ возвышаемыхъ, или низлагаемыхъ, устами пророковъ, но великіе примѣры прошедшаго поучаютъ насъ въ настоящемъ. провозглашая царямъ и народамъ двѣ великія истины: Волею Бога дается власть и сила, и каждый властитель и царство его суть орудія, да исполнится божественное предначертаніе судебъ Божіихъ.»

Изложеніе подвиговъ Петра Великаго увидимъ въ его *Исторіи.* Подробности бытія той Россіи, которую принялъ онъ на руки свои, должно показать намъ предварительное *изображеніе Россіи.* Познаніе сихъ подробностей необходимо, ибо безъ того многое будетъ темно и не понятно намъ въ событіяхъ при Петрѣ и даже въ самыхъ дѣлахъ его.

ИСТОРІЯ
ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

КНИГА I.

Совершилось двадцать пять лѣтъ царствованія царя Алексія Михайловича. Еще далекій отъ преклонной старости, но царь съ юношескаго возраста, казалось, онъ былъ утомленъ долговременнымъ владычествомъ. Памятное и славное царствованіе Алексія не оправдало великихъ надеждъ его начала. Совершены были многія войны, возвращены родовыя, пріобрѣтены новыя области, предприняты важныя преобразованія. Но, если война съ Польшею передала Рускимъ Кіевъ и Смоленскъ, она тяжко изнурила государство, кончилась безъ славы и показала все еще грозныя силы Польскаго королевства, не погибшаго отъ усилій Швеціи, Россіи, Турціи и Казаковъ, и только слабость властителей Польши безопасила отъ нея Россію. Ненадежный миръ съ

Г. 1670. Двадцатипятилѣтіе царствованія Алексія Михайловича.

г. 1670. Швеціею, послѣ неудачной войны и уступки родныхъ областей, тревожилъ Руских. И не менѣе смутно было внутреннее бытіе Русской земли. Малороссія, обширный, но малолюдный участокъ земель казацкихъ по берегъ Днѣпра, сблизила Россію съ новымъ, могущимъ непріятелемъ, царствомъ Оттомановъ. Бунтъ Разина, едва только потушенный; раздоры вельможъ и духовенства; судъ и сверженіе патріарха Никона, нѣкогда друга и совѣтника царскаго; расколы и ереси, возбужденные его необдуманною ревностью; уныніе при Дворѣ послѣ смерти Царицы: таковы были темныя тучи, облегавшія престолъ Русскій въ послѣдніе годы царствованія Алексія ([1]). Сонмъ бояръ и царедворцовъ окрестъ престола не представлялъ изъ среды своей ни мужей государственныхъ, ни воеводъ доблестныхъ. Санъ патріарха былъ переданъ старцу слабому и дряхлому. Крамола и мѣстничество волновали умы вельможъ; законъ не исполнялся въ судахъ; безуспѣшныя нововведенія возбуждали только ненависть народа; начало морскихъ силъ было уничтожено буйствомъ Донскихъ казаковъ; остатки регулярныхъ *Нѣмецкихъ* войскъ безпорядочно смѣшивались съ нестройными полчищами *Стрѣльцовъ*, войскомъ осѣдлымъ, своевольнымъ, грознымъ даже самой власти царя. Торговля находилась въ рукахъ немногихъ богачей и сановниковъ, владѣвшихъ исключительными правами; казна царская была истощена, хотя смятенія и ропотъ народный показывали тягость податей и налоговъ, переносимую народомъ ([2]).

Такова была Россія въ 1670 году. Но она казалась великою и могущею. Двуглавый орелъ ея виденъ былъ въ отдаленныхъ предѣлахъ Сибири, на берегахъ Бѣла-

го и Каспійскаго морей, на предѣлахъ Польши и Швеціи. Европа любопытно смотрѣла на Руских, являвшихся при Дворахъ Европейскихъ государей, изумляясь слушала разсказы пословъ, посѣщавшихъ Москву, и выходцовъ, такъ же искавшихъ въ Россіи счастія и богатства, какъ другіе искали ихъ тогда въ Индіи и въ Новомъ Свѣтѣ. Самовидцы повѣствовали о необъятной пространствомъ и кипящей народонаселеніемъ столицѣ Русской, роскоши и великолѣпіи царскаго Двора, благоговѣніи людей, стоящихъ окрестъ царскаго трона, безсчетномъ воинствѣ Русскомъ. Европа и Россія едва знали другъ друга и удивлялись другъ другу. Ихъ раздѣляли исторія, вѣра, языкъ, нравы, обычаи (3). Европу увлекали тогда замыслы Людовика XIV-го, сильнаго умомъ государственнымъ, слабостію Императора, безпечностью Короля Англійскаго, неспособностью Короля Испанскаго, безсиліемъ Папы (4). Россія кончила борьбу за свою государственную самобытность, и за полвѣка дотолѣ видѣвшая Новгородъ въ рукахъ Шведовъ, Короля Польскаго подъ Москвою, Царя Русскаго въ плѣну, казалась занятою только своими отношеніями къ Польшѣ, Швеціи, Турціи, восточной Азіи и дѣломъ внутренняго устройства. Послѣднія войны Россіи съ Польшею и Швеціею доказывали, что періодъ Европейскаго бытія Россіи еще не наступалъ и что всякое покушеніе перешагнуть въ образованіе и политику Европы будетъ несбыточно. И ни Россія, ни царь ея не помышляли о томъ, какъ будто Европа не существовала для нихъ (5). г. 1670.

Только мира, тишины, покоя желалъ царь Алексій. Онъ забылъ о своихъ прежнихъ обширныхъ

г. 1670. предпріятіяхъ и оставилъ всѣ нововведенія, столь сильно увлекавшія его дотолѣ, при содѣйствіи предпріимчиваго Никона. Онъ хотѣлъ только отдыха и искалъ его въ дворскихъ веселіяхъ, соколиной охотѣ, великолѣпіи Двора своего. Крамолы и раздоры дворскіе трепетали его взора, умѣвшаго быть грознымъ; жестокія наказанія непокорнымъ, милость и награда послушнымъ водворяли окрестъ престола временное спокойствіе. Россія была тиха и безмолвствовала, повинуясь царю. Но безпокойная тревога мрачила подданныхъ Алексія думою о будущемъ. Здоровье Царя, тучнаго тѣломъ, утомленнаго жизнью, часто больнаго, не обѣщало долговѣчія. Семейство его, послѣ смерти

Царское семейство. царицы Маріи, составляли два сына, царевичи *Θеодоръ* и *Іоаннъ*, и *шесть* царевенъ. Старшему царевичу было *десять* лѣтъ, младшему *четыре* года. Десятилѣтнему Θеодору слѣдовалъ престолъ отцовскій. Отличаясь умомъ и расположеніемъ къ ученію, онъ былъ здоровья слабаго, нрава смирнаго и набожнаго, не любилъ воинскихъ дѣлъ, не оказывалъ ни твердой воли, ни способностей царскихъ. Младшій, Іоаннъ, дитя больное, подслѣповатое, косноязычное, былъ вовсе неспособенъ ни къ наукѣ, ни къ правленію государственному. И такимъ преемникамъ надлежало передать тронъ Русскій, когда его не могли укрѣпить страхомъ извнѣ и спокойствіемъ внутри ни умъ, ни двадцать пять лѣтъ царствованія Алексія ([6]). Среди сомнительнаго состоянія Двора и царства неожиданное событіе изумило всѣхъ.

Второе супружество Царя. Въ числѣ царедворцовъ Алексія находился чиновникъ, незнатный родомъ, но извѣстный мужествомъ въ

битвахъ и умомъ въ совѣтахъ, удостоенный довѣренности, даже дружбы царя, такъ, что нерѣдко, вопреки тогдашнимъ обычаямъ дворскимъ, Алексій посѣщалъ домъ его, просиживалъ съ любимцомъ своимъ вечера, отдыхалъ отъ заботъ, казался у него простымъ семьяниномъ и забывалъ царское величіе. Сей любимецъ царскій былъ *Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ*. Не родовой и не чиновный, онъ отличался особенною ловкостью въ сношеніяхъ съ иностранцами и просвѣщеніемъ, необыкновеннымъ между другими царедворцами. Но, казалось, Матвѣевъ старался удалиться отъ государственныхъ дѣлъ: онъ не тѣснился въ думу боярскую, какъ будто не хотѣлъ оскорбить своимъ возвышеніемъ гордости другихъ. Въ его вѣдѣніи находились особенно царскія забавы, представленія *комидій* и *Нѣмецкая музыка* (⁷). Развлекая грусть свою о недавней потерѣ супруги, Алексій чаще прежняго посѣщалъ Матвѣева, и однажды оставшись у него запросто ужинать, велѣлъ всему семейству Матвѣева явиться за трапезу безъ чиновъ. По волѣ Царя вышли жена, юный сынъ Матвѣева и молодая дѣвушка, прекрасная, скромная, робкая. Царь изумился ея появленію, спросилъ объ ней своего любимца и узналъ, что незнакомая дѣвушка дальняя его родственница, *Наталія Нарышкина*, дочь заслуженнаго, но бѣднаго дворянина *Кирила Нарышкина*. Царь былъ необыкновенно веселъ, разговаривалъ, шутя обѣщалъ пріискать жениха Наталіи; дума о красавицѣ Нарышкиной глубоко запала въ душу его; черезъ нѣсколько дней, онъ объявилъ Матвѣеву, что избираетъ Наталію своею невѣстою. Столь нежданная честь даже испугала любимца царскаго, предвидѣвшаго всѣ ужасы и бѣдствія дворской крамолы, дотолѣ г. 1670.

г. 1670. щадившей его. Воля царская была непремѣнна. Матвѣевъ просилъ, по крайней мѣрѣ, не оскорблять знатныхъ нарушеніемъ обрядовъ, соблюдаемыхъ при царг. 1671. скихъ свадьбахъ. Собрано было *шестдесятъ* дѣвицъ въ царскіе чертоги; въ числѣ ихъ находилась Наталія Нарышкина — выборъ палъ на нее. Января 22-го 1671-го года праздновали царскую свадьбу; вѣнчаніе совершено въ Успенскомъ соборѣ ([8]). Вскорѣ царь Алексій былъ обрадованъ беременностію своей молодой суг. 1672. пруги. Утромъ, *Мая* 30-го 1672 *года*, въ день *св. Исаакія Далматскаго*, царица Наталія родила сына; Рожденіе Петра Великаго. его назвали *Петръ*: имя дотолѣ небывалое въ царскомъ родѣ и данное по особеннымъ предзнаменованіямъ, какъ увидимъ далѣе ([9]).

Въ радости сердца, Царь немедленно отправилъ вѣсть къ боярамъ и окольничимъ, ближнимъ и именитымъ людямъ, гостямъ, купечеству. Кремль и дворецъ наполнились народомъ и царедворцами. Царь благоговѣйно шествовалъ въ Успенскій соборъ, слушалъ обѣдню и благодарственный молебенъ въ семъ древнемъ храмѣ, молился въ Архангельскомъ и Благовѣщенскомъ соборахъ, въ Чудовомъ и Вознесенскомъ монастыряхъ; *подчивалъ водкою и Фряжскими винами* бояръ, чиновниковъ стрѣльцовъ въ своихъ царскихъ чертогахъ. Черезъ три дня былъ во дворцѣ домашній родильный обѣдъ, *безъ зову и безъ мѣстъ* ([10]). Іюня 28-го, цаКрещеніе его. ревичъ Петръ пріялъ святое крещеніе въ Чудовомъ монастырѣ, передъ гробницею святителя митрополита Алексія. Воспріемниками его были царевичъ Ѳеодоръ и тетка его, мудрая царевна Ирина Михайловна. Къ купѣли вынесла его на рукахъ своихъ мамушка, почетная боярыня, княгиня Ульяна Ивановна, вдова князя

Ивана Васильевича Голицына ([11]). Богатые *родинные* столы даны были 29-го Іюня, въ день тезоименитства Царевича, у Царя и Царицы. Духовенство поднесло новорожденному образа и дары. Царевичи Грузинскій, Касимовскій, Сибирскій, бояре и *именитый человѣкъ* Григорій Строгановъ явились съ *подносами*. Подъ великолѣпнымъ обѣдомъ въ Грановитой Палатѣ, гдѣ Царь угощалъ духовныя власти, царевичей, бояръ, окольничихъ и думныхъ людей, ломились столы, заставленные *сто двадцатью* золотыми и серебряными блюдами, кружками и братинами, двухъ-пудовыми сахарными лебедями и орлами, сахарнымъ Кремлемъ, «съ людьми конными и пѣшими *и со всякими узорочьями*». Царь жаловалъ гостей своихъ *виномъ, сахарами и овощами* ([12]). Народу объявлены были благостыни: прощены преступники, возвращена милость опальнымъ, разданы подаянія нищимъ и убогимъ, отпущены заключенные. Іюля 4-го Царь пригласилъ избранныхъ гостей пировать въ Грановитой Палатѣ *крестильный столъ* и новыя милости объявлены были всей землѣ Русской ([13]). Г. 1672.

Радость исполнила сердца. Чудныя рѣчи пересказывали по Москвѣ. Говорили, что мудрый наставникъ царевича Ѳеодора, *великій богословъ и звѣздочетъ*, Симеонъ Полоцкій разсматривалъ звѣзды за девять мѣсяцовъ до рожденія Царевича, увидѣлъ *свѣтлую звѣзду* близъ планеты Марса и на другой день возвѣстилъ Царю, что въ минувшую ночь зачался Царевичъ: «имя его будетъ *Петръ* и не будетъ въ лѣтахъ его подобныхъ ему,» говорилъ Симеонъ — «ублажатъ его народы вящшими похвалами и славу къ славѣ стяжатъ онъ имѣетъ, будетъ чудный побѣдоносецъ, смиритъ враж- Радость народа. Предвѣщанія.

г. 1672. дующихъ сосѣдей, падутъ многіе отъ меча его; свѣтлыя побѣды паче предковъ содѣетъ онъ; увидятъ его дальніе страны и страхъ его будетъ на многихъ!» Царь усомнился, слушалъ рѣчь Симеона и помыслилъ: отъ Бога ли такое предвѣщаніе? Долго бесѣдовалъ онъ съ Симеономъ, увидѣлъ, что предрѣченія его были по мудрому вѣдѣнію и приказалъ ему являться къ своему царскому столу. Мая 30-го, рано утромъ, явился Симеонъ во дворецъ и увидѣлъ Царя въ великой скорби: царица Наталія мучилась родами; уже третьи сутки истекали, но Богъ не разрѣшалъ ея муки. Въ соборѣ Успенскомъ велѣно было служить молебны. Симеонъ сталъ на колѣни передъ образомъ Спасителя и молилъ, да продолжится болѣзнь Царицы. «Безумный! о чемъ ты молишь?» гнѣвно сказалъ ему Царь. «Супруга моя почти уже мертва!» — Молю, да продолжится болѣзнь ея, хоть еще полчаса — отвѣчалъ Симеонъ. — Тогда Царевичу опредѣлено будетъ жить до *семидесяти лѣтъ*, и только *пятьдесятъ лѣтъ*, если онъ родится въ сію минуту! — Пока говорилъ Симеонъ, пришли извѣстить Царя, что «Богъ простилъ Царицу» и поздравили его съ новорожденнымъ сыномъ. Исполняя предрѣченіе Симеона, радостный Царь наименовалъ новорожденнаго: *Петръ*, и спѣшилъ благословить его отцовскимъ и царскимъ благословеніемъ. Послали въ соборъ Успенскій отправить молебенъ о здравіи Петра: имя его уже было произнесено на ектеніи въ соборѣ прежде царскаго извѣстія. Іеродіаконъ неожиданно провозгласилъ имя *Петра царевича*, вмѣстѣ съ именами Θеодора и Іоанна. Архіерей, служившій въ соборѣ, призвалъ его и выговаривалъ ему за странное прибавленіе, но іеродіаконъ

клялся, что ему велѣлъ *кто-то* помянуть Царевича Петра. Слова его признали за таинственное внушеніе Божіе и донесли о томъ изумленному Царю. Но еще гораздо прежде, Царь былъ уже вразумленъ предвѣщаніемъ нѣкоего юродиваго мужа, которому дозволяемъ былъ свободный входъ въ царскіе чертоги. Юродивый явился во дворецъ въ новый 1671-й годъ, *Сентября* 1-го, день памяти *Іисуса Навина*, остановившаго солнце на небесахъ, и засталъ вмѣстѣ Царя и Царицу. Наталія подала ему поцѣловать свою руку; юродивый отвергъ ее и говорилъ: «Хочу цѣловать Царя Великаго!» — Вотъ Царь — отвѣчала Наталія, указывая на супруга своего. — «Знаю,» сказалъ юродивый, «но тотъ царь, который нынѣ въ утробѣ твоей, побольше твоего мужа!» Алексій позволилъ старцу поцѣловать Царицу и спрашивалъ потомъ: «Развѣ онъ знаетъ, что Царица беременна и родитъ великаго царя?» Да — вскричалъ радостно юродивый — *родится у тебя Пахомъ, будетъ владѣть большимъ костылемъ и всѣ его бояться будутъ!* «Чѣмъ же онъ будетъ меня больше?» спрашивалъ его Царь. — Тѣмъ, что вышиной въ 53 сажени, да пошире тебя гораздо! Всѣ сіи вѣсти разсказывали въ Москвѣ такъ гласно, что бывшій тогда въ Россіи Голландскій Посланникъ Николай Гейнзій писалъ объ нихъ къ другу своему Ѳомѣ Гревію въ Утрехтъ, и удивился получивъ отвѣтъ его, что Нидерландскіе астрологи совершенно согласны съ предвѣщаніями Русскихъ звѣздочетовъ: предвѣщаютъ въ новорожденномъ Царевичѣ государя войнолюбиваго и страшнаго врагамъ, указывая на новое предзнаменованіе будущей славы его: въ день его рожденія, Король г. 1672.

Г. 1672. Французскій перешелъ Рейнъ и занялъ четыре области Голландскія, а Султанъ Турецкій переправился за Днѣпръ и завоевалъ Подолію у Поляковъ ([14]).

Его младенческіе годы. Такъ народная молва облекала рожденіе Петра вѣрою въ великую участь его и надежда народа лелѣяла колыбель его своими предвѣщаніями. Царь не могъ нарадоваться на юную супругу и новорожденнаго Царевича, и Петръ утѣшалъ родителя совершенною противоположностью старшимъ братьямъ. Онъ былъ здоровое, прекрасное, темпорусое дитя, отличался живымъ, рѣзвымъ нравомъ, необыкновенными по лѣтамъ его понятіями, и особливо отъ самой колыбели страстью къ воинскимъ потѣхамъ. Три года было Петру, когда какой-то купецъ поднесъ ему маленькую саблю. Царевичъ разцѣловалъ купца и просилъ ему у родителя награды. Царь пожаловалъ купца въ гости. Духовникъ царскій прочелъ молитву и Царевича «препоясали мечемъ.» Послѣ того уже не могли отнять сабли у Царевича; нерѣдко онъ засыпалъ съ нею. Царь собралъ на забаву сыну ровесниковъ ему, дѣтей нѣкоторыхъ царедворцовъ, одѣлъ ихъ по воински, вооружилъ, и царевичъ Петръ заплакалъ отъ радости, увидя свою воинскую дружину. Безпрестанно воевалъ онъ съ своею дружиною и заставлялъ царедворцовъ говорить: «Что

Г. 1673—1674. изъ него будетъ, когда онъ возмужаетъ?» Радость Царя умножилась еще рожденіемъ двухъ дочерей, царевенъ *Наталіи* и *Ѳеодоры* ([15]).

Состояніе Россіи и Двора. Едвали не семейныя только радости счастливили въ то время Русскаго Царя. Дѣла государственныя не приносили ему утѣхи. Алексій обманулся въ надеждѣ своей возвести царевича Ѳеодора на Польскій пре-

столъ, и видѣлъ, что мѣсто слабаго короля Михаила Вишневецкаго заступилъ мужественный Польскій воевода *Іоаннъ Собіескій*, обѣщавшій напомнить Россіи грознаго Баторія. Царь спѣшилъ укрѣпить дружбу Собіескаго новымъ договоромъ, но былъ увлеченъ въ войну противъ Турціи, преданъ Малороссійскими казаками: ихъ измѣна породила кровавыя смятенія въ Украйнѣ. Воеводы царскіе дѣйствовали нестройно и неудачно. Здоровье Царя ослабѣвало. Тайная крамола дворская дерзко зашипѣла окрестъ престола умиравшаго властителя Русской земли ([16]). г. 1674.

Супружество Алексія съ Натаділею было неожиданнымъ ударомъ временщикамъ придворнымъ. Во главѣ всѣхъ другихъ царедворцовъ стояли *Милославскіе*, родственники первой супруги Царя. Жадные власти, алчные богатствъ, они умѣли подчинить себѣ другихъ вельможъ и разсчитывали на неограниченную власть при наслѣдникѣ Алексія. Со вторымъ супружествомъ Царя въ среду бояръ и къ престолу втѣснились новые любимцы царскіе. Нарышкины, ихъ родственники и друзья, овладѣли чинами, богатствами, мѣстами доходными. Матвѣевъ, въ высшемъ санѣ боярскомъ, первенствовалъ въ царскихъ совѣтахъ ([17]). Любовь Царя къ супругѣ и царевичу Петру заставляла трепетать Милославскихъ и ихъ сообщниковъ. Они узнали, что Царь даже колеблется думою: не передать ли ему наслѣдіе престола царевичу Петру, опредѣливъ Матвѣева, по кончинѣ своей, правителемъ государства? Кроткій Ѳеодоръ былъ готовъ уступить младшему брату, за котораго были любовь Царя и надежды народа. Въ новый 1674-й годъ Ѳеодоръ, двѣнадцатилѣтній,

г. 1674. *объявленъ* народу, но сей обрядъ не означалъ еще рѣшенія воли царской на передачу ему наслѣдія (48). Милославскихъ и друзей ихъ всего болѣе страшило согласіе съ Царемъ старыхъ и почетныхъ бояръ: не терпя власти Милославскихъ, многіе, если не всѣ, радовались ихъ униженію и подкрѣпляли Матвѣева и Нарышкиныхъ. Хотѣли знать мнѣніе хитраго Симеона Полоцкаго, владѣвшаго умомъ царевича Ѳеодора, и со страхомъ узнали крамольники, какіе обширные, неожиданные замыслы таилъ въ душѣ своей честолюбивый инокъ: воспитанникъ іезуитовъ, Симеонъ видѣлъ передъ собою примѣръ Никона и по слѣдамъ его хотѣлъ поставить власть ѳеократіи надъ вельможескою, почти наравнѣ съ царскою властью. Онъ обращалъ взоры свои на неукротимаго въ тѣсномъ заточеніи бывшаго патріарха. Съ восшествіемъ на престолъ Ѳеодора судьба царства Русскаго могла перейдти въ руки Симеона. Какъ ни скрывалъ онъ свои замыслы, ихъ проникли; Милославскіе увидѣли новую опасность (19). Избранный въ 1674 году, патріархъ Іоакимъ, іерархъ благочестивый, не ученый, но ревностный пастырь церкви, твердый духомъ, врагъ всякихъ нововведеній и личный врагъ Никона, готовъ былъ скорѣе согласиться на воцареніе Петра, нежели съ воцареніемъ Ѳеодора допустить Симеона исполнить его дерзкія, пагубныя Россіи предпріятія; и патріахъ явно подкрѣплялъ Матвѣева, избѣгая опасности отдаленной, но предвидимой (20).

Кончина царя Алексія Михайловича. Такъ дѣлились дворскія крамолы, когда въ началѣ 1676-го года царь Алексій внезапно сдѣлался боленъ. Вскорѣ увидѣли безнадежность его жизни. Сонмъ

вельможъ и царедворцовъ наполнилъ чертоги царскіе, слыша о сближающейся кончинѣ Царя. Тревожно ждала Москва рѣшенія судьбы государства. Окрестъ смертнаго одра царскаго находились добрая супруга Алексія, Патріархъ, дѣти, участники всѣхъ тайныхъ дворскихъ раздоровъ. Никто не смѣлъ начать дерзкаго слова: еще живъ былъ Царь и не изрекалъ своего рѣшенія; привычное благоговѣніе, если не страхъ, удерживало самыхъ смѣлыхъ крамольниковъ. Единому Богу было вѣдомо, какія думы наполняли тогда душу умиравшаго Царя. Кроткая, благочестивая, мать сиротъ и бѣдныхъ, царица Наталія дышала только любовью къ супругу и дѣтямъ (21): не ей было принять начальство надъ тайною крамолою въ рѣшительную минуту, думать о царствѣ близъ смертнаго одра супруга. Не смѣлы и робки были унылые Нарышкины, Матвѣевъ и друзья ихъ, а смерть неумолимо близилась къ властителю Россіи (22). Милославскіе и Патріархъ успѣли наконецъ согласиться между собою, удалили Царицу, Нарышкиныхъ, Матвѣева, видя приближеніе кончины Царя; и когда первосвятитель напомнилъ Царю близкій часъ смерти, Алексій благословилъ на царство кроткаго Өеодора. Онъ потребовалъ потомъ напутствованія святыхъ Тайнъ, пріобщился и率 пособоровался. Отворили дверь въ комнату умиравшаго Царя. Онъ призвалъ супругу, дѣтей, вельможъ, велѣлъ Патріарху читать отходныя молитвы, осѣнилъ Өеодора крестомъ, увѣщевалъ его быть царемъ добрымъ, прощался со всѣми. Горестно и любовно лобызалъ онъ Петра, умоляя Өеодора быть ему отцомъ, чтить Наталію, какъ мать и царицу. Онъ подозвалъ къ одру своему старика *Ки-* г. 1676.

Г. 1676. *рила Нарышкина, князя Петра Прозоровскаго, Ивана Головина*, и поручилъ имъ блюсти Петра, «яко зѣницу ока своего.» Наталія заплакала и упала на колѣни передъ Царемъ и супругомъ своимъ. «Что приказываешь ты мнѣ и сыну моему?» говорила она. Алексій велѣлъ приподнять себя, приказалъ поднести Петра, положилъ ему на голову свою хладѣвшую руку; языкъ его коснѣлъ — слышали только, какъ проговорилъ онъ: «Не плачь — ему суждено быть царемъ!» Все кончилось на землѣ для Алексія. Онъ скончался 1676 года, Января 29-го, въ 8-мъ часу вечера (25).

Восшествіе на престолъ царя Ѳеодора Алексіевича.

Объявили Москвѣ печальную вѣсть похороннымъ перезвономъ на Ивановской колокольнѣ и велѣли присягать юному Ѳеодору. Народъ, войско, столица, города повиновались велѣнію. Рыдая проводилъ Ѳеодоръ до могилы гробъ родителя и явился на престолѣ тихимъ, кроткимъ, милостивымъ. Нищую братію кормили; убогихъ награждали милостынею (24). Іюня 16-го совершилось торжественное коронованіе Ѳеодора въ Успенскомъ соборѣ (2'). Все было тихо и спокойно въ Москвѣ и въ Россіи; не слышно было ни казней, ни опалъ. Но уже все измѣнилось при Дворѣ, едва не стало Алексія.

Еще не совершилось погребеніе родителя, когда царь Ѳеодоръ велѣлъ Матвѣеву ѣхать на воеводство въ Сибирь. Такое назначеніе, показывая немилость, было предлогомъ удалить безъ огласки единственнаго человѣка, который могъ противиться Милославскимъ: только Матвѣева боялись они. Матвѣевъ покорствовалъ царской волѣ, но едва отправился онъ въ назначенный ему путь, начались тайные доно-

сы и пристрастные розыски. Нарышкины были лишены всѣхъ значительныхъ мѣстъ, ими занимаемыхъ. Милославскіе заступили ихъ на ихъ мѣстахъ. Новые временщики окружили Царя: *Богданъ Хитровъ*, родственникъ нявьки царской; *Иванъ Языковъ*, услужникъ Хитрова; *князь Василій Голицынъ; князья Хованскіе, Куракины, Долгорукіе: Волынскій, Стрѣшневъ*. При коронованіи Өеодора они несли царскую корону, скипетръ, державу. Прежде вѣнчанія Өеодорова на царство тяжкое бѣдствіе постигло Матвѣева: его остановили на Волгѣ близъ Лаптева, строго обыскивали, допрашивали и подъ стражею повезли въ Казань. Тамъ, безъ суда, безъ приговора, онъ былъ лишенъ сана боярскаго и отправленъ съ семействомъ его въ Пустозерскъ, городокъ, заброшенный въ Самоѣдскія пустыни. Богатое имѣніе Матвѣева расхитили и отобрали на Царя. Внезапное гоненіе постигло изгнанника Никона; его перевезли въ Кирилловъ Бѣлоозерскій монастырь и заключили подъ крѣпкую стражу. Видно было *кого* боялись любимцы новаго Царя ([16]). Г. 1676.

Перемѣны при Дворѣ.

Но Өеодоръ, добрый и милосердый, остановилъ преслѣдованія. Милославскіе предоставили времени довершить остальное. Противники ихъ трепетали.

Правленіе Өеодора.

Правленіе Өеодора въ началѣ казалось народу продолженіемъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Алексія. Юный Царь подтвердилъ мирные договоры съ Польшею и Швеціею, продолжалъ войну, начавшуюся съ Оттоманами, когда избѣжать ее было нельзя, и поспѣшилъ заключить миръ, едва только предложили ему честныя условія ([17]). Казалось, Өеодоръ не мыслитъ о нововведеніяхъ. Но недостойные любимцы царскіе вскорѣ успѣли перессориться между собою. *Хованскіе* и *Милославскіе*,

г. 1676. *Долгорукій* и *Голицынъ*, *Языковъ* и *Хитровъ*, возненавидѣли другъ друга ([28]). Симеонъ Полоцкій, уцѣлѣвшій при погибели другихъ, пользовался ихъ раздоромъ и незамѣтно овладѣлъ умомъ Царя, ученика своего. Поздно увидѣли свою ошибку Милославскіе; всѣ ихъ опасенія возобновились; замыслы Симеона могли вполнѣ осуществиться. Ненадежное здоровье Өеодора заставляло помышлять о наслѣдникѣ; оставались только малолѣтные Іоаннъ и Петръ, и взоры всѣхъ обращались не на Іоанна, а на Петра. Увидѣли, что самъ Өеодоръ, не думая сочетаться бракомъ, явно благоволилъ болѣе младшему брату, свято сохраняя завѣтъ отцовскій къ царицѣ Наталіи Кириловнѣ. Удаляя отъ Двора Нарышкиныхъ, осудивъ Матвѣева, Өеодоръ оставилъ при Наталіи всѣхъ ея царедворцовъ, называлъ ее матерью, не слушалъ наговоровъ на нее, и опредѣлилъ ей на житье Кремлевскій Потѣшный дворецъ, гдѣ часто самъ посѣщалъ ее, любуясь на юнаго Петра ([29]).

Любовь его къ Петру. Необыкновенныя способности Петра раскрывались болѣе и болѣе съ каждымъ годомъ. Пять лѣтъ совершилось ему, когда, положено было учить его грамотѣ.

г. 1677. Бояринъ Соковнинъ указалъ Царю на отличнаго грамотѣя, дьяка Зотова. Самъ Өеодоръ и Симеонъ испытывали Зотова въ чтеніи и письмѣ и послали его потомъ къ царицѣ Наталіи. Со страхомъ и со слезами услышалъ Зотовъ о своемъ назначеніи въ учители Царевичу, но не смѣлъ отречься. На другой день пришли въ Потѣшный дворецъ Өеодоръ и Патріархъ. Владыка прочиталъ «молитву предъ начатіемъ ученія,» и Петра «посадили за азбуку,» 12 Марта 1677 года. Вскорѣ началъ онъ читать хорошо, бѣгло, сдѣлался

страстнымъ охотникомъ до чтенія, почти наизусть выучилъ Евангеліе и Псалтирь. Добрый Зотовъ былъ достоинъ своего назначенія. Онъ вразумлялъ ученика въ истины закона Божія, читалъ съ нимъ духовныя книги и лѣтописи, перебиралъ разные рисунки, велѣлъ изобразить главнѣйшія событія Русской исторіи въ картинахъ и развѣсилъ ихъ по стѣнамъ учебной комнаты. Въ часы отдыха, онъ указывалъ ученику своему на картинки и повѣствовалъ ему дѣянія Святослава, Владиміра, Александра Невскаго, Димитрія Донскаго, двухъ Іоанновъ, дѣда его Михаила и родителя его, царя Алексія. На картинкахъ представлены были взятіе Казани, Куликовская битва, изображены весь *воинскій артикулъ* ратнаго дѣла, знатнѣйшіе «Европскіе» города, корабли и воинскія орудія. Скоро недостало уже познаній Зотова удовлетворять всѣ вопросы, какіе предлагали ему любопытство ученика и страсть его все знать, всему изучаться (56). Воинскія игры Царевича съ избранными родителемъ его сверстниками не прерывались. г. 1677.

Постоянное измѣненіе дѣлъ при Дворѣ, подъ вліяніемъ Симеона Полоцкаго, начали наконецъ тревожить Милославскихъ, когда необыкновенный характеръ юнаго Петра являлся во всѣхъ словахъ и поступкахъ его, а добродѣтель, благотворительность, благочестіе и тихая жизнь царицы Наталіи заставляли Ѳеодора, при отеческомъ вниманіи къ брату, умножать къ ней истинно сыновнее почтеніе. Рѣшились прежде всего удалить царицу Наталію съ дѣтьми ея отъ лица государева. Бояринъ Языковъ, подъ предлогомъ тѣсноты въ Кремлѣ, дерзко предложилъ ей переселиться въ отдален-

г. 1677. ный отъ Кремля, подгородный дворецъ Преображенскій. Царица Наталія почла слова его изъявленіемъ воли царской и горестно заплакала. Петръ вспыхнулъ гнѣвомъ, увидѣвъ слезы матери, и ничего не говоря ей, поспѣшилъ съ учителемъ своимъ къ брату Царю. «Государь, братъ мой!» сказалъ онъ, едва удерживая слезы — «жалуюсь тебѣ на Языкова: онъ хочетъ выгнать меня съ матерью изъ твоего дворца, какъ Годуновъ выгналъ царевича Димитрія. Но гдѣ ты, тамъ и я, и развѣ уже я не сынъ царскій, что мнѣ въ отцовскомъ домѣ угла не даютъ?» Өеодоръ нѣжно обнялъ его; самъ пошелъ съ нимъ къ Наталіи; увѣрялъ ее, что онъ ничего не приказывалъ Языкову, и головою выдавалъ ей дерзкаго боярина. Наталія успокоилась, но тревога крамольниковъ умножилась, особливо когда Царь вовсе перестал слушать ихъ совѣты (31).

Царь Өеодоръ, при всей слабости здоровья, показывалъ дѣятельность необыкновенную. Онъ любилъ науки и познанія, окружилъ себя «Латинщиками» и учеными людьми. Стараніемъ Симеона Полоцкаго въ Москвѣ основана была тогда духовная Академія, для изученія Греческаго и Латинскаго языка; начали переводить книги; вмѣсто *столповаго* пѣнія въ церквахъ введено было *партесное*; Патріархъ, терпѣвшій дотолѣ, ужаснулся, когда Царь обратилъ особенное вниманіе на страдальца Никона: ему позволили возвратиться въ его знаменитый Воскресенскій монастырь, вопреки сопротивленія и спора Патріарха. Смиренно, больной возвращаясь изъ ссылки, Никонъ былъ встрѣчаемъ по-
г. 1680. всюду, какъ страдалецъ, какъ человѣкъ святой въ глазахъ народа. Онъ не доѣхалъ однакожь до Москвы,

и скончался на пути въ Ярославлѣ. Царь привѣтствовалъ великою почестью гробъ его; велѣлъ похоронить Никона, какъ патріарха, присутствовалъ при его погребеніи, пѣлъ на клиросѣ съ пѣвчими, на своихъ рукахъ несъ и самъ опустилъ гробъ его въ могилу; испросилъ потомъ разрѣшеніе Вселенскихъ Патріарховъ, по которому Никонъ признаваемъ былъ по прежнему въ патріаршемъ санѣ, а осужденіе его уничтожалось. Патріархъ долженъ былъ уступать волѣ Царя, хотя порицалъ, даже проклиналъ Симеона Полоцкаго, зачинщика ересей ([32]). Царь не внималъ ничему и изъявилъ не менѣе твердости предписывая уничтоженіе раболѣпства и уменьшеніе роскоши въ одеждахъ и нарядахъ царедворцовъ и народа, установляя строгое правосудіе въ Приказахъ ([33]), и наконецъ рѣшась на такое дѣло, коего не смѣлъ начать родитель его, даже во дни славы своей: Ѳеодоръ собралъ соборъ духовныхъ и свѣтскихъ властей, предложилъ имъ необходимость лучшаго устройства воинскихъ силъ Россіи, вредъ и гибель *мѣстничества* и важность истребленія всѣхъ разрядныхъ книгъ и споровъ о родахъ и мѣстахъ. Никто не смѣлъ противорѣчить. Разрядныя книги были принесены и сожжены въ присутствіи собора. Наложены церковное проклятіе и царскій гнѣвъ на всякаго, кто дерзнетъ послѣ того вспоминать прежніе споры о мѣстѣ и родѣ. Царь утвердилъ новое расписаніе Стрѣлецкаго войска по *ротамъ*, установленіе *ротмистровъ*, *капитановъ*, *полковниковъ*, вмѣсто *сотниковъ*, *полусотниковъ* и *головъ* ([34]). Гордость сильныхъ подрыта была въ основаніи. Уже не скрывалъ Ѳеодоръ своего явнаго намѣренія передать наслѣдство престола младше-

Г. 1680.

Авг. 26.

Г. 1682, Января 12.

Г. 1682. му брату. Готовились важныя перемѣны при Дворѣ. Матвѣевъ, дотолѣ тщетно умолявшій о милосердіи, безплодно требовавшій суда и оправданія, перевезенъ былъ изъ отдаленнаго мѣста ссылки въ ближайшее къ Москвѣ, городъ Лухъ. Царь начиналъ изъявлять ему милость свою ([35]).

(Г. 1680, Авг. 23). Но среди сихъ событій скончался, душа царскаго совѣта, Симеонъ Полоцкій и Ѳеодоръ снова подпалъ неограниченной власти Милославскихъ ([36]). Своекорыстіе примирило съ ними Языкова и князя Василія Голицына, тогдашнихъ любимцовъ Царскихъ. Милославскіе не уступали уже болѣе никому, дѣйствовали рѣшительно, начали гоненіе на царицу Наталію и ея сына. Добрый учитель Петра былъ немедленно удаленъ отъ него: Зотова, вмѣстѣ съ другими послами, отправили въ Крымъ утвердить мирный договоръ съ Ханомъ Крымскимъ ([37]). Не опровергая мысли Царя о наслѣдникѣ, убѣдили его вступить въ супружество. Ѳеодоръ согласился и избралъ дочь незнатнаго дворянина Симеона Грушецкаго, Агаѳію. Бракъ былъ совершенъ 18-го Іюля 1680 года, и черезъ годъ Царица родила сына; его назвали Ильею, но черезъ четыре дня царица Агаѳія скончалась; Царевичъ пережилъ мать только недѣлею ([38]). Тяжко скорбя о потерѣ супруги и сына, Ѳеодоръ еще болѣе ослабѣлъ здоровьемъ; онъ молился, оставилъ царскія заботы, помышлялъ только о жизни за гробомъ, забывалъ о земномъ величіи и дѣлахъ міра. Но совѣты любимцовъ, особливо Языкова, перваго боярина послѣ смерти старика Милославскаго, и молодаго Ивана Милославскаго, пожалованнаго боярствомъ въ 1677 году, еще разъ увлекли немощна-

го Царя. Вопреки совѣтамъ докторовъ, чрезъ полгода после кончины первой супруги, Өеодоръ вступилъ во второй бракъ. Невѣстою ему избрана была молодая красавица, Мароа Матвѣевна, сирота, дочь воеводы Матвѣя Апраксина. Въ половинѣ Февраля 1682-го года смиренно отпраздновали царскую свадьбу ([39]), а чрезъ два мѣсяца Өеодоръ былъ на смертномъ одрѣ. Г. 1682.

Его не тревожили спорами о наслѣдствѣ, не хотѣли даже спрашивать его рѣшенія: по праву первородства престолъ слѣдовалъ царевичу Іоанну. Кто могъ оспоривать права его и предложить на мѣсто его десятилѣтняго царевича Петра? Өеодоръ скончался 27-го Апрѣля 1682-го года, въ 5-ть часовъ по полудни. Патріахъ, бояре, военные и гражданскіе сановники присутствовали во дворцѣ. Народъ и войско наполнили Кремль, едва только Москва услышала о кончинѣ добраго, благочестиваго Царя. Всѣ нетерпѣливо ждали извѣщенія Боярской Думы. Патріархъ вышелъ въ переднюю палату передъ Грановитою Палатою. Здѣсь собралось почетное духовенство и находились ближніе и знатнѣйшіе люди — Одоевскіе, Рѣпнины, Голицыны, Долгорукіе, Ромодановскіе, Черкасскіе, Шереметевы, Куракины, Лыковы, Урусовы, Троекуровы ([40]). На верхнемъ крыльцѣ, подлѣ Спаса за Золотою Рѣшеткою, стояли стольники, стряпчіе, дьяки, жильцы, дворяне, гости. Милославскіе и друзья ихъ, ожидавшіе объявленія владыки о восшествіи на престолъ царя Іоанна Алексѣевича, были изумлены неожиданнымъ вопросомъ святителя: «Кому быть нынѣ Царемъ Россіи?» Собраніе безмолвствовало; одни не смѣли изъявить своего мнѣнія, другіе недоумѣвали что̀ означалъ вопросъ «Н

Кончина Өеодора.

г. 1682. такъ, если вы не возносите вашихъ голосовъ, да будетъ великое государское дѣло рѣшено самими наслѣдниками царскаго престола,» возгласилъ Патріархъ — «Богъ да вразумитъ ихъ на благо людей!» Оба юные Царевича немедленно были введены въ Грановитую Палату. Шестнадцати-лѣтній Іоаннъ робко отвѣчалъ, что онъ царемъ быть не желаетъ, «поступается брату наслѣдствомъ, чувствуя свое нездоровье и сиротство, когда у брата его Петра Алексѣевича здравствуетъ еще мать его, царица Наталія Кириловна.» Едва произнесены были сіи слова, своды палатные огласились единодушнымъ кликомъ: «Быть царемъ Петру Алексѣевичу! Да здравствуетъ царь Петръ Алексѣевичъ!» Нетерпѣливая толпа, собранная на верхнемъ крыльцѣ, хотѣла знать вину восклицаній, узнала ее, повторила голоса бояръ и передала ее толпамъ народа и войска, собравшимся окрестъ дворца. Едва только вышли послѣ сего спросить у народа и войска: согласны ли православные на желаніе царевича Іоанна уступить престолъ младшему брату? имя Петра загремѣло по Кремлю. Хотѣли воспользоваться народнымъ восторгомъ. Поспѣшно поставлены были налои съ крестами и евангеліями подлѣ дворца и въ Успенскомъ соборѣ, и народъ началъ присягать новому Царю, въ присутствіи двухъ бояръ, князя Одоевскаго и Салтыкова. Вельможи и царедворцы спѣшили «цѣловать руку» юнаго Царя и поклониться его матери; общій голосъ Боярской Думы нарекъ ее Правительницею государства на все время несовершеннолѣтія сына. Москва радовалась безмятежному рѣшенію государскаго дѣла. Безъ волненій

Избраніе на царство Петра.

и споровъ совершена была присяга по Стрѣлецкимъ г. 1682.
слободамъ и въ Нѣмецкихъ войскахъ (41).

Все совершилось такъ неожиданно, было такъ внезапно, такъ явно обнаружилась притомъ непримиримая, скрытная ненависть другихъ вельможъ къ Милославскимъ, Хованскимъ и Языковымъ, что изумленные любимцы умершаго Царя не смѣли противорѣчить даже единымъ словомъ, дозволили мгновенно вырвать у себя власть и могущество, когда уже не сомнѣвались въ успѣхѣ. Они замѣтили, что многіе изъ бояръ даже пріѣхали во дворецъ въ панцыряхъ, съ оружіемъ, скрытымъ подъ верхними боярскими одеждами. Кромѣ того вражда дѣлила ихъ между собою; ничего не было ими ни рѣшено, ни приготовлено; Милославскій не вѣрилъ Языкову; Голицынъ искалъ власти себѣ (42). Неизбѣжныя слѣдствія раздора и паденія ихъ оказались немедленно. Немилость царская была объявлена имъ въ самый день избранія Петра; казалось, Милославскій Языковъ, Голицынъ уничтожились навсегда: ихъ не казнили, не сослали, даже не изгоняли изъ Москвы — объ нихъ уже не думали болѣе, ихъ забыли при Дворѣ. Увидимъ, что безпечная увѣренность въ ихъ невозвратномъ паденіи быстро передала имъ снова власть и силу.

На другой день совершены похороны царя Ѳеодора. Покрытый *золотымъ бархатомъ*, гробъ его, на рукахъ стольниковъ, перенесенъ былъ въ Архангельскій соборъ, чрезъ Красное дворцовое крыльцо. Патріархъ шелъ впереди гроба; неутѣшную вдову, царицу Марѳу несли въ *саняхъ*, обитыхъ чернымъ сукномъ. Правительница государства, царица Наталія Кириловна,

г. 1682. и юный царь Петръ слѣдовали за гробомъ, сопровождаемые сигклитомъ и царедворцами, «въ смирныхъ платьяхъ.» Царевича Іоанна не было. Наталія и Петръ простились съ умершимъ Царемъ и воротились во дворецъ. У гробницы наряжена почетная стража бояръ, окольничихъ и дьяковъ (43).

Петръ царствовалъ. Города Россіи и Сибири, Малороссія и Донъ присягнули ему въ вѣрности. «Нѣсть на семъ свѣтѣ ничто же, что вѣчно продолжаться можетъ,» говорилъ Гетманъ Малороссіи казакамъ своимъ. «Всѣ дѣла измѣняются временемъ, а особливо родъ человѣческій. Кто изъ живущихъ не знаетъ смерти? Такъ совершилось и съ царемъ Θеодоромъ; будемъ вѣрны новому царю Петру (44).»

Но кому слѣдовало *править государствомъ* отъ имени десятилѣтняго Царя отрока? Царица, мать его, знала только одного избранника, благодѣтеля ея юности, виновника ея величія, уже пять лѣтъ страдавшаго въ тяжкой опалѣ и ссылкѣ. Немедленно объявлена была царскому Двору воля *Государя Царя Петра Алексѣевича* о возвращеніи царской милости и боярскаго сана Артемону Сергѣевичу Матвѣеву. Стольникъ Алмазовъ былъ отправленъ звать его въ Москву «съ великимъ поспѣшеніемъ (45).»

Счастливое воцареніе Петра было слѣдствіемъ скрытной борьбы различныхъ страстей. Милославскихъ и прежнихъ любимцовъ Θеодора не терпѣли другіе, униженные ими царедворцы, за ихъ непомѣрную гордость и властолюбіе; не терпѣли патріархъ и духовенство, думая, что они «потакали» всѣмъ нововведеніямъ Симеона; не терпѣлъ народъ, имъ приписывая утѣсне-

пія и тягости; не терпѣли и Стрѣльцы, подчиненные строгимъ, отчасти иноземнымъ полковникамъ, по новому установленію царя Ѳеодора, жалуясь, что не находятъ себѣ правосудія на жадныхъ чужестранцовъ, присвоивавшихъ себѣ ихъ жалованья и доходы. Все согласно сливалось въ желаніе перемѣны при новомъ Царѣ. Съ воцареніемъ Іоанна Милославскіе и друзья ихъ становились неограниченными правителями Двора и государства. Петръ былъ возведенъ на царскій престолъ и враги Милославскихъ торжествовали. Подвиги новому правительству предстояли не малые: надлежало успокоить страсти, умирить ихъ умѣренностію и безпристрастіемъ, обрадовать народъ правосудіемъ и милостью. Не о томъ думали окружавшіе царицу Наталію Кириловну. Имъ казалось довольно, если свергнуты были Милославскіе, Хованскіе, Языковы; мѣста ихъ заступили Нарышкины, Одоевскіе, Долгорукіе; сіи новые сановники помышляли только о дѣлежѣ власти и доходовъ, и уже на другой день оказались робость и слабость новыхъ правителей государства. г. 1682.

Волненіе Стрѣльцовъ.

Въ послѣдніе дни болѣзненной жизни царя Ѳеодора Стрѣльцы не захотѣли болѣе сносить власти своихъ начальниковъ. Своевольно рѣшились они искать управы. Еще прежде жалоба, поданная на полковника Грибоѣдова, была передана Ѳеодоромъ Языкову. Думая усмирить жалобщиковъ строгостью, Языковъ обвинилъ ихъ передъ Царемъ и наказалъ жестоко. Стрѣльцы умолкли, но выведенные изъ терпѣнія Грибоѣдовымъ пожаловались снова. Боясь тревожить Ѳеодора, Языковъ осудилъ Грибоѣдова, даже заключилъ его въ тюрьму — на сутки, и оставилъ въ полковничьемъ

г. 1682. чинѣ. Рѣшеніе легкомысленное только ободрило своевольныхъ. Апрѣля 25-го 1682-го года, избранный отъ нѣсколькихъ полковъ стрѣлецъ явился въ Стрѣлецкій Приказъ и подалъ просьбу дьяку. «Кто подалъ еще просьбу?» гнѣвно воскликнулъ князь Михайло Долгорукій, бояринъ гордый и суровый, принявшій тогда управленіе Стрѣлецкимъ Приказомъ. «Пьяный стрѣлецъ какой-то и говорилъ притомъ наглыя рѣчи,» отвѣчалъ ему дьякъ. Долгорукій велѣлъ схватить стрѣльца жалобщика, когда онъ придетъ за отвѣтомъ, и въ примѣръ другимъ высѣчь его кнутомъ передъ Приказомъ за дерзкое прошеніе. Жалобщикъ явился на другой день, былъ схваченъ и выведенъ передъ Приказъ. Здѣсь прочитали ему приговоръ. «Ребята!» завопилъ осужденный окружавшимъ его стрѣльцамъ — «не за всѣхъ ли васъ, не съ общаго ли согласія подавалъ я просьбу? Что же вы меня выдаете?» Начались шумъ и споръ; стрѣльцы бросились толпою и отняли товарища изъ рукъ палачей. Испуганный дьякъ убѣжалъ опрометью и не смѣлъ даже донести Долгорукому о своевольствѣ стрѣльцовъ. Всѣ бояре спѣшили тогда во дворецъ: тамъ умиралъ царь Θеодоръ (46).

Въ ночь передъ его кончиною, тяжкую и тревожную для Двора и Москвы, замѣтно было волненіе въ слободахъ Стрѣлецкихъ. Стрѣльцы собирались въ *круги*, толковали, шумѣли, положили достигнуть своей цѣли во чтобы то ни стало, и обще требовать наказанія своихъ полковниковъ. Къ утру мятежники разошлись. Царь Θеодоръ скончался. Въ толпахъ народа, наполнявшаго Кремль, были и Стрѣльцы, но они присягну-

ли царю Петру ([47]). Бояре слышали о Стрѣлецкихъ сходбищахъ, но думали, что большаго волненія не будетъ, особливо когда Стрѣльцы спокойно пропустили день погребенія царя Өеодора. Оно происходило Апрѣля 28-го. Народъ плакалъ у гроба царскаго и искренніе слезы подданныхъ проводили его въ могилу. Многіе соблазнялись, видя, что нѣкоторые изъ почетныхъ бояръ не присутствовали при отданіи послѣдняго долга умершему Царю, и еще болѣе, что при отпѣваніи усопшаго изъ царскаго семейства не было ни юнаго царя Петра, ни царицы Правительницы, ни царевича Іоанна, ни сестеръ, ни тетокъ Өеодора. Только Царица вдова его рыдала надъ нимъ, и съ нею была еще одна царевна — *Софія Алексѣевна;* она плакала и утѣшала вдову Царицу, не боясь нарѣканія другихъ, и какъ будто безмолвно упрекая своею горестію въ глазахъ народа холодное невниманіе Двора къ памяти добродѣтельнаго властителя Россіи ([48]). Горесть народа казалась священною Стрѣльцамъ, буйнымъ, но еще не преступникамъ. На другой день, 29-го Апрѣля, утромъ, толпа Стрѣльцовъ явилась передъ Кремлевскимъ дворцомъ. Испуганная царица Правительница выслала спросить о причинѣ ихъ прихода. Стрѣльцы смиренно подали просьбу и требовали, уже не суда, но наказанія своихъ полковниковъ. Ихъ увѣрили въ неизмѣнномъ правосудіи. Стрѣльцы разошлись. Бояре медлили рѣшеніемъ дѣла. Головы мятежниковъ разгорячались. Сходки ихъ у Стрѣлецкаго Приказа и съѣзжихъ избъ возобновились и люднѣли съ каждымъ днемъ ([49]). г. 1682.

Что сдѣлало новое правительство? Покорилось требованію своевольной толпы. Велѣно было собрать всѣхъ Слабость правительства.

Г. 1682. обвиняемыхъ Стрѣльцами полковниковъ, и безъ суда выдать ихъ на наказаніе и «доправу убытковъ» по просьбѣ Стрѣльцовъ. Стрѣльцы обрадовались, но еще день прошелъ въ нерѣшительности; исполненіе царскаго указа пріостановили. Патріархъ послалъ отъ имени своего объяснить Стрѣльцамъ великость правосудія и милости царской, обнадежить ихъ наградами, но за то просить ихъ помилосердовать надъ своими притѣснителями и простить виноватыхъ. Стрѣльцы изъявляли усердіе къ Царю, клялись быть ему вѣрными, но наказанія требовали непремѣнно, и оно началось 30-го Апрѣля ([50]).

Двадцать полковниковъ выведено было передъ Стрѣлецкій Приказъ, по указанію Стрѣльцовъ. Каждому читали отдѣльно указъ царскій: «Били на тебя челомъ рядовые служилые люди, что дѣлаешь ты имъ обиды и тягости, берешь съ нихъ взятки, отнимаешь у нихъ имѣніе, употребляешь ихъ на свои работы, за деньги не держишь очереди по службѣ, и за то Царь Государь указалъ и бояре приговорили: отнять у тебя чинъ, отписать имѣніе, убытки людямъ съ тебя доправить, а за вины твои бить тебя батогами.» Всѣ осужденные были послѣ того нещадно сѣчены розгами. Деньги и имѣніе, взятыя у осужденныхъ полковниковъ, безъ разбора раздавали Стрѣльцамъ, всякому, сколько кто показывалъ убытка ([51]). Такой успѣхъ просьбы къ Царю произвелъ шумную радость между Стрѣльцами; на радости начались пьянство и буйство. Правительство не принимало никакихъ охранительныхъ мѣръ. Смѣнивъ Долгорукаго, Стрѣлецкій Приказъ поручили неопытному юношѣ, брату Царицы, Ивану Ки-

риловичу Нарышкину. Казалось, при Дворѣ ожидали порядка и устройства только съ прибытіемъ Матвѣева, или думали, что необузданныя страсти утихнутъ сами собою. Дѣйствительно: волненіе Стрѣльцовъ могло кончиться тишиною и Матвѣевъ могъ устроить дѣла, но взаимная ненависть дворскихъ крамолъ и оскорбленная гордыня упадшихъ временщиковъ увидѣли въ смутѣ Стрѣлецкой послѣднее, отчаянное средство борьбы, и употребили его на пагубу враговъ своихъ, на достиженіе преступной цѣли (52). г. 1682.

По кончинѣ царя Ѳеодора, кромѣ царевича Іоанна, оставались еще *шесть царевенъ*, сестеръ его, равно не терпѣвшихъ Наталіи и оскорбленныхъ избраніемъ Петра мимо старшаго брата. Онѣ всѣ изъявляли негодованіе, но двѣ старшія царевны, *Евдокія* и *Марѳа*, благочестивыя, набожныя, при немолодыхъ лѣтахъ своихъ, не думали вмѣшиваться въ мірское дѣло. Не такъ думала третья царевна, *Софія Алексѣевна*, дѣвица 24-лѣтъ, прекрасная собою, умная, гордая, смѣлая, краснорѣчивая, начетчица книгъ, даже сама сочинявшая стихи и комедіи (53). Когда все преклонилось передъ младшимъ братомъ ея, Софія осмѣлилась призвать къ себѣ Патріарха и старшихъ бояръ, и спрашивала ихъ: «какою властью дерзнули они возвести на престолъ младшаго брата, вопреки правамъ старшаго?» Ей отвѣчали, что Іоаннъ добровольно отрекся отъ престола. «Вы избрали Петра только вашею думою и не спросили у народа!» возразила Софія. Патріархъ отвѣчалъ, что народъ изъявилъ свое согласіе. Софія не внимала словамъ его и предложила неслыханное дѣло: уничтожить опредѣленіе Боярской Думы и возвести на престолъ

Царевна Софія Алексѣевна.

г. 1682. обоихъ братьевъ. Напрасно Патріархъ спорилъ, утверждалъ, что двоевластіе будетъ пагубно государству. «Но развѣ лучше власть вельможъ, когда они станутъ править государствомъ отъ имени Царя отрока?» возражала Софія. Ее просили наконецъ не нарушать избранія Божія и народнаго. Вѣроятно, сказали и болѣе. Софія умолкла ([54]).

Можетъ быть, Софія не думала возставать явно, даже и потому, что не видѣла возможности сопротивляться, но когда словамъ ея оказали презрительную невнимательность, когда новое правительство съ перваго дня обнаружило пристрастіе, нерѣшительность, слабость, оскорбленная гордость и хитрый, смѣлый умъ Софіи вспыхнули обширными, кровавыми думами. Погубить враговъ, схватить власть, явить въ себѣ новую Ольгу, новую Елену — таковы были замыслы Софіи. Тайно явился къ ней опальный Милославскій. Совѣсть и присягу готовъ онъ былъ уступить, но не находилъ еще средствъ — Софія уже нашла ихъ: она указала ему на Стрѣльцовъ.

Замыслы Софіи.

Направить неопредѣленно шатавшееся буйство ихъ къ одной опредѣленной цѣли, усилить опасеніе ихъ противъ новаго правительства угрозами, и гордость ихъ мольбою, да будутъ они заступниками старшаго, утѣсненнаго царевича Іоанна; уничтожить боязнь наказанія за мятежъ, возбудить корыстолюбіе обѣщаніемъ наградъ — таковы были предначертанія Софіи и Милославскаго. Бунтъ и убійство уже не казались имъ страшны. Къ дѣлу приступили тайно, но смѣло, поспѣшно. Софія смиренно укрылась въ свой теремъ. Милославскій притворился больнымъ, оставался дома, легъ въ

постелю, лечился. Тайными сообщниками Софіи были людп не знатные, но хитрые и отчаянные: дьякъ Шакловитый, дворянинъ Сунбуловъ, два брата Толстые, полковники Озеровъ, Циклеръ, и нѣсколько другихъ Стрѣлецкихъ начальниковъ. Постельница Софіи, Өедора Семенова, переносила вѣсти между Софіею, Милославскимъ и Стрѣльцами (55). г. 1682.

И безъ того въ буйныхъ кликахъ Стрѣльцовъ прорывались слова, что они «знаютъ теперь, какъ управляться съ своими злодѣями и скоро доберутся до всѣхъ государевыхъ измѣнниковъ.» Вскорѣ по Москвѣ пошли слухи и толки, что царевичъ Іоаннъ обойденъ неправедно; что Матвѣевъ, извѣстный любитель Нѣмцовъ, будетъ правителемъ на гибель православія; что князь Долгорукій, оскорбленный Стрѣльцами, обѣщаетъ кончить съ ними дѣло по своему. Умы страшно взволновались; грубыя страсти разшевелились; искра брошена была удачно и клеветы начали умножать ежечасно: представляли Стрѣльцамъ гоненіе, воздвигнутое на бѣднаго царевича Іоанна и сестеръ его, опалу старыхъ, добрыхъ бояръ, опасность самой вѣры православной; успѣли во всемъ оправдать Милославскихъ, свалили вины ихъ на Языкова — а правительство еще медлило! Присягая царю Петру, Сунбуловъ осмѣливался громко говорить на Красной площади, что Іоаннъ обойденъ неправедно — онъ остался не наказанъ (56). Избраннымъ, самымъ буйнымъ Стрѣльцамъ изъясняли тайно, что если при благочестивомъ царѣ Өеодорѣ было великое самовластіе боярское, то еще страшнѣе будетъ оно при Царѣ младенцѣ; что правленіе должно вручить крѣпкой рукѣ, и говоря такъ, имъ

Г. 1682. указывали на мудрую, благочестивую царевну Софію. Сходбища Стрѣльцовъ усилились; старшіе воспламеняли рядовыхъ. Нѣкоторые изъ Стрѣлецкихъ полковъ еще колебались, но только одинъ полкъ, *Сухаревскій*, отказался отъ мятежныхъ совѣщаній рѣшительно, благодаря усердію пятидесятника Ивана Борисова и пятисотника Василья Бурмистрова; всѣ другіе были готовы идти, куда имъ велятъ, дѣлать, что имъ прикажутъ; однихъ убѣдили вино и деньги; другіе обѣщали не выдавать товарищей ([57]);

Бунтъ Стрѣльцовъ. Мрачная туча мятежа тяжелѣла надъ Москвою. Правительство все знало и бездѣйствовало, не принимало никакихъ предохранительныхъ мѣръ: ждали Матвѣева и безъ него, какъ будто потеряли умъ. Матвѣевъ слышалъ на дорогѣ страшныя вѣсти, не боялся ихъ, спѣшилъ въ Москву. «Уйму смятенія или положу голову мою!» говорилъ онъ. Въ Троицко-Сергіевской лаврѣ встрѣтилъ его царскимъ поздравленіемъ думный дворянинъ Юрій Лотухинъ; въ Братовщинѣ привѣтствовалъ его братъ царицы Наталіи, Аѳанасій Кириловичъ Нарышкинъ. Всѣ бояре и сановники явились къ нему въ домъ его, когда онъ пріѣхалъ въ Москву, 10-го Мая; не былъ только Милославскій. Горестно взирая на опустошенный домъ свой, Матвѣевъ забылъ все, когда со слезами радости повергся передъ Наталіею и юнымъ сыномъ ея. Царица привѣтствовала его именемъ спасителя отечества. Не упуская времени приступили къ дѣламъ. Матвѣевъ не одобрялъ медленности правительства, предлагалъ мѣры строгія; съ нимъ не соглашались; еще прошло четыре дня; въ Думѣ Боярской разногласили и ничего не было рѣшено ([58]). По-

спѣшнѣе и единодушнѣе дѣйствовали Софія, Милославскій, Хованскій, Голицынъ. Средства возбуждать мятежъ довели до грубой нелѣпости: Софія знала съ кѣмъ имѣетъ дѣло. г. 1682.

Накапунѣ возстанія Стрѣльцовъ нѣсколько переодѣтыхъ людей начали ѣздить по Москвѣ, забирать мятежниковъ, бить ихъ, сѣчь, приказывая имъ уняться. Говорили, что какой-то молодой бояринъ, называя себя Иваномъ Нарышкинымъ, ѣздитъ по Стрѣлецкимъ слободамъ и грозится истребить Стрѣльцовъ до конца. Нечистая совѣсть бунтовщиковъ была для нихъ мѣрою угрожавшей опасности. Кто еще колебался — рѣшился, кто недоумѣвалъ — приступилъ къ общему дѣлу. Ночью на 15-е Мая ударили сборъ по всѣмъ съѣзжимъ избамъ Стрѣлецкимъ. Братья Толстые, Сунбуловъ, Озеровъ скакали повсюду, сзывая Стрѣльцовъ, крича, что измѣнники бояре хотятъ поутру приступить къ изслѣдованію всего учиненнаго донынѣ Стрѣльцами и что таковъ былъ первый совѣтъ Матвѣева, стараго вора и измѣнника; къ несчастію, Матвѣевъ, встрѣтившій Стрѣльцовъ угрюмымъ выговоромъ, когда они пришли поздравить его съ пріѣздомъ въ Москву, подтвердилъ мятежникамъ всѣ клеветы, на него взводимыя, своимъ неосторожнымъ усердіемъ. Еще болѣе усиливали нелѣпыя обвиненія на начальника Стрѣлецкаго Приказа, юнаго Ивана Кирилловича Нарышкина; говорили, что онъ «не познаетъ мѣры своей гордости, схватываетъ за бороды старыхъ бояръ, садится на царскій тронъ, надѣваетъ на себя царскій вѣнецъ и похваляется: «не правда ли, что никому царскій нарядъ такъ не пригодится, какъ мнѣ, доброму молодцу, пригождается?» Еще

г. 1682. боится онъ царицы Марѳы Матвѣевны и царевны Софіи Алексѣевны, но только Богъ единый вѣдаетъ, какіе таитъ онъ преступные замыслы (59)!» Мятежники всему повѣрили; разгоряченные виномъ, одѣляемые деньгами, они взялись за оружіе — ждали только *ясака* набатнаго, знака возстанія. Видя ночное волненіе, слыша барабанный бой, шумъ бунтовщиковъ, рано поутру 15-го Мая бояре съѣхались во дворецъ совѣщаться, а по Стрѣлецкимъ слободамъ мгновенно раздались клики: «Спѣшите, добрые люди! Совершилось злодѣйство: царевичъ Іоаннъ убитъ; Иванъ Нарышкинъ задушилъ его! Мстите за царскую кровь!» Звѣрскіе вопли были отвѣтомъ. Набатъ загрохоталъ по Московскимъ церквамъ. У Стрѣлецкихъ съѣзжихъ били сборъ, вопія: «Въ Кремль, въ Кремль! Іоанна убили Нарышкины (60)!» Другіе кричали, что и царь Ѳеодоръ былъ отравленъ и въ смерти его подозрѣваютъ царскаго врача, еретика, проклятаго Нѣмца, доктора Гадена. «Гаденъ отравилъ Ѳеодора!» повторяли толпы. «Матвѣевъ собираетъ дѣтей боярскихъ, холопей и народъ — хочетъ идти на насъ, перебить насъ! Смерть измѣнникамъ!» Главнымъ бунтовщикамъ раздавали между тѣмъ списки обреченныхъ на гибель. Имя *Матвѣева* стояло впереди всѣхъ; за нимъ были имена *Нарышкиныхъ;* потакая мятежникамъ и не щадя бывшаго друга, потомъ измѣнника, но вмѣстѣ съ Милославскими попавшаго въ опалу, прибавили имя ненавистнаго Стрѣльцамъ *Языкова.* Поздно было боярамъ обдумывать и спорить о мѣрахъ укротить мятежъ. Ухвативъ копья и бердыши, Стрѣльцы отвсюду бѣжали въ Кремль; другіе изъ нихъ толпами сошлись въ Знаменскій монастырь на Варваркѣ,

отслужили тамъ молебенъ, взяли съ собою иконы; г. 1682.
третьи выступили изъ слободъ своихъ стройно, везли двѣ пушки, шли съ распущенными знаменами и барабаннымъ боемъ ([60]).

Кончина Матвѣева.

Матвѣевъ собирался ѣхать домой послѣ боярскаго совѣта, успокоилъ царицу Наталію и шелъ по маленькой дворцовой лѣстницѣ къ своей боярской каретѣ. Тутъ попался ему на встрѣчу князь Ѳедоръ Урусовъ, извѣстилъ о бунтѣ, сказалъ, что Стрѣльцы уже перешли Бѣлый городъ. Матвѣевъ поспѣшно воротился къ царицѣ Наталіи, гдѣ сошлись еще нѣкоторые изъ бояръ, трепетали, совѣтовались и рѣшили только запереть ворота Кремлевскія ([62]). И то было поздно. Барабанный бой, крикъ, набатъ на Иванѣ Великомъ возвѣстили появленіе мятежниковъ въ Кремлѣ. Они уже ломали кареты и колымаги бояръ, стоявшія около дворца. Едва успѣли затворить деревянную рѣшетку на Красное крыльцо. Стрѣльцы притащили лѣстницы и полѣзли во дворецъ. Среди воплей и крика ихъ невозможно было разобрать чего хотятъ они. Къ умноженію страха прекрасный Майскій день измѣнился: небо - мгновенно обложилось тучами, поднялся вѣтръ, взвился вихрь. Съ ужасомъ вспомнили, что 15-е *Мая* былъ несчастный для Россіи день убіенія Димитрія царевича ([63]). Выслали спросить у мятежниковъ: что имъ надобно? «Нарышкины убили царевича Іоанна! Отдайте намъ царскихъ измѣнщиковъ и нашихъ злодѣевъ!» кричали Стрѣльцы. Отвѣты были переданы Царицѣ. Бояре уговорили ее выйдти на дворцовую площадку передъ Краснымъ крыльцомъ и показать Стрѣльцамъ царевича Іоанна и царя Петра. Трепеща исполнила Царица со-

г. 1682. вѣтъ боярскій. Петръ, Іоаннъ, Патріархъ, Матвѣевъ, бояре вышли къ Стрѣльцамъ; вопли и проклятія привѣтствовали ихъ появленіе. «Вотъ царевичъ Іоаннъ,» говорила царица Наталія — «васъ обманули, добрые люди: онъ живъ!» Стрѣльцы не вѣрили. Царевичъ Іоаннъ увѣрялъ ихъ, что онъ дѣйствительно Іоаннъ царевичъ. «Стало насъ обманули!» заговорили многіе. Смятеніе вдругъ начало стихать, но его умѣли подкрѣпить. «Сегодня Іоаннъ не убитъ, такъ убьютъ его завтра!» закричали голоса въ толпѣ, и клики сильнѣе прежняго: «Нѣтъ, нѣтъ! Выдайте намъ измѣнщиковъ и злодѣевъ нашихъ, Нарышкиныхъ, Языковыхъ, Матвѣевыхъ!» слились въ общій голосъ. Матвѣевъ безтрепетно стоялъ возлѣ царицы Наталіи «Я не измѣнникъ!» воскликнулъ онъ — «смотрите: иду къ вамъ! Послушайте моего добраго совѣта, а не то возьмите мою сѣдую голову, коли она вамъ надобна!» Его не хотѣли пустить, но онъ былъ уже на ступеняхъ крыльца, велѣлъ отворить рѣшетку, сошелъ внизъ, въ тѣсную толпу бунтовщиковъ. Съ нимъ сошелъ князь М. Ю. Долгорукій. Стоя среди Стрѣльцовъ, Матвѣевъ началъ говорить имъ, кротко но смѣло; излагалъ нелѣпость обвиненія и беззаконность требованія; обѣщалъ милостивый судъ царскій, напомнилъ милость царскую, еще столь недавно имъ показанную, *припоминалъ* походы свои съ ними, услугу ихъ, подъ его начальствомъ, во время Коломенскаго бунта при царѣ Алексіи (64). Стрѣльцы опомнились, остановились; шумъ и мятежъ затихали. Князь Долгорукій безразсудно уничтожилъ доброе начало. Какъ бывшій прежде начальникъ Стрѣльцовъ, онъ гнѣвно началъ порицать, бранить

ихъ, грозить имъ наказаніемъ. «Слышите ли, что поговариваютъ бояре?» воскликнули раздраженные мятежники. «Хотятъ улестить, обмануть насъ: разочтемся ихъ головами за наши! Бей! Любо!» и Долгорукій палъ, пронзенный бердышами. Матвѣева спѣшили вырвать изъ рукъ злодѣевъ. Кровь отуманила убійцъ; поздно было имъ опомниться послѣ кроваваго начала. Патріархъ бросился на встрѣчу Стрѣльцамъ, бѣжавшимъ на Красное крыльцо. «Прочь съ совѣтами!» кричали Стрѣльцы. «Мы сами разберемъ, кого намъ надобно!» — Они толкали, чуть не сбили съ ногъ святителя, и уставивъ копья и дротики впередъ, съ гикомъ радости ворвались во дворецъ. Царица Наталія схватила на руки Петра и убѣжала съ нимъ въ Грановитую Палату. Вопль: «Любо!» возвѣстилъ смерть Матвѣева; его схватили, сбросили внизъ съ Краснаго крыльца, приняли внизу на копья, разрубили бердышами на части (65). Князь Михаилъ Черкаскій, личный врагъ Матвѣева, оказалъ доблестное мужество въ минуту общаго страха: онъ ухватился за Матвѣева, не отдавалъ его; на Черкаскомъ изорвали платье, отнимая жертву. Всѣ другіе бояре бѣжали, скрывались, кто куда успѣвалъ и могъ скрыться (66). Неистово побѣжали Стрѣльцы по царскимъ, неприступнымъ дотолѣ чертогамъ, всюду искали Нарышкиныхъ, вломились даже въ терема Царевенъ, вездѣ разбивали ящики, шкафы, переворачивали постели. Имъ попался на встрѣчу молодой Салтыковъ; его почли Иваномъ Нарышкинымъ; Салтыковъ трепеталъ, хотѣлъ говорить и не могъ промолвить ни одного слова — его умертвили; убили еще дьяка *Ларіона Иванова* и сына его, полковниковъ *Го-*

г. 1682.

г. 1682. *рюшкина*, *Дохтурова* и двухъ *Юреневыхъ*. Наконецъ, въ церкви Воскресенія на Сѣняхъ, подъ алтаремъ, найденъ былъ Аѳанасій Кириловичъ Нарышкинъ. Царицынъ карло Хомякъ указалъ убѣжище несчастнаго, и его зарѣзали, какъ пророка Захарія «между церковью и алтаремъ (67)». Старый, суровый воевода, князь Григорій Ромодановскій спѣшилъ уѣхать домой; его остановили между Иваномъ Великимъ и Чудовымъ монастыремъ. «Бей злодѣя! Онъ мучилъ насъ въ Чигиринскомъ походѣ!» кричали одни изъ Стрѣльцовъ. «Любо!» отвѣчали другіе и Ромодановскій былъ разтерзанъ (68).

Когда начались убійства въ Кремлѣ, отдѣльныя толпы Стрѣльцовъ бросились въ домы Нарышкиныхъ; убили стольника И. О. Нарышкина, не нашли другихъ, но разграбили, опустошили домы ихъ, рвали, бросали на улицу драгоцѣнныя одежды, ломали утвари. Стрѣльчихи дѣйствовали вмѣстѣ съ мужьями; съ воплемъ и хохотомъ кидали онѣ въ грязь драгоцѣнности и топтали ихъ ногами; никто ничего не бралъ себѣ; нѣсколько человѣкъ Стрѣльцовъ были даже убиты товарищами за то, что хотѣли спрятать и утаитъ разныя мѣлкія дорогія вещи. Только вину не давали пощады — разбивали бочки, пили замертво; забирали еще деньги въ общую казну, предполагая раздѣлить ихъ въ кругахъ. Толпа Стрѣльцовъ ворвалась къ Патріарху, требуя выдачи измѣнниковъ. Старецъ вышелъ къ нимъ въ облаченіи, готовясь на смерть. «У меня нѣтъ измѣнниковъ!» сказалъ онъ. Мятежники смутились и ушли отъ него поспѣшно. Жилище доктора Гадена было опустошено; взяли жену его и увели ее въ Кремль; захватили еще сосѣда Гаденова, доктора Гутменша, крича: «Ты

знаешь, гдѣ скрывается Гаденъ!» Злодѣи мечтали облечь преступленіе въ какое-то право исполнителей правосудія: дьяка Ларіона Иванова убили за то, что онъ находился нѣкогда въ Стрѣлецкомъ Приказѣ и притѣснялъ Стрѣльцовъ; дьяка Аверкія Кирилова истерзали, обвиняя въ возвышеніи цѣнъ на соль ([69]). Г. 1682.

Тѣла убитыхъ волокли на площадь къ Лобному мѣсту, съ неистовымъ хохотомъ, крича попадавшимъ на встрѣчу: «Прочь, прочь! Видишь — ѣдетъ бояринъ, полковникъ, думный дьякъ!» На трупъ Ларіонова положили сушеную каракатицу, найденную въ его домѣ; убійцы думали, что то была змѣя, высушенная и приготовленная на отраву добрыхъ людей ([70]).

День свечерѣлъ. Смятеніе въ Кремлѣ утихло. Стрѣльцы обставили караулами дворецъ и поставили крѣпкую стражу у всѣхъ воротъ Кремлевскихъ. Но по Москвѣ волненіе долго еще не стихало, до самой ночи. Трупъ Салтыкова Стрѣльцы привезли къ несчастному отцу убитаго, извиняясь, что погубили сына его ошибкою ([71]). Боясь смерти, отецъ не показалъ горести. «Воля Божія!» говорилъ онъ, ласково угощалъ убійцъ виномъ, извинялъ ошибку ихъ и уцѣлѣлъ. Другая толпа Стрѣльцовъ явилась въ домъ князя Долгорукаго и также извинялась передъ нимъ въ смерти сына. «Онъ самъ пошелъ на ссору съ нами,» говорили Стрѣльцы, «началъ позорить насъ, добрыхъ людей, грозилъ намъ и привелъ насъ въ ярость». Восьмидесятилѣтній, больной и дряхлый старикъ, князь Долгорукій лежалъ въ постели, не спорилъ съ убійцами, подчивалъ ихъ водкою, далъ имъ денегъ. Едва оставили они домъ его, жена убитаго сына его заплакала, зарыдала. «Не плачь,» говорилъ

г. 1682. ей старикъ — «Богъ отмститъ за насъ. Щука умерла, да зубы у нея остались живы; висѣть имъ всѣмъ измѣнникамъ и злодѣямъ на висѣлицѣ!» Слова старика были подслушаны и пересказаны Стрѣльцамъ невѣрнымъ холопомъ; въ бѣшенствѣ воротились они въ домъ князя Долгорукаго; за сѣдые волосы стащили старца съ кровати, убили его, терзали трупъ и потащили къ Лобному мѣсту. Между тѣмъ вездѣ искали Гадена и Языкова, нагло осматривали домы и жилища иностранцовъ, всюду требуя вина и денегъ ([72]).

Настала ночь. Въ царскомъ дворцѣ собралось тайно нѣсколько бояръ и духовныхъ особъ, но никто не зналъ и не рѣшалъ что начать. Можно было видѣть, что народъ не раздѣляетъ преступнаго неистовства Стрѣльцовъ; можно было догадаться, что есть тайные руководители бунта, и даже *кто* они ([73]). Но чего хотѣли зачинщики свирѣпаго мятежа? Софія и Милославскій не являлись. Усмирить Стрѣльцовъ, при всеобщемъ недоумѣніи народа, при небольшомъ числѣ Нѣмецкихъ солдатъ, трепетавшихъ за жизнь свою въ отдаленной Нѣмецкой слободѣ, когда 14,000 вооруженныхъ бунтовщиковъ владѣли Кремлемъ, не было возможности ([74]). Надѣялись, что слѣдующій день уже не будетъ, по крайней мѣрѣ, свидѣтелемъ кровавыхъ позорищъ, что Стрѣльцы опомнятся и тайные предводители ихъ скажутъ чего требуютъ они. Но злоба тѣхъ, кто окровавленнымъ перстомъ назначалъ жертвы убійцамъ, еще не насытилась, и на другой день бунтъ явился тѣмъ опаснѣе, что не былъ уже безотчетнымъ порывомъ слѣпаго бѣшенства, но злодѣйствомъ обдуманнымъ, ожесточеннымъ и хладнокровнымъ.

Пока одни изъ мятежниковъ съ утра отправились обыскивать домы, другіе окружили дворецъ царскій, и свирѣпо и неумолимо потребовали выдачи Нарышкиныхъ и Гадена. Напрасно уговаривали, просили, умоляли ихъ. Они согласились только (можетъ быть, такъ велѣно было имъ) не обрекать всѣхъ Нарышкиныхъ на смерть и пощадить ихъ, если выдадутъ главнаго злодѣя *Ивана Нарышкина,* а остальныхъ добровольно удалятъ отъ Двора. Иванъ Нарышкинъ, юный, смѣлый, вѣроятно, страшилъ враговъ своихъ; отца его и другихъ его свойственниковъ не боялись. Царица Наталія безмолвно плакала. Время протекало и безпрерывно приносили отвсюду ужасныя вѣсти. Боярина Языкова нашли наконецъ Стрѣльцы у священника приходской церкви его, Николы въ Хлыновѣ, убили и утащили на Лобное мѣсто (75). Неожиданно привели въ Кремль изъ Нѣмецкой слободы сына Гаденова, свели его на очную ставку съ матерью и Гутменшемъ и спрашивали объ отцѣ. Несчастный клялся, что ничего не знаетъ; его бросили на копья; вслѣдъ за нимъ бросили Гутменша; уже принимались за жену Гадена, и напрасно царица Марѳа Матвѣевна выслала просить пощады; несчастная докторша ждала смерти, но крикъ: *Нашли Нарышкина!* остановилъ убійство. Найденный Нарышкинъ былъ однакожь не Иванъ Кириловичъ, но дальній родственникъ царицы Наталіи. Разъяренные ошибкою, злодѣи безжалостно убили его и тѣмъ неумолимѣе требовали брата Царицы (76). г. 1682.

Прошелъ другой и насталъ третій день. Беззащитно предана была Москва свирѣпому скопищу злодѣевъ, какъ будто въ столицѣ Русскихъ царей

г. 1682. вовсе не стало правительства и власти. Бунтъ становился ужасенъ, грозилъ великою гибелью. Уже дерзость Стрѣльцовъ переходила всѣ предѣлы. Они начали грабежи по улицамъ, драки съ народомъ; народъ грозилъ имъ, собирался толпами; избранные отъ разныхъ сословій Москвы тайно являлись во дворецъ, вызываясь на защиту Царя. Стрѣльцы ворвались въ Холопій Приказъ, изорвали тамъ крѣпости, записи, объявили свободу холопямъ; никто не принялъ ихъ страшнаго дара (77), но что могло быть далѣе? Рука пьянаго бунтовщика могла воспалить пожаръ, начать кровавое побоище между Стрѣльцами и народомъ. Вѣроятно, такихъ послѣдствій содрогнулась сама Софія. Надобно было кончить страшное дѣло, и величаво явилась она среди царедворцовъ и бояръ (78).

Торжество Софіи. Она не хотѣла тогда смерти Петра. Излагая всѣ подробности событія, самые враги ея не взводили на нее такого страшнаго обвиненія. Вѣримъ, что Софію ужасало еще проклятіе народа, страшилъ еще гнѣвъ Божій за братоубійство и царсубійство; можетъ быть, она боялась даже, что руки злодѣевъ не подымутся на державнаго отрока. Сначала предопредѣляла она царскій престолъ одному Іоанну, хотѣла свергнуть Петра; въ томъ почти нѣтъ сомнѣнія (79). Но почему вздумала она потомъ раздѣлить престолъ между Іоанномъ и Петромъ? Дѣло поясняется противоборствомъ множества бояръ и царедворцовъ и явнымъ сопротивленіемъ народа, не хотѣвшаго играть своею присягою. Уступая общему мнѣнію, являясь благотворною усмирительницею кроваваго мятежа, Софія могла всего ожидать въ будущемъ. Власть и побѣда доставались ей тяжкою цѣною крови,

но или и сама Софія не могла уже укротить безъ того взволнованныхъ страстей, или ей надобно было еще одно кровавое доказательство неминуемой гибели смѣлаго противника: она потребовала головы Ивана Кирилловича Нарышкина. г. 1682.

Соблюдая все хладнокровіе обдуманнаго злодѣйства, Софія призвала къ себѣ трепетавшаго отъ страха Патріарха и совѣтовала ему созвать бояръ и избранныхъ изъ народа, положить конецъ смятенію и «добромъ уставить государское дѣло.» Патріархъ согласился въ мудрости совѣта. Сошлись немногіе оробѣлые бояре. Отправили нарочныхъ по всей Москвѣ сзывать другихъ. Софія сурово обратилась къ царицѣ Натаііи. «Развѣ не видишь,» говорила она, «что тебѣ не спасти своего брата? Или ты хочешь изъ-за него погубить отца своего, себя и всѣхъ насъ? Покорись волѣ Божіей, отдай брата Стрѣльцамъ; мы постараемся уговорить ихъ не казнить его.» Совѣтъ Софіи подтвердили всѣ собранные бояре, извѣщая притомъ, что Стрѣльцы уже теряютъ терпѣніе, грозятъ зажечь дворецъ, если Иванъ Кириловичъ не будетъ имъ выданъ. Тщетно еще противилась царица Наталія. Безсильная, оставленная своими совѣтниками и боярскою думою, три дня проведшая въ отчаяніи за жизнь всего, что только было ей мило и дорого на свѣтѣ, она видѣла себя уже не царицею, но слабою, беззащитною вдовою, матерью царя сироты, надъ драгоцѣнною главою котораго подняты были мечи убійцъ. На что не могли рѣшиться они? Искупая тяжкою жертвою спасеніе самой жизни сына, не только престолъ его, Наталія отдала на смерть брата единоутробнаго. Безутѣшно проливая горькія слезы,

Г. 1682. она согласилась на всѣ требованія. Извѣстили Стрѣльцовъ, что имъ выдадутъ Ивана Нарышкина, если они перестанутъ бунтовать и не потребуютъ ни кого болѣе. «Только Гадена еще!» завопили они. «Злодѣй отравилъ Ѳеодора. Въ домѣ у него нашли моченыхъ и сушеныхъ змѣй и гадовъ; онъ душегубецъ и колдунъ!» — «Гадена нѣтъ во дворцѣ,» отвѣчали имъ, и наконецъ сторговались на жизни одного Ивана Кириловича. Стрѣльцы обѣщали прекратить волненіе, довольные тѣмъ, что главные злодѣи ихъ будутъ истреблены, Іоаннъ живъ, Нарышкины лишатся всякой власти; дальнѣйшее рѣшеніе судьбы государства соглашались они передать на волю боярской думы. Надлежало покориться страшной необходимости.

Смерть И. К. Нарышкина.

Отецъ царицы Наталіи, старецъ Кирилъ Полуектовичъ, Иванъ Кириловичъ, трое младшихъ братьевъ его, несовершеннолѣтнихъ, нѣкоторые родственники ихъ и юный сынъ Матвѣева Андрей были скрыты во дворцѣ. При первомъ нападеніи Стрѣльцовъ спрятали ихъ по разнымъ мѣстамъ; потомъ свели въ теремъ царевны Маріи Алексѣевны, уважаемой всѣми за ея благочестіе; постельница царевны, Клушина, обстригла волосы несчастнымъ плѣнникамъ и укрыла ихъ въ чуланѣ, заваленномъ пуховиками. Сына Матвѣева взялся тогда вывести изъ Кремля придворный карло Комаровъ, и переодѣтаго, благополучно свезъ его къ своему родственнику. Нарышкины не смѣли оставить дворца и двои сутки провели въ смертномъ страхѣ. Нѣсколько разъ слышали они, какъ мятежники ходили мимо нихъ, даже кололи копьями въ пуховики, подъ которыми они были укрыты (60). Отсюда взяли несчаст-

наго старца Кирила Полуектовича и дѣтей его, и повели въ церковь Спаса за Золотою Рѣшеткою. Тамъ объявили Ивану Кириловичу страшное рѣшеніе. Софія подтвердила, что смерть его необходима. Всѣ плакали. «Не думаешь ли, Софія Алексѣевна, что я боюсь смерти?» смѣло отвѣчалъ Иванъ Кириловичъ. «Отдайте меня злодѣямъ, но пусть только головою моею сохранятся головы другихъ ([81])!» Онъ исповѣдался, пріобщился св. тайнъ, взялъ въ руки икону. Клики убійцъ, нагло требовавшихъ его, слышались сквозь стѣны тѣснаго, затвореннаго храма Божія. «Что ты медлишь, Иванъ!» говорилъ Нарышкину торопливый бояринъ князь Яковъ Одоевскій, дрожа отъ страха. «Иди скорѣе — спасай всѣхъ насъ, а тебѣ, государыня царица, сколько ни держать брата, а выдать надобно ([82])!» Наталія сама вывела Ивана Кириловича на площадку подлѣ церкви; онъ несъ въ рукахъ икону Богоматери. За ними влачился несчастный отецъ. Какъ звѣри лютые устремились на нихъ провожадные Стрѣльцы. Наталія хотѣла еще умолять убійцъ; ее не слушали, вырвали изъ рукъ ея брата и потащили его внизъ. Радостные клики на Красномъ крыльцѣ возвѣстили новое торжество злодѣевъ: товарищи ихъ нашли и привели несчастнаго доктора Гадена. Два дня, одѣтый въ нищенскія рубища, скрывался онъ въ подгородномъ лѣсу, и измученный голодомъ, рѣшился наконецъ пробраться въ городъ, но былъ узнанъ, схваченъ и привлеченъ въ Кремль ([83]). Не легкую смерть, но страшное истязаніе готовили Нарышкину и Гадену. Стрѣльцы увлекли ихъ въ Константиновскій застѣнокъ, пытали, мучили, допрашивали. Гаденъ наговорилъ на г. 1682.

г. 1682. себя всѣ преступленія, какія ему подсказали. Нарышкинъ былъ твердъ, и страшно истязуемый, клялся въ своей невинности. Полуживыхъ, истерзанныхъ притащили ихъ къ Лобному мѣсту, изрубили въ куски, топтали останки ихъ ногами (34). Несчастному старцу Кирилу Полуектовичу суждено было пережить двухъ юныхъ сыновей; Стрѣльцы сдержали слово, не убили его; пока терзали Ивана Кириловича, родитель Царицы былъ отведенъ въ Чудовъ монастырь, постриженъ тамъ насильно, и подъ именемъ *старца Кипріана* отправили его въ простой телѣгѣ въ Кириловъ Бѣлозерскій монастырь, гдѣ нѣсколько лѣтъ молился онъ, забытый всѣми, испытавъ величіе и превратность суетнаго земнаго счастія (35).

Между тѣмъ Софія вышла къ Стрѣльцамъ, окружавшимъ дворецъ и ласково уговаривала ихъ укротить смятеніе; благодарила за вѣрную службу, за любовь къ царскому дому, объявляя, что начальникомъ Стрѣлецкаго Приказа будетъ отнынѣ любимый ими князь Иванъ Андреевичъ Хованскій; всѣмъ Стрѣльцамъ раздано будетъ въ награду по десяти рублей на человѣка; прежнія службы ихъ будутъ разсмотрѣны; смерть бояръ и другихъ людей не причтется имъ въ вину, а за похвальную службу ихъ будутъ они наименованы *Надворною пѣхотою.* Не только подъ смертною казнью запрещено будетъ называть ихъ бунтовщиками и измѣнниками, но великій подвигъ ихъ, на память градущимъ родамъ, написанъ будетъ на каменныхъ столбахъ, сооруженныхъ на Красной площади.

Стрѣльцы отвѣчали Царевнѣ радостными восклицаніями. Софія подчивала ихъ водкою, допустила ихъ

цѣловать ея руку, просила не препятствовать похоронить тѣла убитыхъ, уже по три дня заражавшія воздухъ гніеніемъ, а «объ государскомъ дѣлѣ положиться на ея и боярское попеченіе.» Она просила притомъ мятежниковъ «быть на службу государеву готовыми, но за оружіе не приниматься.» Г. 1682.

Окончаніе Стрѣлецкаго бунта.

Мая 17-го, вечеромъ, умолкли набатъ, барабанный бой, вопли бунтовщиковъ. Стрѣльцы торжествовали побѣду, ходили по улицамъ пьяные, хвастали, буянили, но не препятствовали убирать тѣла убитыхъ (86); никто не осмѣливался до того времени прикасаться къ нимъ, кромѣ одного вѣрнаго раба: то былъ Арапъ, холопъ Матвѣева; онъ явился къ Лобному мѣсту въ первый день бунта, собралъ въ коверъ растерзанныя части тѣла своего несчастнаго господина, положилъ ихъ въ гробъ, отвезъ въ церковь Николы въ Столпахъ и честно похоронилъ ихъ тамъ на погостѣ. Благодарный сынъ Матвѣева наградилъ потомъ вѣрнаго слугу, и велѣлъ похоронить его въ той же палаткѣ, гдѣ была гробница Артемона Сергѣевича и гдѣ назначалъ онъ мѣсто для своей могилы (87).

Софія являлась повелительницею Двора и государства, но она видѣла всю опасность своего положенія: ей повиновались, покорствовали безспорно, пока ужасы трехъ минувшихъ дней исполняли всѣ сердца трепетомъ, но едва минулъ страхъ смерти, никто не скрывалъ чувства, возбуждаемаго темными дѣлами Софіи, коварствомъ друзей ея и свирѣпствомъ кровожадныхъ помощниковъ. Власть царицы Наталіи была уничтожена, но едва опомнились отъ страха и собрались во дворцѣ бояре, думные и духовные люди, едва предложили

г. 1682. имъ рѣшить «государское дѣло,» множество голосовъ согласно заговорили, что дѣло уже рѣшено, что въ Россіи есть уже царь и никто не можетъ нарушить и опровергнуть избранія Петра. Сообщники Софіи предложили собранію избрать Іоанна вмѣстѣ съ Петромъ. Большинство голосовъ объявило, что такого примѣра въ Россіи не бывало и отъ вѣка неслыханное дѣло править государствомъ двумъ царямъ. Напрасно возражали другіе, что тѣмъ прочнѣе будетъ власть; что когда одинъ царь пойдетъ на войну, другой останется править судомъ и правосудіемъ; что такъ было при Ѳеодосіи Великомъ, когда Аркадій и Гонорій владѣли Римскимъ царствомъ вмѣстѣ, такъ было и въ Египтѣ при Фараонѣ и Іосифѣ. Безпокойно и гнѣвно внимала Софія упорному сопротивленію. Совѣтъ разошелся безъ рѣшенія. Москва грустно томилась ожиданіемъ ([38]).

На другой день споры въ совѣтѣ усилились, на третій разгорѣлись они еще болѣе; уже начинали говорить смѣло, открыто, и Софія увидѣла необходимость напомнить безразсуднымъ ревнителямъ правды о кровавой грозѣ, едва пролетѣвшей надъ ихъ головами. Противники ея забыли уже, что по первому удару набата толпы Стрѣльцовъ опять явятся въ Кремль, и она напомнила забывчивымъ боярамъ, что не время «совѣтовать,» когда надобно «исполнить приказъ.» Мая 23-го пришли во дворецъ избранные Стрѣльцы, почтительно спросили о здравіи царя, царицъ, царевенъ; извѣстили, что у нихъ въ полкахъ все смирно, но «вѣдомо имъ стало,» прибавили избранные, «что царевичъ Іоаннъ объ утратѣ престола болѣзнуетъ, думные же люди о томъ не думаютъ и не тужатъ, а они Стрѣльцы же-

лаютъ, да будетъ Іоаннъ поставленъ въ цари, вмѣстѣ г. 1682.
съ братомъ; а несогласятся думные люди, то быть опять мятежу немалому и готовы они Стрѣльцы опять придти на государское дѣло.»

Ласково выслушали и отпустили Стрѣльцовъ; передали слова ихъ думѣ боярской и народной; рѣшеніе послѣдовало немедленное; дума единогласно опредѣлила: избрать Іоанна царемъ, какъ избранъ былъ царемъ Петръ, и царствовать имъ вмѣстѣ, а предварительно спросить у Стрѣльцовъ и народа, довольны ли будутъ православные такимъ рѣшеніемъ?

«Нѣтъ,» отвѣчали Стрѣльцы, явясь на другой день, опять извѣщая, что у нихъ въ полкахъ все смирно, и спрашивая о царскомъ здравіи — «нѣтъ, такому приговору не исполняться: Іоаннъ, старшій братъ, да будетъ старшимъ царемъ, а Петръ, младшій, вторымъ.»

Новый споръ въ думѣ былъ слѣдствіемъ сего предложенія. Мая 25-го Стрѣльцы еще разъ явились и требовали, «да будетъ имъ самимъ позволено видѣть царскія очи.» Князь Иванъ Андреев. Хованскій ввелъ просителей во дворецъ; тамъ увидѣли они собравшихся вмѣстѣ царевича Іоанна, царицу Мареу и царевну Софію. Допущенные къ цѣлованію руки, Стрѣльцы почтительно повторили свое требованіе. «Дай только Богъ смиреніе другимъ,» отвѣчала Софія, «а я съ вашею рѣчью согласна.» Царевичъ Іоаннъ возразилъ прискорбно, что онъ не хочетъ двоецарствія. «Если такъ угодно Богу и народу,» повелительно отвѣчала ему Софія — «ты долженъ повиноваться волѣ Божіей. Развѣ они сами отъ себя говорятъ? Богъ внушаетъ имъ рѣчи ихъ (89)!» Іоаннъ умолкъ. На другой день повѣстили

г. 1682. всей Москвѣ собираться въ Кремль и слушать рѣшеніе земской думы. Стрѣльцы, выборные, посадскіе люди, черпослободцы были призваны въ Грановитую Палату. Патріархъ предсталъ предъ ними и говорилъ: «Вѣдомо имъ, что по кончинѣ царя Өеодора, царевичъ Іоаннъ престоломъ брату своему, царю Петру, поступился, и присягнули всѣ они на вѣрность Петру единому; а потомъ учинилась о томъ Россійскаго царствія въ народахъ распря; и били они, патріархъ и бояре, челомъ царевичу Іоанну, да благоволитъ онъ милостиво въ бѣдность народа вступиться и принять престолъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ, на что онъ Іоаннъ благоизволилъ, и нынѣ учинились на престолѣ вмѣстѣ *цари и великіе князья Іоаннъ и Петръ.*» Громкіе клики: «Станемъ имъ, великимъ государямъ, служить и радѣть, добра имъ хотѣть и за нихъ головы свои полагать!» были отвѣтомъ. Патріархъ прочиталъ молитву; поставили налой съ крестомъ и евангеліемъ; все собраніе присягнуло. Объявили радостную вѣсть народу; раздался благовѣстъ въ большой колоколъ; Іоаннъ и Петръ, въ царскомъ облаченіи, тихо и важно шли рядомъ въ Успенскій соборъ, среди безчисленной толпы народа. Патріархъ служилъ молебенъ въ соборѣ, моля Бога, «да будетъ въ Россійскомъ государствѣ умиреніе и всякое благоденствіе.» Провозгласили многолѣтіе Царямъ и привѣтствовали ихъ. Они возвратились во дворецъ при кликахъ и благословеніяхъ народныхъ ([90]).

Избраніе въ цари Іоанна, вмѣстѣ съ Петромъ.

Софія правительница.

Черезъ три дня во дворцѣ было многочисленное собраніе чиновъ и выборныхъ изъ народа. Патріархъ объявилъ, что цари Іоаннъ и Петръ совѣтовались съ царицею Наталіею Кирилловною и съ своими тетками и

сестрами, «видя свое малолѣтство и въ великомъ ихъ государствѣ долженствующее ко всякому устройству многое правленіе, и изволили великаго своего и преславнаго Россійскаго царствія всякихъ государственныхъ дѣлъ правленіе вручить сестрѣ своей, благородной царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, и просили ее о томъ, но царевна не соглашается, и молить ее, царевну, положили всѣмъ боярскимъ и святительскимъ синклитомъ.» Собраніе согласилось съ святителемъ и отправилось въ теремъ Софіи. Тамъ всѣ повергнись передъ нею на колѣни и молили ее снизойдти на прошеніе братьевъ (91). Второй Годуновъ, долго отрицалась Софія — кончила согласіемъ, объявила, что «принимаетъ правленіе, дозволяетъ боярамъ, окольничимъ и думнымъ людямъ видѣть всегда свои государскія очи, и обо всѣхъ дѣлахъ ей докладывать, а за дѣлами сама она будетъ съ боярами сидѣть въ думной палатѣ (92).» Но Софія не согласилась помѣщать имени своего въ царскихъ грамахъ; велѣла только означать ея имя въ приговорахъ, послѣ именъ царей, передъ словами: «и бояре приговорили (93).» Поздравленіями царевнѣ заключился день. Славили мудрость Софіи и еще болѣе дивились ея смиренномудрію. Москва отдохнула; дѣла пришли въ обыкновенный порядокъ. Всюду посланы были указы о новой присягѣ Іоанну и Петру и распорядки объ ихъ царскомъ титулѣ (94). Потомъ спѣшили коронованіемъ Царей. Надобно было приготовить два вѣнца, два скипетра, двѣ державы, двои бармы, два престола въ соборную церковь и двойной тронъ въ Грановитую Палату. Іюня 25-го праздновано было торжество царскаго вѣнчанія. Посреди Успенскаго собора устроили *чер-*

Г. 1682.

Коронованіе Іоанна и Петра.

г. 1682. *тожное* мѣсто о двѣнадцати ступеняхъ, устланное алымъ багрецовымъ сукномъ и лазуревыми и рудожелтыми бархатами; по сторонамъ его были лавки, покрытыя золотыми коврами, для духовныхъ властей; на чертожномъ мѣстѣ находились два трона и мѣсто патріарха; впереди стояли шесть налоевъ, покрытыхъ *золотными* обьярями и *Турскимъ* атласомъ, съ жемчужными покровами; на нихъ положили потомъ кресты, вѣнцы, бармы, скипетры, державы на золотыхъ блюдахъ. Патріархъ отправился изъ своей крестовой палаты въ соборъ, съ 8-ю митрополитами, 4-мя архіепископами, двумя епископами (Леонтіемъ Тамбовскимъ, Митрофаномъ Воронежскимъ) и другими духовными властями. Онъ облекся въ *жемчужный Греческій саккосъ* митрополита Фотія. Цари молились у Спаса за Золотою Рѣшеткою, объявили въ Грановитой Палатѣ боярскіе чины князю Андрею Хованскому, Матвѣю Милославскому, Михаилу Плещееву (95), и начавъ день *молитвою и милостію*, велѣли нести въ соборъ кресты и регаліи, а потомъ, со страхомъ и трепетомъ и со всякимъ благочиніемъ, пошли въ соборъ, сопровождаемые синклитомъ и войскомъ, при глубокомъ безмолвіи безчисленной толпы народа; на нихъ были «кафтаны золотные съ кружевными широкими рукавами и шапки съ драгими запанами.» Послѣ встрѣчи, многолѣтія, цѣлованія иконъ и мощей, Цари просили Патріарха «благословить и вѣнчать ихъ на царство дѣда, отца и брата.» — «О, славныя отрасли Рурика и Владиміра, кесаря Августа и мудраго Мономаха,» отвѣчалъ Патріархъ, въ своей продолжительной рѣчи, «да умножитъ вамъ Богъ лѣта царствія, сохранитъ васъ мирно и непавѣтно, благословитъ благосло-

веніемъ крайнимъ, посадитъ на престолѣ правды, оградитъ все оружіемъ Святаго Духа, да совозсіяете ему, яко солнце среди звѣздъ, покорите языки сопротивные и судите людей судомъ истины!» Цари, съ молитвами, приняли царскія регаліи; весь хоръ духовенства возгласилъ имъ многолѣтіе. Патріархъ *творилъ* потомъ *поученіе о всякихъ душеполезныхъ вещахъ.* «Царское вѣнчаніе вторая купѣль,» говорилъ онъ. «Вы родитесь здѣсь новымъ рожденіемъ, да будете паче человѣковъ, но помните, что уже не о себѣ, но о царствѣ вашемъ должны вы отнынѣ пещись. Царь премудръ свѣтъ людямъ — царь безуменъ тма предъ Господомъ, ибо солнцу не сущу на землѣ, все мрачно и неразсудно. Стяжите прежде всего добродѣтель, не пріемлите языка льстива и не держите слуха суетна. Честнѣе всего въ мірѣ мудрость, и не красная міра, но мудрость краситъ царей. Помните, что и надъ вами есть царь, предъ которымъ должно стать нѣкогда, стать и дать отчетъ. И благо вамъ, если возгласите вы нѣкогда, тамъ, передъ престоломъ его: «Се мы, Господи, и се люди великаго царства Русскаго, ихъ же ты далъ намъ!» и если услышите тогда гласъ его: «Благіе рабы и вѣрные, цари Іоаннъ и Петръ! внидите въ радость Господа вашего (96)!» Началась обѣдня. Цари снимали вѣнцы при чтеніи евангелія, при пѣніи *херувимской* пѣсни, и творили земные поклоны при возглашеніи Патріархомъ: «Пріимите, ядите: сіе есть тѣло мое!» Наступилъ таинственный чинъ мѵропомазанія. «Веліе было молчаніе» и никто не смѣлъ пошевелиться на мѣстѣ, когда Цари благоговѣйно шли къ царскимъ вратамъ, были помазуемы «изъ драгаго сосуда, на челѣхъ,

г. 1682.

г. 1682. обою ушію, устѣхъ, персѣхъ, выи, плещахъ, дланяхъ и на другую страну обѣихъ рукъ.» Патріархъ отеръ святый елей *вамбакомъ*, тайно сжегъ сей вамбакъ въ алтарѣ, и до восьмаго дня Цари пребывали потомъ не смывая святаго мνра. Ихъ ввели въ алтарь царскими вратами, затворили царскія врата, и тамъ, *по царскому чину*, они пріобщились св. тайнъ, принимая тѣло и кровь съ яшмоваго дискоса и древняго потира Антоніева (97). По выходѣ изъ собора осыпали ихъ на крыльцѣ золотыми деньгами; они поклонились предкамъ въ Архангельскомъ, молились въ Благовѣщенскомъ соборѣ. Столъ былъ въ Грановитой Палатѣ. Цари сидѣли рядомъ въ богатыхъ «столовыхъ платьяхъ.» Бояре сѣли безъ мѣстъ. И на другой день былъ столъ у Царей, а потомъ въ день тезоименитства царя Петра (29-го Іюня). Въ бояре возведены были тогда: Борисъ Петровичъ Шереметевъ, князь Лыковъ, Борисъ Юшковъ, князь Прозоровскій, князь Щербатовъ, князь Андрей Иванов. Голицынъ, Ал. Петр. Салтыковъ, Ив. Тимоѳ. Кондыревъ, князь И. И. Хованскій, Ѳеодоръ Соковнинъ (98). Іюля 8-го, Цари явились народу во время торжественнаго хода изъ Кремля въ Казанскій соборъ. Іюля 15-го отправились они на богомолье въ Троицкій Сергіевъ монастырь (99).

Начало правленія Софіи. Великое государственное событіе совершилось и неслыханное дотолѣ позорище увидѣла Россія: на престолѣ царскомъ возсѣдали два царя, безъ власти; государствомъ правила дѣвица, сестра ихъ, засѣдая въ думѣ боярской, распоряжая войскомъ и казною — примѣръ небывалый въ Россіи и почти единственный въ Исторіи. Ольга, Елена, Наталія управляли во время ма-

лолѣтства дѣтей своихъ, по кончинѣ своихъ супруговъ. Г. 1682.
Софія успѣла побѣдить предразсудокъ, осуждавшій Русскихъ женщинъ, и особенно дѣвицъ, на затворническую жизнь въ теремахъ; трупами враговъ своихъ вымостила и кровью ихъ угладила она путь свой къ престолу: ей надобно было оправдать себя и злодѣйство свое мудростью правленія. Тяжкое бремя налагала на рамена свои честолюбивая дочь Алексія: управить сомнительными дѣлами внѣшними, поддержать величіе царскаго престола внутри, удержать власть свою надъ братьями, укротить дворскія крамолы. — Она не боялась, гордо думала, что силъ ея достанетъ поднять бремя, невыносимое даже ея мужественному родителю и ея благочестивому брату Ѳеодору, въ юныхъ лѣтахъ отличавшемуся мудростію мужа, если и не доблестями царскими.

Первымъ дѣломъ Софіи была награда Стрѣльцовъ. Награды Стрѣльцамъ
Недовольные тѣмъ, что, какъ они думали, по волѣ своей рѣшили они наслѣдство престола и правленіе государства, и что не наказаніе угрожало имъ, но великія награды были имъ обѣщаны, возмутители и убійцы хотѣли еще оправданія, похвалы своему злодѣйству. Они подали просьбу Царевнѣ и безстыдно исчисляли всѣ убійства, ими учиненныя, изображая ихъ праведною местью правосудія (Іюня 6-го)! «Изволеніемъ Божіимъ и волею Богоматери,» писали Стрѣльцы, «*учинилось на Москвѣ побитіе за домъ Божій и за порабощеніе Государей неистовыми боярами:* побили мы ихъ за неправду, злую похвальбу и мздоимство.» Исчисляя жертвы своего злодѣйства, «*князя Юрія Долгорукаго,*» говорили Стрѣльцы, «убили мы за то, что онъ наказывалъ насъ, ссылалъ и раззорялъ, обирая царскую казну; дьяка

г. 1682. *Ларіонъ Иванова* за то, что онъ хвалился обвѣсить головами нашими стѣны Землянаго и Бѣлаго города, и были у него найдены нами гадины змѣинымъ подобіемъ, а сынъ его не объявлялъ о хранимыхъ у отца на гибель царскую злыхъ отравныхъ гадинахъ. Праведно погибли отъ насъ и другіе: *князь Григорій Ромодановскій* — онъ измѣною отдалъ Чигиринъ Туркамъ, спосился съ Ханомъ и не радѣлъ на службѣ царской; *Иванъ Языковъ*, согласясь съ полковниками нашими, мучилъ насъ и билъ до смерти; *Артемонъ Матвѣевъ*, докторъ *Гутменшъ* и сынъ его составляли на государей злое отравное зелье; *Иванъ* и *Аѳанасій Нарышкины*, и прежде, при царѣ Ѳеодорѣ, бывшіе уже въ ссылкѣ за свою злобу, вновь мыслили зло на царя Іоанна и примѣривали себѣ царскую порфиру; полковники *Дохтуровъ* и *Горюшкинъ* ругались нами и били насъ; дьякъ *Кириловъ* бралъ взятки и чинилъ налоги и всякую неправду; *Салтыкова* измѣннически подмѣнили намъ, вмѣсто Нарышкиныхъ, и онъ убитъ безъ умысла. Видите невинность нашу, Цари Государи: не велите же никому попрекать насъ; прикажите скласть въ Китаѣ городѣ, на Красной площади, столпъ и написать на немъ имена злодѣевъ, нами побитыхъ и вины ихъ, да страшатся другіе, помнятъ наказаніе и чинятъ правду; наградите насъ похвальными за службу грамотами, съ красными печатьми, и не велите насъ безъ суда наказывать. Мы служимъ вамъ безъ измѣны и прослуги: не бывало отъ насъ робкой сдачи городовъ; льемъ мы кровь свою и кладемъ за васъ головы; не умышляемъ на царей нашихъ, на благочестивый синклитъ ихъ и на чины: наказали грабителей, но радѣ-

емъ вамъ и клянемся служить вѣрно; гонимъ отъ себя боярскихъ холопей, которые просятся въ наши полки и идутъ къ намъ ища свободы. Смилуйтесь, Цари и Великіе Государи, надъ нами, холопами и сиротами, пожалуйте насъ: велите прибавить намъ на подъемы въ службѣ денегъ; прикажите готовить пушки, барабаны и оружіе изъ вашей казны и не выворачивать съ насъ; въ отсутствіе наше благоволите давать жалованье женамъ и дѣтямъ нашимъ; запретите приказнымъ имать съ насъ посулы; не велите бить насъ батогами за малыя вины; запретите заставлять насъ работать на начальниковъ, доправлять недослуженное жалованье съ женъ и дѣтей нашихъ, а при раздачѣ денегъ велите быть выборнымъ изъ народа и не распоряжать раздачею дьякамъ и начальникамъ нашимъ (100).» г. 1682.

Все было исполнено по желанію Стрѣльцовъ. На Красной площади повелѣно было скласть столпъ и написать на немъ имена *измѣнниковъ*, убитыхъ Стрѣльцами; не велѣли порицать ихъ бунтомъ и расхвалили службу ихъ; вмѣсто имени Стрѣльцовъ дали имъ почетное названіе *Надворной пѣхоты;* опредѣлили выборныхъ къ раздачѣ имъ хлѣба, одежды и жалованья; запретили наказывать ихъ безъ суда и сѣчь кнутомъ безъ царскаго приказа; прибавили по рублю при подъемахъ на службу; велѣли давать женамъ и дѣтямъ жалованье въ отсутствіе мужей и отцовъ; не взыскивать недослуженныхъ Стрѣльцами денегъ съ наслѣдниковъ; дѣлать воинскіе снаряды Стрѣлецкимъ полкамъ на казенный счетъ; службу по городамъ отправлять имъ не болѣе года и только въ Астрахани два года, ибо «та служба дальняя (101).» Стрѣльцовъ обрадовало царское пове-

г. 1682. лѣніе, которымъ, какъ было обѣщано, ввѣрили боярину князю И. А. Хованскому управленіе Стрѣлецкимъ Приказомъ; капитанамъ Стрѣлецкимъ велѣно дать въ награду по пяти дворовъ въ помѣстье. Все заграбленное Стрѣльцами имѣніе оставлено за ними. Стрѣльцовъ призвали въ Кремль, угостили ихъ и вручили имъ грамату Царей. Не въ зачетъ приказано было выдать имъ каждому по 10-ти рублей: часть сей награды выдали немедленно наличными деньгами, остальное велѣно собрать съ государства ([102]). Полковники Стрѣлецкіе Циклеръ и Озеровъ воздвигли уже въ то время похвальный столпъ на Красной Площади. Съ радостными воплями шли Стрѣльцы изъ Кремля, пѣли, пили, плясали вокругъ столпа; на полковыхъ съѣзжихъ встрѣтили ихъ съ барабаннымъ боемъ и на ближнихъ церквахъ звонили въ колокола. Народъ унывалъ, боялся торжества злодѣевъ, доселѣ неслыханнаго, но и его порадовали милостью: на поминовеніе души царей Алексія и Ѳеодора велѣно было сложить разныя недоимки ([103]).

Милославскій и князь Хованскій. София спѣшила послѣ того устроить свой Дворъ и чиноначаліе. Нарышкины, изгнанные изъ царскаго Двора, жили по деревнямъ; ихъ не велѣно допускать въ Москву. Сынъ Языкова, и два брата Лихачевы, любимцы Ѳеодора, Алексѣй его постельничій, Михаилъ стряпчій съ ключемъ, и нѣсколько Стрѣлецкихъ полковниковъ, разосланы въ ссылку по городамъ ([104]). И. М. Милославскій получилъ мѣсто начальника въ нѣсколькихъ Приказахъ, съ большими денежными окладами. Почетъ и верхную власть раздѣлили еще съ нимъ бояринъ князь И. А. Хованскій и сынъ его, начальники Стрѣлецкаго и Сыскнаго Приказовъ ([105]). Но выше

Милославскаго и Хованскихъ, Царевна хотѣла поставить любимца своего князя *Василія Васильевича Голицына.* г. 1682.

Потомокъ древняго рода, происходившаго отъ Литовскихъ князей, издревле почетнаго среди первыхъ бояръ Русскихъ (106), превышая другихъ царедворцовъ образованіемъ, вельможа гордый и властолюбивый, князь Голицынъ, какъ мы видѣли, былъ уже въ довѣренности у царя Ѳеодора, усердно содѣйствовалъ въ его преобразованіяхъ, уцѣлѣлъ потомъ среди смутъ и крамолъ и былъ однимъ изъ ревностныхъ участниковъ въ замыслахъ Софіи, если не прямымъ дѣятелемъ въ кровавомъ злодѣйствѣ, передавшемъ ей власть. Женатый, имѣя взрослаго сына, но еще въ лѣтахъ мужества (ему было только 39-ть лѣтъ), онъ, какъ говорили, былъ особеннымъ, близкимъ сердцу любимцомъ Софіи. Бояринъ съ 1676 г., онъ пожалованъ былъ отъ Софіи, немедленно по принятіи ею власти, *ближнимъ боярствомъ*, объявленъ Намѣстникомъ Перми, и ему поручили важный Посольскій Приказъ, смѣнивъ ничтожнаго боярина Волынскаго. Сынъ его, князь Алексѣй Васильевичъ, спальникъ и стольникъ царя Ѳеодора, опредѣленъ тѣми же чинами къ царю Петру. Милославскій, Хованскій и Голицынъ раздѣлили власть между собою. Они были правителями государства (107).

Князь В. В. Голицынъ, любимецъ Софіи.

Софія и Голицынъ обратили вниманіе на дѣла внѣшнія. Событія въ Европѣ были замѣчательны.

Вторая половина XVII-го столѣтія рѣзко отдѣлилась отъ первой *тридцати-лѣтнею войною* и заключившими сію войну миромъ Вестфальскимъ и миромъ Пиринейскимъ (108). Новая политическая система Европы образовалась

Положеніе Европы.

г. 1682. изъ событій, которыя повела за собою Реформація. Прежняя борьба Франціи и Имперіи и религіозныя нововведенія Лютера, начавшіяся за полтора вѣка, преобразились въ мысль политическаго равновѣсія, распространенную на всю Европу. Они вывели на позорище Европейской политики Швецію, при Густавѣ Адольфѣ и дочери его Христинѣ; Нидерланды и Швейцарія получили независимость и самобытность государственную; Италія и Папа, напротивъ, утратили ихъ: Италія, раздѣленная между Испаніею, Имперіею, Франціею и мѣлкими властителями; первосвященникъ Римскій, лишенный перуновъ Ватиканскихъ, принужденный снять духовную власть свою съ половины Германіи, съ береговъ Балтики, съ Англіи, Даніи, Швеціи. Германія сознала силы свои въ борьбѣ Реформаціи съ Императоромъ, и утвержденіе правъ разныхъ властителей Германскихъ; допущеніе на имперскій сеймъ Протестантовъ, наравнѣ съ Католиками; возвышеніе Бранденбурга, готоваго стать въ рядъ Европейскихъ королевствъ; учрежденіе Пфальцскаго курфиршества; голосъ на сеймѣ, данный Швеціи послѣ пріобрѣтенія ею Помераніи, и отдѣльные союзы Германскихъ князей съ Франціею и другими государствами, разрушили самовластіе Императора, возвысившее Австрію, послѣ Карла V-го, на степень перваго царства въ Европѣ. Отпаденіемъ отъ Папы, Англія пріобрѣла новыя постановленія государственныя, готовилась стать въ рядъ первыхъ Европейскихъ государствъ, но подчинилась снова власти королей изъ рода Стюартовъ и обуревалась еще внутренними смятеніями. Среди сихъ событій явился *Людовикъ* XIV-й. Опираясь на силу Франціи, утвержденную хитрымъ

умомъ Ришельё, подкрѣпленную великими дарованіями Колберта, Лувуа, Тюреня, Конде, сосредоточивая въ себѣ власть, уничтоживъ внутреннія смятенія, *Людовикъ* XIV-й, казалось осуществилъ мечту первенства между Европейскими государями, утраченнаго Императоромъ. Истощеніе Европейскихъ государствъ продолжительною войною; неспособность къ правленію современныхъ властителей; увлеченіе Императора въ войну съ Оттоманами, возмущеніе въ Англіи, слабость сухопутныхъ силъ Нидерландовъ давали средства самовластію Людовика XIV-го. Принужденный заключить Ахенскій миръ (1668 г.), онъ страшно мстилъ Нидерландамъ новою войною. Мужество правителя Нидерландовъ, Вильгельма III-го, и союзъ Испаніи, Имперіи, Англіи и Даніи едва могли удержать ненасытное честолюбіе короля Французскаго; Нимвегенскій миръ (1678 г.) положилъ предѣлъ его успѣхамъ, но не замысламъ. Великое политическое вліяніе Франціи, давшее умамъ и политикѣ такое направленіе, что оно заставило современниковъ назвать *вѣкомъ Людовика* XIV-го вторую половину XVII-го столѣтія и наложило нравственное владычество Франціи на всю Европу, системою Версальскаго этикета при Дворахъ и Классицизма въ образованіи, показывало въ Людовикѣ XIV-мъ перваго изъ монарховъ Европы, а во Франціи первое государство Европейское ([109]). г. 1682.

Отношенія Россіи къ Европѣ.

Россіи чужды были всѣ сіи великія движенія Западныхъ народовъ, чуждо было западное Европейское образованіе, чужда и новая борьба, которую готовили раздоры Франціи съ Папою и почти со всею Европою, и Испанское наслѣдство, предметъ зависти Франціи и Императора.

г. 1682. Ближе къ ней могли быть событія въ Польшѣ, Швеціи и Турціи, сосѣдяхъ Русскаго царства.

Польша. Властительница Швеціи и Россіи при Сигизмундѣ III-мъ, *Польша* несчастнымъ изувѣрствомъ Сигизмундовымъ утратила власть свою надъ ними. Еще прежде того, съ кончиною послѣдняго Ягеллона (Сигизмунда I-го, въ 1572 г.) положено было начало безначалію и разрушенію Польскаго государства, на время удержанное Баторіемъ. Потерявшая Малороссію и Казацкія земли, пораженная гибельнымъ правомъ свободы голосовъ дворянства на государственныхъ сеймахъ (1652 г.), униженная несчастными царствованіями Іоанна Казимира и Михаила Вишневецкаго (1648 — 1674 г.), доведенная тогда до края погибели войною Рускихъ, Шведовъ и Оттомановъ, Польша была спасена только храбростью Чарнецкихъ и Собіескихъ. Подъ скипетромъ героя, Іоанна Собіескаго (съ 1674 г.), она казалась возвратившею прежнюю силу и честь свою, но въ сущности безпрерывно клонилась къ паденію. Ничтожныя дворскія крамолы, возмущеніе сильнаго дворянства, презрѣніе, оказываемое каждымъ шляхтичемъ власти королевской, и самая безразсудная рыцарская храбрость Собіескаго, истощавшаго силы государства въ войнахъ безполезныхъ, показывали будущую судьбу Польши ([110]).

Швеція. Выведенная на позорище Европейской политики сильною рукою Густава Адольфа, вмѣшанная въ политику Западныхъ государствъ при его дочери, удачно пользуясь участіемъ въ войнѣ противъ Польши при Карлѣ X-мъ, счастливо кончившая потомъ войну съ Россіею, *Швеція* утвердила силу свою трактатами Копенгагенскимъ, Оливскимъ и Кардисскимъ: первый обез-

печилъ ее отъ опаснаго сосѣдства Даніи; второй укрѣпилъ ея государственную самобытность отреченіемъ Польскихъ королей отъ Шведскаго престола и обладаніемъ Лифляндіею и Эстляндіею; третій утвердилъ за нею родовыя Русскія области, отторгнутыя Густавомъ Адольфомъ и переданныя ей Столбовскимъ миромъ. Сіи событія отдѣлили Россію отъ Балтики, уничтожили для Рускихъ Балтійскую торговлю, дали Швеціи ключъ къ Россіи, подобно тому, какъ Померанія дала ей средства участвовать въ дѣлахъ Германіи, Пруссіи и Даніи. Вотще потомъ пренебреженная юность Карла XI-го, участіе Швеціи въ войнѣ Людовика XIV-го (въ 1675 г.), и усиленіе Даніи союзомъ съ Пруссіею и самодержавіемъ Датскаго Короля (съ 1660 г.) угрожали Швеціи. Суровый Карлъ XI-й укрѣпилъ власть свою и поддержалъ благосостояніе государства. Нимвегенскій миръ возвратилъ Швеціи ея Германскія области, а междоусобіе между двумя отраслями Датскаго королевскаго дома, королями Датскими и герцогами Голштейнскими, увлекало силы Даніи (111). г. 1682.

Царство *Оттоманское*, возведенное Солиманомъ Великолѣпнымъ (умерш. въ 1556 г.) на высокую степень могущества, грозившее Европѣ, подъ властью султановъ, не отличенныхъ государственными дарованіями, цѣлое столѣтіе увлечено было въ безпрерывныя войны съ Персіею, Польшею, Императоромъ и Венеціею. Азіятскія владѣнія были причиною раздора съ первымъ изъ сихъ государствъ; Венгрія составляла предметъ спора Оттомановъ съ Императоромъ; пограничныя области и земли Казацкія были причиною и мѣстомъ битвъ съ Польшею; обладаніе Мореею и островами Архипелага Турція.

г. 1682. причиняло несогласіе съ Венеціею, и ихъ подкрѣплялъ Папа, все еще призывая на *крестовые походы* противъ невѣрныхъ. Но время Крестовыхъ походовъ давно уже миновалось въ Европѣ — прошло и время усиленія могущества Оттомановъ. Турція, уже не завоевательница, не представитель изувѣрнаго исламизма Азіи, вошла въ политическій бытъ Европейцовъ и защищала только свою государственную самобытность; успѣхи мѣнялись еще съ неудачами въ дѣлахъ ея, но могущество ея уже было потрясено въ основаніи. Она удержала по Темесварскому миру (1664 г.) нѣкоторыя выгоды, пріобрѣтенныя войною съ Императоромъ, но утратила власть свою въ Венгріи, видѣла себя униженною побѣдами Собіескаго, принуждена была кончить безвыгоднымъ миромъ войну съ Россіею (112). Орда Крымскихъ Татаръ, не смотря на осѣдлое съ отдалённыхъ временъ житье въ Тавридѣ и признаніе власти Султана, хотя и составляла собою сильное средство управляться съ Польшею и Россіею, но часто буйствовала, не слушала Султанскихъ повелѣній, дѣйствовала по собственному произволу и продавала дружбу и союзъ Польшѣ, Россіи и Казакамъ (113).

Императоръ и Король Французскій. *Имперія*, уже наслѣдственное владѣніе Австрійскаго дома, усиленнаго пріобрѣтеніемъ Венгріи, Богеміи, Славянскихъ и Итальянскихъ земель, составляла посредника дѣлъ между Оттоманами и Польшею, представляя собою посредника Западной системы Европейской іерархіи (Франціи, Испаніи, Англіи, Нидерландовъ, Италіи) съ ея Восточною системою (Польшею, Россіею, Турціею), и государствъ, находившихся между сими двумя системами (Швеціею, Даніею, Пруссіею и Герман-

скими владѣніями). Утративъ первенство на Западѣ, Императоръ защищался союзомъ Венеціи и Польши противъ Оттомановъ, укрѣпляя тѣмъ свои восточные предѣлы и обладаніе Венгріею. Тщетно Франція хотѣла отнять у Имперіи сіи средства возведеніемъ на престолъ Польскій Французскаго Принца и дипломатическою крамолою при Оттоманской Портѣ. Подчинивъ себѣ политику Швеціи, Франція не имѣла успѣха въ Варшавѣ и не могла управить своевольною, нерѣдко безразсудною дипломатикою Двора Султанскаго (114). г. 1682.

При изложенномъ нами положеніи дѣлъ Европы, Россія, управляемая умомъ государственнымъ, многое могла выиграть, пользуясь не естественнымъ состояніемъ Швеціи, разстройствомъ Польши, слабостью Турціи, союзомъ Даніи и Императора. Она могла прочно утвердить за собою области, отторгнутыя побѣдами царя Алексія отъ Польши; оспорить власть Швеціи надъ землями, присвоенными ею въ дни бѣдствій Россіи, укрѣпить южные предѣлы свои, открытые Крыму и Оттоманамъ нерѣшительною политикою царя Ѳеодора; упрочить власть свою надъ казаками, отдѣльныя сборища коихъ не повиновались ей въ Сѣчѣ Запорожской и за Днѣпромъ. Стараніе усилить владычество надъ Малороссіею и Донскими кочевьями казаковъ отнимало доселѣ средства соединенія Малороссіи съ задиѣпріемъ, препятствовало и защищенію Россіи походами Донцовъ. Удаль казаковъ была связана; государственнаго направленія, въ замѣну ея, не было имъ дано. Вѣчная непріязнь Крыма, стараніе Швеціи обновить условія Кардисскаго мира и отрицаніе Польши подтвердить миръ Андрусовскій указывали на сіи важные предме-

г. 1682. ты внѣшней политики. Но думали ль объ нихъ Софія и любимецъ ея?

Сношенія съ Европейскими государями.

Первымъ распоряженіемъ правительницы во внѣшнихъ дѣлахъ было извѣщеніе Европейскихъ государей о кончинѣ царя Өеодора, восшествіи на престолъ царей Іоанна и Петра и желаніи ихъ продолжать со всѣми миръ и дружбу. Въ Швецію и Данію посланъ былъ подьячій Никита Алексѣевъ; въ Англію и Голландію подьячій Димитрій Симоновскій; къ Императору и въ Польшу подьячій Никифоръ Венюковъ, въ Турцію подьячій Михайло Тарасовъ. Отвсюду получены привѣты, изъявленія скорби о кончинѣ царя Өеодора, желанія продолжать дружбу съ его преемниками. Собіескій обѣщалъ прислать особаго посланника поздравить Царей. Король Англійскій Карлъ II-й въ граматѣ своей придалъ титулъ *цезарей* Русскимъ государямъ. Императоръ Леопольдъ писалъ что «посылаемыя Богомъ огорченія должно сносить ровнодушно, ибо они суть уроки превратности здѣшней жизни.» Султанъ величалъ Царей «благосчастливыми, великими государями Іисусова закона, избранными по высокому разуму между христіянскими государями, исполнителями потребъ христіанамъ, покланяемыми отъ царей,» извѣщая что онъ запретилъ Крымскому Хану тревожить Россію, позволяетъ Запорожцамъ свободную ловлю рыбы въ устьи Днѣпра, свободную торговлю Рускимъ въ Турецкихъ областяхъ, готовъ возвратить плѣнныхъ, если они есть въ его государствѣ, и когда другъ его, царь Өеодоръ *вкусилъ изготовленную всякому чашу смертную*, онъ продолжитъ дружбу къ наслѣдникамъ его, «да въ тишинѣ и покоѣ убогіе возблагодарятъ Бога, а труды ихъ изо-

бильны будутъ.» Шведскій и Польскій Короли говорили, одинъ о подтвержденіи Кардисскаго, другой о спорныхъ статьяхъ Андрусовскаго трактатовъ; ихъ обнадеживали согласіемъ Россіи уничтожить всѣ препятствія къ дружбѣ, но исполненіемъ медлили ([115]). Хотѣли осмотрѣться; надобно было заняться не терпѣвшими отсрочки дѣлами внутренними. г. 1682.

Внутреннія дѣла.

Хотя и чуждые обширной политики Западныхъ государствъ, Софія и любимецъ ея помышляли однакожь о славномъ царствованіи; уже имѣя нѣкоторыя понятія о просвѣщеніи и образованности Запада, она и онъ желали чести преобразователей государства. Но ихъ дѣйствія были нерѣшительны въ началѣ, не потому ли, что они видѣли опасности, окружавшія престолъ царскій и страшившіе народъ; надлежало уничтожить ихъ.

Опасность силы Стрѣльцовъ.

Предметъ страха народнаго и опасеній правительства составляли *Стрѣльцы.* Когда злодѣйство ихъ не только не было наказано, но — дѣло постыдное, получило торжественныя награды, было прославлено, названо подвигомъ доблестныхъ сыновъ отечества, буйные Стрѣльцы сознали силу свою и слабость правительства. Народъ роптал; видѣлъ въ Софіи сообщницу скопища злодѣевъ, и что всего важнѣе, примѣръ Стрѣльцовъ поощрялъ своеволіе другихъ: памятникъ бунта Стрѣлецкаго на Красной площади могъ сдѣлаться надгробнымъ памятникомъ на могилѣ царской власти и народнаго благоустройства. Стрѣльцы были для Софіи средствомъ достигнуть власти, но средствомъ гибельнымъ, ибо другіе увидѣли въ нихъ также орудіе своихъ замысловъ: она достигла ими престола, другіе хотѣли оградить ими заблужденія религіознаго изувѣрства. Раскольники

Бунтъ раскольниковъ.

г. 1682. и староверы, бывшіе въ Москвѣ, подкрѣпляемые своими суевѣрными учителями, думали, что настало время торжества ихъ надъ окаянными *Никоніянами*. Множество Стрѣльцовъ принадлежало къ раскольническимъ сектамъ, особливо Аввакумовской и Поморской. Жадно слушали они совѣты своихъ лжеучителей, вызывавшихъ ихъ защитить гибнущее православіе, какъ защитили они права старшаго Царя. Князь Хованскій, старикъ честолюбивый, но слабый душею, робкій, торопливый въ дѣлахъ и за то прозванный *Тарарусмъ*, не смѣлъ остановить толковъ и тайныхъ совѣтовъ, тѣмъ болѣе, что самъ принадлежалъ втайнѣ, какъ говорили, къ закоренѣлымъ раскольникамъ. Среди другихъ изувѣровъ, особенно отличался *Никита*, прозванный *Пустосвятомъ*, урожденецъ Суздальскій, лишенный іерейскаго сана за превратные толки, дерзкій на слово, почитаемый за святаго между невѣждами, его послѣдователями. Онъ укрывался въ Москвѣ и разсѣвалъ мятежъ въ народѣ, проклиналъ патріарха, порицалъ новую вѣру, называлъ трехъ-перстное сложеніе печатью антихриста, требовалъ пренія о вѣрѣ и клялся побѣдить еретиковъ ([116]). Іюля 3-го (черезъ восемь дней послѣ коронованія Іоанна и Петра), князь Хованскій явился въ крестовой Патріарха съ нѣсколькими Стрѣльцами раскольниками: они требовали собора, хотѣли всенародно, на Лобномъ мѣстѣ, состязаться о писаніяхъ. Хованскій говорилъ, что въ исполненіи требованія ихъ видитъ единственное средство утишить волненіе народа. Патріархъ не смѣлъ рѣшиться на своевольное требованіе безъ царскаго соизволенія. Начало было сдѣлано. Недоумѣніе и робость Патріарха увеличили дерзость раскольниковъ ([117]).

Іюля 5-го услышали, что староверы собираются толпами. София была встревожена извѣстіемъ, хотѣла послать Стрѣльцовъ и разогнать скопища изувѣровъ. Хованскій объявилъ, что Стрѣльцы нейдутъ на братію, притворно скорбѣлъ о робости Патріарха, говорилъ, что словопреніе необходимо и не опасно, ибо побѣда православія несомнительна. София недоумѣвала. Патріархъ собралъ духовенство, совѣтовалъ съ нимъ, положилъ молить Бога, да отвратится бѣдствіе. Но когда святители молились соборомъ въ Успенскомъ храмѣ, раскольники собрались за Яузою въ Приказѣ Титова Стрѣлецкаго полка, забрали съ собою свои старыя книги и рукописи, и съ пѣніемъ, съ зажженными свѣчами, съ налоями отправились въ Кремль, гдѣ уже стеклись толпы народа, однѣ радуясь, что православіе является побѣдить зловѣріе, другіе трепеща новаго смятенія, ибо вооруженные Стрѣльцы видны были въ Кремлѣ и многіе изъ нихъ вопили за-одно съ раскольниками. Остановясь за Архангельскимъ соборомъ, Никита, предводитель скопища, сгромоздилъ подмостки, сталъ на нихъ, говорилъ съ народомъ, изрыгалъ ругательства. Патріархъ послалъ благочестиваго протоіерея увѣщевать его; посланный едва спасся отъ ярости изувѣровъ. Хованскій являлся дѣятельнымъ посредникомъ, ходилъ отъ Патріарха къ Царевнѣ, отъ Царевны къ Патріарху, повторялъ, что преніе съ Никитою необходимо, что безъ того всѣ Стрѣльцы готовы защищать его. София усомнилась съ его рѣчахъ; призвала тайно бывшихъ въ Кремлѣ выборныхъ Стрѣльцовъ; они изъявили ей свое усердіе, отрекались отъ раскола, и разувѣренная ими, она смѣло велѣла возвѣстить, что согласна г. 1682.

г. 1682. открыть соборное, всенародное преніе о вѣрѣ. Сказали Патріарху о рѣшеніи Царевны. Онъ не соглашался, если сама Царевна не будетъ притомъ присутствовать. «Иду,» отвѣчала Софія, «и не оставлю церкви и ея пастыря!» Царица Наталія Кирилловна, царевны Татіяна и Марія не хотѣли оставить ее. Испугавшись пагубныхъ послѣдствій, оробѣвшій Хованскій заклиналъ ихъ не ходить. Софія не слушала словъ его. Патріархъ благословилъ епископовъ Аѳанасія Холмогорскаго, грознаго противника расколовъ, Митрофана Воронежскаго, Леонтія Тамбовскаго; велѣлъ имъ идти черезъ Красное крыльцо, съ архимандритами и священниками. «Теперь узнаемъ правду!» говорилъ народъ, видя, что архипастыри несутъ мощи, книги, кресты, образа въ Грановитую палату. Патріархъ прошелъ тайно черезъ церковь Ризъ положенія. Велѣли впустить раскольниковъ и шумно кинулись въ палату Никита, трое бѣглыхъ монаховъ и двое міранъ, его учениковъ, съ толпою сообщниковъ. Зрѣлище, увидѣнное ими, остановило ихъ: Софія и царевна Татіяна занимали царскій тронъ; ниже ихъ возсѣдали царица Наталія и царевна Марія. Патріархъ, семь митрополитовъ, семь архіереевъ сидѣли въ креслахъ; окрестъ стояли архимандриты, игумены, бояре, чиновники и выборные Стрѣльцы. Изумленные величіемъ и кроткимъ спокойствіемъ Двора, изувѣры остановились. «Зачѣмъ пришли вы сюда столь нагло и дерзко, безъ повелѣнія Царей, безъ благословенія Патріарха?» громко возгласила Софія. «Мы пришли утвердить старую вѣру и спасти васъ: вы гибнете во тмѣ грѣха!» отвѣчали раскольники. «По чему же,» возразила Царевна, «нѣтъ съ вами никого отъ духовныхъ,

отъ бояръ, отъ почетныхъ людей? Зачѣмъ съ вами отверженный церковью распопа? Какъ смѣетъ онъ явиться здѣсь въ епитрахили и съ святымъ крестомъ?» Мятежники безмолвствовали. Софія велѣла Никитѣ стать къ сторонѣ, положить крестъ и не вмѣшиваться въ рѣчи. Скрывая ярость, онъ повиновался. Лишенные главы, раскольники оробѣли, молча подали челобитную, написанную ими, и били челомъ, да разсудятъ ихъ судомъ праведнымъ. Софія велѣла читать челобитную въслухъ. Всеобщее негодованіе оказалось въ собраніи при дерзкихъ выраженіяхъ челобитной. Никита не вытерпѣлъ — хотѣлъ возражать; архіепископъ Аѳанасій запретилъ ему рѣчь; Никита бросился бить архипастыря; едва исторгли его изъ рукъ изувѣра. Держа въ рукахъ евангеліе, писанное Алексѣемъ митрополитомъ, и соборное дѣяніе 1656 года, Патріархъ началъ рѣчь, доказывалъ православіе правимой имъ церкви, сказалъ, что готовъ претерпѣть смерть, если его считаютъ начальникомъ беззаконія. Смиреніе Патріарха ободрило буйство мятежниковъ. Софія совѣтовалась съ боярами; ей представили опасность захватить главныхъ зачинщиковъ, когда толпы ихъ послѣдователей окружаютъ царскій дворецъ. Время протекало. Народъ изъявлялъ нетерпѣніе. Софія удержала гнѣвъ, сказала, что принимаетъ просьбу раскольниковъ и назначитъ соборъ для разсмотрѣнія споровъ. Объявили о томъ народу и велѣли ему расходиться. Толпы отхлынули изъ Кремля. Никита и друзья его вышли изъ дворца торжественно, крича, что они препрели и посрамили Патріарха. Остановясь на Лобномъ мѣстѣ, долго проповѣдывали мятежники, неистовствуя и бѣснуясь, до того что пѣна яв- г. 1682.

Г. 1682. лялась у нихъ на устахъ. Торжество изувѣрства было непродолжительно. Едва возстановилась тишина, почью посланные Софіею захватили Никиту. На другой день вывели его на Красную площадь, подъ крѣпкою стражею, и отрубили ему голову. Когда приговоръ былъ прочитанъ, изувѣру обѣщали прощеніе, если онъ раскается. Никита перекрестился *старымъ* крестомъ и молча легъ на плаху. Сообщниковъ его предали суду и разослали по монастырямъ. Патріархъ служилъ въ Успенскомъ соборѣ благодарственный молебенъ за избавленіе церкви; на страхъ другимъ, предалъ Никиту и сообщниковъ его проклятію соборному; говорилъ длинное поученіе, обнародовалъ его и пастырски вразумлялъ народъ, когда строгость царскаго суда и осужденіе духовное укрощали буйство изступленныхъ мятежниковъ (118).

Обвиненіе Хованскаго.

Участіе Стрѣльцовъ въ бунтѣ Никиты показало шатость ихъ мнѣній, закоснѣлость въ буйствѣ, опасныя слѣдствія ободренія, имъ оказаннаго. Управленіе Стрѣльцами не только было не надежно въ рукахъ князя Хованскаго, но переданное ему умножало еще опасность. Честолюбивый, своенравный, легкомысленный старикъ управлялъ волею 20,000 вооруженнаго скопища, допускалъ ему всякое своевольство, могъ быть увлеченъ въ предпріятія гибельныя. Уличаемый въ очевидномъ участіи въ бунтѣ раскольниковъ и неизвинительномъ потворствѣ Стрѣльцамъ, Хованскій оскорбился, поссорился съ Милославскимъ и Голицынымъ, не слушалъ ихъ приказовъ, заспорилъ съ Софіею, и окруженный Стрѣльцами, не боялся ни чьихъ угрозъ. Сто Стрѣльцовъ составляли стражу дома его. Человѣкъ сорокъ окружали

карету его при выѣздахъ въ Кремль. Стрѣльцы обожали Хованскаго, встрѣчали радостными кликами и называли «батюшкою». Не смотря на старость, Хованскій женился на красавицѣ, вдова дьяка Ларіонова, вопреки ея нехотѣнія и слезной просьбы оставить ее во вдовствѣ ([119]). Сынъ его горделиво являлся во дворцѣ и не уважалъ самыхъ почетныхъ вельможъ. Враги Хованскаго увеличивали опасенія правительства: говорили, что Хованскіе мыслятъ возмутить Стрѣльцовъ, хвалятся происхожденіемъ отъ Гедимина, хотятъ овладѣть престоломъ ([120]). Вѣрила или нѣтъ Софія, но она молчала, допускала своевольство Стрѣльцовъ, оказывала Хованскимъ прежнюю ласку и милость, и какъ будто не замѣчала, что если и преувеличивали передъ нею вины Хованскаго и буйство его подчиненныхъ, своеволіе Стрѣлецкаго войска дѣйствительно становилось опасно. Начальники Стрѣльцовъ являлись самовольно во дворецъ, не уступали мѣста боярамъ, разрушали всякое дворское чинопочаліе ([121]). Многіе изъ бояръ, предвидя слѣдствія пагубныя, уѣхали изъ Москвы; въ числѣ удалившихся былъ Милославскій. Недоумѣніе увеличивалось. Дворъ оставилъ Кремлевскіе чертоги, жилъ въ Коломенскомъ и въ Воробьевскомъ дворцахъ ([122]). Въ народѣ носились слухи о новомъ бунтѣ, объ умыслѣ Стрѣльцовъ истребить Царей, о томъ, что Цари спасаются бѣгствомъ отъ ихъ замысловъ. Когда при церковномъ ходѣ въ день Донской Богоматери (Августа 19-го) и въ праздникъ новаго 1683 года (Сентября 1-го) не было не только Царей и Царевны, но и никого изъ бояръ и сановниковъ, всюду заговорили, что Цари и почетные бояре оставили Москву, зная заго-

г. 1682.

г. 1682. воръ на жизнь ихъ; что въ сіи дни Стрѣльцы хотѣли начать кровавое смятеніе ([123]). Между тѣмъ злые люди внушали Стрѣльцамъ, что имъ не сдобровать; что только обольстить ихъ хотѣли наградами, но вскорѣ лишатъ ихъ всѣхъ льготъ и даже совершенно уничтожатъ. Стрѣльцы повѣрили; самовольно схватили Одышевскаго царевича Матвѣя, Ярославскаго посадскаго Бизяева, Московскаго дворянина Михайла Вешнякова и сына его Матвѣя, уличаемыхъ въ томъ, будто они разсѣвали слухи объ опасности, угрожавшей Стрѣльцамъ; подвергнули ихъ пыткѣ; несчастные ничего не сказали, но Стрѣльцы казнили Бизяева, четвертовали Матвѣя, Вешняковыхъ замучили въ застѣнкѣ. Изъ Малороссіи присланъ былъ въ Стрѣлецкій Приказъ полковникъ Яновъ; его и полковниковъ Барсукова и Крафгофа обвинили въ притѣсненіи Надворной пѣхоты, подвергли пыткѣ, потомъ Янова четвертовали, а другихъ поставили на правежъ, взыскивая съ нихъ убытки ([124]). Князь Хованскій не унималъ Стрѣльцовъ, заступался за нихъ, осмѣлился даже подать Царевнѣ просьбу Стрѣльцовъ о выдачѣ имъ подможныхъ денегъ до 100,000 рублей. Софія отказала. Хованскій, при выходѣ изъ боярской думы, встрѣтилъ Стрѣльцовъ, присланныхъ узнать царское рѣшеніе, и сердито отвѣчалъ на вопросъ ихъ: «Что мнѣ дѣлать, дѣти мои? Ужь и мнѣ грозятъ за то, что я вамъ добра хочу — промышляйте о себѣ, какъ умѣете ([125])!»

Но показываясь равнодушною и невнимательною, Софія скрывала тайную мысль: она уже приготовила средства управиться съ бунтовщиками, хотѣла уничтожить ихъ, казнью и позоромъ ихъ оправдать себя въ на-

родѣ и головою Хованскаго выкупить самовластіе. Въ праздникъ новаго года Дворъ находился въ селѣ Коломенскомъ. Тамъ, Сентября 2-го, явилось прибитое на воротахъ дворца письмо: какіе-то два посадскіе и Стрѣлецъ извѣщали Царей о зломъ умыслѣ Хованскихъ. «Они призывали насъ,» писали доносчики, «дали намъ, 14-ти человѣкамъ, по 100 рублей и обѣщали намъ чины и деньги. Они хотятъ собрать войско, избить Царей, Царицъ, Царевну, Патріарха, изъ бояръ: трехъ *Одоевскихъ*, двухъ *Черкаскихъ*, трехъ *Голицыныхъ*, двухъ *Шереметевыхъ* и *Милославскаго*. На одной изъ царевенъ хочетъ жениться молодой Хованскій, другихъ думаютъ постричь; смутить Московское государство, избить по городамъ воеводъ, и всѣхъ, кто старой вѣры не любитъ и новую заводитъ, а потомъ избрать въ цари стараго Хованскаго. Мы цѣловали имъ крестъ, неволею, но боимся Бога. Спасайте государей! Мы теперь хоронимся, но потомъ объявимъ наши имена, а до того скажемъ только примѣты наши (126).» г. 1682.

Софія прочитала доносъ и казалась ужаснувшеюся, слыша о страшныхъ замыслахъ новаго Катилины. Поспѣшно собрался весь Дворъ царскій и уѣхалъ съ Царевною въ Саввинскій Звенигородскій монастырь. Отсюда разосланы были гонцы собирать войско. Царскія граматы извѣщали о великой опасности отъ Стрѣльцовъ. Вопреки тому, что на вѣчныя времена изображено было на столбѣ Красной площади, Цари объявляли, что по смерти царя Ѳеодора, когда они вступили на престолъ, князь Хованскій возмутилъ Стрѣльцовъ, и они истязали своихъ полковниковъ, избили бояръ, обругали храмы Божіи, опозорили Дворъ царскій, разграбили

г. 1682. казну, и не смотря на прощеніе, данное имъ по милосердію царскому, буйствовали потомъ съ Никитою Пустосвятомъ. Нынѣ хотятъ они учредить *круги* и *ясаки* по обычаю казацкому, чего доселѣ не слыхано, а Хованскій ихъ не унимаетъ; казна и монастыри опустѣли на жалованье имъ, а на враговъ они нейдутъ и не слушаютъ указа царскаго. Очистить Москву, преданную ворамъ, измѣнникамъ и ругателямъ, отмстить неповинную кровь, Цари призывали всѣхъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ Московскихъ, жильцовъ, начальныхъ людей, городовыхъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, копейщиковъ, рейтаровъ, солдатъ и всякихъ чиновъ ратныхъ и служилыхъ людей, хотѣли идти съ ними на Москву безъ мѣшкоты, а для того приказывали спѣшить на сборъ и записываться въ Разрядъ. Казнь и проклятіе ожидали непослушныхъ; великая награда обѣщана поспѣшнымъ на исполненіе (127).

Хованскій не могъ не знать объ удаленіи Двора, о сборѣ войскъ, о царскихъ граматахъ, осуждавшихъ его. Но, или виновный только въ спорѣ и несогласіи съ другими временщиками, только въ потачкѣ своеволію подчиненныхъ, онъ не питалъ преступныхъ замысловъ, потому не хотѣлъ бѣжать и подтвердить бѣгствомъ свое обвиненіе, ничѣмъ недоказанное и нелѣпое, или обольщался надеждою искупить себя, предавая Стрѣльцовъ, но онъ не посмѣлъ возмущать ихъ. Еще болѣе: когда явились къ нему посланные съ милостивымъ словомъ Царей, приглашая его на совѣтъ и на пиръ царскій, въ день тезоименитства Софіи, въ село Воздвиженское, гдѣ находился тогда царскій Дворъ, Хованскій не ослушался и поѣхалъ добровольно. Съ нимъ

были два сына его и нѣсколько избранныхъ Стрѣль- г. 1682.
цовъ; едва услышали въ Воздвиженскомъ о поѣздкѣ Хованскаго, бояринъ князь Лыковъ былъ отправленъ на встрѣчу ему съ сильнымъ отрядомъ. Онъ засталъ Хованскаго въ селѣ Пушкинѣ, безпечно отдыхающаго въ шатрѣ своемъ, схватилъ его, забралъ бывшихъ съ нимъ Стрѣльцовъ, захватилъ и сына его Андрея, недалеко отъ Пушкина, въ родовой вотчинѣ Хованскихъ, на берегахъ Клязьмы (128). Обоихъ Хованскихъ, связанныхъ, какъ преступниковъ, привезли въ Воздвиженское; тамъ, не допуская ихъ видѣть Царей и Царевну, объявили имъ казнь. Бояре вышли къ нимъ на дворцовое крыльцо; дьякъ прочиталъ смертный приговоръ, уже готовый. Хованскихъ обвиняли въ истощеніи царской казны расходами безъ указа; безчестіи Двора наглостью Стрѣльцовъ, «чего и въ простыхъ домахъ не повелось»; задержаніи людей, неповинныхъ Приказу Стрѣлецкому; правежѣ денегъ Стрѣльцами; подачѣ наглой просьбы о подможныхъ деньгахъ Стрѣльцамъ, похвальбѣ стараго князя и дѣтей его ничтожною своею *службишкою;* словахъ, будто все держится по ихъ голову, а не будетъ ихъ то въ Москвѣ по колѣни будутъ въ крови ходить; безчинныхъ спорахъ съ боярами; бунтѣ Никиты Пустосвята; неотправленіи Стрѣльцовъ на службу по указамъ, задержаніи царскаго Стремяннаго полка въ Москвѣ, небытіи при обрядѣ лѣтоначала, посылкѣ вмѣсто себя окольничаго Хлопова, въ зазоръ народу и досаду Патріарху; клеветѣ на Новгородцовъ, будто бы готовыхъ бунтовать; распорядкѣ воеводами безъ указа и угрожепіемъ Стрѣльцами. «Да явилось на тебя, князя Ивана, письмо въ Коломенскомъ,» продолжалъ дьякъ, «и твои во-

г. 1682. ровскія дѣла и измѣны съ нимъ сходны.» Доносъ Коломенскій прочитанъ вполнѣ и заключенъ словами: «Злохитрый замыслъ твой обличенъ, измѣна твоя означилась и подыскапіе на здоровье, державу и государство царское явно.» Прочли также вины сыну Хованскаго — обоимъ объявлена смерть ([129]).

Казнь Хованскаго. Старикъ Хованскій плакалъ, слушая приговоръ, молилъ позволить ему оправдаться, просилъ суда, клялся въ невинности, угрожалъ проклясть сына, если откроются его вины. Ничего не велѣно было слушать. Спѣшили казнью: не было палача; Стрѣлецъ Стремяннаго полка заступилъ его мѣсто и отрубилъ голову князю Ивану Андреевичу. Безмолвный зритель казни, сынъ преклонился на трупъ отца, поцѣловалъ его и легъ на плаху. Тѣла обоихъ Хованскихъ бросили въ бѣдные гробы, отвезли въ сельцо Городецъ, близъ села Царева, и похоронили тамъ на сельскомъ кладбищѣ. Казнили еще нѣсколькихъ изъ бывшихъ при Хованскомъ, выборныхъ Стрѣльцовъ, Бориса Одинцова, Ѳедора Обросимова и товарищей въ ихъ умыслѣ ([130]).

Казнь была совершена, но слѣдствія смѣлаго поступка Софіи могли быть ужасны: 20,000 приведенныхъ въ отчаяніе Стрѣльцовъ могли возстать, явиться съ оружіемъ и мстить за смерть любимаго начальника, предвидя ожидавшую ихъ безъ него участь. Отправили изъ Воздвиженскаго поспѣшать сборомъ войскъ: во Владиміръ боярина князя Урусова, въ Коломну боярина Шеина, въ Рязань окольничаго Измайлова, въ Романовъ казначея Толочанова, въ Ярославль думнаго дворянина Голохвастова ([131]). Но когда узнали, что другой сынъ Хованскаго, князь Иванъ, спальникъ царя Іоанна, бѣ-

жалъ въ Москву, грозя возмутить Стрѣльцовъ, Софія и Дворъ, не дожидаясь войска, переѣхали въ Троицко-Сергіевскую лавру. Въ крѣпкихъ стѣнахъ ея, устоявшихъ нѣкогда отъ силъ Польскихъ, могли не бояться скопища возмутителей и надежно ожидать прихода защитниковъ престола. Послали въ Москву указъ Нѣмецкимъ полкамъ явиться въ лавру, и отправили еще поспѣшать сборомъ войскъ, въ Дмитровѣ, Твери, Звенигородѣ, Калугѣ и Серпуховѣ, стольниковъ Камынина, Яковлева, Тургенева, князей Шаховскаго и Волконскаго. Обитель Троицкую наскоро укрѣпили; поставили на стѣнахъ стражу и пушки. Князь Голицынъ объявленъ былъ *Дворовымъ воеводою*, и ему приданы на помощь князь Лыковъ, генералъ Шепелевъ, думный дворянинъ Ржевскій (152). г. 1682.

Оставленная Дворомъ и боярами, Москва была въ смутномъ ожиданіи. Сентября 18-го жители Москвы ужаснулись внезапнаго движенія Стрѣльцовъ: сборы у Стрѣлецкихъ Приказовъ, набатъ, барабанный бой, вооруженные отряды Стрѣльцовъ, занявшіе Кремль, Китай и Бѣлый городъ, показывали начало возмущенія: узнали, что старикъ Хованскій казненъ, что сынъ Хованскаго прибѣжалъ въ Москву, извѣстилъ Стрѣльцовъ о погибели отца и брата, молилъ ихъ о защитѣ, говорилъ, что бояре положили собрать войско, идти на Москву и истребить Стрѣльцовъ. Тщетно Патріархъ, остававшійся въ Москвѣ, уговаривалъ выборныхъ Стрѣлецкихъ не вѣрить ложнымъ слухамъ, и говорилъ, что Цари поѣхали на богомолье и никакого сбора войскъ нѣтъ, а если и казнены Хованскіе, то никто не долженъ противиться волѣ царской, милующей и караю-

Второй бунтъ Стрѣльцовъ.

г. 1682. щей по внушенію Божію. «Смерть всѣмъ измѣнникамъ боярамъ!» восклицали Стрѣльцы, хотѣли грабить боярскіе домы, грозили смертью Патріарху, если достовѣрно узнаютъ, что онъ за-одно съ боярами ([133]). Ярость возмутителей умножилась, когда пріѣхалъ стольникъ Зиновьевъ съ извѣстительною царскою граматою о казни Хованскихъ. Стрѣльцы едва не убили посланнаго, читали въ кругахъ своихъ грамату и послали Зиновьева обратно, сказать, что вся Надворная пѣхота идетъ отомстить за кровь своего отца-начальника. Бунтъ открылся явный. Стрѣльцы захватили пушки, порохъ, оружіе въ царскихъ оружейныхъ; затворили Москву, подѣлали перегородки по улицамъ, не впускали въ городъ и не выпускали никого изъ города. Днемъ и ночью слышны были тревога и пальба: Стрѣльцы говорили, что они чистятъ и готовятъ оружіе. Патріархъ трепеталъ за жизнь свою ([134]).

Но ярость Стрѣльцовъ укротилась, когда услышали они, что въ обитель Троицко-Сергіевскую отвсюду идетъ войско, *какъ вода льется*; что войска собралось тамъ уже сто тысячь; что сами Цари ведутъ его на Москву, а собранные воины клянутся истребить Стрѣльцовъ. Напрасно говорили еще иные изъ бунтовщиковъ, что казна и оружіе у нихъ въ рукахъ; что залогомъ спасенія ихъ будутъ жены и дѣти бояръ; что передъ собою поставятъ они женъ и дѣтей посадскихъ и царское войско перебьетъ ихъ, прежде нежели доберется до Стрѣльцовъ. Большая часть мятежниковъ оробѣли. Самые смѣлые отчаявались, спрашивали у Патріарха, что имъ дѣлать, и толпились около двора патріаршаго день и ночь.

Дѣйствительно, окрестъ Царей въ Троицкой лаврѣ быстро и поспѣшно собралось сильное войско. Отвсюду спѣшили на призывъ царскій, не скрывая ненависти къ Стрѣльцамъ, изъявляя ревность на защиту государей. Многіе плакали отъ умиленія, когда юные Цари явились передъ рядами собравшихся войскъ. Ревность доходила до того, что войско въ самомъ дѣлѣ просило позволенія идти въ Москву и искоренить не только Стрѣльцовъ, но и всѣхъ Московскихъ жителей: «Они молчали и не защищали государей нашихъ, когда Стрѣльцы угрожали жизни и престолу Царей; они не положили тогда головъ своихъ и всѣ сдѣлались виновны въ зломъ умыслѣ!» — говорили собранныя дружины. — Бояре испугались, когда собранное войско не слушало никакихъ увѣщаній и отвѣчало единодушнымъ кликомъ: «Смерть Стрѣльцамъ! Если Цари простятъ ихъ, имъ впередъ повадно будетъ воровать. Пойдемъ и истребимъ до конца злое сѣмя!» Многіе вопили даже противъ бояръ, называя ихъ потатчиками ворамъ и измѣнникамъ. Страсти народныя ужасны въ разгулѣ своемъ, не управляемыя разсудкомъ ([156]). Поспѣшили раздѣлить все собранное войско на четыре отряда и велѣли имъ окружать Москву, но не вступая въ нее и не начиная битвъ, остановиться, сѣвернымъ горожанамъ, съ княземъ Андреемъ Голицынымъ, въ Черкизовѣ, Володимирцамъ, съ княземъ Петромъ Урусовымъ въ Рогожѣ, Рязанцамъ, съ бояриномъ Шеинымъ, на Боровскомъ перевозѣ, Калужанамъ, съ бояриномъ Волынскимъ, въ籍Вяземѣ ([157]). г. 1682.

Слыша о сближеніи войска къ Москвѣ, видя неизбѣжность гибели, если продолжатъ упорство, еще надѣ- Усмиреніе бунта.

г. 1682. ясь милости, если раскаются, Стрѣльцы, лишенные начальника, утратили всю бодрость, проклинали зачинщиковъ бунта и въ отчаяніи явились къ Патріарху. Слезно молили они заступленія его передъ Царями, ссылаясь въ необдуманномъ мятежѣ на коварныхъ возмутителей, на слухи, ужаснувшіе ихъ; проклиная память Хованскаго; говоря, что они готовы отказаться отъ всѣхъ своихъ правъ и наградъ, безусловно предаютъ себя милости Царей и только молятъ о жизни. Патріархъ плакалъ, слушая рѣчи раскаявшихся, утѣшалъ ихъ надеждою на милость Царей, говорилъ, что самъ поѣхалъ бы просить за нихъ, еслибы старость и немощи его допустили, но что онъ пошлетъ отъ себя архимандрита, даже архіерея. Чудовскій архимандритъ Адріанъ отправился въ Троицкую лавру. Патріархъ доносилъ Царямъ о раскаяніи и покорности Стрѣльцовъ ([138]). Софія не задержала посла патріаршаго. Съ нимъ прибыли въ Москву бояринъ М. П. Головинъ и думный дворянинъ Голосовъ: одному поручено было принять начальство надъ Москвою; другой объявилъ Стрѣльцамъ (21-го Сентября) указъ царскій, что Хованскіе казнены за измѣну по царскому велѣнію и никто въ дѣло ихъ вступаться не можетъ, ибо милость и казнь вручены царямъ отъ Бога, и имъ Стрѣльцамъ о томъ не только говорить, но и мыслить не доводится; если есть у нихъ какое челобитье, то пусть пришлютъ отъ себя выборныхъ людей, а опалы царской на нихъ нѣтъ и они могутъ быть надежны на милость царскую ([139]).

«Если милуютъ насъ, такъ за чѣмъ же пейдутъ государи въ Москву?» говорили смущенные Стрѣльцы;

снова молили Патріарха; явились съ покорностью къ Головину; отправили двухъ выборныхъ къ государямъ. Посланныхъ не допустили къ Царямъ; сказали имъ, что если Стрѣльцы хотятъ какой нибудь милости, то пусть пришлютъ по 20-ти выборныхъ людей изъ каждаго полка. Трепеща разсказывали посланные по возвращеніи изъ лавры, что вся дорога отъ Москвы, усѣяна войскомъ ([140]). Толпою прибѣжали Стрѣльцы къ Патріарху, пересказали ему отвѣтъ царскій и говорили въ отчаяніи, что выборныхъ требуютъ у нихъ на казнь. «Нѣтъ,» отвѣчалъ Патріархъ — «Цари наши милосерды и помилуютъ васъ; увѣряю васъ въ томъ, и не мнѣ, пастырю вашему, лгать на старости лѣтъ, но искупите милость повиновеніемъ. Пошлю съ вами архіерея, да будетъ онъ вашимъ заступникомъ». Септября 25-го, выборные Стрѣльцы простились съ женами, дѣтьми, товарищами, какъ будто осужденные на казнь, и отправились въ путь; они везли повинныя челобитья отъ всѣхъ полковъ. Съ ними поѣхалъ митрополитъ Суздальскій Иларіонъ, повезъ Царямъ новую книгу, сочиненную Патріархомъ, и моленіе о пощадѣ виновныхъ. Стрѣльцы ѣхали въ страхѣ и тревогѣ; думали, что ихъ схватятъ и переказнятъ въ Мытищахъ; въ Пушкинѣ остановились они, съ ужасомъ видя, что отвсюду, съ насмѣшками и угрозами, окружаютъ ихъ отряды войскъ. Митрополитъ принужденъ былъ послать въ лавру двухъ Стрѣльцовъ, прося Царей увѣрить черезъ сихъ посланныхъ въ безопасности слѣдующихъ съ нимъ изъ Москвы Стрѣльцовъ. Со слезами радости увидѣли Стрѣльцы возвратъ товарищей и услышали рѣчи пріѣхавшаго съ ними стольника Нормацкаго, увѣрявшаго г. 1682.

6*

г. 1682. ихъ, что Цари не мыслятъ казнить, но будутъ милостиво жаловать челобитчиковъ. Все еще въ сомнѣніи и страхѣ, робко вступили Стрѣльцы въ лавру и поверглись на колѣни передъ окнами царскаго дворца ([141]). Софія вышла къ нимъ, окруженная многочисленнымъ, блестящимъ синклитомъ; къ ногамъ ея, въ слезахъ, пали Стрѣльцы. «Люди, не боящіеся Бога, забывшіе присягу и милости наши! Видите ли до чего довели васъ злоба и своеволіе? Вы недостойны лицезрѣнія, не только милости Царей. Называя себя слугами ихъ, чѣмъ вы служите имъ? Бунтомъ, захватомъ казны, отчужденіемъ столицы царской отъ власти ихъ?» Такъ говорила Царевна тѣмъ, кого еще столь недавно ласкала и чествовала. «Прогнѣвали Бога и Царей!» вопили челобитчики и подали сказку, гдѣ винили себя, что повѣрили ложнымъ слухамъ, будто ихъ хотятъ избить немилосердо, захватили своевольно порохъ и оружія изъ опасенія за жизнь, но клялись, что злыхъ умысловъ у нихъ нѣтъ, ни на Царей, ни на бояръ. — «Покорностъ спасетъ васъ отъ карающаго меча правосудія,» отвѣчала Софія, «но идите въ Москву, заберите виноватыхъ въ началѣ смятенія, отдайте все захваченное вами, оставьте оружіе — тогда явитесь сюда и ждите милости; обѣщаю вамъ царскимъ словомъ жизнь и пощаду. Иначе — горе вамъ: пріятельные мира, не желательные крови, простительные къ виновнымъ, Цари пойдутъ на васъ съ силою безчисленною и истребятъ васъ!» Обрадованные Стрѣльцы клялись исполнить приказъ, поспѣшили въ Москву и смиренно передали Головину захваченный порохъ, пушки, оружіе; сынъ Хованскаго и зачинщики бунта также были ему выданы; отъ всѣхъ полковъ на-

писаны были челобитныя ([142]). Въ день Покрова Па- г. 1682.
тріархъ призвалъ къ себѣ выборныхъ Стрѣльцовъ, долго увѣщевалъ ихъ и отпустилъ въ лавру, пастырски благословляя смиреніемъ искупить милость; онъ отправилъ съ ними архимандрита Адріана. Царская грамата, гдѣ объявлялось прощеніе, прислана была къ Патріарху; велѣно было объявить ее въ Успенскомъ соборѣ, «по довольномъ наказаніи отъ священныхъ писаній.» Октября 8-го, первосвятитель исполнилъ царскій приказъ, при стеченіи многочисленняго народа, наполнявшаго соборный храмъ; долго поучалъ онъ виновныхъ, угрожая имъ казнью и проклятіемъ за мятежи и бунты. «Не звѣрями, но духовными человѣками подобаетъ намъ быть. Богъ живетъ въ насъ и имъ мы движемся: согрѣшая, мы сквернимъ жилище Божіе!» говорилъ архипастырь, благословилъ виновныхъ, умилилъ ихъ прощеніемъ, велѣлъ звонить въ колокола въ знакъ радости, и заставилъ присягать въ вѣрности Царямъ на десной рукѣ апостола Андрея ([143]). «Простите ихъ, Великіе Государи!» писалъ онъ потомъ съ Воздвиженскимъ архимандритомъ Ефремомъ (Октября 9-го). «Они оставили зломысліе: не мучить человѣка создалъ Богъ царское величіе, но причащать благости своей; уподобляйтесь ему отпущеніемъ грѣха и вины преступника. Мира и благости хощетъ царь неба и земли, и укрѣпитъ васъ, столпы земные, мышцею высокою, соединяя вкупѣ подъ рукою вашею души всѣхъ вамъ подвластныхъ ([144]).»

Вѣсть, что Москва умирилась и успокоилась, обрадовала Софію и Дворъ царскій. Войска, собранныя въ лавру и стоявшія около Москвы, не запаслись кормами, терпѣли недостатокъ, начинали роптать, стоя на полѣ,

г. 1682. подъ дождемъ, въ осенній холодъ и грязь. Октября 25-го объявили царскія милости войску, и кромѣ денежныхъ наградъ, подарили воинамъ на веселье обширный царскій погребъ ([145]). Князю Голицыну было прибавлено годоваго денежнаго оклада по 150 рублей, поверстано въ вотчину изъ помѣстья 300 четвертей; боярамъ прибавлено денежнаго оклада по 100 рублей и поверстано въ вотчины по 250 четвертей ([146]). Велѣно отодвинуть войска отъ Москвы, и стать до времени князю Урусову въ Переяславлѣ, Шеппу въ Коломнѣ, князю Владиміру Долгорукому въ Серпуховѣ ([147]). Отвсюду повезли въ столицу запасы, привозъ коихъ былъ дотолѣ прекращенъ. Дороговизна и недостатокъ оказывались въ Москвѣ. Открылось шумное торжище. Народъ пировалъ и веселился. Стрѣльцы покорствовали; имъ не велѣли носить оружія, хотя и приказано было носить его другимъ служивымъ людямъ; запрещено было говорить взаимно грубыя поносныя слова и упреки ([148]). Октября 28-го Стрѣльцы добровольно подали просьбу, умоляя срыть столпъ, складенный на Красной площади въ память перваго бунта, «да не будетъ Москвѣ отъ иныхъ государствъ зазора.» Ноября 2-го стольникъ Ермиловъ сломалъ сей почетный столпъ до основанія и сжегъ бывшіе на немъ жестяные листы съ надписями ([149]).

Ноября 6-го *сказанъ* походъ Царей въ Москву. Отъ села Алексѣевскаго до Москвы, по обѣимъ сторонамъ дороги, стояли безоружные Стрѣльцы, кланялись въ землю и лежали, умоляя о милости. Народъ замѣтилъ, что царь Іоаннъ робко оглядывался кругомъ, а царь Петръ глядѣлъ на всѣхъ безстрашно и смѣло

([150]). Генералъ Зміевъ опредѣленъ былъ временнымъ начальникомъ Стрѣльцовъ. Царскою граматою подтвердили прощеніе Стрѣльцамъ, «прогнѣвавшимъ Бога и государей, одержимымъ недоумѣніемъ и страхомъ, не помышляющимъ о животахъ здѣшней жизни, прободаемымъ совѣстію и проклятіемъ въ вѣкѣ будущемъ.» Утвердили за ними прежнія льготы, «да памятуютъ виновные высокую милость царскую и будутъ въ обыкломъ повиновеніи, покорные безъ лукавства, безъ измѣны и безъ шатости ([151]).» г. 1682.

Стрѣльцы увѣрились послѣ того въ своей безопасности, радовались, были мирны и послушны, но скоро увидѣли, что прощеніе ихъ было не безусловное. Декабря 10-го Приказы Стрѣлецкіе поручили дьяку Шакловитому, любимцу Софіи, дѣльцу хитрому и ловкому. Онъ началъ тайные розыски и переборъ виноватыхъ. Стрѣльцовъ уволили отъ отправленія стражи по городу; запретили имъ ходить въ Кремль. Безоружные, окруженные сильнымъ, введеннымъ въ Москву войскомъ, ненавидѣвшимъ ихъ, убійцы и злодѣи въ глазахъ народа, они уже не смѣли ничего предпринять. Смертная казнь объявлена тѣмъ изъ нихъ, кто начнетъ ссоры и задеретъ Нѣмцовъ и другихъ служивыхъ людей ([152]). Полкъ полковника Бохина осмѣлился не выдавать Стрѣльца Ивана Жаренаго, потребованнаго къ суду. Всему полку объявлена была смертная казнь, велѣно собрать его, задержать, окружить стражею. Приведенные въ отчаяніе, ослушники явились у Кремля, держа плахи и топоры, надѣвши петли на шею, и молили о пощадѣ. Долго не хотѣли ихъ прощать, упрекали въ измѣнѣ, забвеніи царской милости. Жареной былъ казненъ ([153]). Уничтоженіе силы Стрѣльцовъ.

г. 1682. Стрѣльцы не смѣли уже послѣ того противиться, даже роптать, когда ихъ лишили почетнаго названія *Надворной пѣхоты* и назвали по прежнему *Стрѣльцами*, (Декабря 17-го); переписали поголовно и объявили разсылку ихъ изъ Москвы въ города (Декабря 30-го); оставили въ Москвѣ только избранныхъ, составя изъ нихъ *семь полковъ*, состоявшихъ изъ 6,056 человѣкъ, и велѣли еще выбрать изъ городовыхъ *вѣрныхъ* Стрѣльцовъ пять полковъ (3,446 человѣкъ); остальныхъ переверстали изъ города въ городъ, разослали въ Черниговъ, Брянскъ, Батуринъ, Псковъ, Мензелинскъ, Царицынъ, Астрахань, на дальнія границы; велѣли селить въ Курскѣ и въ Сѣвскѣ слободами. Со слезами разставались изгнанники съ родною Москвою, продавая за безцѣнокъ домы и пожитки. Строгій надзоръ предписано было всюду имѣть за ними, хранить оружіе въ кладовыхъ, выдавать только отряжаемымъ на службу, не ставить нѣсколькихъ полковъ вмѣстѣ, не допускать между городами сношеній и переписки ([154]). Преступленія и казнь Хованскихъ обнародованы по всему государству, и всякаго, кто изъявитъ о томъ сожалѣніе, велѣно забирать подъ стражу и наказывать. Пятеро князей Хованскихъ лишены были чиновъ и посланы въ ссылку. Болѣе тридцати Стрѣльцовъ казнено по суду ([155]). Строгія мѣры не прекратились и послѣ разсылки Стрѣльцовъ: смертная казнь опредѣлена каждому, кто похвалится смутнымъ временемъ, наказаніе кнутомъ за подозрительныя и соблазнительныя рѣчи. Не велѣно принимать отъ Стрѣльцовъ жалобъ въ обидахъ и оскорбленіи безъ явныхъ доказательствъ ([156]). И на раскольниковъ обращена была неумолимая стро-

гость: приказано преслѣдовать ихъ безъ пощады; пытать и осуждать на сожженіе, кто хулитъ церковь, не ходитъ къ причастію, не пускаетъ въ домъ къ себѣ священника съ молитвою; велѣно было сѣчь кнутомъ тѣхъ, кто заведетъ съ такими противниками церкви совѣщаніе и взыскивать пѣни съ укрывающихъ возмутителей церкви ([157]). Наконецъ приказано было отнять у Стрѣльцовъ оклады, какіе дотолѣ сбирались на нихъ съ монастырей ([158]). Нѣкоторые изъ Стрѣльцовъ осмѣлились тайно посылать письма въ Москву съ пріѣзжими изъ Малороссіи: всѣмъ пріѣзжимъ оттуда велѣно брать опасныя проѣзжія граматы, и Гетману Малороссійскому предписано смотрѣть за всѣми, кто будетъ въ Малороссіи распространять «плевелосѣятельныя и непотребныя рѣчи ([159]).» Награждая собравшихся по призыву Царей въ Троицкую обитель служивыхъ людей, царскія награды велѣно выдать дѣтямъ и вдовамъ умершихъ на сей службѣ. Новгородцамъ, изъявившимъ тогда особенную ревность, прибавлены денежные оклады и поверстаны помѣстья въ вотчину, *не въ образецъ другимъ* ([160]). Г. 1632.

Дѣйствуя столь смѣло и рѣшительно, Софія не боялась суевѣрныхъ предвѣщаній, не слушала, что знаменія на небѣ были изъясняемы изувѣрами, какъ вѣстники новыхъ смутъ и кровопролитія ([161]). Освобожденная отъ Хованскаго, Софія возвысила своего любимца надъ всѣми другими вельможами; онъ получилъ новый титулъ *Намѣстника Новгородскаго и царственныя большія печати и великихъ государственныхъ посольскихъ дѣлъ оберегателя*. Его писали въ актахъ *свѣтлосіятельнымъ княземъ и его милостію*. Въ Дека- Возвышеніе князя Голицына.

г. 1682. брѣ 1682 года ввѣрены были управленію его Иноземскій и Пушкарскій Приказы ([162]). Смерть И. М. Милославскаго освободила его отъ послѣдняго соперника въ почестяхъ и власти. Милославскій успѣлъ умереть не доживши до бѣды, можетъ быть, на смертномъ одрѣ раскаяваясь въ своихъ злодѣйствахъ, но не помышляя, что могила не скроетъ его отъ казни и позора еще и въ здѣшней жизни, прежде суда за гробомъ ([163]). По кончинѣ Милославскаго, Голицынъ получилъ управленіе надъ Рейтарскимъ, Малороссійскимъ и Смоленскимъ Приказами, Новогородскою, Устюжскою и Галицкою Четвертями. Недовольный безмѣрною властью, онъ хотѣлъ богатства и смиренно подалъ Царямъ челобитье, что прежніе труды его при царѣ Θеодорѣ не были донынѣ вознаграждены; что онъ раззорился на службѣ; что помѣстья и вотчинъ за нимъ всего 320 дворовъ, а *Московскій дворишко его и рухлядишка* погорѣли въ пожарѣ 1680 года, послѣ чего принужденъ онъ былъ на постройку домишка продать деревню, состоявшую изъ 60-ти дворовъ. Отвѣтомъ на просьбу были награды царскія: 200 рублей придачи къ денежному окладу, 1000 четвертей вотчинъ, аксамитный соболій кафтанъ, серебряный кубокъ въ 10 фунтовъ ([164]). Вскорѣ потомъ уже не было счета его богатствамъ. Великолѣпный домъ Голицына въ Охотномъ ряду былъ покрытъ мѣдными листами, убранъ дорогими коврами и картинами, блисталъ грудами серебра и золота ([165]). Сынъ любимца Софіи, князь Алексѣй былъ пожалованъ въ бояре, Намѣстники Пермскіе, и опредѣленъ товарищемъ отца по Посольскому Приказу. Родственники временщика заняли почетныя мѣста. Онъ не боялся, что

София оказывала особливую милость Шакловитому; новый любимецъ Софіи смирялся передъ нимъ наравнѣ съ Шереметевыми и Толочановыми, Одоевскими и Неплюевыми, и безъ различія всѣми другими боярами и сановниками, составлявшими Дворъ царскій ([166]). г. 1682.

Уничтожая силу мятежныхъ Стрѣльцовъ, утверждая власть свою на возвышеніи своихъ прежнихъ приверженцовъ, Софія возстановила строгіе обряды чинопочитанія дворскаго, нарушенные въ смутное время смятеній. Снова предписано было: кому именно которымъ крыльцомъ входить во дворецъ; гдѣ стоять санямъ, каретамъ и верховымъ лошадямъ пріѣзжавшихъ въ Кремль; велѣно наблюдать тишину и благочиніе во дворцѣ и въ Кремлѣ; запирать съ вечера Кремль, Китай и Бѣлый городъ; не ѣздить съ бичами на возжахъ ([167]). Нѣсколько бояръ, окольничихъ и думный дворянинъ Мясной осмѣлились не явиться въ церковный ходъ по наряду: имъ объявлена опала, а у Мяснаго *отнята честь* ([168]). Пятдесятъ стольниковъ и стряпчихъ отказались отъ поѣздки съ царемъ Іоанномъ въ село Хорошево — ихъ разжаловали въ городовые дворяне ([169]). Стольникъ Иванъ Дашковъ, за нескромныя рѣчи во дворцѣ, осужденъ былъ на наказаніе батогами. Наконецъ, немногіе примѣры мѣстничества были строго наказаны, ибо уложеніе царя Ѳеодора объ истребленіи споровъ о мѣстахъ подтверждено было въ полной силѣ и неотступно наблюдаемо. Все раболѣпно преклонилось передъ Софіею; тишина была въ столицѣ, благоговѣніе было въ царскомъ дворцѣ. Софія являлась народу истинною царицею Русскою, окруженная боярами, многочисленнымъ Дворомъ и войскомъ. Го-

г. 1682. лицынъ былъ полновластнымъ правителемъ государства ([170]).

Софія исполнила слово свое: она сама присутствовала въ совѣтахъ боярской думы, сама вникала въ дѣла и рѣшенія Приказовъ. Къ ней, въ ея *царскій верхъ*, приходили бояре за отвѣтомъ, переговаривая съ иноземными послами, и невидимая за огромнымъ серебрянымъ трономъ Царей, братьевъ своихъ, она подсказывала имъ отвѣты, когда представлялись имъ послы ([171]). Имя Софіи помѣщалось во всѣхъ рѣшеніяхъ царскихъ; его не упоминали въ граматахъ къ чужеземнымъ властителямъ и въ сношеніяхъ съ иностранцами, но всѣ знали, что не Цари, но Софія правитъ Россіею, и имя Царевны славили, какъ имя Елисаветы Англійской, Семирамиды Вавилонской и Пульхеріи Греческой, а любимца ея именовали *великимъ Голицынымъ* ([172]).

Дѣла внѣшнія.

Сношенія Россіи съ Западными государствами, послѣ взаимныхъ привѣтовъ при вступленіи на престолъ Царей, ограничились только немногими дружественными отношеніями. Во Францію посланы были, въ 1685-мъ году, стольникъ Алмазовъ и дьякъ Ипполитовъ; имъ поручили поздравить Людовика XIV-го съ окончаніемъ войны. Король отвѣтствовалъ граматою и благодарилъ Царей, свидѣтельствуя о добрыхъ рѣчахъ и поступкахъ посланниковъ ([173]). Курфирстъ Саксонскій отправилъ, въ 1683 году, черезъ Россію въ Персію «лекарственнаго доктора» Лаврентія Рингубера, прежде принятаго ласково въ Москвѣ, когда онъ пріѣзжалъ съ послами Императора и жилъ нѣсколько времени въ Россіи. Въ граматѣ, данной Рингуберу, Курфирстъ напоминалъ о дружбѣ своей съ родителемъ Царей; просилъ Рингуберу

свободнаго пропуска до Астрахани; говорилъ, что податель граматы вручитъ Царямъ полезныя лекарства. Герцогъ Саксенъ-Готскій писалъ съ Рингуберомъ, что если угодно будетъ Царямъ заказать въ Саксоніи для Русскаго войска какое оружіе, онъ немедленно велитъ приготовить его и перешлетъ въ Россію черезъ Гамбургъ ([174]). Герцогъ Курляндскій дружески относился къ Царямъ (въ 1684 г.), прося покровительства какому-то Госсенсу, вѣроятно, купцу, по дѣламъ его въ Москвѣ ([175]). Еще не зная о кончинѣ царя Ѳеодора, Датскій Король отправилъ въ Москву посланника своего Горна, договориться о взаимномъ пріемѣ пословъ и торговыхъ сношеніяхъ въ Колѣ. Горнъ вручилъ грамату свою Царямъ въ Троицко-Сергіевской лаврѣ, былъ потомъ ласково принятъ въ Москвѣ, прожилъ въ Россіи болѣе девяти мѣсяцовъ и отпущенъ съ почестью. Онъ получилъ позволеніе купить и вывезть въ Данію 100,000 четвертей хлѣба, и заключилъ договоръ о пріемѣ пословъ и количествѣ припасовъ, или денегъ вмѣсто того, какое надлежало имъ получать во время пребыванія своего въ Россіи, начиная отъ границы, въ Москвѣ и на обратномъ пути. Положено, въ Даніи и въ Россіи равномѣрно, давать: послу по 50-ти, посланнику по 10, курьеру по 5-ти ефимковъ ежедневно; опредѣлено всѣмъ являться на ауедіенціи съ непокрытою головою и безъ шпаги ([176]). Нидерландскій резидентъ фанъ-Келлеръ, пріѣхавшій съ посломъ фанъ-Кленкомъ въ 1676 году, постоянно жилъ въ Москвѣ, умѣлъ пріобрѣсть особенную дружбу дьяка Ларіонова, убитаго Стрѣльцами, былъ любимъ Голицынымъ, и успѣлъ оказать услуги своимъ соотчичамъ, пріобрѣтя

Г. 1682.

г. 1682. довѣренность Софіи. Голландцы затруднялись поѣздками въ Астрахань за Персидскими товарами: позволено было Персіянамъ возить товары транзитомъ до Риги, не смотря на жалобы Русскихъ купцовъ, терявшихъ барыши при перепродажѣ товаровъ Голландцамъ. По жалобамъ Келлера, что воеводы въ Архангельскѣ притѣсняютъ Голландцовъ; что гости, приставленные къ таможнѣ, берутъ съ нихъ лишнія пошлины; что ихъ обсчитываютъ и берутъ съ нихъ дополнику, по червонцу и болѣе на сто, подъ предлогомъ, будто червонцы бываютъ обрѣзанные, произведено слѣдствіе. Гости отвѣчали, что всѣ сіи «иноземческія челобитья ложныя и затѣйныя.» Но Софья запретила однакожъ Архангельскимъ воеводамъ вмѣшиваться въ дѣла торговыя; уничтожила отдачу на откупъ лоцманства по Двинѣ, предоставляя иностранцамъ нанимать лоцмановъ по волѣ; позволила приходить въ Архангельскъ охранному военному кораблю Голландскому; велѣла употреблять «заорленые» вѣсы, принимать ефимки и червонцы по вѣсу, и къ иноземцамъ «имѣть привѣтъ и береженіе, а обидъ и налоговъ никакихъ имъ не чинить(177).

Швеція. По возвращеніи посланца Алексѣева не замедлилъ явиться въ Москву Шведскій посланникъ Христофоръ Кохъ, предлагая договориться обо всемъ и разрѣшить, «что противно учинилось противъ Кардисскаго договора:» споры о разграниченіи земель, притѣсненіи Русской торговли въ Нарвѣ и Ревелѣ, стѣсненіи христіанъ Греческаго исповѣданія въ Шведскихъ городахъ, выдачѣ бѣглецовъ съ обѣихъ сторонъ. Боярская дума предлагала Софіи возобновить требованія объ уступкѣ захваченныхъ Шведами земель, какъ возобнов-

лялъ уже сіи требованія Ѳеодоръ, безъ того не подтверждая Кардисскаго мира. Мнѣніе бояръ не было уважено. Говорили потомъ, что Голицынъ былъ подкупленъ Шведами. Изъ Москвы назначили въ Стокгольмъ послами двухъ Прончищевыхъ, окольничаго и стольника. Гонецъ Никитинъ отправленъ извѣстить о пріѣздѣ ихъ, въ Январѣ 1683 года; его долго задержали въ Швеціи. Король извинялся нездоровьемъ, и тѣмъ, что Никитинъ буйно велъ себя въ Стокгольмѣ. Прончищевы прибыли въ Стокгольмъ лѣтомъ 1683 года. Они заговорили сначала объ уступкѣ земель, но только для вида, ибо послѣ немногихъ споровъ уступили, и Кардисскій миръ былъ подтвержденъ Королемъ вполнѣ. Для размежеванія границъ положили выслать коммисаровъ. Шведскіе послы, *Конрадъ Гилленштирнъ*, *Іона Клингстетъ*, *Отто Штакельбергъ*, пріѣхали въ Москву и требовали подтвержденія договоровъ съ Русской стороны. Встрѣчать ихъ собраны были стольники, стряпчіе, Московскіе дворяне и жильцы съ 37-ми городовъ; всѣмъ велѣно быть «одѣтымъ въ цвѣтное платье, имѣть добрыхъ лошадей, конскіе наряды лучшіе и цѣпи гремячія и позвонныя.» Въ дополненіе прежнихъ договоровъ Шведскіе послы условились прописывать титулы Царей и Короля вполнѣ, «безъ всякаго умаленія;» наблюдать правописаніе именъ и писать: *Каролусъ* и *Іоаннъ*, а не *Карлусъ* и не *Іоанъ*; подтвердили свободу вѣроисповѣданія Рускимъ въ Ревелѣ и другихъ мѣстахъ; положили выслать съ обѣихъ сторонъ «порубежныхъ правителей, учтивыхъ людей,» и велѣть имъ *развести границы;* назначили выдавать посламъ, во все время пребыванія ихъ въ Россіи и Швеціи взаим- г. 1682.

г. 1682. но, на содержаніе деньгами, во избѣжаніе споровъ: посламъ по 100, посланникамъ по 30, гонцамъ по 10 ефимковъ ежедневно, и кромѣ того снаряжать по 400 подводъ на проѣздъ пословъ, по 100 на проѣздъ посланниковъ и по тридцати на проѣздъ гонцовъ, «отводя добрые постоялые дворы и давая воду, свѣчи и дрова, сколько понадобится.» Договариваясь о свободной торговлѣ, Цари требовали суда Русскимъ подданнымъ въ Шведскихъ городахъ не у мѣстныхъ бургомистровъ и ратмановъ, но у королевскихъ намѣстниковъ и въ посольской канцеляріи въ Стокгольмѣ, ибо Шведы въ Россіи судятся въ Посольскомъ Приказѣ и у воеводъ. Послы отвѣчали, что на то не дано имъ указа. По возвращеніи пословъ, Король спѣшилъ согласиться на требованіе Русскаго Двора, хотя и писалъ, что оно противно кореннымъ законамъ Швеціи, извѣщая притомъ, что онъ назначилъ распредѣлить границы коммиссарами одного изъ бывшихъ въ Москвѣ пословъ, Клингстета, придавъ къ нему чиновниковъ Іоанна Стенска, Каспара Цеймерна и Бенгта эль Феодала. Сіи коммисары съѣхались съ Русскими чиновниками въ 1685-мъ году, лѣтомъ, подлѣ Чудскаго озера, на рѣкѣ Наровѣ, между Гдовомъ и Сыренскомъ. Съ Русской стороны были посланы думный дворянинъ Прончищевъ и дворяне Скобельцынъ, Рокотовъ и Дирипъ. Споры о титулахъ, о первенствѣ рѣчей, о рыбной ловлѣ въ Наровѣ, о захватѣ Шведами земель за рѣчкою Меузицею, кончились ссорою. Русскіе чиновники уѣхали въ Псковъ. Король Шведскій прислалъ на нихъ жалобу; ему отвѣчали жалобою на дерзость и своевольство Клингстета и получили въ отвѣтъ длинное посланіе,

гдѣ Король подробно излагалъ все дѣло, препоручая дальнѣйшія объясненія посланнику своему Коху, находившемуся въ Москвѣ. Кохъ пріѣхалъ туда зимою 1685 года, строить въ Москвѣ Шведское подворье, вмѣсто прежняго сгорѣвшаго. Но дѣло о границахъ не кончилось, споры продолжались, хотя и не мѣшали увѣреніямъ въ дружбѣ съ обѣихъ сторонъ, какъ равно не мѣшалъ имъ споръ о царскомъ титулѣ, начавшійся между дьякомъ Виніусомъ и Рижскимъ почтмейстеромъ. Въ 1683 г. Шведскій посолъ въ Персію, подполковникъ Фабрицій, находившійся нѣкогда въ Русской службѣ, встрѣченъ былъ въ Москвѣ отмѣнно ласково. Съ нимъ находился славный Кемпферъ, объѣхавшій послѣ того всю Азію и первый изъ Европейцовъ описавшій Японіи. Послы были на аудіенціи у Царей, обѣдали у князя Голицына и отправились въ Персію съ милостивымъ царскимъ привѣтомъ (178). г. 1682.

Собіескій не замедлилъ поздравить Царей съ восшествіемъ на престолъ, черезъ гонца своего Станислава Бентковскаго, изъявляя готовность «объявлять истину, если ее потребуютъ, только чтобы Польша и Россія жили въ нераздѣльномъ союзѣ и счастіи.» Его извѣстили, черезъ подьячаго Дяткина, что изъ Москвы отправляются послы, окольничій Чаадаевъ и думный дворянинъ Голосовъ, подтвердить присягою Андрусовскій миръ по 32-й статьѣ его. Собіескій отвѣчалъ, что пристойно было бы снабдить пословъ полномочіемъ окончить все, «въ чемъ довольства не учинилось, послѣ заключенія Андрусовскаго мира, въ теченіе 16-ти лѣтъ.» Но однакожь, онъ дружески привѣтствовалъ Чаадаева и Голосова, подтвердилъ присягою миръ, и только сожа- Польша.

г. 1682. дѣлъ, что послы ничего не говорили о ближайшемъ союзѣ Россіи съ Польшею по 19-й статьѣ Андрусовскаго мира, извѣщая, черезъ посланника Зембоцкаго (въ Маѣ 1683-го года), о поѣздкѣ въ Россію великихъ Польскихъ пословъ и требуя имъ проѣзжей граматы. Чаадаевъ и Голосовъ привезли грамату Собіескаго, которою назначалъ онъ Андрусово мѣстомъ для начатія переговоровъ, жалуясь притомъ на обиды казаковъ ([179]). Еще прежде присылалъ онъ просить долгъ, котораго князь Щербатовъ не заплатилъ Львовскому жителю Иссаровичу; потомъ жаловался на неплатежъ долга какимъ-то Янушевичемъ королевскому секретарю Краузу, на грабежъ Кіевскимъ полковникомъ Коробченко проѣзжихъ казаковъ, на не отдачу Польскимъ владѣльцамъ помѣстьевъ, называя всѣ сіи дѣла нарушеніемъ мирныхъ договоровъ ([180]).

Андрусовскій миръ былъ важенъ обѣимъ сторонамъ. Симъ миромъ кончилась, въ 1667 году, 12-ти лѣтняя война, вначалѣ гибельная Польшѣ, въ окончаніи безславная Россіи. Только Смоленскъ вознаградилъ Россію за убытки и потери. Заднѣпровскія земли, коренное гнѣздо казацкаго приволья, отданы были Польшѣ. По причину особеннаго и безконечнаго спора составилъ Кіевъ: Польша уступила его Россіи только на два года и хотѣла потомъ возвратить уступку; Россія не думала отдавать, сего знаменитаго, родоваго города. Обольщенный надеждою на выборъ въ Польскіе короли царевича, послѣ смерти короля Михаила Вишневецкаго, царь Алексій льстилъ однакожь надеждѣ Поляковъ, но дѣло почти доходило до войны послѣ выбора въ короли Собіескаго (1674 г.), когда Руские всту-

нили притомъ въ заднѣпровскія области и были угрожаемы войною съ Оттоманами, защитниками мятежнаго Дорошенка. Гордость Собіескаго смирилась послѣ несчастнаго похода противъ Турковъ и Журавинскаго мира съ Султаномъ въ 1676 году. Онъ подтвердилъ Андрусовскій миръ; Кіевъ остался еще во временной власти Русской. Өеодоръ снова вступился въ заднѣпріе, уступленное Польшею Туркамъ. Собіескій возражалъ, спорилъ, не помогалъ Рускимъ въ нерѣшительной войнѣ ихъ съ Турками, продолжавшейся до 1681 года и конченной Бахчисарайскимъ миромъ, по которому опустѣлое заднѣпріе, съ общаго согласія, не должно было принадлежать ни Россіи, ни Турціи. Встревоженный послѣ сего угрозами, царь Өеодоръ согласился на многія уступки Польшѣ, при новомъ подтвержденіи Андрусовскаго мира, въ 1678 г., на 13-ть лѣтъ, заплатилъ Собіескому значительную сумму денегъ; но соглашаясь на все другое, Кіева не отдавали Польшѣ ([161]), и тѣмъ упорнѣе, что Собіескій оказалъ уже тогда жалкую неспособность въ дѣлахъ государственныхъ. Не зная страха на полѣ битвы, онъ былъ робокъ, нерѣшителенъ, легкомысленъ въ управленіи государствомъ и рабъ жены своей, тщеславной Французской маркизы. Запутанная въ ничтожныя сплетни придворныя, желавшая утвердить потомство свое на престолѣ Польскомъ, и въ то же время спорившая о почестяхъ роднѣ своей при Версальскомъ Дворѣ, корыстолюбивая, торговавшая правосудіемъ и чинами, окруженная низкими любимцами и хитрыми іезуитами, Королева унизила, опозорила великодушнаго супруга своего, возбудила презрѣніе къ нему другихъ государей и негодованіе противъ него г. 1682.

Г. 1682. подданныхъ ([182]). Жалкое орудіе чужихъ мнѣній, Собіескій не умѣлъ воспользоваться войною Императора съ Людовикомъ XIV-мъ, оконченною Нимвегенскимъ миромъ, имѣвши тогда случай пріобрѣсть важныя выгоды отъ Швеціи и Бранденбургскаго Курфирста. Начиная новыя несогласія съ Императоромъ, Людовикъ XIV-й искалъ союза Польши, указывая Собіескому на Венгрію, возставшую противъ Императора, на Оттомановъ, остановленныхъ побѣдами Монтекукули (въ 1664 г.), но уже снова готовыхъ воевать съ имперіею. И что же тогда остановило Собіескаго? Споръ объ этикетѣ Версальскомъ, оскорбившій жену его: Людовикъ XIV-й не хотѣлъ уступить ей — она разрушила дружбу его съ Польшею, и вопреки всѣмъ политическимъ разсчетамъ, Собіескій соединился съ Императоромъ ([183]). Папа Иннокентій XI-й, жаркій

Союзъ императора, Польши и Венеціи противъ Турковъ.

противникъ исламизма, призывалъ всѣхъ Европейскихъ государей на новый крестовый союзъ противъ Султана. Никто не думалъ тогда о крестовыхъ походахъ, но Императору надобно было укрѣпить себѣ Венгрію; Венеція хотѣла возвратить власти своей острова Архипелага. Собіескому льстили надеждою на супружество сына его съ эрцъ-герцогинею Австрійскою и на укрѣпленіе Польши въ наслѣдственномъ владѣніи его дѣтямъ. Онъ заключилъ договоръ съ Императоромъ (въ 1683 году), когда Текелли, неутомимый защитникъ правъ Венгріи, союзился съ Султаномъ ([184]). Людовикъ XIV-й, уже готовый воевать въ Германіи, увлекалъ Султана въ войну противъ Императора: ему надобно было развлечь силы имперіи въ то время, когда онъ начнетъ дѣйствовать на Рейнѣ. Папа видѣлъ опасность

властолюбія Людовика XIV-го, и оскорбленный имъ, упорно стоялъ за Императора, изъ монастырской кельи вступившаго на престолъ и покорнаго Римскому первосвященнику ([185]). Такъ всѣ хитрили. Каждый искалъ своихъ выгодъ. Только Собіескій не понималъ ничего въ Европейской политикѣ и искренно провозглашалъ *крестовый походъ* противъ невѣрныхъ, истощая послѣднія усилія на сборъ войска. Султанъ Мугаммедъ IV-й, подкрѣпляемый Текелліемъ, обнадеженный Людовикомъ XIV-мъ, началъ войну, хотѣлъ рѣшить споръ страшнымъ ударомъ и двинулъ въ Вѣнѣ 300,000 войска, съ 250 пушками; визирь его, Кара-Мустафа быстро проложилъ себѣ путь до столицы Австрійской. Императоръ бѣжалъ и укрылся въ Линцѣ. Вѣна была осаждена (въ Іюлѣ 1683 года), и доведенная до крайности, готова сдаться. «Государь! спаси Вѣну!» воскликнулъ Папскій посолъ, падая къ ногамъ Собіескаго. — «Спаси христіанство!» восклицалъ посолъ Императора, повергаясь на колѣни, по примѣру Папскаго посла. Собіескій обнажилъ мечъ, забылъ всѣ разсчеты дипломатики, помчался къ Вѣнѣ съ 30,000 Поляковъ, собралъ тамъ еще тысячь сорокъ разнороднаго войска, ударилъ на непріятелей, и Европу изумила вѣсть о совершенномъ пораженіи страшнаго полчища Оттоманскаго. Едва успѣлъ спастись предводитель Оттомановъ, великій визирь. Вѣна была спасена ([186]). г. 1683.

Еще не совершивъ своего подвига, но рѣшась на союзъ съ Императоромъ и войну противъ Султана, Собіескій сдѣлался уступчивѣе съ Русскимъ правительствомъ: помощь Россіи была ему весьма важна. Еслибы Россія и не рѣшилась воевать за Днѣпромъ, она

г. 1684. могла отвлечь Крымцовъ отъ пособія Султану, и Собіескій искалъ ея союза. Уже въ прежнихъ граматахъ своихъ говорилъ онъ о возстаніи противъ общаго врага христіанъ. Вѣсть о торжествѣ Собіескаго подъ Вѣною быстро дошла до Москвы: архіепископъ Севастіанъ Кнабе, отправленный въ Арменію и Персію, привезъ, въ Январѣ 1684 года, грамату Императора, гдѣ извѣщали Царей объ освобожденіи Вѣны «*Нѣмецкою* и Польскою храбростью.» Севастіанъ вступилъ въ переговоры и убѣждалъ по граматѣ Императора «не презирать благополучнаго времени, когда сила общаго непріятеля притерта мечемъ христіанъ, отмстить обиды Туркамъ и соединить сердца, руки и оружіе противъ врага христіанства.» Собіескій прислалъ съ Севастіаномъ только просьбу о покровительствѣ ему въ пути ([187]). Но тѣмъ радостнѣе было его извѣстіе о Вѣнской побѣдѣ, написанное «въ обозѣ Турскомъ подъ шатромъ визиря,» и присланное съ посланникомъ Окрасою. «Враги бѣжали, куда глаза глядятъ,» говорилъ Собіескій, «и только страхъ показывалъ имъ дорогу; пять верстъ въ ширину и длину занимаетъ обозъ, отнятой у нихъ; видимъ надежду укротить и преломить совершенно врага христіанства, если союзно помогутъ намъ братья наши, христіанскіе государи!» Скрывая досады и неудачи свои, онъ снова писалъ Царямъ о Парканской битвѣ и гибели Турковъ. «Не могу изобразить страшнаго образа наказанія и суда Божія надъ врагами,» говорилъ Собіескій. «Великое дѣло спасенія христіанъ явно опредѣлено Богомъ. Мы уговариваемъ Шаха Персидскаго и видимъ его согласіе воевать съ Агарянами: не ужели вы, Цари благочестивые, забудете

долгъ христіанскій и не устрашитесь дать отчетъ Богу въ лѣности и неохотѣ вашей, видя меня, забывающаго престолъ, утѣхи и роскошь и несущаго въ битвы мою голову?» —«Мы взяли ограду Венгерской земли,» писалъ Собіескій по занятіи Грана, «ключъ къ Царьграду, мѣсто гдѣ болванохвалители сто сорокъ лѣтъ позорили мечетями землю христіанскую. Поболѣйте объ игѣ христіанъ и порадѣйте приложиться къ богодухновенной войнѣ!»—«Уже въ четвертый разъ извѣщаю васъ о побѣдахъ моихъ и призываю васъ раздѣлить ихъ со мною,» писалъ еще Собіескій (изъ Шецина, въ Ноябрѣ 1683 года). «Богъ указываетъ путь врагу христіанъ изъ Европы. Найдете ли лучшее время воевать его? Шесть сотъ тысячь враговъ погибло въ одинъ походъ. Ударьте на Крымъ и Таманъ, сослужите службу Богу и пріобрѣтите славу предъ лицомъ вселенной ([188])!» г. 1684.

Но извѣстія о побѣдахъ и добродушныя надежды Собіескаго такъ же мало производили дѣйствія въ Москвѣ, какъ и грамата Шведскаго Короля, гдѣ извѣщалъ онъ о своемъ союзѣ съ Императоромъ и Польшею, готовности своей послать войско на Султана и необходимости Рускимъ вступить въ союзъ, ради собственнаго благополучія и избѣжанія опасности отъ Турковъ ([189]).

Политика Софіи.

Помышляя только о поддержаніи настоящаго порядка государственныхъ дѣлъ, Софія не видѣла никакой опасности Россіи отъ Султана, и напротивъ война Оттомановъ съ Польшею безопасила ее отъ Крымскихъ набѣговъ, увлекала Татаръ въ Польшу, и давала надежду, что Польша принуждена будетъ наконецъ утвердить Андрусовскій миръ и обладаніе Кіевомъ окончательно, видя важность и необходимость пособія Россіи. Вмѣсто

г. 1684. согласія на союзъ, посламъ Польши, Швеціи и Императора отвѣчали жалобами и требованіями на Поляковъ, обѣщая «помыслить о войнѣ съ Турками,» если Польша, въ доказательство истинной дружбы, утвердитъ навсегда миръ Андрусовскій. «Можемъ ли вѣрить искренней доброжелательности Короля Польскаго,» говорили посламъ при переговорахъ, «если онъ не укрѣпляетъ намъ давно обладаемыхъ нами, родныхъ областей? Не показываютъ ли вопреки словамъ дѣла его, что Польша только ждетъ случая отнять ихъ у насъ? Такъ ли доказываютъ дружбу (190)?»

Припоминая поступки Собіескаго во время войны Россіи съ Турками, холодность, какою встрѣчены были предложенія царя Алексія (1673 г.) о союзѣ противъ Султана Польшею, Франціею, Испаніею, самимъ Папою, и то, какъ тщетно просилъ царь Ѳеодоръ посредничества Императора въ 1678 году, когда престарѣлый Монтекукули умолялъ дать ему войско и клялся разбить Турковъ, Софія понимала ничтожность мнимаго крестоваго союза между Папою, Венеціею, Польшею и Императоромъ (191). Султанъ изъявлялъ Россіи искреннюю дружбу. Крымцы не грабили Русскихъ областей, терзая Польшу. Ратификація Бахчисарайскаго мира (въ 1681 году), утвержденная Султаномъ, получена была въ Москвѣ уже по кончинѣ Ѳеодора (отъ 22 мугарема, 1092 г. эгиры, изъ Адріанополя). Изъ Москвы отправили въ Царьградъ окольничаго Чирикова и дьяка Возницына подтвердить миръ на имя царей Іоанна и Петра. Видя военныя приготовленія Польши и Императора, и самъ готовя ополченія, Султанъ граматою подтвердилъ миръ, хвастливо и великолѣпно возглашалъ о своихъ

побѣдахъ, огненныхъ бояхъ и несчетныхъ войскахъ, не передалъ однакожь Рускимъ владѣніе нѣсколькими Кіевскими городами противъ прежнихъ условій, какъ доказательство желанія его поддержать миръ. Возницынъ (Чириковъ умеръ на пути) возвратился изъ Царьграда съ богатыми подарками. Сбираясь въ походъ на Польшу, ханъ Крымскій Мурадъ-Гирей также подтвердилъ снова мирный договоръ, въ Августѣ 1682 года. На царскія граматы, посланныя съ гонцомъ Тарасовымъ, визирь Кара-Мустафа отвѣчалъ многоглаголивою дружескою граматою, а переводчикъ Щербининъ (въ Февралѣ 1683 г.) привезъ также дружескую грамату Султана (192). г. 1684.

Скоро увидѣлъ Собіескій, что великолѣпные возгласы и великія надежды его не оправдываются на дѣлѣ. Побѣдитель Кара Мустафы, встрѣченный послѣ избавленія Вѣны радостнымъ восклицаніемъ: «Бысть человѣкъ посланъ отъ Бога и имя ему Іоаннъ!» скоро узналъ своекорыстіе и недоброхотство союзниковъ, былъ униженъ среди побѣдоносныхъ войскъ своихъ гордымъ обхожденіемъ Императора; ему не дозволили даже взять трофеевъ знаменитой побѣды. Невѣста, обѣщанная сыну его, выдана была за Баварскаго принца. Оскорбляясь гордостью Императора, Саксонія и Брандебургъ отказались отъ союза съ нимъ. Осенью принужденъ былъ Собіескій идти обратно отъ Вѣны. Оружіемъ долженъ былъ онъ пролагать себѣ путь сквозь толпы Оттомановъ, снова наводнявшія Венгрію, и только отчаянная храбрость спасла его въ Парканской битвѣ. Императоръ не слушалъ предложеній Короля Польскаго примириться съ Текелли, просившимъ по-

г. 1684. щады. Возстаніе сильнѣе прежняго возмутило Венгерцовъ и изнуренные Поляки едва могли перебраться во свояси зимою черезъ Карпатскія горы ([133]). Возвратясь, въ Декабрѣ 1683 г., побѣдителемъ въ Краковъ, Собіескій былъ огорченъ неудачнымъ походомъ отдѣльнаго Польскаго войска въ Молдавію и разрывомъ переговоровъ о союзѣ, начатыхъ съ Россіею. Видя необходимость удовлетворить упорное настояніе Рускихъ, Собіескій согласился выслать на границы пословъ. Съ Россійской стороны былъ отправленъ князь Одоевскій; по два человѣка «людей добрыхъ, разумныхъ и пожиточныхъ,» собрано было въ свиту его изъ городовъ. Послы съѣхались въ Андрусовѣ, спорили долго, разстались недовольные обоюднымъ упрямствомъ. Поляки настояли на отдачу не только Кіева, даже Смоленска; Рускіе требовали Полоцка, а о Кіевѣ и упоминать не хотѣли. Одоевскаго похвалили за поддержаніе въ переговорахъ царской чести. Свитѣ его раздали по парѣ соболей на человѣка, и въ знакъ особенной милости позволили видѣть царскія очи и цѣловать руки Царей ([134]).

Обманутый во всѣхъ своихъ надеждахъ, Собіескій умолкъ. Императоръ пользовался его успѣхами и покорялъ Венгрію. Венеціяне удачно воевали въ Мореѣ и Далмаціи. Польское войско выступало въ походъ, но едва не погибло при встрѣчѣ сильнаго полчища Турковъ и Татаръ. Волынь и Подляхія были опустошены Крымцами. Собіескій рѣшился отказаться отъ союза съ Императоромъ. Въ Варшаву опять явился посолъ Людовика XIV-го. Пріѣздъ его, явная непріязнь Собіескаго и нерѣшительность войны съ Турками

встревожили Императора. Вѣрный союзникъ, Герцогъ Лотарингскій отсталъ тогда отъ него. Папа оскорблялся его поступками. Императоръ спѣшилъ убѣдить Римскаго первосвященника на новый союзъ, болѣе прежняго крѣпкій. Надобно было снова уговорить Польшу. Іезуитъ Вота взялся за дѣло. Ненависть Королевы Польской къ Людовику XIV-му, слабость характера супруга ея и вліяніе Воты на его мнѣнія казались средствами надежными. Дѣйствительно: хитрый іезуитъ снова уговорилъ Собіескаго, твердаго и рѣшительнаго только на полѣ брани. Ему хотѣли доставить выгодныя условія въ мирѣ съ Россіею, брались уговорить Россію на союзъ, обѣщали утвердить дѣтямъ его въ наслѣдственное владѣніе, если не Польшу, то Молдавію и Валахію. Но разувѣренный дѣлами, управляемый въ то время совѣтами Французскаго посла, Собіескій не довѣрялъ Императору, колебался, требовалъ доказательствъ на дѣлѣ. Рѣшились начать примиреніемъ Польши съ Россіею ([195]). г. 1684.

Императоръ вспомнилъ тогда, что обѣщалъ прислать пословъ своихъ въ Москву поздравить Царей. Онъ извѣстилъ объ отправленіи ихъ съ гонцомъ своимъ І. Е. Гевелемъ (въ Январѣ 1684 года) ([196]). Въ Маѣ явились Императорскіе послы, *баронъ Іоаннъ Жировскій* и *баронъ Себ. Блюмбергъ*, съ многочисленною, блестящею свитою. Софія не пожалѣла расходовъ принимая ихъ. Пословъ встрѣтило богато одѣтое войско. Представленный Царямъ, Блюмбергъ истощилъ всѣ хитрости краснорѣчія, убѣждая Россію на союзъ, представляя «извѣчное» вѣроломство Турковъ, «играющихъ клятвами, какъ игральными костями,» изображая побѣ- Послы Императора.

г. 1684. ды Императора, указывая на Азовское море, приглашая Царей взять Азовъ, Крымъ, Царьградъ и возжечь тамъ свѣтъ христіанства. Онъ взывалъ къ лунѣ, въ половину помраченной оружіемъ Леопольда; «другую половину ея,» восклицалъ посолъ «помрачатъ цари Іоаннъ и Петръ! Не хуже ли безбожнаго Султана будете, Цари великіе, отказываясь отъ союза? Не на радость ли сатаны будетъ отказъ вашъ? Богъ таинственно возвелъ васъ на престолъ, двухъ единокровныхъ братьевъ, да будетъ одинъ миротворецъ, другой побѣдитель. У васъ два тѣла и одна душа: и кто станетъ противъ васъ? Горе царю, юность котораго сохнетъ въ бездѣйствіи: таковы слова Василія Великаго. Принесите же на жертву Богу юность вашу и уподобитесь божеству; откажетесь ли отъ союза, и — гдѣ мѣра вашего униженія?» Цари выслушали рѣчь; бояре начали переговоры и царская дума объявила посламъ, что не видитъ въ настоящихъ обстоятельствахъ ни конечной погибели Оттомановъ, ни даже прочности союза между христіанскими государями. «И можетъ ли Россія,» говорили бояре, «надѣяться искренней дружбы, если Король Польскій ищетъ союза съ нею и не уступаетъ ея справедливымъ требованіямъ? Россія не хочетъ играть клятвою и нарушать мира съ Султаномъ. Если благо христіанъ требуетъ ея оружія, она готова на войну, но прежде всего требуетъ доказательства искренней дружбы Польскаго Короля ([197]).»

Послы пробыли въ Москвѣ десять дней, но Императоръ не оскорблялся отказомъ Россіи. Гонецъ его, Іоаннъ Курцъ привезъ (въ Апрѣлѣ 1685 года) извѣстіе о возвращеніи Императорскихъ пословъ въ Вѣну, о

новыхъ надеждахъ Императора примирить Польшу съ Россiею и видѣть наконецъ Русское царство въ общемъ союзѣ христiанъ. Самъ Вота рѣшился ѣхать въ Москву; поводомъ къ тому показано было поздравленiе по случаю бракосочетанiя царя Іоанна. Собiескiй писалъ, что знаменитый мужъ сей «по достоинству и наукѣ любъ ему и Императору;» что онъ, «ѳеологъ и всепочтенный исторiописецъ, предложитъ совѣты, величину коихъ сами Цари разсудить могутъ.» Но хитрый iезуитъ скоро увидѣлъ безполезность своей поѣздки, прожилъ въ Москвѣ недѣлю и поѣхалъ съ вѣжливымъ отказомъ ([198]). Гонецъ Курцъ привезъ грамату Папы, гдѣ Римскiй первосвятитель просилъ Царей «усилить соборъ воюющей церкви и совершенно преломить, уже надломленный и ослабленный рогъ врага Христiанъ.» Все было безуспѣшно ([199]). Напрасно Молдавскiй господарь, Петръ воевода, прислалъ свои молительныя граматы, объясняя бѣдствiе Молдавiи при нашествiи Агарянъ и измѣнниковъ, отъ коихъ едва спасъ ее державный и пресвѣтлый Король Польскiй. Господарь описывалъ свое бѣдственное бѣгство въ Польшу, благополучное возвращенiе, славное разбитiе Турковъ, и «молилъ святое и пресвѣтлое Русское царство, да умилосердится и пришлетъ войско избавить единовѣрныхъ отъ тяжкаго ига;» припоминалъ мольбу свою царю Алексiю, «преклонялъ голову и просилъ милосердiя,» предоставляя разсказать подробно повѣсть о бѣдствiяхъ земли Молдавской вручителямъ граматы, митрополиту Доснеею и бояриву Лупулу Конапару. Въ другой граматѣ, отъ Молдавскаго духовенства и вельможъ, повторялась просьба Господаря. «Цари пресвѣтлые, превеликiе и святые! из- г. 1685.

г. 1685. бавьте святою царскою десницею насъ, уничтоженныхъ, убоженныхъ и порабощенныхъ рабовъ вашихъ!» писали Молдаване. «Сплетаемъ руки, преклоняемъ колѣни, низко бьемъ челомъ и отъ души и сердца вопіемъ, проливая слезы, раздирая воздухъ воплями; плачемъ и молимся — ускорите, да не погибнемъ; осіяйте насъ, убогихъ, отъ пресвѣтлаго царства и скипетра вашего, всю вселенную осіяющихъ присно отъ востока.» Опасаясь скрытнаго умысла, Досноея и Лупула остановили въ Кіевѣ и спрашивали: чего они требуютъ, и дѣйствительно ли избавилъ ихъ Собіескій отъ ига невѣрныхъ? Посланные предложили принять Молдавію въ подданство Россіи, ибо единовѣрные Рускимъ народы Дунайскіе не хотятъ поддаться Польшѣ, видя отъ избавителей своихъ Поляковъ, окаянныхъ католиковъ, такое же бѣдствіе, какое терпѣли отъ Агарянъ, и не вѣрятъ имъ, ибо «Поляки люди злостливые, лживые и въ правдѣ непостоянные.» Досноей и Лупулъ согласно увѣряли, что Молдавія готова платить Россіи дань, какую платила Султану, 80,000 ефимковъ, и что Волошскій Господарь также вожделѣетъ подданства Россіи. Посламъ Молдавскимъ велѣно возвратиться во свояси и ждать царскаго рѣшенія; просьба ихъ не была ни отвергнута, ни принята (200).

Видя непреклонное упорство Рускихъ, Собіескій не изъявлялъ негодованія. За то жалобы его были безконечны и безпрерывны. Съ Русской стороны обвиняли его въ своеволіи Поляковъ на границѣ, порубкѣ ими лѣсовъ, захватѣ земель, грабежѣ помѣстьевъ; упрекали и самаго Короля, что онъ сманиваетъ къ себѣ на службу казаковъ и Калмыковъ. Собіескій отвѣчалъ не-

численіемъ обидъ, наносимыхъ Рускими подданнымъ г. 1685. его; оправдывался, что изъ казаковъ и Калмыковъ вызываетъ онъ вольныхъ людей охотою, и полагаетъ, что великое дѣло избавленія христіанъ, на которое идутъ къ нему вольные казаки, не только не заслуживаетъ упрека, но стоитъ похвалы. «Посмотрите въ исторіи,» писалъ Собіескій, «какъ нѣкогда стекались подъ хоругви креста вольные люди всякихъ народовъ и языковъ и завоевали Іерусалимъ, ибо самъ Богъ благословляетъ то, что къ добру христіанства учиняется (201).» Наконецъ, въ Іюлѣ 1685 года, въ Москву пріѣхалъ посланникъ Польскій Іоаннъ Зембицкій и предложилъ выслать на границу коммиссаровъ, развести и размежевать земли, предметъ спора порубежныхъ жителей. На предложеніе его согласились. Зембицкій привезъ грамату Императора. «Въ то время, когда мы въ кипящую съ невѣрными войну выводимъ войска свои не жалѣя траты, и когда надѣялись мы видѣть васъ въ союзѣ съ нами,» писалъ Императоръ, «вы, Цари благочестивые, не только не заключаете мира съ другомъ нашимъ, Польскимъ Королемъ, но слышимъ мы, что уже между вами раздоръ начинается и сосѣдская тишина нарушена. Страшитесь общаго врага; силы его ослаблены, но еще велики, и видя раздоръ нашъ, страшно будетъ онъ насиловать своею похотью христіанъ (202).»

Собіескій былъ уже тогда снова увлеченъ въ союзъ и дружбу Императора, хотя обѣщаніе примирить его съ Россіею не было исполнено. Совѣтники Собіескаго уговаривали его уступить Россіи. Онъ не видѣлъ, для чего должно было ему приносить столь тяж-

отечество наше Россійскія державы, яко да непрестанно величаемъ заступленіе Твое, Владычице! По семъ же Великій Самодержецъ пріиде къ цѣлбоноснымъ и многоцѣлебнымъ мощемъ великихъ Чюдотворцовъ Россійскихъ, Петра, Алексѣя и Іоны, такожде припадая, моляшеся прилѣжно, и благодареніе приносяше: О велицыи Святителіе и заступницы и Царствію нашему хранителіе и о насъ къ Богу неусыпніи молитвенницы, вашимъ предстательствомъ нынѣ Царствующій градъ нашъ сохраненъ цѣлъ и невредимъ бысть отъ нашествія окаяннаго сего злочестиваго Царя; и что имамъ воздати вамъ, велицыи Чюдотворцы, противу толикаго вашего милосердія и заступленія? Великій же достохвальный Воевода, Борисъ Θеодоровичь, пріиде въ Царствующій градъ, Москву, къ благочестивому Царю и Великому Князю, Θеодору Ивановичу, всея Россіи, достойное поклоненіе сотворивше, возвѣщаше ему вся по ряду, како Божіею милостію и Пречистыя Богородицы заступленіемъ и великихъ Чюдотворцевъ моленіемъ и его Царскимъ щастіемъ, окаянный Царь Крымскій устрашившеся, побѣже, и все свое богомерзкое воинство съ собою отведе; къ сему же возвѣщаше, похваляюще Христолюбиваго Царскаго его воинства сопротиво ратныхъ храброе ополченіе.

Великій же Самодержецъ, слышавше сія, зѣло возрадовася, и отъ радости многія слезы испусти, къ Богу же веліе благодареніе изрече, яко не браннымъ ополченіемъ, ниже остріемъ меча сопротивніи побѣдишася, но Божіимъ неизреченнымъ человѣколюбіемъ и Пречистыя Богородицы заступленіемъ нечестивіи постыдѣшася и во своя си съ великимъ студомъ возвратишася. Царь же и Великій Князь, Θеодоръ Ивановичь, всея Россіи, благодаривше Бога и Пречистую Богородицу, сотвори бракъ великъ въ Царскихъ палатахъ своихъ и трапезу многоядну устрои, на ней же и самъ зѣло веселяшеся о избавленіи града отъ безбожныхъ варваръ, неизреченною радостію радовашеся; изрядного же своего Правителя, Бориса Θеодоровича, зѣло почти, и всему своему Царскому Сигклиту и всему Христолюбивому воинству веліе учрежденіе творяше на трапезѣ въ палатахъ своихъ. Тог-

чиковъ на Русскую землю и отдавать безъ выкупа захваченныхъ ими плѣнныхъ. Султанъ просилъ только унять и наказать Донцовъ ([204]). Въ виду Собіескаго ведены были всѣ сіи сношенія съ Оттоманами, и въ то же время бояриду А. С. Шеину велѣно осмотрѣть и привесть въ военное положеніе крѣпости на Польской границѣ; въ Кіевѣ дѣятельно возобновляли городскіе валы. Гетманъ Самойловичъ вооруженною рукою занялъ земли по рѣку Сожу, принадлежавшія Полякамъ. Выѣхавшіе на межеванье границъ коммиссары, съ Польской стороны: судья Оршанскій, І. Комаръ, и подстолій Мстиславскій, І. Лядинскій, съ Русской: стольники Самаринъ, Бредихинъ и дьякъ Струковъ, опять ничего не рѣшили и только спорили. При важныхъ вопросахъ Русскіе чиновники ссылались на ограниченныя полномочія, но Собіескій жаловался, что въ то же время они присвояютъ себѣ излишнюю власть, самовольно межуютъ и произвольно дѣлятъ земли, «Порубежные судьи,» писалъ онъ, «могутъ только между порубежными людьми рѣшать обиды и трудности, разсуждать долги, драки, грабежи, убійства, наѣзды, насилія, но размежеваніе границъ производятъ полномочные послы; да и что еще надобно рѣшать, когда издавна межи границамъ положены и устроены? И гдѣ въ договорахъ велѣно вступаться межевщикамъ въ судныя дѣла?» Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ граматѣ своей (въ Октябрѣ 1685-го года), Собіескій подтверждалъ о присылкѣ въ Москву великихъ пословъ заключить окончательный и вѣчный миръ ([205]). г. 1685.

Еще въ Маѣ 1685 года назначены были сіи послы на Варшавскомъ сеймѣ. Назначеніе ихъ уже являло согласіе Польскаго Короля на уступку, какъ равно со

г. 1685. стороны Россіи согласіе на миръ означало уже союзъ съ Польшею и войну противъ Оттомановъ ([206]). Важное дѣло сіе было предварительно подвергаемо сужденію думы боярской. Мнѣнія оказывались различны. Большая часть бояръ не соглашались на войну. Говорили, что неудача ея можетъ навлечь нарѣканіе на правителей государства, и надобно оставить столь великое предпріятіе до совершеннолѣтія Царей, ибо нельзя даже полагаться на послушаніе воеводъ, войска и народа, если самовольно будетъ нарушенъ миръ съ Турціею и Руские поведутъ войну за Поляковъ. Безсовѣстно будетъ нарушить миръ, свято соблюдаемый Султаномъ, а Польшѣ трудно вѣрить, и всего вѣрнѣе должно полагать, что объявленіе войны Рускими Польша употребитъ только къ заключенію выгоднаго мира съ Султаномъ. Неохота Поляковъ утвердить Андрусовскій миръ не есть ли доказательство ненависти ихъ и надежды воротить со временемъ области, неволею уступленныя ими? Представляли наконецъ изобиліе, довольство и спокойствіе, какими наслаждается государство въ мирное время, и бѣдствія, какія ведетъ за собою война. Любимецъ Софіи не сказывалъ своего собственнаго мнѣнія, но онъ приставалъ однакожь болѣе къ совѣту тѣхъ, которые почитали войну съ Султаномъ необходимою и полезною государству. «Малолѣтство Царей не должно останавливать насъ,» говорили защитники войны, «ибо почему предполагать войну неудачною? Доброе учрежденіе и побѣда отвратятъ несогласіе и непослушаніе. Царская казна деньгами достаточна; награды поощрятъ храбрыхъ, наказаніе укротитъ непослушныхъ. Можемъ ли полагаться на дружелюбіе Турковъ? Они ждутъ только

удобнаго къ войнѣ времени. Крымцы увѣряютъ въ дружбѣ своей, но требуютъ дани и безпрестанно нападаютъ на предѣлы Русскіе, а Султанъ не думаетъ унимать ихъ, оказываетъ грубости Русскимъ посламъ, и долго ли еще Россіи утучнять данью жадное корыстолюбіе Крымцовъ? Возможно ли также удержать стремленіе Донскихъ казаковъ воевать съ Азовомъ и Малороссійскихъ казаковъ записываться охотою въ Польскія войска? А между тѣмъ Турція полагаетъ, что Россія тайно руководствуетъ поступками казаковъ, и не говорилъ ли еще недавно Султанъ, что самое поселеніе Запорожцовъ на Днѣпрѣ есть уже нарушеніе мира, и что онъ вскорѣ оружіемъ принудитъ ихъ оставить земли, ему Султану принадлежащія? Неужели предать Запорожцовъ мщенію невѣрныхъ? Нельзя сомнѣваться въ нелюбви Поляковъ къ Россіи, но помощь, оказанная имъ, не обратитъ ли ихъ къ искреннему миру, а отказъ не умножитъ ли ненависти? У Поляковъ можно взять въ залогъ вѣрности нѣсколько крѣпостей въ ихъ землѣ, и притомъ миръ продолжительный не ведетъ ли народа къ разслабленію? Предположите заключеніе выгоднаго мира между Польшею и Турціею и подумайте: не захотятъ ли тогда Поляки мстить Россіи при помощи Турковъ, и еще болѣе, не рѣшатся ли обратить Турковъ на Россію въ случаѣ мира невыгоднаго? Война дастъ занятіе казакамъ; безъ того непремѣнно должно ожидать волненія, если еще будемъ удерживать ихъ воинскую ярость. Польша проситъ Русскихъ ударить на Крымъ, отвлечь хищниковъ Крымскихъ, и не явныя ли выгоды Россіи, если она стѣснитъ и раззоритъ Крымское пагубное гнѣздо разбоя? Тѣмъ г. 1683.

г. 1686. угодимъ мы Богу, исхитимъ тысячи христіанъ изъ плѣна, пріобрѣтемъ славу безсмертную, вознаградимъ убытки, ибо Крымъ исполненъ богатствъ. А сіи богатства, не грабежемъ ли, не данью ли, не выкупомъ ли Русскихъ плѣнныхъ пріобрѣли ихъ Крымцы, и не праведно ли взять обратно отнятое неправдою?» — Наконецъ, касательно самаго похода въ Крымъ, опытные изъ военачальниковъ не находили большой трудности: 40,000 пѣхоты и 20,000 конницы, говорили они, легко пройдутъ черезъ степи до Крыма, ибо нѣтъ тамъ ни горъ, ни болотъ. Все затрудненіе состоитъ въ томъ, что должно будетъ дня два идти по безводнымъ мѣстамъ, имѣя въ запасѣ воду. «Походъ на Крымъ,» заключали поборники войны, «выдергаетъ лучшія перья изъ Турецкихъ крыльевъ (207).» Требовали совѣта гетмана Самойловича; онъ не совѣтовалъ воевать, и кажется, не угодилъ своимъ совѣтомъ (208). Князь Голицынъ уже рѣшилъ начать войну, но только рѣшеніе свое оставлялъ съ глубокой тайнѣ. Онъ ждалъ пословъ Собіескаго, хотѣлъ сперва мира съ Польшею, и потомъ предполагалъ обрадовать печальнаго Короля Польскаго согласіемъ на союзъ противъ Оттомановъ.

Польскіе послы. Давно не видали въ Москвѣ посольства столь великолѣпнаго, каково было великое Польское посольство, прибывшее въ Февралѣ 1686 года; его составляли: *Христофоръ Гримультовскій*, воевода Познанскій, *князь Марціанъ Огинскій*, великій канцлеръ Литовскій, *Александръ Пріемскій*, староста Остринскій, *Александръ Потоцкій*, кастелянъ Каменецкій, *князь Николай Огинскій*, маршалъ Волковискій. Встрѣча была торжественная. Явясь передъ тронъ Царей, послы подали имъ грамату

Короля, гдѣ говорилъ онъ о вѣчномъ покоѣ и слученіи силъ, «да заслужатъ Цари съ небесъ прислуженіе и хвалу радѣніемъ ко благу народовъ, кровью Христа искупленныхъ и обновленныхъ.» Послы привезли кромѣ того граматы Людовика XIV-го и Венеціянскаго Дожа: король Французскій изъявлялъ желаніе мира между Россіею и Польшею; дожъ (славный Марко Джустиніани) извѣщалъ о побѣдахъ своихъ, занятіи острова Санто Мавро, крѣпостей Превезы и Короны въ Мореѣ. «Благоволите принять мое извѣщеніе,» писалъ онъ, «какъ свидѣтельство особеннаго почтенія, и поспѣшите къ союзу съ вашимъ сильнымъ царствомъ, искусными и славными войсками, да получите славу безсмертную и распространите завоеваніями ваши области (209).» Князь В. В. Голицынъ, бояре Б. П. Шереметевъ, И. И. Бутурлинъ, окольничіе Скуратовъ и Чаадаевъ, думный дьякъ Украинцовъ, дьяки Бабанинъ, Посниковъ, Возницынъ, Волковъ, начали переговоры съ послами. Не смотря на взаимное желаніе мира, споры были упорны и продолжительны. Только 25-го Марта Рускіе рѣшились отдать земли, занятыя ими за рѣкою Сожею (210). Цѣлый мѣсяцъ потомъ продолжались дальнѣйшіе переговоры, но за то 26-го Апрѣля послы Собіескаго подписали новый мирный договоръ, совершенно согласный съ желаніемъ Рускихъ. Польша утвердила въ титулѣ слова: *Пресвѣтлѣйшихъ, державнѣйшихъ, Кіевскихъ, Смоленскихъ, Черниговскихъ и Малыя Россіи;* отдала Россіи Кіевъ съ его округомъ; передала ей владѣніе Сѣчью Запорожскою, чего не было въ Андрусовскомъ трактатѣ, и навсегда отказалась отъ Смоленска и Малороссіи. Обѣщаны свобода богослуже-

Г. 1686.

Славный миръ съ Польшею.

г. 1686. нія христіанамъ православнаго исповѣданія въ Польшѣ, свобода торговли взаимно Полякамъ и Рускимъ, вѣчная дружба и союзъ. Россія обязалась заплатить за уступки Польшѣ 146,000 рублей; 100,000 рублей вручили посламъ наличными деньгами. Но важнѣйшее условіе состояло въ объявленіи Россіею войны Крыму и Турціи. Россія обязывалась немедленно оградить Польшу отъ нападенія Крымцовъ посылкою на нихъ Донцовъ и Запорожцовъ, а въ 1687 году отправить сильное Русское войско въ Крымъ; пригласить въ союзъ другихъ Европейскихъ государей; не мириться отдѣльно, и впредь навсегда, по заключеніи общаго мира, обоимъ государствамъ взаимно вступаться одному за другое въ случаѣ войны (211).

Такъ совершено было Софіею то, чего не могли совершить ни родитель, ни братъ ея. Польскіе послы и свита ихъ торжественно введены были въ Грановитую палату, гдѣ Цари возсѣдали на тронѣ; тронъ ихъ окружалъ синклитъ многочисленный и блестящій; послы присягнули за своего Короля; Цари присягнули послѣ нихъ. Едва удалились послы изъ палаты, бояре, окольничіе, ближніе и думные люди привѣтствовали государей. Знаменуя наградами достопамятное событіе, Цари на радости объявили Двору своему богатые дары: пожаловали изъ помѣстьевъ въ вотчину всѣмъ боярамъ по 500 четвертей, кравчимъ по 380, окольничимъ по 300, постельничимъ и думному генералу по 280, думнымъ дворянамъ по 250, думнымъ дьякамъ и стряпчимъ съ ключемъ по 230; прибавили къ тому и значительные денежные оклады. Бояре вышли къ собраннымъ на дворцовомъ крыльцѣ стольникамъ, стряпчимъ,

двориянамъ Московскимъ, дьякамъ, жильцамъ, дворянамъ г. 1686.
городовымъ, дѣтямъ боярскимъ и всякаго чина служилымъ людямъ, и объявили имъ общую радость, извѣщая о вѣчномъ мирѣ и святомъ покоѣ съ Польскимъ Королемъ, возвеличеніи царскаго титула, утвержденіи за Россіею Смоленска, богоспасаемаго града Кіева, Малороссіи, Запорожья и многихъ, всего 57-ми городовъ. «И для того мира и покоя,» объявляли Цари, «за службы дѣдовъ и отцовъ вашихъ, и за ваши службы, ратоборство, мужественное ополченіе, кровь и смерть, за все, что вы, отцы ваши и дѣды въ прошедшую съ Польскою короною войну показали, жалуемъ васъ, мы, Цари и Государи, государскимъ жалованьемъ.» Слѣдовали награды помѣстьями, вотчинами, деньгами. — Радость распространилась повсюду. Москва ликовала. По всему государству велѣно было молебствовать и хвалить Бога; воеводамъ въ городахъ обращено было изъ помѣстьевъ въ вотчину по 300 четвертей и прибавлено денежнаго оклада по 70 рублей; выборнымъ изъ посадскихъ увеличены прежніе оклады; объявлены милости всему народу ([212]). Гетману Самойловичу, опечаленному въ то время смертью сына и дочери, посланы были дорогія ткани, Царскій иноходецъ, соболи ([213]). Мая 3-го, Патріархъ отправилъ благодарственное молебствіе соборомъ въ Успенскомъ храмѣ. Іюня 29-го великія награды сказаны были любимцу Софіи и товарищамъ его, участвовавшимъ въ переговорахъ. «Вашею радѣтельною службою,» говорили имъ Цари, «нашему православному царскому имени учинено многое повышеніе, благочестивой и православной вѣрѣ нашей отъ Римскаго утѣсненія свобода и умноженіе, государству

г. 1686. Россійскому расширеніе и пространство. Не только городъ, мѣсто, мѣстечко, но даже никакая малая часть земли не уступлены, и учиненъ такой миръ, прибыльный и хвальный, какого при нашихъ предкахъ не бывало, и пренменитой державѣ Русской учинена прибыль и по всему свѣту вѣчная слава и хвала.» *Жалуя милостиво и паки милостиво похваляя*, Цари одарили князя Голицына золотою чашею въ полфунта вѣсомъ, кафтаномъ на соболяхъ въ 400 рублей, придачею къ денежному окладу 250 рублей и въ вотчину Бѣлогородскою волостью, изъ 3000 дворовъ, въ Нижегородскомъ уѣздѣ. Товарищи Голицына получили серебряные кубки, кафтаны, придачи окладовъ, награды деньгами (214).

Печально услышалъ Собіескій о заключеніи мира, хотя и отвѣтствовалъ дружескимъ привѣтомъ. Деньги, привезенныя изъ Россіи, онъ спѣшилъ употребить на войско. Императоръ обнадеживалъ его посылкою помощныхъ войскъ, и съ 40,000 худо вооруженныхъ Поляковъ Собіескій отправился воевать Молдавію и Валахію, будущее царство дѣтей своихъ. Императоръ не думалъ о помощи ему, отправилъ войско къ столицѣ Венгріи Будѣ, и когда потомъ извѣщалъ онъ Царей о взятіи Нейгауза, отраженіи Турковъ отъ Грана, взятіи Буды, завоеваніи Венеціянами Наварина и Модона, «явныхъ свидѣтельствахъ Божіяго поспѣшенія дѣлу христіанъ,» прибавляя: «мы счастливо воюемъ,» Собіескій скрывалъ горе свое, голодуя въ скудномъ станѣ подъ Снятинымъ, куда привезли ему извѣстіе о послахъ Русскихъ, посланныхъ принять присягу его на Московскій миръ. Походъ Собіескаго въ Молдавію былъ неудаченъ: Молдавскій Господарь покорился Польскому

Королю, но Волошскій не слушалъ убѣжденій его и бѣжалъ въ Царьградъ. Трехъ-лѣтняя засуха остановила походъ Поляковъ совершеннымъ недостаткомъ припасовъ; сильное Турецкое войско ждало Собіескаго на Дунаѣ и готово было уничтожить слабыя силы его. Съ Турками соединились и Крымцы, ибо Россія обѣщала остановить ихъ, но не приняла никакихъ мѣръ, и безпрепятственно прошли къ Дунаю Татарскія полчища (215). Преслѣдуемый непріятелемъ отъ береговъ Прута, «едва опочинувъ послѣ повседневныхъ трудовъ, нуждъ и обозоваго терпѣнія,» Собіескій спѣшилъ въ Львовъ, принять Русское посольство. Бояринъ Б. П. Шереметевъ, окольничій Чаадаевъ, дьяки Протасовъ и Волковъ составляли посольство. Раздраженный спорами вельможъ своихъ и упреками ихъ въ невыгодномъ мирѣ съ Россіею, Собіескій, на зло гордымъ панамъ своимъ, принялъ Русскихъ пословъ великолѣпно; вопреки всѣмъ уставамъ Рѣчи Посполитой, при ихъ пріемѣ онъ посадилъ съ собою на тронѣ старшаго сына своего, принца Іакова (216). Поляки вознегодовали. Дерзкія рѣчи ихъ и угрозы, даже при Русскихъ послахъ, остались не наказанными. Собіескій самъ глубоко чувствовалъ свое униженіе, плакалъ подписывая трактатъ Московскій (217), и не удержалъ досады, выговаривая Шереметеву, что Россія не думаетъ исполнять слова своего и вооружаться на Султана. Шереметевъ отвѣчалъ, что и Польша также не готова еще на войну; что онъ ѣдетъ въ Вѣну заключить союзъ съ Императоромъ; что Россія приглашаетъ всѣхъ государей къ союзу и слову своему не измѣнитъ. Посольство Русское отправилось въ Вѣну, гдѣ встрѣтили его великолѣпно и торжествен- г. 1686.

г. 1686. но. Министры Императора, Маркграфъ Баденскій, вице-канцлеръ графъ Кенигсекъ и бароны Гербертъ и Цировскій, долго спорили съ послами о титулахъ и требовали свободы католической вѣрѣ въ Россіи. Послы отвѣчали, что о томъ говорить имъ не дано порученія, и утвердили только союзъ съ Императоромъ противъ Турковъ. Дьякъ Волковъ поѣхалъ въ Венецію, гдѣ, принятой съ великимъ уваженіемъ, подтвердилъ союзъ и дружбу съ *Веницейскимъ* Дожемъ ([218]).

Война противъ Турціи. Шереметевъ не обманывалъ Польскаго Короля: Россія готовилась на войну и приготовленія доказывали обширность предпріятія. Предположили собрать многочисленное ополченіе, идти прямо въ Крымъ и завоевать его. Гордясь славою великаго дипломата, любимецъ Софіи хотѣлъ еще славы полководца и принималъ главное начальство надъ войсками. Крымцы увидѣли явную непріязнь Руськихъ; у нихъ перестали выкупать плѣнниковъ и прекратили съ ними сношенія; Донцамъ разрѣшены были походы на Азовъ. «Слышу, что вы дружитесь съ недругомъ нашимъ, Польскимъ Королемъ,» писалъ Ханъ. «Давно ли вы обѣщали намъ дружбу? Гдѣ же слова и клятвы ваши? Пусть разсудитъ насъ Богъ. Готовые на дружбу и недружбу, не мы начинаемъ войну, крѣпко радѣвшіе донынѣ не подавать никакого задора къ войнѣ.» Ханскаго посла обвинили въ невѣжествѣ и выслали изъ Москвы. Исполняя условіе о приглашеніи къ союзу другихъ государей, немедленно отправили за границу пословъ Русскихъ ([219]). Впрочемъ послы были не великіе: въ Англію, Бранденбургъ и Тоскану поѣхали дьяки Посниковъ и Полсвинковъ, въ Швецію и Данію дьяки Дочинъ и Протасовъ;

только во Францію и Испанію отправились стольники, г. 1686.
князь *Яковъ Ѳеодоровичъ Долгорукій* и князь Мышецкій. Царскія грамоты громко возвѣщали всему свѣту о славномъ мирѣ Россіи съ Польшею и во имя Бога призывали всѣхъ государей вселенной въ союзъ противъ невѣрныхъ ([220]). Въ Сентябрѣ объявили служивымъ людямъ: быть готовыми въ походъ на Крымскаго Хана, по донесенію Малороссійскаго гетмана и воеводъ, что Ханъ, съ сильными войсками, намѣренъ идти войною на Украйну и Малороссію. Въ боярской думѣ было разсужденіе о числѣ войска, необходимаго къ предположенному походу: положили снарядить 20,000 *копейщиковъ* и *рейтаровъ* и 40,000 *солдатъ* и *стрѣльцовъ*; смѣта на военные расходы полагалась отъ 500 до 700,000 рублей; опредѣлено было съ кого взимать деньги на ратныя издержки ([221]). Въ Ноябрѣ обнародовано наконецъ объявленіе о войнѣ съ невѣрными. Въ граматѣ своей Цари исчисляли всѣ уступки, дѣланныя ими до того времени Хану Крымскому, ежегодную плату денегъ, безчестіе Русскихъ пословъ въ Крыму, набѣги и грабежи Татаръ, раззореніе храмовъ Божіихъ, тяжкій плѣнъ христіанъ. «Презирая клятвы о сохраненіи мира,» говорили Цари, «Ханъ явно нападалъ въ 1684 году на Торъ и другіе Украинскіе города, мучилъ отправленнаго къ нему посланника Тараканова, не слушалъ запретительныхъ повелѣній Султана и продолжаетъ набѣги повселѣтно. Съ совѣта Патріарха и говоря съ нашими государскими боярами и думными людьми, указали мы послать на Крымъ бояръ и воеводъ съ полками ратными.» Ни слова не было сказано о союзѣ съ Польшею и Императоромъ ([222]). Войску ве-

г. 1686. лѣно собираться въ Ахтыркѣ, Сумахъ, Хотмыжскѣ и Сѣвскѣ, гдѣ устроивали полки бояре Шеинъ, князь В. Д. Долгорукій и окольничій Неплюевъ. По всему государству повелѣно молебствовать о побѣдѣ надъ невѣрными и поститься всякаго чина и возраста людямъ каждую пятницу, не вкушая вовсе брашенъ и питья, и только престарѣлому и немощному разрѣшалось въ сей день постное ѣство, до благополучнаго совершенія похода. Еще строже повелѣніе издано было Кіевскимъ Митрополитомъ: постъ трехъ-дневный каждую недѣлю, запрещеніе игрищъ, ежедневные молебны о побѣдѣ. Льстя Голицыну, особую молитву велѣлъ читать митрополитъ о здравіи главнаго Русскаго воеводы. Велѣно было повсюду остановить судебныя преслѣдованія и просьбы на всѣхъ ратныхъ людей, участвующихъ въ походѣ (223).

Неудачный походъ Собіескаго въ 1686 году не остановилъ въ Россіи воинскихъ приготовленій, не остановило и возвращеніе Русскихъ посланниковъ, доносившихъ о безуспѣшномъ стараніи своемъ побудить на союзъ и войну Европейскихъ государей. Король Шведскій обѣщалъ послать войско; Король Датскій хотѣлъ выслать въ Средиземное море флотъ. По крайней мѣрѣ, оба короля, прежде столь ревностные поборники союза противъ невѣрныхъ, обѣщали что нибудь. Англійскій король Іаковъ II-й, увлеченный въ раздоры съ подданными и внутреннія междоусобія, Нидерландскіе Штаты, и правитель ихъ Вильгельмъ, готовившій флотъ и войско на завладѣніе престоломъ короля Іакова, даже и не обѣщали ничего, только усердно поздравляя Царей съ будущими побѣдами (224). Въ Бер-

Послы въ Европу.

лиѣ, Бранденбургскій курфирстъ Фридрихъ Вильгельмъ велъ переговоры съ Русскимъ посланникомъ о пріемѣ пословъ царскихъ, о томъ, что царскій титулъ будетъ онъ выслушивать съ открытою головою, брать грамаы своими руками, и заключилъ сіи переговоры желаніемъ успѣховъ въ войнѣ противъ враговъ христіанства. Пріемникъ его Фридрихъ III-й (вступившій на престолъ въ 1688 году) спѣшилъ подтвердить желаніе родителя (225). Герцогъ Тосканскій, Козьма III-й, присовокупилъ къ желанію радость о великихъ будущихъ побѣдахъ и похвалы Русскому посланнику (226). Людовикъ XIV-й даже оскорбилъ Русскихъ Царей: горделиво встрѣтилъ онъ Русскаго посла, и принужденный упорствомъ Долгорукаго принять его «безъ нарушенія царской чести,» холодно отвѣчалъ, что находится въ мирѣ и союзѣ съ Оттоманами и не видитъ причинъ разрывать ихъ, хотя посолъ припоминалъ ему столь недавно полученныя въ Москвѣ, его собственныя граматы. Въ Ноябрѣ 1687 года Русскіе послы прибыли въ Мадритъ и выслушали жалобы больнаго и слабоумнаго короля Испанскаго Карла II-го, что и безъ того онъ (обладатель Перу и Мексики) истратилъ уже много денегъ и раззорился на пособіе Императору (227). Не знаемъ, не привезъ ли умный, смѣтливый посолъ достовѣрныхъ извѣстій о томъ, что союзникъ Россіи и Польши, Императоръ, призывавшій ихъ на войну противъ Султана, составлялъ уже въ то время союзъ съ Испаніею, Швеціею, Саксоніею, Баваріею, Бранденбургомъ и Савоіею, подъ именемъ Аугсбургскаго, и призывая Русскихъ и Поляковъ на Оттомановъ, самъ готовился сразиться съ Людовикомъ XIV-мъ. Гордый пове- г. 1687.

г. 1687. литель Франціи явно ссорился уже тогда съ Протекторомъ священнаго союза противъ Турковъ, Папою, отнималъ у него Авиньонъ, готовилъ войско и хотѣлъ показать просвѣщенной Европѣ примѣръ варварской войны на берегахъ Рейна, уничтожая силы Аугсбургскаго союза ([228]).

Видѣли или нѣтъ Софія и Собіескій, что Императоръ дѣйствительно хотѣлъ только пособіемъ ихъ отвлечь Оттомановъ отъ предѣловъ имперіи своей, доходили ль до нихъ вѣсти, что онъ вступалъ уже въ переговоры съ Султаномъ о мирѣ, довольный укрѣпленіемъ за собою Венгріи, но Собіескій началъ дѣйствовать и Россія отъ него не отстала. Послѣднія усилія истощилъ Польскій Король на сборъ небольшаго войска, осадилъ Каменецъ, принужденъ былъ снять осаду его, видѣлъ новое опустошеніе Волыни Крымцами и ссорился съ своими гетманами, приписывая неудачу войны ихъ раздорамъ и неприязни ([229]). Сеймъ Гродненскій (въ Январѣ 1688 года), гдѣ не дозволяли ему посадить на тронѣ съ собою принца Іакова, разошелся и отказалъ королю въ деньгахъ и войскѣ. Собіескій снова былъ обманутъ въ надеждѣ своей упрочить будущность дѣтей выгоднымъ супружествомъ старшаго сына. Папа отказалъ даже въ кардинальской шапкѣ его любимцу ([230]). Пока Собіескій снова раскаявался въ союзѣ съ Императоромъ и вновь начиналъ переговоры съ Людовикомъ XIV-мъ, любимецъ Софіи выступилъ въ походъ. Россія ждала извѣстій объ успѣхахъ и не сомнѣвалась въ нихъ, видя сильное ополченіе и ревность войска, надѣясь на умъ и храбрость своего полководца.

Февраля 22-го Патріархъ благословилъ знамена и

Г. 1687. Походъ Голицына на Крымъ.

иконы, отправляемыя съ войскомъ въ походъ; Цари проводили ихъ за Кремль, передали изъ рукъ своихъ въ руки воеводъ знамена, и ихъ съ иконами перенесли въ церковь, находившуюся близъ дома Голицына. Какъ главный и великій воевода, Голицынъ получилъ изъ рукъ царскихъ драгоцѣнный мечъ и осыпанную алмазами булаву (251). Велѣно было отправить въ войско знаменитую чудотворную икону Знаменія Богоматери изъ Курска. Еще прежде священнаго обряда благословенія иконами, генералъ Гордонъ повелъ изъ Москвы Нѣмецкіе полки. Все Русское войско двинулось въ началѣ Мая, раздѣленное на семь корпусовъ: *Большимъ полкомъ* начальствовалъ самъ любимецъ Софіи; *Новгородскими* дружинами *бояринъ А. С. Шеинъ; Рязанскими* полками *князь В. Д. Долгорукій; Сѣвскими* окольничій *Неплюевъ; Низовыми* стольники *Леонтьевъ* и *Дмитріевъ-Мамоновъ, Бѣлогородскими* бояринъ *Б. П. Шереметевъ.* Гетманъ Самойловичъ присоединился къ войску съ 60,000 казаковъ (252).

Медленно двигались тяжелыя Русскія дружины по Украинскимъ областямъ и въ началѣ Іюня вступили въ необитаемыя степи, простиравшіяся за Украинскою линіею отъ Донца до Днѣпра, продолжая походъ по рѣкамъ, текущимъ въ Днѣпръ. Іюня 12-го войско пришло къ рѣкѣ Конской, или Конскимъ Водамъ. Непріятеля нигдѣ не замѣчали, но уже здѣсь увидѣли разстилавшіяся по необозримымъ степямъ тучи дыма, чувствовали смрадъ и наконецъ получили достовѣрное извѣстіе, что Крымцы ждутъ Руских въ засадахъ и впереди выжгли всю степь отъ рѣки Самары до Крыма. Долго совѣтовали воеводы: идти ли и какъ идти

г. 1687. по безплодной, безводной, опаленной степи со 100,000 войска, тяжелою артиллеріею и большимъ обозомъ? Въ припасахъ уже оказывался недостатокъ; корма лошадямъ не было; Татары могли отвсюду налетѣть на легкихъ коняхъ своихъ. Рѣшено было отважиться на опытъ похода. Войско перешло за Конскія Воды, и подъ палящими лучами солнца, среди необыкновенно жаркаго лѣта, очутилось въ почернѣвшей отъ огня степи, гдѣ не было ни воды, ни травы. Дымъ, смрадъ, пыль, поднимаемая пустынными вихрями, людьми и лошадьми на походѣ, затрудняли дыханіе. Оказалось множество больныхъ; припасовъ вовсе не стало; лошади падали и не могли везти ни пушекъ, ни телѣгъ. Іюня 17-го опять собрали военный совѣтъ и князь Голицынъ отправилъ въ Москву донесеніе о непобѣдимыхъ трудностяхъ похода, испрашивая, что прикажутъ ему великіе Цари дѣлать? О томъ же спрашивалъ и гетманъ Самойловичъ (²³³). «Во истину работали мы и веселымъ сердцемъ имѣли о дѣлѣ охоту,» писалъ гетманъ. «Нѣсколько дней шли мы за Самарою дикими полями; оставалось сто верстъ отъ Крыма и сердца наши горѣли достигнуть Перекопи. Но здѣсь объявились поля, не только отъ природы травою скудныя, но и выжженныя пожарами, и безпрестанный солнечный зной, поднимающій премногій прахъ, безмѣрной и тмѣ подобной копоти, духи человѣческіе повреждающій и зрѣніе помрачающій. Могли ли мы сражаться съ непріятелемъ, когда въ сіи сухія и пылью дымящіяся времена не могли мы даже ничего разглядѣть и распознать? Какъ искусные *регименторы* не гонятся спѣшно за взысканіемъ непріятеля, дабы тѣмъ не впасть

въ трудности и бѣды, храня войско, всегда государямъ надобное, боялись мы завести рати въ большую нужду, при зноѣ, по опаленнымъ полямъ, гдѣ не отъ боя, но безкормицы и голода могли они погибнуть. При невозможности везти съ собою обозъ, рѣшились мы, не поспѣшно, но тихо уступить, пославши часть полковъ впередъ, нанесть непріятелю непремѣнный страхъ и показать, что мы готовы съ нимъ расправиться. Скорбимъ, что явное передъ свѣтомъ Ваше Царское намѣреніе, при безчисленномъ войскѣ, такими нечаянными трудностями удержано. Трава не произрастетъ уже нынѣшнимъ лѣтомъ на выжженномъ полѣ, отвердѣломъ сушею, ибо не видимъ мы ни дождя днемъ, ни росы ночью, но только знойный и воздымленный прахомъ воздухъ. Ханъ, конечно, уже не осмѣлится напасть на насъ и на Русскіе предѣлы, утопивъ очи на опасности, ему грозившія ([234]).» г. 1687.

Пока гонцы скакали въ Москву за царскимъ указомъ, Голицынъ рѣшилъ дѣло своею полномочною властью и повернулъ полки обратно. Онъ скрылъ досаду, когда явились Крымцы и привезли ему укорительныя граматы Хана Крымскаго. За нихъ былъ онъ утѣшенъ присылкою изъ Москвы думнаго дьяка Леонтьева, съ изъявленіемъ царской благодарности за его подвиги, сохраненіе войска, поворотъ его до царскаго указа; хвала сопровождалась обѣщаніемъ великихъ наградъ. Софія не выдала своего любимца ([235]). Но въ глазахъ народа, передъ иноземными государями, чѣмъ могъ онъ оправдаться? Описывая ужасы степей за Самарою, какъ будто ужасы степей Ливійскихъ, развѣ онъ могъ сказать, что не зналъ и не предвидѣлъ ихъ прежде? Всѣ

г. 1687. слѣдствія похода болѣе нежели сто-тысячнаго войска ограничились небольшою битвою Донскаго атамана Миняева съ Татарами у Овечьихъ Водъ; набѣгомъ воеводы Косагова и Запорожскаго атамана Лихопоя на крѣпость Кизи-Керменъ, гдѣ отбили они у Турковъ двѣ ладьи, 5 пушекъ, и взяли 29 плѣнныхъ, и небольшою битвою воеводы Неплюева, посланнаго отъ Конскихъ Водъ по берегу Днѣпра прикрывать отступавшее войско. Погибель людей въ походѣ полагали до 40,000 человѣкъ, не считая потерь обоза и артиллеріи, хотя Руские не обмѣнялись почти ни однимъ выстрѣломъ съ непріятелемъ. Надобно было оправданіе, и любимецъ Софіи придумалъ его, а другіе спѣшили исполнить волю всемогущаго временщика (236).

Погибель гетмана Самойловича.

Уже издавна не любилъ онъ гетмана Самойловича, старика корыстолюбиваго, скупаго на подарки, нестерпимо гордаго съ подчиненными, хотя низкопоклонника власти и силѣ, тщеславнаго своимъ званіемъ, хотя всѣ помнили еще отца его, бѣднаго сельскаго священника. На него рѣшился сложить всю вину неудачнаго похода Русскій полководецъ. Казаки не терпѣли Самойловича за то, что онъ былъ угодливымъ рабомъ Московскихъ воеводъ, и даже каждаго дьяка, присланнаго изъ Москвы. Богатѣя самъ, онъ предавалъ Малороссію поборамъ и притѣсненіямъ. Робкій исполнитель указовъ царскихъ, онъ строго обуздывалъ удалую волю казацкую, и послѣднее запрещеніе выбираться охотникамъ на набѣги съ Запорожцами и Донцами и служить у Собіескаго, въ Венгріи и Молдавіи, возбудило общее, громкое негодованіе казаковъ. Надлежало только подать голосъ; все готово было возстать на гетмана, го-

товы были повѣрить всякой клеветѣ на него и подтвердить ее. Надлежало только явиться зачинщику дѣла несправедливаго, и — онъ явился: то былъ человѣкъ, удостоенный милостей Самойловича и почестей по его предстательству, душа совѣтовъ его, бѣглецъ изъ Польши, безвѣстнаго рода, казавшійся православнымъ, но католикъ въ тайнѣ, нѣкогда другъ и товарищъ мятежнаго Дорошенка, потомъ клеветникъ на несчастнаго Многогрѣшнаго и дотолѣ низкій поклонникъ Самойловича, *Иванъ Мазепа,* столь замѣчательный въ послѣдствіи ([257]). Онъ взялся оправдать любимца Царевны и сторговался съ нимъ на погибели своего благодѣтеля. Ловкій, хитрый, необыкновенно образованный, изъ безвѣстнаго, нищаго бродяги быстро достигъ Мазепа высшихъ званій между казаками и уже давно былъ *генеральнымъ есауломъ* войска Малороссійскаго. Замѣняя стараго гетмана, онъ ѣздилъ нѣсколько разъ въ Москву, былъ извѣстенъ Царямъ, знакомъ съ царедворцами, пріобрѣлъ благосклонность любимца Софіи. Никто лучше его не умѣлъ обольстить ласковымъ словомъ, хитрѣе его польстить вельможѣ, скрытнѣе его возмущать и поддерживать своеволіе приверженцовъ казацкой старины и въ то же время казаться рабскимъ исполнителемъ воли Рускихъ, повелителей Малороссіи. Кроткій, благочестивый по наружности, Мазепа скрывалъ всѣ кипящія, бѣшеныя страсти свои — властолюбіе неограниченное, сладострастіе самое безстыдное, чувственность самую грубую. Санъ гетмана, окруженный почестями, великолѣпіемъ, роскошью жизни, былъ предметомъ желаній Мазепы. Увидимъ, что потомъ не удовлетворили его почести гетманства, и

Г. 1687.

Мазепа.

г. 1687. двадцатилѣтнее поприще честолюбца, начатое клеветою и вѣроломствомъ, кончилось измѣною и позоромъ.

Тайно переговорилъ Мазепа съ казаками, подкрѣпилъ ненависть ихъ къ гетману, уговорился съ ними въ клеветѣ, и уже при началѣ обратнаго похода начали говорить въ Русскомъ войскѣ, что между воеводами были измѣнники, и что Ханъ умышленно, по уговору съ ними, зажегъ степи. Молва усиливалась: произнесли имя *Самойловича.* Дьякъ Леонтьевъ насмѣшливо спросилъ у него, при встрѣчѣ въ степяхъ за Самарою: «для чего велѣлъ онъ жечь степи?» Изумленный Самойловичъ безмолвствовалъ. Но еще ничего не видѣлъ, не замѣчалъ онъ опаснаго, пока войско Русское не остановилось обширнымъ таборомъ близъ Полтавы. Гетманъ не зналъ, что князь Голицынъ уже призывалъ къ себѣ генеральнаго есаула и войсковаго писаря; что они открыли ему мнимый замыселъ гетмана, написали просьбу Царямъ и рѣшеніе царское уже было получено: участь Самойловича предавали Цари волѣ своего главнаго полководца. Клеветники на словахъ объявили Голицыну, что Самойловичъ оскорблялся отказомъ позволить ему участвовать въ переговорахъ съ Польшею о мирѣ, негодовалъ получивъ выговоръ за сношенія съ Польшею, сердился за успѣхъ христіанъ противъ Султана, и тайно соглашался съ Крымомъ, уговариваясь пріобрѣсть взаимною помощью — Хану независимость отъ Турціи, Малороссіи — свободу отъ Москвы. Въ доносѣ къ Царямъ, кромѣ жалобъ на утѣсненіе заслугъ, продажу мѣстъ и чиновъ, корыстолюбіе, мздоимство, гордость, не смотря на низкое происхожденіе, доносщики приводили, какъ вѣрное доказа-

тельство желанія гетмана сдѣлаться независимымъ и явной измѣны его въ походѣ, неумѣстное хвастовство гетманши; рѣчи самого гетмана, что города казацкіе его города, а не царскіе; дерзкіе отзывы сына его Григорія о Царяхъ; отвѣтъ полковника Гамалеи, сказанный Русскому полковнику: «Насъ не саблею взяли Рускіе и не могутъ обладать нами.» Наконецъ отказъ гетмана вступать въ родство съ Рускими причитался ему въ вину тяжкую. Онъ всегда желалъ, продолжали доносчики, дружбы съ Турціею и войны съ Польшею; говорилъ при заключеніи съ Собіескимъ мира: «За свои гроши Москва купила себѣ лиха,» не велѣлъ молебствовать о славномъ мирѣ Московскомъ; уговорилъ Русскихъ воеводъ идти на Крымъ лѣтомъ; отсовѣтовалъ имъ посылать передовые отряды и наблюдать движенія Татаръ; сжегъ мосты на Самарѣ и первый заговорилъ объ отступленіи. «Зачѣмъ воевать безъ пользы?» сказалъ онъ при началѣ войны — «не лучше ли сидѣть дома и оберегать границы?» Когда говорили ему въ походѣ о множествѣ больныхъ въ Русскомъ лагерѣ — «пусть всѣ пропадутъ,» отвѣчалъ гетманъ, «такъ и тогда я грустить не стану!» Доносъ не постыдились подписать первые чиновники казацкіе, генеральный обозный Борковскій, генеральные судьи Войхевичь и Прокоповъ, пять полковниковъ — скрѣпилъ генеральный писарь Василій Кочубей (238), другъ и рабъ Мазепы..... г. 1687.

Любимецъ Софіи, по видимому, ужаснулся слушая рѣчи и доносъ Мазепы и его товарищей. Царская грамата повелѣвала ему: «за измѣну и неистовство гетмана, чтобы не учинилось замѣшанія, бунта

г. 1687. и кровопролитія, призвать избранныхъ казаковъ, и если гетманъ имъ негоденъ, объявить царскій указъ, что Цари быть ему гетманомъ не указали, велѣли булаву, знамя и войсковые клейноды отъ него отобрать, и за крѣпкою стражею послать его къ великороссійскіе города, а на его мѣсто поставить, кого всѣмъ войскомъ казацкимъ излюбятъ. Словами: «учинить тебѣ, ближнему боярину, оберегателю и дворовому воеводѣ, по твоему разсмотрѣнію, какъ тебя Господь Богъ вразумитъ и наставитъ,» дано было Голицыну неограниченное полномочіе ([239]). Постарались придать видъ тайны и важнаго дѣла взятію подъ стражу стараго гетмана. Онъ стоялъ таборомъ своимъ отдѣльно отъ Руских. Ночью тихо собранъ былъ сильный отрядъ. Гетмана предостерегли друзья его; онъ изумился неожиданной опасности, потребовалъ объясненія съ Голицынымъ; недопущенный въ шатеръ его, писалъ къ нему, спрашивалъ о доносѣ, который, какъ слышалъ онъ, на него подали, вспоминалъ свои заслуги и клялся въ невинности, требуя суда на клеветниковъ. Отвѣта не было. Рано утромъ гетманъ пошелъ въ свою походную церковь къ заутрени; при выходѣ изъ церкви его окружили воины, взяли подъ стражу, схватили и сына его Якова, забрали служителей, послали поспѣшнаго гонца къ Неплюеву, въ отрядѣ котораго находился старшій сынъ гетмана, съ приказомъ захватить измѣнника. Гетмана повезли къ шатру Голицына; тамъ уже собраны были всѣ Русскіе воеводы и избранные казаки. До пріѣзда Самойловича прочитали имъ царскій указъ и радостные клики заключили чтеніе. Голицынъ предложилъ казакамъ вопросы: не по злобѣ ли

чьей либо обвиняется ими гетманъ? Нельзя ли еще казакамъ примириться съ нимъ? «Если ты откажешь намъ въ правосудіи, мы осудимъ его своимъ судомъ и изрубимъ его, по нашему старому казацкому обычаю!» кричали разъяренные казаки. Тогда ввели въ шатеръ старика Самойловича; голова его была обвязана бѣлымъ платкомъ; опираясь на серебряную булаву свою, онъ хотѣлъ говорить, оправдываться; ругательства заглушили его голосъ; сабли засверкали надъ его головою; едва вырвали его изъ рукъ казаковъ и подъ стражею отправили изъ лагеря ([240]). Друзей, родныхъ, слугъ гетмана велѣно было вездѣ захватить и держать подъ стражею; домы и помѣстья его описать и взять въ казенное вѣдомство. Въ Москву поѣхали три гонца отъ главныхъ воеводъ, съ радостнымъ извѣстіемъ, что измѣнникъ и злодѣй царскій схваченъ благополучно. Іюля 24-го собрали казаковъ и прочитали имъ условія, на которыхъ избирается новый гетманъ. Цари подтверждали Малороссіи свободный выборъ гетмана и чиновниковъ, право владѣнія имѣніями, чины, судъ по прежнему, съ тѣмъ, что апелляція по судамъ принадлежитъ Русскимъ воеводамъ въ Кіевѣ, Черниговѣ, Переяславлѣ, Нѣжинѣ и Остерѣ, а высшій судъ и подтвержденіе выборовъ Царямъ. Гетманъ обязывался содержать 30,000 реэстровыхъ, или служивыхъ казаковъ, а на жалованье имъ должны были сбирать доходы съ Малороссіи Русскіе чиновники, отъ себя выдавая потомъ назначенныя гетману и казакамъ оклады; имѣнія духовныя освобождались отъ сбора податей; домы и помѣстья служащихъ казаковъ избавлялись отъ постоевъ царскаго войска. Гетманъ обязывался посылать въ Москву пословъ сво-

Г. 1687.

Буйство казаковъ.

г. 1687. ихъ три или четыре раза въ годъ, не болѣе, и то съ ограниченнымъ числомъ людей; обязывался не вести переписки, ни съ Ханомъ Крымскимъ, ни съ кѣмъ либо изъ другихъ владѣтелей окрестныхъ, отсылая присланныя отъ нихъ граматы въ Москву нераспечатанными. Казакамъ запрещалось смѣнять гетмана безъ царскаго указа. Положено было учредить особую стражу и ей передать устройство въ Малороссіи земскаго благочинія. Гетманъ долженъ былъ охранять предѣлы отъ Крымцовъ, устроить вновь, близъ Кайдака и по рѣкамъ Самарѣ, Орели, Берестовой и Орчику пограничныя селенія и крѣпости. При сильныхъ нападеніяхъ Крымцовъ гетману должны были помогать Русскіе гарнизоны въ Кіевѣ, Нѣжинѣ и Черниговѣ, а отправленіе большаго царскаго войска могло быть только по предварительному сношенію, ибо «рати царскія въ добромъ обыкновеніи пребываютъ строеніемъ и разсмотрѣніемъ государскимъ, обыкли ходить у бояръ и воеводъ въ полкахъ съ ратнымъ устроеніемъ и отпоръ давать непріятелю, а скоростью и нестроеніемъ дерзостно ходить не обыкли.» Мѣстомъ пребыванія гетмана опредѣлялся по прежнему городъ Батуринъ. Цари обѣщали не жаловать въ Малороссіи арендъ; запрещали, по прошенію казаковъ, называть ихъ *мужиками* и *измѣнниками*. Гетманъ обязанъ былъ вводить въ Малороссіи свободный ходъ Русскихъ чеховъ; смотрѣть за непровозомъ изъ Малороссіи въ Россію вина, и особенно табаку, не принимать бѣглыхъ, за что позволялось, безъ разбора всѣмъ, кто до того времени укрылся и поселился въ Малороссіи, оставаться тамъ безъ розыска. Наконецъ, въ награду за вѣрность казаковъ и откры-

тіе измѣны Самойловича велѣно было отдать половину имѣній его въ войсковой скарбъ. Собраніе приняло всѣ изложенныя условія ([211]). Избранные казаки тайно являлись къ любимцу Софіи и спрашивали: кого позволитъ онъ имъ избрать въ гетманы? «Вашъ выборъ свободенъ,» отвѣчалъ онъ, «по *мой совѣтъ* избрать Мазепу ([212]).» На другой день (25-го Іюля), 800 конныхъ и 1200 пѣшихъ казаковъ окружили великолѣпную ставку, куда принесены были знаки гетманскаго достоинства и гдѣ собрались Русскіе воеводы и казацкіе чины. Послѣ обѣдни въ походной церкви открыли *войсковую раду*. Голицынъ говорилъ избирателямъ о царской милости, позволяющей имъ свободный выборъ гетмана вольными голосами. Никто однакожъ не смѣлъ начать свободнаго выбора. Наконецъ нѣсколько голосовъ провозгласили имя *Мазепы*. Другіе, немногіе, хотѣли выбрать генеральнаго обознаго Борковскаго: имъ велѣли молчать — онъ былъ не угоденъ Голицыну, и Мазепа избранъ единодушно. Казаки и новый гетманъ присягнули въ вѣрности исполненія предписанныхъ Царями условій и назначили депутатовъ въ Москву, съ извѣстіемъ, что новый гетманъ, по милости царской и Божіей волѣ *обранъ* ([213]). Іюля 28-го Мазепа угостилъ всѣхъ Русскихъ воеводъ и избранныхъ казаковъ, и поднесъ дары Голицыну — 3 пуда 12 фунтовъ серебряной посуды, алмазныя серьги, зарукавья и перстни въ 3,450 рублей, золотой ковшъ въ 100 червонцовъ, золотую ложку и пару ножей съ яхонтами въ 120 рублей, три Турецкія сабли, шатеръ и постельныя занавѣсы въ 1600 рублей, деньгами 11,000 рублей и три лошади Турецкія, цѣною въ 1000 рублей. — Изъ опи-

г. 1687.

Мазепа гетманъ Малороссіи.

г. 1687. саннаго у Самойловича имѣнія подарено было Голицыну серебряной посуды 40 пудовъ, не считая оружія и другихъ драгоцѣнностей ([244]). Августа 14-го воеводамъ и всему войску розданы присланныя отъ Царей медали и золотые, и послѣ богатаго пира у Голицына войско Русское выступило въ походъ во свояси ([245]).

Несчастный Самойловичъ за недѣлю прежде былъ отправленъ изъ Малороссіи; его везли тайно въ закрытой каретѣ; 200 человѣкъ стражи сопровождали его. Изъ Москвы отправили Самойловича прямо въ Тобольскъ, а младшаго сына его въ Енисейскъ. Туда сослали потомъ невѣстку его, дочь генерала Швейковскаго. Самойловичъ не долго пережилъ свое несчастіе и умеръ безпріютный въ мѣстѣ заточенія; сынъ его послѣдовалъ за нимъ въ могилу; невѣстка влачила горестную жизнь въ нищетѣ и питалась милостынею въ Тобольскѣ. Участь старшаго сына Самойловича была еще плачевнѣе: онъ воспротивился, когда хотѣли взять его; нашлись защитники изъ казаковъ и не выдавали его; онъ требовалъ царскаго указа и суда; его обвинили въ бунтѣ, разогнали его защитниковъ; несчастнаго отвезли въ Сѣвскъ, жестоко пытали, спрашивая объ его умыслахъ, и осудили на казнь. Велѣно было отрубить ему голову *не однимъ разомъ* и бросить трупъ его въ могилу съ *безчестіемъ*. Многіе изъ друзей бывшаго гетмана лишились чиновъ и имѣній. Женѣ его, дочерямъ и старшей невѣсткѣ велѣно было выдавать бѣдное содержаніе; ихъ пріютилъ великодушный женихъ одной изъ дочерей, князь Четвертинскій, братъ Кіевскаго Митрополита: онъ сватался на дочери Самойловича въ дни счастія отца ея, и не отказался отъ ея руки,

когда гибель постигла семейство гетмана. Сострадая г. 1687. горестной участи бывшаго начальника, казаки въ нѣсколькихъ мѣстахъ возстали за него; ихъ укротили посылкою войска и наказаніемъ ([246]).

Какъ знаменитыхъ побѣдителей встрѣтили въ Москвѣ любимца Софіи, товарищей его и возвратившееся изъ похода войско. Послѣ великолѣпной встрѣчи, бояръ и воеводъ, бывшихъ въ походѣ, ввели въ Грановитую палату. Тамъ, передъ Царями, сидѣвшими на тронѣ, читали подробное изложеніе подвиговъ Голицына и его товарищей: хвалили ихъ за ратное устройство, желательную ревность, радѣтельное тщаніе, усердное попеченіе, единодушіе похода, переправу черезъ многія степныя рѣки; славили битвы Донцовъ, Запорожцовъ и Неплюева, взятіе двухъ лодокъ, пяти пушекъ, 29-ти плѣнныхъ. «Увѣдавъ о вашемъ приходѣ и промыслѣ,» говорила царская грамата, «Ханъ позналъ свое безсиліе, выжегъ степи, пришелъ въ боязнь и ужасъ, отложилъ обыклую дерзость, не смѣлъ явиться къ бою и въ отчаяніи ушелъ въ дальнія мѣста за Перекопь. Вы шли неутомимо къ его Крымскимъ юртамъ, при всякой нуждѣ, среди степныхъ пожаровъ, великой пыли, при скудости конскихъ кормовъ, и воротясь по царскому указу, оставили такой страхъ бусурманскимъ ордамъ, что уже нигдѣ не смѣли онѣ явиться, и все войско Русское возвратилось цѣло и здраво, со всѣми ратными людьми, пушечнымъ большимъ нарядомъ и полковыми припасами.» Открытіе измѣны Самойловича и избраніе Мазепы причтены были также къ великимъ подвигамъ. «И какъ исполненіе царской воли, когда Цари, *милостивые и премилости-*

г. 1687. *вые обладатели, по премилосердой своей милости милостиво изволили* избраніе новаго гетмана утвердить, низринувъ своего сокровеннаго недоброхота, царскихъ велѣній преслушателя, измѣнника, правъ и вольностей казацкихъ разрушителя, такъ и всѣ другія дѣла совершились твоею, ближняго боярина и оберегателя, двороваго воеводы, князя Василья Васильевича, съ товарищами, службою и радѣніемъ, безъ противности, замѣшательства, кровопролитія и убійства, хотя прежде *никогда постоянства отъ Малороссійскихъ жителей не бывало* ([247]).» Исчислялись награды: кафтаны, кубки, денежныя раздачи. Князь Голицынъ получилъ кафтанъ золотный на соболяхъ, серебряный, позолоченный кубокъ съ кровлею, придачи къ денежному окладу 250 рублей, помѣстья въ Рязани, Ярославлѣ, Казани, Одоевѣ. Медаль, присланная ему на ряду съ другими, была вѣсомъ въ 300 червонцовъ, осыпанная алмазами. Малыя золотыя медали розданы были другимъ воеводамъ. Помѣстьями и деньгами награждены были всѣ ротмистры, полковники, поручики, хорунжіе, головы обозные, стольники, стряпчіе, дворяне Московскіе и городовые, жильцы, дѣти боярскіе, начальные люди гусаровъ, копейщиковъ, рейтаровъ Московскихъ и городовыхъ. Все войско было распущено, но велѣно быть въ готовности, если *случай воинскій позоветъ* ([248]).

Слѣдствія Крымскаго похода.

Слѣдовательно: славя подвиги своего любимца, Софія въ самомъ дѣлѣ вѣрила его побѣдамъ и не хотѣла оставить оружія? Нѣтъ! Она чувствовала, что походъ не принесъ Россіи ни пользы, ни славы, не помогъ Польшѣ, только раздражилъ Крымцовъ и Султана и ввелъ Россію въ огромные расходы, уже не говоря о

гибели людей. Но надобно было вознаградить себя, или продолженіемъ войны, или заключеніемъ выгоднаго мира, пользуясь обстоятельствами, въ какихъ находились тогда воюющія государства. г. 1688.

Война, вообще несчастная и гибельная, не смотря на временные успѣхи, раззоряя Турцію уже пятый годъ, возбуждала общій ропотъ подданныхъ Султана. Слухи о походѣ Рускихъ на Крымъ довершили ихъ негодованіе. Тайное волненіе и ропотъ превратились въ явный бунтъ. Своевольные янычары оставили свои лагери и съ береговъ Дуная пошли въ Царьграду. Дворъ и народъ раздѣляли ихъ буйство и возстаніе. Когда мятежныя войска угрожали столицѣ, будущій визирь султанскій собралъ законоучителей мусульманскихъ и спрашивалъ ихъ: «имѣютъ ли право подданные низвергнуть своего падишаха, если онъ не бережетъ о судьбѣ государства?» На основаніи корана рѣшили вопросъ положительно. Едва Янычары подошли къ столицѣ, султанъ Мугаммедъ былъ низложенъ; на его мѣсто возвели брата его Солимана. Грабежъ и кровопролитіе въ Царьградѣ сопровождали начало Солиманова царствованія (219). Императоръ думалъ воспользоваться событіями въ Турціи. Онъ видѣлъ неизбѣжность упорной войны съ Людовикомъ XIV-мъ. Усиленными воинскими дѣйствіями въ Венгріи, онъ хотѣлъ ускорить заключеніе мира съ Турками, думалъ принудить ихъ къ тому побѣдами, сопровождавшими его предложенія мира. Агра, Мунгачъ, Петервардейнъ, Бѣлградъ были завоеваны. Радуясь успѣхамъ и надѣясь вскорѣ купить ими выгодный миръ, Императоръ забывалъ о Польшѣ и Россіи. Оскорбленный Собіескій самъ началъ пере-

г. 1688. говоры о мирѣ съ Султаномъ и Крымцами, особливо когда услышалъ, что невѣста старшаго сына его вышла за брата Императрицы. Войско Польское совсѣмъ не выступало въ походъ въ 1688 году. Примѣру Польши послѣдовала Россія (250). Только Венеціяне подкрѣпили въ сей годъ Императора: преемникъ Джустиніани, дожъ Морозини продолжалъ побѣды его; почти вся Морея была покорена Венеціянами; бомбы ихъ разрушили тогда дивные остатки Пароснопа Аоинскаго и львы Пирейскіе украсили арсеналъ Венеціи (251). Окольничій Возницынъ жилъ въ Варшавѣ и велъ переговоры съ Собіескимъ: положили не мириться отдѣльно, но Россіи и Польшѣ заключить миръ безъ посредства Императора. Султанъ не боялся ни Польши, ни Россіи, отвергъ предложенія Собіескаго, когда съ негодованіемъ услышали въ Варшавѣ и Москвѣ, что Турецкое посольство уже прибыло въ Вѣну (въ Январѣ 1689 года), начало переговоры и Императоръ ведетъ ихъ не увѣдомляя своихъ союзниковъ. Извѣстіе тревожило Софію и Собіескаго, ибо заключивъ миръ съ Императоромъ, Оттоманы угрожали другимъ непріятелямъ войною, успѣхъ которой былъ уже болѣе нежели сомнителенъ безъ содѣйствія Императора. Собіескій не находилъ средствъ даже и подумать о продолженіи войны: его не только не слушали и лично оскорбляли на сеймѣ, собравшемся въ Варшавѣ (въ Мартѣ 1689 года), но не боясь присутствія Короля, при немъ разсуждали о низверженіи его съ престола. Онъ вздумалъ упрекать членовъ сейма въ неблагодарности. «Да,» гнѣвно отвѣчалъ ему Казимиръ Опалинскій, епископъ Хелмскій—«мы низвергнемъ тебя: или будь правосуденъ, или перестань цар-

ствовать (232)!» Принужденный смириться, Собіескій перенесъ всѣ обиды и оскорбленія. Сеймъ опредѣлилъ сжечь какого-то несчастнаго еретика. Собіескій согласился на приговоръ, противный его совѣсти. Но и покорность не спасала его. Сеймъ не рѣшилъ ни войны, ни мира и былъ закрытъ среди шумныхъ споровъ. Собіескій рѣшился добровольно сложить корону. Но приближенные успѣли уговорить его, не только еще царствовать, но даже продолжить бѣдственный союзъ съ Императоромъ. Видя упрямство Турецкихъ пословъ, присланныхъ переговаривать о мирѣ, когда сильныя Французскія войска уже свирѣпо опустошали благословенные берега Рейна, низверженіе Стюартовъ съ Англійскаго престола открывало новые виды честолюбію Людовика XIV-го, смерть папы Иннокентія XI-го лишила войну противъ Султана жаркаго поборника, преемникъ его, папа Александръ VIII-й, не заботился о священномъ союзѣ, а новый визирь султанскій Кунругли Мугаммедъ собиралъ сильныя Оттоманскія полчища и клялся отмстить безславіе Оттомановъ, Императоръ предложилъ снова дружескій, даже родственный союзъ Собіескому, и просилъ его прислать пословъ обще переговаривать съ Турками. Собіескій спѣшилъ исполнить требованіе. Возницыну приказано было изъявить споръ Русскаго правительства о томъ, что союзники не приглашаютъ Россіи, стараться уговаривать Императора не мириться и продолжать войну, или мириться обще. Русскій посланникъ такъ хорошо и усердно исполнилъ препорученіе Софіи, что посолъ Императорскій принужденъ былъ принять отъ него изложеніе условій, на какихъ Россія согласна была на миръ, г. 1688.

г. 1688. и обѣщалъ допустить Россію къ переговорамъ ([255]). Нетерпѣливо ждали въ Вѣнѣ, Венеціи, Варшавѣ и Москвѣ, чѣмъ кончится Вѣнскій конгрессъ. Но миръ оказался невозможенъ: Турки видѣли необходимость мира союзникамъ при тогдашнемъ положеніи Императора, Польши и Россіи и упорно держались прежнихъ предложеній. Императоръ не уступалъ, требовалъ Венгріи, всѣхъ пограничныхъ Турецкихъ крѣпостей и Трансильваніи. Венеція хотѣла укрѣпить себѣ Морею, Негропонтъ, Далмацію. Польша спорила объ отдачѣ Каменца, Подоліи и всѣхъ Заднѣпровскихъ казацкихъ земель. Союзники настаивали еще на объявленіе Молдавіи и Валахіи независимыми отъ Султана, съ передачею по волѣ христіанскихъ государей власти надъ ними тому, кого они изберутъ: тамъ готовили королевство дѣтямъ Собіескаго. Свобода христіанскаго вѣроисповѣданія и постройка христіанскихъ церквей въ Турціи съ колокольнями, свобода торговли и передача св. Гроба христіанамъ включались въ миръ, какъ статьи непремѣнныя. Россія предложила условія еще болѣе неожиданныя: переселеніе Татаръ съ сѣверныхъ береговъ Чернаго моря въ Азію и очищеніе всѣхъ приморскихъ земель отъ Турецкой власти по Днѣпръ; отдачу Крыма и Азова Россіи; обязательство Султана и Хана никогда не воевать Россіи, возвратить плѣнныхъ безъ выкупа и заплатить претерпѣнные Россіею убытки. «Удивляюсь,» говорилъ Турецкій посолъ, слушая условія мира, «удивляюсь умѣренности всѣхъ вашихъ требованій: почему не потребуете вы себѣ Царьграда?» «Вы забываете,» горделиво отвѣчалъ онъ на угрозы, «что нашъ падишахъ уже готовъ на новую войну и

вывелъ въ поле 100,000 спаговъ и янычаръ: по первому слову его, они двинутся на Дунай, а Крымское войско на Москву и Варшаву!» Выдача Текелли Императору была также условіемъ непремѣннымъ; представляли Турецкому послу безполезность покровительства князю изгнанному и лишенному всѣхъ средствъ помогать Султану. «Да,» отвѣчалъ онъ, «Текелли песъ ничтожный: лаетъ и молчитъ, кусаетъ и ложится по волѣ Султана, но захочетъ мой Государь и песъ презрѣнный можетъ превратиться въ льва непобѣдимаго!» Переговоры были наконецъ прерваны (254). Императорскія войска начали упорныя дѣйствія. Султанъ и Купругли Мустафа спѣшили двинуться съ многочисленнымъ войскомъ. Венеціяне усилили войну въ Мореѣ. Старались уговаривали и другихъ союзниковъ дѣйствовать дружно и рѣшительно. Собіескій выдалъ деньги на войско изъ своихъ собственныхъ доходовъ. Поляки осадили Каменецъ. Король Польскій просилъ Софію, уважая общую и свою пользу, возобновить и усилить военныя предпріятія на Крымъ. Софія увидѣла необходимость войны, ибо оставаясь въ бездѣйствіи, при заключеніи мира союзниками Россія могла быть исключена изъ договоровъ. Тогда вся тяжесть силъ Крыма и Турціи падала на Россію. Дружба Собіескаго была не надежна Россіи: онъ могъ, укоряя Россію въ несдержаніи договоровъ, отказаться отъ помощи, даже найдти предлогъ къ войнѣ, возобновить старые споры и соединиться съ Султаномъ. Положено воспользоваться стѣсненіемъ Турковъ, когда Императоръ, Венеція, Польша соединяли вновь всѣ свои усилія, отправить вторично сильное войско на Крымъ, и любимецъ Софіи еще разъ г. 1688.

г. 1688. рѣшился принять на себя званіе главнаго полководца (255). . . . .

Продолженіе войны.

Предвидя новую войну, предварительно принималъ онъ разныя мѣры предосторожности. Нѣсколько небольшихъ крѣпостей по границѣ было устроено въ 1688 году, по условію съ Мазепою. Часть Русскаго войска, съ окольничимъ Неплюевымъ, возведеннымъ въ званіе *сходнаго товарища*, и съ думнымъ дворяниномъ Косаговымъ, не отходила отъ южныхъ предѣловъ Малороссіи. Неплюевъ укротилъ приближеніемъ своихъ отрядовъ возстаніе Запорожцовъ, обольщаемыхъ заднѣпровскимъ гетманомъ Мигулою. Отряды казаковъ безпрестанно бились съ Крымцами, прошли до Очакова, выжгли посады около сей крѣпости (256). Донцы, съ атаманомъ Миняевымъ, ходили къ Азову и бились на морѣ. Цари хвалили подвигъ ихъ милостивою грамотою; благодарили ихъ притомъ и за истребленіе раскольниковъ, бѣжавшихъ на Донъ послѣ объявленнаго на нихъ гоненія, собравшихся на Медвѣдицѣ съ другими бѣглыми, Рускими и казаками, и угрожавшихъ разбоемъ приволжью (257). Неплюевъ занялся строеніемъ значительной крѣпости Богородицкой, заложенной далеко въ степи за Украинскою границею, на рѣкѣ Самарѣ, предполагая заготовить въ ней запасы на будущій походъ Русскаго войска, и не уважая тревоги Запорожцовъ, устрашенныхъ тѣмъ, что новая крѣпость Самарская будетъ средствомъ не столько удерживать набѣги Татаръ, сколько смирять ихъ своеволіе, когда притомъ Мазепа и безъ того началъ стѣснять ихъ, отнялъ у нихъ перевозъ черезъ Днѣпръ при Переволочнѣ, и удерживалъ жалованье царское, обвиняя Запорожцовъ

въ неповиновеніи. Атаманъ Гусакъ, заступившій мѣсто г. 1688.
Сагайдачнаго и Лихопоя, грозилъ гетману возстаніемъ, сносился съ Польшею, и такъ худо дѣйствовалъ противъ Крыма, что не смотря на бдительность Неплюева, Татары прошли до Полтавы летучимъ набѣгомъ, когда другія полчища ихъ грабили Волынь (258). Соединяя всѣ средства вредить Турціи, Софія вспомнила о посылкѣ Молдаванъ въ 1684 году. Волошскій господарь, Іоаннъ Кантакузинъ, умолялъ ее потомъ, черезъ Аѳонскаго архимандрита Ісаію, принять его въ подданство и защитить отъ Агарянъ и Поляковъ. Ему отвѣчали, что доказательствомъ усердія его будетъ нападеніе на Буджацкихъ Татаръ, когда Русское войско станетъ раззорять Крымъ, «гнѣздо бусурманское, надежду и оборону Султана,» и что Россія готова покровительствовать Молдавіи и Валахіи (259). Осенью 1688 года въ Москвѣ держали совѣтъ о новомъ походѣ. Дьякъ Шакловитый ѣздилъ совѣтоваться съ Мазепою (260). Положено было: усилить прежнее войско, выступить раннею весною, до лѣтнихъ жаровъ пройдти черезъ степи, взять Перекопь и вступить въ Крымъ. Начались приготовленія: строго велѣно было изыскивать *нѣтчиковъ*, не явившихся на службу въ 1687 году (ихъ оказалось 1366 человѣкъ). Нашлись не помѣщенные въ списки молодые дѣти стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ, жильцовъ; ихъ велѣно насильно высылать на службу, ибо «служить службу имъ уже можно,» а неявлявшихся добровольно угрожали верстать безъ жалованья въ рейтары и солдаты (261). Сентября 18-го 1688 года обнародовано царское объявленіе о походѣ. «Войною на Крымъ,» говорили Цари, «уже привели мы исконныхъ,

г. 1688. свирѣпыхъ враговъ христіанства въ страхъ и отчаяніе, прославили имя свое, не только у окрестныхъ государей, но и въ цѣломъ свѣтѣ. Нынѣ соединяются на Агарянъ всѣ короли и государи; князи и владѣтели всей земли идутъ на нихъ сушею и моремъ; настало время, какого и за тысячу лѣтъ не бывало, время освободить христіанство отъ вѣковой неволи. Цезарь и Рѣчь Посполитая Венеційская уже взяли у Агарянъ великіе грады Бѣлградъ и Селунь, островъ Кандію, и многіе другіе города и острова. Богъ ведетъ къ явной погибели поганое Турецкое царство: его терзаютъ междоусобія и внутренніе раздоры; уже не въ силахъ Султанъ помогать Крымскому Хану, самъ отъ него ожидая помощи, а Ханъ трепещетъ нашего оружія. Надобно не допустить Хана опомниться, надобно кончить начатой подвигъ и искоренить пагубное гнѣздо хищниковъ. И мы ли не поможемъ однокупѣльной братіи нашей? Вѣдайте, православные, что безумѣя отъ страха и ужаса, невѣрные истощаютъ всю мѣру злобы и мщенія надъ невинными собратіями нашими, христіанами: уже болѣе 30,000 христіанъ, въ Греціи, Румеліи, Мореѣ, Сербіи и Булгаріи, истребили Агаряне мучительною смертію; неисчислимое множество другихъ свезли за море, въ Азію, Анатолію и Египетъ; жгутъ и позорятъ церкви и монастыри; положили, съ воли Султана и муфтія, разорить всѣ храмы Божіи въ Цареградѣ и святой Аѳонской горѣ и погубить окончательно всѣхъ христіанъ. Православные! мы ли не поспѣшимъ на помощь? Идите, вооружайтесь, будьте готовы на подвигъ доблестный! Увольняемъ всѣхъ воиновъ отъ судовъ и взысковъ по судамъ, обѣщаемъ каждому царскую милость

пашу и великія награды. Помните обѣщаніе Богу, присягу намъ, породу и прародительскую честь свою, службы ваши и за нихъ наши жалованья!» Въ Ноябрѣ сказано: быть всѣмъ непремѣнно на сборномъ мѣстѣ, въ Бѣлгородѣ, къ 1-му Мая; опредѣленъ сборъ денегъ и хлѣба на войско ([262]). г. 1689.

Зимою выѣхалъ изъ Москвы князь Голицынъ. Въ началѣ Апрѣля войско Русское двинулось отъ Полтавы и выступило въ походъ, болѣе прежняго многочисленное, съ болѣе сильнымъ пушечнымъ снарядомъ. Товарищи Голицына были прежніе: бояре Шеинъ, Шереметевъ, Долгорукій, Неплюевъ (получившій уже санъ боярина). Опытъ могъ научить осторожности. Войско счастливо достигло до Кизи-Керменя и Асламъ-Керменя на Днѣпрѣ. Бояринъ Волынскій былъ оставленъ съ запаснымъ отрядомъ близъ Богородицка. Отрядъ Крымцовъ встрѣтилъ Рускихъ на рѣкѣ Бѣлозеркѣ, удалился и всѣ непріятели скрылись, какъ въ 1687 году. Ждали, что они встрѣтятъ Рускихъ на степи. Войско выступило отъ Кизи-Керменя въ безводную степь и пошло прямо на Перекопь. Здѣсь, едва достигли Черной Долины, бѣдствіе, остановившее первый походъ Рускихъ, возобновилось: вся степь вспыхнула, и въ облакахъ дыма и пыли, къ умноженію прежнихъ трудностей, отвсюду налетѣли отряды Татаръ. Рускіе отбивались три дня, съ 15-го до 18-го Мая. Оказались болѣзни; опять началась гибель людей и лошадей. Перекопь была близко, но по дошедшимъ оттуда вѣстямъ, сильное войско Татарское стояло за Перекопью, готовое сражаться. Разъѣзды казацкіе пробрались къ берегамъ Азовскаго и Черкаго морей, близъ Арабатской

Второй походъ Голицына на Крымъ.

г. 1689. косы и Каланчака. Они извѣстили Голицына о множествѣ непріятелей за Перекопскимъ валомъ и укрѣпленіи Перекопи. Казалось, Татары расли изъ земли: они являлись тогда близъ Кіева, откуда прогналъ ихъ стольникъ Чубаровъ, нападали на Волынскаго и окружали главное Русское войско. Наступили необычайные жары. Надлежало рѣшиться на смѣлый подвигъ: идти впередъ, взять Перекопь и вступить въ Крымъ. Но походъ по обгорѣлой степи и приступъ къ Перекопи, когда Татары пресѣкли подвозы и войско томилось жаждою неутолимою, ужаснули Голицына. Онъ уже не думалъ о побѣдахъ. Съ общаго совѣта положено было отступать. Іюня 1-го Рускіе опять стояли на берегахъ Днѣпра. Любимецъ Софіи хотѣлъ загладить неудачу миромъ. Ханъ соглашался подтвердить прежній миръ, «не потребный и не прибыльной.» Двѣ недѣли пробыло неподвижнымъ Русское войско: ждали мира изъ Крыма и вѣстей изъ Москвы, куда поскакали гонцы отъ Голицына. Іюня 13-го войско двинулось въ обратный походъ, не дожидаясь царскаго указа — походъ былъ конченъ ([263]). Присланный къ Голицыну Польскій резидентъ видѣлъ разстроенное положеніе Русскихъ войскъ и повезъ Собіескому вѣсть о новой неудачѣ любимца Софіи. Не умѣя сражаться, Голицынъ умѣлъ хитрить; спѣшилъ предупредить въ Польшѣ неблагопріятныя вѣсти, отправилъ къ Собіескому полковника Флюверка, описывая ему походъ свой почти побѣдою и приказывая передать радостное извѣстіе о томъ Императору ([264]). Стольникъ Лызловъ встрѣтилъ Русское войско уже близъ Краснокутска, на берегахъ Мерли, и извѣстилъ о скоромъ пріѣздѣ въ слѣдъ за нимъ съ

царскими похвальными граматами окольничаго Нарбекова; онъ пріѣхалъ 27-го Іюня. На другой день прочтена была войску царская грамата, въ коей, какъ прежде, выхваляли подвиги Голицына и воеводъ, укоряли въ трусости Крымскаго Хана и обѣщали награды и милости (265). Войско было послѣ того распущено. Любимецъ Софіи слышалъ, что голосъ народа обвиняетъ его, что его подозрѣваютъ даже въ подкупѣ и измѣнѣ, разсказывая нелѣпую сказку, будто Ханъ договорился съ нимъ на двухъ бочкахъ золота и обманулъ его: прислалъ двѣ бочки, только сверху закладенныя червонцами, подъ коими были насыпаны мѣдные позолоченные шеляги. Явно говорили въ Москвѣ и всюду о безполезной двукратной утратѣ людей и казны, неразуміи полководца, въ другой разъ рѣшившагося идти по степямъ непроходимымъ; не вѣрили ни храбрости, ни мудрости, ни правотѣ любимца Софіи (266). Напрасно Царевна приказала пѣть по церквамъ благодарственные молебны о побѣдахъ, одержанныхъ надъ врагами. Народъ соблазнялся и видѣлъ обманъ въ исполненіи обряда священнаго (267). Собіескій и Императоръ прислали къ Царямъ великолѣпныя поздравленія съ побѣдами, но сіи поздравленія могли показаться насмѣшкою, ибо и въ Вѣнѣ и въ Варшавѣ знали истину о мнимыхъ подвигахъ любимца Софіи. Окольничій Волковъ и полковникъ Флюверкъ, посланный отъ Голицына, вступили въ переговоры съ коронпымъ гетманомъ Яблоновскимъ. На велесловный разсказъ о походѣ Рускихъ, гетманъ отвѣчалъ улыбкою и вопросомъ: почему же Рускіе не взяли Перекопи? Ему говорили, что въ томъ виноватъ Король Польскій; что онъ не сдержалъ своего слова, не г. 1689.

г. 1689. остановилъ Буджайкихъ Татаръ и безчисленныя толпы ихъ пришли къ Крымскому Хану и защитили Крымъ. «Король не могъ воевать потому,» сказалъ гетманъ, «что сеймъ въ Варшавѣ разорвался и у него не было средствъ снарядить войско.» — Но въ договорныхъ граматахъ развѣ было сказано о препятствіи отъ сеймовъ? — возразилъ Волковъ. «Не я рвалъ сеймъ, а рвали его другіе,» отвѣчалъ гетманъ — «вашъ посланникъ Возницынъ былъ тому свидѣтелемъ.» — Но зачѣмъ же Король и сенаторы не старались остановить разрыва сейма и выдали союзниковъ: едва подступили подъ Каменецъ и ушли обратно? — говорилъ Волковъ. — «Чѣмъ было воевать Королю безъ денегъ и безъ войска? А остановить сейма никто не можетъ; таково у насъ обыкновеніе: каждый шляхтичъ можетъ разорвать сеймъ, Король и сенаторы препятствовать ему не въ силахъ,» сказалъ гетманъ. Уличая Волкова въ невѣрности словъ его, онъ замѣтилъ, что далеко не всѣ Татары собирались въ Крымъ: они сражались противъ Императора, не допустили Короля овладѣть Каменцомъ, приходили подъ Кіевъ. Обѣ стороны спорили и взаимно слагали вину другъ на друга — обыкновенное слѣдствіе неудачъ (238).

Князь Голицынъ могъ не уважать мнѣніемъ союзниковъ, убѣдясь опытомъ въ безполезности и союза и вражды ихъ; съ Крымомъ и въ Турціею Руские могли помириться; голосъ народа не достигалъ въ Кремлевскіе чертоги и въ великолѣпныя палаты его. Милости болѣе прежнихъ заставили умолкнуть его враговъ и завистниковъ. Софія не замедлила наградами, и уже величаясь *Самодержицею*, подобно Царямъ братьямъ,

спѣшила возвеличить подвиги Голицына (269): 27-го Іюля, въ собраніи Двора и думы боярской, въ Передней палатѣ Голицыну и его товарищамъ, а на Постельномъ крыльцѣ начальнымъ людямъ воинскимъ объявлены похвалы и царскія милости: князь Голицынъ получилъ кубокъ золоченый съ кровлею, золотный кафтанъ на соболяхъ, придачи къ денежному окладу по 200 рублей, и въ вотчину, въ Суздальскомъ уѣздѣ, село Решму и волость Юмохонскую. Другимъ розданы были также кафтаны, кубки, вотчины, ковши серебряные, байбереки, атласы, камки, деньги, помѣстья, вотчины. Воиновъ, положившихъ животъ въ битвахъ и погибшихъ въ походѣ, велѣно записать въ синодики, а дѣтямъ ихъ объявить повышеніе чинами; всѣмъ ратнымъ людямъ розданы золотые, съ передачею права на сію награду вдовамъ и дѣтямъ (270). Г. 1689.

И все умолкло передъ временщикомъ, все затрепетало его взора — никто не смѣлъ возвысить голоса. Не затрепеталъ только *одинъ*, не умолкъ голосъ только *одного*: сей звучный голосъ былъ голосъ юнаго *царя Петра*, уже надежнаго на свою силу и не по лѣтамъ достигшаго времени мужества и мудрости. Онъ смѣло обвинилъ любимца Софіи, онъ не захотѣлъ болѣе терпѣть позора ея владычества: не было его среди царскаго Двора, когда раздавали награды, и черезъ мѣсяцъ по возвращеніи любимца Софіи изъ безславнаго похода, она была въ монастырскомъ заточеніи, ея любимецъ въ ссылкѣ, а злодѣи, которыми рѣшилась Софія поддержать падавшую власть свою, гибли на плахѣ. Изображая событія съ тѣхъ поръ, когда Софія приняла правленіе, мы почти ничего не говорили о Петрѣ Царь Петръ.

г. 1689. Великомъ. Обращаемся къ его дѣяніямъ въ теченіе семи лѣтъ, протекшихъ отъ возмущенія Стрѣльцовъ до того достопамятнаго времени, когда мощною десницею вырвалъ онъ изъ недостойныхъ рукъ сестры бразды правленія (271).

Мы видѣли Петра младенцомъ и отрокомъ, слышали упованія и надежды народныя подлѣ его колыбели; видѣли потомъ, какъ сѣмяна благаго ученія благословенно возникали въ юной душѣ его, какъ, еще младенцомъ, онъ уже удивлялъ своимъ умомъ и своимъ мужествомъ, въ колыбели игралъ оружіемъ, отрокомъ строилъ воинскія дружины, смѣло заступался за мать свою передъ царственнымъ братомъ. — Мы видѣли, наконецъ, какъ провидѣніе охранило жизнь его среди кровавыхъ смятеній, какъ святотатственныя руки возмутителей и сестры честолюбивой не смѣли сорвать отеческаго вѣнца съ главы его. — Цари только по имени, не Петръ и не добродушный братъ его Іоаннъ царствовали въ Россіи: Софія была царицею; ея дума и совѣты ея любимцовъ рѣшали судьбу государства. Жадно хотѣлось бы намъ слышать и наблюдать, какъ между тѣмъ великія дарованія, дивный геній Петра разрастались постепенно, какъ созрѣвалъ духъ его въ опытѣ и размышленіи, какъ отъ дѣтскихъ игръ переходилъ онъ къ занятіямъ мужа и царскому дѣлу, какъ мысли и идеи его развивались, пока не обхватили объема исполинскаго, и какъ съ дѣтства сочувствуя силы свои, онъ созналъ ихъ наконецъ вполнѣ. Къ сожалѣнію, современники, обезобразившіе истину неумѣстными вставками событій небывалыхъ, мало оставили намъ подробныхъ свѣдѣній о жизни Петра, съ тѣхъ поръ,

когда онъ былъ благословенъ на царство, до того времени, когда принялъ самодержавіе. Драгоцѣннѣе всего были бы намъ чьи нибудь простыя замѣтки объ его дѣлахъ и словахъ за время съ 1682-го по 1690-й годъ: въ нихъ мы разгадали бы постепенное развитіе его внутренней жизни. Такихъ замѣтокъ не было. Собираемъ немногое, что сохранилось въ запискахъ современниковъ, разсказахъ чужеземцовъ, оффиціяльныхъ актахъ, преданіи народномъ. Изображеніе наше будетъ не полно, но уже и легкій очеркъ невольно изумитъ насъ геніемъ Петра (272). г. 1689.

Возведенный на тронъ отрокомъ, Петръ не могъ быть самовластителемъ ни царства своего, ни даже самого себя: онъ подчинялся опекѣ матери и надзору ея совѣтниковъ. Освященный для Россіи народнымъ избраніемъ, онъ укрытъ былъ потомъ въ тайныхъ теремахъ Кремлевскихъ и именемъ его скрѣплялось то, что должны были рѣшать правительница и ея совѣтъ. Когда царскіе терема огласились кликомъ бунта, Петръ раздѣлилъ царскій тронъ съ братомъ своимъ, Софія вырвала изъ слабыхъ рукъ Наталіи правленіе государства, изгнала изъ царскаго совѣта прежнихъ сановниковъ, замѣняя ихъ новыми, жизнь Петра не измѣнилась. Онъ и братъ его, совластитель престола, были по прежнему невидимы въ теремахъ Кремлевскихъ, окруженные благоговѣніемъ народа, безмолвною воинскою стражею, блестящимъ сонмомъ бояръ и многочисленныхъ чиновниковъ. Тамъ протекала жизнь ихъ въ исправленіи молитвъ, ученіи, забавѣ, среди избраннаго круга молодыхъ царедворцовъ, подъ надзоромъ нянекъ, которыхъ смѣнили потомъ дядьки и приставники. Юные Цари

г. 1689. проходили въ дни праздниковъ въ соборы, сквозь два ряда неподвижныхъ воиновъ, сопровождаемые Дворомъ, почти невидимые народомъ, который могъ любоваться ими только при торжественныхъ духовныхъ обрядахъ на Кремлевской площади, въ церковныхъ ходахъ и при ежегодныхъ путешествіяхъ Царей въ обитель Троицко-Сергіевскую и другіе монастыри. Одинаково сохранялся дворскій ненарушимый обрядъ, когда Цари переѣзжали въ загородные дворцы свои, на Воробьевы горы, въ Измайлово, Преображенское, Коломенское. Обоихъ Царей окружали отдѣльные царедворцы, ибо у каждаго изъ нихъ были свои бояре, стольники, спальники, постельничіе. Когда надобно было принимать иноземныхъ пословъ, Цари садились на серебряный тронъ свой въ Грановитой палатѣ, и окруженные по строгому наряду и чину боярами, дьяками и рындами, привѣтствовали Пословъ краткою заученною рѣчью, спрашивали ихъ о здоровьи братьевъ своихъ Государей, брали у нихъ граматы и отсылали ихъ потомъ говорить съ боярами, допуская опять къ себѣ только для отпуска и угощенія. Такъ безмолвные присутствовали они на своихъ царскихъ обѣдахъ, гдѣ установленнымъ порядкомъ угощали бояръ и духовныя власти. Однообразіе жизни юныхъ Царей прерывалось только иногда лѣтомъ охотою соколиною и звѣриною, и рѣдко смотромъ полковъ изъ оконъ царскаго терема, или на Дѣвичьемъ полѣ. Въ такой жизни терпѣливо прозябалъ Іоаннъ, но нетерпѣливо хотѣлъ перемѣнить ее Петръ, тяготимый уставами Двора, неизмѣнными выходами царскими, однообразными обрядами и бездѣйствіемъ, на которое обрекали юность его (275).

Уже съ дѣтскихъ лѣтъ умъ Петра былъ удобренъ началками ученія, тѣло пріучено къ дѣятельности воинскими играми, и понимая неволю свою, тѣмъ живѣе оказывалъ онъ свой нравъ, горячій, пылкій, вспыльчивый; едва могли укрощать его совѣты и наставленія кроткой матери. Онъ цвѣлъ красотою и силою тѣлесною, такъ, что десятилѣтній казался пятнадцатилѣтнимъ юношею тѣмъ, кто не зналъ его настоящаго возраста. Иностранцы, видѣвшіе его тогда, повѣствуютъ что онъ былъ «прекрасенъ, какъ юная дѣвица;» что лицо его было увлекательной красоты, взоръ былъ открытый; яркій румянецъ игралъ на его щекахъ, когда онъ начиналъ говорить; перѣдко смущалъ онъ чинныхъ пословъ живостью движеній и неожиданностью рѣчи (274). Сильныя впечатлѣнія заставляли его предаваться неумѣренному гнѣву и веселью, иногда даже плакать отъ досады и радости. Грозно вспыхивалъ онъ, но и утихалъ мгновенно, со слезами обнималъ оскорбленнаго имъ и искренно просилъ прощенія (275).

Г. 1689.

Характеръ юнаго Петра.

Мы видѣли, что царь Алексій, при кончинѣ своей, вручилъ Петра особенному надзору дѣда его К. П. Нарышкина, князя П. И. Прозоровскаго и И. С. Головина, но какъ удаленъ былъ отъ него усердный учитель его Зотовъ, такъ удалили и опредѣленныхъ его родителемъ наставниковъ. При царицѣ Наталіи и царѣ Петрѣ остался прежній Дворъ ихъ, но въ него помѣстили приверженцовъ Софіи; даже главнымъ приставникомъ къ юному Царю опредѣленъ былъ родственникъ любимца ея, князь Б. А. Голицынъ. Испытывая безпрерывныя досады и неудовольствія отъ Софіи и ея друзей, и прежде боясь удалиться отъ Двора, при царѣ

г. 1689. Θеодорѣ, царица Наталія сама хотѣла удаленія послѣ его кончины, страшась враждебныхъ умысловъ, трепеща новыхъ смятеній. Она переѣхала въ отдаленное отъ

Село Преображенское

Кремля село Преображенское, съ сыномъ своимъ, дочерью и Дворомъ. Софія, Іоаннъ, остальное царское семейство жили въ Кремлѣ, куда стекались царедворцы, являлись послы, приходили искавшіе милостей царскихъ. Изрѣдка Петръ пріѣзжалъ засѣдать въ совѣтъ боярскій, принимать пословъ, являться при торжественныхъ выходахъ и церковныхъ обрядахъ, и спѣшилъ опять въ Преображенское (276).

Тамъ, на берегахъ Яузы, вблизи отъ обширнаго Сокольничьяго поля и Нѣмецкой слободы, было полное раздолье волѣ его и любимымъ занятіямъ. Отличительнымъ свойствомъ юнаго Царя была и оставалась страсть къ занятіямъ воинскимъ. Дѣтскія игры его превра-

Потѣшные.

щались въ настоящія воинскія упражненія; *Потѣшная* рота, собранная изъ его ровесниковъ, подрастала; Петръ набралъ въ нее новыхъ товарищей, училъ ихъ ружью и строю, воздвигалъ съ ними земляные окопы, баттареи, крѣпости, и вскорѣ изъ толпы дѣтей образовалась рота удалыхъ, неутомимыхъ юношей, преданныхъ Петру, равныхъ между собою, ибо въ нее равно записывались дѣти бояръ и простолюдины, и всѣ несли одинаковую службу, ѣли одну пищу, наравнѣ переносили труды, голодъ и холодъ (277). Петръ увидѣлъ превосходство Нѣмецкаго устройства войскъ, особливо убѣдился въ немъ читая книги о военномъ искуствѣ и повѣсти о битвахъ и великихъ воинскихъ дѣлахъ Государей Европейскихъ. Онъ приблизилъ къ себѣ послѣ сего нѣсколькихъ иностранцовъ, находившихся въ Рус-

ской службѣ. Судьбы Божіи указали ему избранника и друга: то былъ Швейцарецъ *Лефортъ*. г. 1689. Лефортъ.

Гражданинъ маленькой республики, прославленной рожденіемъ столькихъ достопамятныхъ людей, въ Женевѣ родился Франциск Лефортъ, потомокъ бѣжавшаго изъ Франціи Гугенота; онъ былъ старше Петра пятнадцатью годами. Четырнадцати лѣтъ оставилъ Лефортъ отчизну и отправился по бѣлому свѣту искать счастья, какъ искали его тогда многіе земляки Лефорта, сражаясь наемниками подъ знаменами Людовика XIV-го и Вильгельма Оранскаго. Оскорбленный кѣмъ-то во Франціи, онъ дрался на дуели, убилъ оскорбителя и бѣжалъ къ Вильгельму. Здѣсь сражался онъ за Нидерланды, и двадцать лѣтъ было ему, когда по приглашенію посланныхъ отъ царя Алексія Михайловича набирать Нѣмецкихъ солдатъ и офицеровъ, Лефортъ рѣшился ѣхать въ Россію. Его задержали въ Архангельскѣ; у него не было денегъ, не чѣмъ было даже доѣхать до Москвы. Полгода жилъ Лефортъ въ Архангельскѣ, выучился на досугѣ Русскому языку, и при пособіи земляка своего Балуа, пробрался наконецъ въ царскую столицу, гдѣ особенно полюбили его Датскій резидентъ Горнъ и Англійскій Эмбденъ. Полковникъ Менезій, оказавшій важныя услуги царю Алексію, принялъ Лефорта въ свой полкъ капитаномъ, съ жалованьемъ по 120 рублей въ годъ въ мирное время и по 300 рублей въ военное. Лефортъ ходилъ съ Менезіемъ въ Чигиринскій походъ, но видѣлъ безполезность службы своей въ нестройныхъ дружинахъ Русскихъ. Будущее не обѣщало ему ни богатствъ, ни славы. Лефортъ рѣшался оставить Россію и хотѣлъ ѣхать съ Эмбденомъ въ

г. 1689. Англію. Но сопутника его задержали въ Москвѣ дѣла, а любовь рѣшила между тѣмъ участь Лефорта: онъ влюбился въ дочь полковника Суе, получилъ руку ея, въ 1678-мъ году, и навсегда остался въ Россіи. Смерть отца заставила Лефорта съѣздить въ Женеву, но романической, пылкой душѣ его тѣсно было въ маленькой республикѣ, гдѣ приглашали его тогда остаться. Какъ будто рука провидѣнія влекла Лефорта на сѣверъ, и онъ опять явился въ Москву, когда Русскою державою уже властвовала Софія. Князь В. В. Голицынъ лично зналъ и любилъ Лефорта, храбраго, образованнаго, красавца собою, отличнаго ѣздока. Нѣмецкая рота Лефорта отличалась между всѣми устройствомъ. Петръ замѣтилъ ее на смотрѣ, призвалъ къ себѣ ея начальника, говорилъ съ нимъ, восхищенный его рѣчами произвелъ его въ маіоры и сдѣлался его ученикомъ. Лефортъ убѣдилъ Царя въ необходимости знать иностранные языки для свободнаго разговора съ иностранцами и чтенія книгъ, при совершенномъ недостаткѣ ученыхъ пособій на Русскомъ языкѣ, и юный Русскій Царь — примѣръ дотолѣ неслыханный — началъ учиться у Лефорта Голландскому и Нѣмецкому языкамъ. Уже не грамотѣй Зотовъ бесѣдовалъ съ Петромъ, но юный, пылкій, образованный Европеецъ, видѣвшій свѣтъ, знавшій и великолѣпный Дворъ Людовика XIV-го и воинскій лагерь Вильгельма Оранскаго, поборникъ Европейскаго просвѣщенія и гражданской образованности ([278]). Лефортъ познакомилъ съ Петромъ родственника своего по женѣ *Гордона*, судьба котораго была еще страннѣе Лефортовой.

Гордонъ. Патрикъ Гордонъ принадлежалъ къ бѣглецамъ Шотландскимъ, искавшимъ спасенія въ чужеземныхъ

государствахъ послѣ паденія Стюартовъ въ Англіи. г. 1689.
Католикъ и Карлистъ, Гордонъ оставилъ Шотландію на 16-мъ году отъ роду (въ 1651 г.) и отправился въ Польшу. Пѣшкомъ, безъ денегъ, не зная языка, онъ скитался въ Польшѣ, учился нѣсколько времени у іезуитовъ, не былъ принятъ въ Шотландскую роту Радзивила, хотѣлъ поступить въ купеческую контору, и наконецъ записался драгуномъ въ Шведскую службу. Только нечаянным случаемъ спасся онъ отъ гибели, захваченный въ плѣнъ Поляками, перешелъ къ нимъ, взятъ былъ въ плѣнъ Пруссаками, записался въ Прусскую службу; попалъ въ плѣнъ къ Австрійцамъ, перешелъ въ Императорскую службу и снова попался въ плѣнъ къ Полякамъ. Царь Алексій громилъ тогда Литву. Гордонъ сражался съ Рускими, былъ отличенъ за храбрость, но услышавъ о воцареніи Карла II-го захотѣлъ возвратиться въ Англію. Ему отсовѣтовали родные, говоря, что онъ умретъ съ голода въ отечествѣ, гдѣ при возстановленіи династіи прежнихъ королей не думали награждать старыхъ приверженцовъ королевской власти. Гордонъ взялъ между тѣмъ увольненіе изъ Польской службы и не зналъ куда приклонить голову. Русскіе плѣнники, которымъ имѣлъ онъ прежде случай и возможность оказать услуги, приглашали его въ Россію. Гордонъ согласился, и въ 1661 г. пріѣхалъ въ Москву съ освободившимися изъ плѣна полковникомъ Кравфордомъ и (тогда еще капитаномъ) Менезіемъ. Его приняли въ царскую службу маіоромъ. Двадцать слишкомъ лѣтъ жилъ послѣ того Гордонъ въ Россіи. Заслуги его, прямодушіе, честность, храбрость пріобрѣли ему любовь товарищей и вниманіе царей

г. 1689. Алексія и Θеодора, а потомъ любимца Софіи, князя В. В. Голицына. За укрощеніе Башкирскаго бунта Гордона пожаловали въ полковники, по ходатайству Милославскаго (въ 1665 г.); за Чигиринскій походъ (въ 1679 г.) произвели въ генералы. Голицынъ возвелъ его даже въ генералъ-поручики. Но Гордонъ не могъ привыкнуть къ своевластію Русскихъ воеводъ, не уживался съ товарищами, большею частію, негодяями, бродягами, искателями приключеній, и кажется, только неволя и семейныя связи удерживали его въ Москвѣ, гдѣ женился онъ на дочери полковника фанъ-Бокговена. Неудачно исполнивъ порученіе Русскаго Двора въ Англіи, куда посылали его въ 1667 г., Гордонъ увидѣлъ себя въ большой немилости, былъ удаленъ изъ Москвы, провелъ семь лѣтъ трудной службы въ Малороссіи, и только извѣстныя дарованія Гордона заставили Голицына снова призвать его въ Москву, когда сей любимецъ Софіи готовился воевать Крымъ. Гордонъ услышалъ тогда, что Іаковъ II-й вступилъ на Англійскій престолъ, что онъ зоветъ его, ревностнаго католика и роялиста, въ Англію, и испросилъ позволеніе побывать въ отчизнѣ, гдѣ Іаковъ встрѣтилъ его, какъ стараго друга, обѣщая ему чины и почести. Гордонъ возвратился въ Москву и потребовалъ увольненія. Голицынъ оскорбился, разжаловалъ просителя изъ генералъ-поручиковъ въ прапорщики, упрекая неблагодарностью. Слыша о несчастіи Гордона, король Іаковъ думалъ пособить ему своею защитою, прислалъ на имя его, какъ подданнаго Британскаго, грамату, назначая Гордона Англійскимъ посломъ въ Москвѣ. Но грамата Іакова не была уважена, а быстрое паденіе Стюартовъ

лишило Гордона всѣхъ лестныхъ надеждъ его въ отечествѣ. Онъ принужденъ былъ остаться въ Россіи, успѣлъ испросить прощеніе у гордаго временщика, получилъ снова свой генеральскій чинъ. Голицынъ, боявшійся потерять въ Гордонѣ необходимаго ему, опытнаго въ военномъ дѣлѣ человѣка, удостоилъ его даже своей особенной довѣренности. За Крымскіе походы Гордонъ былъ награжденъ щедро и пожалованъ въ полные генералы. Знакомство его съ царемъ Петромъ черезъ Лефорта оживило его неожиданными прежде надеждами [279]. . . . г. 1689.

Благословимъ память Лефорта и Гордона, друзей и наставниковъ юности Петра, но не отдадимъ имъ того, что имъ не принадлежало: они направляли пылкую душу юнаго Царя, надѣляли умъ его познаніями, питали его наукою и указаніемъ на многое, что великаго и полезнаго могъ онъ сдѣлать въ отданной ему Богомъ Россіи. Но дѣло провидѣнія были неукротимая воля юнаго Царя все знать, все испытать самому, тревожная жажда познанія, мысль стяжать честь полководца и славу царя, дать народу своему новую жизнь, побѣдить предразсудки; дѣло провидѣнія были и геніяльныя способности, придававшія каждой мысли, переданной Петру, каждому слову, имъ слышанному, новый свѣтъ, исполинскій объемъ и быстрое осуществленіе: услышать и стараться узнать, вздумать и хотѣть исполнить —сдѣлалось правиломъ Петра съ юныхъ дней [280]. Воспитаніе Петра.

Опытные воины, хотя и не одаренные геніемъ полководцовъ, Лефортъ и Гордонъ тайно отъ Царя преобразовали его Потѣшную роту, одѣли ее въ Нѣмецкіе мундиры, и однажды, раннимъ утромъ, барабанный бой

г. 1689. разбудилъ юнаго Петра: Лефортъ стоялъ передъ окнами Преображенскаго дворца его съ эспонтономъ въ рукѣ, начальствуя сотнею солдатъ, одѣтыхъ въ Нѣмецкіе щегольскіе мундиры. Восхищенный Петръ, внѣ себя отъ радости, выбѣжалъ къ нему полуодѣтый, обнялъ его, цѣловалъ и самъ записался *солдатомъ* въ новую роту. Здѣсь несъ онъ рядовую службу солдатскую, учился барабанить, кидать артикулъ ружьемъ, спалъ въ солдатской палаткѣ, стоялъ на караулѣ наряду съ другими ([281]). Рота Потѣшная скоро превратилась въ полкъ, потомъ въ два полка; Петръ поселилъ ихъ въ *Преображенскомъ* и въ сосѣдственномъ къ нему *Семеновскомъ:* имена неизвѣстныхъ дотолѣ подмосковныхъ слободъ, въ послѣдствіи имена двухъ первоначальныхъ полковъ Русской гвардіи, прославленныя вѣковыми подвигами на поляхъ брани. Но до времени единодержавія Петра новые солдаты его сохраняли, безъ различія на полки, общее наименованіе *Потѣшныхъ* ([282]).

Не только однѣ *военныя потѣхи* занимали тогда юнаго Царя. Служа солдатомъ въ ряду товарищей, отдыхи свои посвящалъ онъ наукѣ въ тишинѣ уединенія, твердо убѣжденный, что не одна храбрость, но и ученіе, глубокое и обширное, должны образовать полководца и государя. Превосходно изучилъ Петръ знанія математическія и свободно говорилъ по Голландски и по Нѣмецки. Голландецъ Тимерманъ былъ его учителемъ фортификаціи. Петръ, подъ руководствомъ Тимермана, своими руками построилъ правильную крѣпостцу на берегу Яузы, назвалъ ее *Пресбургомъ*, и Потѣшные вели правильную осаду, при пушечной пальбѣ съ крѣпостныхъ валовъ Пресбурга. Умъ Петра обогатило обшир-

ное изученіе Исторіи; обращеніе съ иностранцами пояснило ему темныя идеи его о политикѣ, государственномъ устройствѣ, торговлѣ народовъ; въ основаніе всего залегла въ душу его страсть просвѣщенія и образованности (285). Онъ возненавидѣлъ грубость суевѣрія и предразсудковъ, видимую имъ окрестъ себя, при Дворѣ и въ народѣ. «Великія перемѣны готовятся въ Россіи,» писалъ умный резидентъ Голландскій, въ 1688 году, извѣщая, что князь Я. Ѳ. Долгорукій вошелъ въ большую милость у юнаго Царя, когда по возвращеніи изъ Франціи и Испаніи, восхищенный воинскимъ и государственнымъ устройствомъ западной Европы, подробно говорилъ онъ съ Царемъ обо всемъ имъ видѣнномъ (284). Жизнь не подчиненная тогдашнимъ общимъ правиламъ и понятіямъ, свобода обращенія, превосходство дарованій Петра, явно показывавшее, что рано или поздно, онъ свергнетъ несносную ему подчиненность волѣ Софіи, привлекали ко Двору его иностранцовъ, жившихъ въ Москвѣ, офицеровъ, художниковъ, купцовъ, даже простыхъ ремесленниковъ (285). Юные царедворцы радостно оставляли чинные чертоги Кремля, переходили въ Преображенское, записывались въ Потѣшные, и необходимое условіе — учились: только тотъ, кто учился, былъ другомъ и товарищемъ Петра. Такъ записаны были въ Потѣшные: *Ѳ. М. Апраксинъ*, *князь А. И. Рѣпнинъ*, *князь М. М. Голицынъ*, *князь Василій Влад. Долгорукій*, дѣти знатныхъ царедворцовъ; *Романъ* и *Яковъ Брюсы*, сыновья земляка Гордонова, Шотландца, полковника Брюса; *Павелъ Ягушинскій*, сынъ Поляка, учителя при Московской лютеранской церкви; *А. И. Румянцовъ*, *Григ. Петр. Чернышевъ*, *Ив. Иван. Бу*- г. 1689.

Г. 1689. *турлинъ,* бѣдные дворяне; *П. А. Толстой,* нѣкогда участникъ въ Стрѣлецкомъ бунтѣ и клевретъ Милославскаго, а потомъ вѣрный слуга царскій. Царь увидѣлъ въ Московскихъ торговыхъ рядахъ купеческаго сидѣльца, разговорился съ нимъ, узналъ, что ему извѣстно нѣсколько языковъ, которымъ выучился онъ у отца своего, переводчика Посольскаго Приказа, и немедленно взялъ его къ себѣ переводчикомъ: то былъ *П. П. Шафировъ.* Еще болѣе: онъ увидѣлъ у Лефорта красиваго, ловкаго юношу, узналъ, что онъ былъ простолюдинъ, пирожникъ, и обратилъ на себя вниманіе Лефорта ловкими прибаутками, продавая пироги по Московскимъ улицамъ. Лефортъ взялъ его къ себѣ въ слуги. Царь поговорилъ съ молодымъ пирожникомъ, полюбилъ его, принялъ къ себѣ въ деньщики: то былъ въ послѣдствіи *А. Д. Меншиковъ.* Увидимъ далѣе имена всѣхъ сихъ людей въ событіяхъ жизни Петра; изъ нихъ составился потомъ синклитъ его, явились министры и полководцы (286)....

Юность Петра. Окруженный своими юными сверстниками и иностранцами, не всегда подобными Лефорту и Гордону, а тѣмъ менѣе строгими блюстителями скромности нравовъ, Петръ, не увлекаясь ихъ примѣрами, совершенно измѣнилъ однакожъ образъ жизни дворской: онъ уже не былъ сокрытъ въ недоступныхъ царскихъ чертогахъ. Когда Іоаннъ продолжалъ прежнюю дворскую жизнь, исполняя свои богомолья и поддерживая уставленную чинность, Москва видѣла Петра на Московскихъ площадяхъ и улицахъ, въ торговыхъ рядахъ, въ лагерѣ, изучающаго нравъ и бытъ простолюдина, купца, ремесленника, видѣла его посѣщающаго Пушечный дворъ,

Нѣмецкія казармы, Стрѣлецкія съѣзжія избы. Онъ свободно вмѣшивался въ толпы народныя, говорилъ, разговаривалъ со всѣми безъ различія. Иногда, пируя съ своими друзьями, зимою, съ большимъ поѣздомъ саней ѣздилъ онъ по городу, заѣзжалъ къ боярамъ, къ гостямъ, къ Нѣмцамъ, гулялъ запросто съ ними. На святкахъ друзья его собирались и вмѣстѣ съ нимъ ходили по домамъ *славить Христа,* послѣ чего въ каждомъ домѣ слѣдовало угощеніе славельщикамъ. Петръ являлся съ Потѣшнымъ полкомъ своимъ на Сокольницкомъ полѣ, на долинѣ Коломенской, то стоя въ рядахъ его въ Нѣмецкомъ мундирѣ, то самъ обучая Потѣшныхъ ружью, стрѣляя изъ пушекъ, даже своими руками работая при постройкѣ какой нибудь баттареи или вала, самъ возя въ тѣлежкѣ дернъ и землю на окопы. Бывали и конныя ученья, ибо часть Потѣшныхъ обращена была въ конницу, и при шумѣ военной музыки юный Царь ловко гарцовалъ передъ своими всадниками на ретивомъ конѣ ([187]). Толки и слухи о дѣлахъ Царя носились по Москвѣ: старики соблазнялись и ужасались, видя его вводящаго новые обычаи, предавшаго бусурманамъ, презирающаго сусвѣрные нравы, повѣрья и переговоры Двора и народа, но молодой народъ восхищался, радовался юнымъ Царемъ своимъ. Удальцамъ изъ простолюдиновъ и господскихъ людей вольно было приходить и записываться въ Преображенскія дружины, и набранная изъ нихъ вольница образовала четыре отдѣльныя роты, самыя названія которыхъ показывали удаль и молодечество; одну наименовали: *Нахалы* — ее составили изъ охотниковъ, собравшихся, когда въ первый разъ по волѣ царской *кликнули вольницу*, и она

г. 1689.

г. 1689. была конная; другую назвали: *Палеты* — она была пѣшая, выборная изъ господскихъ *даточныхъ* людей; двѣ другія роты назывались *Алешами* и *Абросимами* (280). Царь свободно обходился и съ ними, допускалъ имъ веселый разгулъ — требовалъ только строгой воинской службы и повиновенія, и всѣ кто окружалъ его «не слышали въ немъ души,» по Русской поговоркѣ.

Опасенія за него. Близкіе къ царицѣ Наталіи, старые бояре рѣшились наконецъ внушить ей опасенія за нравственность, благочестіе, самое здоровье сына, удручавшаго себя трудами, несовмѣстными съ его высокимъ призваніемъ. Любя своего Петра, царица Наталія не смѣла запрещать ему ни занятій, ни забавъ его. Материнское сердце ея не понимало никакихъ опасеній. И довольно было ей взглянуть только на юнаго сына, прекраснаго, цвѣтущаго здоровьемъ, благочестиваго, почтительнаго, нѣжнаго къ ней, и она убѣждалась въ несправедливости всѣхъ нарѣканій. Нѣсколько краснорѣчивыхъ возраженій Петра, простое изъясненіе мыслей о цѣли его трудовъ и занятій, конечно, были достаточнымъ оправданіемъ въ глазахъ матери. Къ свободному обращенію съ Нѣмцами царица Наталія привыкла и прежде въ домѣ Матвѣева, жена котораго была иностранка. Можетъ быть, Петръ уже открывалъ матери тайный замыселъ свой освободиться отъ самовластія Софіи, изъяснялъ опасность оставаться въ бездѣйствіи, необходимость пріобрѣтать любовь войска и народа. По крайней мѣрѣ, Петръ не слушалъ ни чьихъ совѣтовъ и не перемѣнялъ своихъ занятій и образа жизни. Патріархъ рѣшился уговорить Царя не предаваться трудамъ тяжелымъ и неприличнымъ его царскому сану.

«Но почему не уговариваютъ меня, владыко,» усмѣхаясь г. 1689.
отвѣчалъ Петръ, «когда я все еще теряю много времени на забавы охотою, не менѣе изнурительныя? И почему несвойственны мнѣ мои занятія, если въ нихъ упражняются дѣти всѣхъ великихъ государей иноземныхъ, пріучаясь быть воинами и защитниками царствъ своихъ, да притомъ и здоровье мое только укрѣпляется ими ([289])?» — Съ юныхъ лѣтъ Петръ не терпѣлъ безполезнаго увеселенія охотою. Многіе изъ бояръ старались представить се забавою достойною царей. Юный Царь захотѣлъ дать урокъ совѣтникамъ и выѣхалъ съ ними въ поле. «Зачѣмъ съ нами холопы и псари? Развѣ они товарищи намъ?» сказалъ Петръ. «Возмите у нихъ собакъ и будемъ охотиться одни.» Не смѣли ослушаться его; охота началась, и знатные охотники, привыкшіе забавляться только съ помощью псарей и холоповъ, не знали что дѣлать — собаки перепутались, вырвались, разбѣжались; все пришло въ смятеніе; лошади мчали и сбивали всадниковъ при нестройныхъ звукахъ роговъ, крикѣ и всеобщемъ смѣхѣ. Царь предложилъ на другой день также однимъ господамъ, безъ холоповъ, заняться соколиною охотою, но они помнили вчерашнюю шутку и всѣ отреклись. «Если холопамъ принадлежатъ ловкость и искуство на охотѣ,» сказалъ тогда Петръ, «за чѣмъ же хотите вы равняться съ ними и называете охоту царскимъ занятіемъ, заставляя и меня раздѣлять ее съ вами? Холопское дѣло охота, а я царь и долженъ быть воиномъ, ибо свѣтлая слава царству пріобрѣтается оружіемъ. Не безславія ли моего требуете вы, отвлекая меня отъ науки воинской ([290])?» Вскорѣ потомъ, при посѣщеніи Сокольничьяго двора,

г. 1689. вмѣстѣ съ царемъ Іоанномъ, Петръ убѣдилъ его уничтожить многочисленный отрядъ царскихъ псарей и сокольниковъ. Болѣе 300 ловкихъ наѣздниковъ были изъ нихъ выбраны и умножили Потѣшную конную роту (291). Такъ, дѣйствуя безстрашно, юный Царь испугалъ однажды бояръ, когда принялся самъ заряжать пушку на Пушечномъ дворѣ и стрѣлять изъ нея (292). Думали наконецъ убѣдить его, что новыя военныя преобразованія безполезны, ибо воинское устройство Русскихъ войскъ было уже давно обдумано мудрыми людьми и не можетъ быть иначе. Царь спорилъ, развернулъ книгу воинскаго ученья и доказывалъ, что даже въ ней многое можно преобразовать къ лучшему. «Для чего, на примѣръ, столько лишнихъ словъ при стрѣльбѣ солдатской?» спросилъ онъ. Бояре утверждали необходимость подробной команды. «Я вамъ докажу противное!» отвѣчалъ Петръ. Призвали нѣсколькихъ Стрѣльцовъ. Царь объяснилъ имъ сущность дѣла, и вмѣсто подробной команды проговорилъ только: «Заряжай! Прикладывайся! Пали!» Стрѣльцы выстрѣлили исправно и вѣрно. Бояре замолчали и принуждены были согласиться (293). Твердость характера юнаго Царя испыталъ однажды престарѣлый Патріархъ. Петръ посѣтилъ вмѣстѣ съ нимъ патріаршую библіотеку и нашелъ ее въ безпорядкѣ — рукописи разбросанныя, книги перемѣшанныя и въ пыли. Грозно взглянулъ онъ на Патріарха и вышелъ не говоря ни слова. Испуганный гнѣвомъ Царя, Патріархъ просилъ прощенія въ небрежности. Царь приказалъ взять изъ его вѣдѣнія библіотеку. Зотовъ, бывшій учитель Петра, по приказанію его перебралъ книги, пере-

писалъ ихъ и наложилъ на библіотеку царскую печать (²⁹¹). г. 1689.

Но что же думала Софія? Что думали ея любимецъ и совѣтники? Не уже ли не знали, не замѣчали они, какъ быстро и ярко развивались великія дарованія, какъ созрѣвала крѣпкая воля царя Петра? Казалось, провидѣніе ослѣпило очи и умы ихъ. Радуясь удаленію изъ Кремля царицы Наталіи, съ сыномъ и дочерью, видя вокругъ себя униженное раболѣпіе, упоенная роскошью Двора, увлеченная безмолвнымъ повиновеніемъ всѣхъ, единовластвуя въ Кремлевскихъ чертогахъ, Софія почитала дѣтскими забавами, а потомъ буйствомъ юноши всѣ потѣхи Петра, радовалась, что многіе находили занятія его неприличными царскому сану, думала, что Петръ унижаетъ себя въ мнѣніи народа. И когда льстецы и услужники доносили ей потомъ о разгульной жизни юнаго Царя, его дружбѣ съ иностранцами, допущеніи къ себѣ даже холопей и Нѣмецкихъ солдатъ, обезображивая, изображая темными красками, представляя жизнь Петра развратомъ и безбожіемъ, Софія вѣрила имъ, старалась сама усилить неприязненные слухи, и — какъ говорятъ современники — старалась даже умножить, усилить всѣ средства обольщеній юности, увлекая Петра въ пучину буйныхъ страстей (²⁹²). Еще въ 1684 году царю Іоанну избрали невѣсту, дочь Ѳ. П. Салтыкова, Прасковью Ѳеодоровну. Свадьба была великолѣпно празднована Января 9-го. Хотѣла ли Софія, утверждая престолъ дѣтямъ Іоанна, препятствуя въ то же время супружеству Петра, думая увлечь его въ развратъ и буйство, лишить его потомъ престола, какъ юношу, преданнаго постыднымъ

Безпокойство Софіи.

Г. 1689. страстямъ, опаснаго православію, позорящаго престолъ царскій ([296])? Можетъ быть, по безчадіе Іоанна въ теченіе пяти лѣтъ супружества, вѣроятно, разрушило замыслы Софіи, и она рѣшилась укрѣплять власть самой себѣ. Послѣ мира съ Собіескимъ имя Софіи велѣно было включить въ царскій титулъ на жалованныхъ
Ея самовластительство. граматахъ; оставалось только внести его въ граматы къ иностраннымъ государямъ, и Софія была бы уже не *Правительницею,* но *Царицею* Россіи ([297]).

Сомнѣнія начали сильнѣе тревожить Софію, когда она увидѣла умноженіе Потѣшныхъ войскъ Петра, когда онъ самовластно началъ являться въ боярскіе совѣты, возвышать голосъ свой, не соглашаться съ Софіею, смѣло говорить съ ея любимцомъ, изумляя бояръ своимъ умомъ и познаніями, и когда при Дворѣ составилась сильная сторона приверженцовъ Петра, еще таившая свое разномысліе съ Голицынымъ, еще покорная Софіи, но уже замѣтная, уже явная. Бывшій приставникъ Петра, князь И. И. Прозоровскій, Шереметевы, Лыковы, Ромодановскіе, Долгорукіе, Стрѣшневы, Львовы, Головины, Головкины, Урусовы, Троекуровы являлись открытыми защитниками юнаго Царя. Къ изумленію князя В. В. Голицына, тотъ, на кого надѣялся онъ, кого отъ себя назначилъ соглядатаемъ Петра, другъ и родственникъ его, *князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ*, мужъ добродѣтельный, не захотѣлъ продать своей совѣсти за чины и почести и явился главою заступниковъ юнаго Царя, увлеченный свѣтлымъ умомъ и нѣжнымъ сердцемъ своего вѣнценоснаго воспитанника, полюбившій его, сдѣлавшійся не лазутчикомъ Софіи и Голицына, но охранителемъ чести и безопасности юнаго государя ([298]).

Опасаясь совѣтовъ и опытности Гордона и Лефорта, София рѣшилась разлучить ихъ съ Петромъ. Гордонъ былъ занятъ укрѣпленіемъ Кіева въ 1685 г., путешествіемъ въ Англію въ 1686 г., подпалъ подъ гнѣвъ Голицына по прибытіи въ Москву, и когда возвратили ему милость временщика, его увлекла война съ Крымцами, гдѣ находился онъ при Голицынѣ. Лефорта послали усмирять Башкировъ въ 1686 г; потомъ отправили съ полкомъ охранять Польскія границы. Петръ возвратилъ къ себѣ Лефорта по заключеніи мира съ Польшею и не отпустилъ его въ Крымскій походъ 1687 года. Раздоръ между двумя Голицыными усиливался; партіи дворскія различались рѣзче и явнѣе. Наконецъ попечитель Петра явно поссорился съ любимцомъ Софіи, а Петръ уже ни въ чемъ не уступалъ сестрѣ своей ([299]). г. 1689.

Такъ наступилъ 1689-й годъ. В Январѣ царица Наталія избрала сыну своему невѣсту, дочь Өеодора Лопухина, Евдокію Өеодоровну. Свадьбу отпраздновали тихо; вѣнчаніе совершено было не въ Успенскомъ соборѣ, но въ небольшой Петропавловской церкви во дворцѣ, духовникомъ царя Петра, протоіереемъ Меркуріемъ. — Петръ увезъ изъ Кремлевскихъ чертоговъ юную супругу свою въ Преображенское ([300]). Раздоры его съ Софіею были уже тогда явны и безпрерывны. Онъ воспринималъ отъ купѣли (25-го Марта) первородную дочь царя Іоанна, царевну Марію, но не былъ потомъ на обѣдѣ крестильномъ; Софія и Іоаннъ безъ него угощали Патріарха и бояръ ([301]). Присутствуя въ совѣтѣ о второмъ Крымскомъ походѣ, Петръ гнѣвно говорилъ любимцу Софіи о безполезности войны, упрекалъ его, что онъ только раздражаетъ Хана, и хотя

Свадьба Петра.

г. 1689. успѣли согласить Петра на второй походъ, но онъ не скрывалъ своего неудовольствія. Успѣхъ войны могъ бы еще помирить его съ Голицынымъ, но тѣмъ сильнѣе было его негодованіе при постыдной неудачѣ. Лефортъ отправленъ былъ отъ Петра въ походъ съ Голицынымъ и доносилъ ему обо всѣхъ распоряженіяхъ и ошибкахъ неловкаго полководца. Когда прикрывая неудачу, Софія велѣла служить благодарственные молебны, Петръ не былъ въ соборѣ, не явился на встрѣчу иконъ, принесенныхъ изъ похода, изъявилъ гнѣвъ свой Софіи, отказалъ въ наградахъ, оспоривалъ, порицалъ незаслуженныя похвалы Голицыну. Еще не возвращался Голицынъ, а явная ссора уже началась всенародно

Раздоръ съ Софіею. между Петромъ и Софіею. Іюля 8-го, Царевна осмѣлилась явиться въ торжественномъ церковномъ ходѣ изъ Кремля въ Казанскій соборъ. Петръ закипѣлъ гнѣвомъ. «Тебѣ не мѣсто здѣсь!» воскликнулъ онъ и велѣлъ ей удалиться. Софія не хотѣла слушать приказа. Петръ немедленно уѣхалъ въ Преображенское (302), и уже неявлялся въ Кремль, не былъ при раздачѣ наградъ Голицыну и товарищамъ его въ Кремлевскомъ дворцѣ, не допустилъ въ Преображенское Голицына и воеводъ (303). Вся Москва узнала о раздорѣ между Софіею и юнымъ Царемъ. Въ Кремлѣ безпрестанно собирались вооруженные Стрѣльцы; въ Преображенскомъ были подъ ружьемъ Потѣшные и Нѣмецкіе солдаты.

Бѣгство Петра изъ Москвы. Такъ прошелъ еще одинъ нерѣшительный мѣсяцъ. Ночью Августа 7-го необыкновенное событіе совершилось въ Преображенскомъ: Петръ, съ своею супругою, княземъ Борисомъ Алексѣев. Голицынымъ и немногими вѣрными людьми, поспѣшно собрался и ночью выѣхалъ,

бѣжалъ изъ Преображенскаго дворца. Куда — еще не знали. Потѣшные окружали его и поѣхали за нимъ. Голицынъ былъ его охранителемъ. Благословляя добродѣтельнаго князя крестомъ съ драгоцѣнными святыми мощами, царица Наталія, какъ передаетъ преданіе, плакала и говорила ему: «Если ты ведешь сына моего на погибель — тебя погубитъ сей святый крестъ; если хочешь спасти его — онъ будетъ благословеніемъ тебѣ и твоему потомству (304)!» На другой день узнали въ Москвѣ, что царь Петръ находится въ Троицко-Сергіевой лаврѣ, мѣстѣ убѣжища Царей въ 1682 году; что царица Наталія съ дочерью послѣдовала туда за сыномъ; что всѣ Потѣшные спѣшатъ въ лавру, и съ тѣмъ вмѣстѣ страшные слухи разнеслись по Москвѣ: говорили, что открытъ заговоръ; что злодѣи, подкупленные цареубійцами, хотѣли умертвить царя Петра, мать его, многихъ приверженныхъ къ нему бояръ, возмутить Русское царство и передать царскій вѣнецъ — кому? еще не смѣли наименовать, не смѣя даже вѣрить слухамъ и повторять ихъ: въ Кремлѣ, окруженная страхомъ, если не любовью народа, была и владычествовала *она*, та, на кого падало страшное обвиненіе. Прежнія злодѣйства Софіи оправдывали новое, страшнѣе прежнихъ. Москва трепетала, видя въ третій разъ наступавшее возобновленіе гибельнаго безначалія. Уныніе и опасеніе встревожили всѣхъ. Въ безмолвномъ страхѣ смотрѣли на сборы бояръ и сходбища Стрѣльцовъ въ Кремлѣ, на гонцовъ скакавшихъ изъ Москвы въ Троицкую лавру и изъ лавры въ Москву, на многихъ царедворцовъ, поспѣшно ѣдущихъ въ лавру. Преображенское, дотолѣ оживленное воинскими потѣ- г. 1689.

г. 1689. хами, пальбою, музыкою, барабанным боемъ, движенiемъ удалыхъ ратниковъ, опустѣло; всѣ Потѣшные устремились изъ Москвы за царемъ Петромъ; въ Нѣмецкой слободѣ было замѣтно сильное движенiе между иностранными войсками, но къ удивленiю всѣхъ, Стрѣльцы оставались спокойны. Жители Москвы, уже знавшiе о раздорѣ царя Петра съ Софiею, недоумѣвали; ихъ недоумѣнiе скоро разрѣшилось (365).

Преступные замыслы Софiи.

Для чего нельзя вырвать изъ Русскихъ лѣтописей страницы, на которой дочь царя Алексiя, *сестра* Петра Великаго, опозорена названiями братоубiйцы и цареубiйцы, уличена въ посягательствѣ, уже не на престолъ, но на священную жизнь брата! Скорбимъ, повторяя сказанiя современниковъ о кровавыхъ замыслахъ Софiи, но истина требуетъ очистительныхъ жертвъ своихъ передъ судомъ потомства, да трепещетъ преступленiе и помнитъ, что и здѣсь еще, и не за предѣлами гроба, есть судъ ему, если страсти заглушили въ немъ голосъ карающей совѣсти при жизни!

Когда Софiя увидѣла колебавшiйся подъ стопами ея тронъ, на ступени котораго уже возносила она ногу свою, святотатственною рукою похищая скипетръ и вѣнецъ братнiй, съ ужасомъ созпала она тогда, что судьбы непостижимыя лишили ее средствъ удержать беззаконную власть въ рукахъ своихъ. Сама она запуталась въ своихъ замыслахъ, сама изгубила своихъ помощниковъ Стрѣльцовъ, лишая себя любви народной неудачною войною съ Крымомъ, оскорбляя сонмъ бояръ и царедворцовъ самовластiемъ и возвышенiемъ надъ всѣми своего любимца и его друзей. Она видѣла, что добродѣтельный Iоаннъ ужаснется и отвергнетъ ея за-

мыслы низвергнуть брата, еслибы она и осмѣлилась предложить ему о томъ; клеветы о развратѣ и безбожіи Петра были недѣйствительны, не отняли у него сердецъ народа, а между тѣмъ его окружали дружины юныхъ, отважныхъ, преданнымъ ему воиновъ, готовыхъ смѣло ударить на нестройныя, не готовыя толпы старыхъ воинскихъ дружинъ и Стрѣльцовъ, колеблемыя страхомъ и сомнѣніемъ. Уже не было прежнихъ закоснѣлыхъ злодѣевъ: на призывъ Софіи явились немногіе; остальныхъ Стрѣльцовъ и воиновъ тревожилъ судъ совѣсти, лишалъ смѣлости страхъ наказанія въ случаѣ неудачи, когда успѣхъ былъ болѣе нежели сомнителенъ. Сознать вину свою, отдать беззаконно похищенную власть добровольно, Софія не хотѣла — не могла. Есть предѣлъ, говорятъ, за которымъ возвратъ къ добру уже невозможенъ человѣку. Опытъ Исторіи невольно заставляетъ согласиться съ ужасною истиною, которую сердце человѣческое готово отвергнуть и назвать клеветою: горестно убѣждаемся, что страсти преступныя могутъ безвозвратно покорить душу человѣка, что онъ отвергнетъ наконецъ и судъ Божій и позоръ передъ людьми, думая только, какъ прикрыть ему гибель совѣсти и забвеніе суда Божія бѣднымъ, минутнымъ успѣхомъ злодѣйства. Такъ и Софія, увѣренная, что успѣхъ и слѣдствія его, власть и сила, оправдаютъ ее въ преступленіи передъ людьми — опредѣлила смерть брату! Надлежало только отыскать злодѣя, который осмѣлился бы принять на душу грѣхъ неотмолимый, отважился на сомнительное исполненіе страшнаго рѣшенія Софіи. Очистимъ память любимца Софіи, князя В. В. Голицына: если онъ и былъ виновенъ въ томъ, Г. 1689.

Г. 1689. что *зналъ* о кровавомъ рѣшеніи Царевны и *не отвергъ* его съ ужасомъ, *не открылъ* его Петру, онъ не хотѣлъ однакожь участвовать въ цареубійствѣ. Мучимый робкою совѣстью, онъ еще колебался, медлилъ ([306]). Другіе были рѣшительнѣе его: бывшій дьякъ, любимецъ и низкій рабъ Софіи, Ѳедоръ Шакловитый, начальникъ Стрѣлецкаго Приказа, уже окольничій въ то время, продалъ ей душу свою за боярство и взялъ на себя умерщвленіе Петра. Но тщетно возбуждалъ онъ къ возстанію Стрѣльцовъ, употребляя подкупы, обѣщанія, безполезныя клеветы, даже переряжая людей и заставляя ихъ мучить и увѣчить Стрѣльцовъ отъ имени Петра, и надѣясь возбудить ихъ звѣрское негодованіе. Шакловитый всюду встрѣчалъ неудачи ([307]). Но тѣмъ надежнѣе могъ онъ положиться на вѣрность *немногихъ*, согласившихся на злодѣяніе. Главными сообщниками его были Стрѣльцы Абросимъ Петровъ, Козьма Чермный, Иванъ Муромцовъ, Дементій Лаврентьевъ, подьячій Михайло Шошинъ, и Сильверстъ Медвѣдевъ, приверженецъ Софіи, умный, ученый, прежде подьячій, тогда развратный инокъ ([308]), возведенный въ санъ настоятеля Заиконоспасскаго монастыря, честолюбецъ ненасытный, другъ Шакловитаго, какъ мы видѣли, участникъ перваго Стрѣлецкаго бунта, и какъ увидимъ далѣе, подозрѣваемый въ ереси и отступленіи отъ православія. Долго колебались рѣшеніемъ заговорщики, долго спорили потомъ: умертвить ли только одного Петра, или съ нимъ вмѣстѣ и мать его и приверженныхъ къ нему бояръ? «Если только его уходить, корня не выведешь!» говорилъ Чермный ([309]); другіе, вѣроятно, раскольники, обрекали на смерть даже и Патріар-

ха. Средства исполнить злодѣяніе также затрудняли убійцъ. Одни хотѣли подстеречь Царя въ поѣздкахъ его за городъ; другіе думали, что лучше ожидать его, когда онъ пріѣзжаетъ въ Кремль; иные предлагали зажечь ночью гдѣ нибудь домъ и умертвить Царя на пожарѣ, ибо онъ всегда является самъ помогать бѣдствующимъ и тушить огонь. Но злодѣи уже опоздали замысломъ: при явномъ раздорѣ съ сестрою, Петръ принималъ предосторожности; вѣрная, крѣпкая стража всегда окружала его и готова была умереть за него, а время не терпѣло! Злодѣи рѣшились: 6-го Августа, въ день храмоваго праздника въ Преображенскомъ, положили на ночь собраться въ Кремль и отправиться въ мѣсто пребыванія юнаго Царя, окружить дворецъ, зажечь его и умертвить Царя, мать его, супругу, сестру, бояръ, приближенныхъ Петра; вѣроятно, надѣялись, что послѣ праздничнаго дня стража ночью не будетъ неусыпною. По повелѣнію Софіи призваны были въ Кремль шесть сотъ надежныхъ Стрѣльцовъ. Еще не всѣ изъ нихъ знали страшную тайну Шакловитаго; ихъ поили виномъ, давали имъ деньги, сказали объ умыслѣ, уговаривали, успѣли уговорить, и послѣ полуночи Шакловитый тихо отправился съ ними въ Преображенское. До восхожденія солнца онъ былъ уже тамъ, окружилъ дворецъ, и — со страхомъ услышалъ, что Царя нѣтъ въ Преображенскомъ дворцѣ! Богъ спасъ его: двое изъ Стрѣльцовъ, *Михайло Ѳеоктистовъ* и *Михайло Мѣльновъ*, призванные въ Кремль вмѣстѣ съ другими, содрогнулись злодѣйства дотолѣ неслыханнаго, бѣжали и дали вѣсть Петру. Онъ уже спалъ, но ангелъ хранитель недреманно охранялъ г. 1689.

г. 1689. сонъ его; черезъ часъ, Петръ, супруга его, князь Б. А. Голицынъ были на пути въ Троицкую лавру, скакали поспѣшно, къ утру были тамъ. — «Спаси царя твоего, святый отецъ!» воскликнулъ Петръ, вступивъ въ келлью настоятельскую и со слезами бросаясь къ изумленному архимандриту Троицкому, благочестивому старцу Викентію (310). Лавру затворили; поставили у воротъ и по стѣнамъ стражу — Петръ былъ спасенъ и трепеща явился къ Софіи Шакловитый. Страшная будущность во всей наготѣ представилась преступницѣ, вмѣстѣ съ сознаніемъ безсилія совершить злодѣйство (311)...

Петръ въ Троицкой лаврѣ.

Самъ Петръ могъ еще не вѣрить доносу двухъ неизвѣстныхъ Стрѣльцовъ, хотя и не могъ не уважить его, зная злобу Софіи. Медлить бѣгствомъ, единственнымъ средствомъ спасенія, было невозможно. Пріѣздъ Шакловитаго въ Преображенское, съ отрядомъ пьяныхъ убійцъ, удостовѣрилъ въ справедливости доноса, но вскорѣ подтвердили его многіе Стрѣльцы, явившіеся въ лавру въ слѣдъ за Царемъ: полковники Сухаревъ, Чаплинъ, Нечаевъ, пятисотникъ Ларіонъ Ульфовъ и братъ его Иванъ, пятидесятникъ Стрѣлецкій. Съ ними былъ и прежній сообщникъ Софіи, любимецъ ея, одинъ изъ зачинщиковъ перваго Стрѣлецкаго бунта, воздвигавшій по волѣ Софіи похвальный столпъ на Красной площади, полковникъ Циклеръ, какъ будто обличеніемъ злодѣйства хотѣлъ онъ загладить память прежнихъ злодѣяній. Сомнѣнія не оставалось (312). Утромъ собрались въ Кремль изумленные, встревоженные бояре. Софія притворно удивлялась, слушая рѣчи ихъ о неожиданномъ событіи въ Преображенскомъ, казалась ничего не знающею, просила боярина князя И. Б. Троекурова от-

править въ Троицкую лавру и узнать отъ Петра о причинѣ его внезапнаго отъѣзда (313). Она видѣла гибель свою: знала, что неумолимый братъ не пощадитъ ея; противиться ему не было у нея средствъ; притворство было безполезно, хитрость не могла помочь. — Москва ужасалась; бояре не скрывали своего негодованія и отращенія, хотя и толпились еще въ Кремлевскихъ чертогахъ, когда Потѣшные, воины другихъ полковъ, Нѣмецкіе солдаты, даже Стрѣльцы, въ безпорядкѣ бѣжали, спѣшили въ лавру толпами, не слыша еще на то никакого царскаго повелѣнія. Померкала звѣзда Софіи и восходила свѣтлая звѣзда Петра. Оставалось Петру сказать слово и все государство готово было окружить престолъ его; стоило только указать на виновницу злодѣйства и проклятіе отечества падало на нее. Любимецъ ея ничего не умѣлъ ей присовѣтовать, и лишенный всякой надежды, уговаривалъ ее поспѣшно бѣжать въ Польшу — «И сознаться побѣгомъ въ винѣ моей?» возразила Софія. Она думала еще *оправдаться* (314)! Возвращеніе князя Троекурова показало ей и Двору, что Петръ уже все зналъ. Троекуровъ открылъ кровавую тайну Софіи и обрушилъ общее осужденіе на главу Шакловитаго. г. 1689.

Софія еще хотѣла притворствовать, клялась въ невинности своей, оправдывала Шакловитаго ненавистью къ нему многихъ, завидовавшихъ его возвышенію. Тщетныя усилія: въ Москву присланъ былъ указъ Петра — немедленно явиться къ нему въ лавру всѣмъ боярамъ и думнымъ людямъ, Стрѣлецкимъ начальникамъ, Стрѣльцамъ, Нѣмецкимъ полкамъ; въ города посланы были отъ него указы собираться на защиту Царя въ

Г. 1689. лавру, обѣщаны награды послушнымъ, казнь медлящимъ и непокорнымъ. Преступленіе Шакловитаго, «крестопреступника и измѣнника, забывшаго присягу и царскія милости, премѣнившаго себя въ судъ діавола, подобно Іудѣ Христопредателю,» было изображено въ указѣ Петра (515); Царь требовалъ его къ суду своему. Но имя Софіи не было упомянуто въ царскихъ указахъ и никто не смѣлъ произнести его: осуждали Шакловитаго, безмолвствовали передъ Софіею. Она еще властвовала, велѣла призвать къ себѣ избранныхъ Стрѣльцовъ, говорила съ ними, сказала, что никто не смѣетъ вступаться въ ссоры ея съ младшимъ братомъ и никто не долженъ слушаться распоряженій самовольнаго юноши. Собраніе ничего не возражало. Софія думала, что убѣдила своихъ слушателей, и спокойно удалилась. Ей донесли, что собраніе не расходится и Стрѣльцы совѣтуются между собою. Гнѣвно явилась опять передъ ними Софія, велѣла имъ разойдтиться, и сказала, что непослушный волѣ ея заплатитъ за ослушаніе головою. Собраніе разошлось (516). На другой день получены второй указъ Петра и требованіе немедленнаго отвѣта отъ Софіи и Іоанна, почему не исполняютъ воли его? Волненіе при Дворѣ и между Стрѣльцами усилилось. Софія еще хитрила; сказала, что указы насылаются безъ воли царя Петра; велѣла князю И. И. Прозоровскому и духовнику царскому, протоіерею Меркурію, ѣхать и примирить ее съ братомъ; убѣдила и царя Іоанна заступиться за нее: Іоаннъ повѣрилъ оправданіямъ сестры; можетъ быть, добродѣтельное сердце его не могло повѣрить дѣйствительности обвиненія. Черезъ два дня возвратился въ Москву князь Прозоровскій, извѣстилъ,

что юнаго Царя окружаютъ въ лаврѣ сильныя дружины, собравшіяся изъ городовъ, хотя изъ Москвы посланы были Софіею строгіе указы, запрещавшіе сборъ войскъ; что къ нимъ присоединились Потѣшные, Нѣмецкіе солдаты, Стрѣльцы, множество народа; что всѣ клянутся умереть за Петра, требуя суда и казни злодѣямъ. Софія смирилась; вздумала просить прощенія, можетъ быть, уже соглашаясь уступить власть, но только добровольно и съ почетомъ. Двѣ сестры ея, царевны Мароа и Марія, особенно любившія Софію и приверженныя къ старому порядку дѣлъ, поѣхали мирить съ нею раздраженнаго брата; съ ними отправился «учинить миротвореніе и братолюбіе» самъ престарѣлый Патріархъ. Царевны упали къ ногамъ Петра; Патріархъ раболѣпно умолялъ его оставить нелюбіе и примириться съ Софіею. Гнѣвно отвергъ просьбы ихъ Петръ, объявляя Патріарху, что онъ лишится своего сана, если еще осмѣлится заступаться за виновную Софію, не исполняющую указа, когда она уже смиренно молитъ о прощеніи. Патріархъ и обѣ Царевны остались въ лаврѣ. Надобно было поступить рѣшительно: Софія думала, что преклоняя гордую дотолѣ голову свою передъ братомъ, она изумитъ его смиреніемъ и спасетъ себя. Съ иконою Спасителя въ рукахъ хотѣла она предстать передъ Петра, взяла св. образъ, сѣла въ карету и выѣхала изъ Москвы. Страшно печальное томленіе преступника въ ожиданіи казни, но гнѣвъ еще разъ оживилъ Софію, когда въ селѣ Воздвиженскомъ, тамъ, гдѣ нѣкогда по слову ея сложили головы свои Хованскіе, остановилъ ее спальникъ царскій Бутурлинъ и именемъ царя Петра воспретилъ ей про- г. 1689.

г. 1689. должать дальнѣйшій путь. Софія не слушала, хотѣла ѣхать въ лавру. Тогда грозное повелѣніе Царя привезъ ей бояринъ Троекуровъ, повелѣвая воротиться немедленно въ Москву, выдать Шакловитаго и покорно ожидать рѣшенія своей собственной участи. Въ случаѣ упорства и неисполненія царскаго указа, Софіи велѣно объявить, что если она самовольно явится въ лавру, то съ нею поступятъ не честно (317).

Безсильно злобствуя воротилась Софія въ Кремль, уже опустѣлый: почти всѣ бояре и думные люди оставили Москву. Наступилъ первый день Сентября, праздникъ *новолѣтія* — его не кому было праздновать: не было Патріарха, не было бояръ и войска. Утромъ въ сей день пріѣхалъ изъ лавры полковникъ Нечаевъ, сопровождаемый Стрѣльцами, съ *послѣднимъ* царскимъ указомъ о выдачѣ Шакловитаго и пріѣздѣ въ лавру остальныхъ бояръ и Нѣмецкихъ офицеровъ, медлившихъ въ Москвѣ. Разгнѣванная Софія назвала Нечаева самозванцомъ, не вѣрила присылкѣ его отъ Царя, даже велѣла отрубить ему голову, но гнѣвъ ея скоро затихъ: Софіи осмѣлились не послушаться. Она отмѣнила казнь Нечаева, приказала собраться Стрѣльцамъ и выборнымъ людямъ Московскимъ на Красномъ крыльцѣ, хотѣла говорить съ ними, думала убѣдить ихъ своими рѣчами, забывая, что убѣдителенъ бываетъ только голосъ сильнаго. Самовидѣцъ Гордонъ сказываетъ, что Софія говорила долго и краснорѣчиво. Она сказала, что злые совѣтники окружаютъ ея младшаго брата, успѣли поселить ненависть и поссорить ее съ нимъ; что она сама ѣздила къ нему и воротилась безъ успѣха, но надѣется, что всѣ добрые люди

оправдаютъ ее передъ самовластительнымъ юношею. «Въ тяжкое безгосударное время приняла я правленіе царствомъ,» говорила Софія, «и безславно ли было оно? Не заключенъ ли мною миръ, какого дотолѣ Россія не знавала? Не устрашены ли оружіемъ нашимъ враги имени христіанскаго? Не благотворила ли я бѣднымъ и нищимъ?» Она упомянула о наградахъ и милостяхъ Стрѣльцамъ, обѣщая новыя, еще большія милости и награды. «Не Шакловитаго, по моей и брата моего Ивана головы ищутъ наши злодѣи,» продолжала Софія. «Ужели отдадите насъ злобѣ ихъ? Не удивлюсь измѣнѣ, но доколѣ власть еще въ рукѣ моей, горе тому, кто осмѣлится вмѣшиваться въ раздоры между мною и братомъ: дерзкій заплатитъ мнѣ головою!» — Собранные Софіею не противорѣчили, были за то милостиво позваны на верхъ, гдѣ царь Іоаннъ встрѣтилъ ихъ, обласкалъ, подчивалъ виномъ. Призвали и Нечаева. Софія объявила ему *прощеніе* и сама поднесла ему чару вина (518). г. 1689.

И еще прошла недѣля сомнительнаго ожиданія, въ надеждѣ уговорить Петра на миръ, недѣля томительнаго страха преступникамъ, но она была *послѣдняя* недѣля самовластія Софіи и рѣшила участь ея: Софіи измѣнили всѣ — измѣнилъ даже и любимецъ ея. Гордый въ величіи и счастіи, онъ не зналъ на что рѣшиться: то хотѣлъ бѣжать отъ царскаго гнѣва, тайно переслать богатства свои за границу и навсегда отказаться отъ отечества; то думалъ еще умилостивить Петра, просилъ заступленія у князя Бориса Алексѣевича, надѣясь спасти голову свою отъ плахи и предоставляя участь свою волѣ царской.

Г. 1689. Князь Борисъ Алексѣевичъ извѣстилъ его съ Нечаевымъ только объ одномъ, что ему должно явиться въ лавру и безусловно предать себя царскому суду. Смиреннымъ моленіемъ о ходатайствѣ отвѣчалъ родственнику своему бывшій баловень счастія (319). Софія видѣла, что краснорѣчивая рѣчь ея не убѣдила никого. Слыша о ропотѣ Стрѣльцовъ, о томъ, что они безъ ея воли, произвольно взяли и отправили въ лавру полковника своего Рязанова, обвиненнаго въ согласіи съ Шакловитымъ, она хотѣла еще разъ обмануть ихъ: велѣла сказать, что царь Петръ согласенъ мириться съ нею, что она сама, царь Іоаннъ и князь В. В. Голицынъ ѣдутъ къ нему. Безполезная хитрость помогла не надолго (320). Окольничій Матюшкинъ, нѣкогда пріѣзжавшій въ Москву отъ Софіи съ граматою о казни Хованскаго, привезъ новое повелѣніе Петра. Строгій указъ царскій получили Гордонъ и другіе иноземные офицеры, медлившіе отъѣздомъ, не смѣли оставаться, боялись ослушаться, и всѣ отправились изъ Москвы, не внимая словамъ Голицына. «Свои головы намъ дороже,» отвѣчали они ему. Вслѣдъ за ними скрылись изъ Москвы князь В. В. Голицынъ и друзья его, бояринъ Неплюевъ, генералъ Зміевъ, дьякъ Емельянъ Украинцовъ; они собрались въ подмосковной вотчинѣ князя Голицына, селѣ Медвѣдовѣ (321). Удаленіе ихъ было рѣшительнымъ ударомъ Софіи. Петръ прислалъ къ царю Іоанну показанія взятыя при допросѣ Рязанова, и Іоаннъ отрекся отъ сестры, убѣдясь несомнительно въ злодѣйствѣ, ею замышленномъ. Она вздумала предложить ему единодержавіе. «Всуе мятешься!» отвѣчалъ ей кроткій Іоаннъ. «Если ты

не участница въ злодѣйствѣ Шакловитаго, чего ты г. 1689.
боишься? Ссориться съ братомъ моимъ не захочу я ни за кого — даже и за тебя, не только за такого вора! Брату моему дастъ Богъ власть, и мнѣ ли противиться? И безъ того давно хотѣлъ я удалиться отъ суеты міра ([322]).» Софія еще упорствовала. Приходъ Стрѣльцовъ на другой день (Сентября 6-го) ужаснулъ ее. Шумною, многочисленною толпою предстали они во дворецъ и потребовали выдачи Шакловитаго. Софія заспорила. Стрѣльцы не слушали словъ ея, грозили ударить въ набатъ, насильно обыскать дворецъ: надлежало повиноваться, и къ Стрѣльцамъ вывели Шакловитаго, блѣднаго, изнемогшаго въ терзаніяхъ совѣсти и непрестанномъ страхѣ смертномъ. Софія укрывала его во дворцѣ. Предчувствуя казнь, ожидавшую его, злодѣй причастился св. таинъ, и закованный въ кандалы Стрѣльцами, простился съ Софіею до страшнаго свиданія за гробомъ. Искали Медвѣдева, но не нашли; онъ бѣжалъ изъ Москвы. Софія ушла въ свой великолѣпный теремъ и горестно плакала. Уже не за тронъ — за жизнь свою трепетала она. Раскаявалась ли? Извѣстно единому Богу ([323]). Услыша о выдачѣ Шакловитаго, князь В. В. Голицынъ поспѣшилъ изъ Медвѣдова въ лавру съ своими друзьями. Еще въ величіи гордаго вельможи подъѣхалъ онъ къ вратамъ лавры, но его не допустили въ обитель, велѣли ему возвратиться на постоялый дворъ въ монастырскомъ посадѣ и ждать указа царскаго. Вечеромъ посѣтилъ его Гордонъ. Любимецъ Софіи былъ мраченъ и унылъ, и «имѣлъ на то причины,» прибавляетъ добродушно Гордонъ ([324]).

Г. 1689.

Паденіе Софіи.

Сентября 6-го Шакловитаго привезли въ Троицкую лавру. Войско и народъ, шумнымъ таборомъ и многочисленными толпами окружавшіе лавру, радостно услышали вѣсть о привозѣ злодѣя, сбѣжались въ обитель, обступили дворецъ, требовали пытки, казни его. Успокоивая волненіе, объявили народу и войску царскій указъ, которымъ имя Софіи *исключалось изъ царскаго титула* (325). Царствованіе Софіи кончилось. Въ тотъ же день Шакловитый приведенъ былъ передъ судей и на очныя ставки съ другими преступниками. «Накормите меня прежде — уже три дня я ничего не ѣлъ!» говорилъ Шакловитый, изнемогая въ страданіяхъ тѣлесныхъ и душевныхъ. Съ первыхъ словъ признался онъ, что умышлялъ лишить престола царя Петра и передать тронъ Софіи, но заперся въ умыслѣ на жизнь царскую. Его подвергли пыткѣ; онъ сознался во всемъ, обвинилъ Голицына, потребовалъ бумаги, написалъ подробное показаніе — не пощадилъ въ немъ и Софіи (326). Петръ прочиталъ записку Шакловитаго, остановилъ истязаніе и не велѣлъ пытать его болѣе. Казалось, юная душа Петра ужаснулась при мысли, что должно предать позору и проклятію народному сестру, дочь царскую. Онъ пощадилъ даже и любимца ея: именъ Софіи и князя В. В. Голицына не велѣно упоминать въ приговорѣ Шакловитаго: монастырское заточеніе опредѣлено наказаніемъ Софіи; лишеніе чиновъ и ссылка были казнью Голицына и друзей его; на смерть осудили только Шакловитаго и нѣсколькихъ товарищей его.

Низложеніе Голицына.

Сентября 9-го князь В. В. Голицынъ былъ позванъ въ царскій дворецъ. Опальнымъ преступникомъ

шелъ онъ сквозь толпу народа, наполнявшую дворъ передъ дворцомъ — вельможа, передъ которымъ за нѣсколько дней прежде преклонялись милльоны людей, за три мѣсяца сносившійся съ царями, чествуемый ими, повелѣвавшій сотнями тысячь царскихъ дружинъ! Сынъ его, еще юный, но уже возведенный въ высшіе чины, слѣдовалъ за нимъ; ихъ остановили на дворцовомъ крыльцѣ, и дьякъ Деревнинъ громко, передъ всѣмъ народомъ, прочиталъ имъ указъ царскій: любимца Софіи, сына его и боярина Неплюева обвиняли въ безславномъ Крымскомъ походѣ, гдѣ они «промысла никакого не учинили, постояли у Крымской Перекопи самое малое время, отступили и нерадѣніемъ своимъ учинили казнѣ Великихъ Государей великіе убытки, а государству раззореніе и людямъ великую тягость.» Князя Голицына обвиняли еще кромѣ того, что въ то время, когда «Великіе Государи изволили содержать прародительскій престолъ, сестра ихъ царевна Софія Алексѣевна, безъ ихъ Великихъ Государей совѣта, во всякое самодержавіе вступала, и они, князь Василій и сынъ его князь Алексѣй, угождая и доброхотствуя Царевнѣ, о дѣлахъ ей, мимо ихъ Великихъ Государей, докладывали, а имъ Государямъ о тѣхъ дѣлахъ было неизвѣстно. И писали они, князь Василій и князь Алексѣй, сестру Великихъ Государей въ граматахъ и книгахъ обще съ ними Великими Государями, и въ приказахъ и всякихъ дѣлахъ велѣли писать обще съ ними. И за то Великіе Государи указали: честь боярства у нихъ, князей Василія и Алексѣя, и у Леонтья Неплюева отнять и сослать ихъ въ ссылку, а помѣстья ихъ, вотчины и дворы Московскіе и всѣ животы описать и раздать въ на- г. 1689.

Г. 1689. граду другимъ, и людей ихъ кабальныхъ и крѣпостныхъ отпустить на волю.» Молча выслушалъ приговоръ свой любимецъ Софіи. Легко было бы ему оправдаться, еслибы только въ томъ что читалъ дьякъ состояли его преступленія. Онъ держалъ въ рукѣ свертокъ бумаги, на которомъ, въ 17-ти статьяхъ, изложены были имъ заслуги его и просьба о пощадѣ. Когда прочитали приговоръ, онъ хотѣлъ видѣть Царя и бояръ его — ему отказали; просилъ дьяка взять его челобитную и подать Царю — дьякъ отрекся. «Вижу, что мнѣ трудно оправдаться!» сказалъ тогда осужденный временщикъ и не упорствовалъ болѣе ([327]). Не видѣлъ, не замѣчалъ онъ ни сострадапія, ни жалости въ окружавшей его толпѣ; не было прежнихъ друзей его и ласкателей, еще столь недавно тѣснившихся у порога его великолѣпнаго дворца. Голицынъ слышалъ, какъ народъ роптала вокругъ него, говорилъ въ слухъ, что мало ему, злодѣю, такой казни, что онъ долженъ расплатиться головою, что вины его далеко не исчислены въ царскомъ приговорѣ. Не вспомнилъ ли тогда падшій временщикъ, что такъ нѣкогда молилъ его о пощадѣ Матвѣевъ, такъ рыдая просилъ у него милости Хованскій? Не подумалъ ли онъ тогда, что могъ бы купить себѣ дружбу юнаго, великаго царя и любовь народа честною службою, подвигами добра, и на что промѣнялъ онъ ихъ? Спасли ль его беззаконныя почести и заграбленныя богатства? Не было заступниковъ у опальнаго боярина. Новые любимцы счастія, новые временщики являлись на его мѣсто и страшно мстили ему за свое прежнее униженіе. Только еще князь Борисъ Алексѣевичъ ходатайствовалъ за него;

но — даже и престарѣлый Патріархъ, услуживая Царю, требовалъ суда и казни Голицыну, наравнѣ съ его другими врагами и злодѣями (328). Многіе царедворцы, видя, что Голицына очищаютъ отъ заговора и умысла на царскую жизнь, упорно настаивали и спорили, что Шакловитый не открылъ *всѣхъ своихъ сообщниковъ*, что его надобно пытать всенародно, какъ преступника неслыханнаго. Среди другихъ обвинителей любимца Софіи явился и раболѣпный дотолѣ, низкій услужникъ его, гетманъ Мазепа. Страшась за участь свою и предвидя погибель Голицына, онъ пріѣхалъ въ слѣдъ за нимъ въ Москву, Августа 10-го, видѣлъ еще въ блескѣ и великолѣпіи Софію и своего *милостиваго патрона*, кланялся имъ, унижался передъ ними, но Сентября 10-го онъ былъ уже на пути въ лавру. Его остановили въ Воздвиженскомъ. Знали кто далъ Мазепѣ гетманство, думали, что съ паденіемъ Голицына упадетъ и гетманъ, имъ избранный. Но Мазепа умѣлъ мириться клеветами на благодѣтелей, не пощадилъ золота и поклоновъ, подалъ доносъ на князя Голицына, исчислилъ въ немъ даже всѣ подарки, ему поднесенные, смиренно присовокупляя: «а все то дано было неволею, съ подученья и безпрестанныхъ угрозъ Леонтія Неплюева, изъ моего имѣньишка, что по милости Божіей и монаршей нажилъ я по гетманскому уряду.» Мазепу милостиво допустили послѣ того видѣть царскіе очи. Онъ поднесъ Петру богатые дары, умѣлъ очаровать юнаго Царя своими умными, хитрыми рѣчами и оправдался во всѣхъ подозрѣніяхъ. Отъ него потребовали одного: голоса противъ любимца Софіи, и Мазепа громко вопіялъ противъ него (329). Свирѣпо пре- Г. 1689.

г. 1689. слѣдовали бывшаго временщика друзья и непріятели; даже каждый изъ людей, сколько нибудь ему пріязненныхъ, представляемъ былъ злодѣемъ царскимъ; князь Борисъ Алексѣевичъ едва не пострадалъ, ходатайствуя за него (330). Но Петръ отвергъ клеветы и умѣлъ различать въ своемъ воспитателѣ чувство родства и состраданія отъ исполненія строгаго долга. Упорные враги Голицына и низкіе прислужники царскіе хотѣли и успѣли было даже возмутить народъ. Толпами собрались мѣлкіе чиновники и войско, требуя повторенія пытки Шакловитаго, который, кричали они, не открылъ всѣхъ своихъ сообщниковъ, и особливо тѣхъ, кто *подущалъ* его на злодѣйство. Петръ выслалъ благодарить народъ и войско за усердіе, сказалъ, что онъ доволенъ признаніемъ Шакловитаго, и запретилъ мѣшаться народу и войску не въ свое дѣло. Буйные разошлись (331). Но опасаясь шумнаго стеченія народнаго, казнь Шакловитаго отложили однакожь до другаго дня:

Казнь Шакловитаго. она совершилась 11-го Сентября: Шакловитому, Абросиму Петрову и Козьмѣ Чермному отрубили головы; Рязанова, Муромцова и Лаврентьева пощадили: головы ихъ положены были на плаху, но имъ объявили помилованіе, высѣкли ихъ кнутомъ, отрѣзали имъ языки и замѣнили смерть ссылкою. Другихъ, немногихъ, наказали кнутомъ и ссылкой; подполковникъ Шеншинъ былъ битъ батогами и лишенъ своего чина и стольничества (332). Идя на казнь, изъ злодѣевъ каялся только одинъ, Абросимъ Петровъ, громко уговаривая собравшійся народъ быть вѣрнымъ государю, казниться его примѣромъ и молить Бога о помилованіи души его. Онъ умилилъ зрителей. Нераскаянно умерли другіе (333).

Не упомянувъ именъ Софіи и Голицына при осужденіи Шакловитаго, ихъ не упомянули и потомъ въ приговорѣ Никиты Гладкаго, Сильвереста Медвѣдева, и еще нѣсколькихъ товарищей, обвиненныхъ Шакловитымъ въ замыслѣ возвести на престолъ Софію и въ злыхъ навѣтахъ. — Медвѣдевъ отысканъ былъ черезъ два года потомъ; онъ скрывался въ Смоленскомъ Бизюковомъ монастырѣ и казненъ былъ въ Москвѣ уже въ 1692 году ([334]). Въ Декабрѣ 1689 года, совершилась въ Москвѣ казнь Андрея Безобразова: его обвинили въ сообщничествѣ съ колдунами, которыхъ вывезъ онъ изъ Нижняго Новгорода. Одинъ изъ нихъ, коновалъ Дороѳей, признался, что онъ «напускалъ по вѣтру дьявольскія слова на Государя,» ворожа, чтобы Государь былъ добръ къ Безобразову. Несчастныхъ волшебниковъ сожгли въ срубѣ на Болотѣ; Безобразову отрубили голову; жену его сослали въ Тихвинскій Введенскій монастырь подъ начало; другихъ чародѣевъ и ихъ сообщниковъ высѣкли кнутомъ и послали въ Сибирь и дальніе города. Полковникъ Кошелевъ былъ битъ батогами и сосланъ въ Кіевъ «за неистовыя слова ([335]).» г. 1689.

Заключеніе Софіи.

Когда опала и ссылка постигали любимца Софіи рѣшена была и ея участь: бояринъ Троекуровъ явился къ Софіи и объявилъ ей указъ царскій: быть отнынѣ до смерти подъ смиреніемъ въ монастырѣ. Московская Новодѣвичья обитель избрана была мѣстомъ ея заточенія. Рыдая простилась Софія съ братомъ Іоанномъ и сестрами. Суровая стража, подъ надзоромъ князя Ромодановскаго, окружила уединенную, никому недоступную келлію бывшей правительницы Русскаго царства ([336]).

г. 1689. Судьба Голицына.

Кончимъ здѣсь разсказъ о судьбѣ любимца Софіи. По прочтеніи приговора, въ тотъ же день былъ онъ отвезенъ съ женою и дѣтьми въ Яренскъ, подъ надзоромъ пристава Скрябина ([257]). Его и сына Алексѣя записали по Яренску боярскими дѣтьми. Богатыя помѣстья его были описаны и розданы другимъ. Великолѣпный домъ его взятъ на Царя. Кромѣ золота и драгоцѣнностей, бывшихъ на виду въ домѣ, въ погребахъ нашли 100,000 червонцовъ въ сундукѣ, зарытомъ въ землю, и множество скрытой серебряной посуды и дорогихъ вещей. Друзья Голицына: Леонтій Неплюевъ сосланъ былъ въ Колу и умеръ тамъ; генералъ Змѣевъ удаленъ въ его Костромскія помѣстья; дьяки Ржевскій и Толочановъ посланы воеводами въ Богородицкъ на Самару и въ Переяславль; дьяки Украинцовъ и Казаковъ остались на своихъ мѣстахъ. Украинцовъ вошелъ даже въ милость Царя, скрѣпилъ приговоръ Шакловитаго и десять лѣтъ потомъ управлялъ Посольскимъ Приказомъ. Но любимца Софіи не спасли отъ злобы враговъ его ни ссылка, ни опала. Черезъ годъ явился къ князю Борису Алексѣевичу Голицыну какой-то монахъ Ивашка, извѣщая, что онъ видѣлъ въ Яренскѣ любимца Софіи и слышалъ отъ него, что царю Петру остается жить только годъ. Рѣчи его подвергли изслѣдованію. Обвинителя послали на очную ставку съ опальнымъ вельможею; уличаемый имъ, доносчикъ сознался въ клеветѣ и былъ сосланъ въ Сійскій монастырь, послѣ лишенія иноческаго сана и тѣлеснаго наказанія. Но посланные въ Яренскъ потребовали однакожь отъ Голицына разныхъ объясненій по прежнимъ оговорамъ Шакловитаго, уличавшаго Голицына въ пе-

реписк̂ во время Крымскихъ походовъ какими-то крюками съ Софіею; въ томъ, что онъ сжегъ какого-то мужика своего, неизвѣстно за что, въ банѣ; мыслилъ о самодержавіи Софіи; зналъ объ умыслѣ на жизнь Царя и не открылъ его. Голицынъ оправдывался; не обличенный ни въ чемъ, онъ былъ однакожь осужденъ снова; жребій его отягчили еще болѣе: его и обоихъ сыновей, жену и невѣстку, велѣно подъ стражею перевезти въ Пустозерскъ, бывшій нѣкогда мѣстомъ ссылки Матвѣева, оставить тамъ ему на прислугу только двѣ семьи людей, другихъ отобрать и производить ему и съ холопами бѣдное содержаніе — *по 13 алтынъ съ копѣйкою* въ день, содержа подъ стражею изъ городскихъ жителей, подъ надзоромъ пристава (328). Въ томъ же году явился новый доносщикъ, Аѳонскій архимандритъ Ісаія: пріѣхавъ въ Москву съ тайными граматами, въ коихъ Волошскій Господарь, какъ мы видѣли, предлагалъ свое подданство Россіи, и обласканный Голицынымъ, онъ испросилъ у него позволеніе собирать милостыню на свой монастырь, шатался по Малороссіи, проѣхалъ въ Польшу и Венгрію, гдѣ задержали его по подозрѣнію въ лазутчествѣ и освободили по граматѣ царской. Желая услужить новому правительству, Ісаія разсказывалъ, будто Голицынъ поручалъ ему испросить грамату у Вселенскихъ Патріарховъ на позволеніе Софіи носить царскую корону и на поминки ея царицею въ церковныхъ ектеніяхъ. «Патріархъ Іоакимъ, которому открылъ я тайну,» говорилъ Ісаія, «воспретилъ мнѣ исполнять порученіе Голицына, но Леонтій Неплюевъ, когда пріѣхалъ я въ Сѣвскъ, подтверждалъ мнѣ снова о граматѣ, Г. 1689.

г. 1689. обѣщая большія награды. Видя настояніе его, «почему,» спросилъ я, «не разрѣшить такого дѣла Московскому патріарху, имѣющему власть вязать и рѣшать, и для чего въ Турское государство посылать, если и въ Москвѣ можно окончить дѣло?» — Что тебѣ до нашего Патріарха: мы ни клятвою, ни благословеніемъ его не уважаемъ!—отвѣчалъ мнѣ Неплюевъ.» Кажется, доносъ Ісаіи былъ оставленъ безъ вниманія, но участь князя Голицына не облегчилась (339). Онъ томился въ бѣдности и тяжкомъ заточеніи до самой смерти, жилъ еще около 20 лѣтъ и умеръ въ Пустозерскѣ, уже въ 1713 году. Бренные останки его похоронили въ пустынномъ монастырѣ Красногорскомъ. Дѣтямъ его позволено было послѣ смерти отца возвратиться. Старшій сынъ, находясь въ ссылкѣ, почти помѣшался, но прожилъ однакожь въ помѣстьяхъ, отданныхъ ему по возвращеніи, еще двадцать семь лѣтъ; младшій служилъ во флотѣ, пренебреженный и забытый Царемъ (340). Отвергнувъ низкое подозрѣніе на князя Бориса Алексѣевича, Петръ оставилъ въ почести всѣхъ другихъ родственниковъ Голицына; только одинъ изъ нихъ, князь Андрей Ивановичъ Голицынъ, пострадалъ въ 1690 году: его, тещу, боярыню Хитрову, вдову Ивана Богдановича Хитрова, любимца Ѳеодорова, и двухъ братьевъ ея, стольниковъ Собакиныхъ, обвинили «въ неистовыхъ рѣчахъ.» На Красномъ крыльцѣ прочитанъ былъ князю Андрею Голицыну царскій указъ, которымъ лишили его боярства, записали въ дѣти боярскіе по городу и сослали въ деревни. Но черезъ годъ онъ былъ возвращенъ въ Москву; черезъ годъ еще возвратили ему чины, а въ 1694 г. возвели его даже въ санъ дворскаго воеводы.

Теща его выслушала приговоръ на нижнемъ рундукѣ Стрѣлецкаго Приказа и умерла подъ смиреніемъ въ Бѣлозерскомъ монастырѣ ([541]). Г. 1689.

За наказаніями виновнымъ слѣдовали награды вѣрности и усердію. Отпуская войско и народъ, собравшіеся въ лаврѣ, имъ объявили похвальный царскій указъ и награды помѣстьями, вотчинами, прибавкою денежныхъ окладовъ; всѣ бывшіе въ семъ *государскомъ походѣ* разчислены были по степенямъ пріѣзда ихъ въ лавру; пріѣхавшіе прежде другихъ получили болѣе. Стрѣлецкіе полковники Сухаревъ и Чаплинъ, первые обличители Шакловитаго, и наряду съ ними Циклеръ, награждены противъ комнатныхъ стольниковъ ([542]). Послѣ паденія любимца Софіи всѣ мѣста, занимаемыя имъ и его друзьями, переданы были приверженцамъ новаго правительства: князю Петру Иванов. Прозоровскому отданъ былъ Приказъ государственной казны; Тихону Никит. Стрѣшневу Приказъ Разрядный, П. В. Шереметеву Приказъ Помѣстный, князю Львову Приказъ Земскій, князю Урусову Приказъ Иноземный. Князь Борисъ Алексѣевичъ, оставаясь начальникомъ Казанскаго Приказа, получилъ еще Приказъ Большой Казны. Не смотря на жестокую непріязнь противъ него Нарышкиныхъ и Лопухиныхъ ([543]), Петръ осыпалъ его богатствами: подарилъ ему обширную вотчину подъ Москвою, село Вяземы; воздвигъ на память заслугъ его церковь въ селѣ его Дубровицахъ, часто ѣзжалъ туда къ нему, чтилъ, любилъ, уважалъ его до самой его кончины. Въ 1691 году, князь Яковъ Ѳедоров. Долгорукій, надѣясь на любовь и милость Царя, осмѣлился упрекнуть во дворцѣ князя Бориса Алексѣевича измѣ- Награды.

г. 1689. ною его прадѣда. Разгнѣванный Царь велѣлъ выдать Долгорукаго головою обиженному и потомъ отвести въ тюрьму за безчестіе царскихъ палатъ. Но отъ Спасскихъ воротъ Долгорукаго воротили; добродушный князь Б. А. простилъ его и просилъ за него ([344]). Замѣчательно, что въ *годъ кончины* князя Василья Васильевича, еще не достигнувъ глубокой старости, князь Борисъ Алексѣевичъ отрекся отъ міра, уединился въ Флорищеву пустынь близъ Гороховца и скончался тамъ, принявъ санъ инока ([345]). Нарышкины, дотолѣ гонимые, не терпимые при Дворѣ, снова явились первыми царедворцами, едва совершилось паденіе Софіи. Царь не забылъ о престарѣломъ дѣдѣ своемъ и вызвалъ его изъ Бѣлозерскаго Кириллова монастыря послѣ семи лѣтъ безотраднаго томленія въ сей строгой обители. Старецъ жилъ недолго, изнуренный горестью и преклонностью лѣтъ, но онъ отрадно умеръ на рукахъ царицы Наталіи Кириловны и братьевъ ея Ѳеодора, Мартемьяна и Льва, возведенныхъ въ бояре, но недолго переживших отца. Левъ Кириловичъ завѣдывалъ нѣсколько времени Посольскимъ Приказомъ; братъ его былъ царскимъ кравчимъ. Петръ повелѣлъ соорудить церковь и великолѣпную колокольню въ Петровскомъ монастырѣ, гдѣ было родовое кладбище Нарышкиныхъ и гдѣ донынѣ почіютъ дѣдъ его, бабка, дядья по матери и ихъ супруги и дѣти ([346]). — Мазепу отпустили изъ Троицкой лавры съ великою царскою милостью; ему возвратили даже изъ имѣнія Голицына большую часть подарковъ, нѣкогда поднесенныхъ имъ Голицыну; одарили его кромѣ того бархатами, изорбафами, байберекамп, атласами Китайскими,

камками Лауданскими и дорогими мѣхами. Съ тѣхъ поръ Мазепа пріобрѣлъ довѣренность, пріязнь, даже дружбу Петра, ослѣпленнаго его лукавымъ краснословіемъ и образованностью необыкновенною, когда онъ казался притомъ вѣрнымъ, раболѣпнымъ исполнителемъ царской воли. Царь безпрестанно посылалъ къ нему въ Малороссію богатые подарки и заботился объ его здоровьи, ибо Мазепа прикидывался хилымъ, еле дышащимъ старикомъ. Увидимъ награды Мазепѣ еще большія и благодарность злодѣя, униженно писавшаго Царю: «какъ масло, возливаемое на огонь, не гаситъ, но возвышаетъ пламень, такъ изобиліе милостей монарха *не увядаетъ* сердца, но возжигаетъ огонь моей вѣрности и желательной службы.» Съ Мазепою былъ тогда въ Москвѣ благочестивый игуменъ Батуринскій, Димитрій, въ послѣдствіи столь достопамятный святитель, мощамъ коего поклоняемся мы нынѣ въ Ростовѣ. Онъ отмѣтилъ въ своихъ запискахъ, что Августа 11-го, по пріѣздѣ въ Москву съ гетманомъ, были они у ручки царя Іоанна, царевны Софіи и Патріарха, «а царя Петра Алексѣевича *не было дома,* былъ нѣгдѣ въ походѣ.» — «Сентября 10-го,» записалъ еще Димитрій, «были мы у ручки царя Петра Алексѣевича съ ясневельможнымъ гетманомъ, а 13-го отпущены во свояси.» «И въ бытность нашу въ Троицкомъ монастырѣ казнены *три знатныя особы* за *нѣкоторый бунтъ;* головы имъ отсѣчены, а иные кнутомъ сѣчены, инымъ языки рѣзаны, инымъ уши, и въ ссылку разосланы.» Черезъ десять лѣтъ Петръ вспомнилъ объ умномъ, просвѣщенномъ Димитріи, назначая архіерея въ Сибирь ([347]). Сынъ Матвѣева пожалованъ былъ воеводою въ Архангельскъ.

г. 1689.

г. 1689. Такъ судьба играетъ людьми: сынъ Матвѣева воеводствовалъ надъ тѣмъ городомъ, гдѣ прежде томился съ отцомъ своимъ и гдѣ заступилъ тогда мѣсто ихъ сильный вельможа, не внимавшій мольбамъ Матвѣева о пощадѣ и милости (318).

Петръ самовластитель. Петръ обозрѣлъ воинскій таборъ собравшихся въ Троицкую лавру дружинъ, назначивъ для того Александровъ, прежнюю слободу, знаменитую пребываніемъ Іоанна Грознаго. По распущеніи войска спѣшилъ онъ ѣхать въ Москву. Радостно ожидала и встрѣтила его Москва. За шесть недѣль бѣгствомъ спасавшійся отъ рукъ убійцъ, побѣдителемъ враговъ своихъ и кровавой крамолы ихъ возвращался Петръ, окружаемый вѣрными воинами, почетнымъ сигклитомъ, сонмомъ бояръ и сановниковъ, встрѣчаемый радостными кликами народа. Въ село Алексѣевское вышли встрѣчать его жители Москвы, свободные отъ страха смерти и смятеній. По улицамъ Московскимъ стояли ряды воиновъ; въ Кремлѣ гремѣла пальба изъ пушекъ и ружей, и при колокольномъ звонѣ на всѣхъ Московскихъ колокольняхъ Петръ прибылъ прямо въ Успенскій соборъ. Въ семъ древнемъ храмѣ возблагодарилъ онъ Бога за спасеніе; на Красномъ крыльцѣ ждалъ его и низкимъ поклономъ привѣтствовалъ добрый братъ, царь Іоаннъ. Петръ заплакалъ, обнялъ кроткаго брата и почтилъ его, какъ старшаго брата и царя (349).

«Тако вся преждебывшая власть царевны Софіи весьма сокрушися,» говоритъ современникъ. Петръ *самодержавствовалъ* съ 7-го Сентября, но Іоаннъ умолялъ его принять власть и *единодержавіе*. Петръ не согласился: примѣръ великодушія и нѣжной любви брат-

ской, обновленный Великими Потомками Петра въ наши дни. Оставляя брату, какъ старѣйшему, первенство царскаго титула, весь Дворъ его, весь почетъ царскій, самовластительно правя царствомъ, но требуя совѣта и благословенія Іоаннова въ дѣлахъ государственныхъ, Петръ чтилъ его, какъ отца, до самой его кончины. Но Іоаннъ, «токмо душевными добродѣтелями сіяя и чрезмѣрною кротостію, присвоилъ себя радѣтельно къ непрестанной молитвѣ и твердому посту, съ *равноангельскою* любовью вручивъ брату своему все царственное управленіе. И съ того времени царь Петръ, всесовершенно царскій скипетръ пріявъ, началъ единодержавствовать, крѣпко утвердя себя отъ всѣхъ бѣдъ (330).» г. 1689.

Дополняемъ разсказъ о правленіи Софіи изложеніемъ частныхъ подробностей, касательно внѣшнихъ сношеній, гражданскаго быта и внутренняго состоянія Россіи въ ея время. Здѣсь поясняются намъ вѣкъ и жизнь его. Мы видѣли Софію рѣшительницею мира и войны, видѣли въ дѣлахъ дипломатики Европейской: увидимъ ее законодательницею и царицею государства Русскаго во всѣхъ другихъ отношеніяхъ.

Взглядъ на правленіе Софіи.

Подобно предшественникамъ своимъ поддерживая связи съ единовѣрною Грузіею, Софія увидѣла въ предѣлахъ Русскихъ знаменитаго бѣглеца, царя Имеретинскаго Арчила. Сынъ Вахтанга IV-го, онъ царствовалъ въ Имеретіи, былъ изгнанъ Турками, получилъ въ удѣлъ Кахетію, ссорился съ братьями и еще въ 1681 г. просилъ покровительства у царя Өеодора. Не дождавшись царскаго отвѣта, Арчилъ бѣжалъ въ Астрахань съ женою и съ дѣтьми. Несчастная Грузія была жертвою кроваваго спора между Персіею и Турціею.

Царь Имеретинскій Арчилъ.

г. 1689. Цари Грузіи, забывъ о чести, думали только о сохраненіи бѣднаго бытія своего, отдавали дочерей своихъ въ гаремы Шаха и Султана, и даже сами принимали исламизмъ, спасая себя отъ гибели. Арчилъ по неволѣ принялъ мугаммеданскую вѣру, но це спасъ себя, и обреченный на казнь деспотомъ Турціи скрылся въ Россіи.. Вѣроятно, опасаясь возбудить подозрѣніе Турковъ, Арчила не только не пустили въ Москву, но даже не дозволили ему жить въ Астрахани и едва согласились отвести мѣстомъ пребыванія его Терки. Напрасно, униженно кланяясь въ землю царскимъ воеводамъ, изгнанникъ плакалъ и умолялъ не губить его, не выдовать врагамъ, и представлялъ опасность житья въ Теркахъ. Видя непреклонность Софіи, Арчилъ просилъ взять въ Москву, по крайней мѣрѣ, двухъ сыновей его, и «записать ихъ хотя въ Стрѣльцы, если они ни на что другое не будутъ годны,» но только спасти отъ неволи и погибели временной и вѣчной. Соглашаясь на просьбу Арчила, взяли въ Москву двухъ дѣтей его, царевичей Александра, 10-ти, и Матвѣя, 8-ми лѣтъ; ихъ встрѣтили въ царской столицѣ съ почестью, отвели на житье имъ и свитѣ ихъ домъ на Покровкѣ, гдѣ жили дѣти царя Теймураза, и чествовали ихъ при Дворѣ, какъ дѣтей царскихъ. Арчилъ поселился въ Теркахъ, но прожилъ тамъ недолго, ибо въ 1685 г. позволили ему, съ женою, третьимъ сыномъ и дочерью, пріѣхать въ Москву. Изгнанникъ, не зная чѣмъ отблагодарить за неожиданную милость, поднесъ Царямъ драгоцѣнную святыню, Гвоздь Господень, древле подаренный царямъ Грузинскимъ Византійскими императорами. Онъ поселился въ Москвѣ, получалъ богатое

содержаніе и умножалъ собою величіе дворское, являясь передъ престоломъ царскимъ, стоя при аудіенціяхъ пословъ въ ряду бояръ и именуясь *царемъ Имеретинскимъ* и *рабомъ Государей Россійскихъ*. Поддерживая тайныя сношенія съ Грузіею, Арчилъ полагалъ возможнымъ, когда Россія объявила войну Султану, возвратить себѣ престолъ отцовскій. Софія отпустила его въ Грузію съ сыновьями; жена и дочь Арчила остались въ Москвѣ, гдѣ пожаловали имъ въ вотчину подмосковное село Всесвятское. Предпріятія Арчила, когда явился онъ въ отчизну безъ войскъ и безъ денегъ, были неудачны. Онъ отправилъ сыновей обратно въ Москву, но самъ хотѣлъ или добыть престолъ или умереть на родинѣ, овладѣлъ на малое время Имеретіею, былъ опять изгнанъ и скитался по Кавказу, стараясь набрать войско, либо сыскать союзниковъ. Софія не помогала ему, хотя ласково принимала при Дворѣ жену его, дочь и сыновей (351), и обѣщала помощь. Г. 1689.

С Персіею поддерживала Софія прежнюю дружбу и торговыя сношенія. Мы видѣли, что Императоръ и Король Польскій старались уговорить Шаха воевать съ Турціею. Послы ихъ ѣздили черезъ Россію свободно, но Софія не думала сама искать союза шаха Солимана, потому можетъ быть, что знала трусость и безпечность ничтожнаго повелителя Персіи, трепетавшаго звука оружія, преданнаго пьянству и сладострастію въ толпѣ одалыкъ и евнуховъ (352). Въ 1688 г. Софія запретила Бухарскимъ купцамъ, отбивавшимъ торги у Московскихъ гостей, ѣздить въ Москву, и велѣла имъ торговать съ Рускими въ Астрахани, хотя въ то же время Персія.

г. 1689. разрѣшила транзитную торговлю Персіянъ через Россію въ Ригѣ ([353]).

Китай. Гораздо важнѣе были дѣла Россіи съ Китаемъ. Послѣ неудачныхъ посольствъ въ Пекинъ Байкова и Спафарія сношенія съ Китаемъ не прерывались. Тщетно жаловались Китайцы на своевольное завладѣніе Рускими береговъ Амура. Воеводы Московскіе властвовали надъ Амуромъ изъ Албазина, ставили острожки до самаго устья сей рѣки, укрѣпляли Россіи забайкалье, не выдавали Китайцамъ поддавшагося Рускимъ Монгольскаго князя Гантимурова, и брали ясаки съ подданныхъ Китая. Въ 1685 г. Богдыханъ открылъ непріятельскія дѣйствія. Началось событіе неслыханное ни прежде, ни послѣ того — война Европейцовъ съ Китайцами: 100 судовъ, съ 4500 человѣкъ, и

Война съ Китаемъ. 10,000 сухопутнаго войска, со 125 полевыми и 45 осадными пушками, составляли Китайское ополчаніе, обложившее Албазинъ. Воевода Толбузинъ и 450 человѣкъ жителей, вооруженные только 3-мя маленькими пушками и 300-ми мушкетовъ, храбро отсиживались въ деревянномъ острогѣ Албазинскомъ, пока стало у нихъ свинцу и пороху. Упорная защита Толбузина принудила осаждавшихъ вступить въ переговоры. Воевода сдалъ городъ Китайцамъ, условясь о свободномъ пропускѣ своемъ въ Нерчинскъ, и съ остаткомъ казаковъ и жителей Албазинскихъ дошелъ туда благополучно. Китайцы сожгли Албазинъ; опустошили и другіе острожки Русскіе по Амуру, взятые ими ([354]).

Слухи о походѣ многочисленнаго войска Китайскаго и угрозахъ Китайцовъ истребить Албазинъ и отнять все забайкалье встревожили жителей Нерчинска и не-

пугали воеводъ въ другихъ городахъ Сибири. Увеличивая опасность извѣстили о томъ Царей въ Москву и спѣшили послать помощь за Байкалъ. Аѳанасій Бейтонъ, Англичанинъ, взятый въ плѣнъ во время войны съ Польшею, вступившій въ Русскую службу и посланный въ Сибирь учреждать тамъ полки казацкіе, отправленъ былъ изъ Енисейска въ Албазинъ. Онъ шелъ до Нерчинска цѣлый годъ и засталъ Толбузина уже на пути изъ Албазина ([535]). Когда узнали мѣру опасности и степень храбрости и воинскаго искуства Китайцовъ, положено было возобновить Албазинъ, не боясь полчищъ Богдыхана. Толбузинъ съ Бейтономъ воротился на пепелище Албазина, уже оставленное Китайцами, въ Августѣ 1685 г. возобновилъ городъ, окружилъ его, вмѣсто деревянной стѣны, землянымъ валомъ, и не уважалъ слухами о новомъ походѣ Китайскаго войска. Въ Іюлѣ 1686 г. опять явилось къ Албазину 3,000 Китайскаго сухопутнаго ополченія и 150 лодокъ, наполненныхъ вооруженнымъ народомъ. Рускихъ въ Албазинѣ было всего 736 человѣкъ. Началась осада. Китайская артиллерія гремѣла безъ умолка, но Рускіе не думали сдаваться, хотя храбрый Толбузинъ былъ убитъ ядромъ при самомъ началѣ осады. Бейтонъ заступилъ его мѣсто, отстрѣливался изъ пушекъ и мушкетовъ, ходилъ на вылазки. Гораздо страшнѣе Китайской храбрости было то, что Китайцы пресѣкли подвозъ припасовъ, но Рускіе терпѣли голодъ, гибли отъ тѣсноты осадной и болѣзней, не уступали, и такъ напугали Китайцовъ, что въ Ноябрѣ они оставили осаду, замѣнивъ ее облежаніемъ, только стращали Бейтона, уговаривали сдаться и грозили выморить г. 1689.

г. 1689. Албазинъ голодомъ. Бейтонъ, желая показать обиліе запасовъ въ Албазинѣ, послалъ Китайцамъ пшеничный пирогъ въ пудъ вѣсомъ. Весною Китайцы отступили, говоря, что получили на то указъ изъ Пекина, въ коемъ извѣщаютъ ихъ, что Русскій Царь хочетъ мириться и уступаетъ Богдыхану Албазинъ и забайкалье добровольно ([386]).

Храбрые защитники Албазина не вѣрили такому извѣстію, но оно было справедливо. Софія, встревоженная войною Китайцовъ, зная силу и многолюдство отдаленнаго государства Китайскаго по описаніямъ самовидцовъ, страшилась потерять не только забайкалье, но даже всю Сибирь, и поспѣшила отправить въ Пекинъ гонца Венюкова, извѣщая съ нимъ, что изъ Москвы посланы будутъ послы кончить споры дружески и требуя такого же миролюбія со стороны Богдыхана. Извѣстіе о взятіи Албазина Китайцами еще болѣе устрашило Софію, и когда Венюковъ возвратился съ граматою, въ коей Богдыханъ, славный Кайхи, соглашался на миръ и увѣрялъ въ дружбѣ своей къ *Чаганъ-Хану* (Бѣлому Царю), обѣщая остановить свое побѣдоносное оружіе и прислать пословъ, изъ Москвы поспѣшно снаряжено было посольство ([387]). Главнымъ посломъ назначили молодаго стольника Ѳедора Головина; отецъ его, бояринъ Алексѣй Головинъ, былъ тогда воеводою въ Тобольскѣ. Послу пожаловали чинъ окольничаго и титулъ Намѣстника Брянскаго; въ товарищи велѣно было ему взять Нерчинскаго воеводу Власова, съ титуломъ Намѣстника Елатомскаго. При свитѣ посла находился полкъ Стрѣльцовъ; два полка Сибирскихъ казаковъ должны были провожать его изъ Тобольска и Енисей-

ска ([380]). Головинъ выѣхалъ изъ Москвы въ Январѣ 1686 года, зимовалъ на берегахъ Тунгуски и въ Сентябрѣ 1687 г. достигъ Верхнеудинска. Извѣстивъ Софію съ пути о возобновленіи войны Китайцами и второй осадѣ Албазина и отправивъ въ Пекинъ извѣстіе о своемъ пріѣздѣ за Байкалъ, Головинъ, дипломатъ умный, но воинъ плохой, былъ испуганъ возстаніемъ Монгольскихъ народцовъ за Байкаломъ. Онъ трепеталъ, видя, что Китайцы медлятъ высылкою пословъ, требовалъ войска, тревожилъ Софію донесеніями о гибельномъ состояніи дѣлъ за Байкаломъ. Робость его умножилась, когда узналъ онъ, что хотя Китайскіе Послы ѣдутъ для переговоровъ, но ихъ сопровождаетъ сильное войско, съ непремѣннымъ повелѣніемъ, если Руськіе будутъ спорить при переговорахъ, начать войну и оружіемъ принудить ихъ къ уступкѣ. Примѣры Хабарова, съ сотнею казаковъ занявшаго весь Амуръ, Толбузина, съ горстью людей не уступавшаго полчищу Китайцовъ, и Бейтона, принудившаго войско Богдыхана снять осаду Албазина, не вразумили Головина, хотя Руськіе въ то время спокойно владѣли Албазиномъ, а волненіе взбунтовавшихся Монгольскихъ племенъ укротили рота Стрѣльцовъ и сотня казаковъ. Власовъ былъ, кажется, не храбрѣе присланнаго изъ Москвы дипломата. Китайцы умѣли воспользоваться робостью Головина и Власова. Почти два года ждали они Китайскихъ Пословъ. Наконецъ Послы Китайскіе явились съ 70-ю пушками и 10,000-ми человѣкъ войска. Мѣсто для съѣзда назначили близъ Нерчинска. Переговоры происходили на полѣ подъ шатрами и начались 12-го Августа 1689 года. Китайскіе Послы были незначитель-

г. 1689.

Нерчинскій трактатъ.

г. 1689. ные чиновники; два іезуита, Перейра и Гербильонъ, Французскіе миссіонеры, любимцы Богдыхана, находились при нихъ переводчиками. Русскіе послы показывали большое великолѣпіе въ нарядахъ и уборахъ; Китайскіе были одѣты просто и бѣдно, сидѣли на низкихъ скамьяхъ и угрюмо отказались показать вѣрющія граматы свои и говорить предварительно о дружбѣ, утверждая, что имъ велѣно только потребовать всего, что донынѣ несправедливо захватили Рускіе. Головинъ принужденъ былъ оставить всѣ приготовленныя имъ доказательства на право владѣнія Амуромъ, хотя предложилъ опредѣлить границею теченіе сей рѣки до устья ея. Китайцы не хотѣли и слышать объ отдачѣ Амура, требуя возвращенія имъ всѣхъ земель по Байкалъ. На другой день отказались они отъ своего нелѣпаго требованія, оставляли за Рускими Нерчинскъ, но хотѣли провести границу на сѣверъ отъ Нерчинска къ Чукотскому мысу; наконецъ объявили назначеніе границы на востокъ по рѣкамъ Горбицѣ, Шилкѣ и Аргуни въ верховьяхъ Амура. Головинъ спорилъ, но Китайцы запутали его хитрыми переговорами, безтолковостью и измѣнчивостью споровъ, невѣрностью плановъ и картъ, обвинили въ отпирательствѣ отъ своихъ словъ и наконецъ прервали всѣ переговоры. Ночью Августа на 18-е поднялся лагерь Китайскій; движенія Китайцовъ показывали непріязненное намѣреніе противъ Рускихъ. Послы Китайскіе угрожали, и Головинъ, боясь гибели своей и бывшаго при немъ войска, поспѣшилъ согласиться на уступку Амура, не опредѣливъ границъ около устья его къ морскому берегу и на западъ отъ Нерчинска, предоставляя все кончить по за-

ключенiи мира, не спорилъ даже о царскомъ титулѣ, и 27-го Августа 1689 г. подписалъ постыдный трактатъ, которымъ отданы были Китайцамъ всѣ земли къ югу за Яблоннымъ хребтомъ, а границею отъ верховья Амура назначены рѣки Аргунь и Горбица. Положено было уничтожить Албазинъ, всѣ Русскiя селенiя за Аргунью, и выдать взаимно бѣглецовъ; за то, въ заключенiе, какъ милость со стороны Китайцовъ, позволена торговля между подданными обоихъ государствъ. Размѣнявшись списками договора и скупо одаривъ Головина, Послы Китайскiе отправились изъ Нерчинска, а Головинъ остался распоряжать укрѣпленiемъ забайкальской стороны и прожилъ тамъ до Октября мѣсяца ([359]). Храбрый Бейтонъ принужденъ былъ передать Албазинъ Китайцамъ и Рускiе навсегда оставили обильные берега Амура. Аргунскiй острогъ перенесенъ былъ на лѣвый берегъ Аргуни; пограничные столбы утвердили предѣлы между Китаемъ и Сибирью ([360]). г. 1689.

Отправляя въ Москву донесенiе и поздравленiе Царей о радостномъ и трудномъ окончанiи мира и возстановленiи дружбы съ «повелителемъ великихъ Азiятскихъ странъ, самовластнѣйшимъ монархомъ, правителемъ премудрѣйшихъ вельможъ Богдойскаго закона и хранителемъ славы Китайскаго народа ([361]),» Головинъ доносилъ о подчиненiи его трудами царской власти *Семи Тайшей Мунгальскихъ* и *Саитовъ Тубунутскихъ* (то были старшины маленькихъ Монгольскихъ племенъ, перешедшiе изъ Зюнгорiи за Байкалъ), и построенiи крѣпости въ Нерчинскѣ, утверждавшей прочное владычество Рускихъ за Байкаломъ ([362]). Головинъ возвратился въ Москву въ Январѣ 1691 г., но еще на пути встрѣтили его по-

г. 1689. сланные отъ Софіи съ милостивымъ словомъ царскимъ и съ медалями за службу его и великія заслуги ([363]).

Сибирь. Если Головинъ угодилъ своими поступками Софіи, можно видѣть, что правительница и ея совѣтники вовсе не понимали настоящаго положенія дѣлъ въ Сибири. Слыша объ угрозахъ Китайскаго властителя, Софія боялась притомъ не утихавшаго бунта Башкировъ, приготовленія Киргизовъ къ нападенію на Сибирь, и стараясь всячески поддерживать миръ и дружбу съ сосѣдями Сибири, приказывала ласкать ихъ и уступать имъ ([364]). Сибирь, преданная своеволію воеводъ, терзаемая буйствомъ казаковъ, не изслѣдованная въ обширномъ ея объемѣ, возмущаемая бѣжавшими туда раскольниками, мѣсто ссылки и опалы, оставалась чуждою Россіи страною. Правительство помышляло только о высылкѣ оттуда дорогихъ мѣховъ, запрещало даже переселеніе туда жителей изъ Россіи, старалось единственно о не пропускѣ оттуда товаровъ безъ опредѣленной пошлины и сборѣ ясака и податей, не думая о систематическомъ управленіи зауральскими областями и раскрытіи богатствъ Сибирскаго края. Софія учредила особенное воеводство въ Верхотурьѣ, въ 1688 г., а въ 1686 г. велѣно быть особому воеводскому управленію въ Иркутскѣ ([365]). Но независимо отъ распоряженій правительства, Русскіе промышленники дѣйствовали по своему, неутомимо шли далѣе и дошли до самыхъ отдаленныхъ восточныхъ предѣловъ Сибири: въ 1679 г. поставили они Акланскій острогъ на Пенжинскомъ заливѣ Охотскаго моря, а въ 1689 г. увѣдомили объ открытіи *новой земли* Камчатки. Тогда въ первый разъ дошли въ Москву

темные слухи о неизвѣстномъ дотолѣ, сосѣдственномъ съ Сибирью государствѣ «на великихъ морскихъ островахъ,» *Японіи* ([366]). Г. 1689.

Съ кочевыми заволжскими Калмыками продолжали прежнюю осторожную политику: ихъ не преслѣдовали за участіе въ Башкирскомъ бунтѣ, называли ихъ «царскими подданными,» но обходились съ ними, какъ съ толпою разбойниковъ; не смѣя унимать ихъ силою, ласкали, чествовали, дарили и старались удержать въ зависимости и спокойствіи. Въ 1683 году Астраханскій воевода заключилъ новый договоръ съ безсовѣстнымъ Аюкою, ханомъ Калмыцкихъ ордъ за Волгою. Аюка *шертовалъ* въ вѣрности Царямъ, раскаявался, что принималъ участіе въ Башкирскомъ бунтѣ, обязался «не грабить Руских, стадъ ихъ не отгонять, селъ и деревень не жечь, людей не побивать и въ полонъ не имать, отдать безъ выкупа плѣнниковъ, принимать съ почестью царскихъ гонцовъ и воеводскія граматы, посылать на продажу въ Москву лучшихъ лошадей, ходить по приказу Царей на Турскаго Султана и Хана Крымскаго, не ссылаться ни съ ними, ни съ Башкирами, и *ни какихъ дуростей не чинить.* Ханъ и подчиненные ему князья клялись въ исполненіи договора, прикладывая сабли свои къ обнаженнымъ шеямъ и головамъ, и говоря: «Да будетъ на насъ гнѣвъ Божій и мечъ огненный, проклятіе въ сей вѣкъ и въ будущій, и да отсѣкутся симъ мечемъ наши головы, если мы нарушимъ наше слово ([367]).» Но Аюка худо держалъ свое слово, безпрерывно ссорился съ Донцами, грабилъ Русскія селенія по Волгѣ и обиралъ караваны Русскихъ торговцовъ. Въ Москвѣ порадовались, услышавъ, что Калмыки.

г. 1689. Аюка обратился на Киргизъ-Кайсаковъ, грабитъ ихъ и сражается съ ними, какъ самовластный царь сносясь съ Хивою и Зюнгоріею ([368]). Въ 1687 г., вышедшіе изъ Зюнгоріи новыя толпы Калмыковъ, называясь *Черными*, просили позволить имъ переселиться на пустыя степи между Дономъ и Волгою. Правительство Русское не согласилось ([369]). *

Устройство гражданское

Въ гражданскомъ устройствѣ государства при Софіи не было многихъ перемѣнъ. Находя неприличнымъ старинное названіе Приказа, гдѣ разбирались уголовныя дѣла (*Разбойный*), Софія велѣла переименовать его *Сыскнымъ* ([370]). — Истребляя мѣстничество, она хотѣла поддержать почетъ старинныхъ родовъ и подтвердила указъ царя Ѳеодора о сборѣ и подачѣ родословныхъ въ Разрядъ и запискѣ ихъ въ особыя книги (1683 г). Указомъ 1686 г. установлены были подробности записки родословныхъ въ особенныя книги, которыя велѣно начать родомъ царя Арчила; за нимъ вписать Сибирскихъ, Касимовскихъ Царевичей и роды княжескіе, а заключить другими «честными и благородными родами,» означая службу и почетъ предковъ каждаго изъ нихъ ([371]). Указомъ 1685 г. велѣно было писать женъ Думныхъ Дворянъ съ *вичемъ*. Въ 1687 г. почесть *вича* дана званію *Стряпчихъ съ ключемъ* и приказано писать ихъ выше думныхъ дьяковъ ([372]).

По дѣламъ общественнаго благоустройства было нѣсколько распоряженій важныхъ: споры по землямъ, пошлины и мыты съ мостовъ и перевозовъ, смѣшеніе

---

* Здѣсь слѣдуетъ особенное *прибавленіе*, помѣщенное въ концѣ сего тома, о дѣлахъ духовныхъ въ правленіе Софіи.

земель «черныхъ» и «бѣлыхъ» по городамъ, розыски о бѣглыхъ людяхъ, и судныя дѣла по актамъ, погибшимъ въ пожарахъ, или спорнымъ, производили большія замѣшательства. Въ 1683 г. велѣно было учинить по всему государству повѣрку межеванья, а въ 1684 г. приказано составить новыя Писцовыя Книги, или описи городамъ и селеніямъ. Обстоятельныя правила даны были межевщикамъ и писцамъ [375]. Подробности по симъ двумъ распоряженіямъ, разборъ и распредѣленіе бѣглыхъ людей, порядокъ наслѣдства, продажи и передачи помѣстьевъ, и правила о бѣлыхъ и черныхъ мѣстахъ по городамъ пояснены были многими указами [374]. Въ 1684 г. велѣно переписать всѣ мосты, перевозы, гати и плотины, и опредѣлить по новымъ росписаніямъ взиманіе мыта и пошлинъ [375]. Въ 1682 г. велѣно было прекратить судъ и розыски по истребленнымъ въ смутное время дѣламъ [376]. г. 1689.

Софія подтвердила (въ 1688 г.) права и преимущества Смоленскихъ шляхтичей и жителей Смоленска. Въ 1686 г. уравняли съ другими обывателями подати и обязанности Вятскихъ Татаръ и Остяковъ, а въ 1688 г. велѣно было защитить Мезенскихъ Самоѣдовъ отъ притѣсненій сборщиковъ податей и нападеній Югорскихъ Самоѣдовъ — дикари ссорились и дрались за свои бѣдныя, ледяныя тундры [377].....

Управленіе почтъ.

Въ 1685 г. подтвержденъ былъ договоръ съ Польскимъ правительствомъ объ учрежденіи почты отъ Прусской границы до Смоленска. Польское почтовое начальство обязалось перевозить письма и посылки черезъ Польшу до Смоленска въ восемь дней, получая по 18-ти грошей съ письма; съ писемъ пословъ чужезем-

г. 1689. ныхъ и съ граматъ отъ другихъ государей къ Царямъ положено взимать по 2 ефимка, съ посылокъ по 90 грошей съ фунта, а донесенія пословъ и гонцовъ царскихъ опредѣлено возить безпошлинно, какъ равно и царскія граматы ([578]). Указомъ 1684 года велѣно Рижскую почту доставлять изъ Пскова въ Новгородъ въ два, а изъ Новгорода въ Москву въ семь дней, проѣзжая съ почтовыми сумами лѣтомъ по 7-ми, а зимою и осенью по 5 верстъ въ часъ, и строго подтверждено не задерживать почтарей на перевозахъ ([579]).

Медицина въ Россіи. Недостатокъ въ опытныхъ медикахъ заставилъ Софію отнестись къ Императору и просить его о высылкѣ искусныхъ врачей въ Россію. Въ слѣдствіе сего требованія прибыли въ Москву, въ 1689 г., доктора Карбонарій, славный своею ученостью, и Пелерино, одинъ изъ первыхъ распространителей прививанія оспы въ Европѣ. Тогда же явились въ Россію докторъ Коминиъ и Голландецъ Гульстъ. Въ 1688 г. велѣно было пріискать въ Голландіи «окулиста ученаго, который очи лечить умѣетъ,» и обѣщать ему по 150 рублей жалованья. Въ 1692 году находилось въ Москвѣ: 6 *Нѣмецкихъ* докторовъ, получавшихъ жалованья отъ 300 до 730 рублей; 4 лекаря съ жалованьемъ отъ 140 до 360, 6 аптекарей съ жалованьемъ отъ 180 до 360, *алхимистъ* Нѣмецъ Шлетеръ, 2 аптекарскіе помощника; при нихъ были *Русскіе* лекаря, *рудометы*, цырюльники, аптекарскіе ученики, *лекарскаго дѣла ученики, травники, спиртовой перепущикъ,* костоправъ и лекарь *чепучиннаго* дѣла ([580]). Любопытенъ указъ 1686 г., которымъ предписано было всѣмъ врачамъ: «Буде изъ нихъ кто, *нарочно или не нарочно*, кого уморитъ, и

иро то сыщется, быть тому казнену смертью.» Впрочемъ, примѣра такой казни, кажется, не было и Софія хотѣла только постращать медиковъ ([381]). г. 1689.

Законы гражданскіе и уголовные.

Замѣтимъ еще нѣсколько законовъ Софіи по гражданскому и уголовному законодательству: она старалась пресѣкать ябедничество и волокиту въ судахъ; велѣла выбирать подьячихъ съ поручительствомъ; запретила повальные сыски, если въ жалобѣ не было означено, кѣмъ именно произведены воровство и грабежъ, ибо такіе сыски были средствомъ притѣснять невинныхъ; съ ябедниковъ велѣно взыскивать проѣстей и волокитъ по 20 коп. на день, за все время суда по ихъ несправедливымъ жалобамъ; утаившимъ въ просьбахъ прежніе именные царскіе указы опредѣлена смертная казнь; татебныя и разбойныя дѣла велѣно рѣшать въ городахъ воеводамъ, не перенося жалобъ въ Москву, но въ 1684 г. власть воеводъ ограничена въ семъ отношеніи возобновленіемъ Губныхъ Старостъ. Преступниковъ, непричастныхъ въ винѣ, велѣно держать въ тюрьмахъ не болѣе мѣсяца. При уголовныхъ дѣлахъ, если они и прекращены мировою, опредѣлено преслѣдовать преступника закономъ, ибо «мировая въ воровствѣ не очистка.» Казнь мужеубійцамъ, состоявшая въ закопаніи преступницъ въ землю живыхъ, отмѣнена, и велѣно наравнѣ съ другими убійцами «сѣчь имъ головы.» Вмѣсто отсѣченія пальцовъ у рукъ за воровство, положено отрѣзывать преступникамъ уши, а церковную татьбу наказывать смертью ([382]). Въ 1686 г. возникло дѣло по убійству помѣщика Пущина сосѣдомъ его Левашевымъ: Пущинъ хвалился отмстить сосѣду за его обиды; подозрѣвая Пущина въ исполненіи похвальбы,

г. 1689. когда у него сожгли скирдъ сѣна, Левашевъ послалъ дѣтей и слугъ своихъ *бить* сосѣда, но запретилъ *убивать;* началась драка и Пущина убили. Левашевъ ссылался, что онъ *убить его не приказывалъ.* Софія велѣла казнить Левашева смертью, ибо показаніе его не оправданіе, а улика: въ причиненіи ему вреда сосѣдомъ онъ долженъ былъ искать по суду, а не управляться самъ, и бить смертно, если и не убить, равно дѣло уголовное (383). — Князь Яковъ Лобановъ - Ростовскій, прилпченный въ разбоѣ по дорогамъ, не спасся заступленіемъ знатной родственницы своей, княгини, верховой боярыни и мамы: только по ея просьбѣ, вмѣсто казни, Софія велѣла высѣчь преступника кнутомъ и повѣсить его помощниковъ въ разбоѣ, но у Лобанова отписали имѣніе на Царей; товарищъ его, дворянинъ Микулинъ, по наказаніи кнутомъ, сосланъ былъ въ Сибирь (384).

Воинское устройство. Воинское устройство не испытало никакихъ перемѣнъ и измѣненій: любимецъ Софіи, изнѣженный царедворецъ, не былъ полководцомъ, не былъ и военнымъ человѣкомъ, не заботился объ умноженіи Нѣмецкихъ регулярныхъ полковъ, и истребляя Стрѣльцовъ, Софія не замѣняла ихъ никакимъ другимъ постояннымъ войскомъ. Необходимость охранять Сибирь заставила однакожь подумать объ учрежденіи тамъ нѣсколькихъ полковъ, которымъ поручено было охранять Сибирскія границы отъ Зюнгорцовъ и Киргизовъ (385). Въ 1683 г., когда городовые служивые замѣнили Стрѣльцовъ въ Москвѣ, опредѣлено было имъ служить на Москвѣ по три мѣсяца, вмѣсто года. Передъ первымъ Крымскимъ походомъ перебрали списки всѣхъ служивыхъ по городамъ, осмотрѣли исправность ихъ

вооруженія, выключили убылыхъ и стариковъ, вписали недорослей. Укрывательство многихъ отъ службы рейтарской, или конной, избѣгая коей иные продавали даже свои помѣстья, обратило строгое преслѣдованіе правительства, и въ 1686 году велѣно нѣтчиковъ и не являющихся на службу копщиковъ насильно верстать въ рядовые солдаты ([386]). г. 1689.

Софія старалась объ умноженіи казенныхъ доходовъ, усиливая ихъ новыми налогами и монополіями — единственнымъ финансовымъ средствомъ, извѣстнымъ въ то время, не только въ Россіи, но и во всей Европѣ. Въ 1688 г. дано было исключительное право на продажу въ Архангельскѣ льнянаго сѣмяни гостю Панкратьеву, съ пошлиною по 37½ коп. съ четверти, ефимками, считая ефимокъ въ 50 коп. — Торговля клеемъ Астраханскимъ была отдана на откупъ купцу Епанчину ([387]). — Бѣломѣстцы, купившіе домы и земли черномѣстные должны были платить за нихъ установленную черную подать. — Пошлина съ привозной изъ Сибири мягкой рухляди установлена по 5-ти денегъ съ рубля цѣны. — Недостатокъ и недоборъ пошлинъ и податей велѣно взыскивать съ воеводъ: указомъ 1686 г. приказано было взыскать съ нихъ ямскихъ и полоняничныхъ, или собираемыхъ на искупленіе плѣнныхъ денегъ, бывшихъ дотолѣ въ недоимкѣ, 13,091 рубль, 17 алтынъ, 2 деньги. Въ 1683 г. подтверждено о неукоснительномъ сборѣ доходовъ по духовному вѣдомству, между прочимъ *вѣнечныхъ* податей, отъ 20 до 60 коп. съ каждой пары, вступающей въ супружество, и на прокормленіе нищихъ въ Москвѣ по гривнѣ съ каждой церкви въ государствѣ ежегодно ([388]). Въ 1683 г. Финансы.

г. 1689. подтвержденъ указъ о покупкѣ вина только съ казенныхъ кружечныхъ дворовъ. Въ 1688 г. обнародованы строгія правила противъ корчемства виномъ и тайнаго винокуренія. Сборщикамъ пошлинъ и акцизовъ опредѣлено было представлять ручательства обществъ и вести вѣрные счеты сборамъ (389).

Народное образованіе и просвѣщеніе.

Не знаемъ, какими дѣлами въ глазахъ современниковъ могла Софія оправдать названія Семирамиды и Пульхеріи, даже *премудрости Божіей, возсѣдящей въ лицѣ ея на престолѣ Россійскомъ,* какъ увѣряли ее льстецы и поэты (390). Не находимъ никакихъ новыхъ учрежденій Софіи, касательно народной промышленности, народнаго образованія и ученія. Если и справедливо сомнительное преданіе, что въ юности своей любила Софія драматическія зрѣлища, даже разыгрывала ихъ сама съ своими подругами и сочиняла драмы, и если дѣйствительно ей принадлежатъ плохіе стихи, извѣстные намъ подъ ея именемъ, мы не находимъ однакожъ никакой замѣчательной, сочиненной или печатанной при ней книги. Только любимецъ ея Медвѣдевъ оплакивалъ въ уродливыхъ виршахъ кончину царя Өеодора, смерть учителя своего Симеона Полоцкаго, и витійственно хвалилъ Софію, поднося ей уставъ Академіи; можетъ быть, онъ сочинилъ и великолѣпную надпись къ портрету Царевны (391).

Академія.

Мы упоминали объ основаніи въ Москвѣ Академіи царемъ Өеодоромъ. Мысль объ ней подалъ ученый Іерусалимскій іеромонахъ Тимоөей, въ 1679 г. — Царь совѣтовался съ Патріархомъ, завелъ сначала небольшую школу при типографіи въ Кремлѣ, опредѣлилъ въ нее до 30-ти учениковъ, усердствовалъ ея преспѣянію, по-

что ежедневно посѣщалъ ее, и радуясь успѣхамъ учениковъ, рѣшился основать обширное училище, возведя его въ достоинство Академіи. Ученіе предполагалось не для духовенства только, но и для благородныхъ юношей, могущихъ быть послѣ того образованными чиновниками. Написали подробный уставъ, и Ѳеодоръ, въ 1682 г., послалъ къ Патріарху Цареградскому, прося его выслать въ Москву православныхъ учителей, хорошо знающихъ Греческій и Латинскій языки. Уже по кончинѣ Ѳеодора, въ 1685 г., пріѣхали въ Москву два инока, братья Іоанникій и Софроній Лихуды, мужи ученые, съ граматами Патріарха; имъ отвели жилище въ Богоявленскомъ монастырѣ, перевели туда Греческую типографскую школу, прибавили къ ней еще 40 учениковъ, и Софія утвердила уставъ Академіи, поднесенный ей Медвѣдевымъ при многословномъ посвященіи въ стихахъ. Уставомъ Академіи опредѣлено было учить безмездно дѣтей извѣстныхъ родовъ, проходить съ ними языки Славянскій, Греческій, Латинскій и Польскій, грамматику, піитику, риторику, діалектику, *разумительную, естественную, правную философію* и богословіе. Мѣстомъ Академіи назначался Спаскій монастырь въ Китаѣ, на Никольской улицѣ, за Иконнымъ рядомъ, потому названный Заиконоспаскимъ, и на содержаніе ея отданы были монастыри: Рязанскій Богословскій, Московскіе Андреевскій и Даниловскій, Стромынскій Троицкій, Пѣсношскій Николаевскій, Дмитровскій Борисоглѣбскій, Медвѣдева пустынь, Верейская Вышгородская волость, пустоши въ Чугуевѣ и Боровскѣ. Ректору и Совѣту Академіи предоставлялись: цензура духовныхъ книгъ, разсмотрѣніе мнѣній и тол-

г. 1689.

г. 1689. ковъ духовныхъ, обличеніе порицаній вѣры, преслѣдованіе еретиковъ, волшебниковъ, чародѣевъ и злыхъ гадателей. Прилежнымъ ученикамъ обѣщаны милость царская, избавленіе отъ отвѣтственности за долги отцовскіе. Запрещено было заводить въ Москвѣ другія школы и училища, даже учиться дома предметамъ, преподаваемымъ въ Академіи (592). Къ несчастію, доброе дѣло было разрушено въ началѣ преніями, потомъ явною ссорою Лихудовъ съ Медвѣдевымъ. Въ 1686 г. воздвигнуто было однакожъ зданіе Академіи въ Спаскомъ монастырѣ, на деньги, завѣщанныя Греческимъ іеродіакономъ Мелетіемъ; училище перевели туда, но Медвѣдевъ, подкрѣпляемый Шакловитымъ, завелъ тяжбу за землю, будто бы въ излишкѣ захваченную подъ Академію, и Софія не думала защищать Академіи, не смотря на ходатайство Патріарха (593). Не находимъ извѣстій и о томъ, подкрѣпила ли она другое благодѣтельное предпріятіе царя Ѳеодора: учрежденіе больницы на Гранатномъ дворѣ, богадѣльни въ Знаменскомъ монастырѣ и Сиротскаго дома. Ѳеодоръ предполагалъ, что въ больницѣ молодые врачи могутъ учиться наукѣ врачебной на опытѣ, бѣдные будутъ лечимы безмездно, и въ аптекѣ «получать лекарства недорогія, которыя могутъ имъ пользу чинить.» Богадѣльня назначалась для престарѣлыхъ и увѣчныхъ, ибо «время уже искоренить нищихъ,» говорилъ Ѳеодоръ. Въ Сиротскомъ домѣ предполагалось воспитывать и учить дѣтей, отбирая ихъ у нищихъ, опредѣливъ строгое наказаніе за бродяжничество съ малолѣтными, и особенно за уродованіе имъ членовъ, чѣмъ бродяги старались возбуждать жалость людей милосердыхъ. Сироты и дѣти нищихъ должны бы-

Благотворительныя заведенія.

ли учиться въ Сиротскомъ домѣ ариѳметикѣ, зодчеству, живописи, геометріи, артиллеріи, выдѣлкѣ шелковыхъ тканей и суконъ, мастерствамъ золотыхъ дѣлъ, оружейному и часовому. «Такъ отдѣленіемъ безплодныхъ вѣтвей и прививкою добрыхъ отраслей,» говорилъ Ѳеодоръ въ указѣ своемъ, «получится плодъ благій, и не нужно будетъ выписывать иноземцовъ, коихъ замѣнятъ гибнущіе нынѣ безполезно юноши (594).» — Ѳеодоръ былъ достойный братъ Петра. г. 1689.

Благочиніе столицы.

Кромѣ благочинія при царскомъ Дворѣ, Софія помышляла объ устройствѣ благочинія и по Москвѣ. Безопася жителей отъ пожаровъ, она велѣла крыть домы тесомъ съ дерномъ и не строить высокихъ хоромъ въ три этажа. Запрещено было жить иногороднымъ въ столицѣ безъ срочныхъ записей и безъ записки въ Земскомъ Приказѣ, а крѣпостнымъ безъ позволенія господъ. Строгое смотрѣніе за бродягами поручено было Объѣзднымъ Головамъ и наложены большія пени на домохозяевъ за держаніе людей неизвѣстныхъ или не записанныхъ въ Приказѣ. Безобразныя рыбныя лавочки на Красной площади велѣно было сломать; обжорныя прилавки и лотки у Каменнаго моста были уничтожены; каждымъ товаромъ приказано торговать въ указныхъ рядахъ; запрещено стрѣлять въ городѣ и окрестностяхъ его и сѣчь преступниковъ кнутомъ въ Кремлѣ (595).

Памятники зодчества.

Москва была украшена при Софіи нѣсколькими новыми зданіями. Главнѣйшее изъ нихъ былъ *Каменный мостъ* черезъ Москву рѣку: начатой въ 1643 г. Нѣмцомъ Кристлеромъ, онъ оставался недоконченнымъ до 1685 г., когда возобновилъ и довершилъ его какой-

г. 1689. то монахъ, продолжая работу пять лѣтъ ([396]). Улицы Московскія были вымощены досками. Обширный домъ любимца Софіи изумлялъ великолѣпіемъ. Многіе, слѣдуя его примѣру, строили каменные домы. Патріархъ Іоакимъ соорудилъ въ Китаѣ каменныя хоромы, гдѣ жили патріаршіе пѣвчіе, и вырылъ обширный *Патріаршій прудъ*, осушая болотистыя мѣста за Бѣлымъ городомъ. Софія покрыла мѣдными листами Успенскій соборъ, послѣ пожара въ 1682 г., когда на семъ древнемъ храмѣ сгорѣла деревянная крыша; въ 1684 г. поправили самыя стѣны собора и вновь сдѣлали въ немъ нижній ярусъ иконостаса. Въ 1686 г. почнили Кремлевскія стѣны; передѣлали Грановитую палату; покрыли мѣдною кровлею Красное крыльцо и воздвигли въ Кремлѣ каменное зданіе для Посольскаго Приказа ([397]). Въ

Живопись. числѣ придворныхъ живописцовъ славились при Софіи: *перспективнаго дѣла мастеръ* Дирлесъ и иконописецъ *Никита Икторовъ*, имя коего находится на Капповіевыхъ образахъ въ Ватиканѣ ([398]). Въ Кіевской лаврѣ сохраняется портретъ патріарха Іоакима, присланный имъ туда въ 1687 году, ибо кромѣ иконъ писали уже тогда *парсуны* царей и людей знаменитыхъ: въ Архангельскомъ соборѣ сохранились современные портреты царей Михаила, Алексія и Ѳеодора ([399]). *Изографъ* Лазарь Ивановъ расписалъ потолокъ въ Посольскомъ Приказѣ и «изобразилъ на немъ свѣтилы небесныя.» Вмѣсто древней мозаики, домы и церкви въ Москвѣ начали тогда украшать муравлеными изразцами ([400]). Въ Мо-

Гравированіе. сквѣ гравировали картинки и портреты; мы упоминали о портретахъ Софіи и Голицына, но кажется, они были гравированы за границею. Тогда размножились, такъ

называемыя, *лубочныя картинки,* и преслѣдуя грубыя и нелѣпыя изображенія на нихъ, патріархъ Іоакимъ запрещалъ сіи картинки, а равно и отступленія отъ устава иконописанія, вводимыя изученіемъ бусурманскихъ образцовъ. Но церковь въ домѣ Голицына, вопреки запрещенію Патріарха, расписана была Итальянскою живописью ([401]). Въ 1687 г. поставили на Троицкихъ воротахъ новые часы; ихъ сдѣлалъ Русскій *часовникъ* Андрей Даниловъ ([402]). Софія украсила и возобновила многія церкви и монастыри: въ Троицко-Сергіевской лаврѣ былъ расписанъ по ея повелѣнію Успенскій соборъ и выстроена трапезная церковь св. Сергія; въ Воскресенскомъ монастырѣ достроена, въ 1685 г., соборная церковь, а въ Донскомъ Московскомъ соборная церковь и ограда; въ Чудовомъ кончена Благовѣщенская церковь, гдѣ почиваютъ мощи св. Алексія митрополита; въ Саввинскомъ Сторожевскомъ теплая церковь Преображенская. Соборная церковь въ Костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ украшена была стѣннымъ писаніемъ. При Софіи выстроена была въ Москвѣ красивая церковь Николы Большаго Креста на Ильинкѣ ([403]). Стрѣльцы, обогащенные Софіею, воздвигли въ Москвѣ нѣсколько церквей въ своихъ слободахъ: Сергія въ Пушкаряхъ, Троицы на Листахъ, Рождества Богородицы въ Бутырской слободѣ ([404]). Воздвигнувъ соборную церковь въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, Софія велѣла разобрать тамъ старинную ветхую, гдѣ была гробница царевны Анны, дочери Іоанна Грознаго, перенесла сію гробницу въ соборную церковь, сама присутствовала при перенесеніи и обогатила обитель, бывшую вблизи любимаго мѣстопребыванія

г. 1689.

Храмы и монастыри.

г. 1689. Софіи на Воробьевыхъ горахъ. Думала ли тогда Софія, что черезъ четыре года обитель Новодѣвичья будетъ послѣднимъ убѣжищемъ ея, что въ ней умретъ она подъ схимою и оставитъ забвенный гробъ свой въ

Вклады Софіи.

урокъ преступнымъ честолюбцамъ ([405])! — Богатые вклады Софіи донынѣ напоминаютъ объ ней посѣтителямъ Успенскаго собора (она соорудила серебряные ковчеги, гдѣ хранятся рука апостола Андрея и глава Григорія Богослова, и принесла въ даръ собору большой золотой крестъ) ([406]), а также Кіевскаго Софійскаго собора (туда подарена была Софіею богатая митра митрополичья, съ драгоцѣннымъ яхонтомъ, облаченіе, унизанное жемчугомъ, золотые сосуды, вѣсомъ въ 8 фунтовъ).

Заключеніе.

Изобразивъ *семилѣтнее* правленіе Софіи, осудимъ ли его, или назовемъ *мудрымъ*, даже простимъ за государственные подвиги злодѣйство, какимъ была куплена власть Софіи? Нѣтъ! кровавое начало самовластія Софіи и страшное преступленіе, какимъ хотѣла она удержать его, и тогда не были бы искуплены передъ современниками и передъ потомствомъ, когда Софія, дѣйствительно, оправдала бы имена *Елисаветы Британской* и *Сѣверной Семирамиды*, какими лелѣяли ея честолюбіе льстецы и искатели ея милостей. Но разсматривая безпристрастно дѣла Софіи, Исторія невольно обратится съ укоризною къ ея памяти, и скажетъ, что Софія, всемъ жертвуя честолюбію и тщеславію, такъ же не оправдала себя никакими доблестями царскими, какъ любимецъ ея, гордый царедворецъ, не ознаменовалъ себя ни подвигами ратнаго воеводы, ни дѣлами мужа государственнаго. Въ дѣлахъ внѣшнихъ

только миръ съ Королемъ Польскимъ, исторгнутый у г. 1689
него не столько политикою Софіи, сколько тяжкою необходимостію, только сей миръ былъ событіемъ замѣчательнымъ, но какъ далеко вознаградили за выгоды его уступки Швеціи, Китаю и безславная война съ Оттоманами! Въ дѣлахъ внутреннихъ видимъ только стараніе поддержать существовавшій порядокъ государственнаго правленія, но и здѣсь невѣрная система въ управленіи Малороссіею, пренебреженіе Сибири, забвеніе столь многихъ добрыхъ началъ, предположенныхъ царемъ Ѳеодоромъ, дѣла церковныя, дѣла относительно народнаго просвѣщенія, свидѣтельствуютъ ли мудрость Софіи? Уничтоженіе пагубной силы Стрѣльцовъ принадлежитъ ей безспорно. Провидѣніе изумительно приготовило симъ дѣломъ Софіи средства величія Петра, но не доказательство ли оно близорукой политики, уничтожавшей защиту власти, купленной страшнымъ злодѣйствомъ, власти, за которую отдала Софія совѣсть, болѣе — жизнь будущую? Софія была примѣръ женщины характера необыкновеннаго, но царицы недостойной и ничтожной. Исторія Россіи отъ кончины царя Алексія представлялась бы только поученіемъ преступному честолюбію, еслибы изъ-за мрачной тучи событій съ 1682-го по 1690 г. не сіяла свѣтлая заря царствованія Петра Великаго, не свѣтились сквозь мракъ ея лучезарными звѣздами добродѣтель Ѳеодора и смиренномудріе Іоанна, утѣшительныхъ свѣтилъ въ бурѣ страстей, возмущавшей государственное бытіе Русской земли. Россія *не двинулась впередъ* при Софіи и едва ли не *отступила даже назадъ*, теряя честь на поляхъ битвъ, терзаясь крамолами и смятеніями внутри, уступая

г. 1689. политикѣ сосѣдей извнѣ. Среди грубаго великолѣпія, которому удивлялись иноземцы, среди хвастливыхъ возгласовъ о славѣ и просвѣщеніи, Софія, подобно другимъ современникамъ, была робкою рабынею суевѣрія, при жестокости нравовъ и свирѣпости дѣлъ. Такъ, не страшась возмущать Стрѣльцовъ на гибель родныхъ и добрыхъ подданныхъ, не боясь осужденія за пристрастіе свое къ Голицыну, даже не трепеща братоубійства и цареубійства, Софія подтверждала строгія запрещенія о табакѣ и казнь за его употребленіе, а Голицынъ, тщеславясь образованностью, подвергалъ пыткѣ какого-то несчастливца, обвиненнаго въ томъ, что онъ *вынималъ слѣды* и употреблялъ ихъ на порчу и колдовство противъ любимца Софіи ([407]). Спѣшимъ перейдти къ повѣсти о великомъ братѣ Софіи, и не знаемъ: послѣ правленія Софіи не покажется ли самое начало повѣсти о Петрѣ лѣтописью чудесъ, едва вѣроятныхъ, едва постижимыхъ уму человѣческому?

ИСТОРІЯ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

КНИГА II.

Могли думать, что перемѣна правленія поведетъ ко многимъ перемѣнамъ при Дворѣ, унизитъ однихъ, возвыситъ другихъ, явитъ новыхъ временщиковъ. Староверы могли надѣяться, что прежній порядокъ дѣлъ, мнѣній и обычаевъ успѣетъ опять возникнуть, ибо хотя ожидали большихъ переворотовъ при царѣ юномъ, пылкомъ, жаждущемъ нововведеній, но старина находила еще себѣ покровительство въ царицѣ Наталіи, братѣ Петра царѣ Іоаннѣ, патріархѣ Іоакимѣ и многихъ боярахъ. Иностранцы и приверженцы нововведеній полагали, напротивъ, что съ самодержавіемъ Петра вполнѣ настало ихъ новое время, и — всѣ обманулись. Какъ послѣ грозной бури, внезапно возставшей и пролетѣвшей, настаетъ тихое благораствореніе, такъ послѣ низ-

г. 1689.
Начало самодержавія Петра.

г. 1689. провержения самовластительной Софии и ея любимца, тихо и мирно началось царствование Иоанна и Петра. Совершилась казнь немногих уличенных злодеев, но после истребления их и удаления любимца Царевны и друзей его не было более ни опал, ни ссылок. Последовали только многия перемены должностей и мест: родственники царицы Наталии и юной царицы Евдокии, *четверо* Нарышкиных и *трое* Лопухиных, возведены были в бояре. Царь Петр и мать его кроме того наградили боярством: князя Б. А. Голицына, двух князей Прозоровских, Ѳ. А. Головина, И. С. Головкина, князя Я. Ѳ. Долгорукаго, И. А. Мусина-Пушкина, и число Салтыковых, родственников супруги царя Иоанна, также умножилось в сонме бояр еще одним; *пятеро* Салтыковых были уже прежде того боярами. Друзья новых вельмож явились с ними в боярской думе: Хлоповы, Татищевы, Кондыревы, князья Коркодиновы, князья Львовы. И. К. Нарышкин определен был в крайчие царя Петра; П. С. Салтыков в крайчие царя Иоанна ([103]). Очевидны были борьба и деление приверженцов Иоанна и старых обычаев и приверженцов Петра и его мнений, но вражда царедворцов таилась и крамольники не смели возвышать голоса. Степенность и чинность царскаго Двора строго поддерживались Иоанном и царицею Наталиею. Петр оказывал великое, благоговейное почтение старшему брату, Иоанн утверждал все предположения и дела Петра, и оба Царя равно чтили, как мать и царицу, добродетельную Наталию. У обоих Царей и у четырех цариц, Наталии, Марѳы, Прасковьи и Евдокии, были свои любимцы — временщиков при Дворе

не было. Не взирая на юность свою, Петръ могущественно соединилъ всю царскую власть въ себѣ, и отличительною чертою его правленія въ самомъ началѣ сдѣлалось то, что патріархъ, дума боярская, сановники, управлявшіе государствомъ, потеряли съ того времени силу свою — за всемъ надзиралъ, всемъ руководилъ, все правилъ самъ царь Петръ. Преображенскій Приказъ его, военная канцелярія Потѣшныхъ, сдѣлался главнымъ мѣстомъ государственнаго управленія и Тайнымъ Приказомъ, куда стекались всѣ дѣла государственныя (409). Неутомимо дѣятельный, Петръ былъ самовластителенъ, хотя не измѣнялъ порядка дѣлъ государственныхъ, уважалъ старость и заслуги, любилъ и награждалъ не внимая крамоламъ дворскимъ, держа въ повиновеніи противниковъ его мнѣніямъ, не давая воли любимцамъ своимъ. Не смотря на свободу обращенія, какую позволялъ въ своемъ частномъ обществѣ, глубоко благочестивый и послушный матери, онъ уважалъ уставы религіи, обычаи дворскіе, даже самые предразсудки. Такъ предоставилъ онъ царицѣ Прасковьѣ свободу собирать вокругъ себя святошъ и ханжей, не трогалъ ихъ, и только, страшась юнаго Царя, они скрывались, когда къ царицѣ Прасковьѣ приходилъ Петръ (410). Злоумышленники, лишенные главныхъ опоръ, Стрѣльцовъ и людей сильныхъ, являлись ничтожны, а мѣлкіе тайные умыслы и толки Петръ неудостоивалъ вниманія. Стрѣльцы Стрижевъ и Кондратьевъ отысканы были въ Новодѣвичьей монастырской слободѣ, донесли, что ихъ укрывалъ тамъ дьяконъ дворцовой церкви, и обвинили многихъ. Другіе оговорили боярина А. Милославскаго, извѣщая, что

г. 1689.

г. 1690. онъ призывалъ къ себѣ и невѣдомо для чего поилъ и угощалъ Стрѣльцовъ. Близъ дворца найдены были подметныя письма; оговоренъ былъ еще какой-то монахъ Амиревъ. Но Петръ прекратилъ розыски: Стрижева и Кондратьева казнили по прежнему приговору; другихъ только разослали изъ Москвы. Милославскому велѣно было удалиться, но онъ вскорѣ былъ прощенъ. Петра и Аѳанасія Неплюевыхъ, Владиміра Воробина и подьячаго Ремезова обвинили «въ нескромныхъ рѣчахъ;» ихъ только перевели на службу въ дальніе города ([411]). Петръ понималъ необходимость великихъ преобразованій, но, повторяемъ, его стремленіе къ большимъ перемѣнамъ останавливали царица Наталія, царь Іоаннъ и престарѣлый патріархъ Іоакимъ. Даже умирая (въ 1690 году), Патріархъ умолялъ Царей, въ духовной своей, изгонять изъ Россіи иновѣрцовъ и враговъ православія, не принимать ни обычаевъ, ни одежды ихъ, не молиться образамъ еретическимъ. Запрещая даже разговоры съ иновѣрцами, *Лютерами*, *Кальвинами* и *Латинами*, онъ старался доказать вредъ начальниковъ бусурманскихъ надъ православными, и ссылался въ томъ на совѣты свои Софіи и Голицыну, не послушавшимъ его. «И что содѣялось? Есть то видимо и явно всѣмъ — безчестіе и безславіе государству, а нужду людскую и убытки кто изочтетъ ([412])!»

Воинскія занятія. Ограничиваемый въ порывахъ воли своей, и стѣсняемый въ нововведеніяхъ, тѣмъ болѣе устремилъ Петръ вниманіе и трудъ свой на воинскія преобразованія. Въ обществѣ юныхъ товарищей и иностранцовъ вознаграждалъ онъ себя за скуку дворскую, удаляясь въ Преображенское, предаваясь тамъ своимъ любимымъ занятi-

ямъ, веселымъ отдыхамъ, нерѣдко шумному разгулью, у Лефорта, Гордона, Л. К. Нарышкина, Ѳ. А. Лопухина, молодыхъ бояръ и иностранныхъ резидентовъ. *Огненныя потѣхи* и фейерверки сопровождали такія увеселенія. Называя себя *солдатомъ* и подавая примѣръ другимъ, Петръ оставилъ царскую одежду и почти всегда носилъ свой *Нѣмецкій мундиръ*. Въ пирахъ его участвовали уже многіе, даже и старые бояре и чиные сановники, угождая юному Царю. Въ такихъ собраніяхъ была совершенная свобода — позволялась шутка, чиновъ не было, гуляли всѣ наравнѣ, старики и молодые, чиновные и не чиновные. Многимъ даны были даже особые шуточные, почетные титулы, которыми въ часы разгулья величали ихъ: князь *Ѳ. Ю. Ромодановскій,* свойкъ царя Іоанна, поборникъ старины, по душею преданный Петру, чиномъ простой стольникъ, но занимавшій важное мѣсто начальника Преображенскаго Приказа, назывался *Княземъ-Кесаремъ*, а сынъ его, Иванъ Ѳедоровичъ, *Кесаревичемъ* (413). *Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ,* спальникъ и стольникъ царскій, назвaнъ былъ *Польскимъ Королемъ*, а *Никита Моисеевичъ Зотовъ*, бывшій учитель Петра, уважаемый имъ старецъ, именовался *Княземъ-Папою;* бояринъ *Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ* получилъ названіе: Heiliger Vater (святѣйшій отецъ); *Я. Ѳ. Тургенева*, царскаго шута, называли *Старымъ знатнымъ воиномъ, Кіевскимъ полковникомъ;* иные принимали названіе *гетмановъ и кардиналовъ* (414). Бывшій приставникъ Петра, князь Б. А. Голицынъ, по разсказамъ современниковъ, любилъ погулять, и охотно участвовалъ въ царскихъ пирушкахъ (415). По прежнему о святкахъ Царь и веселое

г. 1690.

Общество Царя.

г. 1690. общество его отправлялись «славить Христа» по домамъ, предводимые Папою Зотовымъ, въ сопровожденіи кардиналовъ. «Благодарю за письмо твое,» писалъ Петръ юному товарищу своему О. М. Апраксину, «но зѣло усомнился я ко мнѣ ли оно писано, ибо *съ зѣльными чинами, чего я не люблю*, а тебѣ можно знать, для того, что *ты нашей компаніи*, какъ писать ко мнѣ надобно.» — «На подписяхъ, пожалуй, *пиши просто*, а также и въ письмахъ *безъ великаго*,» подтверждалъ онъ ему въ другой разъ (416). — «Когда окончу мое дѣло, повели мнѣ, Государь, быть тамъ, гдѣ вы обрѣтаетесь: ей, ей! безъ васъ жить скучно!» говорилъ Царю любимецъ его Кикинъ. «О здѣшнихъ поведеніяхъ доношу: далъ Богъ все здорово, но только азъ единъ въ темности живу,» писалъ Царю Англичанинъ Крефтъ, любимый механикъ царскій, «за тѣмъ, что свѣтлосіятельнаго солнца, коего душа моя желаетъ видѣть и узрѣть, созерцать не могу (417).» Но свобода и простота обхожденія съ Царемъ не извиняли ни чьей дерзости, еще менѣе упущенія обязанностей, и не спасали виновнаго отъ неумолимаго правосудія царскаго. Нерѣдко съ веселаго пира всѣ отправлялись прямо къ работѣ, на службу, въ походъ. Во время пировъ Царь не прерывалъ своихъ занятій, записывалъ, что приходило ему на мысль важное, отправлялъ дѣловыя письма, подъ которыми иногда подписывались всѣ присутствовавшіе своими шуточными именами (418). На шумномъ пирѣ у боярина Шереметева поссорились, даже подрались и жестоко укоряли другъ друга бояринъ Шеинъ и Кесарь Ромодановскій, оба равно любимые Царемъ. Онъ велѣлъ разыскать дѣло, обвинилъ по изслѣдованію обо-

ихъ и велѣлъ взаимно заплатить другъ другу безчестье, потому что «всякій самъ по себѣ честенъ, и въ царской чести бываютъ не по родамъ, а въ томъ нечего считаться, кто прежде или послѣ пожалованъ (419).» Братъ Ѳ. М. Апраксина, Андрей Матвѣевичъ осмѣлился прибить незнатнаго стольника Желябужскаго, поссорясь съ нимъ при покупкѣ лошадей, и заперся въ своей наглости. Царь велѣлъ привести его къ присягѣ. Испуганный Апраксинъ признался во всемъ. Царь опредѣлилъ, за ложь и буйство, высѣчь его кнутомъ. Только заступленіе Лефорта и сестры виновнаго, царицы Мароы Матвѣевны, спасли преступника, но онъ долженъ былъ заплатить обиженному большую пеню—болѣе 700 рублей (420). Ѳ. А. Лопухинъ, дерзнувшій оскорбить Лефорта словами во время пира, былъ наказанъ рукою самого Царя (421). Увидимъ, что въ послѣдствіи ничто не спасло Лопухина и братьевъ его, уличенныхъ въ буйствѣ и участіи въ замыслахъ старовѣровъ. Мѣстничество при Дворѣ уже не существовало, но рѣдкіе примѣры его все еще являлись. Князь Г. А. Козловскій осмѣлился не пріѣхать по наряду къ обѣду патріаршему; его привезли въ тѣлегѣ, внесли въ патріаршую крестовую на коврѣ, насильно держали за столомъ, отняли у него боярство и сослали его въ Серпейскъ (422). Еще памятнѣе была строгость Царя къ одному изъ Головкиныхъ, близкихъ родственниковъ царицы Наталіи: подобно Козловскому, Головкинъ не явился по наряду, привезенъ былъ въ тѣлегѣ и лишенъ боярства на нѣсколько мѣсяцовъ (423). г. 1690.

Такъ начиналъ свои уравненія и преобразованія Петръ, обращая самыя забавы въ пользу, уничтожая

г. 1690. предразсудки, оцѣняя только заслуги и не терпя временщиковъ. Не былъ у него выше другихъ даже и Лефортъ, хотя особенно любимый Петромъ и вѣрный другъ его. По службѣ и дѣламъ Лефортъ стоялъ наряду со всѣми, если и пользовался особенными наградами. Въ 1690 году, Петръ былъ порадованъ рожденіемъ своего первенца, сына, царевича *Алексѣя Петровича;* его крестили въ Чудовомъ монастырѣ; воспріемникомъ его былъ патріархъ Іоакимъ, а воспріемницею царевна Татьяна Михайловна. Царица Наталія радостно благословила внука своего при крещеніи. Царь угощалъ въ Кремлевскихъ чертогахъ Патріарха и бояръ, и велѣлъ по всему государству служить благодарные молебны ([424]). Лефортъ пожалованъ былъ на царской радости въ генералъ-маіоры. Черезъ годъ потомъ, при рожденіи другаго сына своего, царевича Александра Петровича (вскорѣ умершаго), Царь произвелъ Лефорта въ генералъ-поручики. Онъ велѣлъ построить ему за Нѣмецкою слободою огромный каменный домъ. Лефортъ просилъ Царя поселить около новаго дома его нѣсколько потѣшныхъ ротъ; для нихъ выстроено было до 500 деревянныхъ домиковъ, составившихъ отдѣльную слободу, съ тѣхъ поръ названную *Лефортовскою,* а домъ Лефорта, по великолѣпію его, получилъ названіе *Лефортовскаго дворца* ([426]). Здѣсь было любимое мѣсто гулянья Царя и друзей его. Любя своего Лефорта, Царь изъявилъ признательность и родинѣ его Женевѣ. Слыша, что у Женевцовъ оказался недостатокъ въ хлѣбѣ, онъ велѣлъ безденежно отпустить имъ запасы хлѣба изъ Голландіи. Женевская республика прислала благодарственную грамату Царю

Лефортъ.

за милости къ Лефорту, и потомъ другую, когда племянникъ Лефорта поѣхалъ въ Россію ([427]). Царь принялъ юношу съ великою почестью, опредѣлилъ его въ службу, и вскорѣ онъ былъ уже полковникомъ ([428]). Но не смѣлъ величаться передъ другими и только заслугами и трудами искупалъ Лефортъ милости Царя. Узнавши о зависти Гордона къ своему любимцу, Царь немедленно уравнялъ ихъ въ жалованьи ([429]). «Мы возвели гражданина вашего въ крайнюю степень воинскихъ урядовъ,» писалъ Петръ въ Женеву, «но онъ заслужилъ милость нашу вѣрною службою и природными добродѣтелями, и не только его, но и всѣхъ такихъ *иноземныхъ кавалеровъ*, которые придутъ къ намъ и службою себя окажутъ, нашею милостію мы обнадеживаемъ ([430]).» г. 1690.

Мы говорили, что въ то время, уже не роты, но цѣлые полки составляли царскіе Потѣшные, хотя все еще казались они болѣе забавою воинолюбиваго юноши, нежели настоящимъ войскомъ. Разряды ихъ, ученье, одежда были еще безпорядочны. Стрѣлецкіе полки составили отдѣльный пяти тысячный корпусъ подъ начальствомъ Гордона. Другой корпусъ велѣно было образовать изъ старыхъ Нѣмецкихъ полковъ, подъ начальствомъ Лефорта. Лѣто и осень 1690 года Царь провелъ въ лагерѣ подлѣ Преображенскаго, гдѣ Потѣшные производили примѣрныя битвы съ Стрѣльцами; битвы сіи бывали иногда таковы, что сражавшіеся не жалѣли другъ друга ([431]). Устройство войскъ.

Слѣдующій 1691-*й годъ* ознаменовался новыми потѣхами Царя — годъ достопамятный *началомъ Русскаго флота*.

г. 1691. Нѣтъ причинъ сомнѣваться въ разсказѣ современниковъ, что Петръ въ дѣтствѣ боялся воды. Еще младенцомъ былъ онъ испуганъ, сонный, при переѣздѣ съ матерью, царицею Наталіею, черезъ ручей, и невольно содрогался потомъ при видѣ рѣки. Ему было четырнадцать лѣтъ, когда князь Б. А. Голицынъ рѣшился отучить его отъ такой странной боязни. Въ жаркій день, бывши на охотѣ, когда всѣ спутники Царя подъѣхали къ рѣкѣ, бросились въ воду и начали купаться, юный Царь устыдился насмѣшекъ своего наставника, преодолѣлъ отвращеніе, послѣдовалъ примѣру другихъ, и обладая непобѣдимою силою воли, вскорѣ сдѣлался онъ такъ же безстрашенъ и ловокъ на водѣ, какъ на землѣ (432). Можетъ быть, устроивая свои крѣпости и огненныя потѣхи, онъ уже помышлялъ о флотѣ, постигалъ необходимость его, но особенный случай быстро и внезапно рѣшилъ судьбу будущаго флота Русскаго. Въ началѣ 1691 года Царь осматривалъ въ селѣ Измайловѣ старыя вещи, принадлежавшія дѣду его Никитѣ Ивановичу Романову, и между ними увидѣлъ ботикъ необыкновеннаго устройства. На вопросъ его отвѣчали, что сей ботикъ былъ построенъ Голландскими мастерами, когда они строили на Окѣ корабли, по волѣ его родителя (433). Страсть все знать и испытывать явилась и здѣсь въ душѣ Петра. Немедленно приказалъ онъ починить и спустить на воду ветхій ботикъ. Искали мастера. Лекарь Тирмондъ, возвратившійся въ Москву изъ числа Голландцовъ, которые почти всѣ погибли тогда въ Астрахани, потомъ служившій въ Нѣмецкихъ полкахъ и бывшій въ то время царскимъ врачемъ, сказалъ, что вмѣ-

Дѣдушка Русскаго флота.

стѣ съ нимъ спасся строитель ботика *Карстенъ Брандтъ;* старикъ былъ еще живъ и жилъ въ Москвѣ, угнѣтаемый бѣдностью. Его отыскали и представили Царю. Ботикъ былъ починенъ Брандтомъ и на Яузѣ началось первое плаваніе *Дѣдушки Русскаго флота* — такъ въ послѣдствіи назвалъ Петръ свой достопамятный ботикъ. Видя, какъ ловко управляетъ Брандтъ ботикомъ, Царь самъ бросился въ него, отнялъ руль у Брандта и плаванію по Яузѣ не было конца (434). Ботикъ перевезли на Просяной прудъ въ Измайловскіе сады. Брандтъ сдѣлался безотлучнымъ другомъ и собесѣдникомъ царскимъ. Петръ просилъ его снова заняться постройкою кораблей. Брандтъ былъ уже старъ и просилъ помощниковъ. Немедленно послали въ Голландію за молодыми корабельными мастерами. Царь не жалѣлъ имъ жалованья. Зимою уже пріѣхали изъ Голландіи нѣсколько мастеровъ, привлеченныхъ щедрою платою, и на Москвѣ рѣкѣ учредили маленькую верфь. Царь работалъ самъ. Марта 14-го 1691 года *первый Русскій корабль*, небольшая яхта, былъ спущенъ на воду. Апрѣля 2-го, Петръ, съ пушечною пальбою, поплылъ на немъ изъ Москвы въ Коломенское и Брандтъ получилъ приказъ немедленно строить новые корабли (435). Надлежало выбрать мѣсто для ихъ постройки и плаванія, въ близости отъ Москвы. Царю указали на обширное Клещино озеро, на берегахъ коего находится древній городъ Переяславль Залѣскій, первый удѣлъ, нѣкогда увеличившій собою бѣдное Московское княжество, первый городъ, за 400 лѣтъ до Петра, присоединенный къ владѣніямъ Даніила, началу великаго Русскаго царства (436). Немедленно хотѣлъ ѣхать туда

г. 1691.

Начало кораблестроенія.

г. 1691. Царь и осмотрѣть мѣсто, но Царица мать его ужаснулась такого предпріятія и не позволила. Петръ повиновался — казалось забылъ о корабляхъ ([437]). Въ Маѣ учрежденъ былъ лагерь между Семеновскою и Красною слободами; примѣрныя битвы заняли Царя. Въ Іюлѣ отправился онъ на богомолье въ Троицкую лавру и оттуда поскакалъ въ Переяславль. Видъ обширнаго, на восемь верстъ въ ширину и на восемь въ длину распростертаго озера Клещина, очаровалъ его; уже никакія просьбы и запрещенія не могли его удержать — только о корабляхъ думалъ и мечталъ тогда Петръ. Голландецъ Арріенъ Меэтье устроилъ немедленно верфь близъ Переяславля. Петръ велѣлъ построить себѣ тамъ небольшой дворецъ въ подгородной деревнѣ Вѣскахъ. Мало казалось ему видѣть работу другихъ: заложили два фрегата, и одинъ изъ нихъ началъ строить Брандтъ, а за другой принялся самъ Царь, называя г. 1692. себя *Петромъ плотникомъ* ([438]). Возвратясь, въ Февралѣ 1692-го г., изъ Переяславля въ Москву, онъ опять ѣздилъ туда въ Мартѣ, и по возвращеніи былъ восхищенъ праздникомъ Лефорта: тайно отъ Царя, Голландцы выстроили Лефорту нѣсколько небольшихъ военныхъ ботовъ, и спустили ихъ на прудъ, находившійся въ обширномъ саду Лефортовскаго дворца. Послѣ веселаго обѣда Лефортъ просилъ Царя прогуляться по саду — загремѣла пальба, на пруду началось примѣрное морское сраженіе, и Петръ, въ восторгѣ обнимая Лефорта, наименовалъ его *генералъ-адмираломъ* своего будущаго флота ([439]). Въ Апрѣлѣ, Царь, Лефортъ, Гордонъ, множество бояръ и царедворцовъ отправились въ Переяславль. Потѣшные шли за ними.

Фрегатъ *Петра плотника* былъ готовъ и 1-го Мая спустили его на озеро, при пальбѣ съ лодокъ и съ берега. Исполнились нетерпѣливыя желанія юнаго Царя: онъ видѣлъ *Русскіе корабли и Русское войско, устроенное по образцу Европейскаго.* Нѣсколько дней продолжались прогулки по озеру и примѣрныя битвы на водѣ. Царь поѣхалъ въ Москву и убѣдилъ царицу Наталію пріѣхать и посмотрѣть на его новый Переяславскій флотъ. Царица отправилась вмѣстѣ съ супругою и съ сестрою Петра. Августа 1-го, при водосвятіи, флотъ и войско привѣтствовали священный обрядъ пальбою (440). Цѣлый мѣсяцъ пробылъ здѣсь Петръ. Труды, переѣзды и занятія до того разстроили его здоровье, что онъ опасно занемогъ. Ужасаясь видѣли приближенные къ нему, что жизнь его подвергалась большой опасности. Мольбы матери, брата и просьбы друзей убѣдили Петра послѣ того немного успокоиться и отдохнуть, но Брандтъ былъ отправленъ въ Архангельскъ и ему велѣно было строить тамъ большой фрегатъ: Петръ уже жаждалъ испытать моря (441). Думали было устроить новую верфь на Кубенскомъ озерѣ, но Царь самъ осмотрѣлъ его лѣтомъ и оно показалось ему слишкомъ малымъ (442). Въ Январѣ 1693 г. оправился Царь отъ своей болѣзни. Сердца друзей его и матери радостно отдохнули и онъ продолжалъ свои обыкновенныя забавы, занятія и труды. Одинъ изъ любимцовъ Царя, Нѣмецъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ, женился въ то время; Царь былъ шаферомъ на свадьбѣ его, ѣздилъ звать гостей и угощалъ ихъ, хотя самъ пилъ весьма умѣренно (говоритъ самовидѣцъ, Шведскій резидентъ Кохъ). Февраля 1-го была свадьба

г. 1692.

г. 1693.

Образъ жизни Царя.

г. 1693. царскаго шурина, Θед. Абрам. Лопухина, женившагося на дочери Θ. Ю. Ромодановскаго. Царь изготовилъ фейерверкъ и самъ спускалъ его, зажигая своими руками ракеты и бураки. Февраля 18-го было веселье у Коха. Работая тогда надъ большимъ фейерверкомъ, Царь уѣхалъ рано, но Лефортъ оставленъ былъ угощать гостей и не отпускать ихъ до самаго утра. Февраля 20-го огромный фейерверкъ царскій сожгли на Прѣсненскихъ прудахъ. Царица Наталія тайно присутствовала на семъ зрѣлищѣ и подарила въ тотъ день царю-фейерверкеру сержантскій мундиръ: онъ не получилъ еще тогда офицерскаго чина. При пальбѣ изъ 50-ти пушекъ загорѣлся огромный щитъ, съ вензелемъ *Князя-Кесаря* и съ огненными изображеніями льва и Геркулеса. Царь опять самъ зажигалъ и пускалъ ракеты. Февраля 22-го сожгли еще фейерверкъ, приготовленный боярами; огненный храмъ и Зевесъ Громовержецъ видны были среди множества ракетъ и бураковъ. Два дня потомъ пировалъ Царь въ подмосковной Нарышкина Филяхъ, а Февраля 26-го былъ на пирѣ у Лефорта. Въ ночь на 27-е отправился онъ на Переяславское озеро и занялся строеніемъ новой яхты. Тамъ были уже построены тогда четыре небольшіе корабля. Въ Маѣ ѣздилъ Царь на богомолье въ Воскресенскій монастырь, опять пировалъ въ подмосковной Нарышкина, а въ началѣ Іюня проводилъ до могилы гробъ своего друга и учителя въ кораблестроеніи Карстена Брандта; старикъ, *первый корабельный мастеръ въ Россіи,* утѣшенный милостями и дружбою царскою за всѣ страданія жизни, скончался тогда къ прискорбію Петра ([413]). Но его замѣняли уже дру-

гіе мастера. Пока строили фрегатъ въ Архангельскѣ, въ Переяславлѣ работы не прекращались: весною Царь спустилъ на воду яхту свою, надъ которою работалъ самъ, получивъ на то приказъ Князя-Кесаря и называясь *мастеромъ*, а товарищей, изъ коихъ многіе были уже Рускіе, именуя своими «учениками.» Пируя съ Царемъ запросто, ученики жаловались ему, что Голландцамъ платятъ болѣе ихъ. «Выучитесь, друзья мои, дѣлать такъ, какъ Голландцы дѣлаютъ,» говорилъ имъ Царь, «и вамъ будутъ платить наравнѣ съ ними (444).» г. 1693.

Путешествіе въ Архангельскъ.

Іюля 4-го Царь оставилъ Москву, и вѣроятно, говоря царицѣ Наталіи, что хочетъ исполнить данное имъ обѣщаніе: помолиться Соловецкимъ угодникамъ, отправился въ свое первое продолжительное путешествіе, въ Архангельскъ. Съ нимъ были безотлучные друзья его: князь Б. А. Голицынъ, Лефортъ, Князь-Кесарь Ромодановскій, Польскій Король Бутурлинъ, бояринъ А. С. Шеинъ, князья Щербатовъ и Лыковъ, Нарышкины, Лопухины, Ѳ. М. Апраксинъ и другіе; кромѣ того духовникъ, пѣвчіе, докторъ Гульстъ, 40 Стрѣльцовъ, 10 Потѣшныхъ, карло царскій Тимоѳей; вся свита составляла до 100 человѣкъ. Съ Вологды Царь и свита его плыли въ стругахъ по рѣкамъ Сухонѣ и Двинѣ. Близъ Орлеца встрѣтилъ Царя Архангельскій воевода А. А. Матвѣевъ. Вечеромъ 28-го Іюля показались царскіе струги изъ-за Куроострова. Въ Холмогорскомъ соборѣ начался звонъ, а съ прибытіемъ Царя къ берегу со стѣнъ Холмогорской крѣпости загремѣла пальба. Архіепископъ Аѳанасій, знаменитый своимъ краснорѣчіемъ противъ раскольниковъ и ревностью въ спорѣ съ Никитою Пустосвятомъ, встрѣ-

Г. 1693. тилъ Царя со св. иконами и *благочестнымъ пѣніемъ*. Царь ужиналъ у архипастыря; въ тотъ же вечеръ осмотрѣлъ его архіерейскіе огороды и мѣльницу, отправился ночевать на свой стругъ, но до 5-ти часовъ утра гулялъ еще по водѣ въ маленькой шнякѣ. Іюля 30-го со звономъ и пальбою встрѣтили Царя въ Архангельскѣ. Онъ проплылъ по Двинѣ черезъ городъ и остановился въ небольшомъ дворцѣ, нарочно построенномъ, ниже города, на Моисеевскомъ островѣ (145).

Новыя впечатлѣнія при видѣ безбрежнаго моря, иностранныхъ кораблей, торговаго движенія, обширнаго судоходства, рѣки Двины, широкой, какъ море, до того плѣнили и очаровали Царя, что онъ пробылъ въ Архангельскѣ до осени. Ни одинъ изъ Русскихъ городовъ не былъ тогда въ такихъ близкихъ сношеніяхъ съ иностранцами, какъ Архангельскъ, уже полтора столѣтія посѣщаемый Англичанами, Голландцами, Французами и Нѣмцами. Нравы жителей Архангелогородскихъ болѣе, нежели другихъ Рускихъ горожанъ, были смягчены и образованы отъ обращенія съ чужеземцами, которыхъ не почитали Архангелогородцы проклятыми еретиками. Петръ ознакомился со всѣми иностранными шкиперами и купцами. Одѣтый въ платье Голландскаго морехода, осматривалъ онъ корабли иноземные, бесѣдовалъ, гулялъ съ моряками. Три поѣздки (Прогулки по морю.) по морю совершены были на новопостроенномъ царскомъ фрегатѣ, названномъ *св. Петръ*. Въ одной изъ сихъ прогулокъ, Царь, сопровождаемый иностранными кораблями, переплылъ черезъ Бѣлое море и достигъ Трехъ Островов и рѣки Понея на сѣверномъ Терскомъ берегу. Дни именинъ сестры и матери Царя,

брата Іоанна и невѣстки, царицы Маѳы, весело праз- г. 1693.
дновали съ Царемъ Рускіе и иностранцы. Ружейная и пушечная пальба сопровождала каждый праздникъ. Царь слушалъ иногда обѣдню въ приходской церкви св. Иліи, самъ пѣлъ на крылосѣ, читалъ Апостолъ и послѣ обѣдни заходилъ къ священнику на водку. Умный архипастырь Архангелогородскій старался угодить Царю: роскошно угощалъ его, плавалъ съ нимъ по Двинѣ, подносилъ ему подарки и разные запасы. Царь встрѣчалъ и провожалъ его пальбою, уволилъ отъ прогулки по морю, изумлялъ его мудрыми бесѣдами «о бытѣ не только царскомъ и боярскомъ, но и мірскихъ простыхъ людей, работахъ ихъ, строеніи домовъ и заводовъ, путешествіяхъ по рѣкамъ и морямъ и корабельномъ искуствѣ.» Царь подарилъ архіепископу при отъѣздѣ стругъ свой, на которомъ приплылъ въ Архангельскъ, съ разными флагами (между прочимъ съ крестовымъ флагомъ *Іерусалимскимъ*), и свою рессорную карету, которую цѣнили во *сто рублей*. Провожая Аѳанасія изъ Архангельска, Царь плылъ за нимъ въ шлюпкѣ и ловилъ дорогою рыбу; потомъ показывалъ ему приготовленный фейерверкъ и «потѣшный корабликъ,» а вечеромъ въ тотъ день самъ спускалъ съ Англійскаго моста ракеты и гранаты ([116]). Осматривая все въ Архангельскѣ, Царь былъ даже на горшечной лодкѣ, въ которой привезли на продажу въ городъ горшки; нечаянно оступился онъ здѣсь съ подмостокъ, упалъ, переломалъ множество хрупкаго товара и щедро наградилъ за то хозяина лодки ([117]). На мѣсто Матвѣева опредѣлилъ онъ воеводою усерднаго сотрудника и друга своего Ѳ. М. Апраксина, предназначеннаго

г. 1693. ими на службу флотскую, ибо Царь уже положилъ тогда завести въ Россіи флотъ. Онъ велѣлъ тѣмъ же лѣтомъ отправить въ Голландію Русскій корабль съ товарами, и въ 1693 г. въ первый разъ возвѣялся на Бѣломъ морѣ невиданный дотолѣ *флагъ Русскій*. Царь выбралъ образцомъ для него флагъ Нидерландскій, составленный изъ трехъ полосъ, красной, бѣлой и синей, но только расположилъ ихъ въ другомъ порядкѣ: красная, синяя и бѣлая ([448]). Посланнымъ на кораблѣ велѣно было купить въ Амстердамѣ готовый военный корабль и привести его въ Архангельскъ. «Но для чего В. В. корабли, когда у васъ нѣтъ гаваней?» спросилъ Царя Гордонъ. «Были бы у меня корабли, а гавани будутъ,» отвѣчалъ ему Петръ, усмѣхаясь ([449]). Изъ Архангельска отправился онъ 19-го Сентября; изъ Холмогоръ послалъ свиту свою до Москвы сухимъ путемъ, а самъ, въ карбасѣ, плылъ до деревни Копытовой, осмотрѣвши на пути пильныя мѣльницы въ Вовчугѣ ([450]). Пріѣздъ Царя въ Москву праздновали неслыханнымъ прежде увеселеніемъ: въ нарочно построенной, великолѣпной залѣ болѣе 400 человѣкъ были угощаемы Царемъ. Вечеромъ начался балъ; гости танцовали и среди нихъ явились *женщины*, жены и дочери иностранцовъ — не знаемъ, были ль на балѣ Русскія. Пальба и фейерверкъ заключили праздникъ. «Я не жалѣю денегъ на огненныя потѣхи,» говорилъ Петръ, «онѣ пріучаютъ моихъ подданныхъ къ огню ([451]).»

Возвращеніе въ Москву.

Кончина Патріарха.

Когда скончался старый патріархъ Іоакимъ, на мѣсто его, по волѣ Царя, избранъ былъ митрополитъ Казанскій, бывшій прежде Чудовскій архимандритъ, Адріанъ ([452]). Смиренный кроткій старецъ, онъ не

дерзалъ противорѣчить Царю и осуждать его дѣла и поступки. Петръ любилъ и уважалъ добродѣтельнаго Адріана за его смиренномудріе и послушаніе. Въ началѣ 1694 года, вскорѣ по возвращеніи Царя изъ Архангельска, тихо скончалась добрая родительница его, царица Наталія Кирилловна (25-го Января). Тяжко скорбѣлъ объ ней нѣжный, почтительный сынъ. «Не могу подробно писать о бѣдѣ моей и послѣдней печали,» писалъ онъ къ Ѳ. М. Апраксину, «и сердце и рука моя не въ силахъ ея выразить.» Глухо объявляю объ ней и вспоминаю слова св. апостола Павла: «не скорбѣть объ умершихъ,» и слова Ездры, что «не возвратить намъ прешедшаго.» Тайна превышаетъ мой умъ. Подобно Ною, не сѣтуя о невозвратномъ, предаю все волѣ Бога. Будемъ думать о живыхъ, оставивъ умершихъ, хотя скорбь моя и требуетъ времени и отдыха (485).»

г. 1694.

Смерть царицы Наталіи.

Отдыха у него не было. Печаль отягчала сердце Царя, но какъ будто тѣмъ усильнѣе хотѣлъ онъ разсѣять ее трудами, и уже не стѣсняемый волею матери и упрямаго Іоакима, дѣятельнѣе прежняго занялся онъ устройствомъ войска, и особенно флота, главнаго предмета его тогдашнихъ попеченій. Уважая несогласіе добраго брата, царя Іоанна, онъ не приступалъ еще къ другимъ дальнѣйшимъ преобразованіямъ. Велѣно было готовить въ Москвѣ войско для большихъ маневровъ осенью, а весною Царь отправился вторично въ Архангельскъ, куда ожидалъ онъ прихода купленнаго въ Голландіи корабля и гдѣ между тѣмъ безпрерывно работали на верфи. «Всѣ твои письма,» писалъ онъ шутливо Апраксину, «*докладывалъ я Кесарю и Адмиралу нашему*, и онъ велѣлъ тебѣ сказать,

Второе путешествіе въ Архангельскъ.

Г. 1694. что онъ, Государь, *человѣкъ зѣло смѣлый на войнѣ, а паче охочъ къ водяному пути*, и далѣе Апрѣля здѣсь въ Москвѣ медлить не хочетъ. А *братъ его Государевъ* (Царь разумѣлъ себя), какъ Аѳиняне, охотникъ до новостей, и раздѣляя любовь и рвеніе Его Величія, отстать отъ него не хочетъ. Шутбенахтомъ будетъ П. И. Гордонъ и всего насъ пріѣдетъ къ тебѣ человѣкъ триста. Для того обо всемъ поспѣши, *а паче о кораблѣ*. Кланяюсь тебѣ — *бломтой работы мастеръ Питеръ, съ товарищами* (454).»

Мая 1-го выѣхалъ Царь изъ Москвы; съ Вологды опять шелъ водою, проплылъ не останавливаясь мимо Холмогоръ и 18-го Мая былъ въ Архангельскѣ. Сюда явился къ нему съ поклономъ архіепископъ Аѳанасій. Мая 27-го служили молебенъ; самъ Царь *пѣлъ басомъ* съ своими пѣвчими, и 29-го, на архіерейской яхтѣ, пустился къ Соловецкимъ островамъ (455). Аѳанасій сопутствовалъ ему, хотя не весьма охотно, и приведенъ былъ въ смертельный ужасъ возставшею на морѣ свирѣпою бурею. Свита царская раздѣляла испугъ архипастыря. Царь былъ безстрашенъ. Умоляемый архіепископомъ, онъ молился съ нимъ, и даже, слѣдуя примѣру другихъ, пріобщился св. Таинъ, ибо отчаявшись въ спасеніи, всѣ бывшіе на яхтѣ готовились къ смерти, горестно прощаясь другъ съ другомъ, но мужественно ободрялъ и утѣшалъ Царь отчаявшихся. Спасителемъ Петра и его спутниковъ явился, случайно бывшій на яхтѣ, архіерейскій Соловецкій *ладейный кормщикъ*, опытный лоцманъ Бѣлаго моря, *Антипъ Тимоѳеевъ*. Совершенно зная всѣ Бѣломорскія прибрежья, онъ сказалъ Царю, что единственное средство спастись

состоитъ въ направленіи корабля къ ближайшей гавани, называемой Унскою. Царь велѣлъ отдать Антипу руль, но самъ наблюдалъ за его управленіемъ. Буря была ужасна. Много умѣнья надобно было войдти въ Унскую гавань, усыпанную опасными подводными каменьями. Царь вмѣшался въ дѣло кормщика и заспорилъ съ нимъ. «Поди прочь!» сердито закричалъ на него Антипъ — «здѣсь мое мѣсто, а не твое! Я знаю что дѣлаю!» Смиренно замолчалъ и отошелъ Царь. Антипъ благополучно управилъ яхту къ берегу подлѣ уединенной Петроминской обители, основанной на томъ мѣстѣ, гдѣ въ XVI-мъ вѣкѣ погибли въ волнахъ и были погребены два святые отшельника Соловецкіе. «Помнишь ли, какъ ты отподчивалъ меня на морѣ?» смѣясь спросилъ Царь у Антипа, когда яхта пристала къ землѣ. Трепещущій лоцманъ повергся къ ногамъ Царя, умоляя о прощеніи. Царь поднялъ его, поцѣловалъ и подарилъ ему на память бывшее на немъ мокрое платье, говоря: «Я точно былъ виноватъ, а ты правъ: я вмѣшивался не въ свое дѣло ([456])!» Радостно спѣшили всѣ благодарить Бога въ обители. Четыре дня прожилъ здѣсь Царь, пѣлъ и читалъ съ иноками, изумленными, обрадованными его неожиданнымъ прибытіемъ, одарилъ щедро бѣдную обитель ихъ и хотѣлъ увѣковѣчить мѣсто спасенія своего памятникомъ: своими руками вырубилъ онъ огромный деревянный крестъ и вырѣзалъ на немъ надпись на Голландскомъ языкѣ, съ означеніемъ года, называя себя въ ней *капитаномъ Петромъ*. Послѣ молебна, на своихъ плечахъ, при пособіи бояръ и сановниковъ, перенесъ онъ памятникъ свой къ тому мѣсту берега, гдѣ г. 1694.

г. 1694. пристала яхта. Тамъ долго стоялъ сей знакъ благочестія, воздвигнутый Петромъ Великимъ, нынѣ хранимый въ Архангельскѣ, какъ драгоцѣнность ([457]). Іюня 6-го пустились къ Соловецкой обители. Царь прожилъ въ семъ знаменитомъ монастырѣ три дня, воздавая поклоненіе мощамъ св. угодниковъ Соловецкихъ, радуя иноковъ своимъ благочестіемъ, бесѣдуя съ умнымъ архимандритомъ, раздѣляя трапезу съ братіею и вознося съ ними ихъ *заздравную* чашу ([458]). «Превозлюбленный мой Государь, батько и братецъ, царь Иванъ Алексѣевичъ,» писалъ Петръ къ брату и другу своему — «здравствуй на многія лѣта, съ сожительницею твоею, а моею Государынею невѣстушкою, и съ рожденіемъ твоимъ. Я исполнилъ данное мною въ прошломъ году обѣщаніе поклониться мощамъ чудотворцовъ, сподобился видѣть раки ихъ, и увѣдомляю о томъ тебя, моего отца и брата. Прошу милости твоей: прикажи поклониться теткѣ и матери моей Татьянѣ Михайловнѣ, невѣстушкамъ и сестрамъ. Скажи имъ, что я слава Богу живъ, а за симъ здравствуй, Государь братецъ ([459])!» И въ Соловкахъ оставленъ былъ на память пребыванія царскаго огромный крестъ, донынѣ сохраняемый въ особенной часовнѣ, ознаменованной именемъ Петра Великаго. Богатые дары принесъ Царь Соловецкой обители: подарилъ братіи 745 рублей; далъ на устройство иконостаса въ соборной церкви 800 рублей и 500 червонцовъ на позолоту его; приказалъ отпустить обители 3,000 четвертей ржи на продовольствіе братіи и приписалъ къ монастырю двѣ пустыни. Онъ не забылъ добродушнаго Антипа: велѣлъ выдать ему 25-ть рублей на одежду и навсегда освободить его отъ мона-

Царь въ Соловецкой обители.

стырскихъ работъ (460). Возвратясь въ Архангельскъ, нетерпѣливо ждалъ Царь своего корабля изъ Голландіи. «Подлинной вѣдомости объ немъ нѣтъ и я буду его дожидаться,» писалъ онъ къ брату. Время проходило въ изученіи науки мореходства, праздникахъ и огненныхъ потѣхахъ. Царь особенно полюбилъ тогда Голландскаго шкипера Виллемсона и просилъ его показать подробно на дѣлѣ всю корабельную службу. Шкиперъ думалъ, что съ нимъ шутятъ, но Царь настоялъ. «Если хочешь учиться,» сказалъ ему шкиперъ, «начинай съ должности *цвиббера* (каютнаго юнги), потомъ *каютъ-вахтера* и *младшаго матроса*.» «А въ чемъ состоитъ должность цвиббера?» спросилъ Царь. «Служить, пока научится повелѣвать другими! Вотъ, если-бы ты былъ цвибберъ, я сказалъ бы тебѣ: поди, набей мнѣ трубку, и подай огня, да водки!» Царь поспѣшилъ исполнить приказъ. «Теперь ступай на мачту,» продолжалъ смѣясь шкиперъ, и — ужаснулся, когда Царь отважно бросился исполнить его приказаніе. Петръ такъ же прошелъ на кораблѣ Виллемсона всѣ должности морскія, съ званія каютнаго прислужника до шкиперскаго чина, какъ въ военной службѣ началъ онъ службу съ барабанщика и рядоваго бомбардира (461). Онъ понялъ уже въ то время, что тогда только можетъ требовать вѣрнаго отчета у другихъ, когда самъ будетъ въ состояніи указать каждому его дѣло. Какъ дѣтей долженъ былъ онъ учить подвластныхъ ему самымъ первымъ понятіямъ въ наукахъ, знаніяхъ и общественности, долженъ былъ убѣждать ихъ притомъ въ пользѣ и необходимости сихъ понятій. И того было недостаточно: надлежало руководствовать

Г. 1694.

Царь изучаетъ морскую службу.

г. 1694. каждаго своимъ примѣромъ, уничтожать вредное мѣстничество, чванное величанье боярствомъ, слѣпую ненависть и суевѣрное предубѣжденіе противъ иностранцовъ и показывать тщету незаслуженныхъ отличій. Великій рѣшился слагать съ себя высокій санъ царскій, простирать скиптроносныя руки свои къ топору плотника, веслу матроса, ружью солдата, да убѣдитъ примѣръ царя всѣхъ и каждаго, что только трудомъ и заслугою покупаются достоинство и отличіе. Здѣсь сокрыта была тайна дѣлъ Петра, и уже съ того времени образовалъ онъ себѣ систематическое направленіе своихъ поступковъ, состоявшее въ смѣшеніи лицъ и званій, свободѣ обращенія и уничтоженіи гордой, неприступной чиновности. Уже и тогда видно было развитіе мысли, начатое забавою, но употребленное въ послѣдствіи въ дѣло: мы упоминали о шуточныхъ названіяхъ Ромодановскаго, Бутурлина и Зотова. Слагая съ себя внѣшніе признаки власти, служа *дѣйствительно* солдатомъ и матросомъ, Петръ рѣшился отдавать и самую внѣшность величія своимъ подчиненнымъ, оказывая имъ наружное повиновеніе, являя тѣмъ и ничтожность внѣшнихъ отличій и примѣръ порядка и послушанія. Такъ Лефорту передалъ онъ все свое дворское великолѣпіе, а шуточное названіе Ромодановскаго *Княземъ-Кесаремъ* скоро сдѣлалось его гласнымъ для всѣхъ названіемъ: Царь повелѣлъ отдавать ему царскія почести, по наружности, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ чинно и торжественно надобно было являться самому Петру. Князь-Кесарь представлялъ Царя, а передъ нимъ смиренно являлся Петръ, называясь, то *бомбардиромъ*, то *корабельнымъ басомъ*, то *блочнымъ масте-*

ромъ Его Кесарскаго Величія. Но не будемъ предупреждать событій, которыя сами вполнѣ раскроютъ намъ геніяльную мысль Великаго. г. 1694.

Давно ожиданный корабль прибылъ изъ Голландіи въ Архангельскъ 20-го Іюля. Августа 1-го служили на немъ молебенъ; архіепископъ пріѣзжалъ благословить въ путь Царя, и Августа 13-го Царь отправился въ море на кораблѣ своемъ, сопровождаемый иностранными судами. Всею эскадрою начальствовалъ Англійскій шкиперъ Іольсенъ. Царь былъ безотлучно при немъ и подъ его руководствомъ изучалъ навигацію. Плаваніе простерлось даже до Святаго Носа и продолжалось десять дней (462). На прощаньи съ моряками два дня угощалъ ихъ Царь въ своемъ дворцѣ. Они разсказывали потомъ, что въ веселый часъ, онъ взялъ однажды съ нихъ слово: исполнить все то, что онъ сдѣлаетъ, и бросился въ воду, плавая смѣло и искусно. Всѣ должны были слѣдовать его примѣру, не жалѣя щегольскаго платья, въ какомъ явились на царскій пиръ (463). Долго промедливши въ ожиданіи корабля, Царь спѣшилъ послѣ морскаго путешествія своего въ столицу. «Октября 1-го пріѣхали мы къ Москвѣ,» писалъ онъ къ Апраксину, «а *генералиссимусъ* изволилъ придти Октября 10-го, и встрѣтили мы его всѣми полками, а на утро того дня и *Святѣйшій Папа* пріѣхалъ въ добромъ здоровьи (464).»

Прогулка по морю.

Въ Москвѣ уже приготовлено было новое зрѣлище народу, новое училище войску: была устроена не небольшая, какъ прежде, но обширная крѣпость, съ высокими земляными валами, и осаждать и брать ее должны были не два или три полка, но многочисленное

Кожуховскій походъ.

г. 1694. войско. Съ весны Гордонъ занимался построеніемъ сей крѣпости. Сопровождая Царя въ прогулкѣ его по Бѣлому морю, вмѣстѣ съ нимъ составлялъ онъ планъ Московскихъ военныхъ маневровъ. Мѣсто крѣпости было выбрано за Москвою рѣкою, по дорогѣ въ село Коломенское, близъ деревни Кожуховой, по имени которой и маневры названы были *Кожуховскимъ походомъ* ([465]). Стольники, стряпчіе, дворяне, жильцы Московскіе и подьячіе изъ Приказовъ все лѣто учились конному и пѣшему строю въ Преображенскомъ. Къ 20-му Сентября велѣно было собраться вооруженному войску изъ 22-хъ окрестныхъ подмосковныхъ городовъ ([466]). Всѣ войска раздѣлены были на двѣ арміи. *Генералиссимусомъ* одной, назначенной защищать крѣпость, объявленъ былъ *Польскій Король И. И. Бутурлинъ; генералиссимусомъ* другой арміи, нападавшей на крѣпость, *Князь-Кесарь, Ѳ. Ю. Ромодановскій* ([467]).

Сентября 23-го Бутурлинъ собралъ полки свои за Прѣсненскими прудами и повелъ ихъ по Тверской улицѣ и черезъ Кремль въ Кожухово. Шествіе открывали Стремянной Стрѣлецкій и пять другихъ Стрѣлецкихъ полковъ. За ними шли 13-ть конныхъ ротъ, составленныхъ изъ подьячихъ и дьяковъ. «Всѣ они были люди военные, бывалые въ походахъ съ княземъ Вас. Вас. Голицынымъ противъ Турковъ и Татаръ, и только что возвратились изъ огня въ Москву,» сказано было въ шуточномъ описаніи Кожуховскаго похода, составленномъ по повелѣнію Царя. Генералиссимусъ былъ *въ мундирѣ на подобіе Французскаго кафтана.* Царскіе пѣвчіе, стольники и завоеводчики заключали шествіе. Черезъ три дня, изъ Семеновскаго поднялся князь Ромодановскій и шелъ по

Мясницкой улицѣ и черезъ Кремль. Шествіе открывалъ царскій шутъ Тургеневъ, «старый знатный воинъ, Кіевскій полковникъ.» Потомъ слѣдовали: Сибирскій Царевичъ, съ двумя конными ротами; полкъ Лефорта; Стрѣлецкій Бутырскій полкъ Гордона; полкъ Потѣшный Преображенскій, предводимый полковниками Автономомъ Михайл. Головинымъ и Менгденомъ, и подполковниками, княземъ Ник. Трубецкимъ и Адамомъ Вейде; бомбардирскую роту его вели три капитана: *Петръ Алексѣевичъ* — то былъ самъ Царь, Гумбертъ и князь Троекуровъ. Полкъ Семеновскій шелъ съ полковникомъ своимъ Чамберсомъ; слѣдовали три роты гусаровъ *въ шишакахъ и латахъ;* рота *палашниковъ;* рота *конныхъ гранатчиковъ;* за нею маршировалъ отрядъ карлъ, въ красныхъ плащахъ и въ шляпахъ съ перьями; наконецъ ѣхалъ воевода Шеинъ, осѣняемый знаменемъ; за нимъ слѣдовала царская карета, гдѣ находился Князь-Папа. Въ заключеніе шли роты Нахаловъ и Налетовъ и 20 ротъ стольничьихъ, предводимыхъ боярами В. И. Шереметевымъ, Т. Н. Стрѣшневымъ, княземъ Б. А. Голицынымъ и княземъ М. И. Лыковымъ, сопровождаемыхъ самимъ Княземъ-Кесаремъ. Онъ ѣхалъ верхомъ, въ богатомъ Русскомъ платьи. За нимъ везли пушки, маршировали саперы и минеры съ лопатками и заступами ([468]). Сильная пальба началась на переправѣ черезъ Москву рѣку подъ Кожуховымъ. Князь-Кесарь сбилъ непріятеля, переправился, осадилъ крѣпость и поселился среди своего лагеря въ великолѣпной ставкѣ. Почти мѣсяцъ продолжались битвы, приступы и движенія войскъ, не смотря на дождливое осеннее время. Съ обѣихъ сторонъ истощали всѣ

г. 1694.

г. 1694. воинскія хитрости, нерѣдко дрались жестоко и запальчиво — кончили шуткою: Князь-Кесарь побѣдилъ непріятелей не *огнемъ*, но *водою*. Октября 15-го крѣпость затопили потоками воды, пущенными изъ ручныхъ трубъ; окружили Бутурлина, когда онъ выбрался на поле, принудили сдаться въ плѣнъ, взяли лагерь его и привели его самого, связаннаго и подъ стражею, въ шатеръ Князя-Кесаря. Побѣдитель сидѣлъ въ богатыхъ креслахъ, гордо принялъ, милостиво помиловалъ побѣжденнаго непріятеля, и побѣдители и побѣжденные помирились за роскошнымъ и шумнымъ пиромъ. Бочки вина, пива и медовъ выкатили войску, угостили также народъ и 18-го Октября распустили городовыхъ служивыхъ ([469]).

Комическій походъ подъ Кожухово описанъ былъ, какъ упомянули мы, по повелѣнію Царя, въ великолѣпномъ разсказѣ, подъ названіемъ: *Извѣстное описаніе о брани, бывшей между изящными господами генералиссимами, княземъ Θеодоромъ Юрьевичемъ и Исакомъ Ивановичемъ, съ изложеніемъ, коихъ ради причинъ оная происходила.* Начиная исторію Троянскою войною, описатель громко и величественно разсказываетъ всѣ подробности *сильнѣйшей брани Кожуховской*, какъ будто въ самомъ дѣлѣ брань была за новую Трою ([470]).

Воинскіе маневры. Послѣ краткаго отдыха, новые маневры произведены были подъ Коломенскимъ. Но здѣсь уже не шутили: полки, подъ предводительствомъ Лефорта и Гордона, сражались въ полѣ, и защищали и брали небольшую крѣпость. Лефортъ едва не заплатилъ дорогою цѣною за свою побѣду: гранатою обожгло ему лицо; нѣсколько дней опасались, что онъ лишится зрѣ-

нія. Царь болѣлъ и страдалъ за своего друга, былъ при немъ неотлучно, самъ подавалъ ему лекарства, дѣлалъ примочки, и въ знакъ радости, по выздоровленіи пожаловалъ Лефорта *полнымъ генераломъ* (471). По случаю свадьбы земляка своего, капитана Сенебьера, Лефортъ далъ великолѣпный праздникъ, продолжавшійся три дня. Здѣсь Царь явился съ четырехъ-лѣтнимъ сыномъ своимъ, царевичемъ Алексѣемъ. Лефортъ представилъ Царевичу восьми-лѣтняго сына своего Генриха. Отцы радовались на дѣтей, льстили себя, можетъ быть, надеждою, что *Генрихъ* будетъ нѣкогда для *Алексѣя* тѣмъ, чѣмъ незабвенный отецъ его былъ для Петра. Не сбылись надежды (472)... Г. 1694.

Послѣ святокъ явилась новая потѣха: задумалъ жениться «старый воинъ, Кіевскій полковникъ,» Тургеневъ. По волѣ Царя странный маскарадъ составлялъ свадебный поѣздъ знаменитаго шута. Царедворцы, бояре, иностранцы, всѣ безъ различія, одѣтые въ рогожи, лыковыя и лубочныя шляпы, крашенинные и сермяжные кафтаны, ѣхали въ саняхъ, запряженныхъ быками, козлами, собаками, свиньями. Женихъ съ невѣстою сидѣли въ великолѣпной царской каретѣ. Свадебный пиръ происходилъ на морозѣ, подъ шатрами на Преображенскомъ полѣ (473). Свадьба шута.

Но довольно было *потѣхъ*. Уже время было великому вступить въ дѣло многотруднаго преобразованія внѣшнихъ отношеній Россіи и ея внутренняго устройства. Совершенно былъ онъ освобоженъ и не связанъ ни чьею волею. Пять лѣтъ его самодержавія прошло въ мирной наукѣ. Безмятежно было Русское царство. Если и дышала еще тайно гидра мятежей, голова

г. 1694. ея была раздавлена пятою могущаго Царя. *Двадцать три года* совершилось самовластителю Россіи. Многое узналъ, изучилъ, испыталъ онъ. Душа его была исполнена безмѣрныхъ замысловъ. Безстрашно былъ онъ готовъ приступить къ царскимъ подвигамъ, уже упрочившій силы свои повиновеніемъ подвластныхъ и началомъ новаго воинскаго устройства. Готовы были его вѣрные сподвижники. Но не приступая къ полному измѣненію внутренняго общественнаго устройства, онъ захотѣлъ прежде испытать воинской брани, и цѣлью военныхъ предпріятій своихъ предположилъ устройство морскихъ силъ Россіи, уже не въ малыхъ опытахъ, но въ размѣрѣ обширномъ. Здѣсь кончилась *юность* Петра и начинаются его великіе государственные подвиги.

Замыслы Царя. Обширны — *безмѣрны* были, сказали мы, замыслы юнаго Царя. Страстно полюбившій мореплаваніе, увѣренный въ необходимости морскихъ силъ и морскихъ торговыхъ сношеній государства съ другими державами, онъ убѣдился, что *Архангельскъ* и *Бѣлое море*, удаленные въ сѣверъ, находясь въ хладной, малообитаемой странѣ сѣверной, подлѣ Ледовитаго океана, большую часть года неспособнаго къ плаванію кораблей, опаснаго въ остальное время, самою отдаленностью морскаго пути изъ Европы не давали Россіи средствъ ни къ военной защитѣ, ни къ внѣшней торговлѣ съ иноземцами. Вниманіе Царя обратилось на Черное море, сосѣднее съ облагодѣтельствованными природою южными странами Россіи. Онъ рѣшился овладѣть Азовскимъ моремъ: до береговъ его почти вплоть простирались владѣнія Русскія, и оно давало притомъ средства держать

въ страхѣ хищниковъ Крыма, распространиться по берегамъ Чернаго моря, овладѣть землями между Чернымъ и Каспійскимъ морями, раздвинуть Русскую торговлю въ Азію. Слѣдствіемъ всѣхъ сихъ соображеній былъ *походъ подъ Азовъ,* оставшійся въ памяти современниковъ, какъ *первый воинскій подвигъ* Петра, какъ одна изъ блестящихъ побѣдъ, отъ коихъ уже отвыкли тогда Руские, помня только неудачное окончаніе войны съ Польшею при царѣ Алексіи, сомнительный Чигиринскій походъ при царѣ Θеодорѣ и два несчастные Крымскіе похода при Софіи. г. 1694.

Походъ Азовскій былъ предпринятъ, какъ видимъ, въ слѣдствіе обширныхъ предположеній Царя; поводомъ къ нему были война съ Турціею, начатая при Софіи, и союзъ съ Императоромъ, Польшею и Венеціею, заключенный въ ея правленіе. Дѣла внѣшнія.

Когда послѣ разрыва Вѣнскихъ переговоровъ такъ неудачно воевалъ на Перекопскихъ степяхъ любимецъ Софіи, въ 1689 году, не болѣе удачи было и въ дѣйствіяхъ союзниковъ Россіи. Поляки хотѣли взять Каменецъ и осадили его, но коронный Гетманъ, распоряжавшій осадою, поспѣшно отступилъ отъ него, преслѣдуемый Турками. Собіескій продолжалъ однакожъ войну, обрадованный супружествомъ сына своего Іакова съ сестрою Императрицы, присылкою отъ Императора ордена Золотаго Руна и свадьбою дочери своей съ Баварскимъ Курфирстомъ. Крымцы едва не захватили въ плѣнъ самого Собіескаго, въ 1690 г. зимою, но лѣтомъ Поляки успѣшно воевали въ Молдавіи и взяли Сочаву. Въ 1691 г. войско Польское разошлось за неимѣніемъ денегъ на содержаніе, хотя весною переходило за Война съ Турціею.

г. 1694. Днѣпръ и захватило два мѣстечка Турецкія. Построеніе новой крѣпости подлѣ Каменца не спасло Польши отъ Татаръ, по два года опустошавшихъ ее свирѣпыми набѣгами. Только въ 1694 году гетманы Яблоновскій и Сапега остановили толпы Крымскихъ хищниковъ и заставили ихъ удалиться, послѣ жестокой битвы. Собіескій былъ уже тогда смертельно боленъ, страдая въ одно время чахоткою, подагрою, каменною и водяною болѣзнями. Неутолимо терзали и отравляли послѣдніе дни его семейные раздоры. Королева, супруга его, ненавидѣла и гнала старшаго сына, назначая его въ монахи, стараясь возвысить брата его, принца Александра, и выдать дочь свою за сына Императорскаго. Супружество Іакова разрушило ея планы, но не уменьшило ненависти къ нему. Іаковъ рѣшался наконецъ бѣжать изъ Польши и открыть посполитому сейму всѣ тайныя козни и крамолы королевы матери своей, явно торговавшей чинами, мѣстами и правосудіемъ, подъ управленіемъ Жидовъ, корыстолюбивыхъ придворныхъ, іезуита Воты и Венеціянскаго резидента Алберти. Жиду Бецалу отдали на откупъ всѣ Польскія таможни и онъ безнаказанно грабилъ народъ, называвшій Дворъ короля своего «могилою Польши.» Тщетно вопіяли противъ жаднаго откупщика Еврея на сеймѣ 1694 года (474). Къ умноженію бѣдствій началась еще несчастная ссора между епископомъ Виленскимъ и Сапегою, великимъ канцлеромъ Литовскимъ: Сапега отвелъ квартиры войску королевскому въ помѣстьяхъ епископа и былъ проклятъ имъ за нарушеніе правъ духовенства. Примасъ королевства и другіе вельможи, враги Собіескаго заступились за Сапегу; Со-

біескій и Папскій нунцій защищали епископа; одни ссылались на рѣшеніе Папы; другіе требовали суда Рѣчи Посполитой. На собранномъ по сему случаю сеймѣ нагло позорили Собіескаго дерзкою бранью; въ жару споровъ принимались за оружіе — Собіескій еще разъ хотѣлъ отказаться отъ престола ([178]). Онъ видѣлъ неправоту защищаемой имъ стороны, дѣйствовалъ противъ совѣсти, но горько жалуясь друзьямъ своимъ на королеву и любимцовъ ея, не смѣлъ имъ противорѣчить, и десять лѣтъ постоянно обманываемый союзниками, продолжалъ войну погибельную и безславную. Напрасно, въ 1691 г., Французскій посланникъ, маркизъ Бетюнъ, явно уличилъ Императорскаго посланника графа Туна въ невѣрности его обѣщаній, поссорился съ нимъ, даже вызвалъ его на поединокъ; напрасно Людовикъ XIV далъ наконецъ тестю Собіескаго орденъ св. Духа и выпросилъ ему у Папы кардинальскую шапку. Увлекаемый хитрыми крамолами придворныхъ, Собіескій не отступалъ отъ союза съ Императоромъ, терпѣлъ униженіе, безславіе, былъ средствомъ къ побѣдамъ другихъ и губилъ Польшу. Послѣ каждаго новаго обмана союзниковъ начиналъ онъ переговоры о мирѣ съ Султаномъ и снова отвергалъ ихъ, выводя въ битву жалкія, безпорядочныя, буйныя дружины Польскія и казацкія, погибавшія съ голоду, грабившія жителей, когда Крымцы вторгались почти каждое лѣто и беззащитно опустошали Польшу. Подкрѣпляемый Венеціянами, уже покорившими власти своей всю Морею и завоевавшими часть Босніи, хитро пользуясь содѣйствіемъ Собіескаго, отвлекавшаго часть Турковъ и Татаръ, Императоръ велъ войну съ Султаномъ почти всегда счаст- Г. 1694.

г. 1694. ливо, хотя долженъ былъ въ то время бороться и съ сильнымъ Людовикомъ XIV, сражаясь въ Италіи, Германіи, Фландріи. Поддерживая союзъ свой съ Испаніею, Швеціею, Баваріею, Бранденбургомъ, Англіею и Савоіею, Леопольдъ не уступалъ побѣдительнымъ войскамъ Людовика XIV, и тщетны были воинскіе подвиги Люксанбурговъ, Катинатовъ, Виллеруа, Вандомовъ, морскія битвы Турвиля и Жанъ Барта и временные, случайные успѣхи Турковъ. Завоеватель Ниссы, Виддина, Семендріи и Бѣлграда (въ 1690 г.), храбрый визирь Купругли заплатилъ жизнію за побѣды свои въ несчастной битвѣ Саланкенемской (19-го Августа 1691 г.). Война съ Турками стихла и продолжалась послѣ того медленно до 1695 года. Императоръ предлагалъ Султану миръ, но не отступалъ отъ прежнихъ условій, охотно отдавая ему на жертву Польшу и Россію. Не смотря на перемѣну двухъ Оттоманскихъ властителей (*Селимъ III-й* умеръ въ 1691 г., *Ахмедъ II-й*, въ 1695 г., 27 го Января), Турція отвергала позорный миръ, истощалась въ войнѣ, и султанъ *Мустафа II-й*, преемникъ Ахмеда, рѣшился употребить противъ Императора послѣднія средства Турціи. Надежда оживила унылыхъ, безнадежныхъ Оттомановъ при одобрительныхъ словахъ юнаго, войнолюбиваго падишаха.

Во все время, протекшее съ 1689 г., Руские не оставляли оружія, но военныя дѣйствія ихъ состояли только въ защитѣ Русскихъ предѣловъ отъ Крымцовъ и въ казацкихъ набѣгахъ на Черноморскія степи. Царь не думалъ о наступательной войнѣ. Въ 1690 г. Мазепа посылалъ отряды казаковъ къ Очакову. За Днѣпромъ явились тогда два удалые наѣздника, гетманъ

Польской Украйны *Самусь*, жившій въ Винницѣ, и полковникъ Хвастовскій *Палей*; они били Татаръ, переходившихъ за Днѣпръ, набѣгали на Турецкія земли и просили позволенія переселиться въ Русскую Малороссію, оскорбляемые неблагодарностью Собіескаго и гордостью Поляковъ. Но Мазепа боялся ихъ отваги, любви къ нимъ казаковъ, и не допускалъ Царя согласиться на ихъ предложенія, хотя пользовался ихъ храбростью, соединялъ съ ихъ отрядами свои и посылалъ ихъ въ наѣзды, какъ полновластный гетманъ ([476]). Ханъ Саадетъ Гирей, въ 1692 г., присылалъ въ Москву посланника своего Магмедъ-Агу, предлагая Царю миръ. Ему отвѣчали съ гонцомъ Айтемировымъ, что съ царской стороны «отмѣны рѣчей его о мирѣ не будетъ.» «Не годилось только воспоминать Вашему Ханскому Величеству,» прибавлялъ Царь, «будто мы были причиною войны, когда завели ее ваши прежніе ханы. Но оставимъ прошлое, и если вы искренно хотите мира съ нами, съ нашей стороны мы готовы мириться. Желаемъ тишины и покоя людямъ, скорбимъ, что донынѣ кровь человѣческая не переставала литься, радуемся, что отворяются врата къ покою и надѣемся добраго конца доброначатому дѣлу.» Но условія царскія не были приняты Ханомъ, тѣмъ болѣе, что Россія включала въ договоръ Польскаго Короля ([477]). Ханъ далъ тогда у себя убѣжище бѣглецу Петрику, возмущавшему Малороссію. Татары и Петрикъ напали на Полтаву послѣ разрыва переговоровъ о мирѣ. Мазепа выступилъ противъ нихъ. По извѣщенію Шереметева изъ Бѣлгорода о набѣгѣ Татаръ, Русскому войску велѣно собираться въ Бѣлгородъ къ Шереметеву, г. 1694.

г. 1694. въ Сѣвскъ къ окольничему князю О. Ю. Барятинскому (Іюня 17-го 1692 г.). Но похода не было; войско распустили (Февраля 16-го 1693 г.), узнавши объ уходѣ Крымцовъ ([478]). Дьякъ Виніусъ извѣстилъ о томъ Мазепу, требовавшаго себѣ въ пособіе царскихъ войскъ. «Да будетъ по волѣ государей,» отвѣчалъ Мазепа. «Мое дѣло было представить о желаніи нашемъ сражаться съ непріятелемъ; съ малою помощью, мои казаки могли бы овладѣть Днѣпромъ до самаго моря. Думаю, что тѣмъ мы угодили бы союзникамъ и заставили Крымъ согласиться на миръ ([479]).» Казаки его опять бились у Кизи-Кермена и на Ингулѣ, пробирались даже до Перекопи. Палей врывался въ Бессарабію и разбилъ тамъ отрядъ Татаръ у Кодима. Цари щедро награждали Мазепу, и по навѣтамъ его, не слушая просьбы Палея о подданствѣ, укрѣпляли власть гетмана передачею въ руки его всѣхъ его враговъ, доносившихъ о корыстолюбіи Мазепы и притѣсненіяхъ казаковъ. По клеветамъ Мазепы казненъ былъ *жестокою казнью* Кинокъ Соломонъ; сосланъ въ Сибирь племянникъ Самойловича, полковникъ Гадяцкій, послѣ жестокой пытки, и у полковника Полуботка отняты были свобода и имѣніе ([480]). Въ 1694 г. Крымцы вторглись въ область Переяславскую. Поспѣшно выступилъ противъ нихъ Шереметевъ и сталъ на границахъ Украйны. Татары бѣжали не дожидаясь битвы, «не взявъ въ своемъ поганскомъ намѣреніи никакія утѣхи, поворотили назадъ къ своимъ поганскимъ жилищамъ, и учиня свой поганскій поворотъ пошли на спѣхъ,» какъ доносилъ Шереметевъ. Цари послали милостиво спросить о здоровьи боярина и похвалить службу его ([481]). Казаки мстили

непріятелю за его набѣгъ: Палей выжегъ селенія около Очакова, заполонилъ тамъ стада, разбилъ отрядъ бея Очаковскаго; полковникъ Лизогубъ опустошалъ селенія Буджацкія. Запорожцы и Донцы въ расплохъ напали на Перекопь, разорили одну изъ Перекопскихъ башенъ, забрали съ нея пушки, разбили у Молочныхъ Водъ отрядъ преслѣдовавшаго ихъ Нураддинъ-султана и воротились съ добычею. «На широкихъ и пустыхъ степяхъ, какъ на морѣ, не было стежки видимой,» говоритъ современникъ, «но добре зная проходы, смѣло пускались черезъ нихъ ватаги казацкія, какъ будто по большимъ битымъ дорогамъ; днемъ шли по солнцу и по курганамъ и холмамъ, а ночью пробирались по звѣздамъ, вѣтрамъ и рѣчкамъ, по два мѣсяца не разводя огня, питаясь толокномъ и горстью сухарей толченыхъ, кроясь въ тернахъ и камышахъ, будто звѣри дикіе, и малымъ людомъ великія купы вражескія побивая (182).» Еще въ 1692 г. Донцы въ два найма выходили въ море на 90-та лодкахъ и разоряли Азовскія прибрежья; въ 1693 г. отбили они нападеніе Азовцовъ на Черкаскъ. Награжденный въ пріѣздъ свой въ Москву, храбрый Донской атаманъ Флоръ Миняевъ разбилъ отряды Татаръ, пробравшіеся до Русскихъ предѣловъ черезъ Донскія земли и грабившіе близъ Острогожска и Тамбова. Походъ Донцовъ въ 1694 г. былъ неудаченъ: 65 лодокъ казацкихъ успѣли пройдти мимо Азова, напали на Темрюкъ, но опустошивъ тамошнее прибрежье, казаки были остановлены у Азова, затопили лодки свои и едва пробрались черезъ степь отъ Міюса въ Черкаскъ съ большою *трутизною*. За то Донцы наградили себя другимъ набѣгомъ на Азовъ и разбитіемъ толпы Татаръ, г. 1694.

г. 1694. пробиравшихся къ Волгѣ. Хищники везли съ собою на колесахъ лодки, думая спустить ихъ на Волгу и грабить на нихъ приволжье ([483]). Богатыми подарками снова наградили Цари службу Мазепы, Палея, Лизогуба, Шарпилы, Запорожскаго кошеваго атамана, Миняева и ихъ храбрыхъ товарищей ([484]).

Такъ прошло пять лѣтъ, и безпрерывно уговаривая Царей воевать съ Оттоманами, Императоръ и Король Польскій слышали одни отвѣты, что Руские не покидаютъ оружія, хотя не видятъ сильныхъ дѣйствій со стороны союзниковъ, и слышатъ, что Императоръ и Король стараются примириться съ Султаномъ, забывая о пользахъ и участіи Россіи. Царь хорошо постигалъ вѣроломную политику союзниковъ и безполезность войны, все еще прикрываемой названіемъ *крестоваго похода* на невѣрныхъ. Въ 1691 г. опять явился въ Москву Іоганнъ Курцъ уговаривать Царей, привезъ даже въ Вѣну согласіе Царя на войну наступательную и Императоръ спѣшилъ благодарить его за рѣшеніе ([485]), но прошло два года и Царь не вмѣшивался въ распрю сомнительную, слыша о новыхъ ухищреніяхъ союзниковъ и занимаясь своими кораблями и Потѣшными войсками. «Вникните въ замыслы нечестивыхъ Папистовъ,» тайно писалъ къ Царямъ Патріархъ Іерусалимскій (въ 1693 г.), извѣщая ихъ объ условіяхъ мира, предложенныхъ Султану Императоромъ, Польшею и Венеціянами. «Предлагаютъ они включить въ условія Россію и требуютъ для нея Азова и еще двухъ крѣпостей, но явно, что требуютъ только для вида, а не по любви то дѣлаютъ, предавая насъ, православныхъ христіанъ, неволѣ Турецкой, стараясь достать

въ свои окаянныя руки св. Гробъ Христовъ, думая превратить православіе въ Унію и отторгнуть отъ Россіи казаковъ. Еслибы могли вы, Цари православные, усмирить набѣги Крымскихъ Татаръ, присоединить къ себѣ Молдавію и Валахію, подчинить себѣ православныхъ Сербовъ и Булгаровъ, тогда легко могли бы вы одни управиться съ Турціею и съ враждебною Польшею, которую хорошо умѣли нѣкогда проучивать даже одни ваши казаки (436).» И безъ напоминаній Патріарха, Петръ, повторяемъ, умѣлъ оцѣнять безполезность войны и ничтожность союза съ Императоромъ и Собіескимъ, который въ 1691 г. опять начиналъ безконечные споры о границахъ (437). г. 1694.

Встревоженные сильными приготовленіями Оттомановъ и юнаго Султана ихъ въ 1694 г., Императоръ и Собіескій начали сами дѣятельнѣе готовиться на войну. Рѣчи Мустафы казались грозны, отзывались лучшими временами Оттоманской славы. «Въ правленіе монарховъ, преданныхъ нѣгѣ и бездѣйствію,» говорилъ Султанъ въ гаттишерифѣ своемъ, 24-го джемазуля-ахира 1106 года эгиры (6-го Февр. 1695 г.), «нѣтъ спокойствія правовѣрнымъ. Но если Богъ вручилъ мнѣ, бѣдному грѣшнику, правленіе халифатствомъ, объявляю, что отнынѣ нѣга, лѣность и роскошь изгоняются изъ моего Двора. Мои предмѣстники, преданные безпечности, допустили поганыхъ невѣрныхъ покорять наши области, разрушать наше благоденствіе, порабощать нашихъ подданныхъ. Призывая имя Бога, хочу блистательно отмстить адскому издачію невѣрныхъ — иду самъ на святую войну! Нашъ благородный предокъ, султанъ Сулейманъ лично водилъ на брань полки свои; г. 1695.

г. 1693. слѣдуя его примѣру, призываю правовѣрныхъ собраться окрестъ меня, призываю васъ, мои визири, улемы, кадіи и аги!» Ему представляли опасности войны. Онъ отвѣчалъ новымъ гаттишерифомъ, состоявшимъ изъ словъ: *Во имя Бога, иду сражаться* ([488])! Безпокойно слыша о сборахъ и рѣчахъ Султана, наконецъ о выѣздѣ его изъ столицы въ лагерь, тѣмъ радостнѣе узнали Императоръ и Король Польскій о началѣ войны Царемъ и походѣ сильнаго войска Русскаго.

Походъ Азовскій.

Царь рѣшился воевать, и какъ мгновенно былъ имъ рѣшенъ походъ, такъ быстро былъ онъ исполненъ. Планъ военныхъ дѣйствій предположили обширный: опредѣлено было послать сильное войско къ устью Днѣпра и тѣмъ отвлечь силы Крымцовъ. Другое войско должно было въ то же время идти къ Азову, главной цѣли похода. Сей старинный городъ, заступившій мѣсто древней Таны, ключъ рѣки Дона, средство обладать Азовскимъ моремъ и грозить Крыму, берегамъ Малой Азіи и даже Царьграду, хотѣлъ осадить и взять самъ Царь, нетерпѣливо жаждавшій искуситься въ битвахъ. Послѣ завоеванія въ 1637 г. казаками и оставленія ими въ 1643 г., Азовъ былъ укрѣпленъ Турками, такъ, что его считали крѣпостью неприступною. Царь видѣлъ, что Азовъ трудно будетъ добывать безъ пособія флота, которымъ можно было пресѣчь сообщеніе города съ моремъ. Рѣшено поспѣшно строить суда, и мѣстомъ главной верфи, кромѣ

Верфь въ Воронежѣ.

Брянска, мѣста постройки мѣлкихъ судовъ, переводимыхъ оттуда въ Днѣпръ, избранъ былъ *Воронежъ*. Онъ представлялъ всѣ удобства, по близости отъ Москвы, положенію въ лѣсистой сторонѣ, на рѣкѣ Воронѣ, недалеко отъ него впадающей въ Донъ, куда въ

полую воду могли спускаться даже большіе корабли ([489]). Сближеніе Дона съ Волгою и Окою давало Царю смѣлую мысль соединить каналами Волгу и Оку съ Дономъ. Тогда обладая Азовомъ, онъ могъ устроить водяное сообщеніе изъ Сибири и изъ Москвы съ Чернымъ и Каспійскимъ морями ([490]). Зимою отправились въ Воронежъ корабельные мастера; имъ велѣно спѣшить работою, но Царь не могъ сождать окончанія постройки судовъ. Рѣшились попытаться взять Азовъ безъ пособія флота. Февраля 17-го 1695 г. велѣно собираться войскамъ къ 1-му Апрѣля въ Бѣлгородъ и Сѣвскъ, гдѣ устроивали изъ нихъ два сильные корпуса, назначенные на Крымъ, бояринъ Б. П. Шереметевъ и окольничій князь П. А. Львовъ. Объявлено о сборѣ денегъ на войско. Отдѣльный корпусъ собирался въ Москвѣ, назначаясь къ Азову. Донцамъ приказано готовить 1000 подводъ для перевоза пушекъ и обозовъ, велѣно варить пиво для войска, очистить и стеречь дорогу къ Азову ([491]). Ополченія въ Москвѣ готовились дѣятельно. «Не взыщи, что не отвѣчаю на письма твои,» писалъ Царь Апраксину. «Не лѣнюсь, но увлеченъ недосугами и суетами. Вѣдаетъ ваша милость труды осенніе подъ Кожуховымъ, гдѣ пять недѣль провели мы въ Марсовой потѣхѣ. И хотя при той игрѣ ничего на разумѣ не было, но совершивъ ее начали мы другое и явилась игра предвѣстникомъ настоящаго дѣла. Можешь разсудить, какихъ трудовъ и какого тщанія оно требуетъ. По указу Его Пресвѣтлѣйшества ѣдемъ съ Москвы 18-го Апрѣля. Ваши просьбы Ихъ Пресвѣтлѣйшествамъ докладывалъ и они ихъ рѣшили ([492]).» Марта 7-го Гордонъ выступилъ изъ Москвы

г. 1695.

Сборъ войска.

г. 1695. съ 10,000 войска; Апрѣля 18-го двинулся бояринъ Шеинъ, объявленный главнокомандующимъ Азовскою арміею. Апрѣля 28-го толпы народа покрыли берега Москвы рѣки, гдѣ приготовлены были струги для царскаго похода. Сопровождаемый надеждами народа, Петръ шелъ на свой первый воинскій подвигъ. Мощный орелъ расправлялъ юныя крылья. Стройно выступили изъ Преображенскаго Потѣшные, уже раздѣленные на два полка, *Преображенскій* и *Семеновскій*. Шествіе открывалъ отрядъ генерала Автом. Мих. Головина, въ красныхъ мундирахъ. За нимъ слѣдовалъ пѣшкомъ *капитанъ Преображенской бомбардирской роты Петръ Алексѣевичъ*, или *Петръ Михайловъ*, какъ называлъ себя сей великій капитанъ. Его сопровождали вѣрные бояре его, князь Б. А. Голицынъ, князь М. И. Лыковъ, князь М. И. Львовъ и И. Т. Кондыревъ, ведя восемь ротъ Преображенцовъ, подъ начальствомъ капитановъ: окольничаго Т. Б. Юшкова, и князей Ю. Ю. Трубецкаго, Я. Лобанова-Ростовскаго, Я. И. Урусова, Г. Ѳ. Долгорукаго, Д. М. Голицына, А. М. Черкаскаго. Лефортъ предводилъ пять Стрѣлецкихъ полковъ. Шествіе заключалъ полковникъ Чамберсъ съ Семеновскимъ полкомъ. Войско вошло въ Кремль. Въ Успенскомъ соборѣ пѣли молебенъ. Со слезами лобызалъ доблестнаго брата царь Іоаннъ, и при громѣ пушечной и ружейной пальбы, Петръ, благословляемый Патріархомъ, сѣлъ на струги и поплылъ по Москвѣ рѣкѣ. Управленіе государствомъ, подъ вѣдѣніемъ царя Іоанна, ввѣрено было Т. Н. Стрѣшневу, И. В. Шереметеву, Л. К. Нарышкину, и князьямъ Б. А. Голицыну, М. И. Лыкову, П. М. Прозоровскому и М. И. Львову (493).

Ожидая нападенія Руских на Азовъ, Крымцы собрались однакожь у Перекопи. Ими предводили: *Муртаза паша*, беглербекъ Кафинскій, *Капланъ-Гирей*, сынъ Крымскаго Хана, *Селимъ-Гирей*, ханъ Черкеских, Судацкихъ и Ногайскихъ Татаръ ([494]). Движеніе Шереметева съ сильными Русскими и казацкими войсками по Днѣпру отвлекло сюда Татаръ. Рускіе быстро прошли берегомъ Днѣпра до Кизи-Керменя и 24-го Іюня обложили сію крѣпость. Осажденные были разбиты на сильной вылазкѣ; 25-го Рускіе начали подкопъ подъ городскою башнею и послали къ осажденнымъ требовать сдачи. «Берегите Кіевъ,» гордо отвѣчалъ коммендантъ Кизи-Керменскій. «Если еще кто нибудь изъ васъ осмѣлится придти ко мнѣ, я велю содрать съ такого смѣльчака кожу!» Іюня 30-го кончили подкопъ и взорвали башню; войско пошло на приступъ при сильной пальбѣ; осажденные дрались упорно, уступили и бѣжали въ средній городъ, а на другой день, когда началось бомбардированіе, сдали Кизи-Керменъ. Въ немъ взяты были значительные запасы оружія, пороха, припасовъ; изъ 7,000 гарнизона осталось 1000 человѣкъ; кромѣ того 4000 жителей взято въ плѣнъ; городъ былъ разграбленъ ([496]). г. 1695. Взятіе Кизи-Керменя.

Взятіе Кизи-Керменя ужаснуло Турковъ. «Видя, что проклятый лжепророкъ ихъ Махмедъ, призываемый на помощь, не приходитъ изъ адскихъ пропастей,» говоритъ современникъ, «непріятели оставили три другія крѣпости (Нузретъ-Керменъ, Мубареккъ-Керменъ и Шагинъ-Керменъ). Во всѣхъ четырехъ крѣпостяхъ найдено 297 пушекъ; ихъ отдали казакамъ, летучіе отряды конныхъ доходили до Кинбурна и захватили нѣ-

г. 1695. сколько лодокъ близъ Ферагъ-Керменя. Раззоривъ укрѣпленія всѣхъ взятыхъ имъ мѣстъ, кромѣ Кизи-Керменскихъ, Шереметевъ заложилъ новую крѣпость на Днѣпровскомъ островѣ Таванѣ. Татары не смѣли напасть на Шереметева и бились только малыми отдѣльными отрядами, ибо слышали, что Царь и войско его спѣшатъ къ Азову ([496]). Еще въ Мартѣ мѣсяцѣ 3000 Татаръ разсыпались набѣгомъ отъ Азова до Черкаска. Атаманъ Миняевъ разогналъ ихъ и соединился съ передовымъ отрядомъ Гордона; они ждали Царя на берегахъ рѣки Койсы. Весело стремился между тѣмъ по волнамъ Дона Царь съ своими отборными войсками. «Идемъ Дономъ день и ночь съ великимъ поспѣшеніемъ,» извѣщалъ онъ Гордона. — «Шутили подъ Кожуховымъ, а теперь подъ Азовъ играть ѣдемъ,» писалъ онъ тогда же въ Архангельскъ Апраксину. «*Генералиссимусы* наши оба остались, а послали своихъ генераловъ.» — «Өеодоръ Матвѣевичъ здравствуй!» прибавляли къ царскому письму спутники Царя. «Мы пьемъ за твое здоровье водку и ренское, а паче пиво!» Іюня 29-го прибылъ Царь на Койсу; Іюня 1-го 1695 г. Гордонъ двинулся къ Азову ([497]).

Осада Азова. Рѣка Донъ, верстахъ въ 30-ти отъ впаденія въ Азовское море, раздѣляется на два рукава, изъ коихъ сѣверный, *Мертвый Донецъ*, вливается въ море отдѣльно, а южный составляетъ настоящее логовище Дона, отдѣляя отъ себя къ сѣверу другой рукавъ (*Каланчу*) и образуя нѣсколько острововъ въ Азовскихъ *гирлахъ*. Крѣпость *Лютикъ* была построена Турками при устьѣ Мертваго Донца, а на южномъ берегу Дона, недалеко отъ моря, находилась *Азовская крѣпость*,

предметъ безпрерывнаго спора между Донцами и Турками, заграждавшая плаваніе казакамъ въ устьи Дона, составляя опору Оттоманской власти на Азовскомъ морѣ и защиту Крыма, дѣйствительно, недоступная не только Донцамъ, но и Русскому войску въ тогдашнемъ устройствѣ его. Азовъ считали одною изъ первыхъ Турецкихъ крѣпостей, при сильномъ гарнизонѣ, пособіи Крымцовъ и возможности получать помощь, въ случаѣ осады, войсками и припасами съ моря. Крѣпость Азовская образовывала неправильный, продолговатый четыреугольникъ, съ высокими земляными валами и особенною каменною цитаделью внутри ихъ. Выше Азова, при раздѣленіи Дона на два протока, построены были Турками на обоихъ берегахъ башни, или *каланчи*, окруженныя земляными валами. Тутъ отъ одной башни до другой протянуты были черезъ рѣку крѣпкія желѣзныя цѣпи, преграждавшія плаваніе лодкамъ и судамъ съ Русской стороны. Гассанъ-Паша, храбрый защитникъ Хіоса противъ Венеціянъ, былъ тогда коммендантомъ Азовскимъ (493). г. 1695.

Гордонъ отбилъ вылазку изъ Азова и сталъ на южной сторонѣ его, Лефортъ влѣво отъ Гордона, Головинъ вправо, къ самому прибрежью Дона. Здѣсь былъ и царскій шатеръ. Іюля 3-го начались осадныя работы. Но крѣпости открыли сильную пальбу. Осажденные отвѣчали горячо, но городскія пушки умолкли, сбитыя Русскими ядрами. Пальба Руских не прекращалась. Подъ ея защитою Лефортъ, Гордонъ и Головинъ повели съ трехъ сторонъ подкопы. Осажденные отбивались храбро, ходили на вылазки, были прогоняемы, являлись снова, иногда ночью тревожили весь

г. 1695. станъ Русскій. Іюля 14-го 700 Преображенскихъ солдатъ посланы были къ одной изъ двухъ каланчей. Самъ Лефортъ начальствовалъ ими и взялъ южную башню приступомъ. Другую каланчу начали бомбардировать и до того закидали бомбами ея защитниковъ, что они въ ужасѣ бѣжали ночью, думая тайно пробраться въ Азовскую крѣпость. Рускіе замѣтили бѣглецовъ, напали на нихъ и почти всѣхъ перебили, преслѣдуя до Азова. Коммендантъ каланчи, старый Турокъ, не пошелъ съ подчиненными, хотѣлъ умереть, но не сдаваться, положилъ фитиль къ пороху и спокойно ждалъ гибели своей и осаждавшихъ. Рускіе быстро ворвались въ башню и успѣли потушить горѣвшій у пороха фитиль. Въ обѣихъ каланчахъ найдено 32 пушки, много запасовъ, снарядовъ, ружей, три знамя. «При помощи Божіей,» писалъ Царь къ брату своему, «Донскія ворота отворены; хлѣбные припасы и снаряды возили мы до сихъ поръ сухимъ путемъ отъ пристани нашей съ великимъ трудомъ и не безъ страха, но нынѣ на судахъ по Дону ходимъ свободно. Азовъ въ крѣпкомъ облежаніи; раскаты и башни, гдѣ были орудія и вся пушечная стрѣльба, отняты и сбиты, и въ каменномъ городѣ ядрами все разбито и бомбами все выжжено. Шанцы подведены въ самыя ближнія мѣста и дня черезъ три надѣемся дойдти до рвовъ. Азъ обрѣтаюсь здоровъ.» — «Чинимъ промыслъ воинскій въ надеждѣ милосердія Божія,» писалъ Царь Патріарху (499).

Четыре *сеунщика*, или гонца, пріѣхавшіе одинъ за другимъ отъ Шереметева, и извѣстія изъ-подъ Азова обрадовали Москву. Царь Іоаннъ и Патріархъ отправили благодарственный молебенъ въ Успенскомъ соборѣ

и записали въ синодикъ имена убитыхъ. Присутствовавшіе при молебнѣ съ радостью слышали вѣсть, что «всѣ Русскіе полки устроеннымъ обозомъ прошли степь счастливо и благополучно, и непріятели помѣшки имъ не чинили, только издали показываясь по горамъ и по буграмъ.»—«Подъ Азовомъ стали мы,» писалъ Царь,» въ пристойныхъ мѣстахъ; воды и конскихъ кормовъ у насъ безъ нужды, но токмо въ дровахъ скудно. Шанцами и городками, изъ всѣхъ трехъ обозовъ генеральскихъ, зѣло близко дошли мы до городовыхъ самыхъ валовъ, безпрестанно бьючи изъ ломовыхъ пушекъ; уже великіе пожары въ Азовѣ были и всякіе промыслы надъ городомъ чинятся. Іюля 15-го великій былъ у насъ бой на вылазкѣ, болѣе трехъ часовъ, но наши сбили и гнали поганыхъ, посѣкая до стѣнъ города. Невѣрные иные были въ панцыряхъ, другіе только въ чалмахъ и шароварахъ, и бились зѣло жестоко.» Далѣе описывалось взятіе первой каланчи. «И когда на другую промыслъ чинить начали, непрестанно бьючи изъ пушекъ и великія огненныя гранаты, *именуемыя бомбы*, пуская, супостаты устрашились и ночью ушли. И осматривали мы сами желѣзныя цѣпи, протянутыя черезъ Донъ въ основаніи каланчей, и зѣло тѣ цѣпи обрѣли крѣпки и толсты.»—«Укрѣпляйся благодушно, Царь *бранеискусосильный*,» отвѣчалъ Патріархъ Царю. «Господь, съ высоты призирающій, да *окормляетъ* ладію твою по благоволенію своему къ полезному *гражданниковъ* дѣлу (500). г. 1695.

Не только въ Москвѣ надѣялись, но и самъ Царь не сомнѣвался во взятіи Азова. «Мы подошли къ гнѣзду близко и шершней такъ раздразни-

г. 1695. ли,» писалъ онъ, «что въ досадѣ своей они крѣпко кусаются, но и гнѣздо ихъ помаленьку сыплется ([301]).» Но *гнѣздо не разсыпалось*, уцѣлѣло, и какъ будто всегда печальнымъ опытомъ искушая великодушіе Петра, судьба не порадовала его побѣдою при его первомъ воинскомъ подвигѣ.

Крѣпкія стѣны, храбрость защитниковъ, подошедшій съ моря Турецкій флотъ, толпы Татаръ, перевезенныя изъ Крыма и окружившія станъ Русскихъ, оголожая всю окрестную страну, когда притомъ Русскіе поставщики припасовъ оказались неисправны, и наконецъ неискуство инженеровъ, нестройность войскъ, даже самая пылкость Царя, а въ заключеніе всего измѣна — спасли Азовъ.

Августа 5-го, утомленный продолжительною осадою, Царь, вопреки мнѣнію Гордона, повелъ войско на приступъ и былъ отбитъ. Августа 8-го Татары ударили на Русскій лагерь отъ Кагальника, рѣки, текущей въ море южнѣе Дона. Ихъ прогнали съ урономъ; передвинули баттареи на правое Донское прибрежье и громили Азовъ черезъ рѣку. Сентября 14-го мина Гордонова была готова и ее взорвали, но неудачно; она причинила вредъ только осаждавшимъ. На другой день Руских ужаснулъ взрывъ не замѣченной ими мины осажденныхъ, разрушившей осадныя работы Гордона и Головина, но подкопъ Головинскій уцѣлѣлъ, его зажгли, и — еще неудачнѣе Гордоновскаго ([302]). Наступала осень; полились проливные дожди; оказались болѣзни. Мина Лефортова была готова, но уже боялись зажечь ее, не вѣря искуству неопытныхъ инженеровъ. Царь

собралъ военный совѣтъ. Всѣ говорили, что надобно оставить осаду. Голландецъ Яковъ Янсенъ, управлявшій Русскою артиллеріею, желая угодить Царю, или уже готовя злое дѣло, оскорбленный, какъ говорили, Русскимъ воеводою, спорилъ, убѣждалъ продолжать облежаніе и ручался за успѣхъ. Царь согласился съ нимъ. Янсенъ былъ хитрый и безсовѣстный негодяй; перемѣнилъ уже два раза вѣру, принялъ Греческую по пріѣздѣ въ Москву, и такъ умѣлъ угодить Царю, что онъ былъ крестнымъ отцемъ его. Когда Царь опредѣлилъ продолжать осаду, Янсенъ, ненавистный другимъ и осуждаемый всѣми, не смѣлъ оставаться въ Русскомъ лагерѣ. Ночью, заколотивъ нѣсколько пушекъ, онъ бѣжалъ въ Азовъ и утромъ навелъ непріятеля на Русскія укрѣпленія (303). Изумленные внезапнымъ нападеніемъ, Рускіе дрогнули и побѣжали. Царь самъ бросился на встрѣчу бѣглецовъ, остановилъ ихъ, обратилъ на Турковъ, прогналъ вылазку съ урономъ и 25 Сентября велѣлъ идти и взять Азовъ приступомъ. Управляемые Янсеномъ, Турки отбили нестройныя, не охотно сражавшіяся толпы Русскія. Царь велѣлъ снимать осаду (304). г. 1695.

«Ни о чемъ другомъ такъ не радуюсь, какъ о твоемъ здравіи,» писалъ царь Іоаннъ къ брату. «Прошу и молю тебя, государя и прежеланнаго брата моего, въ полкахъ и въ сраженіяхъ изволь ходить опасно, сохраняя твое здравіе, за которое мы болимъ сердцемъ (305).» Но не *опасно* ходилъ и не *сохранялъ себя* Петръ. Какъ юный левъ, въ первые вырвавшійся на свободу въ чистое поле, въ шанцахъ,

г. 1695. на приступахъ, при обозрѣніи мѣстъ, вездѣ былъ онъ первый; безстрашный, веселый среди огня, не оставляя всѣхъ другихъ занятій, даже пируя въ лагерѣ съ своими ратными товарищами. Не безразсудная отвага руководила его: есть въ душахъ великихъ какая-то непобѣдимая увѣренность, вѣра въ судьбу свою, побѣждающая страхъ смерти — она залогъ великихъ дѣлъ; ею одушевленъ былъ юный Царь. Вполнѣ явились великодушіе и мужество его при снятіи осады. Онъ соблюлъ благоразумное хладнокровіе, распорядилъ отступленіе въ порядкѣ, положилъ идти къ Азову на будущій годъ и обдумалъ всѣ средства будущаго успѣха. Взятыя Рускими каланчи были сильно укрѣплены. Царь назвалъ ихъ крѣпостями *Никоновскою* и *Сергіевскою*, оставилъ въ нихъ 3,000 гарнизона, устроилъ сообщеніе ихъ по Дону съ Черкаскомъ, и 2-го Октября Рускіе въ порядкѣ отступили отъ Азова, отбили при отступленіи наѣзды Каплана-Гирея, устремившагося на нихъ съ Татарами, и только отрядъ полковника Шварта, отхваченный непріятелемъ, погибъ въ неравной битвѣ. Большая часть Русскихъ войскъ расположилась на зимовку по берегамъ Днѣпра и Дона (306).

Отступленіе Рускихъ.

Приготовленія къ новому походу.

Первымъ ручательствомъ за взятіе Азова могли быть искусные инженеры, вторымъ флотъ, который отрѣзалъ бы крѣпость съ моря. Царь видѣлъ, что при всемъ усердіи и ревности, ни одинъ изъ окружавшихъ его иностранцовъ не обладалъ достаточными познаніями въ инженерномъ искуствѣ и фортификаціи; еще менѣе могли помочь ему Рускіе, вовсе не обладавшіе тайнами Европейской военной науки,

привыкшіе только *отсиживаться* въ крѣпостяхъ, брать г. 1695.
ихъ приступомъ и добывать продолжительнымъ неутомимымъ облежаніемъ. Флотъ требовалъ также людей искусныхъ въ военной навигаціи, болѣе, нежели простые корабельщики Голландскіе, бывшіе въ Россіи, учители Рускихъ. Царь обратился къ Императору и въ Венецію. Увѣдомляя Императора объ осадѣ Азова, онъ просилъ его прислать въ Россію инженеровъ. Писалъ о томъ и къ Бранденбургскому Курфирсту и въ Нидерланды, представляя важность завоеванія у Турковъ Азовской крѣпости (607). Императоръ благодарилъ Царя въ отвѣтѣ своемъ, убѣждая его продолжать войну противъ враговъ христіанства, хотя и увѣдомлялъ притомъ о намѣреніи своемъ, при выгодномъ согласіи Турковъ, мириться. Дѣйствія союзниковъ Россіи въ 1695 г. были особенно неудачны. Собіескій умиралъ. Сеймъ въ Польшѣ не собирался во все. Литовское войско готовилось сражаться съ королевскимъ войскомъ, защищая Сапегу. Посолъ Людовика XIV почти отклонилъ Собіескаго отъ союза съ Императоромъ, но Крымцы беззащитно опустошали Польшу: 70,000 Татаръ, предводимыхъ ханомъ Шебадъ-Гиреемъ, вторглись въ Волынь, прошли до Львова, были здѣсь остановлены гетманомъ Яблоновскимъ, но надолго оставили слѣды своего губительнаго вторженія. Венеціяне и Императоръ претерпѣли сильныя пораженія. Оттоманскій флотъ отнялъ у Венеціянъ островъ Хіосъ, четыре раза разбилъ флотъ Венеціянскій (въ Февралѣ и въ Сентябрѣ) и Турецкія полчища опустошали Морею. Стѣсняемый на Рейнѣ Людовикомъ XIV, Императоръ принужденъ былъ осла-

г. 1695. бить войско на Дунаѣ. Турки пользовались тѣмъ, взяли приступомъ крѣпость Липпу, и въ битвѣ съ многочисленными Оттоманами при Лугосѣ погибъ храбрый генералъ императорскій Ветерани съ своимъ корпусомъ. Казалось, слова Мустафы оправдываются. Надежда оживила Турковъ. Но тѣмъ болѣе нетерпѣливымъ желаніемъ расплатиться съ Оттоманами за свою неудачу и унизить возгордившагося непріятеля одушевлялся Царь. Въ отвѣтѣ Императору, онъ просилъ его не думать о мирѣ и упрекалъ Собіескаго въ бездѣйствіи. Стоя въ дверяхъ гроба, Собіескій оскорбился упрекомъ юнаго Царя, отвѣчалъ ему насмѣшливо, поздравляя съ *побѣдами*, и указывалъ на свои прежніе подвиги, говоря, что изнуренная войною Польша, съ старымъ и больнымъ королемъ, конечно, не можетъ быть всегда столь *побѣдоносною*, какъ свѣжая силами Россія съ царемъ юнымъ (308).

До 2-го Октября Царь прожилъ въ Черкаскѣ, распоряжая дѣйствіями зимою противъ Азова, и потомъ поспѣшилъ въ Воронежъ, гдѣ велѣно было торопиться отдѣлкою начатыхъ судовъ. Царь приказалъ выслать сюда всѣхъ мастеровъ изъ Архангельска, даже пригласить зазимовавшихъ въ Архангельскѣ моряковъ Голландскихъ и Англійскихъ, обѣщая щедрую награду за ихъ труды. Изъ Воронежа отправился онъ въ Москву, куда прибылъ 22-го Ноября, самъ ввелъ Потѣшные полки свои въ столицу, прошелъ съ ними черезъ Кремль, гдѣ отдали они воинскую почесть царю Іоанну, и Царь довелъ ихъ потомъ отъ Кремля до Преображенскаго. Іоаннъ радостно обнималъ брата; безпре-

рывно ослабѣвая въ здоровьи, онъ чувствовалъ приближавшую кончину, христіански готовился къ ней и говорилъ Петру: «Слава Богу, что ты возвратился — теперь умру спокойно (⁵⁹)!» г. 1695.

Черезъ недѣлю объявленъ былъ царскій указъ: готовиться на весну въ новый походъ. Декабря 15-го происходило совѣщаніе въ Лефортовскомъ дворцѣ и къ Императору отправлена была грамата съ дьякомъ Нефимоновымъ. Царь предлагалъ подтвердить снова союзъ. Декабря 25-го издано было повелѣніе о сборѣ денегъ (⁶⁰). Войско набирали, устроивали, учили. Суда въ Воронежѣ готовились къ ранней веснѣ. Среди сихъ г. 1696. заботъ Царь былъ опечаленъ кончиною добродѣтельнаго брата своего. Не смотря на ослабѣвшее здоровье, Іоаннъ былъ при водосвятіи на льду Москвы рѣки въ день Крещенія, 6 Января 1696 года, жестоко простудился, страдалъ три недѣли и тихо скончался Января 29-го. Въ *печальномъ платьѣ* проводилъ Петръ на другой день друга своего и брата до могилы; слезами и горестными рыданіями встрѣтилъ и привѣтствовалъ гробъ благочестиваго, рано умершаго Царя народъ, собравшійся въ Кремлѣ. Въ Архангельскомъ соборѣ, подлѣ могилы царя Ѳеодора, предали землѣ бренные останки Іоанна, не памятнаго царскими подвигами, но незабвеннаго любовью къ брату, искреннимъ сознаніемъ его генія и безкорыстнымъ отреченіемъ праведника отъ крамолъ и искушеній честолюбія. Немного Іоанновъ находимъ въ лѣтописяхъ царствъ. Онъ скончался на 31-мъ году и оставилъ послѣ себя юную супругу и трехъ дочерей, царевенъ *Екатерину*, *Анну*, *Прасковію*. Великолѣпныя похороны, предоставленіе всѣхъ цар-

Кончина царя Іоанна.

Г. 1696. скихъ почестей семейству умершаго, братская дружба царицѣ вдовѣ его, любовь родительская дѣтямъ Іоанна, всегда были свидѣтельствомъ того, какъ чтилъ память добраго брата своего Петръ ([511]).

Сборъ войска. Самодержецъ при жизни царя Іоанна, Петръ не измѣнялъ порядка дѣлъ въ правленіи послѣ его кончины. Быстро продолжались приготовленія къ новому Азовскому походу. Императоръ, Нидерландскіе Штаты, Дожъ Венеціянскій и Курфирстъ Бранденбургскій извѣстили Царя о посылкѣ въ Россію искусныхъ инженеровъ и артиллеристовъ. Зимою въ Москву, а потомъ лѣтомъ подъ Азовъ, прибыли: изъ Австріи, полковникъ артиллеріи Казимиръ Гаргу, инженеры Эрнстъ Лаваль, Лаврентій Шмидтъ, Лаврентій Урбанъ; инженеръ Эрнстъ Боргсдорфъ, минерный унтеръ-офицеръ и шесть минеровъ; изъ Голландіи артиллеристы, генералъ-маіоръ Шпаррейтеръ и офицеры фанъ-Стаммъ, Гускофъ, Гордесъ, Шмитъ; изъ Венеціи корабельные мастера и опытные моряки. Въ Архангельскъ привезли изъ Голландіи ружья и на почтовыхъ отправили ихъ въ Москву ([512]). Войско Русское собиралось въ Бѣлгородѣ, Сѣвскѣ и Москвѣ, кромѣ находившагося на службѣ по Днѣпру и Дону. Б. П. Шереметеву приказано было опять идти къ устью Днѣпра и отвлекать Татаръ отъ Азова. Главнокомандующимъ подъ Азовъ и во второй походъ назначенъ былъ бояринъ А. С. Шеинъ, а подъ нимъ генералами Гордонъ и Авт. Мих. Головинъ; Лефортъ долженъ былъ начальствовать флотомъ. Малороссійскіе казаки и Запорожцы соединялись съ Шереметевымъ; 15,000-й отрядъ ихъ назначенъ былъ подъ Азовъ, куда кромѣ того собирались Донскіе казаки въ

числѣ 5000, Яицкихъ 500 человѣкъ и Калмыковъ Астраханскихъ 3000. Корпусъ Шеина состоялъ изъ конницы, которую составили: 1,333 стольника, 541 стряпчихъ, 532 дворянъ, 1,401 жильцовъ, всего 3,807 человѣкъ, раздѣляясь на 37 ротъ. У Гордона было пѣхотныхъ солдатъ 9,060 и стрѣльцовъ 4,688. У Головина пѣхотныхъ солдатъ 8,520, стрѣльцовъ 4,909, городоваго войска 10,299 со 179-ю офицерами. На флотъ къ Лефорту отряжено было 3,997 солдатъ, раздѣленныхъ на 29 ротъ. Первою изъ сихъ ротъ начальствовалъ самъ Лефортъ; при немъ были подполковникъ де-Куланъ, 3 маіора, 2 капитана, 6 поручиковъ, 4 прапорщика; 2-ю ротою Итальянецъ де-Лима, изъ полковниковъ переименованный въ *вице-адмиралы*, 3-ю Французъ де-Лозье, также изъ полковниковъ названный *шаутбенахтомъ*; 4-ю, *капитанъ Петръ Алексѣевичъ*; 6-ю *инженерный капитанъ* Адамъ Вейде; 9-ю и 15-ю капитаны братья Яковъ и Романъ Брюсы; 12-ю капитанъ князь Н. Ю. Трубецкой; 13-ю капитанъ князь Аникита Рѣпнинъ. Корпусъ Шереметева состоялъ изъ 70,000. Генералъ-маіоръ Регимонтъ и военный судья князь М. И. Львовъ, состоявшіе при Гордонѣ, получили названія *генералъ адьютанта* и *генералъ-профоса*. При флотѣ находились еще: *генералъ-коммиссаръ*, Ѳед. Алекс. Головинъ, и *генералъ-провіантмейстеръ*, Кир. Алекс. Нарышкинъ. Князь Яковъ Ѳедор. Долгорукій, Вас. Ѳед. Нарышкинъ и П. М. Апраксинъ, состоя при флотѣ, назывались *волонтерами*. Въ городовыхъ войскахъ и у Стрѣльцовъ были *полковники, подполковники-маіоры, капитаны*, и съ ними вмѣстѣ оставались *хорунжіе, есаулы, завоеводчики, обозные, дозорщики, сто-* г. 1696.

Г. 1696. *рожестакцы, заимщики, посыльные, ертаульные воеводы,* начальникъ артиллеріи назывался еще *воеводою;* къ походной аптекѣ опредѣленъ былъ *думный дворянинъ,* а для посольскихъ дѣлъ наряженъ *думный дьякъ* (Н. М. Зотовъ) ([513]).

Флотъ на Черномъ морѣ. Февраля 18-го Лефортъ угощалъ Царя и всѣхъ военачальниковъ; во время пира произведенъ былъ смотръ одной изъ образцовыхъ морскихъ ротъ ([514]). Марта 15-го отправился изъ Москвы Шеинъ. Гордонъ, возвратившійся въ Москву 22-го Января, выступилъ въ походъ 8-го Марта. Царь выѣхалъ прежде него, 23-го Февраля, прямо въ Воронежъ, куда прибыли, Гордонъ Марта 23-го, Лефортъ Апрѣля 16-го. Они нашли Царя на верфи, съ топоромъ въ рукахъ ([515]). Къ Маю готовы были въ Воронежѣ два большіе 44-хъ пушечные корабля, или *прама*, 2 *галеаса*, 23 галеры и 4 брандера. Прамы были разобраны и отправлены до Черкаска на подводахъ сухимъ путемъ ([516]). Мая 3-го Царь поплылъ изъ Воронежа. Въ Острогожскѣ явился къ нему Мазепа, поднесъ дорогіе подарки и принялъ его приказанія. Мая 15-го, Царь съ Лефортомъ и Гордономъ былъ уже въ Черкаскѣ ([517]).

Ободренные прошлогодними успѣхами, Турки въ одно время двинули сильныя войска противъ Императора — тамъ находился самъ Султанъ, и противъ Польши — здѣсь были сераскиръ Юссуфъ-паша и Крымскій султанъ Гази-Гирей. ([518]). Зимою 1695 г. Крымцы нападали на Украйну но бѣжали при движеніи на нихъ Мазепы и Шереметева. Въ Февралѣ 1696 г. толпы Крымцовъ явились близъ Полтавы и Миргорода; ихъ разбили и прогнали; въ бѣгствѣ ихъ погибъ тогда из-

мѣнникъ Петрикъ; его закололь казакъ Вечорка; трупъ измѣнника, оставленный Татарами повѣсили на страхъ другимъ. Крымцы жестоко отмстили за своего друга, когда Вечорка попался къ нимъ въ плѣнъ: у него вырѣзали сердце у живаго и сожгли, когда несчастный еще дышалъ ([319]). Но лѣтомъ уже некогда было Крымцамъ помышлять о Малороссіи: строгое повелѣніе прислано было имъ отъ Султана защищать Азовъ. Туда назначенъ былъ сильный Турецкій флотъ; коммендантомъ Азовскимъ опредѣлили храбраго кіаію великаго визиря, *Калайликоза-Ахмеда* пашу; Татарамъ Крымскимъ, Ногайскимъ и Буджацкимъ велѣно сбираться къ Азову поспѣшно; трое пашей назначены были къ Татарскимъ войскамъ, предводимымъ калгою *Девлетъ-Гиреемъ* и сыномъ Гаджи-Гиреяхана, *Мугаммедомъ* ([320]). Со стороны Рускихъ дѣйствія на Днѣпрѣ ограничились въ семъ году охраненіемъ Украинскихъ предѣловъ и взятыхъ въ 1695 крѣпостей. Мазепа стоялъ у рѣки Орчика. Запорожцы, съ атаманомъ Чаловымъ, выходили на лодкахъ въ море и захватили нѣсколько лодокъ и судовъ Турецкихъ ([321]). Вниманіе всѣхъ обращалось на Азовъ: знали рѣшеніе Царя покорить Азовъ во что бы то ни стало и на сей разъ не обманулись въ надеждахъ — Азовъ покорился Петру. г. 1696.

Турки бездѣйствовали въ Азовѣ зимою; не срыли даже прошлогоднихъ окоповъ Рускихъ; отбили только набѣгъ Донскихъ казаковъ на Лютикъ, сами нападали однажды на Сергіевскую крѣпость, были отбиты и оставили Русскихъ въ покоѣ. За храбрую защиту крѣпости Царь наградилъ Донскихъ казаковъ 5,000 рублей и отпускомъ 3,500 четвертей хлѣба ([322]). Въ началѣ

Г. 1696. Мая собралось къ Азову все войско Русское. Храбрый Донецъ, наказной атаманъ Поздѣевъ посланъ былъ въ море развѣдывать о Турецкомъ флотѣ. Онъ отправился съ 250-ю казаковъ на лодкахъ, встрѣтилъ два Турецкіе корабля, напалъ на нихъ, прорубилъ у нихъ бока, потопилъ ихъ, и возвратясь донесъ Царю, что видѣлъ въ море еще 13 кораблей Турецкихъ и 26 галеръ и полугалеръ. Царь обрадовался вѣсти и самъ пустился въ море по Которминскому протоку, съ 16-ю галерами и сотнею казацкихъ лодокъ. Но галеры не могли пройдти черезъ Купьюрминское гирло: вѣтромъ съ берега выгнало воду изъ рѣки и она обмѣлѣла. Царь пересѣлъ въ казачью лодку; въ другія лодки посажено было по 60-ти казаковъ и солдатъ, и всѣ они укрылись за Канаярскимъ островомъ въ устьи Дона. Девять кораблей и нѣсколько галеръ Турецкихъ, ничего не подозрѣвая, подошли съ моря, нагрузили военными снарядами 14-ть большихъ тумбасовъ и отправили ихъ въ Азовъ. Съ гикомъ полетѣли на нихъ по волнамъ казацкія лодки. Самъ Царь сразился съ непріятелемъ, и ободряемые его присутствіемъ, Донцы захватили девять тумбасовъ; другіе успѣли пробраться къ Азову; остальные поспѣшно бѣжали къ флоту. Царь запальчиво преслѣдовалъ ихъ, пока захваченные тумбасы, по снятіи съ нихъ груза, были зажигаемы казаками. Неожиданность нападенія и отчаянная отвага казаковъ навели такой ужасъ на Турковъ, что корабли и галеры ихъ, не думая сражаться, спѣшили уходить. Казаки окружили, разогнали ихъ. Двѣ галеры съ боя взяты были на морѣ самимъ Царемъ; одну изъ нихъ потопили, другую сожгли. Десять полугалеръ и десять

Морская битва.

большихъ саекъ сѣли на мѣль у берега; казаки овладѣли ими. Всю богатую добычу Царь раздалъ товарищамъ, и она была такъ велика, что побѣдители не успѣли раздѣлить ее на мѣстѣ битвы и свезли *дуванить* въ Черкаскъ. Триста плѣнныхъ Турковъ и ага янычарскій, множество убитыхъ и погибшихъ въ морѣ и въ огнѣ, 70 пушекъ, 80 боченковъ пороху, 500 пикъ, 300 бомбъ, 4,000 гранатъ были трофеями *первой морской битвы* Русскаго Царя (523). Возвращаясь къ каланчамъ встрѣтилъ онъ пришедшія изъ Воронежа остальныя суда Русскія. Донъ загородили ими. Явились Малороссійскіе казаки съ атаманомъ Лизогубомъ. Устроили баттареи на правомъ берегу Дона, соединивъ берега его мостомъ на судахъ, и начали осадныя работы. Какъ будто изумленные приходомъ Руспхъ, безмолвно ждали нападенія ихъ Азовцы, и только съ 13-го Іюня загремѣли Азовскія пушки. Пальба началась безпрерывная. Подъ выстрѣлами непріятельскими Царь самъ измѣрялъ землю, не боясь лопавшихъ около него бомбъ и сыпавшихся изъ Азова ядеръ. Его умоляли беречь жизнь свою. «Аще Богъ по насъ, то кто на ны!» отвѣчалъ онъ. «Примѣръ мой надобенъ моимъ товарищамъ — я долженъ раздѣлять съ ними всѣ опасности!» говорилъ онъ (524). Скоро Азовъ былъ стѣсненъ и отрѣзанъ со всѣхъ сторонъ; смѣлыя вылазки осажденныхъ были безуспѣшны. г. 1696.

Іюня 10-го показались отъ рѣки Кагальника толпы Татаръ. Лихіе наѣздники Крымскіе пролетѣли до самыхъ внутреннихъ окоповъ Русскихъ. Шеинъ встрѣтилъ ихъ, отразилъ и гналъ безпощадно. Только самопожертвованіемъ своего брата спасся отъ плѣна Ну- Битвы съ Татарами.

Г. 1696. раддинъ султанъ, начальствовавшій Крымцами. Убитыхъ непріятелей сочтено на полѣ битвы 3,900, плѣнныхъ было 183. Царь встрѣтилъ побѣдителей за лагеремъ, благодарилъ ихъ, самъ перевязывалъ раненыхъ, посылалъ имъ кушанье съ своего стола. Іюня 14-го флотъ Турецкій явился съ моря въ числѣ 40 судовъ, но не смѣлъ подойдти къ берегу; три Турецкіе фрегата, дерзнувшіе приблизиться, встрѣчены были пальбою съ баттарей и спѣшили удалиться. Азовъ уже не могъ ожидать помощи съ моря ([325]).

Стѣсненіе Азова.

Іюня 17-го кончены были осадныя работы. Царь отслушалъ молебенъ въ шатрѣ воеводы Шеина, вышелъ на главную баттарею и *первая бомба* брошена была въ Азовъ его руками. Въ одно мгновеніе загрохотали всѣ Русскія пушки и мортиры. Весело ходилъ Царь по баттареямъ, ободряя войско ([326]). Ночью тихо подкрались къ Русскому лагерю Крымцы, но ихъ ждали. Казаки выскакали гарцовать съ ними, увлеклись отвагою, были отрѣзаны, сбиты. Крымцы бросились въ лагерь; ихъ отбили, съ потерею 2,700 человѣкъ убитыми. Прошла недѣля. Азовъ громили безъ умолка. Іюня 29-го Татары снова ударили на осаждавшихъ и пробились до Русскаго лагеря; 4,450 убитыхъ Татаръ заплатили за свою отвагу. Руские гнали непріятелей до самаго Кагальника. Опять встрѣтилъ за лагеремъ возвращавшихся побѣдителей самъ Царь, и не оставилъ госпиталя, пока не успокоили и не перевязали въ глазахъ его всѣхъ раненыхъ. «Видя его заботу,» говоритъ современникъ, «мы не чувствовали ни ранъ нашихъ, ни болѣзней ([327]).

Іюня 29-го Царь послалъ въ Азовъ письмо. «Не

хотимъ крови вашей,» писалъ онъ, «сдайте городъ и идите, куда вамъ угодно. Если останетесь служить намъ, мы пожалуемъ васъ многими милостями. Если не сдадите города, Богъ взыщетъ на васъ кровь неповинную—пощады ни кому не будетъ. Отвѣчайте немедленно. Говорятъ, вы боитесь, что по сдачѣ города васъ всѣхъ порубятъ, какъ было въ Кизи-Керменѣ. Но васъ обманываютъ: тамъ стали сдавать городъ, когда наши уже взошли на стѣны приступомъ, но и за тѣмъ пощадили мы просившихъ милосердія, хотя на приступѣ никогда пощады не бываетъ: милуютъ тѣхъ, кто безъ крови сдаетъ городъ. Если доведете до приступа, не ручаемся за жизнь вашу, ибо въ жестокое время битвы удержать воиновъ невозможно ([528]).» Азовцы отвѣчали на письмо Царя сильною вылазкою. Іюля 1-го Татары напали еще разъ и въ битвѣ палъ славный наѣздникъ ихъ *Дулакъ-мурза;* надъ трупомъ его завязался бой *свальный и красный.* Руcкіе отбили Татаръ, отрѣзали голову богатырю, принесли ее въ лагерь и не взяли за нее богатаго выкупа отъ родныхъ убитаго, почитавшихъ безчестіемъ посрамленіе трупа храбраго мурзы. Неудачи въ битвѣ не охлаждали однакожь дерзости Крымцовъ. Они получили подкрѣпленіе и на другой день напали смѣло; ихъ встрѣтили картечью, но никогда битва съ ними не была такъ свирѣпа. Крымцы отчаянно рвались въ Русскій лагерь. Принуждены были выдвинуть противъ нихъ почти все войско. «Ханъ Крымскій покусился еще разъ на гибель свою, говоритъ современникъ, «поклялся погибнуть или освободить Азовъ. Руcкіе ждали враговъ, какъ журавлей ждутъ соколы. Отъ пушечнаго грома поколебалась

г. 1696.

г. 1696. земля и отъ дыма помрачился воздухъ. Началась кровавая сѣча; свирѣпо сплялись православные съ Татарами, схватывались руками, поражали, рѣзали другъ друга; земля стонала отъ паденія сильныхъ; тмою преложился свѣтъ отъ дыма; сгустился *аеръ* отъ праха, воздымаемаго конскими ногами; мечи блистали молніями, мушкеты гремѣли громомъ, пули и стрѣлы сыпались дождемъ. Но укрѣпились руки православныхъ, насытились кровью мечи ихъ; потекли вспять безбожные бусурманы и какъ исполины налегли на нихъ, посѣкая бѣгущихъ, побѣдители.» Убитыхъ непріятелей было до 3,600 ([529]). Азовъ видѣлъ гибель защитниковъ и еще не сдавался. «Валъ валятъ близко къ городу,» писалъ Царь отъ 3-го Іюля, «и бомбы бросаютъ безпрестанно. Татары почти ежедневно бьются съ нашими, но кромѣ одного боя, гдѣ наши погнались за ними *прадѣдовскимъ обычаемъ, не принявъ себѣ оборонителя воинскаго строя*, и гдѣ мы потеряли удалыхъ, хотя и тогда справились и прогнали врага, всегда, слава Богу, гоняемъ мы его съ потерею. Турночи-паша стоитъ на морѣ. На канунѣ Петрова дня подъѣзжалъ было онъ съ 24-мя судами къ берегу, но едва наши суда стали вынимать якори, готовясь напасть на него, поднялъ онъ паруса и бѣжалъ ([530]).» — «Стоимъ на широкомъ полѣ,» писали изъ Русскаго лагеря въ Москву — «посреди насъ городъ; мы облегли его по самый валъ и изъ-за стѣнъ городскихъ ни кто головы выставить не смѣетъ. Воютъ враги волками, а гранатами и бомбами все у нихъ жжетъ и ломаетъ; горятъ даже раненые ихъ, не имѣя силъ спасаться, и смрадъ отъ того распространяется въ городѣ нестерпимый. Враги вздумали было прокра-

дываться къ намъ въ густой травѣ, какъ змѣи невиди- г. 1696.
мо, но мы скоро отучили ихъ ([551]).» Припасы Азовцовъ истощились и ужасному голоду въ Азовѣ помогали только измѣнники, тайно проносившіе въ городъ запасы, гдѣ по рублю продавался грошевый хлѣбъ. Измѣна была открыта; послѣднее средство пропитанія осажденныхъ отнято. Іюля 17-го Рускіе готовились къ общему приступу. «Азовъ кругомъ обваленъ валомъ,» писали тогда въ Москву изъ царскаго лагеря. «Ровъ засыпали; три подкопа готовы — ждемъ милости Божіей и покоренія гнѣзда поганыхъ подъ ноги царскія. Конница Татарская, какъ псы, лаетъ и бѣгаетъ еще около лагерей, иногда дѣлаетъ даже жестокіе напуски, но мы бьемъ поганыхъ, хотя и теряемъ удалыя головы. Яицкіе казаки и Саратовцы отличились въ бою: убили лучшаго мурзу Татарскаго и привезли въ лагерь голову его, преузорочный панцырь, *оправный* сайдакъ и саблю. Азову отъ насъ *вельми* приходитъ трудно; *можжиры* и пушки наши все бьютъ и ранятъ; ни днемъ, ни ночью, ни по валу, ни Дономъ нѣтъ прохода непріятелю. Говорятъ, будто идетъ между осажденными большая пря: одни хотятъ сдаться, другіе умереть, а все держатъ ихъ Нѣмчинъ, да охреяны наши.» *Нѣмчиномъ* называли осаждавшіе измѣнника Янсена. Несчастный не могъ или не хотѣлъ оставить Азова; можетъ быть, взялся даже защитить его; онъ принялъ уже тогда вѣру Мугаммеданскую, заперся въ Азовѣ и хотѣлъ лучше пасть подъ развалинами его, нежели сдать городъ Рускимъ. *Охреянами* именовали казаки Русскихъ отступниковъ православія, перешедшихъ къ Туркамъ и принявшихъ исламизмъ, людей

г. 1696. осужденныхъ на смерть въ отчизнѣ и не ожидавшихъ пощады ([532]).

Вечеромъ 17-го Іюля въ Русскомъ лагерѣ, ожидавшемъ зажженія подкопа и знака общаго нападенія на Азовъ, внезапно сдѣлалось неожиданное смятеніе: находясь въ числѣ войскъ, готовыхъ на приступъ, Донцы не захотѣли ждать условнаго знака, бросились на городской валъ, сбили осажденныхъ, погнались за ними въ городъ, были прогнаны, но *сѣли на валу обозомъ* и захватили 6-ть пушекъ непріятельскихъ. Ихъ не подкрѣпили, но осажденные тщетно старались сбить ихъ съ вала. Русскіе воеводы вознегодовали на казаковъ. Казаки говорили въ оправданіе, что имъ надоѣло *гулять даромъ.* Царь рѣшилъ споръ; онъ поднесъ чару вина Донскому есаулу, присланному съ донесеніемъ, «не гнѣвался, пожаловалъ милостиво многою похвалою,» велѣлъ удерживаться на валу и ждать приступа ([533]). Но Крымцы отвлекли Рускихъ: вспыхнула послѣдняя, *шестая битва* съ ними и была коротка. Татары скоро бѣжали вспять ([534]). Видя бѣгство защитниковъ и гибель неминуемую, Азовцы выслали просить пощады. Старый Турокъ, махая шапкою, сталъ на валу, сошелъ къ Рускимъ и былъ приведенъ въ шатеръ воеводы Шеина. Выслушавъ предложеніе, Царь соглашался отпустить остальной гарнизонъ и жителей Азова, съ имѣніемъ, какое могутъ они увезти съ собою, но безъ оружія. Непремѣннымъ условіемъ была выдача измѣнника Янсена. Турки спорили, говорили, что не могутъ выдать его, какъ правовѣрнаго, принявшаго исламизмъ. «Возвратитесь же въ городъ, а черезъ часъ мы идемъ на приступъ и ни кому не дадимъ

Послѣдняя битва съ Татарами.

пощады!» отвѣчали имъ. Царь согласился наконецъ отпустить съ Турками всѣхъ *охреяновъ*, кромѣ немногихъ, извѣстныхъ злодѣевъ. Еще не рѣшались Турки. Часъ срока прошелъ. Руcкіе были готовы и фитиль лежалъ у подкопа, когда Турки вышли изъ города и вывели съ собою Янсена. «Знаю,» говорилъ Азовскій коммендантъ, «что мнѣ потерять голову за Азовъ, но не хочу губить бѣдныхъ остатковъ моего несчастнаго войска.» — «Убейте, казните меня, но не отдавайте Москвитянамъ!» вопилъ Янсенъ, насильно влекомый въ кандалахъ. Его вели черезъ лагерь среди общихъ проклятій и заключили въ каланчѣ (535). Іюля 19-го войско Русское выстроилось рядами. Изъ Азова вышли Турецкіе чиновники съ ключами города. Хачеки-Челакъ-Агменъ, товарищъ коммендаНта, сталъ на колѣни передъ Шеинымъ, вручилъ ему городскіе ключи и говорилъ: «Хвала Богу за твое милосердіе! За благость твою, да учинитъ онъ всюду путь твой благополучнымъ, куда ни пойдешь ты войною!» На 18 бударъ посадили оставшихся отъ гарнизона 3,700 человѣкъ, 3,900 уцѣлѣвшихъ въ осадѣ жителей, 2000 женъ и дѣтей ихъ, и переправили въ Татарскій станъ на Кагальникъ, откуда Крымцы торопились убраться во свояси (536). Побѣдители вступили въ Азовъ и были изумлены ужаснымъ позорищемъ, какое представлялъ городъ: зданія превращены были въ груды развалинъ; вся земля была взрыта ядрами и бомбами; хлѣба не оставалось нисколько; мертвыя тѣла и обгорѣлыя трупы заражали смрадомъ воздухъ. Пушекъ въ Азовѣ найдено 96, мортиръ 4. Всю добычу, кромѣ оружія, золото, серебро, имѣніе жителей, Царь отдалъ на дѣ-

Г. 1696.

Покореніе Азова.

г. 1696. лежъ войску. Первое дѣло его по вступленіи въ Азовъ было благодареніе Богу. При пѣніи: «Тебѣ Бога хвалимъ,» троекратно гремѣли артиллерія и выстрѣлы ружейные на сухомъ пути и съ судовъ. «И было торжество и пированіе и изъ пушекъ стрѣляніе многое; и галеры, проводя Азовцовъ, пріѣхали всѣ подъ Азовъ и стали на рѣкѣ Донѣ,» говоритъ современникъ ([537]). На другой день Руские подступили къ Лютику. Защитники его хотѣли удостовѣриться въ занятіи Азова, не вѣря словамъ Русскихъ. Посланнаго отъ нихъ привели въ Азовъ и Лютикъ сдался безъ боя; въ немъ нашли 36 пушекъ; гарнизону позволено было выйдти, но безъ оружія и безъ имѣнія. Августа 6-го освятили Азовъ; по валамъ его совершенъ былъ крестный ходъ, и въ двухъ мечетяхъ, обращенныхъ въ церкви, во имя Богоматери и Іоанна Предтечи, раздалось священное пѣніе, провозглашено было имя Русскаго Царя и Азовъ объявленъ «присоединеннымъ къ Россіи на вѣчныя времена ([538]).»

«Нынѣ возглашу вамъ со святымъ Павломъ: радуйтесь, и паки реку: радуйтесь!» писалъ Царь Т. Н. Стрѣшневу. «Исполнилась наша радость и наградилъ Богъ двухъ-лѣтніе труды и кровь нашу: Азовъ, видя свою конечную бѣду, сдался ([539])!» Москва въ сомнѣніи и страхѣ ждала извѣстій и тѣмъ утѣшнѣе была вѣсть побѣды. Патріархъ, въ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи Царицъ и царевича Алексія, «воздалъ по чину хвалословіе благодарное, въ слезорадованіи, слыша благую вѣсть о царскомъ здравіи и полученіи намѣреннаго совершенства и всѣ православные веселость пріяли.» Такъ писалъ онъ, поздравляя Царя. Бояринъ

Троекуровъ объявилъ вѣсть объ Азовѣ народу съ Красного крыльца. Племянникъ Лефорта роскошно угощалъ бояръ во дворцѣ дяди своего. Отвыкшая отъ побѣдъ, Москва веселилась взятіемъ Азова, какъ давно неслыханнымъ подвигомъ. Говорили, что Султанъ грозилъ прежде идти на Императора съ силами «отъ востока до запада» и истребить все христіанство, но услышавъ о потерѣ Азова, испугался и бѣжалъ въ Адріанополь съ Дуная; что Императоръ прислалъ къ нему послѣ того укорительную грамату, называя его «гнилымъ деревомъ жизни, дѣдичемъ вѣчнаго осужденія, псомъ, лающимъ на господина своего,» и обѣщалъ придти и раззорить его поганскія капища; что ханъ Крымскій шелъ со всею силою къ Азову и со страхомъ воротился отъ Міюса, думая только о спасеніи своего Крыма. По всему государству посланы были повелѣнія молебствовать и благодарить Бога (340). г. 1696.

Взятіе Азова обрадовало Польшу и Императора. Еле дыша, на одрѣ смерти, Собіескій слышалъ вопли и проклятія народа, терзаемаго Татарами. Опустошительно вторгаясь они еще разъ на Волынь, взяли Сбаражъ, опять подходили къ Львову и разграбили Станиславовъ. Защиты не было. Собіескій не дожилъ даже до утѣшительной вѣсти о взятіи Азова. Уже отъ имени Рѣчи Посполитой, послѣ смерти его, Польша поздравляла Царя съ побѣдою. Императоръ, скрывая сильное пораженіе, претерпѣнное войсками его подъ Бедою, прислалъ благодарительную грамату Царю, котораго спѣшили поздравить Курфирстъ Бранденбургскій и Дожъ Венеціянскій. Паденіе Азова и преувеличенные слухи о небываломъ *Русскомъ флотѣ*, явившемся

г. 1696. на Азовскомъ морѣ, встревожили Султана. Онъ изъявилъ гнѣвъ свой Крымскому Хану, укоряя его въ недѣятельности; казнилъ бывшихъ подъ Азовомъ бега Иконійскаго, санджака Джаникскаго и Гассана-пашу, кіаію Калайликоса-паши, который не смѣлъ явиться въ Царьградъ, бѣжалъ и скрылся; имѣніе его взято было на Султана. Велѣно на слѣдующій годъ непремѣнно отнять Азовъ у Русскихъ; на устьи Кубани Турки заложили новую крѣпость, *Ачшу*; назначили флотъ защищать Крымъ, куда грозно придвигался Русскій Царь, занимая сѣверное прибрежье Азовскаго моря ([541]).

Возвращеніе изъ Азовскаго похода.

Іюля 31-го сказанъ былъ обратный походъ Русскому войску, обогащенному добычею и обрадованному наградами. Флотъ Русскій отправился въ Воронежъ; въ Азовѣ оставлено было нѣсколько мѣлкихъ судовъ. Милостиво отпустилъ Царь Малороссійскихъ казаковъ. Храбрый атаманъ Лизогубъ награжденъ былъ отъ него сорокомъ соболей и 30-ю червонцами; полковники казацкіе получили объяри, атласы, соболей, червонцы; на раздачу казакамъ выдано было 15,000 рублей деньгами ([542]). Соратники царскіе, Донцы дѣлили въ Черкаскѣ серебро и золото и благодарили Царя храбраго и милостиваго. Преданіе о походѣ на Азовъ осталось навсегда повѣстью между Донцами, съ разсказами объ удальствѣ и богатырской силѣ царя Петра. Такъ говоритъ преданіе, что Царь, плывя по Дону, мимо Курмоярской станицы, указалъ на утку, плававшую у другаго берега и спросилъ молодаго казака Пядуха: «Что? Застрѣлишь ли?» Пядухъ приложился и съ маху убилъ утку. «Исполать!» сказалъ Царь, потрепавъ его по плечу — «и я застрѣлю, да только поцѣлюсь ([543])!»

Царь остался въ Азовѣ до 16-го Августа. Очистили городъ, составили планъ его укрѣпленій, назначили строить крѣпости въ Донскихъ гирлахъ, заложили въ Азовѣ соборную церковь во имя св. апостоловъ Петра и Павла. Крѣпостными работами управлялъ инженеръ Лаваль. Воеводою въ Азовъ опредѣленъ князь П. Г. Львовъ, съ сильнымъ гарнизономъ. Донцамъ позволено было селиться въ Азовѣ и Лютикѣ. Работы крѣпостныя начались немедленно, и самъ Царь помогалъ насыпать городской валъ и обкладывать его дерномъ. Брюсу и Менгдену велѣно снять карты теченія Дона и Азовскаго моря. Видя невозможность устроить портъ въ Азовѣ, Царь велѣлъ инженеру Боргсдорфу осмотрѣть берегъ далѣе отъ Азова на С. З. и выбрать мѣсто, гдѣ безопасно могли бы стоять военные корабли (344). Онъ отправился послѣ того въ Москву, догналъ Шеина съ главнымъ войскомъ близъ Айдара, и здѣсь въ таборѣ объявлены были царскія милости и награды, велѣно распустить воинскія дружины и только Московскимъ полкамъ идти въ столицу (345). Царь проѣхалъ въ Воронежъ и подтвердилъ дѣятельно продолжать кораблестроеніе. И здѣсь, какъ прежде въ Архангельскѣ, нашелъ онъ въ архипастырѣ, епископѣ Воронежскомъ Митрофанѣ, мужа святаго по жизни, ревностнаго и усерднаго на пользу отечества. Царь любилъ съ нимъ бесѣдовать, открывалъ ему свои обширныя предпріятія и слышалъ совѣты его, исполненные мудрости и благочестія (346). г. 1696. Епископъ Митрофанъ.

Москва готовилась къ торжественной встрѣчѣ побѣдителей. По указу Царя, на Каменномъ мосту черезъ Москву рѣку устроены были тріумфальныя врата, Тріумфъ Царя.

г. 1696. деревянныя, раскрашенныя и раззолоченныя; на верху ихъ помѣщались музыканты; по мосту поставлены были огромныя живописныя картины, изображавшія морской бой подъ Азовомъ и битвы съ Татарами. Внутри воротъ были раскинуты двѣ тканыя картины (вѣроятно, ковры съ картинъ Рафаэля): торжество Константина Великаго и побѣда его надъ Максентіемъ. Народъ смотрѣлъ и дивился «на невиданную *оказу*, на персоны, *левкашенныя* на холстинѣ живописнымъ письмомъ, на лицеизображеніе того, что было подъ Азовомъ, на *болваны и плачеты prехитрыя*;» толковалъ, что ковры изображаютъ взятіе Казани; дивовался на «человѣка рѣзнаго, а у него въ рукѣ палица, а въ другой вѣтвь зеленая,» и еще на «человѣка рѣзнаго въ воинскомъ платьи, въ рукѣ мечъ, а въ другой щитъ» (то были *Геркулесъ* и *Марсъ*); удивлялся и тому, что тутъ же «въ морѣ написанъ былъ человѣкъ, *словущій богъ морской, коего называютъ Нептунъ, на звѣрѣ морскомъ, походящемъ на кита образомъ, а въ рукахъ острога, да весло* [547]. Сентября 30-го начался тріумфальный входъ изъ села Коломенскаго, гдѣ Царь собралъ свое побѣдительное войско. Не бывшія въ походѣ войска стояли на Царицыномъ лугу, на Красной площади, у Серпуховскихъ воротъ; пушки разставлены были въ Кремлѣ, и каждаго изъ тріумфаторовъ привѣтствовали выстрѣлами и громомъ литавръ и барабановъ. Но не себѣ предоставлялъ Царь почести тріумфа. За царскими каретами, гдѣ сидѣли Зотовъ, Головинъ и Нарышкинъ, ѣхалъ *адмиралъ Лефортъ*, въ раковинѣ, раззолоченной, украшенной тритонами, на 6-ти сѣрыхъ лошадяхъ, въ бѣломъ мундирѣ; 3,000 солдатъ

и матросовъ слѣдовали за нимъ. Потомъ явился воевода Шеинъ, верхомъ, въ Русскомъ, бархатномъ черномъ кафтанѣ, вышитомъ жемчугомъ, съ бѣлымъ перомъ на шляпѣ; передъ нимъ несли царское знамя съ ликомъ Спасителя. Самъ Царь смиренно велъ свою роту Преображенскаго полка, пѣшкомъ, одѣтый въ простой офицерскій мундиръ, уступая мѣсто Преображенскаго полковника Автомону Головину; Чамберсъ велъ Семеновскій, Гордонъ Бутырскій полкъ; стрѣльцы, мушкетеры, плѣнные Турки и Татары заключали шествіе. На огромной тѣлегѣ устроена была висѣлица, и подъ нею, окруженный орудіями казни, съ петлею на шеѣ, везенъ былъ Янсенъ. Его провезли мимо тріумфальныхъ воротъ въ Преображенское, гдѣ казнь ожидала измѣнника (548). г. 1696.

Приближаясь къ тріумфальнымъ вратамъ, Лефортъ сошелъ съ колесницы и остановился; въ огромную жестяную трубу, скрытый на верху воротъ, подьячій Иванъ Герасимовъ громогласно велѣлъ народу молчать и провозгласилъ поздравительные стихи адмиралу: уподоблялъ его Цезарю, говорилъ, что онъ «*пришелъ, узрѣлъ и побѣдилъ*, запалилъ Турецкіе корабли, расширилъ всюду страхъ велій, преклонилъ выю Азова.» — «И какъ онъ Иванъ его адмирала поздравлялъ, рѣчь его всему народу была слышна и явна, будто громъ гремѣлъ.» Также привѣтствовали Шеина, возглашая «великому воеводѣ,» что «отъ побѣдъ его ущербляется луна и низится гордость Агарянъ, доселѣ въ высоту восходившая (549).» Тріумфальное шествіе продолжалось черезъ Кремль, выступило въ Никольскія ворота и съ Красной площади полки пошли по домамъ. Царь

г. 1696. самъ проводилъ любимый полкъ свой до Преображенскаго. Щедрыя награды были объявлены всѣмъ вождямъ. Лефортъ получилъ званіе Намѣстника Новогородскаго и президента Военнаго Совѣта, учрежденнаго при особѣ Царя, соболей, серебряную и золотую посуду и вотчины въ Рязанской и Тульской областяхъ; богатыя подарки даны были Шеину и Головину, съ вотчинами, первому въ Алатырскомъ уѣздѣ, волостью Барыжскою, 305 дворовъ; второму, Кромскаго уѣзда, село Молодовское, 57 дворовъ. Другіе получили вотчины, помѣстья, медали, кубки, парчи, соболей, денежныя выдачи и прибавки къ окладамъ ([330]). Октября 8-го, Царь посѣтилъ Сергіевскую лавру и воздалъ благодареніе свято чтимымъ отъ него мощамъ св. Сергія. Онъ хотѣлъ увѣковѣчить память побѣды небывалыми дотолѣ въ Россіи медалями. На одной изъ нихъ изображенъ былъ портретъ его, съ надписью: *Петръ Алексѣевичъ, повелитель Московскій, присноприрастититель.* На оборотѣ видѣнъ былъ бомбардируемый съ флота и съ сухаго пути Азовъ, съ надписью: *Молніями и волнами повелитель.* Одинъ изъ иностранныхъ медальеровъ поднесъ Царю медаль съ замысловатою надписью: *Дондѣ Авксенское* (непріязненное), *да будетъ Эвксинскимъ* (мирнымъ) *моремъ* ([331]). Нашелся какой-то хитрецъ и представилъ Царю камень, удостовѣряя, что его нашли гдѣ-то близъ Азова при распахиваніи земли. Латинская надпись на камнѣ предвѣщала, что *Сѣверный Орелъ распростретъ крылья на Босфоръ и Балтику.* Думали увѣрить Царя, что камень древній, и что онъ явное прореченіе будущаго величія Россіи, найденный на

мѣстахъ знаменитой царской побѣды. Царь увидѣлъ хитрость, усмѣхнулся и сказалъ: *Надпись на камнѣ поддѣльная, но спасибо за доброе желаніе* (332). г. 1696.

Царь не думалъ отдыхать послѣ труднаго похода. Исполненное дотолѣ считалъ онъ едва только началомъ. Предпріятіямъ его не было предѣловъ, хотя онъ испыталъ уже трудную науку государственнаго правленія семилѣтнимъ опытомъ, видѣлъ и узналъ своихъ помощниковъ среди смутъ государственныхъ, въ преобразованіи войска, началахъ флота, битвахъ воинскихъ, измѣненіяхъ общественныхъ. Здѣсь являются великія соображенія Царя, на коихъ основались всѣ дѣла и подвиги его, и коими рѣшено было направленіе всей его жизни.

Начало преобразованія Россіи.

Могущій духомъ, воинъ по природѣ, онъ твердо убѣдился въ необходимости образовать изъ Россіи сильное воинственное государство, и силу его укрѣпить регулярнымъ войскомъ, великимъ флотомъ, дѣятельною внутреннею и внѣшнею торговлею, народною промышленностью, распространеніемъ внутреннихъ сухопутныхъ и водяныхъ сообщеній. Страха и препятствій онъ не зналъ; труда жаждалъ онъ, жилъ имъ; Россію свою проникъ и извѣдалъ онъ, оцѣнилъ ее, слился съ нею своимъ бытіемъ, забывалъ, что онъ Царь ея, не думалъ о своей славѣ: желать добра и чести Россіи значило для него желать добра и чести себѣ самому. Глубоко созналъ уже онъ тогда систему политики, какая потребна была Россіи: уничтожить самобытность Польши, сразиться съ Турціею и Швеціею, соединиться для того союзомъ съ другими Европейскими государствами, раздвинуть силы и сношенія Россіи въ

Мысль Петра.

г. 1696. Азію—таковы были мысли юнаго Царя, уже укорененныя въ душѣ его. Онъ видѣлъ, что существеннаго, самобытнаго основанія Россіи на все достанетъ, но какія потребны были къ тому средства? Одно — *просвѣщеніе*, и просвѣщеніе *Европейское*. Врагомъ просвѣщенія было невѣжество, а на стражѣ невѣжества былъ неразлучный спутникъ и собратъ его—суевѣріе. Узнавшій прелесть просвѣщенія, убѣжденный въ его необходимости, Петръ хотѣлъ просвѣщенія самому себѣ и Россіи — и возненавидѣлъ онъ невѣжество и суевѣріе, и смѣло сталъ онъ на борьбу съ ними. Вѣрно, повторяемъ, созналъ онъ силы Россіи и соразмѣрилъ съ ними свои силы: на нихъ, и только на нихъ утвердился онъ, ибо видѣлъ, что если и есть у него добрые сподвижники, то его примѣромъ движутся они, его жизнью живутъ. Отселѣ стараніе Петра все исполнить лично, во всемъ быть примѣромъ другимъ; отселѣ и недовѣрчивое стремленіе его все узнать и испытать самому, и мысль его самому посѣтить Европу, самому видѣть въ ней все, вѣками тамъ созданное, самому бесѣдовать съ монархами Европейскими, подать имъ свою царскую руку, требовать ихъ дружбы и союза. Могли ль послѣ того остаться чуждыми Европѣ подвластные Петра? Могъ ли и онъ безъ того указать имъ, что должны они изучать въ Европѣ?

Таковы были, если осмѣлимся разгадывать тайны генія въ твореніяхъ его, таковы были думы и мысли Петра. Какъ надобно было ему достигать своей цѣли? Какія средства могъ онъ найдти? Какія препятствія могъ встрѣтить на пути своемъ? Въ томъ, можетъ быть, не отдавалъ еще себѣ отчета даже и его не из-

мѣримый геній. Но цѣль была уже ярко освѣщена передъ нимъ, и къ ней вѣрно, постоянно, могуще, непобѣдимо устремился онъ, и — все пало передъ его всепревозмогающею волею. г. 1696.

Возвратясь побѣдителемъ въ Москву, Царь рѣшился ограничиться завоеваніями, какія совершилъ, но за то сіи завоеванія хотѣлъ онъ упрочить и утвердить крѣпко. Есть преданіе, будто онъ помышлялъ даже перенесть столицу свою на берега Азовскаго моря. При такомъ предположеніи надобно было подумать ему о безопасности новой столицы и озаботиться покореніемъ Крыма. Говорятъ, что таково, дѣйствительно, было его предположеніе. Но мы не находимъ доказательствъ догадкѣ, и если помышлялъ о томъ Царь, вѣроятно, вскорѣ увидѣлъ онъ трудность предпріятія, кромѣ неудобства основать пребываніе въ странѣ безлѣсной, при морѣ, запертомъ властью Оттомановъ, представлявшемъ множество препятствій плаванію кораблей и основанію портовъ, по положенію береговъ его. Надобно было сообразить и трудности сообщеній съ отдаленною отъ юга сѣверною Россіею (553).

Но власть на югѣ Россіи хотѣлъ онъ однакожь утвердить и упрочить за собою. Азовъ считалъ онъ *Русскимъ городомъ*. Въ семъ предположеніи, уже опредѣлившій умомъ своимъ предпріятія новыя, Царь хотѣлъ продолжать оборонительную войну противъ Турковъ. Укрѣпляя союзъ съ Императоромъ и Венеціею, не допустилъ онъ въ Москву посла, котораго хотѣлъ прислать Ханъ Крымскій, предлагая говорить о мирѣ. Царь просилъ союзниковъ не соглашаться на миръ невыгодный и обѣщалъ имъ продолжать воинскія дѣй- Дѣла внѣшнія.

г. 1696. ствія противъ Крыма. Азовъ былъ ручательствомъ того, какъ вѣрно исполнялъ слово свое Русскій Царь. Нефимоновъ, по волѣ Царской оставаясь въ Вѣнѣ, велъ переговоры съ министрами Императора, графомъ Кинскимъ, графомъ Штаренбергомъ, графомъ Цейлемъ, и
г. 1697. посломъ Венеціи Рузини. Января 29-го 1697 г. заключили новый договоръ, на три года, подтверждая союзъ, обѣщая не мириться отдѣльно, не уступать завоеваній, продолжать войну, доколѣ каждый изъ союзниковъ будетъ удовлетворенъ непріятелемъ въ своихъ требованіяхъ ([584]). Дѣла Императора на Рейнѣ и къ Италіи были сей годъ удачнѣе прежняго. Людовикъ XIV-й соглашался на миръ, утомленный семилѣтнею войною, помышляя о возможности передать престолъ Испаніи въ родъ Бурбоновъ, чего однакожь не уступили бы ему другіе безъ сопротивленія. Ему надобно было готовиться къ новой войнѣ, и онъ хотѣлъ отдыха, потребовалъ мира. Съ утишеніемъ войны противъ Людовика XIV-го Императоръ могъ усиливать военныя дѣйствія противъ Турковъ. Начальство надъ его войсками принималъ принцъ Евгеній Савойскій, вождь юный, но уже знаменитый побѣдами, заставившій трепетать даже Короля Французскаго. Кончина Собіескаго не вредила союзу Императора и Россіи, тѣмъ болѣе, что Польша, хотя и раздираемая междоусобіями, не думала мириться съ Султаномъ.

Укрѣпленіе Азова.

Утвердивъ союзъ съ Императоромъ, Царь озаботился укрѣпленіемъ завоеванной имъ области. Азовъ, защищенный глубокимъ рвомъ, высокими валами, отдѣльными крѣпостями, вскорѣ явился недоступнымъ оружію Оттоманскому. Кизи-Кермень также укрѣпляли

дѣятельно, подъ надзоромъ воеводы Бухвостова, а равно укрѣпляли Таванскую и другія крѣпости на Днѣпрѣ. Лаваль осмотрѣлъ приморье отъ Азова и донесъ Царю, что находитъ удобнымъ заложить крѣпость и портъ въ семидесяти верстахъ отъ Донскаго устья, тамъ, гдѣ впаденіе рѣки Міюса составляетъ обширный затишный лиманъ. Царь одобрилъ планъ. Лаваль заложилъ на Міюсѣ *Семеновскую* крѣпость. Но вскорѣ потомъ Царь согласился съ мнѣніемъ другихъ инженеровъ и утвердилъ построеніе новой крѣпости ближе къ Азову, гдѣ была у Турковъ старинная, оставленная ими каланча *Таганъ-Рогъ*. Обширный заливъ и близость къ Азову давали болѣе возможности устроить здѣсь портъ удобный и крѣпкій. На мѣстѣ Таганрога заложили *Троицкую крѣпость*, а въ 5-ти верстахъ отъ нея повели валъ на 10-ть верстъ, до самаго Міюса, съ крѣпостями: *Черепахою* близъ Таганрога и *Павловскою* на Міюсѣ ([565]). Дѣятельно продолжалось кораблестроеніе въ Воронежѣ. Размѣряя все своею исполинскою мѣрою, Царь опредѣлилъ соорудить: 9 кораблей 60-ти пушечныхъ, 20 отъ 48-ми до 50-ти пушекъ, 5 отъ 40-ка до 42-хъ, 19 отъ 30-ти до 34-хъ, 2 въ 26 и 24, 4 брандера 8-ми пушечные и 7 бомбардирскихъ судовъ, отъ 18-ти до 14-ти пушекъ, съ одною и двумя мортирами, такъ, что число всѣхъ судовъ долженствовало простираться до 66-ти, съ 2,538 пушками, 11 мортирами, 17,000-ми человѣкъ солдатъ и экипажа. Расходы, потребные на кораблестроеніе столь огромное, особливо при поспѣшности дѣла, могли быть тягостны царской казнѣ: Царь распредѣлилъ постройку между богатыми боярами и помѣщиками, назначивъ

г. 1697.

Таганрогъ.

Устроеніе флота.

г. 1697. строить на счетъ князей Черкаскихъ 5 кораблей, князя Троекурова 14, князя Ромодановскаго 9, и по одному кораблю на счетъ князя Прозоровскаго, князя Хованскаго, князя Долгорукаго, окольничаго Траханіотова, боярина Салтыкова и Өедора Зыкова. Богатый Голландскій торговый домъ гостя Избранда, угождая Царю, принялъ на себя строеніе *трехъ* кораблей. Патріарху назначено было построить восемь кораблей. На счетъ торгующихъ купцовъ велѣно строить бомбардирскія суда и брандеры. На счетъ собственной казны Царя опредѣлена постройка десяти кораблей. Безпрекословно спѣшили всѣ исполнить волю Царя ([556]). Онъ поручилъ Воронежскую верфь другу своему Ө. М. Апраксину, мѣсто коего въ Архангельскѣ заступилъ князь Лыковъ. Тысячи рабочихъ собраны были въ Воронежъ. Отдѣльная верфь для постройки небольшихъ судовъ возобновлена была въ Брянскѣ, откуда по Деснѣ переводили суда въ Днѣпръ, назначая ихъ на защиту Кизи-Кермена ([557]).

Соединеніе Дона съ Волгою. Нетерпѣливый Царь принялся немедленно и за соединеніе Дона съ Волгою. Мѣстоположеніе между сими рѣками было уже измѣряно и положено на карту. Царь рѣшался соединить каналомъ рѣки Иловлу и Камышенку, одну впадающую въ Донъ, другую въ Волгу и раздѣляемыя одна отъ другой разстояніемъ только на четыре версты. Важное дѣло сіе поручилъ онъ надзору князя Б. А. Голицына, назначивъ собрать на работу 35,000 крестьянъ и производить ее подъ надзоромъ инженера Бретеля ([558]), когда въ то же время начались работы для соединенія Дона съ Окою, черезъ Иванъ-озеро въ Тульской области. Голицыну велѣно

было, находясь на Волгѣ, принять мѣры противъ безпокойныхъ Калмыковъ, ханъ которыхъ, престарѣлый Аюка, хитрилъ и вѣроломствовалъ по прежнему. г. 1697.

Царь слышалъ о приготовленіяхъ Турковъ на Азовъ, опасаясь притомъ и движенія Татаръ на Кизи-Керменъ. Въ Ноябрѣ 1696 г., Я. О. Долгорукій отправился въ Бѣлгородъ, гдѣ смѣнилъ Б. П. Шереметева и занялся устройствомъ войска, долженствовавшаго идти съ нимъ и съ Мазепою на Днѣпръ и съ Шеинымъ и Донцами подъ Азовъ. Долгорукій долженъ былъ заслонить Кизи-Керменъ, и если откроется возможность, идти на Перекопъ; Шеину назначено было отстаивать Азовъ, и при успѣхѣ идти на Кубань, раззорить тамъ новую крѣпость, построенную Турками, и разогнать Калмыковъ и Татаръ, къ ней перекочевавшихъ. Января 22-го велѣно войскамъ собираться въ походъ и быть въ Острогожскѣ къ 1-му Мая стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ, жильцамъ и солдатамъ Московскимъ и городовымъ, полкамъ Лефортову, Гордонову и Стрѣльцамъ. Января 26-го данъ указъ о сборѣ войскъ князю Долгорукому. Мазепа поспѣшно готовился къ походу (859). Война съ Турціею.

Дѣла Польши требовали обширныхъ соображеній Царя. Мы упоминали о смерти Собіескаго. Предавшись любимому лекарю своему, жиду Іонѣ, Собіескій ускорилъ свою скорбную кончину и скончался 10-го Іюля 1696 г. Подлѣ его гроба жена и старшій сынъ его Іаковъ отнимали королевскую корону другъ у друга; трупъ Собіескаго, къ соблазну всѣхъ, лежалъ на парадномъ одрѣ развѣнчанный. Безполезный мечъ Собіескаго замѣнялъ ему и по смерти царственные клей- Польша. Кончина Собіескаго.

г. 1697. иоды ([360]). Августа 27-го собрался въ Варшавѣ сеймъ для назначенія именъ кандидатовъ на престолъ Польскій. Королева возставала противъ Іакова; предлагала тронъ всѣмъ другимъ — только не отдавала его сыну ненавистному. Принуждены были изгнать ее изъ Варшавы. Она удалилась въ Данцигъ и соединилась тамъ съ буйнымъ Сапегою. Начались междоусобія. Въ Литвѣ уже брались за сабли, и хотя на шумномъ сеймѣ предложено было имя Іакова Собіескаго и его подкрѣплялъ Императоръ, но несчастное право подачи свободныхъ голосовъ разрушило сеймъ (26 Сентября). Шляхтичъ Геронднискій, безотчетно возглашая безумное: «не позволяю,» уничтожилъ государственное собраніе по желанію Королевы. Она предложила послѣ того избрать втораго сына своего, принца Александра, или зятя, курфирста Баварскаго Максимиліана. Явились еще имена: *Леопольда*, герцога Лотарингскаго, *Людовика*, маркграфа Баденскаго, *Карла*, графа Пфальцскаго, *Ливіо Одескальки*, племянника папы Иннокентія XI-го. Но почти всѣ голоса согласились, когда

Принцъ Конти. Французскій Посолъ предложилъ избрать *Франциска Людовика Конти*, племянника Великому Конде, принца юнаго, образованнаго, бывшаго украшеніемъ Версальскаго Двора и примѣромъ мужества на поляхъ брани. Людовикъ XIV-й не любилъ принца Конти, хотя старшій братъ его былъ женатъ на дочери Короля и красавицы ла-Вальеръ. Гордость Людовика не могла терпѣть независимости характера, какою отличался принцъ Конти, и колкихъ насмѣшекъ его надъ Лувуа, и даже надъ самимъ королемъ, на старости лѣтъ послушнымъ вдовѣ Скарроновой: Конти называлъ ее, шутя, Королемъ Французскимъ ([361]).» Пока Татары

раззоряли Волынь и Галицію, а въ Варшавѣ спорили о будущемъ королѣ, Сапега и Огинскій, хорунжій княжества Литовскаго, начали битвы и сражались въ Литвѣ. Войско коронное, предводимое Барановскимъ, не думало унимать ихъ, роптало, готовилось идти на Варшаву и добывать саблею неполученное имъ жалованье. Едва могли успокоить мятежниковъ, и въ Маѣ 1697 года собрался въ Варшавѣ *избирательный сеймъ*. Отвергая всѣхъ другихъ кандидатовъ, кромѣ принца Конти, снова изгнали Королеву мать изъ столицы, куда осмѣлилась она явиться. Но едва сеймъ единодушно согласился на выборъ принца Конти, голоса снова разрозпились, когда неожиданно предсталъ новый кандидатъ, юный *Фридрихъ Августъ*, курфирстъ Саксонскій. Казалось, судьба не назначала Августа быть властителемъ не только Польши, но даже и Саксоніи, гдѣ съ 1691 г. царствовалъ старшій братъ его Іоаннъ Георгъ. Получившій воспитаніе блестящее, одаренный умомъ увлекательнымъ, тѣлесною силою необыкновенною, страстно привязанный къ искуствамъ, но преданный притомъ нѣгѣ и роскоши, хотя до безразсудности отважный на полѣ битвъ, Августъ думалъ только о забавахъ и рыцарскихъ похожденіяхъ, плѣнялъ красавицъ при Европейскихъ Дворахъ своею любезностью, и какъ наѣздникъ дрался съ Турками, записавшись волонтеромъ въ Императорское войско. Смерть брата неожиданно возвела Августа на Саксонскій престолъ, въ 1694 году. Въ битвахъ продолжалъ онъ искать развлеченія отъ разгульной жизни своего блестящаго Дрезденскаго Двора, и какъ не умѣя быть мудрымъ государемъ, увлекалъ всѣхъ своею

Г. 1697.

Курфирстъ Августъ.

г. 1697. щедростью, роскошью, пирами, такъ не бывши полководцомъ, являлся безстрашнымъ воиномъ въ битвахъ, успѣлъ даже загладить стыдъ потерь Императора, своего союзника, воинскими наѣздами, особенно въ битвѣ подъ Темесваромъ, въ 1696 году ([362]). Смерть Собіескаго подала Августу мысль искать Польскаго престола. Его характеръ, щедрость, льстивыя обѣщанія могли обольстить и увлечь Поляковъ. Но важныя препятствія поставляли безразсудному честолюбію несогласіе Императора, покровительство его Іакову Собіескому, и особенно Лютеранская вѣра, Августомъ исповѣдуемая. Послѣднее препятствіе Августъ отвратилъ легко, соглашаясь принять вѣру Католическую. Папа обрадовался обращенію Протестантскаго государя и началъ подкрѣплять его избраніе. Саксонскій министръ, хитрый графъ Флемингъ, при помощи шурина своего, кастеляна Хельмскаго, Іакова Пребендовскаго, тайно набиралъ въ Польшѣ голоса своему государю. Августъ, обольщаемый честолюбивыми мечтами, не щадилъ денегъ, уступокъ Польскимъ вельможамъ, надеждъ въ будущемъ, обѣщалъ выдать изъ казны своей милльоны Рѣчи Посполитой, брался отнять у Султана Каменецъ, Валахію, Молдавію, заднѣпровскую Украйну. Императоръ упорно не соглашался на выборъ его: ему выгоднѣе было видѣть на Польскомъ тронѣ безсильнаго Іакова, принца всѣми оставленнаго, обязаннаго короною только его покровительству, нежели непостояннаго, вѣтрянаго, но храбраго и славолюбиваго Курфирста Саксонскаго. При такимъ разнородныхъ отношеніяхъ открылся избирательный сеймъ, Іюня 26-го 1697 года. Примасъ Королевства, кардиналъ Радзеевскій, защитникъ Сапеги и

вдовствующей Королевы, провозгласил имена принца Конти, Курфирста Саксонскаго и Іакова Собіескаго. Голоса разделились, и едва Примас изъявил сомнѣніе о принятіи Курфирстом Католической вѣры, объявляя себя защитником принца Конти, три четверти голосов пристали к нему и провозгласили принца Конти королем Польским. Тѣм упорнѣе стали другіе за Курфирста — немногіе стояли за Іакова. Напрасно Флеминг представлял свидѣтельство епископа, что еще 2-го Іюня Курфирст принял Католическую вѣру напрасно подтверждал слова его Папскій Нунцій, восклицанія: «Да здравствует принц Конти!» заглушили голоса восклицавших: «Да здравствует Курфирст Саксонскій!» Среди смятеннаго шума слышались возгласы и друзей Іакова. Ночь прекратила споры, а на другой день дѣло совершенно измѣнилось. Видя превозмогающую сторону принца Конти и невозможность поддержать Іакова, Посол Императорскій пристал к сторонѣ Курфирста Саксонскаго. Всѣ сообщники оставили сына Собіескаго и с ними согласился даже и друг его и главный защитник, епископ Куявскій, Станислав Денбскій. Превозмогающею всѣх явилась послѣ сего на сеймѣ партія Августа. Но противники не уступали. Сапега, Королева, Примас дѣйствовали неутомимо. Еще волновался и спорил сейм, еще не рѣшилось дѣло, когда Примас отправился в церковь, своевольно велѣл отворить ее и воспѣл благодареніе Богу за избраніе принца Конти. Шумною толпою в слѣд за ним вторглись в церковь приверженцы Августа и воспѣли «Тебѣ Бога хвалим» в свою очередь. Засверкали сабли — храм Божій едва не сдѣлался мѣстом кровавой бит-

г. 1697.

Избраніе Августа в Польскіе короли.

г. 1697. вы. Еще двѣ недѣли прошло послѣ того въ шумѣ и спорахъ, но Іюля 13-го Сенатъ и большинство голосовъ утвердили королемъ Августа, выслали изъ Польши крамольную жену и дѣтей Собіескаго, присягнули Августу въ лицѣ посла его Флеминга, собрались въ Краковъ и отправили посольство въ Саксонію, призывая Августа въ Польшу. Огинскій заступилъ мѣсто Сапеги, котораго объявили лишеннымъ званія Коронаго Канцлера. Примасъ и Сапега ни чему внимали; остались въ Варшавѣ, собирали войско, отправили посольство въ Парижъ, призывая принца Конти. Курфирстъ Саксонскій спѣшилъ явиться въ Краковъ, прибылъ туда Августа 8-го и Епископъ Куявскій, за отсутствіемъ Примаса, готовился короновать его. Варшава не покорялась, буйствовала и спорила. Примасъ и Сапега нетерпѣливо ждали принца Конти, спѣшившаго прибытіемъ въ Польшу съ Французскими кораблями, ибо Людовикъ XIV-й согласился наконецъ на отпускъ его въ Польшу, и даже поручилъ начальство надъ экспедиціею, снаряжаемою въ Балтійское море, храброму моряку своему Жанъ-Барту (365).

Посредничество Царя. Царь зналъ всѣ подробности смятеній при выборахъ въ Польшѣ, понималъ невыгоды для Россіи избранія принца Конти, и не думая, какъ прежде думалъ родитель его, о несбыточномъ желаніи владѣть престоломъ Польскимъ, хорошо умѣлъ опредѣлить политику Россіи въ отношеніи Польскаго королевства, сосѣда безпокойнаго, но уже не опаснаго. Сначала подкрѣплялъ онъ избраніе принца Іакова, но видя безсиліе его сообщниковъ, изъявилъ дружбу и предложилъ союзъ свой Курфирсту Саксонскому, едва только узналъ

о желанiи его царствовать въ Польшѣ. Подтверждая согласiе на избранiе Августа не одними словами, онъ велѣлъ двинуться изъ Новгорода сильному корпусу войскъ, съ княземъ М. Г. Ромодановскимъ, и стать близъ Великихъ Лукъ, приготовляя тѣмъ возможность при первомъ требованiи, ввести Русское войско въ Литву и усилить короля Августа, уничтожая крамолу Примаса и Сапеги ([364]). г. 1697.

Дѣла внутреннiя.

Всѣ сiи дѣла, продолженiе войны съ Турцiею, движенiе Русскихъ войскъ къ Азову и на Крымъ, укрѣпленiе Азовскихъ береговъ крѣпостями, вмѣшательство въ выборъ короля въ Польшѣ, рѣшались уже не прежнею, медленною на совѣтъ думою боярскою, по повелѣнiями Царя, разсмотрѣнными въ его военномъ совѣтѣ, гдѣ президентомъ считался Лефортъ, но все опредѣлялъ и рѣшалъ самъ Царь. Онъ оставлялъ еще въ государствѣ прежнiй внутреннiй порядокъ государственнаго управленiя, подвергая коренному преобразованiю только устройство Русскаго войска. Но уже и въ гражданской администрацiи являлись безпрерывныя измѣненiя, подобно тому, какъ измѣнялись по волѣ Царя нравы, мнѣнiя, обычаи, повѣрья, разрушаемо было старинное, недоступное чиноположенiе дворское, смѣшивались окрестъ Царя чины и званiя, разрушаемъ былъ прежнiй Азiятскiй образъ общественнаго быта. Увидимъ подробности всѣхъ сихъ преобразованiй далѣе. Можетъ быть, бояре иногда противорѣчили еще Царю, но всегда оканчивали согласiемъ, не зная, что все объявляемое имъ едва было только началомъ измѣненiй несравненно болѣе важныхъ ([365]).

Воображаемъ изумленiе боярскаго совѣта, когда

г. 1687. поразило его опредѣленіе Царя, вовсе неожиданное даже его ближними царедворцами и сановниками, тѣмъ менѣе боярскою думою и еще менѣе народомъ. Въ собраніи совѣта своего, можетъ быть, и въ присутствіи Патріарха, Царь повелъ рѣчь о пользѣ и необходимости науки и просвѣщенія. Должны были согласиться съ словами его. Тогда объявилъ онъ, что недовольный вызовомъ иностранцовъ въ Россію, онъ хочетъ Рускими замѣнить наемныхъ пришельцовъ, часто влекомыхъ на чужбину только корыстію и нерѣдко при наукѣ и свѣдѣніяхъ лишенныхъ нравственныхъ достоинствъ. Потому, говорилъ Царь, рѣшается онъ послать за границу Русскихъ юношей, для обученія военному искуству, наукамъ, мастерствамъ и художествамъ въ чужестранныхъ государствахъ. Ужасъ объялъ внимавшихъ слова Царя. Не знаемъ, противорѣчилъ ли ему кроткій патріархъ Адріанъ, впрочемъ и въ лагерь подъ Азовъ посылавшій изданную имъ назидательную книгу, умоляя притомъ государя, да повелитъ «заповѣди и чины церкви содержать, бѣгать зловѣрій, ересей и расколовъ, и даже *не держать неприличныхъ съ иновѣрцами разговоровъ* ([566]).» Сильный споръ слѣдовалъ за предложеніемъ Царя. «Намъ хорошо и такъ, какъ мы есть,» говорили ему его противники. «Такими были отцы наши и дѣды — мы не хотимъ быть лучше нашихъ стариковъ!» Не сохранилась потомству рѣчь, которою опровергалъ своихъ противниковъ юный Царь, но можемъ представить себѣ краснорѣчіе пламенныхъ рѣчей его, одушевляемыхъ силою генія. Противники осмѣлились наконецъ вымолвить извѣчную отговорку закоснѣлаго невѣжества:

Посылка юношей за границу.

Споры.

«Гдѣ намъ за другими угоняться! Гдѣ нашимъ ребятамъ спознать заморскія хитрости!» — Царь вспыхнулъ гнѣвомъ. «Какъ,» возразилъ онъ, «но развѣ Богъ милосердый не такими же людьми создалъ насъ, какъ и другіе народы? Развѣ онъ лишилъ насъ ума, способностей, силъ душевныхъ и тѣлесныхъ ([567])?» — Еще прежде положено было въ совѣтѣ царскомъ отправить великія посольства къ Императору, въ Польшу, Бранденбургъ, Нидерланды и Венецію, и убѣждать ихъ не допустить возведенія на Польскій престолъ Французскаго принца и усиленія симъ избраніемъ Франціи, и безъ того опасной миру и спокойствію Европы. Опредѣлено было поручить посламъ договариваться съ курфирстомъ Августомъ о взаимной дружбѣ и говорить съ Императоромъ о мирѣ и войнѣ съ Турціею, а въ Голландіи и Венеціи нанять мастеровъ и художниковъ. Потомъ рѣшено было отправить одно великое посольство, которое долженствовало посѣтить Бранденбургъ, Голландію, Англію, Саксонію, Австрію и Венецію. Когда противники царскаго мнѣнія изъявили упрямое несогласіе и заспорили противъ посылки Русскаго юношества за границу, заговорили объ опасности отправлять дѣтей въ бусурманскія, *Папежскія* и *Люторскія* земли, Царь увидѣлъ необходимость убѣдить ихъ тѣмъ, чѣмъ всегда убѣждалъ дотолѣ — собственнымъ примѣромъ. «Я самъ ѣду съ ними!» воскликнулъ онъ, и открылъ изумленнымъ старовѣрамъ мысль, утаенную дотолѣ въ душѣ его и вѣдомую, можетъ быть, только одному Лефорту ([568]).

Г. 1697.

Рѣчь Царя.

Посольство въ Европу.

Рѣшеніе Царя посѣтить Европу.

Въ душѣ великаго уже созрѣла тогда мысль, какою до него не тревожилась душа ни единаго изъ земныхъ

г. 1697. царей. И прежде Петра Европейскіе государи посѣщали иноземныя страны, какъ прежде него предводительствовали они своими ополченіями. Но *первый* онъ сталъ и сражался въ рядахъ своего войска простымъ воиномъ, *первый* онъ рѣшился посѣтить чужеземныя государства, желая, не показать другимъ монархамъ свое величіе, но скрывая свой высокій санъ, изучать въ чуждыхъ земляхъ полезное, мѣняя временно скипетръ Царя на топоръ плотника и державу самодержца на пилу столяра....

И намъ еще, даже и нынѣ, недостижимо величіе генія того, кто могъ рѣшиться на такой подвигъ. Какое чувство могло возбудить рѣшеніе его въ современникахъ? Они не обняли его, не могли обнять его своими темными, близорукими понятіями. Но рѣшеніе Царя положило предѣлъ противорѣчіямъ. Все смолкло и повиновалось. Не знаемъ числа всѣхъ отправленныхъ тогда за границу юношей Русскихъ. Намъ извѣстно только, что

Первая посылка за границу. Января 23-го 1697 г. уже данъ былъ царскій указъ о посылкѣ выборныхъ комнатныхъ стольниковъ «въ разныя Европейскія государства для военной науки ([369]);» что въ посылку сію опредѣлены были безъ разбора дѣти знатныхъ и незнатныхъ людей, а мѣстами ученія ихъ назначены были главнѣйше Англія, Голландія, Венеція. Каждому назначены были предметы ученія и предметы сіи были различны. Двое Русскихъ юношей, Посниковъ и Волковъ, дѣти дьяковъ, по желанію отцовъ своихъ отправлены были даже учиться медицинѣ ([370]). Многіе, видя въ путешествіи за границу средство избѣжать военной службы и угождая Царю, просили у него позволенія ѣхать въ Нѣмецкія

земли. Особенно обрадовалъ Царя неожиданный вызовъ Б. П. Шереметева: сей знаменитый мужъ, бывшій почетнымъ бояриномъ, воеводою Русскихъ войскъ, и еще при Софіи посломъ царскимъ въъ Польшу и къ Императору, изъявилъ желаніе ѣхать простымъ странникомъ за границу и изучать тамъ воинскую науку — примѣръ дотолѣ небывалый! Шереметевъ хотѣлъ узнать Европейскія морскія битвы и выбралъ мѣстомъ для науки островъ Мальту, гдѣ рыцари славились своими подвигами и обѣтомъ непримиримой вражды противъ невѣрныхъ. Царь далъ ему открытую грамату, испрашивая покровительства всѣхъ Европейскихъ государей знаменитому путешественнику, и вручилъ ему отдѣльныя граматы къ Императору, Венеціянскому Дожу, Папѣ, Мальтійскому Гроссмейстеру ([371]). Царскія граматы выдаваемы были всѣмъ отъѣзжавшимъ въ Европу, съ подробными наставленіями, которыя писалъ и соображалъ самъ Царь. Отправляя подьячаго Иванова въ Берлинъ, учиться *оружейному дѣлу,* онъ изъяснялъ ему въ наставленіи всѣ подробности поѣздки и предметъ науки. «Познанія ради дѣлъ зѣло надобно тебѣ учиться Нѣмецкому языку и грамотѣ,» писалъ онъ, «и дорогою ѣдучи азбуку взять, честь ее и писать, *не теряя бездѣльно драгаго времени втунѣ.* Все старайся перенять самъ,» говорилъ ему Царь, «самъ работай, дабы въ точности узнать, какъ дѣло исполняется, и повседневно, все что замѣтишь, записывай въ особую тетрадку, которую я спрошу у тебя по возвращеніи ([372]).»

Г. 1697. Отъѣздъ Шереметева въ Италію.

Наставленія Царя.

Убѣжденный въ необходимости посѣтить и изучить Европу, Царь не медлилъ, спѣшилъ исполнить свое

г. 1697. намѣреніе. Путешествіе его должно было рѣшить ему столь многое. Мыслилъ ли онъ уже и тогда о войнѣ съ Швеціею, гдѣ еще царствовалъ король Карлъ XI-й — не знаемъ, но, вѣроятно, онъ хотѣлъ ближе и лично разсмотрѣть состояніе Польши, и уже не говоря о флотахъ, войскахъ, просвѣщеніи, образованіи, общественности Европы, ему важны были личные переговоры съ Императоромъ, Королемъ Польскимъ, Курфирстомъ Бранденбургскимъ и Королемъ Англійскимъ о дѣлахъ государственныхъ; ему нетерпѣливо желалось явиться среди собранія Европейскихъ дипломатовъ, которые собрались тогда почти изъ всей Европы, изъ Франціи, Англіи, Германіи, Швеціи, Испаніи, Нидерландовъ, говорить о мирѣ въ Ризвикѣ. Голландію, Англію, Германію, Италію, всѣ сіи страны хотѣлъ посѣтить и обозрѣть Царь, не опредѣляя времени, какое должно продолжиться его отсутствіе изъ Россіи. Казалось, онъ могъ безопасно оставить свою Россію: отъ внѣшнихъ враговъ охраняли ее вѣрные воеводы; совѣту *избранныхъ* поручалъ онъ внутреннее управленіе Русскимъ царствомъ; корабли и полки свои оставлялъ онъ до времени; безмятежность и тишина государства являлись прочно утвержденными.

Заговоръ Циклера. Но убѣжденіе въ семъ послѣднемъ отношеніи вскорѣ было разрушено донесеніемъ Царю о новомъ заговорѣ. Стрѣлецкій полковникъ *Иванъ Циклеръ*, тотъ, кто нѣкогда участвовалъ въ первомъ Стрѣлецкомъ бунтѣ и награжденъ былъ Софіею, но потомъ первый обличилъ заговоръ Шакловитаго и награжденъ за то Царемъ, сдѣлался начальникомъ умысла на священную жизнь Царя. Казалось, неумолимая Немезида не хо-

тѣла пощадить стараго злодѣя, спасеннаго измѣною г. 1697.
товарищамъ, но затаившаго на душѣ злобу непримиримую. Циклеръ былъ награжденъ, но не былъ любимъ Царемъ, проникавшимъ ѐго черную душу. Царь называлъ его даже «собесѣдникомъ Милославскаго» — бросилъ ему награду и презрѣлъ его. Циклеръ, ожидавшій почестей и чиновъ, видѣлъ себя забытымъ и рѣшился на новое злодѣйство. Онъ увлекъ въ заговоръ двухъ близкихъ къ Царю людей: окольничаго *Алексѣя Соковнина* и зятя его, стольника *Өедора Пушкина*, сына бояриномъ О. С. Пушкина. Осталось преданіе, что Пушкинъ вошелъ въ заговоръ по личной злобѣ на Царя: въ числѣ дѣвицъ, назначенныхъ въ невѣсты Петру, была Соковнина; она понравилась ему болѣе другихъ и была избрана имъ. Придворная крамола разрушила сей союзъ, но Царь, принужденный выбрать Лопухину по волѣ матери, помнилъ свою избранную сердцемъ, можетъ быть, иногда не скрывалъ чувства своего и потомъ, даже когда красавицу Соковнину насильно выдали за Пушкина. Злобствуя на Царя, ревнуя его къ женѣ, свирѣпо обходясь съ нею, Пушкинъ обратилъ на себя гнѣвъ царскій. Жена Пушкина увѣдомила Царя о тайныхъ переговорахъ Соковниныхъ и Пушкиныхъ съ Циклеромъ, и о томъ, что въ нихъ участвовали Лопухины, родственники царской супруги, не любимой Царемъ и преданной невѣжеству и суевѣрію ([373]). Царь назначилъ Соковниныхъ и Лопухиныхъ въ число отправляемыхъ за границу *для* ученія; боярина Пушкина опредѣлилъ воеводою въ Таганрогъ; Циклеру велѣлъ быть надзирателемъ за постройкою укрѣпленій въ Азовѣ ([374]). Рѣшеніе Царя ожесточило

г. 1697. злодѣевъ. Ѳедоръ Пушкинъ клялся въ пылу преступнаго гнѣва, что если только удастся ему встрѣтиться гдѣ нибудь съ Петромъ одинъ на одинъ, онъ не разъѣдется съ нимъ, и либо его погубитъ, либо самъ пропадетъ. Заговорщики старались склонить на злодѣйство Стрѣльцовъ, но видѣли ихъ несогласіе, хотя двое выборныхъ старшинъ Стрѣлецкихъ, *Филиповъ* и *Рожинъ*, пристали къ заговору. Циклеръ хотѣлъ даже возмутить казаковъ, когда будетъ на Дону; въ согласіи земляковъ своихъ увѣрялъ его Донской казакъ *Лукьяновъ*. Не знали только: кому царствовать, если погубятъ Царя? Соковнинъ думалъ, что Стрѣльцы захотятъ возвести на престолъ царевича Алексѣя и отдадутъ правленіе Софіи. «Тогда опять возметъ она князя Василья Голицына, а онъ опять начнетъ *орать по прежнему!*» возражалъ Пушкинъ. Циклеръ спорилъ, что Стрѣльцы не выберутъ ни Алексѣя, ни Софіи. Заговорщики не соглашались и недоумѣвали. «Что спорить?» вскричалъ наконецъ Соковнинъ. «Царство безъ царя не будетъ. Мы и тебя, Иванъ, изберемъ, если избудемъ государя!» сказалъ онъ, обращаясь къ Циклеру. Предположили, что царя надобно будетъ избрать, и Соковнинъ предлагалъ въ цари Шеина, потому что онъ человѣкъ «добрый и безродный,» а Циклеръ настоялъ на выборъ Б. П. Шереметева, говоря, что Стрѣльцы особенно любятъ его ([575]). Оставляя времени рѣшить вопросъ о престолѣ, заговорщики положили не медлить злодѣйствомъ, собраться всѣмъ въ ночь на 22-е Января къ Соковнину, зажечь гдѣ нибудь домъ, и когда Царь пріѣдетъ на пожаръ, окружить и убить его. Царь пировалъ въ тотъ вечеръ у Лефорта. Его вызва-

ла тайно и осторожно: два Стрѣльца, пятисотникъ Ларіонъ Елизаровъ и пятидесятникъ Григорій Силинъ, упали къ ногамъ его и извѣстили о сборѣ заговорщиковъ у Соковнина, и о томъ, что они были въ числѣ злодѣевъ, но терзаемые совѣстью, поспѣшаютъ открыть замыслы цареубійцъ. Петръ велѣлъ задержать доносщиковъ, и послалъ приказъ капитану князю Трубецкому явиться въ 10-ть часовъ, съ отрядомъ Преображенскихъ солдатъ, къ дому Соковнина и ждать тамъ его повелѣній. Спокойно воротился онъ къ гостямъ и не показалъ никакого смятенія. Въ 10-ть часовъ вечера Царь сказалъ, что ему надобно не надолго отлучиться, просилъ собесѣдниковъ не разъѣзжаться и обѣщался немедленно пріѣхать обратно. Съ однимъ изъ деньщиковъ своихъ, въ саняхъ, Царь поскакалъ прямо къ дому Соковнина, изумился не видя тамъ Трубецкаго, но, послѣ минуты нерѣшительности, пошелъ прямо въ комнаты, гдѣ собрались у хозяина заговорщики и пили, заглушая совѣсть и невольное опасеніе гибели при неудачѣ. Появленіе нежданнаго гостя изумило ихъ. «Я ѣхалъ мимо, увидѣлъ свѣтъ въ окнахъ и заѣхалъ погулять съ вами,» сказалъ Царь ласково и весело. Хозяинъ ободрился, привѣтствовалъ гостя и пиръ пошелъ по прежнему. Царь казался спокоенъ, шутилъ, скрывая гнѣвъ свой и видя, что злодѣи передаютъ даже другъ другу знаки, не приступить ли немедленно къ исполненію злодѣйства, когда судьба предаетъ имъ нечаянно Царя, одного и безоружнаго? «Пора!» сказалъ наконецъ одинъ изъ нихъ, полупьяный, другому, и такъ громко, что Царь услышалъ слова его и отвѣтъ: «Нѣтъ! еще не пора!» — «Тебѣ

Г. 1697.

Смѣлость Царя.

г. 1697. не пора, такъ мнѣ пора!» воскликнулъ онъ, и ударомъ сильной руки повергъ на землю злодѣя. Медлить было нельзя. Царь бросился вонъ изъ дома, призывая Трубецкаго, только въ ту минуту подошедшаго съ солдатами. Думая, что Трубецкой опоздалъ противъ приказа, онъ ударилъ его, упрекая медленностью. Трубецкой оправдался собственноручною запискою Царя, гдѣ ошибкою, вмѣсто десяти, приказано было явиться въ 11-ть часовъ. «Прости меня!» сказалъ Царь успокоившись, велѣлъ забрать всѣхъ бывшихъ у Соковнина и отвезти въ Преображенское. Спокойно возвратился онъ къ Лефорту, былъ веселъ по прежнему, и только на другой день узнали о заговорѣ и опасности, какой подвергался отважный Царь (576).

Наказаніе заговорщиковъ.

Преданные пыткѣ, преступники сознались въ своемъ злодѣйствѣ, но изъ признаній ихъ Царь увидѣлъ, что заговоръ былъ слѣдствіемъ только личной злобы противъ него немногихъ, и что никто изъ бояръ и Стрѣльцовъ не участвовалъ въ немъ, кромѣ людей ничтожныхъ, согласныхъ съ заговорщиками. Князь Петръ Голицынъ, братъ князя Бориса Алексѣевича, котораго, говоря, что онъ «человѣкъ простой и шибкой,» винили заговорщики въ томъ, что онъ зналъ объ ихъ умыслѣ и былъ согласенъ съ ними, оскорбляясь, что не успѣлъ овладѣть волею государя, былъ ими потомъ вполнѣ оправданъ; слова ихъ оказались клеветою. Казнь постигла только *Циклера*, *Алексѣя Соковнина* и *Ѳедора Пушкина;* казнены были еще Стрѣльцы *Филиповъ* и *Рожинъ* и казакъ *Лукьяновъ*. Отецъ Пушкина былъ лишенъ боярства и сосланъ съ семействомъ въ Енисейскъ; дѣти и внуки Соковнина

посланы на службу и житье въ Бѣлгородъ, а двое сыновей Циклера на службу и житье въ Курскъ. Боярина Ѳед. Прок., брата Алексѣю Соковнину, не лишая чина, сослали въ его деревни, а четыремъ сыновьямъ его велѣно было оставить Москву и быть на службѣ въ Сѣвскѣ. Царь удалилъ еще изъ Москвы трехъ Лопухиныхъ: Василій и Сергѣй Абрамовичи посланы въ Саранскъ и Вязьму, бояринъ Ѳед. Мих. Лопухинъ въ Тотьму. Г. 1697.

Но милуя виновныхъ, умѣряя наказанія даже подозрѣваемымъ въ соучастіи, Царь хотѣлъ показать, что не будетъ милосердія его закоснѣлымъ преступникамъ. Правосудіе нелицепріятное и неумолимое считалъ онъ святымъ закономъ царей. Въ началѣ 1697 года, послѣ заговора Циклера, онъ заболѣлъ сильною горячкою. Опасались даже за жизнь его, велѣли служить молебны по церквамъ объ его здравіи, и предложили ему простить девять преступниковъ, сознавшихся въ разбоѣ и душегубствѣ, говоря, что за молитвы ихъ, Господь умилосердится надъ нимъ. «Не ужели вы думаете,» возразилъ онъ, «что прощеніе злодѣямъ будетъ доброе дѣло — а Богъ внемлетъ молитвѣ людей, закоснѣлыхъ въ преступленіи? Я прогнѣвлю Бога прощеніемъ ихъ, а болѣе буду уповать на милость его, исполняя правосудіе!» Злодѣевъ казнили. Царь внималъ только искреннему раскаянію, всегда прощалъ послѣ добровольнаго признанія въ винѣ, но наказаніе преступникамъ нераскаяннымъ всегда считалъ онъ неукоснительнымъ долгомъ судіи и царя. Преданіе передало намъ память событія, особенно утвердившаго его въ такой мысли. Склоняясь на просьбы престарѣлой, отчаянной матери, Мысли Царя о преступникахъ.

Л. 1697. дѣти которой, Стрѣльцы, трое сыновей, всѣ были въ числѣ сообщниковъ Шакловитаго, онъ согласился, простить одного изъ нихъ по выбору матери. Рыдая надъ осужденными, долго не рѣшалась несчастная мать кого изъ трехъ выбрать, выбрала младшаго и повела съ собою помилованнаго злодѣя. Но во вратахъ монастыря (событія совершилось въ Троицкой лаврѣ) несчастный споткнулся, упалъ, ударился головою о камень и умеръ. Царь съ ужасомъ выслушалъ донесеніе о смерти его. «Я согрѣшилъ,» сказалъ онъ, обращая взоры на образъ, «согрѣшилъ, щадя злодѣя, и самъ Богъ указываетъ мнѣ на долгъ мой, который осмѣлился я преступить!»

Съ такими понятіями о неумолимомъ правосудіи, думая устрашить казнью закоснѣлое злодѣйство, онъ велѣлъ выставить головы пятерыхъ казненныхъ заговорщиковъ на Красной площади въ страхъ другимъ.

Казнь надъ мертвецомъ.

Еще болѣе — Москва увидѣла тогда примѣръ суда и казни надъ мертвецомъ: Циклеръ сознался, что участвовалъ въ первомъ бунтѣ Стрѣлецкомъ и былъ однимъ изъ главныхъ сообщниковъ Милославскаго, открылъ всѣ замыслы сего честолюбца, уже давно преданнаго землѣ на одномъ кладбищѣ съ Матвѣевымъ. Послѣ осужденія Циклера, велѣно было вырыть гробъ Милославскаго и отвезти въ Преображенское. Тамъ трупъ Милославскаго былъ преданъ казни и позору рукою палача.

Москва съ трепетомъ услышала объ открытіи новаго заговора, и слыша о наказаніи, какому подвергли бренные останки Милославскаго, современники говорили, что его, «мужа кровей и льсти», постигъ правед-

-ный судъ Божій. Разсказывали, что даже земля не принимала его въ нѣдра свои, ибо изсохшій и почернѣлый трупъ его былъ найденъ, по вскрытіи гроба, невредимымъ; длинная борода выросла у него въ могилѣ, и могильные черви издыхали, касаясь праха цареубійцы и крамольника. г. 1697.

Удаленіе Стрѣльцовъ изъ Москвы.

Если и видѣлъ Царь, что Стрѣльцы не принимаютъ участія въ заговорахъ, когда при томъ весьма немногое число ихъ оставалось въ Москвѣ, но все еще на нихъ надѣялись заговорщики, въ своихъ замыслахъ и Царь рѣшился совершенно удалить Стрѣльцовъ изъ Москвы, вполнѣ замѣняя ихъ новымъ войскомъ своимъ. Отличивъ остававшійся вѣрнымъ ему Сухаревскій полкъ, Царь увѣковѣчилъ память вѣрности и усердія его построеніемъ огромной каменной башни на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде была его съѣзжая. Сей памятникъ сохранилъ донынѣ потомству имя Сухарева полка. Но самый полкъ былъ преобразованъ въ регулярный пѣхотный. Еще въ 1695 г. снята была съ Стрѣльцовъ обязанность ходить на пожары; ихъ замѣнили роты *Алешей*. Послѣ Циклерова заговора, Стрѣльцы были устранены отъ содержанія карауловъ въ Кремлѣ; ихъ смѣнили Преображенцы и Семеновцы. Всѣ Стрѣлецкіе полки были послѣ того разосланы изъ Москвы на службу въ Бѣлгородъ, Азовъ и Кизи-Кермень. По прошествіи сроковъ службы, имъ не позволили возвратиться въ Москву, перевели въ другіе города и разставили по Литовскимъ границамъ, гдѣ находились тогда полки съ Ромодановскимъ.

Усиленіе новыхъ войскъ.

Замѣняя Стрѣльцовъ, Царь усиливалъ свои новыя войска. Ихъ дополняли служивыми изъ городовъ, и

Г. 1697. особенно вольницею, которую сзывали, или кликали въ Москвѣ и по городамъ. Всѣмъ, кромѣ кабальныхъ, позволено было записываться въ новые солдатскіе полки. Велѣно было перебрать послужные списки помѣщиковъ, и всѣхъ малослуживщихъ, годныхъ еще въ службу, снова записывать въ войско. Большія льготы были даны вольноопредѣлявшимся и добровольно поступавшимъ на службу; помѣщикамъ приказано отпускать съ ними женъ и дѣтей, и снабжать ихъ платьемъ; жалованья опредѣлялось по 6 рублей въ годъ, кромѣ казеннаго содержанія и осѣдлаго обзаведенія на счетъ царскій. Толпы удальцовъ спѣшили отвсюду въ Преображенское и мѣняли крестьянскую и холопскую неволю на привольное житье солдатское. — Заготовленіе оружія на войска производилось дѣятельно и безпрерывно. Царь отдалъ Скпижскіе оружейные заводы, послѣ смерти прежняго владѣльца ихъ, Марселіуса, Л. К. Нарышкину, обязывая его усилить выдѣлку оружія; завелъ три новые завода Павловскій, Сорокинскій и Ходынскій близъ Москвы, и отдалъ ихъ въ аренду гостямъ Воронину и Миронову. Голландецъ Избрандтъ, угождая Царя, кромѣ строенія кораблей, основалъ тогда близъ Москвы огромный оружейный заводъ, и подрядился поставлять ежегодно по 8000 «фузей съ багинетами», выдѣлывая еще значительное количество пороху. Царь полюбилъ дѣятельнаго заводчика Миллера, который наслѣдовалъ Угодскій заводъ Акемы, и завелъ еще желѣзодѣлательный заводъ на рѣкѣ Истьѣ, близъ Боровска. Тамъ открылись цѣлебныя желѣзныя воды. Царь часто пріѣзжалъ туда, прожилъ однажды на заводѣ Миллера цѣлый мѣсяцъ, ковалъ своими ру-

Дѣятельное приготовленіе оружія.

ками прутовое желѣзо, приготовилъ его 18-ть пудовъ, сдалъ Миллеру, и требовалъ себѣ заработной платы. Миллеръ хотѣлъ заплатить золотомъ вѣнценосному ковачу, Царь не взялъ его червонцовъ, спросилъ, почему платитъ онъ съ пуда простому работнику и получилъ 18 алтынъ, ибо заводчикъ платилъ за работу по алтыну съ пуда. Тульскимъ оружейникамъ даны были отъ Царя особенныя льготы въ поощреніе ихъ выдѣлывать лучшее оружіе. До 1696 года, они ставили ежегодно 2000 завѣсныхъ пищалей, получая по 67 коп. за пищаль. Царь велѣлъ увеличить выдѣлку и дѣлать еще ежегодно по 2000 «фузей съ Шотландскими замками». Онъ самъ посѣтилъ Тулу и одарилъ лучшихъ мастеровъ оружейныхъ, Исая и Никиту Масалова, Никиту Орѣхова и особенно Никиту Демидова Антуфьева, который сдѣлался потомъ его любимцомъ. Призвавъ его къ себѣ въ первый разъ, Царь полюбовался на его ростъ, дородство, красоту, и сказалъ: «Вотъ молодецъ въ мой Преображенскій полкъ!» Никита испугался, упалъ къ ногамъ Царя, говорилъ, что онъ одинъ сынъ у старухи матери и просилъ помиловать его отъ военной службы. «Помилую», сказалъ ему Царь, смѣясь, «но выкуй мнѣ аллебарду, по образцу, который теперь со мною». Черезъ мѣсяцъ, Никита представилъ 300 аллебардъ лучше образца. Царь щедро одарилъ его, и при другой поѣздкѣ въ Тулу, зашелъ въ гости къ Никитѣ, который потчивалъ его Ренскимъ виномъ. «Ты кузнецъ, а пьешь Ренское вино?» гнѣвно закричалъ на него Царь. Никита отвѣчалъ, что самъ онъ во все не пьетъ никакого вина, а купилъ Ренскаго, желая угостить такого дорогаго гостя. «Дай, братъ, мнѣ

г. 1697.

Кузнецъ Никита Демидовъ.

г. 1697. лучше рюмку нашего Русскаго простяка!» сказалъ ему Царь, выпилъ стаканъ пива и стаканъ меду, поднесенные молодою красавицею, женою Никиты, и заказалъ ему ружье по образцу иностраннаго. Никита привезъ въ Москву шесть ружей, опять лучше образца. Царь восхитился мастерствомъ Никиты, далъ ему сто рублей, отвелъ земли и лѣса, велѣлъ платить ему втрое противъ другихъ за поставляемое имъ оружіе. «Трудись, Никита!» говорилъ Царь Никитѣ — «я тебя не оставлю!» Искусный и трудолюбивый кузнецъ скоро разбогатѣлъ и былъ родоначальникомъ дома Демидовыхъ, памятнаго въ Россіи гражданскими подвигами. «Я почелъ бы себя счастливымъ, еслибы у меня было полдюжины Демидовыхъ», говаривалъ иногда Царь. — По царскому повелѣнію искали желѣзныя руды въ Сибири и въ 1696 г. нашли ихъ на рѣкахъ Тагилѣ и Невьѣ. Подъ надзоромъ Демидова устроили тамъ, первый въ Сибири, Невьянскій чугуноплавильный и желѣзодѣлательный заводъ. Царь отдалъ его Никитѣ Демидову, приписавши къ заводу обширныя земли съ крестьянами, и предписывая: «искать всякому литому и кованому желѣзу учинить умноженіе, чтобы на потребу всему государству онаго надѣлать, и безъ Шведскаго можно было пропяться, изучая людей, чтобы Руские люди мастерству были изучены и дѣло то въ государствѣ было прочно». Черезъ немного лѣтъ Демидовъ и помошникъ его Баташевъ ежегодно выдѣлывали уже по нѣскольку сотъ пушекъ, по нѣскольку тысячь ружей и множество артиллерійскихъ снарядовъ. Въ 1703 году, въ Тулѣ приготовляли уже каждый годъ по 15,000 ружей. Царь велѣлъ заводить селитряные заводы,

Желѣзныя руды въ Сибири.

устроилъ обширный селитряный заводъ въ Астрахани, и для устройства ихъ по Волгѣ приказалъ выслать мастеровъ изъ Малороссіи. Г. 1697.

Состав. Великаго посольства.

Едва кончилось дѣло Циклера, Царь спѣшилъ отбытіемъ своимъ изъ Москвы. Великое посольство его составляли три посла: первымъ былъ *Лефортъ*, съ титуломъ генералъ-адмирала и намѣстника Новогородскаго; вторымъ назначилъ Царь *Ѳед. Алекс. Головина*, возведеннаго въ званіе боярина, генералъ-коммисарія и намѣстника Сибирскаго; третьимъ опредѣлили дьяка *Прокофія Богдановича Возницына*, съ титуломъ намѣстника Болховскаго. Каждому изъ пословъ велѣно было избрать себѣ въ свиту нѣсколькихъ дворянъ. Въ числѣ ихъ, при особѣ Лефорта, помѣстилъ себя Царь, подъ именемъ дворянина *Петра Михайлова*. Онъ самъ назначилъ и взялъ съ собою 35 юношей, извѣстныхъ ему способностями, для раздачи за границею въ ученье. Въ числѣ ихъ находились Меншиковъ, Кикинъ, сынъ Грузинскаго Царя Александръ; въ числѣ дворянъ посольства были племянникъ Лефорта, двое Возницыныхъ, Романъ Брюсъ. Канцелярію посольства составляли переводчики: Петръ Шафировъ, Ѳедоръ Вульфъ, толмачи Кротановъ, Зміевъ, Гемсъ, и семь подъячихъ. Соболи и посольскіе подарки препоручены были выборнымъ изъ Московскихъ торговцовъ, Чистякову, Попову и Аѳанасьеву. При посольствѣ находились еще 60 солдатъ, съ офицерами, подъ командою маіора Шмита, лекарь царскій Ширмондъ, священникъ и дьяконъ съ пѣвчими, такъ, что вся свита посольская, съ служителями, составила до 270 человѣкъ. Послы ѣхали не бѣдными и грубыми Скиѳами: Царь не жалѣлъ издер-

г. 1697. жекъ на великолѣпные уборы и одежды. Русское платье всѣхъ трехъ пословъ блистало золотомъ и драгоцѣнными каменьями; отборные солдаты и офицеры были одѣты въ щегольскіе Нѣмецкіе мундиры. Впередъ отправлены были Царскія кареты и экипажи, съ пажами, гайдуками, скороходами. Предварительно посланы были извѣщенія о прибытіи посольства Герцогу Курляндскому, Королю Польскому, Курфирсту Бранденбургскому, Королю Датскому, Курфирсту Ганноверскому, Нидерландскимъ Штатамъ, Королю Англійскому, Папѣ и Дожу Венеціянскому. Съ граматою къ Императору поѣхалъ маіоръ Адамъ Вейде. Новгородскому воеводѣ Апраксину и Шведскому резиденту въ Москвѣ, Книперъ-Крону, велѣно увѣдомить Рижскаго губернатора о проѣздѣ посольства черезъ Лифляндію.

Мы говорили о назначеніи Шеина и Долгорукаго воеводами войскъ подъ Азовъ и Кизи-Кермень. Шеинъ наименованъ былъ кромѣ того главнокомандовавшимъ всѣхъ остававшихся въ Москвѣ войскъ; Долгорукій былъ подчиненъ ему. Гордонъ долженъ былъ осмотрѣть оба войска и наблюдать за укрѣпленіями Азова, Кизи-Керменя и устроеніемъ Таганрогскаго порта. Въ Азовъ посланъ воеводою князь Алексѣй Прозоровскій; Таганрогъ порученъ думному дворянину Щепину, Таванская крѣпость думному дворянину Бухвостову. Другъ Царя Англичанинъ Крефтъ назначенъ надзирателемъ за постройкою крѣпостей на Міусѣ.

Верховный Совѣтъ.

Царь учредилъ временный верховный Совѣтъ, которому подчинилъ Шеина и Гордона, устранивъ отъ дѣлъ Думу Боярскую. Совѣтъ составили четыре боярина: *Левъ Кириловичъ Нарышкинъ*, начальникъ Посоль-

скаго Приказа; *Князь Петръ Ивановичъ Прозоровскій*, начальникъ Приказа Большой Казны; *Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ*, начальникъ Военныхъ Приказовъ и *Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ*, начальникъ Казанскаго Приказа. Царь поручилъ имъ сына своего, Царевича Алексѣя. Князь-Кесарь, Ѳ. Ю. Ромодановскій, остался начальникомъ Преображенскаго Приказа и Тайной Канцеляріи. Правители по произволу своему могли призывать на совѣтъ всѣхъ другихъ бояръ. г. 1697.

Масляница 1697 года проведена въ увеселеніяхъ. На полѣ у Краснаго пруда устроено было *подобіе Азова*. Войска защищали и брали его приступомъ, съ пушечною пальбою и огненными потѣхами. Подобіе Азова.

Марта 2-го Царь призвалъ въ свой Преображенскій дворецъ всѣхъ бояръ и военныхъ людей и далъ имъ свои послѣднія приказанія, а Марта 9-го наступилъ день достопамятный: Москва услышала объ отъѣздѣ Царя въ чужеземныя государства. Народъ толпами сошелся въ Кремль, гдѣ Патріархъ служилъ обѣдню въ Успенскомъ Соборѣ, въ присутствіи Царя, всѣхъ назначенныхъ въ Посольство и Боярскаго синклита. Провозгласили молитвы въ напутствованіе отъѣзжающихъ. Принявъ всенародно благословеніе первосвятителя, Царь сѣлъ въ простую карету и выѣхалъ изъ Москвы. Для услуги были при немъ только деньщикъ, слуга и два карлика. Отъѣздъ Царя изъ Москвы.

Не приступая къ описанію путешествія Царя, заключимъ событія первыхъ *семи лѣтъ* самодержавія его обзоромъ замѣчательныхъ подробностей въ государственномъ законодательствѣ, гражданскомъ устройствѣ и общественной жизни Россіи въ сіи годы. Взглядъ на Россію съ 1689-го по 1697 годъ.

Общія замѣчанія.

Услаждаетъ и радуетъ душу, когда соображая дѣла юнаго Царя, видимъ, какъ постепенно развивались его понятія и идеи, неутомимый умъ его устремлялся отъ одного предпріятія къ другому, отъ одной мысли къ другой, встрѣчалъ препятствія, поборалъ ихъ, «шествуя пріобрѣталъ новыя силы», и по мѣрѣ того, какъ освобождалась воля его отъ власти сестры, матери, брата, окружавшихъ его, раздвигались предѣлы его замысловъ. Хотите ли понять обширность уже и тогда совершившихся измѣненій? Посмотрите на Царя и на царство его въ концѣ 1689-го и въ началѣ 1697 года. Сильною рукою исторгнувъ власть у честолюбивой сестры и сокрушивъ умыслы враговъ своихъ, онъ оглашаетъ давно невѣдомыми Русской землѣ побѣдами берега Азовскаго моря; политика его постигаетъ истинныя отношенія Россіи къ Европѣ и Азіи. Полагается систематическое начало регулярныхъ войскъ, Рускихъ — не прежней, безпорядочной толпы наемныхъ пришлецовъ; созидается флотъ, устроиваются верфи. Тамъ прорѣзываются каналы; здѣсь сооружаются правильныя крѣпости; снимается положеніе земель на карты; всюду заготовляется оружіе; иностранцы свободно ѣдутъ, призываемыя въ Россію; Рускіе отправляются на ученье въ иностранныя земли. И среди сихъ, быстрыхъ, неслыханныхъ прежде измѣненій, *Царь Рускій* видѣнъ, не сокрытый въ своемъ недоступномъ теремѣ, не окруженный неизмѣннымъ дворскимъ чиноначаліемъ, не раболѣпный думѣ бояръ и совѣту патріарха, являющійся въ Азіятскомъ безмолвіи и Восточномъ великолѣпіи народу и иноземцамъ, оставляющій Москву только для поѣздки на богомолье и потѣхи

охотою — нѣтъ! Царь Русскій уже отрекся Дворскаго одиночества, разрушилъ заповѣдное чиноначаліе, не скрывается въ теремѣ, не рѣшаетъ дѣлъ робкою думою своихъ совѣтниковъ. Царь Русскій видѣнъ среди войска и народа, на сушѣ и на морѣ, въ походѣ, въ битвахъ, на предѣлахъ царства своего, въ хижинѣ поселянина, въ мастерской кузнеца и плотника, на оружейномъ заводѣ, въ казацкой хатѣ, въ бесѣдѣ съ иноземцами, въ разгульи съ простолюдинами. Отложа царское великолѣпіе, онъ одѣтъ въ солдатскій мундиръ — онъ солдатъ, матросъ, бомбардиръ, барабанщикъ. Онъ самъ пишетъ свои указы, говоритъ съ иностранцами на ихъ языкахъ. — Дѣло неслыханное въ лѣтописяхъ царствъ: онъ оставляетъ свое царство, ѣдетъ самъ учиться въ чужеземныя страны.

Среди всѣхъ сихъ измѣненій не измѣнялись однакожь вполнѣ и рѣшительно порядокъ государственный, гражданская администрація, воинское устройство въ Россіи, какъ видѣли мы изъ событій, и только яркими чертами во все врѣзывалось новое, смѣшиваясь съ старымъ. По наружному виду неприкосновенно оставалась еще старая боярская дума, существовали прежніе приказы, собирались прежнія войска, были прежніе чины, хотя Дума лишена была власти, въ войскѣ находились новые полки, въ чиноначаліи новые чины, какъ среди прежнихъ нравовъ видны были новые нравы, среди общей всѣмъ долгополой одежды являлись Нѣмецкіе кафтаны и мундиры.

Два измѣненія, о коихъ мы не упоминали, не значительныя сами по себѣ, но важныя по отношеніямъ,

можемъ замѣтить здѣсь, какъ доказательство рѣзкихъ новостей, опредѣленныхъ въ то время волею Царя.

Отмѣна *богословія* въ граматахъ.

Одно изъ нихъ была отмѣна *богословія*, коимъ дотолѣ начинались царскія граматы, посылаемыя къ иностраннымъ государямъ. Такое Азіятское начало казалось существеннымъ отличіемъ граматъ православнаго государя отъ граматъ другихъ, бусурманскихъ государей. Въ 1697 г. Царь уничтожилъ сію Восточную форму граматъ, велѣлъ начинать граматы словами: «*Божіею милостію, мы пресвѣтлѣйшій, державнѣйшій, Великій Государь*,» и за тѣмъ писалъ имя Царя и титулы царскіе.

Табакъ.

Другое было — позволеніе употреблять табакъ, траву дотолѣ проклятую, преслѣдуемую, какъ преступленіе уголовное. Съ допущеніемъ свободнаго обращенія съ иноземцами употребленіе табаку быстро ввелось и распространилось между Рускими, особливо, когда самъ Царь и приближенные его подавали тому примѣръ. Позволенія законнаго еще не было; строгое наказаніе за табакъ не было отмѣнено, и духовенство, старики и вообще люди благочестивые не скрывали своего отвращенія и негодованія, видя проклятую траву свободно продаваемою. Употребленіе табаку вскорѣ усилилось, наконецъ до того, что табакъ составилъ значительный предметъ торговли, и его обложили пошлиною, какъ всѣ другіе товары (отъ 5-ти до 15 коп. съ фунта). Корчемство табакомъ заставило наконецъ, въ 1697 году, обратить его въ источникъ казеннаго дохода, на ряду съ питейною продажею. Учреждены цѣловальники табачные, и по царскому указу надзоръ за торговлею табакомъ порученъ былъ въ Москвѣ го-

стю Мартыну Богданову, а продажу его велѣно производить открыто по кабакамъ. Табакъ сдѣлался потребностью, такою же, какъ вино. Стараясь усилить доходъ отъ табаку, Богдановъ завелъ особенные *табачные домы,* тамъ, гдѣ не было кабаковъ, въ имѣніяхъ помѣщичьихъ, церковныхъ, и въ Нѣмецкой слободѣ. Именитый человѣкъ Строгановъ первый принесъ жалобу о такомъ злоупотребленіи, и любопытно, что бусурманы, Нѣмцы, которыхъ могли обвинять староверы во введеніи табаку въ Россіи, просили воспретить продажу его въ ихъ Нѣмецкой слободѣ, называя се нарушеніемъ правъ и привиллегій своихъ. Царь уважилъ просьбу Строганова и Нѣмцовъ, и продажу табаку велѣлъ ограничить только тѣми мѣстами, гдѣ производилась казенная продажа вина и пива.

Распространяя сношенія Россіи съ Европою, уже имѣя резидентовъ въ Варшавѣ и Вѣнѣ, и предположивъ отправленіемъ великаго посольства учредить постоянныя посольства Русскія во всѣхъ Европейскихъ государствахъ, Царь обратилъ вниманіе и на политическіе союзы и торговыя сношенія въ Азіею. Воюя противъ Султана, онъ старался укрѣпить себѣ союзъ Грузіи. Мы упоминали объ Арчилѣ, царѣ Грузинскомъ. Въ 1691 г. Арчилъ успѣлъ овладѣть Имеретіею, но вскорѣ былъ снова изгнанъ. Изъ дѣтей его, царевичи Матвѣй и Давидъ, умерли въ Москвѣ. Старшій царевичъ, Александръ былъ любимцомъ Царя, учился артиллерійскому искуству, и въ царской свитѣ отправился за границу. Въ 1699 г., видя безуспѣшность предпріятій своихъ, Арчилъ возвратился въ Москву, и провелъ остатокъ дней въ Россіи. Царь не подкрѣплялъ

Сношенія съ Азіею.

Грузія.

предпріятій Арчила, вѣроятно, сознавая невѣрность ихъ и невозможность поддержать за отдаленностью; онъ даже строго приказывалъ соблюдать миръ съ Дагестанцами и Черкесами, и не оскорбился, когда Шамхалъ, по наущенію Турковъ, въ 1690 году, нападалъ на

Черкесы. Терки. Мужественная Черкешенка, мать боярина Михайла Алечуковича Черкаскаго, приняла начальство надъ гарнизономъ и отбила нападеніе. — Отправляя, въ 1697 г., воеводою въ Терки окольничаго, князя М. А. Волконскаго, Царь велѣлъ ему стараться сохранять дружбу и блюсти осторожность съ Черкесами; «къ Черкескимъ мурзамъ и узденямъ держать честь, не жесточить ихъ и безчестья имъ не дѣлать,» не принуждая никого изъ нихъ ни къ подданству, ни къ принятію вѣры, не отнимая насильно дѣтей, и даже не покупая краденыхъ Татаръ и Черкесовъ. — Въ 1692 г. посолъ шаха Персидскаго Солимана пріѣзжалъ

Персія. въ Москву, привезъ Царю живыхъ льва и львицу, и предлагалъ дружбу и торговлю. Лефортъ переговаривалъ съ нимъ и угощалъ его въ своемъ дворцѣ. — Въ 1695 г. Царь велѣлъ для опыта торговли отправить съ товарами изъ Астрахани гостей *Семена Маленькаго*, *Семена Аникѣева*, и Астраханца Сѣврина. Съ ними отправились пять Стрѣльцовъ и толмачъ. Велѣно было ѣхать въ Хиву, Бухару, Балхъ, Персію и Индію.

Путешествіе въ Индію. Царь послалъ грамматы къ Шаху и Моголу. Путешествіе Маленькаго продолжалось шесть лѣтъ. Онъ благополучно достигъ Индіи, видѣлъ тамъ и въ Персіи ласковый пріемъ, но при переѣздѣ изъ Сурата въ Персію (въ 1701 г.) былъ ограбленъ Арабами. Маленькій и Аникѣевъ оба умерли на обратномъ пути, въ Шама-

хѣ. Въ Москву привезли граматы, которыя даны были имъ Персидскимъ Шахомъ и намѣстникомъ Могола. Такимъ образомъ опытъ завести торговлю въ Азіи остался безъ успѣха.

Но еще прежде посылки въ Индію Царь думалъ о дружбѣ и торговлѣ съ Китаемъ. Нерчинскій трактатъ возстановилъ миръ и торги между двумя государствами, и давалъ надежду, что Китайцы ласково примутъ Русское посольство. Въ 1692 году, Царь отправилъ въ Китай опытнаго иноземнаго торговца и любимца своего, Елизара Избрандта, одного изъ членовъ богатаго, Голландскаго торговаго дома, о которомъ мы уже упоминали. Съ именемъ Русскаго посла и большою свитою, гдѣ находились ученые и рисовальщики, Избрандтъ выѣхалъ изъ Москвы и достигъ Пекина послѣ 20-тимѣсячнаго пути. Китайцы приняли его съ честью, и онъ началъ переговоры при посредствѣ іезуита Гербильона, но безутѣшно. Царскую грамату возвратили ему, подъ предлогомъ, что величіе Небесной Имперіи оскорбляется ею, ибо царское имя поставлено въ ней выше Богдыханова, — не приняли и царскихъ подарковъ. Избрандтъ былъ однакожь угощаемъ и препровожденъ съ почетомъ и съ обѣщаніемъ хранить дружбу и не препятствовать торговлѣ. Онъ возвратился въ Москву въ Февралѣ 1694 г., и не смотря на безутѣшность посольства порадовалъ Царя описаніемъ своего путешествія, замѣчаніями о Сибири и Китаѣ, картами и рисунками. — Вѣроятно, пользуясь свѣдѣніями, имъ собранными, въ 1699 г. отправили въ Пекинъ первый Русскій, торговый караванъ. — Избрандтъ сообщилъ Царю извѣстіе о Рускихъ, захваченныхъ въ плѣнъ

Посольство Избрандта въ Китай.

Китайцами и добровольно перешедшихъ въ Китай съ береговъ Амура. Головинъ забылъ или не смѣлъ упоминать о бѣглецахъ и плѣнникахъ. Они собраны были въ Пекинѣ, поселены особою слободою, приняли одежду и правы Китайскіе, но хранили вѣру христіанскую и молились на родномъ языкѣ. Съ ними былъ священникъ Албазинскій, Максимъ Леонтьевъ. Китайцы позволили ему построить въ Русской слободѣ небольшую деревянную церковъ. Царь увидѣлъ въ сихъ Русскихъ переселенцахъ въ Китай средство ближайшихъ сношеній съ Китайцами. Онъ не требовалъ ихъ у Богдыхана, но просилъ только продолжить имъ позволеніе отправлять молитвы по христіанскому закону и на Русскомъ языкѣ, построивъ каменную церковь, гдѣ могли бы молиться и пріѣзжающіе въ Пекинъ Рускіе. Китайцы отказали въ постройкѣ каменной церкви, но подтвердили согласіе на свободное вѣроисповѣданіе Русскихъ плѣнныхъ. Съ караваномъ посланы были къ іерею Максиму антиминсъ, церковныя книги, св. муро. Патріархъ разрѣшилъ ему упоминать на ектеніи Богдыхана, провозглашая сію часть молитвъ на Китайскомъ языкѣ. «Не безъ пользы плѣненіе ваше,» писалъ къ нему Митрополитъ Тобольскій, «ибо, кто вѣдаетъ: не вами ли открытъ будетъ свѣтъ православія въ землѣ Китайской?»

Русская церковь въ Пекинѣ.

Южная Сибирь и Заволжье были тревожимы волненіями, безпрерывно происходившими на пространствѣ земель между Волгою, Сибирью, Туркестаномъ и Киргизскими степями. Мы упоминали о безпокойномъ Аюкѣ-ханѣ, властителѣ заволжскихъ Калмыковъ, мнимомъ подданномъ Царя. — Въ 1690 г. толпы Зюнгор-

Сибирь.

цовъ и Киргизовъ раззорили въ Сибири Тарханскій острогъ, въ 1691 г. сожгли Курганъ, въ 1700 г. осождали Кузнецкъ. Убытки, нанесенные ими, полагали въ 25 тысячь рублей. Посланныхъ отъ Тобольскаго воеводы къ Кантайшѣ, съ просьбою унять хищниковъ, ограбили на пути (въ 1691 г. сына боярскаго Юдина, въ 1702 г. воеводскаго гонца). Цаганъ-Рабтанъ, наслѣдникъ славнаго Галдана, женатый на дочери Аюки, говорилъ, что грабители Сибири не подданные его, и въ 1700 году отправилъ даже посла своего въ Москву, оправдываться передъ Царемъ и просить о дружбѣ его и союзѣ противъ Китайцовъ, съ которыми началась еще при Галданѣ гибельная война Зюнгорцовъ, кончившаяся кровавымъ паденіемъ царства ихъ и покореніемъ Китаю. Царь удовлетворился объясненіями, если и худо вѣрилъ имъ; онъ приказалъ только раздать оружіе пограничнымъ жителямъ Сибири, и учить ихъ воинской защитѣ отъ безпокойныхъ сосѣдей. Казаки Сибирскіе сами мстили хищникамъ набѣгами, и битвы были безпрерывныя, такъ, что посылка за добычею соли изъ Ямышевскаго озера, необходимой жителямъ Тобольска, походила на военныя экспедиціи въ непріятельскую землю. Зюнгорія.

Внутреннія распоряженія.

Изъ событій съ 1690 года могли мы видѣть, какое смѣшеніе чиновъ и должностей представляли гражданское и военное чиноначаліе Россіи: Царь жаловалъ въ *Адмиралы, Вице-Адмиралы, Шаутбенахты, Капитаны, Генералы, Генералъ-Коммиссары*, переводилъ по произволу изъ арміи во флотъ, изъ флота опять въ армію, отмѣнялъ чины, названія ихъ и придумывалъ новые.

Онъ жаловалъ и въ прежніе чины: дьяки, думные дворяне, стольники, окольничіе. Только производство въ санъ Боярскій прекратилось; прежде пожалованные въ сей старшій чинъ доживали вѣкъ свой, но съ 1691 года Царь не возводилъ уже никого въ санъ Боярскій, и многіе изъ бояръ замѣняли его другими чинами, получая новыя названія. — Рѣшеніемъ 1692 г. велѣно было давать пенсіи вдовамъ Генераловъ противъ вдовъ Думныхъ Дворянъ. — Охраняя чинопочитаніе, Царь подтвердилъ, въ 1690 г., взыманіе безчестья по Уложенію за всякія непристойныя слова и позоръ на письмѣ, но неумышленную описку въ чинѣ, или имени, не велѣно ставить въ вину, если обидившій присягнетъ, что нанесъ такое безчестіе безъ умысла. Виновный ниже жилецкаго о Городовыхъ Дворянъ званія наказывался заключеніемъ въ тюрьму на недѣлю, если не могъ взнести обиженному положенной за безчестіе платы. — Въ 1690 г. именные царскіе указы велѣно скрѣплять только Думнымъ Дьякомъ. Съ 1692 г. Дьяковъ велѣно писать подъ Московскими Дворянами, съ прозвищемъ и отчествомъ.

Чины.

Изъ частныхъ измѣненій государственной администраціи замѣтимъ, что въ 1692 году Ярославская область была исключена изъ Костромской Четверти, и ее велѣно вѣдать въ Разрядѣ, вѣроятно по тому, что устройство кораблестроенія въ Переславлѣ и Архангельскѣ требовало особыхъ распоряженій, ибо тогда же исключены были изъ воеводскаго вѣдомства Ростовъ и Переславль, и изъ Разряда присланъ былъ туда правителемъ стольникъ Соковнинъ, вѣдомству коего,

Администрація.

въ 1694 г., подчинены также Угличъ и Романовъ. — Въ 1693 г. Царь уничтожилъ винные откупа въ Малороссіи, учредивъ сборы съ винокурень и шинковъ. Мазепѣ предписано было ограничить своеволіе и самоуправство Малороссійскихъ помѣщиковъ. — Въ 1691 г., потомки Сусанина, у которыхъ отнимали права ихъ и земли, жаловались Царю; онъ подтвердилъ имъ всѣ ихъ льготы. — Въ 1693 г. Царь велѣлъ вѣдать военныхъ людей (Гусарскаго, и Копейнаго, и Рейтарскаго, и солдатскаго строю генераловъ, полковниковъ, начальныхъ людей, Рускихъ и иноземцовъ всѣхъ полковъ) въ Иноземскомъ Приказѣ. — Въ 1694 г. даны подробныя наставленія для разбора людей на военную службу. — Съ 1698 года, Царь прекратилъ взыски и розыски о Корелахъ, перешедшихъ въ Россію изъ–за Шведской границы и поселившихся на земляхъ церковныхъ и помѣщичьихъ, въ Твери, Ярославлѣ, Угличѣ и Новгородѣ; они оставлены на мѣстахъ ихъ жительствъ, но въ то же время велѣно строго разыскать по всему государству бѣглыхъ, отбирая ихъ, гдѣ бы они ни оказались, и взыскивая по 20 рублей въ годъ пени за семью и за каждую мужскую душу, у кого они окажутся. — Въ 1691 г. подтверждены прежнія преимущества иностраннымъ купцамъ; взысканіе долговъ съ несостоятельнаго должника, прежде Русскихъ заимодавцовъ, и вѣдомство ихъ по долговымъ взысканіямъ въ Посольскомъ Приказѣ. — Въ 1691 г. запрещено опредѣлять подъячихъ и писцовъ въ приказныя и съѣзжія избы изъ посадскихъ и крестьянъ, выбирая знающихъ людей «изъ иныхъ чиновъ, изъ какихъ пригоже.» — Въ 1694 г. учрежденъ порядокъ аппеляцій

Законы. на имя Царское: челобитныя велѣно принимать Думнымъ Дьякамъ въ Золотой Палатѣ и взносить въ Боярскую Думу, подавая Царю только тѣ жалобы, коихъ Дума рѣшить не могла, и предоставляя свободную апелляцію лично Царю на рѣшеніе Боярской Думы. — Въ 1691 г., преступниковъ, вмѣсто смертной казни, приговоренныхъ къ ссылкѣ, велѣно клеймить на лбу буквою: В. *(воръ)*, «для того, что если кто изъ ссылки сбѣжитъ, было бы по чему познать.» — Въ 1696 г., тѣла повѣшенныхъ преступниковъ велѣно не медля долго снимать съ висѣлицъ и отдавать для погребенья роднымъ, или свозить въ убогіе домы, если никто изъ родныхъ не явится. До сего приказа висѣльники составляли источникъ дохода приказнымъ, ибо тѣла преступниковъ оставались на висѣлицахъ по нѣскольку мѣсяцовъ, пока окрестные жители покупали позволеніе похоронить гніющіе трупы. — Царь видѣлъ уже недостаточность и смѣшеніе законовъ и постановленій по всѣмъ частямъ основныхъ Русскихъ законовъ. Уложеніе Царя *Алексія Михайловича* было дополнено и измѣнено множествомъ указовъ и повелѣній въ теченіе пяти-десяти лѣтъ, при четырехъ правленіяхъ, и всѣ сіи измѣненія, произведенныя рѣшеніями въ приказахъ, исключеніями и частными наказами и граматами, не были вполнѣ и по всюду извѣстны; приказы разнорѣчили — воеводы и дьяки скрывали законы не всѣмъ извѣстные. Царь повелѣлъ, въ 1695 г., учинить по всѣмъ приказамъ подробныя выписки всѣхъ *новоуказныхъ* статей, и «имѣть ихъ въ готовности до указа«, намѣреваясь самъ заняться пересмотромъ и системою ихъ.

Въ мѣстномъ управленіи Царь оставлялъ прежній порядокъ. Воеводы получали наказы по старинной формѣ. Имѣемъ нѣсколько такихъ наказовъ, данныхъ тогда воеводамъ въ Черниговъ, Казань, Верхотурье, Тобольскъ, Нерчинскъ, Терки. Обыкновенно, каждому воеводѣ предписывалось начинать вступленіе въ должность молитвою, и принять отъ предмѣстника городскіе ключи, нарядъ, хлѣбные запасы и денежную казну, обнадежить подчиненныхъ объявленіемъ царской милости, держать крѣпко стражу, извѣщать о вѣстяхъ объ непріятелѣ, держать къ подвластнымъ ласку и привѣтъ; удерживать ихъ отъ всякаго дурна, унимать отъ воровства, не позволять бражничать, держать зернь и питья, играть и проигрывать деньги или платье, а тѣмъ паче жалованье и оружіе; беречь городъ отъ пожаровъ и не позволять лѣтомъ топить печи и бани въ жаркіе лѣтніе дни, приказывая готовить тогда пищу на огородахъ, въ особенныхъ печахъ, за чѣмъ смотрѣть особеннымъ десятникамъ; наблюдать за моровымъ повѣтріемъ; беречься бѣглыхъ и безпаспортныхъ, не принимать ихъ и въ военную службу; радѣть и промышлять о прибыли и бережепіи, не нанося государскому дѣлу порухи: смотрѣть за сборомъ пошлинъ, податей и питейною продажею; покупать хлѣбъ въ дешевое время и имѣть его въ запасѣ на два года, держа въ *житенныхъ дворахъ*, далѣе отъ жилья; стараться строить для храненія пороха и оружія каменныя зданія; писать черезъ почту, и только въ важныхъ случаяхъ черезъ гонцовъ, давая гонцамъ лѣтомъ по одной подводѣ, и зимою пару; вершить дѣла безъ *волокиты* и *мотчанія* (медленности), не наровя ни истцу,

Наказы воеводамъ.

ни отвѣтчику; поддерживать крѣпостное строеніе, держать исправно стражу и оружіе; самому ходить по карауламъ, имѣть призоръ за больными, изгонять непотребныхъ женщинъ, не позволять тѣсноты въ житьѣ, и особливо житья въ землянкахъ; недостающее число воинской стражи набирать изъ вольныхъ людей, въ коихъ *воровства не чаютъ*, съ доброю порукою и приводя къ присягѣ. — Къ симъ общимъ для всѣхъ правиламъ управленія присоединялись частныя подробности. Такъ, на примѣръ, Казанскому воеводѣ предписывалось развѣдывать о шатости и измѣнѣ между иноземцами; не продавать имъ оружія; умножать распашку земель дворцовыхъ. Верхотурскому воеводѣ приказывали по пріѣздѣ собрать иноплеменныхъ ясачныхъ, встрѣтить ихъ съ почестью, самому воеводѣ быть притомъ въ *цвѣтномъ платьи*, и ратнымъ людямъ въ строю, *въ платьи добромъ*, и «ружья были бы при томъ чисты.» Воевода долженъ былъ обнадежить ясачныхъ правосудіемъ и милостью, угостить, напоить и накормить ихъ довольно, при ружейной стрѣльбѣ, и напоя и накормя, отпустить по домамъ со всякою учтивостью. Тоже предписывалось Тобольскому воеводѣ, съ подтвержденіемъ, оберегаясь отъ нападеній Кучумовыхъ внуковъ, Нагаевъ, Калмыковъ и Кайсачьихъ ордъ, стараться обращать инородцовъ постепенно въ подданство и окладывать ясакомъ, но не ожесточая ихъ и на съ кѣмъ не вчиная никакого задора, не принуждая къ вѣрѣ христіанской, требуя только, уваженія къ обрядамъ и храмамъ православнымъ. Нерчинскому воеводѣ подробно предписывалось обхожденіе съ Китайцами. Любопытно заключеніе наказа Тобольскому воеводѣ,

гдѣ, за отдаленностью отъ столицы, предписано ему поступать «по тамошнему дѣлу и по разсмотрѣнію, «какъ будетъ пригоже, и какъ Богъ его вразумитъ, не «дѣлая розни съ товарищами, но за одно въ правду. ... «И буде что въ наказѣ явится по нынѣшнему настоя-«щему дѣлу и времени къ исправленію несогласно, и «чего дѣлать не можно, то чинить по своему правому «разсмотрѣнію, помня страхъ Божій и присягу.» Такъ Нерчинскому воеводѣ предписано было даже призывать на совѣтъ лучшихъ жилецкихъ людей.

Общественное устройство Сибири обращало на себя особенное вниманіе Царя. Строгими мѣрами старался онъ пресѣчь тамъ злоупотребленіе власти воеводъ, притѣсненіе жителей, своевольство и развратъ служивыхъ людей, хищеніе царской казны. Дикари Сибирскіе бѣдствовали отъ болѣзней, прихотей и раскоши, вводимыхъ въ бытъ ихъ Рускими, и отъ стѣсненій и своевольства служивыхъ и чиновниковъ. Губительницею Остяковъ, Якутовъ и Юкагоровъ была особенно оспа — страшная, болѣе всякой чумы! Запрещаемо было вводить между инородцами зернь и карты, возить къ нимъ вино и табакъ; запретили подвергать ихъ пыткѣ и казни, безъ особеннаго царскаго указа. — Въ 1692 г. даны гербовыя печати Сибирскимъ городамъ. — Царь старался узнать безконечную Сибирь: въ 1696 г. велѣно положить на большую карту все извѣстное пространство земель Сибирскихъ. Въ 1697 г. велѣно произвесть новую перепись населенію Сибирскому, измѣнившемуся послѣ переписи 1688 года. Мѣста отъ Томска къ Кузнецку защищены былъ повыострогами и крѣпостями (Уртомскій острогъ, съ 1692 г.,

Сибирь и Камчатка.

Умресинскій съ 1696 г., Чауская крѣпость и Бійскъ, остроги Сосновскій и Верхнетомскій). Бѣльскій острогъ заложенъ былъ, въ 1691 г., въ Иркутской области. — Мы упоминали о Камчаткѣ; открытая въ 1689 году, въ 1697 году увидѣла она своего Пизарра въ маломъ видѣ, казака Атласова, который, заложивъ Верхне-Камчатское зимовье, явился потомъ въ Москву — поздравить Царя новою областью и поднесть добычу изъ сей новой земли, бобровъ, соболей, лисицъ. Царь отправилъ Атласова правителемъ въ Камчатку, гдѣ явившіеся послѣ него казаки уже успѣли хищничествомъ своимъ довести бѣдныхъ туземцовъ до возстанія, и мстили за товарищей, погибшихъ подъ ножами дикарей.

Почты. Усиленная дѣятельность въ дѣлахъ государственныхъ заставляла Царя заботиться о почтахъ и исправной ямской гоньбѣ. Въ 1693 г. учреждена была еженедѣльная почта въ Архангельскъ, съ приказомъ: ѣздить туда изъ Москвы въ 7 и 8 дней, а въ распутицу въ 9 и 10. Запрещено было давать ямскихъ лошадей безъ подороженъ. Въ 1698 г. учреждена почта до Нерчинска и Якутска, по три раза въ лѣто и столько же разъ обратно. — Въ Козьмо-Демьянскомъ яму установлено брать прогоновъ до Нижняго Новгорода по 24 коп., до Казани 27 коп. — За перевозку почтъ до Польской и Шведской границы, въ 1690 г., выдано было Московскимъ ямщикамъ 21 р. 55½ коп., Шведскимъ 24 р. 18 коп., ямщикамъ по Смоленской дорогѣ, Дорогобужскимъ, Вяземскимъ и Можайскимъ 33 р. 71 к.

Пріиски рудъ. Казалось, Царь мало тогда заботился о промышленности: лили пушки, ковали оружіе, готовили се-

литру, дѣлали порохъ, но фабрикъ и заводовъ не заводили, въ торговлѣ видѣли только средство собирать пошлины въ царскую казну, и корабль изъ Архангельска въ Голландію посланъ былъ за покупкою оружія. Но потребность желѣза и мѣди, вмѣстѣ съ стараніемъ отыскать драгоцѣнные металлы, озабочивали правительство прінскомъ рудъ. Казанскому воеводѣ (въ 1697 г.) велѣно было разыскивать мѣдные пріиски, о которыхъ давно носилось слухи, и нарочно отправленъ былъ въ Казань рудознатецъ, подполковникъ Лейдхартъ. Обѣщаны награды за открытія рудъ около Тобольска. Въ Томскъ посланъ былъ рудознатецъ Грекъ Левандіанъ. Вѣроятно, посланные плохо знали свое дѣло. Можемъ удивляться, что не только нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, но даже и въ Сибири, *золотомъ днѣ,* они ничего не могли найдти. Въ 1695 г. иноземецъ Поппъ повезъ въ Германію пробы собранныхъ отвсюду пріисковъ, и всѣ онѣ оказались пустыя. Левандіанъ успѣлъ выплавить нѣсколько золотниковъ серебра и основалъ заводъ близъ Кузнецка; его раззорили Киргизы, и открытая тамъ руда признана негодною. Но Царь не утомлялся неудачами. Увидимъ въ послѣдствіи, какъ заботливость его наконецъ увѣнчалась успѣхомъ. Окончаніе XVII-го столѣтія ознаменовано въ Сибири только заведеніемъ желѣзныхъ заводовъ (въ 1699 г.), которые, какъ мы говорили выше, отданы были дѣятельному Демидову и быстро возникли подъ его управленіемъ.

Стараніе собирать въ казну золото и серебро заставляло Царя поощрять вымѣнъ его у Китайцовъ. Пошлины съ вывезенныхъ изъ Китая товаровъ велѣно Финансы.

было взимать драгоцѣнными металлами, считая золото по рублю золотникъ (а съ 1701 г. по 1 р. 5 коп.) и серебро по 8 коп. золотникъ. Въ учрежденную тогда *Ефимочную палату* приказано принимать отъ купцовъ ефимки, и не брать пошлинъ съ тѣхъ товаровъ, которые купятъ они на деньги, полученныя ими за ефимки, въ казну отданные (1695 года). Въ 1694 г. подтверждено собирать въ Колѣ пошлины съ добываемыхъ тамъ трески и ворваньяго жира ефимками (по 42 ефимка за тысячу трески и по ефимку съ пуда жиру).

Система монополій, усиленіе прежнихъ пошлинъ, накладка ихъ на новые предметы, и стараніе о наибольшемъ сборѣ пошлинъ съ предметовъ народнаго потребленія, по прежнему составляли всѣ тайны финансоваго управленія. Въ 1691 г. торговля лѣсомъ въ Архангельскѣ отдана Голландцу Артману, съ платежемъ по 10 ефимковъ съ дерева, отпускаемаго за море, и съ пошлиною по 11 коп. съ рубля цѣны при покупкѣ лѣса (6 коп. платилъ откупщикъ, 5 коп. продавецъ лѣса). Въ 1698 г. откупъ возобновленъ былъ на 10 лѣтъ, съ Артманомъ, Блестомъ и Русскимъ купцомъ Поповымъ, но пошлина за вывозъ лѣса понижена была до 7 ефимковъ. — Прежній лѣсной откупщикъ Бутенантъ, гость Грудцынъ и Холмогорецъ Баженовъ завели, въ 1691 году, пильную мѣльницу для отпуска за море досокъ, съ платою въ казну по 80 коп. съ сотни. — Мы упоминали о монополіи на желѣзо, послѣ отдачи Скнижскихъ заводовъ Л. К. Нарышкину. Въ 1697 г. Строганову отданы были на откупъ Зырянскія Пермскія соловарни. Онъ обязался ставить въ казну по

100,000 пудовъ соли ежегодно, и платить вмѣсто пошлинъ по 11,000 рублей въ годъ. Князь Прозоровскій брался ставить по 150,000 пудовъ соли, если казна будетъ выдавать ему то, чего стоило ей содержаніе заводовъ (до 48,000 рублей въ годъ). Ему отказано, «ибо Строгановъ промышлять хочетъ своими деньгами и государевой казны не проситъ.» Промыселъ соболей и черныхъ лисицъ въ Сибири съ 1697 года составилъ казенную монополію: велѣно было покупать въ казну *всѣхъ добываемыхъ въ Сибири соболей*, и для того разослать въ Сибирскіе города товаровъ на казенный счетъ, «гдѣ какіе товары сручнѣе и надобнѣе,» для перваго опыта тысячь на пять рублей. Цѣны соболямъ установлены были въ покупкѣ отъ полтины до 5 рублей, лисицамъ по 10 рублей. — Дорогая оцѣнка соболей въ Москвѣ произвела задержку въ продажѣ ихъ изъ казны: въ 1697 г. оставалось въ казнѣ соболей, отъ сбора только за 1694 и 1695 гг., на 10,000 р., и Царь велѣлъ отдать всѣхъ залежалыхъ соболей цѣновщикамъ, ибо они знали что цѣнили, по присягѣ и совѣсти, и впредь повелѣлъ не оставлять лежать не только соболей, но и мѣховъ, «опричь небольшаго числа въ запасы для государева обихода.» — Въ 1691 г. утверждена была пошлина съ муки, покупаемой въ Брянскѣ для потребленія на мѣстѣ по $2^1/_2$ коп. съ цѣны рубля, и тогда же положено брать съ пригоняемаго въ Москву скота, кромѣ платежа постоялаго на Мытномъ Дворѣ, по 2 коп. съ большой и по денежкѣ съ малой скотины единовременно, а съ пріѣзжихъ на Мытный Дворъ людей съ пары лошадей и съ человѣка по 1 коп. въ суткѣ. — Пошлина на юфть (4 рубля съ пуда) заставила иностран-

цовъ вывозить изъ Россіи кожи невыдѣланными, и съ 1696 г. вывозимыя за границу сырыя кожи поверстаны въ одинъ окладъ съ юфтью. — Между прочимъ сбиралась какая то подать *конюшенная* на покупку овса и сѣна (какъ видимъ изъ указа о недоимкѣ ея въ 1691 г.), по 4 алтына съ двора. — Съ 1695 г. положена подать по 50 коп. съ двора со всѣхъ помѣстьевъ придворныхъ чиновниковъ, не находившихся въ военной службѣ, съ штрафомъ за нескорый платежъ въ двое. — Съ земель, владѣемыхъ Смоленскими шляхтичами и посадскими, взималось по 30 коп. съ волока и по 4 коп. съ морга. — Въ 1697 г. изданъ былъ уставъ помѣрнымъ головамъ, приставленнымъ въ Москвѣ для мѣры всякаго рода хлѣба, ягодъ и овощей, продаваемыхъ на рынкахъ, и взятія съ нихъ по 5 коп. съ продажной цѣны. Съ провозимаго въ Москву хлѣба сбиралось на мѣстѣ особая пошлина, и кромѣ того брали по $2^1/_2$ коп. съ цѣны его въ Москвѣ. Мѣры велѣно было употреблять *заорленыя* и мѣрять ими подъ гребло. — Въ 1698 г. изданъ былъ новый уставъ Московской главной таможнѣ. Подробности его любопытны. — Заорлеными

Вино. мѣрами приказано было продавать и вино и пиво съ Отдаточнаго двора и въ Фартенныхъ избахъ. Цѣны были: вину 50 коп., въ разницу 80 коп. ведро; двойному 1 рубль, въ разницу 1 р. 60 коп., меду 36 коп., бѣлому меду 24 коп., пиву 12 коп. ведро, водкѣ ведрами по 2 р. 24 коп., фунтами и полуфунтами по 8 коп. фунтъ. Въ тотъ же годъ, «для хлѣбной дорогой цѣны и дорогаго виннаго подряда,» вино простое повышено до 80 коп., а въ разницу до 96 коп., двойное до 1 р. 44 коп., въ разницу до 1 р. 60 коп. — Въ Сибирь во-

зили вино изъ Россіи. Воеводамъ предписано было въ 1698 г. испытать: не выгоднѣе ли курить его на мѣстахъ. Вскорѣ взяты были изъ вѣдомства воеводъ всѣ Сибирскіе кабаки, по причинѣ злоупотребленій, и отданы Таможеннымъ Головамъ. Подтверждая о большей продажѣ вина, правительство предписывало однакожь «удерживать питуховъ, которые озадорятся и учнутъ съ себя все пропивать»; ихъ велѣно запирать въ чуланы, давать имъ просыпаться, и потомъ сѣчь ихъ батожьемъ. За всякаго, кто обопьется въ кабакѣ, голову, или цѣловальника, велѣно было сѣчь кнутомъ и брать съ нихъ пеню въ пользу дѣтей и вдовы опившагося, по 20 рублей, отдавая сію пѣню за неженатыхъ и бездѣтныхъ въ богадѣльни, «чтобы за злѣумершаго душу молили Бога.» — Вино продавали въ Сибири отъ 1 р. 20 к. до 1 р. 40 коп., двойное въ двое. Въ 1700 году цѣны были еще болѣе повышены, но вскорѣ корчемство заставило уменьшить ихъ. — Злоупотребленія по утайкѣ пошлинъ въ Сибирскихъ товарахъ принудило правительство къ строгимъ мѣрамъ, поставляя власть таможенъ выше власти воеводской (въ 1692 г.). — Въ 1693 г. изданъ строгій наказъ таможеннымъ головамъ Сибирскимъ; подробно исчислены въ немъ предметы пошлинъ, возвышенныхъ вмѣсто прежнихъ 5-ти до 10 коп. съ рубля. Упадокъ торговли и промысловъ былъ слѣдствіемъ такого возвышенія пошлинъ, при которыхъ приходилось съ расходами въ таможнѣ и пошлиною при продажѣ товара въ Россіи, почти по 30 проц. съ рубля. По жалобамъ Сибиряковъ на стѣсненіе, въ 1698 г. пошлины были облегчены новымъ уставомъ. — Подушная подать въ Сибири была

Сибирскія пошлины.

тогда по 50 коп., съ посадскихъ дворовъ брали по 1 рублю; крестьяне взносили десятину съ хлѣба.

Удивляться ли, что до самаго путешествія царскаго за границу не видимъ никакихъ попеченій его о просвѣщеніи народномъ и образованіи общественномъ, а также о благотворительныхъ заведеніяхъ и общественномъ здоровьи? Другимъ увлеченъ былъ юный умъ Царя. Кажется, онъ не постигавъ еще тогда важности ученаго и художественнаго образованія народа, что постигъ такъ глубоко въ послѣдствіи; только положительно и прямо полезное искуство, ремесло, а не наука и не изящное художество было цѣлью отправленія за границу Русскаго юношества. Не считая немногихъ исключеній, изящныя искуства вообще всегда оставались ему чужды: всегда казались они ему забавою, роскошью, которой не препятствовалъ онъ, но и не поощрялъ ихъ никогда, не почитая потребностью необходимою. Поэзія, Словесность, Музыка, Живопись, Ваяніе, самое Зодчество и Садоводство, какъ изящныя искуства, повторяемъ, были для него роскошью и забавою, а ученость потребностью тогда только, когда входила она въ положительныя нужды общественныя — помогала военному искуству, мореплаванію, народной промышленности.

Мы упоминали объ упадкѣ Академіи Московской при патріархѣ Адріанѣ. Впрочемъ Русскіе піиты славили тяжелыми, плохими виршами завоеваніе Царемъ Азова, и народъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на неслыханныя дотолѣ тріумфальныя врата, украшенныя рѣзными и живописными изображеніями. Кромѣ колокольни Петровскаго монастыря, великолѣпной церкви

Зодчество.

въ помѣстьи князя Б. А. Голицына, Лефортовскаго дворца и Сухаревой башни, тогда окончены были начатыя при Софіи храмы въ Новоспасской, Донской, Воскресенской, Троицкой, Богоявленской обителяхъ; подновлено было стѣнное писаніе въ Благовѣщенскомъ соборѣ; сооружены церкви въ Москвѣ: Покровская и Максима Исповѣдника на Варваркѣ, Адріана и Наталіи въ Мѣщанской слободѣ, въ честь тезоименитства царицы Наталіи, съ придѣломъ въ честь тезоименитства Царя, сына ея. — Царица Наталія, по обѣту, воздвигла Владимірскую церковь на Никольской улицѣ, и принесла въ даръ Успенскому собору драгоцѣнное, богато обдѣланное золотомъ и каменьями евангеліе. — Полковникъ Сухарева полка построилъ церковь св. Панкратія подлѣ Сухаревой башни. — Въ награду Стрѣльцовъ Пушечникова Приказа, показавшихъ ревность свою при взятіи Шакловитаго, Царь пожаловалъ имъ 700 рублей на обстройку приходской церкви ихъ, Троицы на Листахъ, а при рожденіи царевича Алексія Стрѣльцамъ Стрекалова полку далъ 550 рублей на построеніе церкви Николы въ Воробинѣ. Кромѣ богатыхъ вкладовъ на сооруженіе и украшеніе храмовъ въ Холмогорахъ и въ Соловецкой обители, Царь ущедрялъ вкладами и другіе монастыри и церкви. Въ Сибири велѣно было воздвигать каменныя церкви и зданія. Замѣчательно, что *Софійскій* соборъ въ Тобольскѣ (первая каменная церковь въ Сибири) переименованъ былъ тогда Успенскимъ, такъ же какъ и вторая каменная церковь, въ Сибири, въ Тобольскомъ Знаменскомъ монастырѣ, Преображенскою, вмѣсто *Троицкой*. — Въ 1697 г. въ Тобольскѣ начали строить каменную Приказную Палату; въ Вер-

хотурьи построили каменную церковь, крѣпость и Приказную Палату въ 1698 г., а въ Иркутскѣ воздвигнута была каменная Приказная Палата въ 1703 г. и каменная Спасская церковь въ 1706 г., донынѣ уцѣлѣвшія. — Царь приказывалъ Тобольскому воеводѣ стараться о постройкѣ для жителей каменныхъ домовъ, ради опасности отъ пожара. — Въ Москвѣ велѣно принимать отъ пожаровъ большія предосторожности. Гибель отъ огня, безпрерывно губившаго цѣлыя улицы и обширныя части Москвы, заставила Царя обратить роту Алешей для потушенія пожаровъ. При первомъ набатѣ являлся на пожары онъ самъ; его любимцы слѣдовали его примѣру и потѣшные безстрашно бросались въ огонь, ободряемые Царемъ, распоряжавшимъ потушеніемъ пожара. — Для соблюденія благочинія и порядка въ столицѣ, въ 1691 году велѣно переписать всѣхъ жителей Москвы, и строго подтверждено было не держать людей безъ видовъ и порукъ, съ отвѣтственностью домохозяевъ и дворниковъ. Тогда же перебрали въ Москвѣ всѣхъ бродягъ и нищихъ, выслали ихъ изъ столицы и опредѣлили впредь наказаніе кнутомъ и ссылку въ Сибирь вновь являющимся тунеядцамъ. Въ 1694 г. такое же наказаніе положено бродящимъ чернецамъ, черницамъ и праздношатающимся попамъ и дьяконамъ, которые толпами сходились въ Москву, и стоя на площадяхъ и крестцахъ Московскихъ нанимались отправлять разныя духовныя потребы. — Въ 1695 г. учреждена въ Москвѣ изъ обывателей стража; по улицамъ устроены палолбы, гдѣ стояли день и ночь караулы, и снова подтверждено не давать пріюта людямъ безъ видовъ и порукъ. — Въ 1694 г. жестокое

Благочиніе Москвы.

преслѣдованіе закона объявлено всѣмъ скупщикамъ и *кулатчикамъ*, возвышавшимъ изъ барышей цѣны на съѣстные припасы въ столицѣ.

Нововведенія въ Дворской жизни ознаменованы были при Дворѣ, какъ мы видѣли, новыми, дотолѣ небывалыми увеселеніями. На разгульныхъ пирахъ у Царя, Лефорта, Бояръ и иноземцовъ являлась музыка, были танцы. Музыка состояла изъ военныхъ инструментовъ, болѣе шумная, нежели изящная, а танцы были довольно безпорядочны: плясалъ всякій, кто какъ умѣлъ. — Мы описывали празднованіе шутовской свадьбы въ 1694 г. — Всѣ церковные и царскіе праздники сопровождались пушечною пальбою, а пиры огненными потѣхами. Царь любилъ пѣніе, самъ хорошо пѣлъ басомъ, и нерѣдко на веселомъ пирѣ составлялъ хоръ изъ своихъ собесѣдниковъ. Въ Преображенскомъ домовомъ храмѣ своемъ, онъ всегда читалъ Апостолъ и пѣвалъ на клиросѣ. О святкахъ, какъ мы уже говорили, Царь отправлялся съ приближенными и хоромъ пѣвчихъ по домамъ знатныхъ людей, иностранцовъ, иногда заѣзжая и къ незнатнымъ, *славить Христа*. Узнавши, что у богача Строганова заведенъ въ Сибири хорошій хоръ пѣвчихъ, онъ вытребовалъ въ Москву «двухъ басистыхъ и двухъ альтистыхъ спѣваковъ, знающихъ партесное и Кіевское пѣніе» (1689 г.). Мы уже замѣтили, что 1694 г. въ первый разъ въ обществѣ мужчинъ явились женщины. Вскорѣ должны были упасть замки и запоры съ женскихъ теремовъ. — Не знаемъ: продолжались ли прежнія *комидіи* при Дворѣ. Царь вообще былъ не охотникъ до театра, но духовныя мистеріи долго потомъ были разыгрываемы

Увеселеніе при Дворѣ.

въ Московской и Кіевской Академіяхъ, и во многихъ монастыряхъ. Даже въ Тобольскѣ (въ 1705 г.) играли духовную мистерію, не смотря на негодованіе и толки суевѣровъ. Царь любилъ иногда смотрѣть на простыя забавы народныя. Преданіе говоритъ, что онъ пріѣзжалъ въ село Измайловское, съ матерью, супругою, приказывалъ выставлять поселянамъ медъ и пиво, и какъ добрый помѣщикъ веселился сельскими хороводами и пѣснями.

Таковы являются любопытныя подробности государственной и общественной жизни Россіи въ первыя семь лѣтъ единодержавія Царя великаго. Соображая ихъ, при главныхъ событіяхъ съ 1689-го по 1697 годъ, ошибемся, если скажемъ, что въ нихъ видно было начало всего, что потомъ развилось въ безмѣрныхъ объемахъ въ остальныя двадцать семь лѣтъ царствованія Петра Великаго? Не весь, не вполнѣ, но онъ видѣнъ уже въ нихъ, великій, могущій, грозный, Царь воинъ, законодатель, пересоздатель Россіи. Какою дѣятельностью духа, неутомимостью труда, непреклонностью воли ознаменованы уже и сіи немногіе годы! Мысль соединялась съ исполненіемъ, первый взглядъ сближался съ дѣломъ, первое понятіе съ полною идеею. И какъ спѣшитъ все исполнить юный Царь, какъ торопится онъ все осуществить на дѣлѣ — и онъ долженъ спѣшить! Что могло бы быть съ Россіею, если бы провидѣнію угодно было прекратить жизнь его въ сіи годы? Сколь многое было начато, и — ничто не было, не только кончено, но даже ничто не было окрѣплено, ни общимъ согласіемъ, ни временемъ, ни стройностью системы. Воля Царя глубоко взрыла неподвижныя до-

толѣ воды, въ коихъ застоялось бытіе Русскаго царства, открыла въ нихъ истокъ волнамъ Европейской жизни, но она и возмутила глубоко страсти, предразсудки, предубѣжденія, произвела страшную сшибку образованія Западнаго съ образованіемъ Восточнымъ. Видя Царя, столь безстрашно подвергавшаго жизнь свою опасностямъ, игравшаго жизнью на сушѣ и на морѣ, смѣло являвшагося среди сонмищъ злодѣйскихъ и среди битвъ кровавыхъ, невольно трепещемъ за священную главу его, на которой все укрѣплялось, съ которою все созидалось, въ которой была вся будущность Россіи. Мы готовы обвинить Великаго Царя и въ излишней поспѣшности дѣлъ, и въ самой безмѣрности его замысловъ и въ небреженіи своей драгоцѣнной жизни. Но Петръ Великій, какъ всѣ ведомые Богомъ къ великому, былъ увѣренъ во своей долговѣчности, въ неизмѣнной крѣпости всѣхъ началъ своихъ. Послѣдуемъ благоговѣйно за нимъ въ его странствованіи по Европѣ и въ возвращеніи въ отечество, гдѣ, отсутствующу ему, возвысила въ послѣдній разъ раздавленную голову свою гидра изувѣрія и невѣжества. Онъ отрубитъ ее,—и смѣло двинетъ Русскую землю въ Европу, начнетъ великую борьбу за свою Россію, и съ изумленіемъ заставитъ насъ спрашивать самихъ себя, когда Господь воззоветъ избранника своего въ себѣ: «ту ли Россію видимъ мы, которую видѣли за четверть вѣка прежде?»

Кромѣ частыхъ пожаровъ въ Москвѣ, иногда весьма значительныхъ, даже и послѣ пожара 1682 года (въ 1689 г. выгорѣла обширная часть Землянаго города; въ 1696 сгорѣла въ Кремлѣ часть дворца), были *Разныя событія.*

опустошены пожарами въ сіи годы многіе города (Архангельскъ въ 1698 г., когда сгорѣли тамъ нѣсколько церквей, торговые ряды, таможня; Тула въ 1696 г., и въ томъ же году половина Козельска). Ужасная буря разрушила въ Смоленскѣ половину соборной церкви и повалила колокольню соборную, въ 1697 г. — Бурею въ Архангельскѣ, въ 1699 г., сломало башни каменной крѣпости и разбило множество судовъ. — Современники замѣчали, что въ день отправленія Царя подъ Азовъ (*28-го Апрѣля*, 1695 г.) были дождь и громъ, и въ тотъ день, когда Царь Іоаннъ являлся въ послѣдній разъ народу, *на Іордани*, или освященіи воды въ день Богоявленія, Января 6-го (1696 г.), «было тепло, какъ въ великій постъ — все растаяло, и лужи и капели были, и молнія была, *и небо разверзалось.*» — Въ годъ перваго Азовскаго похода мокрое лѣто и ранніе холода погубили урожая хлѣба. — Въ Малороссіи, въ 1690 г. опустошили поля тучи саранчи, пролетѣвшія въ Польшу, Литву, и въ Россію, даже до Москвы. — Въ 1697 г. въ Москвѣ со страхомъ замѣчали являвшуюся на небѣ комету («звѣзду съ хвостомъ»).

Въ правленіе Софіи Москву посѣтили, съ Шведскими послами, два знаменитые путешественника. Одинъ изъ нихъ былъ *Кемпферъ*, пріѣхавшій въ Москву въ 1683 году. Онъ бесѣдовалъ съ любимцомъ Софіи, и проѣхалъ потомъ черезъ Грузію и Персію въ Индію и Японію. Юный Царь Петръ восхитилъ его красотою и умомъ не по лѣтамъ. Другой путешественникъ былъ *Спарвенфельдтъ*, въ 1686 году. Онъ выучился тогда Русскому языку и вывезъ въ Швецію много драгоцѣнныхъ рукописей. — Въ 1689 г. пріѣхалъ въ Москву

славный *Тавернье*, совершая свое *седьмое* путешествіе на Востокъ, и на 85 году жизни думая еще достигнуть Индіи новымъ путемъ черезъ Россію. Онъ не перенесъ трудностей путешествія въ столь глубокой старости, и умеръ въ Москвѣ. — Въ 1698 г., съ селѣ Рополчѣ, близъ Волоколамска, умеръ, памятный смятеніями Малороссіи при Ѳеодорѣ, *Дорошенко* — послѣдній боецъ за независимость Малороссіи и удалую волю казацкую. — Замѣтимъ наконецъ, что за сто лѣтъ до Монгольфьера, въ 1695 г., какой-то затѣйливый Русскій мужикъ въ Москвѣ вызвался «летать, какъ журавль,» и не на воздушномъ шарѣ, а на крыльяхъ. Хотѣли видѣть опытъ искуства его. Изобрѣтатель истратилъ 23 рубля казенныхъ денегъ на устройство, сперва коженныхъ, а потомъ слюденыхъ крыльевъ, вышелъ на площадь передъ народъ православный, перекрестился, размахнулъ крыльями — не полетѣлъ, и поплатился батогами за неудачный опытъ и трату казенныхъ денегъ.

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Царь Алексій Михайловичъ, сынъ Михаила Ѳеодоровича, *перваго* царя Русскаго изъ рода *Романовыхъ*, родился 1629 года, Марта 10-го; вступилъ на престолъ по кончинѣ родителя, 16 лѣтъ, 1645 г., Іюля 12-го. Въ 1670 году совершилось 25-ти-лѣтіе его царствованія. Онъ пріобрѣлъ отъ Польши, по Андрусовскому миру 1667 г., Смоленскъ, и временно Кіевъ. Малороссія присовокуплена была къ Россіи договоромъ съ Гетманомъ Хмѣльницкимъ, въ 1654 году. Царь Алексій, въ началѣ царствованія своего, ревностно заботился образовать регулярные полки изъ наемныхъ чужестранцовъ, заводилъ кораблестроеніе въ Россіи, хотѣлъ учредить духовную академію, велѣлъ исправить духовныя книги, устроилъ почты, приказывалъ искать руды драгоцѣнныхъ металловъ, даже позволилъ завести въ Москвѣ театръ. Война съ Польшею началась въ 1654 г. Рускіе, въ числѣ 180,000, вступили въ Литву, и въ одно лѣто заняли Невель, Друго, Озерище, Дорогобужъ, Бѣлой, Оршу, Рославль, Мстиславль, Могилевъ, Псковъ; Смоленскъ сдался 23-го Сентября. Въ 1655 г. взяты Вильна, Гродно, Ковно; Рускіе осадили Львовъ, когда Шведы овладѣли между тѣмъ Краковомъ и Варшавою. Въ 1656 г. заключено перемиріе съ Польшею и начата война съ Швеціею; Рускіе

завоевали Динабургъ, Коненгузенъ, Дерптъ, осадили Ригу, но въ 1657 г. Шведы отняли обратно всѣ завоеванія Рускихъ, и въ 1658 г. былъ заключенъ невыгодный миръ съ Швеціею, въ Вилисарѣ, подтвержденный въ Кардисѣ, въ 1661 г.—Поляки послѣ Оливскаго мира со Шведами, въ 1660 г., отняли многія завоеванія Рускихъ въ Литвѣ; Крымцы взяли тогда Астрахань; Шереметевъ заключилъ постыдный договоръ на Волыни, а въ 1661 г. вся Литва снова была покорена Поляками, и по Андрусовскому миру, Царю остался только титулъ властителя *Бѣлоруссіи*; вся Украйна по Днѣпръ отдана Польшѣ, исключая Кіевъ.—Въ Малороссіи, по лѣвую сторону Днѣпра, еще при Богданѣ Хмѣльницкомъ явилась измѣна, а послѣ смерти Богдана, гетманства сына его, Виговскаго, Брюховецкаго и Дорошенки, съ 1657 года, представляли рядъ кровавыхъ смятеній и междоусобій. Подданство Дорошенки Турціи угрожало Россіи войною съ султаномъ, который въ 1672 г. принудилъ Польшу заключить безславный миръ въ Бучачѣ и даже платить ему ежегодную дань. Вообще, время съ 1657 г. при неудачныхъ войнахъ съ Польшею и Швеціею, было самое несчастное для Россіи. Разинъ возмутилъ Донъ и взялъ Астрахань въ 1670 году; бунтовали Башкиры и Киргизы; раскольники явно возстали, сражались, были осаждены въ Соловецкомъ монастырѣ и девять лѣтъ защищались противъ царскаго войска. Патріархъ Никонъ былъ низверженъ въ 1667 году, послѣ ссоры съ Царемъ и вельможами, продолжавшейся болѣе десяти лѣтъ. Первая супруга Царя Алексія скончалась въ 1661 г; за нею послѣдовали въ могилу царевичъ Симеонъ, 4-хъ лѣтъ, а потомъ царевичъ Алексій, много обѣщавшій юноша, 16-ти лѣтъ, въ 1670 году.

2. Во все царствованіе Алексія, временщики и любимцы царскіе правили Россіею, смѣняя другъ друга, заводя вражды и крамолы, и всегда ненавидимые народомъ. *Морозовымъ* наслѣдовалъ ѳеократъ Никонъ, потомъ явились олигархи *Милославскіе*, *Хитровы*, *Языковы*. Изъ всѣхъ нихъ исторія вспомнитъ только *Ордына-Нащокина*, *Никона* и *Матвѣева*. Но первый умеръ инокомъ, второй въ ссылкѣ, третій томился въ заточеніи и погибъ отъ рукъ убійцъ. Никогда прежде мѣстничество не существовало въ такой безумной силѣ. Послѣ Никона избранъ былъ въ патріархи Іоасафъ, умершій въ 1672 г. Ему наслѣдовалъ Питиримъ, умершій въ 1673 г. Мѣсто его заступилъ *Іоакимъ*, пастырь нрава строптиваго, суевѣрный, и непримиримый врагъ Никона. Разинъ уничтожилъ начало кораблестроенія въ Россіи сожженіемъ кораблей царскихъ въ Астрахани. Недостатокъ въ деньгахъ принудилъ Царя принять несчастную финансовую мѣру, выпустивъ мѣдную монету въ цѣнѣ

серебряной, и насильно заставляя брать ее по назначенной цѣнѣ. Сіи деньги скупали потомъ въ казну по копѣйкѣ за рубль. Бунтъ Москвитянъ, въ 1662 г., былъ укрощенъ только жестокими казнями; нѣсколько тысячь человѣкъ перебито Стрѣльцами, и разгнѣванный Царь учредилъ ужасный *Тайный Приказъ!*

3. См. описанія Карлиля, Мейерберга, Кленка, Таннера, Боттони и другихъ. «Въ Ливорнѣ, да въ Венеціи церковь Греческая, а больше того отъ Рима до Кольскаго острога *нигдѣ нѣтъ благочестія*,» писалъ посолъ Лихачевъ (*Опис. Пос. къ Фердинанду, герц. Тоск.*, изд. г-мъ Чертковымъ, стр. 5). Russia remained buried in that barbarism and obscurity, from which it was called about the beginning of the present century, by the creative genius of Peter the Great, who made his country known and formidable to the rest of Europe, говоритъ Робертсонъ, обозрѣвая Европу въ концѣ XVI вѣка (Hist. of the reign of Charles V, книга XII).

4. Людовикъ XIV вступилъ на престолъ въ 1661 г. и началъ въ 1667 году войну во Фландріи, конченную въ 1668 г. Ахенскимъ миромъ, послѣ союза противъ него Англіи, Голландіи и Швеціи. Въ 1672 г. началась война Людовика съ Голландіею, и во время ея погибли славные братья Витты, убитъ Тюреннъ; вражда кончилась Нимвегенскимъ миромъ уже въ 1678 г. Императоромъ былъ Леопольдъ, котораго мы узнаемъ далѣе; въ Англіи царствовалъ Карлъ II-й, для котораго безплодны были страшные уроки смятеній и гибель отца; въ Испаніи былъ слабоумный Карлъ II-й, не знавшій именъ областей своихъ и видѣвшій дѣлежъ его царства еще при жизни своей, пока заклинатели изгоняли изъ него самого злыхъ духовъ. Папами были: Александръ XII, ум. въ 1667 г., котораго, отнявши у него Авиньонъ, Людовикъ XIV заставилъ просить прощенія въ винахъ, Климентъ IX, ум. въ 1669 г., съ горя, что никто не внимаетъ словамъ его и никто не хочетъ спасти Кипра отъ оружія Турковъ, и Климентъ X, ум. въ 1676 г., дряхлый старикъ, при жизни котораго управлялъ дѣлами племянникъ его.

5. Новгородъ возвращенъ былъ Россіи, послѣ завоеванія его Делагардіемъ, въ 1617 г.—Василій Шуйскій умеръ въ плѣну въ Варшавѣ, въ 1612 г., а въ 1618 г. Владиславъ заключилъ Деулинскій миръ, послѣ приступа къ Москвѣ.

6. О тучности Царя, см. *Мейерберга* (издан. Аделунга, стр. 243).—Въ 1669 г. Польскому послу отказали въ аудіенціи, ибо «Царь боленъ и

весь опухъ, отъ лѣтъ и печалей» (Берхъ, *Ист. Царя А. М.*, Theatr. Eur. X, 181). Өеодоръ родился въ 1661 г., Іоаннъ въ 1666 г., царевны: Евдокія въ 1650 г., Марөа въ 1652 г., *Софія* въ 1657 г., Екатерина въ 1658 г., Марія въ 1660 г. и Өеодосія въ 1662 году. Кромѣ того, отъ первой супруги было у Алексія 3 сына, *Димитрій*, *Алексій*, *Симеонъ*, и 2 дочери; они скончались до 1670 г. О слабости здоровья Іоанна согласно говорятъ всѣ извѣстія. Кемпферъ (Аделунгъ, *баронъ Мейербергъ*, стр. 337) видѣлъ его на тронѣ «съ потупленными, почти закрытыми глазами.» Въ Narratio rer., Чіампи, сказано, что онъ былъ «нездоровъ глазами и близорукъ.» Матвѣевъ (Том. I., стр. 119) называетъ его «отъ самаго младенчества по тяжкимъ скорбямъ повсядневно, безпрестанно утружденнаго и поврежденнаго, не токмо непрочнаго, но и по виду недолголѣтняго». Крекшинъ говоритъ: «бѣ скорбенъ главою и слабъ во здравіи (Сахаровъ, Записки Русск. людей, стр. 26). Невилль (стр. 22) называетъ его просто слѣпымъ (an infirme Prince, blind and impotent of body), а далѣе, говоря о пилигримствахъ Іоанна по монастырямъ, (стр. 103) though he be so paralytick, spends his life in them, though't would be more to his credit not to shew himself abroad so often, but keep within his palace, for he is a frightfol sight, so very ugly, that it is irksome to look upon him, though he is but twenty eight years old. Шлейссингъ: der ältere Ivan Alexeewitz nicht gar wol von der Natur herfür gebracht, also dass er weder recht sehen, reden, noch sonsten etwas Fürstlich-oder Regirwichtiges von sich blicken lafsen könte; er träget auch allezeit, sich nicht untern Angesicht sehen zulassen, weilen die Augen sehr hesslich in dem Kopffe hin und her laufen, ein grün Taffetes-Tuch darfür (стр. 9). Невилль говоритъ о Өеодорѣ, что онъ былъ подверженъ падучей болѣзни и умеръ отъ нея (стр. 20). Рейтенфельсъ (De rebus Moscoviticis) замѣчаетъ, что всѣ дѣти царскія подвергались болѣзнямъ и слабости тѣла отъ недѣятельной и сидячей жизни, и что царевичъ Алексѣй умеръ отъ того, и потому предписаны были царевичамъ разныя гимнастическія упражненія, ѣзда, катанья. Въ Narratio Чіампи, сказано, что Өеодоръ, правивши однажды санями, упалъ, сани переѣхали черезъ него и помяли ему грудь. Но В. П. Берхъ (Царств. Царя Ө. А. I, 99) не вѣрилъ болѣзненности Өеодора и Іоанна. «Почему же сестры ихъ *и дочери Іоанна* были здоровы, красивы, долговѣчны и примѣрно умны» (хотя послѣдняго мы не видимъ). Что отвѣчать на такое возраженіе?

. А. С. Матвѣевъ *былъ* сынъ дворянина, (а не попа, какъ пишутъ) Виккартъ Moscow. Reisebeschreibung и Чіампи, Narr. rerum). Онъ род. въ 1625 г.; съ 1638 г. записанъ былъ въ *житье* (службу), и 17-ти лѣтъ по-

ступилъ *стряпчимъ* (камеръ-юнкеромъ) къ Алексію, старше котораго былъ 4-мя годами. Въ 1643 г. былъ онъ стрѣлецкимъ головою, служилъ въ войскѣ, переговаривалъ съ Хмѣльницкимъ, за что пожалованъ въ стольники и полковники, договаривался о сдачѣ Смоленска въ 1654 г., бился подъ Львовымъ въ 1656 г., и спасъ Русскую артиллерію при отступленіи, заключалъ миръ съ Крымомъ, съ честью сражался въ несчастной битвѣ подъ Конотопомъ, управлялъ Малороссійскимъ Приказомъ, и въ 1671 г. произведенъ въ думные дворяне. Онъ былъ женатъ на Шотландкѣ (по словамъ Невилля). Сынъ его говорилъ по Латыни. При комедіяхъ въ Преображенскомъ хоръ музыкантовъ составляли слуги Матвѣева.

8. О свадьбѣ царя Алексія съ Наталіею Кирилловною разсказывала Штелину и Голикову внука Матвѣева, графиня М. А., мать славнаго Румянцова-Задунайскаго (Голиковъ, XIII, 91, Штелинъ, т. I, стр. 9), которою въ старости восхищались графъ Сегюръ и принцъ Делинь. Она умерла въ 1788 г., бывши почти 90 лѣтъ. «Разговоръ ея былъ увлекателенъ и поучителенъ, какъ хорошо написанная исторія,» говоритъ Сегюръ.—Отецъ Наталіи Кирилловны былъ заслуженный дворянинъ. Она родилась 22-го Августа 1651 г., и при вступленіи въ супружество ей было менѣе 20 лѣтъ. *Коллинсъ* пишетъ, что она сама хаживала въ лѣсъ за грибами (hat often gone into the woods to gather mushrooms), но что она была красавица. Мать ея, *Анна Леонтьевна*, была изъ рода *Леонтьевыхъ*, а бабушка *Прасковья Ивановна Раевская*, сестра которой, Акулина, была за *Семеномъ Родіонов. Головкинымъ*; сынъ его, Иванъ Семенов, былъ крестный отецъ Наталіи (Миллеръ, у Б. К. *Слов. дост. людей*, II, стр. 152). По преданію, Наталія родилась въ селѣ Киркинѣ, въ 25 верст. отъ Михайлова (Ряз. губ.), см. *Ист. Ст. и Геогр. Журналъ*, 1827 г., Іюнь, стр. 217. Но родовое помѣстье Нарышкиныхъ была деревня Тростье, близъ села Покровскаго, въ Тарузскомъ уѣздѣ. Преданіе, въ *Историч. Журналѣ* помѣщенное, походитъ на басню. Воспитываясь у Матвѣева, Наталія привыкла къ обращенію съ людьми; бывши Царицею, осмѣливалась поднимать занавѣсъ царской колымаги, что изумляло народъ (Рейтенфельсъ, de Rebus Moscov.). Въ Коломенскомъ смотрѣла она на аудіенцію посла Боттони, стоя за дверью. Петръ, играя съ нею, отворилъ дверь, и послы увидѣли ее (Лизекъ, Relatio). Но Рейтенфельсъ разсказываетъ, однако жь, вздоры, что Царь смотрѣлъ ее и другихъ дѣвицъ въ домѣ Матвѣева; что на другой день, когда Наталія еще спала, пріѣхали за нею царскія экипажи; что на нее надѣли платье, до того обремененное украшеніями, что она едва могла ходить, что ее прямо

привезли въ церковь и обвѣнчали съ Царемъ. Можемъ повѣрить разсказу его, что Наталія была красавица, высокаго роста, съ черными на выкатѣ глазами, пріятнымъ выраженіемъ лица, прелестнымъ ртомъ, челомъ высокимъ, соразмѣрностью въ членахъ; голосъ у нея былъ звонкій и пріятный, манеры граціозныя. Рейтенфельсъ видѣлъ ее два раза, когда она была еще въ домѣ Матвѣева.—Накапунѣ свадьбы, Царь приходилъ благословиться на обрученіе. Патріархъ благословилъ его образомъ. Въ день свадьбы, Царь приходилъ опять благословиться на вѣнчаніе, и снова получилъ образъ. Вѣнчаніе совершалъ царскій духовникъ, Благовѣщенскій протоіерей Андрей. Оно совершилось послѣ обѣдни. Царица прислала патріарху съ бояриномъ Хитровымъ ширинку, убрусъ, коровай и сыръ. Патріархъ отдарилъ серебрянымъ, ложчатымъ, позолоченнымъ на оба лица кубкомъ въ два фунта, атласомъ и камкою, и благословилъ образомъ (Новиковъ, *Вивліоѳ.* VI, 306). О свадьбѣ Царя велѣно молебствовать по всему царству (*Собр. Г. Г.* IV, 257). Бояре были *безъ мѣстъ*. Матвѣевъ былъ у сѣнника (стражемъ царской спальни) съ бояриномъ Воротынскимъ. Посаженымъ отцомъ былъ князь Ник. Иван. Одоевскій, тысяцкимъ Грузинскій царевичъ Николай Давыдовичъ, дружками князья Я. Н. Одоевскій и Хилковъ, у царицы І. Д. Голохвастовъ, свахами, княгиня А. М. Одоевская, княгиня Хилкова и Голохвастова; боярами два царевича Сибирскіе, царевичъ Касимовскій и князь Троекуровъ; поѣздъ наряжалъ князь Троекуровъ (Новиковъ, *Вивліоѳика*, XIII, 233). На другой день свадьбы, Царица присылала къ патріарху *съ овощами* спальника Голохвастова; патріархъ послалъ ей образъ и камку. Февраля 7-го, у Царя былъ *радостный столъ*. Патріархъ поднесъ кресты и иконы и обѣдалъ у государя. На Святой, 22 Апрѣля, Царица прислала патріарху *перепечи* (куличи). Въ Успеньевъ день, Царь съ большими обрядами обѣдалъ у патріарха. Царица была въ Преображенскомъ дворцѣ; патріархъ послалъ къ ней туда кушанье и особо яблоки на 12-ти блюдахъ. Присылку принялъ Абрамъ Никитичъ Лопухинъ, онъ же присланъ былъ отъ Царицы къ патріарху съ перепечами, въ день Рождества. Лопухины были въ особенной милости у Наталіи. Увидимъ, что она избрала внуку А. Н. супругою Петру, вопреки желанія сына (Новиковъ, Вивліоѳ., т. VI, 317—324).

9. Царскія граматы о рожденіи Петра, см. *Собр. Зак.* I, 886.—Замѣтимъ странность: о рожденіи Петра Великаго происходятъ споры, какъ о рожденіи Омира и Колумба. Миллеръ (Опытъ трудовъ В. Р. С. V, 89) доказывалъ Разрядною запискою, что Петръ родился въ Кремлѣ, что кажется и достовѣрно. Но Сумароковъ присвоивалъ честь сію Коломен-

скому, почему и называлъ его *Россійскимъ Виѳлеемомъ*—«Россійскій Виѳлеемъ Коломенско село», и проч. (Соч. Сум. VI, 321). Преданіе между Коломенцами подтверждаетъ слова его, и П. С. Валуевъ былъ такъ въ томъ увѣренъ, что упомянулъ о томъ въ надписи надъ воротами Коломенскаго дворца. Но Крекшинъ (Сахаровъ, *Зап. Р. Л.* I, 10) говоритъ, что Петръ Великій родился въ селѣ Измайловскомъ. М. Снегиревъ подтверждаетъ сіе извѣстіе также преданіемъ между Измайловцами, а особливо свидѣтельствомъ долголѣтняго старца, Ѳ. С. Брыкина, умерш. въ 1829 году, почти ста лѣтъ: отецъ и мать его, современники и коротко извѣстные Петру Великому, говорили о томъ (*Русскій Вѣстн.* 1841 г. III, стр. 329). К. Ѳ Калайдовичъ не могъ рѣшить спора, и предлагалъ его, какъ историческую задачу, Русскимъ археографамъ (*Русск. Зритель*, 1828 г. I, стр. 7).

10. Военные чины, поздравляя Царя, въ столовой палатѣ, были *въ ратномъ цвѣтномъ платьи*, а гражданскіе чиновники въ цвѣтныхъ охобняхъ. Молебенъ въ Успенскомъ соборѣ служилъ митрополитъ Новогородскій Питиримъ. Привѣтствіе Царю отъ собранія боярскаго говорилъ Грузинскій царевичъ Николай Давыдовичъ (Миллеръ, *Опытъ труд. В. Р. С.* V, 89). Отецъ Натальи и Матвѣевъ пожалованы въ окольничіе изъ думныхъ дворянъ, а Ѳедоръ Полуехтовичъ и Абрамъ Ник. Лопухинъ въ думные дворяне. Объ угощеніи: «И послѣ обѣдни указалъ вел. государь войти съ питьемъ передъ переднюю въ сѣни; а въ переднюю принесли яблока, дули, груши изъ патоки, въ ковшахъ, и иные овощи. И жаловалъ великій государь въ передней бояръ и окольничихъ, и проч. водкою и фряжскими винами; а головамъ и полуголовамъ Стрѣлецкимъ, и проч. подносилъ водку передъ переднею бояринъ и оружейничій Б. М. Хитрово. А коврижекъ и взвару не было» (Миллеръ, *Опытъ труд. В. Р. С.* V, 160). О столѣ 2-го Іюня (*Миллеръ*, ibidem, стр. 161): «Былъ столъ въ золотой палатѣ Царицы, безъ зову; были бояре и окольничіе, и думные и ближніе люди и дьяки безъ мѣстъ; вел. государь жаловалъ всѣхъ водкою, а заѣдали коврижками и яблоками, и дулями, и инбирь, и смоква, и сукатъ въ патокѣ и иные овощи; коврижки и овощи носили спальники; на лавкахъ постланы были половочники, поставецъ въ сѣняхъ передъ Грановитою; за поставцемъ сидѣлъ Б. М. Хитрово, а въ столъ носили напередъ взваръ въ ковшахъ, а ѣсть ставили стольники; Благовѣщенскаго собора священники кормлены въ проходныхъ сѣняхъ передъ Золотою палатою.»

11. Записка о крещеніи, *Собр. Зак.* I, 905, «въ Субботу, на праз-

дникъ Св. Апостолъ Петра и Павла, принялъ св. крещеніе церкви вел. святит. и чудотв. Алексѣя митроп., въ трапезѣ, въ третьемъ часу дня до литургіи. *А стола того дня у Вел. Государя не было.* » Голиковъ, а за нимъ и Бергманъ пишутъ, что Петра крестилъ патріархъ (Голиковъ называетъ даже: *Іоакимъ*), но патріарха тогда не было: Іоасафъ умеръ. 17-го *февраля*, а *Питиримъ* (а не Іоакимъ) избранъ Іюля 5-го (*Собран. Зак.* І, 905); Іоакимъ наслѣдовалъ ему уже въ 1674 г. — Царевна Ирина Михайловна, нѣкогда невѣста Датскаго королевича Волдемара, род. въ 1627 г. и была старшая дочь и первенецъ Михаила, славилась умомъ и краснописаніемъ; великолѣпное евангеліе, ею писанное, хранится въ Успенскомъ соборѣ; она сконч. въ 1679 г. Здѣсь опять недоумѣніе: изъ письма Петра Великаго, въ 1694 г. (см. выше, стр. 248), видимъ, что онъ называлъ крестною матерью своею тетку царевну Татьяну Михайловну (см. изслѣдованіе о томъ, *Русскій Вѣстн.* 1841 г.» т. III, стр. 457). О княгинѣ У. И. Голицыной, см. Новикова, *Вивліоѳ.* XVII, 205.

12. Подробности въ *Опытъ Труд. В. Р. С.* V, 162, но крещеніе означено тамъ 29-го Іюня, и въ тотъ же день столъ у Царя, что кажется ошибочно. Къ столу поданы были: коврижка сахарная, гербъ Россіи, другая коричная, голова съ цвѣтомъ 2 пуда 20 фунт., два орла сахарные по полтора пуда, лебедь сахарный въ два пуда, утка сахарная въ 20 ф., попугай сах. въ 10, голубь сах. въ 8 фунт., кремль сахарный съ людьми конными и пѣшими, двѣ башни съ орлами, городъ съ пушками, красная и бѣлая коричныя трубы по 15 ф., марципаны сахарный и леденцовой, спицы сах. красная и бѣлая по 12 ф., 40 блюдъ сахаровъ узорочныхъ, 30 блюдъ леденцовъ, 10 блюдъ конфетовъ постныхъ, 10 блюдъ сахаровъ зеренчатыхъ, 10 блюдъ Индѣйскихъ овощей (цукату, цитроновъ, яблоковъ мушкатныхъ, померанцовыхъ, шапталы, инбири въ патокѣ). Царь жаловалъ митрополитамъ по 13 блюдъ (съ сахарами, узорочными, леденцами и зеренчатыми, винными ягодами, финиками, корицею и проч. « А складываны на большія блюда и поставлены передъ кажлаго вдругъ»), архіепископамъ, и Чудовск. и Троицк. архимандритамъ по 10 блюдъ, архимандритамъ по 8, игуменамъ по 5, Грузинскому царевичу 40 блюдъ, Касимовскому и Сибирскимъ по 20, 11-ти боярамъ по 13, 9 окольничимъ по 10, 10 думнымъ дворянамъ по 8, и проч. — Гостямъ (купцамъ) дано по 4 блюда, а торговымъ людямъ по фунту сахаровъ зеренчатыхъ и по фунту ягодъ. Кир. Пол. Нарышкинъ и А. С. Матвѣевъ обѣдали у Царицы, «въ ея деревянныхъ хоромахъ», гдѣ за поставцомъ сидѣлъ П. П. Матюшкинъ, вино наряжалъ стольникъ Алексѣй Семен. Шеинъ, пить наливалъ Б. В. Бутурлинъ. Она угощала боярынь; на столъ были поданы также двухъ пудовые лебеди,

города, гербы сахарные, а всего 100 блюдъ. Она раздавала блюда женамъ Грузинскаго, Касимовскаго и Сибирскихъ царевичей, 13 боярынямъ, 5 женамъ окольничихъ, тремъ думныхъ дьяковъ, 13-ти стольниковъ, 25-ти дворовымъ и казначеямъ, 9-ти кормилицамъ и учительницамъ, 120-ти постельницамъ и мастерицамъ. На дворъ къ Матвѣеву послала Царица 15 блюдъ, и особо «дѣвицѣ Прасковьѣ Бутримовой, что живетъ у А. С. Матвѣева.»—«Съ сахарами и овощами стояли передъ краснымъ садомъ за перегradою, и завѣшено было и покрыто отводами.» Стрѣльцамъ, бывшимъ въ караулѣ при дворцѣ, выдали 30 фунтовъ сахаровъ, 2 пуда изюму, 1 пудъ винныхъ ягодъ и полтора пуда чернославу.

13. Миллеръ (*Опытъ Труд. В. Р. С.* V, 102). За крестильнымъ столомъ угощали духовенство; бояръ было только трое. О милостяхъ народу, *Голиковъ*, I, стр. 1.

14. Преданіе, которому вѣрили современники. О Симеонѣ Полоцкомъ, юродивомъ старцѣ и ектеніи въ Успенск. соборѣ *Крекшинъ*, у Туманскаго (I, 234—242), Берхъ, Миллеръ и митрополитъ Евгеній (*Слов. Дух. Писат.* I, 137, II, 218, *Опытъ Труд. В. Р. С.* V, 92, *Царствованіе Царя Алек. Мих.* I, 265) опровергали сіи преданія, называя ихъ сказками, но современники вписали ихъ въ свои лѣтописи, а равно и *прогностиконъ*, найденный послѣ смерти св. Димитрія Ростовскаго, котораго при жизни своей онъ объявить не рѣшился, хотя въ концѣ его приписалъ собственноручно: «Торжествуйте и вы, стѣны Царьграда, яко днесь зачало спасенія вашего!» (*Лѣтоп. Подр.* IV, 23). Что въ Москвѣ были тогда предсказанія, доказательство въ письмѣ Гейнзія (Миллеръ видѣлъ его въ библіотекѣ Академіи Наукъ, см. *Опытъ Труд. В. Р. С.* V, 93). Слова Гревія, послѣ упоминанія о Людовикѣ XIV-мъ и султанѣ: eoque magis ominatores nostri, qui ex certo siderum positu, et rebus alibi eodem tempore gestis, fata hominibus pandere et praedicere praesumunt, hariolantur: neonatum puerum olim bellicosum, inclutum ac hostibus infensum easurum. Verum haec omnia fortuita esse arbitror, прибавляетъ Гревій, eisque parum, prout tu ipse facere videris, tribuere soleo. Sit modo suo tempore Petrus Bonus Pastor ποιμεν λαων, ut tandem Scythicam barbariem, qua septentrionales maxime et pellitae gentes insuscantur legibus salutaribus latis devincere possit (признаю однакожь все сіе случайностью, въ чемъ, кажется, и ты согласенъ. Довольно, если Петръ въ свое время будетъ добрый пастырь, ποιμεν λαων, и Скиѳскихъ варварствомъ покрытыхъ и мѣхами одѣтыхъ народовъ укротитъ благодѣтельными законами). Миллеръ просилъ астронома Лекселя повѣрить тогдашнее состояніе небесныхъ свѣ-

тилъ» и изъ взаимнаго приближенія и отдаленія ихъ вывесть заключенія, какія по астрологическимъ правиламъ надлежало. Лексель составилъ гороскопъ Петра Великаго (см. *Русск. Вѣстн.* 1842 г. кн. V, стр. 182). «Свѣтлой звѣзды близъ Марса,» говоритъ Миллеръ. «не оказалось, но прочее, все тогда бывшее планетъ теченіе вообще явилось такое, что астрологи весьма благополучное изъ того предзнаменованіе взять долженствовали.» — Въ спискѣ Крекшина, помѣщ. у *Тум.* I, 241, прибавлено еще предреченіе Кирила Бѣлоозерскаго въ 1545 году: онъ видѣлъ предъ престоломъ Божіимъ двухъ отроковъ «храбрыхъ» и умильныхъ, и даде имъ Господь въ рупѣ оружіе на противные враги, и поклонятся имъ вси языцы, и будетъ царство ихъ устроено, и проч.» Петръ, сказано тамъ, самъ читалъ книгу пререченій св. Кирила о Русской землѣ. Симеонъ Петровскій, ученый схоластикъ, поэтъ и богословъ, выѣхалъ въ Москву изъ Полоцка, послѣ покоренія Литвы, въ 1667 г. Царь тамъ узналъ его и опредѣлилъ наставникомъ къ царевичу Ѳеодору. Симеонъ переложилъ въ стихи Псалтирь, написалъ книгу противъ раскольниковъ. Увидимъ далѣе дѣла его при Ѳеодорѣ. Крекшинъ пишетъ, что Царь «пожаловалъ Симеона бархатомъ, соболями и многою золотою казною.» Едва ли правда: въ *Вѣстникѣ Европы*, 1828 г. V, 37—47. помѣщены письма Симеона, весьма любопытныя. Онъ проситъ Царя о дачѣ ему опредѣленнаго жалованья, по 5 алтынъ въ день (около 55 рублей въ годъ), о продолженіи присылки корму и питья изъ дворца и дровъ съ дровянаго двора («дрова у меня изошли, а хладъ и мразъ уже наступаютъ; а мнѣ кромѣ твоего царскаго милосердія взять негдѣ»). Въ праздникъ Рождества, «пребывая въ скудости нужнаго пребыванія», Симеонъ просилъ милостыни царской. Онъ жилъ тогда въ Заиконоспаскомъ монастырѣ, весьма бѣдномъ, но впрочемъ у него было три служителя, была и лошадь, ибо онъ проситъ въ одномъ изъ писемъ объ отпускѣ для нея сѣна изъ Коломенскихъ запасовъ. Съ нимъ жилъ братъ его, который постригся, и Симеонъ просилъ у Царя милостыни ему на иноческое одѣяніе, а потомъ отпуска корма и питья изъ дворца. Послѣ свадьбы Царя съ Наталіею, напоминая, что онъ по кончинѣ царицы Маріи, «въ похвалу святаго ея государыни житія и воспоминаніе вѣчное добродѣтелей ея, вѣчныя памяти достойныхъ, написалъ книжицу хитростію піитическаго ученія», и ничѣмъ не пожалованъ, а равно и на радости царской, когда всѣ награждены, Симеонъ прибавляетъ: «пожалуй меня богомольца своего за тыя моея книги *художное написаніе* и ради всемірныя радости твоего Богомъ сочетаннаго супружества; живу въ большой скудости всѣхъ нуждныхъ, самъ и люди мои, и не имѣю ни откуду пособія нищетѣ моей, кромѣ твоего царскаго милосердія», и проч. — Поздравительные стихи

Симсона и Грека Епифанія на рожденіе Петра, см. Крекшина (*Записки Русскихъ Людей*, стр. 12). Они напоминаютъ о счастливомъ положеніи звѣздъ при его рожденіи:

И ты, планета Арисъ (Марсъ) и Зевесъ, веселися,
Въ выше бо сіяніе Царевичъ родися;
Четвереугольный аспектъ произыде,
Яко Царевичъ царствовати имать, и проч.

15. О купцѣ и саблѣ, Крекшинъ (*Записки Р. Л.* стр. 13). Царевна Наталія род. въ 1673 г., Θеодора въ 1674 г., умерла въ 1678 году.

16. Іоаннъ Казимиръ отрекся отъ Польскаго престола въ 1668 г., принялъ званіе Сенъ-Жерменскаго аббата во Франціи (St. Germain de-Près) и умеръ въ Неверѣ, въ 1672 г. «Да будетъ мое предвѣщаніе ложнымъ», говорилъ онъ на сеймѣ въ 1661 г., «но если вы не пособите злу вольныхъ выборовъ, прекрасное и славное отечество наше содѣлается жертвою сосѣдей. *Москва возметъ Русь и Литву, Бранденбургъ Великую Польшу и Пруссію, Австрія, видя добычу другихъ, не будетъ медлить взятіемъ Кракова и Малой Польши.* Кто не предпочтетъ покорить себѣ часть совершенно, нежели владѣть всѣмъ на правахъ нынѣшнихъ.» Больной и слабый Михаилъ Вишневецкій былъ избранъ въ 1669 г., хотя великій Конде находился въ числѣ кандидатовъ, и Михаилъ со слезами умолялъ: «да идетъ чаша мимо!» Онъ умеръ въ 1673 г и множество искателей короны Польской явилось отвсюду: Іаковъ герцогъ Іоркскій, Вильгельмъ Оранскій, Донъ Жуанъ Австрійскій, князь Седмиградскій, герцоги Лотарингскій, Баварскій, Савойскій, Суассонскій, Вандомъ и проч. — Собіескій соединилъ себѣ всѣ голоса, и избранъ въ 1674 г. — Онъ былъ внукъ по матери славнаго Жолкевскаго, ученикъ героевъ Іереміи Вишневецкаго и Чарнецкаго; род. въ 1629 году, и 45-ти лѣтъ вступилъ на престолъ. Мужественный, прекрасный собою, отлично образованный, много путешествовавшій, 35-ти лѣтъ былъ онъ маршаломъ, 38 лѣтъ великимъ маршаломъ, и спасъ Польшу, уничтоживъ постыдный миръ Бучачскій Журавнинскимъ миромъ съ Турціею въ 1676 г. — При обоихъ избраніяхъ, Михаила и Іоанна предлагали Польскую корону царевичу Алексію, а по смерти его Θеодору. Царь соглашался на выборъ и огорчался неудачею, какъ будто не понимая, что Поляки только проводили его, боясь силы Русской.

17. Родъ *Милославскихъ* былъ не знатный, (какъ почти всѣ роды, изъ коихъ избирались Царицы: Стрѣшневы, Нарышкины, Грушецкіе, Апраксины, Лопухины). Дѣдъ Царицы Маріи Ильиничны былъ воеводою въ Туринскѣ, Морозовъ, правитель царства, рѣшился выбрать внуку его въ супруги царю Алексію (ему было тогда только 19 лѣтъ), коварно погубилъ другую невѣсту, дѣвицу Всеволожскую, любимую Царемъ, и женился самъ, не смотря на старость свою на сестрѣ Царицы. Тесть царскій возведенъ былъ въ бояре, и послѣ паденія Морозова, а особливо Никона, Милославскіе правили государствомъ; трое ихъ были въ Боярахъ, *Илья Данил.* тесть царскій (умеръ въ 1668 г), *Иванъ Андрев.* съ 1659 г. (умеръ въ 1663 г), *Иванъ Богдан.* съ 1671 г. — Главою Милославскихъ оставался послѣ того *Иванъ Михайловичъ*, окольничій съ 1647 года, сообщникъ Софіи послѣ Θеодора, который возвелъ его въ бояре въ 1676 году, когда еще въ 1673 г. Кирило Полуехтовичъ Нарышкинъ, а въ 1675 г. А. С. Матвѣевъ были уже боярами. Нарышкину дано было 90,000 (*Голиковъ*, XIII, 9). Онъ не подтверждаетъ ни чемъ словъ своихъ, но и донынѣ въ родѣ Нарышкиныхъ остаются богатыя, тогда пожалованныя Царемъ помѣстья и особенно земли и селенія подъ Москвою, Фили, Кунцово и проч.

18. Объявленіе Θеодора было въ новолѣтіе, Сентября 1-го 1674 года. (*Собр. Зак.* I, 987). Любопытный обрядъ сей состоялъ въ томъ, что Царь собралъ бояръ и чины во дворцѣ, и говорилъ имъ: «Приспе намъ сегодня *время* и *часъ* сына своего, благ. Царевича и Вел. Князя Θ. А. *всемогущему Богу дать въ послуженіе*, и ввести его въ св. Соборную и Апост. церковь, и *объявити* его (слѣдуетъ исчисленіе духовенства, чиновъ и званій) и всего Московскаго государства людямъ.» Помолясь у Спаса за Золотою рѣшеткою, Царь вывелъ сына къ боярамъ, которые «*здравствовали* его и кланялись ему въ землю.» За тѣмъ началось шествіе въ соборы. Приложившись къ мощамъ и иконамъ въ соборахъ, Царь вышелъ и сѣлъ на своемъ мѣстѣ, всенародно, на площади, съ царевичемъ. Потомъ совершили встрѣчу Новаго года; патріархъ и вельможи приносили поздравленія; царевичъ поклонился отцу въ ноги; Царь поцѣловалъ его «во главу крестообразно»; возгласили многолѣтіе. Царь жаловалъ на радости чинами и деньгами, и угощалъ патріарха и бояръ обѣдомъ. О намѣреніи Царя отдать престолъ Петру говоритъ Андрей Залусскій (Epistolae Historico-familiares, I, 600), по свидѣтельству бывшаго тогда въ Москвѣ Польскаго резидента Свидерскаго. Таннеръ, секретарь посла Польскаго, Чарторійскаго, бывшаго въ Москвѣ въ 1678 г., подтверждаетъ тоже самое. Съ нимъ согласенъ самовидѣцъ, сочинитель Nar-

ratio rerum, изд. Чіампи. Въ Сказ. о рожд. П. В. (Тум. I, 259) самъ Өеодоръ говоритъ о намѣреніи отцовскомъ, «но юныхъ ради лѣтъ (Петра) нарече мя,» Өеофанъ ввесъ сіи слова въ свою лѣтопись (IV. 78).

19. Симеонъ хотѣлъ учредить въ Россіи папу, и подъ нимъ четырехъ патріарховъ въ Новгородѣ, Ростовѣ, Казани и на Крутицахъ. Никона назначалъ онъ папою, а патріарха Іоакима опредѣлялъ въ Новгородъ. Іоакимъ заставилъ грамотѣя Андрея Лызлова, сочинителя Сиөской Исторіи, писать опроверженіе плана Симеонова и разсорился съ нимъ. Извѣстія о томъ сохранилъ намъ Татищевъ (*Исторія Россіи* I, 373).

20. Іоакимъ, изъ рода Савеловыхъ былъ врагъ Никона, посланъ былъ нѣкогда отнимать у него патріаршій посохъ, вмѣстѣ съ Павломъ Крутицкимъ митрополитомъ и обличалъ его на соборѣ (Муравьевъ, *Ист. Росс. Церкви* стр. 291, 311).

21. «Царица Н. К. многи мѣста святая обходя, поклоненія ради, темницы и больницы подаяніемъ довольствуя, множицею въ нощи и сама оныя посѣщала, и многія одежды, швенныя руками своими, раздая неимущимъ и убогимъ; и бысть страннымъ пристанище, алчныхъ и гладныхъ питомство, нагихъ одѣяніе, вся неоскудно отъ сокровищъ своихъ подавая, и повелѣвая всѣмъ неимущимъ, яко къ извѣстному пристанищу, ходить безопасно» (Сказ. о рожд. П. В. *Тум.* I, 251).

22. Кленкъ (Hist. Verhael of beschr. van de voyagie, стр. 96 и слѣд.).

23. Подробности въ Сказ. о рожд. П. В. (Тум. I, 242—250). Сочинитель влагаетъ съ уста Царю рѣчи, и заставляетъ разглагольствовать Царицу и царевенъ: «Свѣтильникъ неугасаемый! почто въ нощи печальной насъ оставляешь! Что тя въ инъ вѣкъ понуждаетъ и отъ насъ отлучаетъ? Свѣте сладкій радости! камо тщишися? вскую въ сиротствѣ насъ оставляешь! О солнце наше! Западъ твой познаваемъ, нощь наступаетъ; дождь слезный, сирыя, имамы точити,» и проч. Симеонъ Полоцкій изложилъ горесть въ драматической элегіи, съ присовокупленіемъ 12-ти плачей. См. еще плачъ объ Алексіи, въ Русск. Вивліоөикѣ, Полеваго. Князь Петръ Ивановичъ Прозоровскій, сынъ убитаго въ Астрахани Разинымъ воеводы Ив. Сем., былъ окольничимъ, и въ 1676 г. пожалованъ въ бояре. Дочь его была за братомъ Бор. Алекс. Голицына, Иваномъ Алексѣевичемъ. Увидимъ его въ послѣдствіи любимцомъ Петра. Онъ

умеръ около 1718 г. — Объ Иванѣ Сем. Головкинѣ, крестномъ отцѣ царицѣ Н. К., см. выше прим. 8. — Голиковъ, слѣдуя Сказ. о рожд. П. В., прибавляетъ къ попечителямъ Петра Ѳед. Алекс. Головина и Гавр. Иван. Головкина (сына Ив. Сем.), но первый былъ тогда стольникомъ, а второй, 16-тилѣтній юноша, спальникомъ при Петрѣ, хотя оба въ послѣдствіи играли большія роли: Головинъ былъ ген. адм. и фельдмаршаломъ, Головкинъ, большой интригантъ и величайшій скряга, вел. канцлеромъ, уцѣлѣлъ при Аннѣ, и умеръ 1734 г. (Могила его въ Серпуховскомъ Высоцкомъ мон.). Слова Алексія о Петрѣ: «Не плачи, но зри, яко уже Петръ есть Царь! (Б. К. *Дѣянія полк.* П. В I, 9, 131; его же Слов. знам. людей, IV, 228, II, 124; Списокъ бояръ кн. Трубецкаго, у Рубина; Сборникъ кн. П. В. *Долгор.* II, 64).

24. Собр. Зак., II, 1—6; Собр. Г. Г. IV, 333, 336.

25. Вивл. Нов. VII, 304—372; Собр. зак. II, 42—68.

26. О ссылкѣ Матвѣева, см. Таннера, Legatio, Чіампи, Narr. rerum. Въ Theatr. Europ. XI, 1050, говорятъ, что тогда многихъ казнили. О посылкѣ Матвѣева на воеводство въ Сибирь, Вивл. Нов. III, 229. Замѣчательно, что настоящая причина ссылки Матвѣева вездѣ умолчана, и выставлены только нелѣпыя клеветы, будто онъ колдунъ, отравлялъ Ѳеодора, читалъ еретическія книги съ переводчикомъ Спаѳаріемъ и докторомъ Стефаномъ Гаденомъ, и при чтеніи ихъ комната, гдѣ они происходили, наполнялась духами, что подъ пыткою сказывали слуги Матвѣева, и проч. Любопытны подробности въ письмахъ Матвѣева (Ист. о нев. заточ. А. С. Матвѣева), гдѣ исчисляетъ онъ заслуги свои, опровергаетъ клеветы и истощаетъ краснорѣчіе. Анна Петр. Хитрова («подъ фарисейскимъ видомъ постница и Царицѣ Н. К. лютая враждебница, хитрая нравомъ, видомъ и самымъ дѣломъ») была приставницей при малолѣтномъ Ѳеодорѣ. Воспитателями его были князь Ѳ. Ѳ. Куракинъ и Богданъ Мих. Хитрово, Алексвискій дворянинъ, мать его была нянею у Морозова. Въ день коронованія Ѳеодора, его произвели въ бояре. Князь Мих. Юрьев. *Долгорукій*, по словамъ Таннера, противился избранію Петра на царство вмѣсто Ѳеодора (Legatio, стр. 124 и слѣд.). Волынскій, врагъ Матвѣева, «человѣкъ гораздо посредственнаго смысла, легкомысленной совѣсти и малограмотный», услуживалъ другимъ и заступилъ потомъ Матвѣева въ Посольскомъ приказѣ, въ 1681 г. — Иванъ Макс. Языковъ былъ изъ подъячихъ, человѣкъ ума остраго (по словамъ Татищева, въ прим. къ *Суд.* стр. 67), прислужникъ Хитрова, въ 1676 г. пожалованъ

въ постельничіе, а въ 1678 г. былъ уже бояриномъ (Берхъ, царств. Царя Ѳ. А. II, 109. Слич. прим. 35). Защитникъ Матвѣева (Ист. о заточ. 395) разсказываетъ, что всѣ злодѣи его постигнуты потомъ наказаніемъ Божіимъ: Милославскій умеръ безъ покаянія и не укрылся въ могилѣ; Хитрово умеръ бездѣтенъ, при погребеніи его была гроза и домъ его запустѣлъ; Хитрова, «гнусно таскався въ старости, въ болѣзни исчезе»; Волынскій «яко бездна золъ, злѣ душу изверже». До 1676 г. Никонъ жилъ 9 лѣтъ въ Ѳерапонтовскомъ монастырѣ, на Бѣлеозерѣ, гдѣ давали ему свободу и уважали его, хотя онъ и считался въ смиреніи, и простымъ инокомъ. — Грабя имѣніе Матвѣева, враги его радовались добычѣ «яко изъ восточной Индіи Гишпанской съ безцѣннымъ серебра и золота каравану». Надобно ли опровергать нелѣпыя обвиненія В. Н. Берха, на Матвѣева взнесенныя (*Ист. Царя Ѳ. А.* I, 10 — 17)? Пожалѣемъ лучше объ историкѣ. — Пустозерскъ, отдаленный острогъ, на истокѣ изъ озера Пустаго, впад. въ Печору, въ 100 верстахъ отъ устья ея, въ 1980 верст. отъ Архангельска, на С. В. и въ 3,253 верст. отъ Москвы.

27. Въ 1676 г., въ Чигиринѣ, взятъ былъ грозный бунтовщикъ Дорошенко; въ 1677 г. началась первая война Рускихъ съ Турціею; въ 1678 г. Турки овладѣли Чигиринымъ при трусости князя Ромодановскаго; въ 1679 г. Ѳеодоръ отправилъ новое войско съ М. А. Черкаскимъ. Миръ заключенъ въ Бахчисараѣ, въ 1681 году, на 20 лѣтъ.

28. Увидимъ далѣе, что Языковъ былъ въ числѣ обреченныхъ Милославскими на погибель въ 1682 г., и что Милославскіе погубили потомъ Хованскихъ, въ 1683 г.

29. Царица Н. К. «всегда въ постѣ и молитвѣ и слезахъ препровождала жизнь свою — по смерти Царя Ал. Мих. Торжественныхъ пировъ и забавъ увеселительныхъ никогда не имѣла, и царскихъ украшеній, яко уже ей не слѣдныхъ, на ся не возлагаше, но миръ и тишину любяше» (Сказ. о рожд. П. В. — Тум. I, 251). Слич. Голикова, I, 3.

30. Подробности въ Сказ. о рожд. П. В. (Тум. I, 252—257). Разсказъ такъ добродушенъ, что кажется списанъ со словъ самого Зотова. Мы далѣе увидимъ Зотова, знаменитаго Князя-Папу, котораго уважалъ при томъ великій ученикъ его, изображая древность рода его и усерд-

ную службу при возведеніи въ графское достоинство, въ 1713 г. (Вивл. Новик. IX, 477).

31. Голиковъ (ссылки на Крекшина) I, 5.

32. См. *Житіе Никона*. Говорили, что Никонъ предузналъ свое возвращеніе, являлся во снѣ своему жестокому врагу архимандриту Сергію; народъ везъ на себѣ сани его и тянулъ стручь его по Волгѣ. Никонъ былъ уже тогда схимникомъ. Іоакимъ не соглашался на его возвращеніе и не былъ на его похоронахъ, ибо Царь повелѣлъ похоронить его, какъ патріарха. Могила Никона въ Воскресенскомъ монастырѣ, построенномъ по образцу Іерусалимской церкви Св. Гроба, и потому названной Новымъ Іерусалимомъ. Все напоминаетъ Никона въ сей знаменитой обители, находящейся въ 40 верстахъ отъ Москвы. Разрѣшительныя граматы патріарховъ получены уже по кончинѣ Θеодора (Собр. Г. Г. IV, 417, 424), граматы Θеодора объ учрежденіи духовной академіи и уставъ ея (великолѣпно написанный Симсономъ) дана въ 1682 г. (См. Вивл. Новик. VI, 397, XVI, 295, и Ист. Рос. іерархіи, I, 513). О Полоцкомъ, Слов. дух. писат. II, 212—215. Симеонъ завелъ для себя особую типографію при царскомъ дворцѣ въ Кремлѣ. Іоакимъ собралъ въ 1690 г. соборъ и осудилъ книги и ученіе Симеона, оговариваясь: «Каковою же мыслію писа тоя вся, отъ ревности ли каковыя, или ухищренно, во еже прельстити православные и въ папежство ввести, совѣсть его вѣсть.» Онъ осудилъ проповѣди Симеона (Обѣдъ духовный и Вечеря духовная), отрекся отъ даннаго на выпускъ ихъ позволенія, не позволилъ печатать его Катихизиса и Богословія, и написалъ два тома возраженій.

33. Собр. Г. Г. IV, 395; Собр. зак. I, 288. Въ золотыхъ ферезяхъ ко двору велѣно являться только въ царскіе имянины, Новый годъ, Рождество, Богоявленіе, Благовѣщеніе, Пасху, Вознесеніе, Троицынъ день, Входъ въ Іерусалимъ, въ другіе въ бархатныхъ (между прочимъ въ *день Страшнаго Суда?*), въ третьи въ объяринныхъ. Боярамъ позволено выѣзжать шестеркою только на свадьбу, а въ праздники на четверкахъ. Θеодоръ запретилъ писать въ просьбахъ къ Царямъ, чтобы они «пожаловали умилосердилися, яко Богъ» (Собр. Г. Г. IV, 375) — «и то слово писать непристойно.» — Не велѣно при встрѣчѣ съ боярами сходить съ лошадей и кланяться въ землю — «пристойно бить челомъ одному Государю» (Собр. Зак. II, 329).

34. Собр. Г. Г. IV, 396, и Собр. Зак. II, 368, любопытное соборное

уложеніе объ уничтоженіи мѣстничества. Князь Вас. Вас Голицынъ предложилъ Өеодору перемѣнить чины, вмѣсто головъ и сотенъ, установить ротмистровъ и роты, считая въ полку по 6 ротъ, а въ ротѣ по 60 человѣкъ съ 25 дворовъ, «чтобы преждебывшее воинское устроеніе, которое оказывалось на бояхъ неприбыльно, премѣнить на лучшее.» Многіе заспорили: Трубецкіе, Одоевскіе, Куракины, Рѣпнины и проч., и Царь рѣшилъ уничтоженіе мѣстничества, доказывая въ рѣчи своей на соборѣ, исторически, гибель его, «Богу зѣло мерзкое и царскому дѣлу вредительное.» — Указъ о переименованіи воинскихъ чиновъ. Собр. Зак. II, 253.

35. Ссылка въ Пустозерскъ была ужасна. Даже досадно читать униженныя просьбы Матвѣева къ Хитрову, Милославскому и другимъ, но и состояніе его было бѣдственно. Не было даже хлѣба на пропитаніе его съ людьми, которыхъ было при немъ, кромѣ учителя сына, шляхтича Поборскаго и священника до 30 человѣкъ. «Пустозерскихъ жителей всегдашняя пища борщъ, да и того здѣсь нѣтъ, привозятъ съ Ижмы. Имя мѣсту Пустозерскъ, и истинно пустъ; хлѣба и соли нѣтъ — голодъ, холодъ, и только земля да вода. Охъ, да увы! Слезы и горе животъ неимѣющимъ помощи! Ей, ей, службу Божью отправляютъ на ржаныхъ просвирахъ. Не постыдился бы, свидѣтель ми Богъ, имѣяй Его ради ходить и просить милостыню: да никто не подаетъ и подать нечего. Лучше меня былъ въ Царѣградѣ гетманъ Висарій, и по Царьграду съ блюдечкомъ ходилъ и просилъ милостыни, говоря: азъ честь и слава Греческая—дайте гетману Висаріеви милостыню! Избенка дана мнѣ, другая червю сынишку моему, обѣ безъ печей; рукъ и ногъ во всю зиму не согрѣли, а иные дни бывали, мало что не замерзли, а отъ угару безпрестанно умирали, почали цынжать и не знаемъ, что будетъ». И тутъ еще Матвѣева держали за стражею. «Караульщики меня стерегутъ, чтобъ я не побѣжалъ, да бѣжать некуда и не отъ чего: совѣсть моя меня не судитъ и не грызетъ.» Но какъ писалъ Матвѣевъ къ Ю. А. Долгорукому, другу своему: «Дочасное есть время сіе и свѣтъ коловертится непрестанно: ни красная свѣта сего вѣчна, ни скорбная до конца,» Языковъ, «глубокій прежде Московскихъ площадныхъ, а потомъ дворянскихъ обхожденій проникатель (по словамъ Матвѣева), такую жестокую бразду, или удило въ зубы ихъ положилъ, что уже мало пріѣздомъ своимъ дворъ царскій зналъ и чинъ оружейничаго ему Языкову былъ отданъ.» Сюда пристали Апраксины. Юная Царица Марөа Матвѣевна и братья ея, Өедоръ и Петръ Матвѣевичи, «отъ преждебывшихъ наносовъ и безсоюзствъ, которыя до того времени у Царя

съ мачихою и братомъ его продолжались совѣты и тщаніемъ въ любезное согласіе привести». Матвѣевъ говоритъ еще о постельничемъ и стряпчемъ съ ключемъ, братьяхъ Лихачевыхъ, «особахъ великаго разума и благочестія исполненныхъ,» любимцахъ Θеодора. Въ 1680 г. Матвѣева перевели въ Мезень, городъ въ 376 верстахъ отъ Архангельска, при устьи Мезени. Въ Январѣ 1682 г. Царь велѣлъ возвратить Матвѣеву оставшіяся за раздачею деревни и пожаловалъ ему деревню верхній Ландехъ, въ Суздальскомъ уѣздѣ (выморочное помѣстье послѣ Пожарскаго, тогда поступившее въ казну), приказавъ до указа жить въ Лухѣ, Костромскомъ городѣ, близъ Юрьевца, въ 347 верстахъ отъ Москвы.

36. Симеонъ умеръ въ Августѣ 1680 г. Другъ и ученикъ его Сильверстъ Медвѣдевъ сочинилъ эпитафію, находящуюся на могилѣ его въ Заиконоспасскомъ монастырѣ въ Москвѣ, гдѣ исчисляя его труды говоритъ:

Учитель боздѣ токмо единъ таковый бывый,
Богословъ правый, церкве догматомъ учивый,
Мужъ благовѣрный, церкви и царству потребный...
Обаче и сего смерть отъ насъ похитила
Церковь и царство пользы велья лишила.

37. См. выше, прим. 27. Съ нимъ ѣздилъ стольникъ намѣстникъ Переяславскій В. М. Тяпкинъ. Договоръ заключенъ Января 3-го, 1681 года (1091 года эгиры), въ *золотопрестольномъ городѣ* Бахчисараѣ, на 20 лѣтъ (Собран. Зак. II, 290).

38. Вивл. Новик. XI, 192, Собр. Зак. II, 270, 331. Θеодоръ не былъ на похоронахъ супруги, «скорби ради.» Царица Агаθія была родная племянница думному дворянину Заборовскому.

39. Вивл. Новик. XI, 193; Собр. Зак. II, 379. Вѣнчаніе происходило безъ великолѣпія въ придворной церкви, въ среду передъ масляницею; вѣнчалъ царскій духовникъ. Родъ Апраксиныхъ происходилъ отъ Солохмира, выѣхавшаго изъ Золотой орды въ Рязань, гдѣ женился онъ на дочери Олега Рязанскаго, врага Димитрію Донскому. Они переѣхали въ Москву при Іоаннѣ III, но не были въ знати. Воевода Матвѣй Апраксинъ былъ убитъ Калмыками въ 1668 г., оставя сыновей: Петра, род. въ 1659 г., Θедора, род. въ 1661 г., Андрея и дочь Марθу. Братья были комнатными стольниками у царя Θеодора. Марθа отличалась умомъ и

красотою. Петръ Великій уважалъ ее, любя особенно Ѳедора Матвѣевича, въ послѣдствіи друга его и Адмирала. Царица Марѳа, и братья ея, одолженные возвышеніемъ Языкову, вскорѣ овладѣли умомъ Ѳеодора. См. выше отзывъ Матвѣева, прим. 35. Онъ говоритъ о царицѣ Марѳѣ: «отъ самой юности своей воспитаніемъ въ страсѣ Божьемъ и во всѣхъ добродѣтеляхъ христіанскихъ и благонравномъ цѣломудріи превосходящая была, паче многихъ сверстницъ своихъ (Истор. Зат. Матвѣева, стр. 405). См. Б. К. Дѣянія полк. П. В. I, 69, Слов. Знам. людей, I, 46; Берха, Царств. Ѳ. А. I, 90, и Зап. адм. Деп. IX, 293.

40. По кончинѣ Ѳеодора оставались боярами нижеслѣдующіе (списокъ ихъ, изд. В. Н. Берхомъ, весьма невѣрный, мы повѣрили подписями на Соборномъ Дѣяніи объ уничтоженіи мѣстничества, что происходило за три мѣсяца до кончины царя Ѳ. А. (Собр. Г. Г. IV, 407), и представляемъ по старшинству ихъ пожалованья: бояринъ царя Мих. Ѳеодоровича: *князь Ник. Ив. Одоевскій* (съ 1640 г.); бояре царя Алексѣя Михайловича: *князь Юрій Алекс. Долгорукій* (1649 г.), князь Григ. Сем. Куракинъ (1652 г.), князь Ив. Петр. Пронскій (1652 г.), Вас. Бор. Шереметевъ (1653 г.), *Петръ Вас. Шереметевъ* (1657 г.), Петръ Мих. Салтыковъ (1659 г.), *князь Иванъ Борис. Рѣпнинъ* (1660 г.), князь Иванъ Андр. Хованскій (1661 г.), *князь Яковъ Ник. Одоевскій* (1664 г.), князь Алексѣй Андреев. Голицынъ (1664 г.), князь Юрій Иван. Ромодановскій (1665 г.), *князь Григ. Григ. Ромодановскій* (1665 г.), *князь Мих. Юрьев. Долгорукій* (1671 г.), Кирило Полуехтовичъ Нарышкинъ (1673 г.); бояре при царѣ Ѳеодорѣ пожалованные: князь Вас. Вас. Голицынъ (1676 г.), *князь Петръ Сем. Урусовъ* (1676 г.), князь Юрій Мих. Одоевскій (1676 г.), князь Петръ Иван. Прозоровскій (1676 г.), Род. Матвѣев. Стрѣшневъ (1676 г.), Иванъ Ѳедор. большой Стрѣшневъ (1676 г.), Иванъ Богд. Хитрово (1676 г.), князь Сем. Андр. Хованскій (1677 г.), Вас. Сем. Волынскій (1677 г.), Иванъ Мих. Милославскій (1677 г.), князь Иванъ Петр. Баратинскій (1678 г.), князь Владим. Дмитр Долгорукій (1678 г.), *князь Мих. Алегуковичъ Черкаскій* (1678 г.), *князь Иванъ Борис. Троекуровъ* (1678 г.), князь Ѳед. Григ. Ромодановскій (1679 г.), Иванъ Вас. Бутурлинъ (1679 г.), *князь Мих. Григ. Ромодановскій* (1679 г.), князь Вас. Ѳед. Одоевскій (1679 г.), князь Петръ Сем. Прозоровскій (1679 г.), *князь Юрій Сем. Урусовъ* (1679 г.), *князь Ѳед. Сем. Урусовъ* (1680 г.), Иванъ Максим. Языковъ (1680 г.), Григорій Никиф. Собакинъ (1681 г.), князь Андрей Григор. Ромодановскій (1681 г.), князь *Иванъ Григор. Куракинъ* (1681 г.). Имена, напечатанные курсивомъ означаютъ тѣхъ, кого Матвѣевъ называетъ приверженцами царицы Наталіи, прибавляя къ нимъ

внепа; князя Мих. Яковл. Черкаскаго, князя Андрея Григ. Ромодановскаго, Алексѣя Семен. Шеина, князя Мих. Иван. Лыкова.

41. Слѣдуемъ запискѣ, которую нашелъ въ Посольскомъ архивѣ Миллеръ (Опытъ Труд. В. Р. С. V, 123). Въ Разрядномъ архивѣ находится напротивъ записка (ibidem, стр. 126), гдѣ о спросѣ у Іоанна и отказѣ его не упоминается, а говорится только, что Іоакимъ спрашивалъ у народа: кому быть преемникомъ престола? и народъ и бояре отвѣчали избраніемъ Петра. Тоже самое сокращенно помѣщено въ Собр. Г. Г. IV, 412, подъ именемъ воззванія патріаршаго къ народу, и перепечатано вполнѣ въ Вивл. Новик. XV, 283, и въ *Собр. Зак.* II, 384. Вѣримъ первому, потому что оно гораздо естественнѣе и простѣе, и что подтверждается потомъ въ Актѣ избранія Іоанна совокупно съ Петромъ Матвѣевъ не говоритъ подробностей, сказавши только: «избраніе единодушно укрѣпилъ минувше царевича І. А.,» и риторически уподобляетъ Петра геркулесу, который, «по исторьи Испанскаго ректора Соудеры,» давилъ змѣй въ колыбели, винограду и проч. (*Тум.* I, 114—118). Еще нелѣпѣе повѣсть въ Сказ. о рожд. П. В. (Тум. I, 261) и у Θеофана, гдѣ говорится: «Патріархъ Іоакимъ, минувъ большаго царевича І. А., избра царевича П. А.», какъ будто патріархъ могъ рѣшить столь важное дѣло! Кстати о нелѣпостяхъ: Сумароковъ взводитъ клевету на патріарха, ни на чемъ не основывая своего обвиненія, называетъ его участникомъ бунта Стрѣльцовъ, разсыпаясь въ возгласахъ (Соч. Сумарокова, VI, 206). Голиковъ (Т. 1, 13) вѣрилъ Сумарокову и прибавилъ очень добродушно: «Ежели сіе правда, то надобно, чтобъ онъ (патріархъ) къ сему привлеченъ былъ уже по избраніи на царство П. А. хитростями Царевны.»

42. Матвѣевъ (Тум. I, 115): «Люди раздвоились какъ отъ бояръ, такъ и отъ дворянства на двѣ партіи, то есть шайки. Отъ стороны царской, при томъ времени, для настоящаго бѣдъ опасенія и ради многихъ противныхъ случаевъ и приключившихся тогда мятежей, изъ многихъ именитыхъ родовъ пріѣхали въ Кремль, а именно, кравчій князь Борисъ Алексѣевичъ, и братъ его князь Иванъ Большой, называемый *Лбомъ*, Голицыны, князь Яковъ, князь Лука, князь Борисъ, князь Григорій Долгорукіе, и многіе иные, одѣвся въ панцыри, скрытно подъ платьемъ своимъ ихъ имѣли, и хотябъ до с мой смерти, стоять и непоколебимо подвизаться были намѣрены.

43. Вивл. Новик. XI, 211, Церковная записка; Опытъ Труд. В. Р. С. V, 137, Разрядная записка. Стража при могилѣ продолжалась по 40

дней, и каждый день состояла изъ болрина, окольничаго, думнаго дьяка и 10 стольниковъ.

44. Грам. на Донъ, съ стольникомъ Яновымъ, Собр. Зак. II, 392 (въ Москвѣ присягалъ Петру станичный атаманъ Пахомъ Сергѣевъ). Думн. дворян., намѣстникъ Курмышскій, Желябужскій приводилъ къ присягѣ Малороссію: его донесеніе Собр. Г. Г. IV, 433; образецъ присяги, стр. 435; универсалъ Самойловича, оригинальный по слогу, стр. 437, похвал. грамата Желябужскому, стр. 438.

45. Ист. о заточ. Матвѣева, стр. 409; опис. бунта А. Матвѣевымъ (Тум. I, 136).

46. Слич. разсказъ Матвѣева (Тум. I, 122—133), явно пристрастный, который необходимо повѣрять разсказомъ Медвѣдева, приверженца Софіи (Тум. VI, 54—84) и съ описаніемъ бунта В. Н. Берха, царств. Царя Ѳ. А. II, 23—74), извлеч. изъ Theatr. Europ. XII, 411, 450. Матвѣевъ молчитъ о причинѣ бунта, и Медвѣдевъ не говоритъ о ней. Еще зимою Стрѣльцы жаловались на полковника своего Пыжева; Ѳеодоръ велѣлъ разсмотрѣть дѣло Языкову, который обвинилъ Стрѣльцовъ и многихъ наказалъ. Апрѣля 23-го, видя близкую кончину Ѳеодора, по новой жалобѣ, онъ поступилъ иначе и велѣлъ посадить въ тюрьму на день полковника Семена Грибоѣдова (Тум. VI, 55).

47. Собр. Зак. II, 386.

48. «Царь съ матерью, поцѣловавъ мощи (тѣло Ѳеодора), изволилъ къ себѣ идти («и въ верхъ до ихъ государскихъ хоромъ провожалъ ихъ вел. господинъ патріархъ и проводя служили Бож. литургію)» Оп. Тр. В. Р. С. V, 140), «а царица Марѳа и *царевна Софія у литургіи и погребенія до конца были*» (Вивл. Нов. XI, 212).

49. Берхъ, Царств. царя Ѳ. А. II, 36. Стрѣльцы грозили казнить сами девятерыхъ полковниковъ, и добраться до измѣнниковъ, соблазняющихъ Царя, подали счеты поборамъ съ нихъ.

50. Медвѣдевъ (Тум. VI, 65).

51. Берхъ (царств. Царя Ѳ. А. II, 37), Медвѣдевъ (Тум. VI, 66—70) именуетъ 16 полковниковъ (т. е. головъ) стрѣлецкихъ: Семенъ Грибоѣдовъ,

Иванъ Полтевъ, Никита Колобовъ, Алексѣй Корондеевъ, Владиміръ Воробьинъ, Григорій Титовъ, Андрей Дохтуровъ, Павелъ Глѣбовъ, Никита Борисовъ, Матвѣй Вешняковъ, Иванъ Нелидовъ, Иванъ Щепинъ, Василій Перхуровъ, Александръ Танѣевъ, Иванъ Канищевъ, Кондратъ Кроме, и одного *генерала* (Матвѣя Кривгофа), приводя и царскій указъ (онъ помѣщенъ въ *Актахъ А. К* IV, 357). Но Берхъ говоритъ о 20 полковникахъ, и вопреки Медвѣдеву, будто нѣкоторыхъ Стрѣльцы простили, что наказаніе было жестоко, повторялось даже, и съ нѣкоторыхъ взыскали потомъ до 2,000 червонцовъ; неплатившихъ ставили на правежъ въ теченіи недѣли!

52. Объ опредѣленіи И. К. Нарышкина, Берхъ (Царств. Ц. Ѳ. А. II, 39), и что братъ его Аѳан. Кир. возведенъ былъ въ чинъ Крайчаго.

53. Евдокія Алексѣевна род. въ 1650 г., Марѳа въ 1652 г. (умерла монахинею въ 1707 г.) — Софья родилась въ Маѣ 1657 года. Три младшія: Екатерина, род. въ 1658 г., Марія въ 1660 г., Ѳеодосія въ 1662 г — О томъ, что сестры раздѣляли мнѣнія Софіи, доказательство, что Марѳа участвовала потомъ въ бунтѣ Стрѣльцовъ 1698 г., а Марія въ дѣлѣ царевича Алексія. Всѣ извѣстія согласны и въ красотѣ Софіи. Только одинъ Нейвилль (Rel. curieuse de Mosc. стр. 157) противорѣчитъ тому, и говоритъ, будто Софья была d'une grosseur monstrueuse, avec une tête large comme un boisseau, du poil au visage, des loups aux jambes, *et au moins quarante ans* — явная ложь, ибо и при сверженіи ея было ей только 30 лѣтъ. Мы имѣемъ современный портретъ Софіи: несмотря на грубую отдѣлку, видно лицо, похожее выраженіемъ на лицо Петра, не только не безобразное, но умное. Любопытно, что Софія изображена въ царской одеждѣ, съ короною, скипетромъ и державою. Вдали часть Кремля съ Иваномъ Великимъ. Кругомъ надпись: «Софья Алексѣевна, Божіею милостію, благочестив. и вседержавнѣйшая, великая государыня Царевна и вел. княжна, всея вел. и малыя, и бѣлыя Россіи самодержица, Московская, Кіевская, Володимерская, Новгородская, царевна Казанская, царевна Астраханская, царевна Сибирская, государыня Псковская и вел. княжна: Смоленская, Тверская, Югорская, Пермская, Вятская, Болгарская и иныхъ, государыня и вел. княжна: Новагорода Низовскихъ земель, Черниговская, Рязанская, Ростовская, Ярославская, Бѣлоозерская, Удорская, Обдорская, Кондинская, всея сѣв. страны повелительница и государыня Иверскія земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ царей и Кабардинскія земли, Черкескихъ и Горскихъ князей, и иныхъ многихъ государей и земель восточн. и западн. и сѣверныхъ отечественныхъ вѣличествъ го-

сударыня и наслѣдница и обладательница». Вокругъ символическія изображенія разума, цѣломудрія, правды, надежды божественной, благочестія, щедроты и великодушія. (Разумъ представленъ въ видѣ руки, держащей подсвѣчникъ со свѣчею, освѣщающею земной шаръ, а на рукѣ открытый глазъ). Двѣ славы въ верху; все обведено вѣнкомъ изъ лавровъ и маслинъ; внизу мечъ и лавровый вѣнокъ. Подъ портретомъ надпись въ стихахъ:

Какова въ царскомъ лицѣ премудрость сіяетъ,
Какова честь въ очесехъ и въ устѣхъ блистаетъ,
Та твоимъ, о Россія! царствомъ обѣщанна,
Отъ древнихъ дѣдовъ тебѣ защищать создання,
Та имени твоему крѣпкая защита,
Въ неяравней, варвару, землѣ знаменита,
Клятвопреступныхъ знаменъ полки преломивша
И неукрощаемыхъ сердца умягчивша.
Въ началѣ ея три Цари случились,
Съ Адріацкимъ львомъ въ крѣпки рати ополчились.
Благочестія надежда въ Божьей десницы,
Ту крайно прославляютъ дѣвическія лицы.
Правдодержанна, сердцемъ великожеланна,
И крѣпки рати въ поле вести не жотчанна,
Ибо ревнителенъ смыслъ и побѣдоносенъ,
Дарованьми своими зѣло чудоносенъ.
Великодушна тщанья мраморы являютъ,
Щедру руку зданые храмы прославляютъ.
Такова Семирамисъ у Ефрата жила,
Яжо въ вѣки памятно дѣло сотворила,
Елисавефъ Британска скипетродержаща,
Пулхерія таковымъ умомъ бѣ смыслаща.
Россіо! аще царствы многими почтенна
Предъ благочестивою еси умаленна!

54. О рожд. П. В. (Тум. I, 261—264).

55. Милославскій «якобы по причинѣ болѣзни, но больше для молвы въ народѣ, горячими отрубьми и кирпичами жегъ себя» (Матвѣевъ, Тум. I, 138). Ист. о Зат. Матвѣева, стр. 417.—Матвѣевъ называетъ сообщниками Милославскаго Александра Иванов. Милославскаго «злодѣйственнаго и самаго грубіана»; Ивана и Петра Толстыхъ «въ умѣ зѣло острыхъ и великаго пронырства и мрачнаго зла исполненныхъ, по всена-

родному пазвищу *шарпчиковъ*»; стрѣлецкаго полковника Ивана Циклера, «изъ плохихъ кормоваго иноземца», и Ивана Григор. Озерова, подполковника стремяннаго полка. Изъ Стрѣльцовъ были главными: Борисъ Одинцовъ, Абрасимъ Петровъ, Козьма Чериой.—Өедора Семенова, Малороссіянка, выдана была потомъ за Озерова. — Циклеръ, измѣнивъ потомъ Софіи, не избѣгъ однакожь казни и погибъ въ 1697 году. Петръ Толстой, стольникъ Өеодора, потомъ Іоанна, былъ вѣрнымъ слугою Петра Великаго и достигъ высшихъ почестей. Графъ Н. И. Панинъ разсказывалъ, что Петръ снялъ однажды парикъ съ Толстаго, потрепалъ его по головѣ и сказалъ: «Голова, голова! не будь ты такъ умна, давно бы я отрубить тебя велѣлъ!» (Зап. С. А. Порошина въ Вѣстн. Европы, 1810 года). Меншиковъ погубилъ Толстаго въ 1727 г. Онъ умеръ въ Соловецкомъ монастырѣ. Замѣчательно, что онъ не хотѣлъ оставить монастыря по низверженіи Меншикова, отрекся отъ чиновъ и постригся. Сынъ Матвѣева видѣлъ здѣсь дѣйствіе совѣсти и судъ Божій за смерть отца (Ист. Зат. Матвѣева, стр. 367). Шакловитаго увидимъ въ послѣдствіи важнымъ лицомъ.

56. О Сунбуловѣ Матвѣевъ (Тум. I, 118). Онъ былъ потомъ думнымъ дворяниномъ. Голиковъ (I, 13) сказываетъ, что потомъ Сунбуловъ постригся и былъ инокомъ въ Чудовѣ монастырѣ. Кажется, что онъ взялъ извѣстіе у Сумарокова, а равно и анекдотъ, что Сунбуловъ, бывши уже монахомъ, когда Петръ спросилъ его: «Для чего не нравился я тебѣ при выборѣ на царство?» отвѣчалъ: «Іуда, ученикъ Христа, продалъ его за 30 сребренниковъ, такъ диво ли, что я, мѣлкій дворянинъ, продавалъ тебя, государь, за боярство?»—«Отвѣтъ разумнаго и мерзкаго человѣка!» прибавляетъ Сумароковъ (Собр. Соч. VI, 195).

57. Медвѣдевъ (Тум. VI, 71) пишетъ, что бунтъ началъ полкъ Колобова; Матвѣевъ говоритъ, что полки Стремянной, Полтева и Жукова пристали послѣ всѣхъ (Тум. I, 131).

58. Матвѣева всюду встрѣчали съ торжествомъ. Въ Троицкой обители архимандритъ вышелъ къ нему на встрѣчу ко вратамъ обители, «и въ покояхъ келарскихъ, онъ преизобильнымъ столомъ всепочтенно удовольствованъ былъ.» Народъ встрѣчалъ его въ Братовщинѣ. Домъ свой нашелъ Матвѣевъ «до конца опустошенной.» Со слезами упалъ онъ къ ногамъ Наталіи, она плакала и всѣ окружавшіе ихъ. Іоакимъ, другъ Матвѣева, еще во время архимандритства своего въ Чудовѣ, «на многъ часъ откровенно въ келліи съ нимъ бесѣдовалъ,» князь Юрій Долгору-

кій не могъ посѣтить Матвѣева, «отъ своей погорбленной и весьма потружденной старости, уже параличною болѣзнію отягченный»; Матвѣевъ поспѣшилъ къ нему. «По прибытіи своемъ изъ семилѣтняго заточенія въ животѣ своемъ три благополучные дня онъ себѣ имѣлъ» (Ист. Зат. Матвѣева, стр. 409 — 420). Стрѣльцы, помня службу свою съ Матвѣевымъ, предостерегали его на дорогѣ, но онъ хотѣлъ умереть или спасти отечество (Матвѣевъ, Тум. I, 137).

59. Берхъ (Царств. Царя Ѳ. А. II, 41). Матвѣевъ (Тум. I, 144).

60. Матвѣевъ (Тум. I, 140, 141).

61. Голиковъ (т. I, 14); Медвѣдевъ (Тум. VI, 72); Матвѣевъ (Тум. I, 141). Сказ. о Рожд. П. В. (Тум. I, 264). Знаменскій монастырь основанъ былъ царемъ Михаиломъ, въ 1632 г., на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ прежде домъ Романовыхъ. Милославскіе строили въ немъ тогда главную церковь, нач. въ 1679 г. и оконч. въ 1683-мъ.

62. Матвѣевъ (Тум. I, 142).

63. Медвѣдевъ (Тум. VI, 72). «Извѣстно, что Медвѣдевъ былъ поэтъ,» говоритъ В. Н. Берхъ (Царст. Царя Ѳ. А. II, 74). Но о бурѣ сказано и въ Пов. о Рожд. П. В. (Тум. I, 265) и у Матвѣева (Тум. I, 148). Царевичъ Димитрій былъ убитъ въ Угличѣ 15 Мая, 1591 г.

64. Въ 1662 году, предводя Стрѣльцами, Матвѣевъ разогналъ тогда толпы народныя. «А во время случаевъ злыхъ, какъ былъ на Москвѣ, я холопъ твой, всегда къ унятью былъ починщикъ,» писалъ Матвѣевъ Ѳеодору (Ист. Заточ. Матвѣева, стр. 76).

65. Голиковъ (т. I, 15) несправедливо говоритъ, что Черкаскій былъ убитъ; см. Матвѣевъ (Тум. I, 146).

66. Г-нъ Терещенко пишетъ, что тогда съѣхались было защищать Царя въ панцыряхъ бояре, клянясь умереть, и проч., и исчисляетъ имена сихъ (Опытъ Жизни Сан. I, 108). Но онъ ошибкой переноситъ къ 15 Мая, что Матвѣевъ говоритъ о событіяхъ 28-го Апрѣля (Тум. I, 115). «Бояре и ближніе люди, и всякаго чина всѣ убоявшеся, начаша бѣжати и хоронитися, кто камо возможе,» говоритъ Медвѣдевъ (Тум. VI, 75). Полководецъ Ромодановскій бѣжалъ первый!

67. «Яко древнихъ пророкъ Захарія отъ Жидовъ, вѣрою и дѣломъ подобныхъ имъ (Стрѣльцамъ) между церковью и олтаремъ убіенъ бысть» (Матвѣевъ, Тум. I, 150).

68. Чигиринскій походъ при Өеодорѣ въ 1677 г., когда Ромодановскій храбро отбилъ Татаръ, и въ 1678 г., когда онъ испугался, отступилъ и едва не погубилъ войска. Первая война съ Турціею оставалась долго въ памяти. Даже при Кантемирѣ были еще старики, которые «дѣла Чигиринскаго сказуютъ похода» говоритъ онъ въ одной изъ сатирь своихъ. Ромодановскаго «ведуще за власы и за браду, зѣло ругательно терзаху и по лицу бивше, и противъ разряду поднявъ въ верхъ на копьяхъ, опустивъ на землю, всего изрубили» (Медвѣдевъ, Тум. VI, 76). Полковнику Горюшкину велѣно было запереть Кремль.

69. Ларіонъ Ивановъ былъ важнымъ лицомъ при Дворѣ, управляя съ 1676 года; съ 1671 г. онъ былъ въ Стрѣлецкомъ Приказѣ (Вивл. Нов. XX, 370). Дьякъ Василій Ивановъ былъ сынъ его. Хованскій женился потомъ насильно на вдовѣ Ларіона. — Гаденъ былъ уже и прежде обвиняемъ въ колдовствѣ съ Матвѣевымъ и отравленіи Өеодора. Онъ былъ Жидъ, урожденецъ Польскій, принялъ сперва католическую, потомъ лютеранскую и наконецъ Русскую вѣру, выѣхавъ въ Россію цирюльникомъ въ 1657 году. Онъ едва не погибъ, когда совѣтовалъ плѣнному Поляку принимать креморъ-тартари; слыша нѣсколько разъ сіи слова, Рускіе, бывшіе притомъ, подумали, что докторъ говоритъ о Крымскихъ Татарахъ, и донесли Царю. Алексій любилъ его и произвелъ въ доктора и далъ ему грамату, гдѣ говоритъ, что онъ «дохтурской чести достоинъ и во всемъ человѣкъ потребной.» Гаденъ получалъ по 150 рублей въ мѣсяцъ жалованья, кромѣ 50 рублей на квартиру (Ист. Мед. Рихтера, т. II, 260—265, и приб. 47-е).

70. Въ просьбѣ Стрѣльцовъ (Акты А. К. IV, 359): «У него Ларіона взяты гадины, змѣинымъ подобьемъ.... А сына Василья убили за то, что онъ, вѣдая у отца своего злыя отравныя гадины, въ народъ не объявлялъ»....

71. Убитый юноша Өедоръ Салтыковъ былъ сынъ боярина Петра Михайловича (Медвѣдевъ, Тум. VI, 75). Стрѣльцы оправдывались, что его подставили имъ Долгорукіе. Повѣря тому и разсказывая, (князь Юрій Алекс. былъ въ Кремлѣ, хоть онъ лежалъ дома больной), Берхъ находитъ въ выборѣ родственницы его въ супруги Іоанну «неисповѣдимую волю

Провидѣнія, назначившею его невинною жертвою злобы и коварства, и возведшею семейство его на высшую степень величія» (Царств. Царя Ѳ. А. II, 71)!

72. Матвѣевъ (Тум. I, 153). Онъ говоритъ, что и сынъ Ромодановскаго, Андрей, былъ убитъ, но кажется, тутъ ошибка.—Датскій резидентъ описываетъ, какъ Стрѣльцы приходили къ нему искать Гадена, увезли его самого въ Кремль, гдѣ Софія и Хованскій спасли его. Онъ видѣлъ какъ убили полковника Дохтурова, влачили трупы убитыхъ, и принужденъ былъ дать Стрѣльцамъ по полтинѣ и напоить ихъ, но они еще два раза приходили для обыска (Берхъ, Царств. Царя Ѳ. А. II, 56—63).

73. «День сей ужасный и плачевный склонися къ вечеру, и нощь бѣ ужасна, вси ожидающи смертнаго часа», Сказаніе о Рожд. П. В. (Тум. I, 270).

74. Матвѣевъ говоритъ, что Стрѣльцовъ было 9 полковъ, 14,198 человѣкъ (Тум. I, 127).

75. Языковъ убитъ въ домѣ его на Никитской, говоритъ Д. Н. Языковъ (Берхъ, Ист. Царя Ѳ. А. II, 112). Медвѣдевъ пишетъ, что онъ прятался въ чьемъ-то домѣ (Тум. VI, 77). Мы слѣдовали подробному разсказу Матвѣева (Тум. I, 163), который говоритъ, что Языковъ укрывался въ домѣ духовника своего, священника въ церкви Николы въ Хлыновѣ. Тамъ увидѣлъ его одинъ изъ холоповъ; напрасно Языковъ снялъ съ руки и подарилъ ему дорогой перстень. Измѣнникъ открылъ убѣжище его.

76. Берхъ называетъ сего Нарышкина Василіемъ Филимоновичемъ. О Гутменшѣ и женѣ и сынѣ Гадена (онъ былъ уже стольникъ), см Берха (царств. Царя Ѳ. А. II, 46—49), и Матвѣева (Тум. I, 164), который говоритъ, что домъ Гутменша былъ на Поганомъ Прудѣ, что нынѣ называется Чистый.

77. «Они (Стрѣльцы) уже (17-го Мая) съ такою запальчивостію безстудно, звѣрскою яростью, воспленася, въ рубашкахъ (то есть, спустивъ съ одного плеча одежду), съ бердыши и копьи, подъ непрестаннымъ большаго Кремлевскаго набата звукомъ и съ барабаннымъ боемъ пришли, и большая часть въ безчеловѣчномъ чрезмѣрнаго пьянства шумствѣ, даже до самаго ближняго къ царскимъ палатамъ

крыльца золотыя рѣшетки.... и въ Кремлѣ нападши на Холопій Приказъ, сундукъ разломавъ и замки отбивъ, записныя книги изодрали.... ходя по улицамъ кричали, что всѣмъ слугамъ боярскимъ дана полная воля» (Матвѣевъ, Тум. I, 158, 167), тожь Медвѣдевъ (Тум. VI, 78). Согласны всѣ извѣстія, что холопи не приняли участія въ бунтѣ и о вольности «слышать не хотѣли, и Стрѣльцамъ воспрещали съ грозою: лежать будетъ вашимъ головамъ на площади; до чего добунтуете? Русская земля велика; вамъ не совладѣть».... «И вскорѣ холопи начаша вооружаться на Стрѣльцовъ, и число ихъ было тогда въ Москвѣ вдвое противъ числа Стрѣльцовъ, и чернь склонилась на Стрѣльцовъ, и ожидала помощи отъ людей боярскихъ, а люди боярскіе отъ господъ .. и Стрѣльцы говорили холопамъ: «не препятствуйте намъ, а мы васъ свободными учинимъ». Сказ. о Рожд. П. В. (Тум. I, 275).

78. Медвѣдевъ: «Богъ премудрый, аще иногда родъ человѣчь наказуетъ, но и милостью не оставляетъ.... воздвиже сестру его благор. Царевну и В. К. Софію Алексѣевну и даде чудный смыслъ.... оныхъ Стрѣльцовъ мудрыми и благоувѣтливыми словами уговариваюше страховъ и всполоховъ и обидъ не творить,» и проч. (Тум. VI, 83). «Тогда Софія открыла свое дѣйствіе явно, и сама пришла къ царицѣ Наталіи Кириловнѣ,» и проч. Сказ. о Рожд. П. В. (Тум. I, 272). Матвѣевъ: «И въ тотъ часъ не укрывся, въ первые публично себя оказала, остро Е. В. Государынѣ Царицѣ сказавъ», и проч. (Тум. I, 159).

79. Вотъ одно важное обстоятельство: сохранились серебряныя копѣйки, съ надписью: Царь и Вел. Князь Іоаннъ Алексѣевичъ. Вѣроятно, ихъ выбили тайно, приготовляясь къ бунту. Голиковъ пишетъ, что Стрѣльцы приставляли оружіе къ сердцу Петра, но онъ ссылается — на поэму Ломоносова (т. I, 15).

80. Матвѣевъ (Тум. I, 155 — 161). Софія увѣряла, что Стрѣльцы пощадятъ Нарышкина, «но въ томъ глубокая происходила политика Италіянская, ибо они иное говорятъ, другое же думаютъ и дѣломъ исполняютъ»....

81. «Государыня Царевна! во истину не боюся, на смерть свою иду, токмо чтобъ моею невинною кровью всѣ тѣ великія кровопролитія до конца прекратятся!» Матвѣевъ (Тум. I, 160).

82. Объ Одоевскомъ, Матвѣевъ: «Бояринъ честный, старый мужъ, но

природѣ своей гораздо боязливый и весьма торопкій человѣкъ» (Тум. I, 161).

83. Берхъ (Ист. Царя Ѳ. А. II, 50); Матвѣевъ (Тум. I, 164): «того доктора Даніила поймавъ въ *немчинскомъ* (т. е. нищенскомъ) самомъ платьи»....

84. Стрѣльцы не дождались даже признаній Гадена и разтерзали его, такъ, что разорванный желудокъ метали по площади (Берхъ, Царств. Царя Ѳ. А. II, 53). Медвѣдевъ: «биша въ три кнута и огнемъ жгоша» (Тум. VI, 80).

85. Медвѣдевъ говоритъ, что его постригалъ Чудовскій архимандритъ Адріанъ (Тум. I, 81). Матвѣевъ: «И отосланъ на Бѣло-озеро въ Кирилловъ монастырь, подъ крѣпкое начало» (Тум. I, 171). Но онъ не умеръ въ ссылкѣ, какъ увидимъ далѣе, и какъ ошибочно было сказано въ отрывкѣ изъ нашей исторіи, помѣщ. въ Сынѣ Отечества (1838 г., ч. I, стр. 46).

86. Медвѣдевъ (Тум. VI, 84). «И кто бы тогда на оное плачевное позорище пшедъ, идѣже трупія такихъ въ Государствѣ лежаше славныхъ мужей отнюдь и ближайшими своими съ родичи непознаваемы, зане не токмо плоти, но и кости ихъ изсѣченныя, съ перстію смѣшанныя, узрѣвъ, не воспріялъ плача, и его словесъ, якоже плача Іерусалима Пророкъ Іеремія? И кто сей? или оный? (изъ побитыхъ) познати было невозможно.»

87. Матвѣевъ (Тум. I, 167); Терещенко (Обозр. Жизни Сан. I, 111). Церковь Николы въ Столпахъ, между Мясницкой и Покровкой, въ Армянскомъ переулкѣ. До 1821 г. стояла тамъ въ оградѣ старинная палатка, гдѣ погребены Матвѣевъ, жена его Евдокія Григорьевна (умерш. въ 1672 г.), сынъ его Андрей Артамонов., ум. въ 1728 г., супруга его, ум. въ 1699 г. и какъ говорили и слуга Арапъ. Въ 1821 г. сломали палатку, и графъ Н. П. Румянцовъ, потомокъ Матвѣева по матери, построилъ вмѣсто нея какой-то Италіянскій храмикъ. При входѣ его положено поставить статуи, но поставлены только пьедесталы для нихъ (Отеч. Зап. П. П. Свиньина, VII, 366). На томъ же погостѣ былъ погребенъ и Милославскій.

88. Подробности споровъ и дѣлъ Софіи послѣ бунта у Медвѣдева

(Тум. V, 203—213). Слич. Матвѣева (Тум. I, 168). Оффиціяльное объявленіе о выборѣ Іоанна съ Петромъ совмѣстно, см. далѣе, прим. 90.

89. «И Государыни Царевны изволили говорить: дай Боже смиреніе, а тому-де быти мочно».... И онъ государь противъ тѣхъ словъ изволилъ говорить: «Желаніемъ-де того, чтобъ быть ему Государемъ Царемъ первымъ не желаетъ».... И Государыни Царевны противъ того говорили: «Въ томъ де воля Божія есть и впредь будетъ, и они-де выборные не собою то говорятъ, но Богомъ они въ томъ наставляемы».... (Тум. V, 209, 210).

90. Актъ о восшествіи Петра и Іоанна, писанный уже 29-го Мая, въ Собр. Г. Г. IV, 441 и въ Собр. Зак. II, 398. Объявленіе рѣшенія думы патріарха и бояръ, Тум. VI, 211.

91. Собр. Г. Г. IV, 444.

92. Ibidem, стр. 444. «И по своей Государской, богоподражаемой ревности и милосердому нраву, изволила всякія государственныя дѣла управляти своимъ Государскимъ, Богомъ дарованнымъ высокимъ разсужденіемъ, и указала боярамъ и окольничимъ, и думнымъ людямъ видать всегда свои государскіе пресвѣтлые очи, и о всякихъ государственныхъ дѣлѣхъ докладывать себѣ, и за дѣлами изволила она сидѣть съ бояры въ полатѣ.»

93. Ibidem, стр. 445. «Для совершеннаго въ государственномъ правленіи укрѣпленія и во всякихъ дѣлахъ постоянныя крѣпости, изволила писать свое В. Г. имя по нижеобъявленному написанію: «Вел. Государи, Цари и Вел. Князи Іоаннъ Алексѣевичь, Петръ Алексѣевичь, всея Вел. и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержцы, и сестра ихъ Вел. Государыня, благородная Царевна и Вел. Княжна Софія Алексѣевна, всея Вел. и Малыя и Бѣлыя Россіи указала, и бояре приговорили.»—Прежде того было толкованіе, какъ писать имена царей: «Отъ Царя и Вел. Князя Іоанна Алексѣевича, всея Вел. и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца и отъ Царя и Вел. Князя Петра Алексѣевича, всея Вел. и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца;» или: «отъ Царей и Вел. Князей Іоанна и Петра Алексѣевичей, всея Вел. и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержцевъ.» Или: «Отъ Царей и Вел. Князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всея Вел. и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержцевъ?» Утвержденъ третій образецъ. Первая грамата, Мая 26-го, послана съ такимъ титуломъ къ Желябужскому, приводившему къ присягѣ Малороссію. Ему велѣно оста-

новится и къ Москвѣ не ѣхать до царскаго указа, т. е. пока совершится новая присяга обоимъ царямъ (Собр. Г. Г. IV, 440).

94. Иностранные гости въ Москвѣ приведены къ присягѣ пасторомъ Александромъ Юнхомъ (Юнгомъ?), который прибавилъ отъ себя слова: «Такъ мнѣ Богъ и его Св. Евангеліе помози къ вѣчному спасенію и къ спасительной вѣчности» (по сказкѣ переводчика прибавилъ то пасторъ). Переводчикъ былъ Посол. Приказа Аглинскаго языка переводчикъ Андрей Юрьевъ Крефтъ; подписали: Томасъ Кельдерманъ, Иванъ Марсовъ (Марселіусъ), двое Вестовыхъ (West?), Собр. Г.Г. IV, 441. — Желябужскій привелъ къ новой присягѣ гетмана Самойловича, Іюня 14 (Собр. Г. Г. IV, 450). Въ присягу включены слова: «Буде въ чемъ не сдержимъ, или преступить помыслимъ, да казнитъ насъ Богъ на душахъ и тѣлесахъ, и дѣтей, и наслѣдниковъ нашихъ, нынѣ и въ предбудущіе вѣки». — Но еще прежде Самойловичъ услышалъ о перемѣнѣ, не дожидаясь указа, «предваряя Польское навѣтствованіе и разные непристойные поголоски,» присягалъ передъ полковникомъ стрѣлецкимъ Лупандинымъ. Цари благодарили гетмана, приказывая быть осторожнымъ противъ Татаръ и Поляковъ («съ Польской стороны, какъ прежъ сего ничего добраго не походило, а особно на Малую Россію много паче нынѣ является»), сносился съ Леонтьемъ Неплюевымъ, и объявилъ награду Стрѣльцамъ (Собр. Г. Г. IV, 443). Донцовъ извѣщали, что хотя и учинился было Царемъ Петръ Алексѣевичъ, но потомъ по общей просьбѣ учинилися на престолѣ Іоаннъ и Петръ. Присягу ихъ принималъ стольникъ Головнинъ (Собр. Г. Г. IV, 432). — Послѣ коронованія Цари подтвердили Самойловичу права его (Собр. Г. Г. IV, 455) большою граматою, на среднемъ листѣ (большія руки въ Посольскомъ Приказѣ бумаги не было), съ большою печатью, въ серебряномъ позолоченномъ футлярѣ (ковчегѣ), съ золотымъ шнуромъ (и заставицы, и каймы, и около каймы древка и вел. Государей титло по *Московскіе*, и у *Московскіе* мыслете, и гдѣ молвили: *пожаловали*, покой, а у оборота *иже* писано золотомъ, а заставица, и каймы и древко золотомъ и серебромъ съ чернью и разцвѣчено красками). — Въ граматахъ къ духовенству о присягѣ, писано, что послѣ смерти Ѳеодора «Патріархъ благословилъ на царство» Іоанна и Петра. Ни о выборѣ, ни о прежней присягѣ Петру не упоминалось. На ектеніяхъ велѣно говорить. «О благочестивѣйшемъ государѣ нашемъ Царѣ и вел. князѣ Іоаннѣ Алексѣевичѣ, и о благочестивѣйшемъ государѣ нашемъ, Царѣ и вел. князѣ П. А. и о благовѣрныхъ Царицахъ, и о благородныхъ Царевнахъ, и всей палатѣ и воехъ ихъ» (Акты Арх. Комм. IV, 367). Въ граматахъ къ воеводамъ писали, «что по волѣ всемогущаго Творца, славимаго Бога, и по

нашему обоихъ вел. государей общему совѣту и согласію, и по упрошенію о Святѣмъ Дусѣ отца нашего и богомольца вел. господина святѣйшаго Патріарха (и проч.) на прародительскомъ великаго и преславнаго Россійскаго царствія престолѣ учинилися и державу воспріяли мы вел. государи, цари и вел. князи І. А. и П. А.» (Собр. Зак. II, 448). Посланнаго съ царскою граматою въ Чердынь и Пермь, стольника Караваева, на Волгѣ ограбили разбойники (воровскіе люди, человѣкъ съ 30, съ ружьемъ), отняли деньги, платье, граматы (Собр. Зак. II, 419).

95. Князь Андрей Ивановичъ былъ сынъ князя Ивана; въ окольничіе изъ комнатныхъ стольниковъ произведенъ Ларіонъ Семен. Милославскій, а изъ думныхъ дворянъ любимецъ Голицына, Венедиктъ Андреев. Зміевъ; въ думные дворяне изъ комн. стольниковъ Петръ Хитрово.

96. Съ нѣкоторыми измѣненіями, рѣчь при коронованіи Царей была нѣчто оффиціяльное и утвержденной. Здѣсь произнесли ее въ послѣдній разъ, ибо коронованіе Іоанна и Петра по старинному уставу было послѣднее. См. ее вполнѣ, а равно и другія рѣчи, говоренныя тогда по уставу патріархомъ въ Собр. Зак. II, 412—439.

97. «А тотъ дискосъ и потиръ изъ Рима, повелѣніемъ Божіимъ, водами пришлы въ великій Новгородъ, при св. Антоніи Римлянинѣ, еще ему живу сущу.» Драгоцѣнность сія, донынѣ сохраняемая въ ризницѣ Успенскаго собора, привезена изъ Новгорода при Іоаннѣ IV-мъ; по преданію ее вывезъ изъ Рима св. Антоній, основатель Новгородскаго Антоніева монастыря, въ XII вѣкѣ. О чудесахъ прибытія св. Антонія и драгоцѣнностяхъ, имъ вывезенныхъ, см. Прологъ, подъ 3-мъ Августа, и Словарь Святыхъ, Спб. 1836 г., стр. 32.

98. Вивл. Новикова, VII, 477—484. Въ окольничіе пожалованы были Тихонъ Никит. Стрѣшневъ, Василій Нарбековъ, Андрей Вас. Толстой, Богданъ Палабинъ, Алексѣй Прокоп. Соковнинъ; въ думные дворяне: Абрамъ Хитрово, Василій Зміевъ, и генералъ Аггей Шепелевъ.

99. Москва поручена была на время отсутствія царей, князю И. А. Хованскому и боярину Мих. Лав. Плещееву. Въ свитѣ Царей было 20 бояръ, кравчіе (князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ и князь Алексѣй Петр. Прозоровскій), 5 окольничихъ, казначей (дьякъ Толочановъ), 2 думные дворянина, 2 думные дьяка.

100. Акты Арх. Комм. Т. IV, 338. Просьба подана была отъ имени не однихъ Стрѣльцовъ, но и жителей Москвы: «Бьютъ челомъ холопи ваши, пятидесятники и десятники, и рядовые солдаты всѣхъ полковъ, и пушкари и затинщики, и гости, и сотенныя разныхъ сотенъ, и Кадашевцы, и дворцовой и конюшенной слободы, и сироты ваши посадскіе люди, и холопи ваши ямщики всѣхъ слободъ.»

101. Рѣшеніе Царей, Акты Археогр. Комм. IV, 361. Имя Софіи не упоминается.

102. Idem, Матвѣевъ, Крекшинъ, Медвѣдевъ (Тум. I, 176, 276, VI, 83). Стрѣльцамъ, бывшимъ въ Малороссіи, выдана одинаковая съ Московскими награда (Собр. Г. Г. IV, 449).

103. Крекшинъ (Сахар. 39) и Медвѣдевъ: «А тѣ взятыя деньги едва ли кто у себя изъ Стрѣльцовъ оставилъ, но на питьяхъ по кружаламъ и по погребамъ извуриши зѣло, яко пси сквернін.» — Для поминовенія души Θеодора и Алексія, съ Псковичей и Новгородцовъ не велѣно взыскивать за переселившихся Кореловъ 157,062 р. 7 к. (Собр. Зак, II, 459).

104. Матвѣевъ (Сахар. 35). Лихачевы и Языковы возвращены въ послѣдствіи. Нарышкины также черезъ нѣсколько лѣтъ явились опять при дворѣ Наталіи, но не имѣли мѣстъ государственныхъ.

105. Милославскій былъ начальникомъ Приказовъ Большой Казны, Большаго Прихода, Вологодской четверти, Галицкой четверти, Иноземнаго и другихъ (Вивл. Нов. т. XX).—Князья Хованскіе происходили отъ Гедимина, по Θедору Патрикеевичу, брату Юрія Патрикеевича, женатаго на сестрѣ Василія Темнаго. Ихъ было трое: Григорій, *Иванъ* и Семенъ; дѣти Ивана, прозваннаго *Тарaруемъ*, были князья: Петръ, Василій, *Андрей* и Иванъ. Хованскій И. А. былъ плохой полководецъ, а сынъ его Андрей, по словамъ Матвѣева, «самомнительный человѣкъ, токмо по фамиліи своей княжеской всякаго властолюбія суетнаго желалъ и высокоумно безосновательную голову имѣлъ.» Онъ уподобляетъ ихъ кошкѣ, вынимавшей каштаны («нѣкотораго рода плодъ меньше Грецкаго орѣха, вкусомъ гороховый») для обезьяны. «Такъ Милославскій, людей тѣхъ безразсудливыхъ, какъ обезьяна въ свои лукавыя руки, яко кошекъ помкнулъ» (Сахар. стр. 37). Увидимъ далѣе, что Хованскій былъ раскольникъ.

106. Родъ Голицыныхъ происходилъ отъ Гедимина, по князю Михаилу Булгакову-Голицѣ, котораго при Василіи разбилъ подъ Оршею князь Острожскій, и который потомъ 38 лѣтъ былъ въ плѣну Польскомъ. Князь Василій Андреевичъ, отецъ любимца Софіи, умершій въ 1652 г., былъ двоюродный внукъ Голицына, столь извѣстнаго во времена междоцарствія, и умершаго въ Польшѣ. У него было трое братьевъ: князья Иванъ, Алексѣй и Михайло Андреевичи (см. прим. 166).

107. Князь Вас. Вас. родился въ 1643 году. Знатный, но бѣдный царедворецъ, онъ умѣлъ пріобрѣсть любовь царя Θеодора, получилъ боярство на 33 году, способствовалъ, если не далъ даже самую мысль уничтожить мѣстничество, открывая себѣ дорогу между почетными людьми, храбро сражался въ Малороссіи, былъ другомъ Софіи еще при жизни Θеодора и руководствовалъ ея замыслами, хитро уклонился отъ участія въ бунтѣ Стрѣльцовъ, хотя на другой день получилъ званіе *Оберегателя* Приказа царственныя печати и государственныхъ посольскихъ дѣлъ. Онъ зналъ по Гречески и говорилъ по Латински; былъ женатъ на княжнѣ Евд. Иван. Стрѣшневой, а потомъ на Θед. Вас. Долгорукой. Сестры его были за княземъ Мих. Юрьев. Долгорукимъ, убитымъ Стрѣльцами, и за княземъ Юріемъ Петр. Трубецкимъ Сынъ князя В. В., Алексѣй, родился въ 1665 г.—Объ отношеніяхъ Голицына къ Софіи говорятъ, Ланевиль, Rel, cur., Шлейссингъ (Czaaren in Russland), Рабенеръ, (Leben Peters Ersten). На современномъ портретѣ Голицына, онъ изображенъ красивымъ, виднымъ мужчиною. Подъ портретомъ стихи, сочиненные, какъ говорятъ Софіею, къ гербу Голицыныхъ (онъ изображаетъ всадника, скачущаго на конѣ):

Камо бѣжиши, воине избранный,
Многажды славне честію вѣнчанный?
Трудовъ сицевыхъ и воинской брани,
Вѣчно ты, славы дателю, престани.
Не ты, но образъ князя преславнаго
Во всякихъ страпахъ, здѣсь начертаннаго,
Отнынѣ будетъ славою сіяти,
Честь Голицыновъ вездѣ прославляти.

См. Малиновскаго (Труды Общ. Ист. VII, 68, 85), Терещенко (Обозр. жизни сановн. I, 129—180), Вивл. Нов. XVII, 205 и слѣд.

108. Вестфальскій миръ былъ заключенъ въ Минстерѣ и Оснабрикѣ, въ 1648 г. Франція пріобрѣла тогда Эльзасъ, Швеція Померанію, Рю-

генъ, Висмаръ, Бременъ и Верденъ, Бранденбургія Магдебургъ, Галберштадтъ, Каминъ и Минденъ. Пиренейскій миръ доставилъ Франціи Руссильонъ (въ 1659 г.)

109. См. выше прим. 4.

110. См. выше прим. 16.

111. Междоусобія двухъ отраслей Датскихъ весьма важно для насъ, ибо отъ него произошли вражда Даніи съ Швеціею и обширные политическіе вопросы въ царствованіе Петра и его преемниковъ, до акта, коимъ вел. князь Павелъ Петровичъ кончилъ распри за наслѣдіе (въ 1773 году). Знаменитый домъ герцоговъ Голштейнскихъ, родоначальникъ, по мужескому колѣну Королевскихъ Датскаго, Шведскаго и Императорскаго Россійскаго домовъ, произошелъ отъ графа Адольфа Шауембургскаго, получившаго инвеституру на Голштинію въ 1030 г. Потомокъ его, Фридрихъ Миротворитель избранъ былъ въ Датскіе короли въ 1523 г. — Сынъ его Христіанъ III-й, послѣ смерти дяди (герцога Іоанна въ 1580 г.) заключилъ странный договоръ съ братомъ его, другимъ дядею своимъ, Адольфомъ Фридерикомъ, родоначальникомъ новаго Голштейнскаго дома, по которому Данія имѣла право власти въ Голштиніи наравнѣ съ ея герцогомъ, такъ, что половина каждой области Голштейнской принадлежала Датскому королю. Отсюда возникали безпрерывныя междоусобія. Герцогъ Христіанъ Албертъ, сестра котораго Гедвига была за Шведскимъ королемъ Карломъ X-мъ, утвердилъ свои права въ 1689 г. Алтонскимъ договоромъ, при посредничествѣ Швеціи, Англіи и Голландіи. Онъ умеръ въ 1695 г. — Сынъ его Фридрихъ имѣлъ супругою Гедвигу, сестру Карла XII-го, и находилъ покровительство и пособіе въ Швеціи. Увидимъ далѣе, что причиною участія Даніи въ сѣверной войнѣ было уничтоженіе Голштейнскихъ герцоговъ, которымъ Провидѣніе предопредѣляло участь столь блестящую и великую: сынъ Фридриха, оставленный Швеціею и гонимый Даніею, сдѣлался зятемъ Петра Великаго, а двоюродный внукъ его Адольфъ-Фридрихъ Королемъ Швеціи, по пресѣченіи дома Вазы и отрасли его рода, герцоговъ Цвейбрикскихъ, въ особѣ Карла XII-го и сестры его Ульрихи Элеоноры, бывшей въ супружествѣ за Фридрихомъ, герцогомъ Гессенъ-Кассельскимъ, и скончавшейся бездѣтною.

112. См. выше, прим. 27.

113. См. вступленіе, гдѣ говорится объ отношеніяхъ Султановъ къ Крымскимъ ханамъ.

114. Стремленіе Франціи возвести на Польскій престолъ Французскаго принца, началось съ пресѣченіемъ рода Ягеллоновъ, когда на престолъ Польскій избранъ былъ Генрихъ Валуа, бѣжалъ изъ Польши, и мѣсто его заступилъ Стефанъ Баторій (1576 г.). По пресѣченіи дома Вазы (въ 1669 г.) претендентомъ явился принцъ Конде; увидимъ далѣе племянника его въ числѣ кандидатовъ на престолъ Польскій послѣ смерти Собіескаго.

115. Тум. т. IV, грам. Собіескаго, 1682 г. Сент. 8 (стр 7, 12). Грам. Карла II-го, 1683 г. Ноября 24 (стр. 38). Грам. Имп. Леопольда, 1682 г. Ноября 3 (стр. 23): quae acerbiora Divinitus immituntur, aequo ferenda sunt animo, quod a coelesti benignaque, manu profiviscuntur, Nosque subinde vicissitudinis humanae memores esse jubeant, и проч. Грам. султана Мугаммеда IV, 1682 г. Ноября 15, (1093 года эгиры, мѣс. Жильхаджа) (стр. 29). Грам. визиря Мустафы, 1682 г. Ноября 15 (стр. 33). Грам. султана, 1682 г. изъ Адріанополя (стр. 45). Грам. Штатовъ и Вильгельма Оранскаго, 1682 г. Окт. 27-го и Ноября 1-го (стр. 17, 19). Грам. Шведск. короля, 1682, Сент. 28 (стр. 9), присланная съ Христоф. Кохомъ, отъ 7 Ноября 1682 г. (стр. 27).

116. О старовѣрствѣ Хованскаго, Матвѣева, Крекшина, Медвѣдевъ (Сахар. 37, 41, 17). Аввакумъ былъ священникъ Казанскаго собора въ Москвѣ, разстриженъ за зловѣріе и сосланъ въ Пустозерскъ. См. Розыскъ Димитрія Ростовскаго. Капитонъ началъ ересь въ Сибири, съ Армяниномъ Астоминымъ, Авраамомъ Венгерцомъ и другими (см. Андрея Іоаннова, Ист. извѣстіе о стригольникахъ и раскольникахъ, ч. I, стр. 56, и слѣд.)

117. Медвѣдевъ (Сахар. 19).

118. Описаніе пренія съ раскольниками у Медвѣдева (Сахар. стр. 19 — 30). Матвѣевъ говоритъ кратко (Сахар. 39, 40). См. еще Увѣтъ Духовный Іоакима, который называетъ сообщниковъ Никиты «по мірскимъ дворамъ волочащимися и по монастырямъ бродящими черцами волочагами, невѣждами мірянами, неуками, худыми людьми, ярыжками, съ кабаковъ пропойцами»; Розыскъ Дим. Ростовскаго; Посланія митрополита Игнатія (отрывки у Сахарова, стр. 83 и далѣе стр. 57). Слово Іоакима, Вивл. Новик. XV, стр. 241 и слѣд. — Крекшинъ (Сахар. стр. 43) раз-

сказываетъ нелѣпую сказку, что Цари присутствовали на соборѣ; что раскольники били архіепископа Аѳанасія; что Іоаннъ, испугавшись, убѣжалъ, а Петръ снялъ съ головы царскій вѣнецъ, указалъ на него, возбудилъ смѣлость Бояръ и Стрѣльцовъ, которые бросились на Никиту и связали его, послѣ чего все духовенство упало къ ногамъ Царя и благодарило его. Кто-то изобразилъ сіе небывалое событіе въ огромномъ эстампѣ. Матвѣевъ упоминаетъ (Сахар. 41), что Цари были въ Гранов. Палатѣ и ушли съ гнѣвомъ; что Никиту поразилъ дьяволъ и повергъ на землю при выходѣ изъ Кремля, и что его казнили на болотѣ—явныя нелѣпости. Голиковъ внесъ разсказъ Матвѣева и Крекшина въ исторію (т. I, стр. 18 и 182).

119. Матвѣевъ (Сахар. стр. 41), Крекшинъ (Сах. стр. 44).

120. Матвѣевъ (Сах. стр. 42). Г-нъ Терещенко говоритъ, что Андрей Хованскій требовалъ руки царевны Екатерины, и Софія соглашалась, даже назначила день. Онъ ссылается на Медвѣдева и на Вилліамса, The rise, progress and pres. state of north. govern., но тамъ нѣтъ о томъ ни слова. Не лучше ли сослаться на трагедію Раупаха? Но тамъ въ Хованскаго влюблена сама Софія, и играетъ роль Елисаветы, предоставляя Хованскому роль Эссекса.

121. Матвѣевъ (Сахар. стр. 41). См. далѣе приговоръ Хованскихъ.

122. «И все лѣто суесловія и затѣевъ было полно; истинно св. пророка Іереміи проречоніе о хотящихъ быти бѣдствахъ, въ царствующемъ градѣ Москвѣ исполняшеся, яко же глаголетъ: люто, да люто будетъ, и вѣсть до вѣсти все на страхъ и трепетъ благороднымъ и духовнымъ». Медвѣдевъ (Сахар. 31). Милославскій укрылся, «какъ подземный кротъ, и паче мѣры тайно вкапывался внутрь земли», говоритъ Матвѣевъ (Сахар. стр. 41), ибо «по прямой догадкѣ старожилыхъ людей, тогдашнихъ политиковъ Московскихъ», онъ хотѣлъ, губя Хованскихъ, скрыть свое участіе въ бунтѣ и боялся «кредита Хованскихъ у Стрѣльцовъ».

123. Медвѣдевъ (Сахар. стр. 32). См. приговоръ Хованскаго, который за отсутствіемъ Царей и бояръ, не пошелъ на торжество новаго года, а послалъ окольничаго Хлопова.

124. Медвѣдевъ (стр. 30, и слѣд.), Матвѣевъ, стр. 42.

125. Медвѣдевъ (стр. 31, 32).

126. Акты Арх. Комм. IV, 368.

127. Изъ Коломенскаго Дворъ переѣхалъ въ Воробьевскій дворецъ, 4-го Сентября въ село Павловское, а 7-го въ Саввинскій Сторожевскій монастырь. Сія обитель, любимое мѣстопребываніе царя Алексія, находится въ $1\frac{1}{2}$ версты отъ Звенигорода, 50 верстъ отъ Москвы. Царь Алексій богато одарилъ ее, вылилъ туда колоколъ съ таинственною надписью, сдѣлалъ серебряную раку на мощи основателя ея, св. Саввы Звенигородскаго, подарилъ вывезенныя изъ Смоленска часы, свою ручную псалтирь. Софія воздвигла по укрощеніи стрѣлецкаго бунта церковь съ обширною трапезою. Одежды ея донынѣ хранятся въ ризницѣ. За Саввинскимъ монастыремъ было 17,231 душа крестьянъ. Грамата о сборѣ войскъ, Медвѣдевъ (стр. 43) и въ Актахъ Арх. Комм. IV, 372, граматы Царскія.

128. «Хованскій, старый лисъ, прибавленіемъ похвалы прельстился» (Крекшинъ, стр. 47). Село Воздвиженское на Троицкой дорогѣ, въ 12 верстахъ отъ Троицкой лавры. Карамзинъ говоритъ, что между стариками въ Воздвиженскомъ сохранилась еще память о казни Хованскаго въ его время (Соч. Карамзина, IX, 217). Дворъ выѣхалъ изъ Саввинской обители 14 Сентября, черезъ Павлово и Хлябово (Крекшинъ, стр. 17). Село Пушкино, въ 26 верстахъ отъ Москвы по Троицкой дорогѣ. Сына Хованскаго окружали вооруженные люди и Стрѣльцы; Ломовъ схватилъ его въ расплохъ (Матвѣевъ, стр. 45).

129. Приговоръ Хованскаго, Собр. Г. Г. IV, 459. Онъ помѣщенъ въ Собр. Зак. II, 454, и у Тум. V, 231, но нигдѣ нѣтъ обвинительныхъ статей на сына Хованскаго; говорится только: «и сыну его князь Андрею Хованскому *чтены многія статьи винъ его.*»

130. Матвѣевъ, стр. 45, 46; Крекшинъ, стр. 47. Онъ говоритъ, что Стрѣльцовъ казнено 37 человѣкъ! Въ Собр. Зак. (II, 467), сказано, что Хованскіе погребены въ селѣ Троицкомъ, называемомъ Недѣльное.

131. Тум. V, стр. 247 и слѣд.

132. Знаменитая Троицко-Сергіева лавра находится въ 64 верстахъ отъ Москвы, при рѣчкѣ Кончурѣ. Кому неизвѣстно, что ее основалъ въ XIV

столѣтіи св. Сергій, другъ Алексія Митрополита и Димитрія Донскаго, что она выдержала знаменитую осаду Поляковъ во времена Шуйскаго; что келаремъ ея былъ достопамятный Авраамій Палицынъ. Болѣе 100,000 душъ крестьянъ принадлежало лаврѣ Троицкой, и Русскіе Цари посѣщали ее ежегодно, иногда по два раза, и послѣ каждаго достопамятнаго событія. Софія воздвигла тамъ дворецъ и укрѣпила башни бастіонами (Ист. Іерархіи, II, 61, 80). Митрополитъ Платонъ воздвигъ обелискъ, на которомъ увѣковѣчилъ надписями спасеніе царей Іоанна и Петра въ обители въ 1682 г. и три другія достопамятныя событія: память о Куликовской битвѣ, гдѣ пали два инока-богатыря Троицкіе, Ослябъ и Пересвѣтъ; осаду обители при Шуйскомъ; подвигъ Аврамія Палицына. — О Голицынѣ и разсылкѣ воеводъ по городамъ, Тум. V, 245.

133. Крекшинъ, стр. 48. — Туманскій V, стр. 240, 243.

134. Туманскій V, 244, 245. Грамата, присланная съ Зиновьевымъ, у Крекшина, стр. 49, 51.

135. Туманскій V, 247 и слѣд., Крекшинъ, стр. 51.

136. Крекшинъ, стр. 51, 52.

137. Крекшинъ, стр. 52. Туманскій V, 260 и слѣд. — Черкизово село въ 60-ти верстахъ отъ Москвы, Рогожа въ 80-ти, Боровской перевозъ по Калужской дорогѣ на Москвѣ рѣкѣ, Вязема, село на Можайской дорогѣ, въ 60-ти верстахъ.

138. Туманскій V, 250, 251.

139. Idem, V, стр. 251, 252.

140. Idem, V, стр. 253.

141. Idem, V, стр. 254—260. Грамата Патріарха къ Царямъ, стр. 255, и въ Актахъ Арх. Комм. IV, 371.

142. Тум. V, 263. Сказка Стрѣльцовъ, стр. 265, граматы Царей къ Патріарху, стр. 268 и 271; онѣ помѣщены и въ Актахъ Арх. Комм. IV, 372, 376.

143. Просьба Стрѣльцовъ, Тум V, 277; Грам. Патріарха, стр. 280, Отвѣтъ Царей, стр. 284, и далѣе стр. 288. Слич. ниже въ Актахъ Арх. Комм. IV, стр. 378, 379, 380. Статьи Стрѣльцамъ, стр. 385.

144. Грам. Патріарха, Акты Арх. Комм., IV, стр. 387.

145. Тум. VI, 187, 188. Собр. Г. Г. IV, 465, Царскіе указы, и Акты Арх. Комм. IV, 389, 390. Всѣмъ пріѣхавшимъ до 26 Октября дано придачи помѣстьевъ по 50 четей и къ окладамъ по 5 рублей, а изъ помѣстьевъ въ вотчину обращено по 10 четей со 100, «да васъ же жаловали вел. гос., пожаловали на погребъ.»

146. Награды другимъ чинамъ: придачи оклада кравчимъ 80 рублей, окольничимъ 70, казначею, постельничимъ, думному генералу 65, думнымъ дворянамъ 60, печатнику 55, думнымъ дьякамъ 50, укладничему 40, стольник. комнатнымъ по 7-ми рублей, помѣстья въ вотчину по 70 четвертей, другимъ всѣмъ чинамъ по 5 рублей, пом. въ вотчину по 50 четв. Да помѣстьевъ въ вотчину кравчимъ 225 четвертей, окольничимъ 150, казначею, постельничимъ, думному генералу по 140, думнымъ дворянамъ 125, печатнику 120, думнымъ дьякамъ 115, укладничему 100. Голицыну дана была золотая медаль, вѣроятно и другимъ, ибо сохранилась медаль, данная любимцу его, думному генералу Аггею Шепелеву. Она украшена изображеніемъ Русскаго герба, на другой сторонѣ надпись: «пожаловали (имя и чинъ Шепелева) за службу 191 года, что онъ былъ въ нашемъ, Вел. Государей, походѣ въ Троицкомъ Сергіевѣ мон., съ ближн. нашимъ бояриномъ и оберегателемъ и двором. воеводою, съ княземъ В. В. Голицынымъ въ товарищахъ» (Собр. Русскихъ медалей, изд. Арх. Коммиссіею, стр. 3.)

147. Собр. Г. Г. IV, 466.

148. Собр. Г. Г. IV, 466, 469, и Акты Арх. Комм. IV, стр. 390, 391.

149. Просьба Стрѣльцовъ, Акты Арх. Комм. IV, 391. О разломкѣ столба, Туманскаго VI, 179. Тутъ съ 158 по 255 стр. много любопытныхъ подробностей, хотя повторяется тоже, что помѣщено въ V мъ томѣ, стр. 230—288.—Замѣтимъ несообразныя прибавки: ссылаясь на *Лѣт. Россійскую* и Истор. пер. Писаревымъ, Голиковъ говоритъ, что Петру дана была тогда отрава, но скорою помощью отвращена его смерть. Онъ описываетъ всѣ

распоряженія отъ имени Царей, и потому вѣритъ разсказу Крекшина (стр. 56), что послѣ прощенія, Стрѣльцы выгнали 2700 (у Голикова 3700) заговорщиковъ, которые надѣли на шеи петли, взяли плахи и топоры, пошли съ женами и дѣтьми въ Троицкую лавру. Патріархъ поѣхалъ просить за нихъ. Преступники легли на плахи передъ дворцомъ. Цари выслали палачей рубить имъ головы. Патріархъ и царица Наталія молили на колѣняхъ, со слезами о помилованіи. Цари отворили окно и говорили рѣчь Стрѣльцамъ, а потомъ простили ихъ. Далѣе (стр. 62), царица Наталія уговариваетъ Царей принять самодержавіе: «нелѣпо женскому полу въ дѣла царскія вмѣшиваться; патріарха даде вамъ за кормчаго родитель вашъ», и проч.

150. Голиковъ, I, 41.

151. Тум. VI, 201. Грам. Царей, Акты Арх. Комм. IV, 392. Тутъ исчислены прежнія притѣсненія Стрѣльцамъ отъ полковниковъ.

152. Тум. VI, 214. Царскій указъ, Акты Арх. Комм. IV, 397.

153. Idem, стр. 399. Тум. VI, 215—226.

154. О переименованіи по прежнему Стрѣльцы просили сами, Собр. Зак. II, 484. Докладъ о разсылкѣ Стрѣльцовъ, Тум. VI, стр. 227 — 235, и въ Актахъ Арх. Комм. IV, 409. Въ Курскѣ, гдѣ селилъ Стрѣльцовъ бояринъ Шеинъ, и донынѣ слобода за рѣкою Тускорью называется Стрѣлецкою, какъ другая за Куромъ Казацкою. Подробности высылки Стрѣльцовъ любопытны. Сказано, что прежніе Стрѣльцы были негодны, пьяницы и зернщики, всякому злу пущіе заводчики, раскольники, въ смутное время убійцы и грабители, и нынѣ отъ тѣхъ дѣлъ не унимаются, и впредь отъ нихъ опасно всякаго дурна. Полкъ за полкомъ при переводѣ слѣдовалъ черезъ недѣлю, чтобы «вмѣстѣ не сошлись, и пришедъ на мѣсто они осмотрятся и увидятъ вел. гос. милость, послушаются добра и за дурости страхъ, и самовольство и шатость покинутъ.» Негодяевъ велѣно раздѣлять во всѣ полки и отъ тѣхъ опасаться нечего, потому что «они всегда будутъ подъ властью и въ рукахъ, и немногихъ непостоянныхъ въ многолюдствѣ удержать и усмотрѣть, и въ крѣпости держать можно». Старыхъ отставныхъ Стрѣльцовъ отнюдь къ Москвѣ не пускать, а безпріютныхъ отдавать въ монастыри, потому что «въ тѣхъ отставныхъ много воровъ и отъ нихъ приходятъ воровскія затѣйныя слова, добра не чаять и къ воровству они склонны и другихъ научать готовы». Поселенцамъ въ-

Курскъ и Сѣвскъ велѣно дать по рублю, да на устройство по 5 рублей, увѣрить ихъ, что служба ихъ будетъ прежняя и высылкою изъ Москвы «ихъ не уничижаютъ, но на Москвѣ имъ за многою шатостію быть не мочно, хотя они повинныя принесли», но «многіе потомъ объявились въ шатостяхъ и непостоянствѣ, противностяхъ и во всякомъ дурнѣ.» За устройствомъ по городамъ велѣно смотрѣть, «учить ратному строю, запрещать пить и бражничать, съ причинными людьми водиться и никакихъ непристойныхъ словъ по мимошедшему смутному времени приличныхъ не говорить».

155. О преступленіи Хованскихъ, Указы царскіе, Акты Арх. Комм. IV, 396 (указъ въ Кузнецкъ). Голиковъ (Т. I, 39) именуетъ сосланныхъ въ ссылку Хованскихъ, князей Петра, Ивана и Петра (не Василья ли?), дѣтей казненнаго, и еще двухъ спальниковъ, Ѳедора и Ивана (?). Изъявляя милость Семену Андреевичу Хованскому, брату казненнаго боярина, Цари послали ко нему съ привѣтомъ. О казни Стрѣльцовъ Голик. Т, I, 40.

156. Царскіе указы въ Собр. Зак. II, стр. 475, 486, 515, 534, 663.

157. Акты А. К. IV, 419.

158. Любопытная просьба нѣсколькихъ монастырей, Акты Арх. Комм. IV, 418. Они жалуются, что съ нихъ берутъ противъ помѣщиковъ хлѣбъ Стрѣльцамъ въ трое, ямскія и полоняничныя деньги въ двое, на подъемныхъ лошадей по 25 коп. съ двора, сѣна на царскія конюшни, уголье на ружейные заводы, лѣсъ на строеніе, подводы, людей на копанье прудовъ въ Дмитровѣ, возку рыбы, взятіе въ смутное время по 25 коп. съ двора, и что отставныхъ Стрѣльцовъ приходится имъ содержать по человѣку на 50 дворовъ, выдавая ему въ годъ 1 р. 90 коп. деньгами, соль и болѣе 6 четв. хлѣба, «когда они отставные живутъ и торгуютъ въ Москвѣ, оказывая монастырямъ насиліе, требуя деньги впередъ, а монастырскія наши вотчины пустѣютъ и крестьянишки врозвь бредутъ.»

159. Царскій указъ, Собр. Зак. II, 567.

160. Собр. Г. Г. IV, 485, Собр. Зак. II, 623. Новгородцы «увѣдавъ на Москвѣ смутное время, приходили въ Приказную Палату и били челомъ боярину Ив. Вас. Бутурлину, говорили со слезами, что они въ Троицкой

монастырь, или гдѣ вел. гос. укажутъ, идти готовы. Жильцамъ Новогородскимъ, помѣщикамъ, вотчинникамъ, дворянамъ и дѣт. боярскимъ *всѣхъ пятинъ*, и новоиренамъ и коннымъ казакамъ велѣно дать такую же награду какъ и бывшимъ въ сборѣ войскамъ: помѣстья по 80 четв., денегъ по 8 рублей, да изъ помѣстьевъ поверстать въ вотчину въ полы, по 5 четв. со 100,» и то не въ образецъ, ибо вызвались Новгородцы, «прежде присылки вел. гос. грамaты въ Великій Новгородъ за многіе дни».

161. Матвѣевъ, стр. 48.

162. Октября 19-го, 1682 года, Собр. Г. Г. IV, 464, Собр. Зак. II, 471. Не знаемъ, на чѣмъ основываясь А. Ѳ. Малиновскій (Труды Общ. Ист. VII, 71) говоритъ, что титулъ Оберегателя получилъ Голицынъ 16-го Мая, на другой день бунта Стрѣлецкаго, въ Маѣ мѣсяцѣ. Въ Вивл. Нов. XX, 316, 382, сказано, что Иноземскимъ и Пушкарскимъ Приказами управлялъ онъ съ 1686 года, но въ родословной (Вивл. Нов. XVII, 208) съ 10 Дек. 1682 г. и прибавлено еще Рейтарскій, хотя въ XX т. Вивл. Нов. Рейтарскій отнесенъ къ 1686 г. (стр. 390).

163. Милославскій умеръ въ 1685 г. (Берхъ, Списки боярамъ, стр. 36). Онъ погребенъ былъ въ трапезѣ церкви Николая въ Столпахъ, гдѣ въ оградѣ покоился Матвѣевъ (Матвѣевъ, стр. 66). Провидѣнію не угодно было, чтобы одно кладбище вмѣщало прахъ злодѣя и добродѣтельной жертвы его.

164. О Приказахъ, Вивл. XVII, 208. Просьба Голицына, Вивл. XVII, 284, выписка изъ разряда, стр. 289, изъ Посольскаго Приказа, стр. 313, изъ Малороссійскаго, стр. 318, статьи Гетмана, стр. 323, дѣло объ измѣнникахъ, стр. 328; награды товарищамъ Голицына, стр 337, «а ему государева жалованья придачи не учинено и въ приказѣ ничего не дано;» челобитная Голицына, стр. 341, Царское рѣшеніе, стр. 347, объявленіе Голицыну, стр. 350 (и въ Собр. Г. Г. IV, 482). Награды даны и бывшимъ товарищамъ Голицына: И. В. Бутурлину, князю Гр. Аѳ. Козловскому, П. Д. Скуратову, Андрею Толстому, Зміеву, дьякамъ Ляпунову, Поляркову и всему войску. Жалованный кафтанъ Голицыну былъ «аксамитъ золотъ по серебряной землѣ, и по немъ травки, аксамиту пошло 11¼ аршинъ по 7 руб. 78 рубл. 25 алтынъ; мѣхъ подъ кафтанъ соболій пластинчатый 209 руб. съ полтиною; рукава пупчатые собольи, 20 рубл. 30 алтынъ, на опушку кафтана и на кондыри 4 пары соболей, по 12 р., 2 пары по 11 р., 2 пары по 7 рублей. Весь кафтанъ стоилъ 393 р. 5 алтынъ. Г-нъ

Терещенко пишетъ, что Голицынъ продалъ деревню во время Чигиринскаго похода и деньги употребилъ на пособіе раззореннымъ. Онъ ссылается на Вивл. Пов. XVII, 313, 316, 318, 328, 343, 346. Тамъ ничего нѣтъ о великодушіи Голицына. Сказано только (стр. 289, 346), что «отъ Чигиринскаго и иныхъ походовъ, и отъ пожарнаго раззоренія одолжалъ онъ многими долгами, и для службъ придалъ деревню, 60 дворовъ.» Помѣстья въ вотчину Голицыну отданы: въ Суздалѣ село Лежново, въ Рязани, Старорязанскаго стана, четь села Красной Слободы, въ Ярославлѣ, въ Пятницкой волости, деревня Алешенское, въ Козельскомъ подгородномъ станѣ жеребій села Фроловскаго, въ Одосьѣ жеребій села Жупина, всего 998 четв. съ восьминой и четверикомъ и третникомъ. Кромѣ 320 дворовъ помѣстьевъ и вотчинъ, Голицынъ владѣлъ помѣстьями приданными за женою, дочерью Стрѣшнева (Вивл. Пов. XVII, 289), «А по вашему указу, Вел. Гос., нашей братьи помѣстья за службы и безъ службы даваны въ отчину; и о томъ, какъ вамъ, Вел. Гос., Боги по сердцу о мнѣ, холопѣ вашемъ положить. Цари, государи! смилуйтесь!»

165. Нейвиль, Rel. Cur. и Банксъ, The History of the czar P. the Gr. — Гдѣ были палаты Голицына?

166. Дядя В. В. Голицына, князь Иванъ Андр. пожалованъ въ бояре въ 1682 году; сынъ его, Андрей (женатый на дочери Хитрова, былъ въ 1682 г. воеводою въ Кіевѣ, въ 1684 г. въ Астрахани; князь Иванъ-большой, пожалованъ въ спальники къ царю Петру, въ 1685 г. въ бояре и воеводою въ Казань; князь Иванъ-меньшой, въ 1682 г. въ стольники, въ 1683 г. въ спальники къ царю Іоанну, въ 1688 г. въ бояре. Другой дядя, князь Алексѣй Андреевичъ (род. въ 1632 г), бояринъ съ 1664 г. былъ воеводою Тобольскимъ съ 1681 г. — Дѣти его: князь Борисъ Алексѣевичъ, столь замѣчательный въ послѣдствіи, род. въ 1641 г., съ 1682 г. кравчимъ, съ 1683 г. начальникомъ Казанскаго Приказа (см. далѣе, пр. 298); князья Иванъ, Петръ и Θеодоръ Алексѣевичи (род. въ 1651, 1660 и 1662 гг.). Съ 1684 были въ комнатѣ, первый царя Іоанна, двое другихъ царя Петра. Третій дядя, князь Михайло Андреевичъ (род. 1646 г.), бояринъ при Θеодорѣ (жен. на княжнѣ Одоевской; дочери его были за князьями Хованскимъ и Прозоровскимъ), воеводою въ Новѣгородѣ съ 1682 г., въ Курскѣ съ 1686 г. Дѣти его, достопамятные князья Дмитрій (род. 1665 г.) и Михайло (род. 1675 г.), были комнатными при царѣ Петрѣ. — Сынъ князя В. В. пожалованъ въ спальники къ царю Петру, а въ 1687 г. въ бояре, и въ 1688 г. на мѣсто отца въ намѣстники Пермскіе; въ Посольскій Приказъ, въ Ноябрѣ 1687 г.

167. Царскіе указы 1684 года, Февр. 26-го, Дек. 19-го, Собр. Зак. II, 577, 645, и Собр. Г. Г. IV, 480, 487. «Люди ваши ставятся въ Кремлѣ съ лошадьми не въ указныхъ мѣстахъ, безъ разбора, и шумъ и крикъ чинятъ, и кулачные бои заводятъ, и прохожимъ дорогою пройдти не даютъ, толкаютъ и подъ ноги подшибаютъ и подсвистываютъ, а учнутъ ихъ капитаны и стрѣльцы ссылать, и отъ крика и отъ шума унимать и тѣ люди бранятся и грозятъ бить и чинятся ослушны». Велѣно экипажамъ и лошадямъ стоять около Ивана Великаго и отъ Троицкихъ до Воскресенскихъ воротъ, за дворцомъ подлѣ Конюшеннаго Приказа, ѣздить тихо и смирно, не кричать, не свистать, при выѣздѣ царскомъ отъѣзжать на Николаевскую площадь, отъ государскаго пути одаль, сходить тогда съ лошадей и снимать шапки. Только боярамъ, окольничимъ, думнымъ людямъ и комн. стольникамъ позволено всходить Краснымъ Крыльцомъ (постельнымъ крыльцомъ); запрещено ходить свѣтличнымъ крыльцомъ въ хоромы царевенъ, и проч. — «Многіе учали ѣздить въ саняхъ, на вожжахъ, съ бичами большими, и ѣдучи, небреженьемъ, людей побиваютъ, и впредь въ саняхъ на вожжахъ не ѣздить, а ѣздить съ возницами;» запирать ворота Кремля и Бѣлаго города велѣно черезъ три часа послѣ захожденія, а отпирать за три часа до свѣта; въ дневальняхъ сидѣть смирно, безчинства не чинить, не шумѣть, и проч. (Собр. Зак. II, 496, указъ 1682 г.)

168. Собр. Зак. II, 641. Ослушные бояре были: Ив. Вас. Бутурлинъ, Ал. Петр. Салтыковъ; окольничіе кн. Хилковъ, Хитровъ, Измайловъ, князь Жировой-Засѣкинъ, стольникъ, князь Бор. Ѳед. Долгорукій, «и имъ до указу со дворовъ не выѣзжать.»

169. Собр. Зак. II, 641.

170. О Дашковѣ, Собр. Зак. II, 642. Его написали по Алексину. Другой Дашковъ бѣжалъ потомъ въ Польшу, взятъ на дорогѣ и подвергался казни, но спасся тѣмъ, что далъ дьяку Украинцову 200 червонцовъ (Зап. Желяб. стр. 50).

171. Тронъ сей, сдѣланный въ Гамбургѣ, хранится въ Кремлевской оружейной палатѣ. Изображеніе его въ *Описаніи древн. Росс. Музея*, А. Ѳ. Малиновскаго (несправедливо приписываемаго Валуеву).

172. Медвѣдевъ, посвящая Софіи уставъ Академіи и превознося ее, въ поэтическомъ восторгѣ, называлъ ее источникомъ Христовой пре-

мудрости, увѣрялъ, что ни въ комъ еще не показывалъ Богъ толикой премудрости, что слава ея распространена, гдѣ только солнце лучи разсыпаетъ, воды Океанъ разливаетъ:

Мудрости то имя подадеся,
Греками *Софья* мудрость наречеся
Премудра Софія Алексѣвна,
Богу любезна, велья Царевна!

(Вивл. VI, 390). Мы упоминали о портретѣ Софіи, гдѣ въ надписи названа она Елисаветою, Пулхеріею, Семирамидою (прим. 53). О надписи къ портрету Голицына, (прим. 107). О названіи Голицына великимъ, Малиновскій (Труды Общ. Ист. VII, 82, и Вивл. Нов. XVII, 205). На жетонахъ, раздаванныхъ при короновaніи Іоанна и Петра находимъ имя Софіи; на другой медали, съ одной стороны изображены Цари, съ другой она (Собр. Русск. медалей, стр. 2). О медаляхъ за Троицкій походъ, см. прим. 147.

173. Схельтема, Russland en de Nederlanden, I, 29. Грам. Людовика XIV, отъ 3-го Іюня 1685 г. изъ Версали (Тум. X, 50).

174. Грам. курфирста Сакс. Іоанна Георгія III-го отъ 9-го Апр. 1683, изъ Дрездена, и герцога Сакс. Іоанна Фридриха 1683 г. Мая 1 дня, изъ Фриденштейна (Тум. IV, 71, 85). Рингуберъ пріѣзжалъ въ Москву съ императорскими послами Боттони и Гусманомъ, и служилъ въ Россіи, но вскорѣ возвратился въ отчизну. Отвѣтъ Царей ему, въ 1684 г., гдѣ благодарятъ они курфирста за присланное лекарство, въ Маг. Бишинга IX, 551). См. Ист. Медицины въ Россіи, Рихтера, II, 265, и приб. статьи 48, 49, 50).

175. Тум. IV, 146, грам. герцога Курляндскаго, къ Фридр. Казимиру, изъ Митавы, 15 Февр. 1684 г.

176. Грам. короля Датскаго, съ Горномъ, изъ Копенгагена, отъ 8-го Іюля, 1682 г. (Тум. IV, 5); другая, съ поздравленіемъ Царямъ, 1682 г. Окт. 28 (idem, стр. 14), съ гонцомъ Алексѣевымъ. Горнъ видѣлъ въ Москвѣ стрѣлецкій бунтъ и едва не погибъ. Хованскій спасъ его (см. донесеніе его у Берха, Царств. царя Ѳ. А. II, 57 и слѣд.). О вывозѣ хлѣба, Голиковъ, I, 42. — Договоръ съ Даніею, Собраніе Зак. II, 636. Тутъ подробно исчислено количество хлѣба и всякихъ запасовъ, если

не будетъ дано вмѣсто ихъ деньгами, съ строгимъ различіемъ сколько давать свитѣ посла, посланника, курьера. Послу съ свитою ежедневно положено: 2 барана, 10 барашковъ, 25 курицъ, 4 полти ветчины, 30 ф. мяса, 10 ф. соли, *шефель* гречихи, 2 ф. дерев. масла и 72 Любск. шиллинга на мѣлочь, лукъ, чеснокъ и свѣчи. Каждому послу особо: 3 хлѣба, 2 булки, живыхъ: гусь, утка, поросенокъ, тетеревъ, 2 рябчика; и питья: 8 чарокъ двойнаго вина, по *еселю* шпанскаго, рейнвейну, 4 сортовъ меду (смородиннаго, малиноваго, черносмородиннаго и вареннаго), $^{3}/_{4}$ еселя сладкаго меду, ведро добраго, 2 ведра пива. Зелья велѣно давать еженедѣльно: по 10 фунт. сахару, изюму, коринки, рису, по 12 ф. винныхъ ягодъ; по 8 ф. миндалю въ скорлупѣ, по 2 ф. дерев. масла, по 1 ф. перцу, инбирю, тимону, черносливу, по полуфунту корицы и мушк. орѣховъ, по четв. фунт. гвоздики и кардамону, по 20 золотн. шафрану. Объ отпускѣ Горна изъ Россіи, грам. Датскаго короля, Апрѣля 26, 1684 г. (Туманск. IV, 149).

177. Схельтема, Russland, etc. т. I, 23—46. Подробности, переданныя Келлеромъ, весьма любопытны. Царскій указъ въ Архангельскѣ, Собр. Зак. II, 673. Лоцманство по Двинѣ отдавалось по 92 рубли въ годъ.

178. Грам. короля Шведскаго съ Кохомъ. отъ 7 Ноября 1682 г. (Тум. IV, 27). О подкупѣ Голицына, см. въ журналѣ Гизена: «помянутый министръ въ томъ и многихъ прочихъ дѣлахъ чрезъ Шведскихъ и иныхъ иностранныхъ дворовъ подкупленъ былъ даролюбіемъ, и какъ вѣрному министру надлежитъ на интересъ государя своего не смотрѣлъ, и утвержденіе трактатовъ учинилъ, просто, безъ всякой протяженной кондиціи и корделы и безъ паки прошенья отобранныхъ провинцій» (Тум III, стр. 121—208, гдѣ помѣщена подробная историческая, и кажется оффиціяльно составленная выписка о сношеніяхъ съ Швеціею). Грам. Шведск. короля о Никитинѣ, Тум. IV, 67 (1683 г. Апр. 7 дня); Грам. съ Никитинымъ (отъ 10 Апр. 1683 г.), idem, стр. 74; Грам. о Прончищевыхъ, 30 Окт. 1683 г., ibid., стр. 114; Грам. о Гильденштернѣ и Клингштетѣ, отъ 3 Ноября, 1683 г, ibid., стр. 117; Грам. съ ними, отъ 7 Янв. 1684 г., ibid., стр. 133. Разрядъ о пріемѣ ихъ, Вивл. Нов. VIII, 169, гдѣ справки о прежнихъ встрѣчахъ Шведскихъ пословъ. О высылкѣ людей для встрѣчи пословъ, Собр. Зак. II, 575. Договоръ съ послами, 1684 г. Мая 22-го, Собр. Зак. II, 619. Грам. Шведскаго короля по возвращеніи пословъ его, 19 Февр. 1685 г., Тум. IV, 177. Жалобы короля въ граматахъ его, отъ 31 Марта 1685 г. и 17 Іюля 1686 г., Тум. IV, стр. 227, X, 55. Грамата съ Кохомъ, отъ 30 Января 1685 г., Тум. IV, 196 (Шведское

подворье донынѣ уцѣлѣло, близъ Тверской, въ Гнѣздниковскомъ переулкѣ). Грам. объяснительная о Винеусѣ отъ 10 Марта 1685, Тум. IУ, 192. Грам. съ Фабриціемъ, Февр. 1-го, 1683 г., Тум. IУ, 56. О службѣ Фабриція другая грамата, того же числа (Тум. IУ, 59), гдѣ король проситъ пособить ему отыскать наслѣдство, доставшееся Фабрицію послѣ дяди его Бема, бывшаго полковника Русской службы, когда Фабрицій былъ гдѣ-то въ плѣну. Энгельбертъ Кемпферъ, род. въ 1651 г., былъ при Шведскомъ посольствѣ въ Персіи, находился въ Москвѣ два мѣсяца, посѣтилъ Испагань, Тифлисъ, объѣхалъ Цейлонъ, Индію, Сіамъ, Яву, жилъ два года въ Японіи, и составилъ единственное донынѣ описаніе Японіи, издалъ въ 1711 году знаменитое Amoenitatum excoticarum, и умеръ въ 1716 году лейбъ-медикомъ графа Липпскаго. Записки его объ Японіи, изд. въ 1774 г. (Gesch. und Beschreib. von Japan). Другія рукописи (до 36-ти) хранятся въ Британскомъ музеѣ въ Лондонѣ. Въ нихъ находится его Diarium itineris ad aulam Moscoviticam, и Res Moscoviticae. Изъ первой отрывокъ изданъ г-мъ Аделунгомъ при его книгѣ: баронъ Мейербергъ (Спб. 1827 г.). Подробности любопытны. Кемпферъ обѣдалъ у Голицына въ домѣ его на Воробьевыхъ горахъ. Приборы были оловянные, ложки деревянныя; только князь и сынъ его ѣли серебряными; кушанье было простое; пили пиво и водку, а послѣ обѣда медъ. Бояринъ, обѣдавшій съ княземъ, кланялся ему въ ноги, когда князь не подымался даже со стула. Конференціи посла происходили также въ домѣ князя. Кемпферъ видѣлъ переднюю и дворъ его, набитые просителями. На царской аудіенціи, онъ распоряжалъ всѣмъ.

179. Грам. Собіескаго, 28 Окт. 1682 г. (Тум. IУ, 12); отвѣтъ съ Дятлинымъ, 3 Дек. 1682, ibid. 40; Грам. отъ 13 Февр. 1683 г., ibid., стр. 62; съ Зембоцкимъ, отъ 21 Апр. 1683 г., ibid., стр. 78; съ Голосовымъ, отъ 14 Іюля 1683 г., ibid. 95.

180. Грам. Собіескаго 7 Дек. 1682 г., Февр. 13, и Апр. 23-го 1683 г., у Тум. IУ, 42, 65, 82.

181. Андрусовскій трактатъ, Собр. Зак. т. I, 398, подтвержденіе въ 1670 г., ibid. 465, о продолженіи его, въ 1672 г., ibid. 513, подтвержденіе его, въ 1678 г.

182. Супруга Собіескаго, красавица, Марія Казимира, была дочь маркиза де ла Гранжъ д'Аркьанъ, капитана гвардіи герцога Орлеанскаго, фрейлина королевы Луизы Маріи Гонзаго, супруги короля Казимира,

и послѣ смерти перваго мужа своего, Іакова Радзивила. Отецъ ея, бѣдный, ничтожный дворянинъ, почиталъ бракъ съ Собіескимъ униженіемъ своего знаменитаго рода; другая, старшая дочь его была за маркизомъ Бетюнемъ, потомкомъ Сюлли.

183. Нельзя не изумляться ничтожеству интриги, рѣшившей отношенія Польши къ Франціи и Императору: возведенная на престолъ Польскій, Марія хотѣла съ блескомъ явиться во Франціи, требовала почестей королевы и званія герцога отцу своему. Ненарушимый этикетъ Версальскій, гдѣ о почести табурета спорили, какъ о важномъ дѣлѣ, заставилъ Людовика XIУ-го отказать во всемъ съ оскорбительнымъ презрѣніемъ. Раздосадованный гнѣвомъ Польской королевы, онъ велѣлъ описать имѣніе отца ея за невыдачу приданаго, обѣщаннаго маркизѣ Бетюнь, и не позволилъ ему ѣхать въ Польшу.

184. Бандтке. Ист. Пол. Гос. II, 374 — 381. Папа Иннокентій XI-й, Одескальки, самъ былъ въ военной службѣ, въ юности. Эмерикъ Текелли, другъ и родственникъ несчастныхъ Серена, Надасти, Франджипани и Триттенбаха, страшный врагъ Австріи, съ толпою мужиковъ, заставилъ трепетать Леопольда, и свирѣпѣе Музульманъ терзалъ враговъ своей отчизны. Жизнь его была романъ, въ родѣ Ринальдо-Ринальдини.

185. Леопольдъ былъ второй сынъ императора Фердинанда III-го, род. въ 1640 г.; слабый здоровьемъ, суевѣрный, воспитанный Іезуитами, жившій нелюдимомъ, но хитрый и безчеловѣчный, онъ только по причинѣ смерти старшаго брата, на 18-мъ году избранъ былъ въ Императоры. Царствованіе его продолжалось 49 лѣтъ, и судьба явила въ немъ побѣдителя Оттомановъ и Людовика XIУ-го!

186. Fuit homo missus à Deo, cui nomen erat Ioannes, говорилъ проповѣдникъ въ Вѣнскомъ соборѣ, когда самъ Собіескій пѣлъ звучнымъ голосомъ: «Тебѣ Бога хвалимъ!»—«Мы побьемъ вѣпзря, сказалъ Собіескій, осматривая Турецкій лагерь, но жаль: немного славы разбить дурака!» Турки не вѣрили прибытію Собіескаго. Когда началась битва—«Собіескій здѣсь!» воскликнулъ со страхомъ ханъ Крымскій. Битва была 12-го Сентября 1683 года.

187. Грам. Императора, отъ 24 Сент. 1683 г. изъ Линца, у Тум. IУ, 103. О Собіескомъ едва упоминается въ ней. Грам. Собіескаго писана была 10 Іюля 1683 г., въ Виллановѣ (Тум. IУ, 93).

188. Грам. Собіескаго, отъ 13 Сентября, на другой день послѣ спасенія Вѣны, у Тум. IV, 100. Другая изъ обоза подъ Парканами, Окт. 10, 1683 г., третья изъ Грана, Октября 28, четвертая изъ Шецина, отъ 10 Ноября 1683 г. (Тум. IV, 100, 111, 120).

189. Грам. Шведскаго короля, отъ 13-го Іюля, 1683 г. (Тум. IV, 88).

190. Голиковъ, I, 179, и см. далѣе, отвѣты Софіи посламъ императорскимъ.

191. Во все время трехъ-лѣтней войны съ Оттоманами царя Ѳеодора, Собіескій враждовалъ явно, и принудилъ наконецъ къ невыгодному подтвержденію мира въ 1678 году (прим. 181).—Посольства отъ царя Алексія, уговаривать на союзъ противъ Турковъ, отправлены были во Францію, Испанію, Бранденбургъ, Швецію, Голландію и—къ папѣ. Всюду слышали они отказъ. Папа спорилъ о царскомъ титулѣ!

192. Ратификація Бахчисарайскаго мира султаномъ, Собр. Зак. II, 388. О посылкѣ Чирикова и Возницына, Байеръ, Древнія Азовскія извѣстія, стр. 143. Ратификація султана въ Царьградѣ, 1093 г. эгиры, въ мѣс. Рабіель-ахора (1682 г.), Собр. Зак. II, 389. Султанъ уступилъ тогда Триполь, Стайки и Васильковъ. Положено далѣе по Днѣпру не строить городовъ до самаго Запорожья. Рускимъ позволено было ходить за Днѣпръ, «для промыслу посѣки, и для рыбныя ловли, и для сѣннаго покосу и для взятья соли, и платить имъ пошлину, а помѣшанья не чинить и не отказывать». Ратификація хана Мурадъ-Гирея, 10 Авг. 1682 г., Собр. Зак. II, 460. — Грамата султана, 1093 года эгиры, мѣс. Жильходже, (1682 г. Ноября 15); письмо визиря Кора-Мустафы, 1093 г. эгиры, и другое, тоже 1093 г. эгиры, мѣс. Ульксиза; грам. султана, изъ Адріанополя, 1093 г. эгиры, у Тум. IV, 29, 33, 45, 51.

193. Бандтке, Ист. Гос. Пол. II, 383—390.

194. Бандтке, Ист. Г. П. II, 390, 392. Указы о высылкѣ людей и наградахъ, Дек. 18, 1683 г. и Марта 8, 1684 г., Собр. Зак. II, 569, 579.

195. Бандтке, Ист. Г. П. II, 392 и слѣд. Онъ говоритъ, что Вота, другъ и духовникъ Собіескаго и наставникъ дѣтей его, думалъ еще присоединить Россію къ Западной церкви.

196. Грам. Императора изъ Линца, отъ 13 Ноября 1683 г. Тум., IV, 124.

197. Голиковъ, I, 33; Байеръ, Аз. Изв. 144, 153; Терещенко, Опис. жизни Сан. I, 154—156; Бант.-Кам. Ист. Малор. II, 189. Посла императорскаго именуетъ онъ барономъ Ягановъ, Христофоромъ Жировскимъ; другіе называютъ его Цыровскій, Ціровскій, Царевскій, Зѣровскій. Рѣчь его у г-на Терещенки; мы сократили ее, ибо она взята не изъ достовѣрнаго источника: изъ Исторіи П. В., изд. въ Венеціи Ѳеодози. Что дѣлать! Статейные списки посольства намъ неизвѣстны. Грам. Императора, присланная съ послами, 27 Янв. 1684 г. изъ Линца, у Тум. IV, 140.

198. Грам. Императора съ Курцомъ, 13 Ноября 1684 г. изъ Вѣны, у Тум. IV, 175. Грам. Собіескаго съ Вотою, изъ Яворова, 15 Мая 1684 г. у Тум. IV, 157. Замѣтки о пріѣздахъ Гебеля, Жировскаго и Воты, у Тум. V, 332.

199. Грам. Папы Иннокентія XI-го, 5-го Августа, 1684 г. у Тум. IV, стр. 165.

200. Грам. Молд. Господаря изъ Ясс, отъ 1-го Января 1684 г. и отъ имени Молдаванъ, того же числа, Тум. IV, 126 — 133. Переговоры съ посланными Молдаванскими, Собр. Зак. II, 958.

201. Граматы Собіескаго, Сент. 8, Окт. 29, 1684 г., Апрѣля 17, 1685 г., у Тум. IV, 168, 169, 172, 184.

202. Грам. Императора изъ Вѣны, 29 Іюня 1685 г., и Собіескаго изъ Варшавы, Мая 9-го, 1685 г., Тум. IV, 213 и 187.

203. Броневскій, Ист. Донск. Войска, I, 194. Отвѣтъ Донскихъ казаковъ хану, Собр. Г. Г. IV, 471, пис. 1682 г. въ Ноябрѣ, любопытенъ. Упрекая хана, они говорятъ объ его угрозахъ: «И пишешь ты къ намъ, ханъ Мурадъ-Гирей: если взятое твое за Перекопомъ и въ иныхъ мѣстѣхъ не пришлемъ, и ты хочешь намъ посылать зипунниковъ своихъ другъ за другомъ безпрестанни и бить велишь на тридцать на два городка и упокою намъ не хошь дать ни весною, ни лѣтомъ, ни осенью, ни зимою; а и самъ ты, ханъ Мурадъ-Гирей, хочешь подъ наши городки итти многимъ собраньемъ по льду зимнимъ путемъ, войною. И наши городки не корыстны, оплетены плетнями, а обвѣшаны тернами; а надобно ихъ доставать твердо головами, а стадъ у насъ конскихъ и животинныхъ мало: даромъ вамъ въ дальній путь забиваться!»

204. Грам. султана 1095 г. эгиры, мѣсяца Жемазія Эввель (Апрѣль, 1684 г.) и при ней письмо визиря, у Тум. IV, 151, 154. На ярлыкѣ у грамоты была подпись: «Іисусова закона вел. князьямъ, избраннымъ въ Моисеевомъ законѣ, почтеннымъ надъ всѣми христіанскими многими народами, величайшимъ хранителямъ Назарейскія вѣры, Московскаго госуд. Царямъ I. А. и П. А. наша Гамасонова грамата.» Шерть, или ратификація Хана, Собр. Зак. II, Дек. 8, 1684 г., стр. 643.— Грам. султана, отъ 1097 г. эгиры (1686 г.) у Тум. X, 52.

205. О Шепнѣ, Байеръ, Азовск. Изв. 153, 155. О занятіи земель по Сожу, Бант.-Кам. Ист. Малор. I, 190. Сожа, значительная рѣка, впадающая въ Днѣпръ близъ Лоева, ниже Рогачева, принимая въ себя рѣки Вехру, Войчаны, Пронію, Остеръ и Бесѣдь. Запись объ отправленіи для размежовки границъ, Авг. 13, 1685 г. Собр. Зак. II, 678. Грам. Собіескаго Комору и Лядданскому, 20 Мая 1685 г., Тум. IV, 210; грам. о назначеніи пословъ, и жалобы на межевщиковъ, отъ 20 Окт. 1685 г., Тум. IV, 222.

206. Бандтке, Ист. Г. П. II, 395. Грам. Собіескаго, присл. съ Гремультовскимъ, писана была 20 Мая 1685 г. (Тум. IV, 206).

207. Выписываемъ мнѣнія сіи изъ записки Гордона, съ которымъ Голицынъ совѣтовался еще въ Январѣ 1685 г. (Зап. Гордона, изд. Н. П. Сахаровымъ, стр. 98. Слич. у Байера, Азовск. Изв. стр. 144—152).

208. Зап. Гордона, изд. Сахар., гдѣ много разъ говорится, что мнѣніе Самойловича считалось оракуломъ въ предстоявшемъ дѣлѣ, и что дьякъ Алмазовъ къ нему для совѣта ѣздилъ. Мнѣніе Самойловича, присланное съ Мазепою въ Январѣ 1686 г., у Б.-К. Ист. Малор. I, прим. 153.

209. Грам. Людовика XIV, отъ 20 Дек. 1685 г., Тум. IV, 226; Венец. дожа, отъ 22 Сент. 1685 г, Тум. IV, 220.—См. Голикова, I, 43, 193; Бант.-К. Ист. Малор. I, 190.

210. Запись, утвержд. въ Москвѣ, 25 Марта, 1686 г. Собр. Зак. II, 787.

211. Голиковъ (т. I, 42) пишетъ, что Россія заплатила Польшѣ 1½ мил. злотыхъ, или 187,500 рублей, а на стр. 194-й, 146,000. Послѣднее справедливо; см. Трактатъ 26 Апр. 1686 г. въ Собр. Зак. II, 770—786. Бандтке (Ист. Г. П. II, 396) полагаетъ 200 тысячъ рублей.

212. О присягѣ Царей, Голик. I, 43. Объявленіе о мирѣ и наградахъ, Собр. Г. Г. IУ, 505, Собр. Зак. II, 786. Денежныя награды были отъ 100 до 3 рублей. Изъ помѣстьевъ въ вотчину, начиная съ стольниковъ давали по 20 четвертей со 100, къ окладамъ придачи отъ 200 до 50 четвертей. Объ отправленіи молебствій, Акты Арх. Комм. IУ, 428. Велѣно съ посадскихъ людей, вмѣсто 10 денегъ съ рубля, и съ соли 3 алтына 2 деньги, съ рубля взимать по 8 денегъ и по 3 алтына. Выборнымъ изъ посадскихъ прибавлено 1-й статьи 10 рублей, 2-й 8, 3-й 7.

213. Б.-К. Ист. Малор. I, 193, прим. 152 и 158. Самойловичу послали бархатъ, два изорбафа золотыхъ, 6 портищъ Китайской камки, соболей на 210 рублей. Сынъ гетмана, полковникъ» (надежда моей старости, свѣтильникъ моей утѣхи», какъ писалъ онъ), умеръ въ Іюнѣ 1685 г. Дочь его была за Кіевскимъ воеводою Шереметевымъ. Зять не отдавалъ ея приданаго до царскаго указа. Приданое состояло изъ дома въ Москвѣ въ 2,500 руб., 100 ф. серебряной посуды, жемчугу и перстней на 760 руб., платьевъ и мѣховъ на 1,000 рублей, деньгами 3,214 рублей. Цари позволили гетману выдать другую дочь за племянника Кіевскаго митрополита, князя Четвертинскаго, котораго пожаловали въ стольники.

214. Собр. Г. Г. т. IУ, 519, Собр. Зак. II, 799. Бѣлогородская волость принадлежала прежде Милославскимъ. О числѣ дворовъ въ ней, Б.-К. Ист. Малор. I, 193. Шереметеву и Бутурлину выдано на вотчины 4,000 ефимковъ, Скуратову и Чаадаеву по 3,000, Украинцову 2,000, 4-мъ дьякамъ по 500; придачи къ окладу были отъ 150 до 30 рублей, шубы и кафтаны отъ 250 до 80, кубки въ 5, въ 3 фунта, и дьякамъ въ 2 гривенки.

215. Бандтке, Ист. Г. П. II, 396, 397. Грам. Императора отъ 3 Сент. 1686 г., Тум. X, 83. Прежде писалъ онъ, отъ 31 Авг. 1685 г., о взятіи Уйвора или Нейгауза, а Венеціянами Корона (Тум. IУ, 216.)

216. Грам. Собіескаго изъ Львова, отъ 11 Дек. 1686 г. (Тум. X, 79); другая отъ 5 Янв. 1687 г. (Тум. IУ, 239). См. Бандтке, Ист. Г. П. II, 398, 399; Голиковъ, т. I, 43, 196; Б.-К. Ист. Малор. I, прим. 157.

217. Б.-К. Ист. Малор. I, прим. 155 и 157, ссылка на Залускаго.

218. Грам. Собіескаго, 6 Января 1687 г. (Голик. I, 198). Байеръ, Изв. Азовскія, стр. 187, и грамата Императора, 5 Мая 1687 г. (Голиковъ, I.

196). Онъ говоритъ, что въ Венецію ѣздилъ Чаадаевъ, стр. 43, но о Волковѣ говоритъ Б.-К. (Ист. Малор. I, прим. 157).

219. Грам. Хана, изъ Перекопи, отъ 27 Авг. 1686 г., Тум. X, 76.

220. Голиковъ, I, 196.

221. Объявленіе о приготовленіи на службу, 3 Сент. 1686 г., Собр. Зак. II, 812; докладъ царской думѣ, 20 Сент. 1686 г., Собр. Зак. II, 817. Разсуждаемо было, что въ 1678 г. собрано на войну по 25 к. съ двора, и со 100 дворовъ по одному даточному конному, а вмѣсто того тоже по 25 коп. съ двора (слѣдовательно, конный воинъ считался въ 25 рубляхъ); въ 1679 г. съ 25 дворовъ даточный, по 50 коп. съ двора, а съ патріаршихъ, посадскихъ, тяглыхъ и ясачныхъ по рублю, съ гостей по 50 руб. за человѣка, а въ 1680 г. 25 коп. съ двора, съ гостей 10-я деньга, подъ пушки и обозъ 5000 рублей, а на покупку лошадей съ патріаршихъ и монаст. дворовъ по 25 коп.—Жалованье рейтаровъ полагалось отъ 15 до 20 р., солдатамъ и Стрѣльцамъ отъ 4 до 5 р., да на расходы и воеводамъ 100,000 р. — Крестьянъ считалось: патріаршихъ 6333 двора, архіерейскихъ 12130, монастырскихъ 98,732, помѣщичьихъ, крестьянскихъ и бобыльскихъ 87,706, вдовъ и недорослей 8502, стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ, жильцовъ, негодныхъ въ службу, приказныхъ и дворовыхъ около 12500, поморскихъ городовъ 71252, въ городахъ и посадахъ, кромѣ написанныхъ въ разрядъ, 20578. Всего сбора по 1 рублю, считая 2000 р. съ Строгановыхъ и торговыхъ иноземцовъ, выходило 324,244 рубля, за исключеніемъ взятыхъ уже сборовъ, не доставало къ большему разсчету 375 т., по меньшему 235 т. рублей, почему и положено взять съ двора по 20 алтынъ, а съ Московскихъ по 2 рубля, съ иноземцовъ торговыхъ 2000 р. и въ запросъ у Строгановыхъ 20,000 рублей. По по выпискѣ, которою уволены отъ платежа бывшіе на службѣ 2968 человѣкъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ и жильцовъ (Собр. Зак. II, 833) положено по 1 рублю, съ другихъ по 26 алтынъ 4 деньги, съ Московскихъ по 2 рубля.

222. Объявленіе войны, Собр. Г. Г. IV, 531, и Собр. Зак. II, 835.

223. Акты Арх. Комм. IV, 436, о богомоленіи и постѣ, ibidem, стр. 443. Повелѣніе Кіевск. митрополита, Бант.-К. Ист. Малор. I, 223. Голицынъ прислалъ ему за то 300 червонцовъ.

224. Голиковъ, I, 197. Грам. Датск. Короля, 13 Сент. 1688 г., Грам. Короля Іакова, 4 Дек. 1687 г.—Въ 1688 г. совершилось паденіе Стюартовъ.

225. Договоръ съ курф. Бранденбургскимъ, Іюня 16, 1686 г., въ Собр. Зак. II, 860. Грам. курфирста Фридриха Вильгельма, отъ 22 Іюня 1687 г., преемника его, курф. Фридриха III-го, 31 Іюля 1688 г. (Голиковъ, I, 197).

226. Грам. Козьмы III-го, отъ 22 Февр. 1688 г. (Голиковъ, I, 197).

227. Посольство князя Я. Ѳ. Долгорукова, описанное Малиновскимъ (Труды Общ. Ист. VII, 86). Оно весьма любопытно. Людовикъ XIV-й едва не выслалъ за границу пословъ, какъ арестантовъ, и наглости, оказанныя имъ Русскому послу, возбудили негодованіе Софіи до того, что она хотѣла протестовать противъ нихъ и съ Франціею прекратила всѣ сношенія, хотя молодой князь Вас. Лукичъ Долгорукій остался тогда во Франціи для науки, и привезъ въ Москву лестный отзывъ и подаренный ему портретъ Людовика XIV-го (*Сказ. о родѣ Долгорукихъ*, стр. 103). Пословъ одарили весьма скупо и принудили взять грамату не по формѣ обманомъ. Поведеніе князя Я. Ѳ. Долгорукаго было благородно и мужественно. Ему не позволили ѣхать сухимъ путемъ въ Испанію, и изъ Гавра перевезли въ Санъ-Себастіанъ. Въ тоже время съ почестью приняты были послы Турецкій и Савойскій. Думалъ-ли Людовикъ XIV-й, что черезъ 127 лѣтъ Русскій Царь придетъ побѣдителемъ въ Парижъ! Грамата короля Испанскаго, отъ 4 Янв. 1688 г. (Голиковъ, I, 197). Объ отвѣтѣ его, см. Дѣянія мин. и полк. П. В., изд. Бант.-Кам., II, 10. —Съ Испаніею прекратили всѣ сношенія до 1717 года.

228. Безчеловѣчное опустошеніе Палатината было въ 1688 и 1689 г.— Ссоры съ Папою о регаліяхъ кончились знаменитымъ соборомъ, утвердившимъ такъ названныя les libertés de l'Eglise gallicane; Авиньонъ занятъ въ 1687 году.

229. Бандтке, Ист. Г. П. II, 399.

230. Ibid. стр. 397, 400. Сыну Собіескаго обѣщали руку и богатое приданое Людовики Радзивилъ, вдовы сына курф. Бранденбургскаго, но она вышла за брата Императрицы.

231. Вивл. Нов. XI, 163 — 172. Церковь близъ двора Голицына была Воскресенія, близъ Моисеевскаго монастыря. Не былъ ли сей монастырь тамъ, гдѣ до 1812 г. находились Моисеевскія богадѣльни, въ Охотномъ ряду?

232. О походѣ Гордона, Байеръ, Азовск. Изв. 159. Голиковъ, I, 200. Онъ полагаетъ число войска до 200,000 (другіе до 400,000!). Мы видѣли выше, что его предполагали собрать всего до 60,000. Слѣдовательно, и съ казаками было его 120,000, но число казаковъ не достовѣрно (см. Б.-К. Ист. Мал. I, прим. 160). Шестдесятъ тысячь едва ли могли быть. Дополнительныя статьи изъ Разряда, въ Вивл. Новик. XVI, 373 — 394.

233. Голиковъ, I, 201; Байеръ, Изв. Азовск. стр. 160, гдѣ походъ описанъ изъ журнала Гордонова. Мая 4-го перешли рѣку Мерлу; 9-го отдыхали у Рублевки; 10-го стояли на рѣкѣ Бедровкѣ; 12-го переправились черезъ Свинковку; 14-го черезъ Коломакъ; 19-го стояли на Томлинкѣ, при ея впаденіи въ Ворсклу; 20-го были на устьѣ Липянки; Іюня 12-го у Конскихъ водъ; 14-го на Ольбѣ; 15-го на Анчакринѣ, откуда повернули обратно.

234. Донесеніе Самойловича, 19-го Іюня 1687 г., въ Собр. Г. Г. IV, 539.

235. Гордон. Зап. (Байеръ, Изв. Аз. 167).

236. О битвахъ казаковъ и всѣхъ дѣйствіяхъ видно изъ объявленій царскихъ, Собр. Зак. II, 883 и слѣд — Броневскій, Ист. Войска Донск. I, 196, 197. — Б.-К. Ист. Малороссіи II, 194. Впрочемъ, Голицынъ писалъ къ Собіескому о своихъ побѣдахъ, что онъ доходилъ до Перекопи, убилъ 20,000 Татаръ, взялъ въ плѣнъ 100 мурзъ и 6,000 Янычаръ, и пр. Собіескій съ восторгомъ увѣдомлялъ о томъ Императора (Терещенко, Опис. жизни сан. I, 163).

237. Выше говорено о несогласіи Самойловича выдать дочь за сына Голицына, и потомъ воевать съ Турціею. Какъ примѣры гордости гетмана, одинъ изъ современниковъ упоминаетъ о томъ, что въ его присутствіи всѣ должны были стоять; просители дожидались по нѣскольку дней у воротъ; ѣздилъ онъ всегда въ каретѣ, велѣлъ сыновей называть господами, не подходилъ въ церкви къ Антидору, но приказывалъ священникамъ подносить его себѣ (Б.-К. Ист. Малор. II, прим. 164). О хитростяхъ Самойловича писалъ ему Запорожскій атаманъ Сѣрко: «Дивно

намъ, что ты, пане Гетмане, богато около насъ хирхумоешь, мало твій покойникъ батько пахавтурахъ съ парафіянами» (Б.-К. ibidem, прим. 142). Отецъ Самойловича былъ священникъ. — Мазепа, Иванъ Степановичъ, былъ происхожденія неизвѣстнаго. Одни говорили, что онъ Полякъ, другіе, что род. въ селѣ Мазепинцахъ, близъ Бѣлой Церкви, въ 1644 г., воспитанъ у Iезуитовъ, былъ пажемъ у какого-то Польскаго воеводы, и такъ разсердилъ его излишнею дружбою съ его красавицею женою, что если вѣрить сказкѣ, картинѣ Верпета и поэмѣ Байрона, воевода привязалъ его къ разъяренному коню и пустилъ его по полю; конь умчалъ его въ Малороссію. Мазепа является въ войскѣ Дорошенки, уже другомъ и повѣреннымъ его. Взятый въ плѣнъ Запорожцами и отосланный въ Москву, въ 1674 г, онъ былъ спасенъ Самойловичемъ, находился учителемъ его дѣтей, и въ 1681 г. присланъ въ Москву уже войсковымъ товарищемъ, а въ 1682 г. для поздравленія царя Θеодора, уже генеральнымъ есауломъ, и потомъ былъ еще тамъ въ 1686 и 1687 гг. (Б.-К. Слов. Достоп. людей, т. III, 231 и слѣд. и Ист. Мал. т. III). Мазепа такъ краснорѣчиво говорилъ по Латыни, что Карлъ XII-й заслушивался рѣчей его. Уже въ старости, онъ обольстилъ юную дочь Кочубея, свою крестницу. Петръ Великій не умѣлъ проникнуть въ черную душу злодѣя.

238. Зап. Гордона (Байеръ, Изв. Азовск. стр. 165—180). Доносъ на Самойловича, Б.-К. Ист. Малор. II, 195. Почтенный авторъ старается доказать несправедливость доноса — надобны ли доказательства?

239. Царскій указъ, 17 Іюля 1687 г., въ Собр. Г. Г. IV, стр. 542, и въ Собр. Зак. II, 863.

240. Зап. Гордона (Байеръ, Изв. Аз. стр. 169 и слѣд.). Кочубей не только подписалъ просьбу, но распоряжался и взятіемъ подъ стражу гетмана! Полковникъ Дмитрашко, котораго спасъ нѣкогда Самойловичъ, обнажилъ саблю; Голицынъ удержалъ его. Другіе ругали его, называя его скурвымъ сыномъ (Б.-К. Ист. Малор. II, 200; Терещенко, Описаніе жизни Сановн. I 164).

241. Актъ избранія Мазепы, Собр. Г. Г. IV, 543, и Собр. Зак. II, 867. Онъ въ двухъ спискахъ, на 69 листахъ хранится въ архивѣ, переплетенный въ бархатъ. При немъ клятвенное обѣщаніе Мазепы. Одинъ списокъ, «рукою власною», подписали Мазепа и чиновники Малороссійскіе, другой духовные особы: митрополитъ Гедеонъ Четвертинскій, архіепископъ Лазарь Барановичъ, архимандритъ Варлаамъ Ясинскій, пре-

фектъ Іоасафъ Краковскій, и проч. — Окладъ гетмана и войсковаго писаря положенъ въ 1000 червонцовъ; другимъ отъ 300 до 50, реэстроевымъ казакамъ по 30 злотыхъ.

242. Гордонъ (Байеръ, Изв. Аз., стр. 174).

243. Ibid. стр. 174 — 176. Голицынъ требовалъ 10,000 рублей; Барковскій отказалъ, Мазепа у него же занявши, вручилъ ихъ Голицыну.

244. Б.-К. Ист. Малор. III, прим. 25. — Половина имѣнія Самойловича, поступившая въ казну состояла изъ 15 п. 28 ф. 7 зол. серебра, и деньгами 2,458 червонцовъ, 23,725 ефимковъ, 1,145 левовъ, 1,907 рубл. мѣлкими серебряными деньгами, и Турецкихъ на 2 р. 25 алт. — О похищеніи изъ его имѣнія Голицынымъ, Терещенко, Оп. жизни сан. I, 175. Мазепѣ прислали Цари сорокъ соболей въ 200 руб. и атласъ.

245. Медали привезъ Вас. Петр. Шереметевъ. Гордону дали медаль въ 3 червонца, другимъ отъ 1-го до 9-ти; солдатамъ золотыя и позолоченныя *шелеги* (Гордонъ, у Байера, Изв. Аз. стр. 178).

246. Б.-К. Ист. Малор. III, 7, 8, 9, прим. 17—20. Туманск. II, 82—85. Невѣстка Самойловича возвращена изъ Тобольска въ 1696 г. «Остаюсь бездѣтна, скитаюсь между дворъ, помираю голодною смертію, питаюсь милостынею,» писала она въ просьбѣ Царямъ.

247. Царскій указъ, въ Собр. Закон. II, 883, и въ Собраніи Г. Г. IV, 562—573.

248. Денежныя придачи къ окладамъ были отъ 200 до 20 рублей, помѣстныя отъ 250 до 150 четвертей. Нисшимъ чинамъ отъ 200 до 80 четвертей, и деньгами отъ 20 до 8 рублей. Грамата Запорожцамъ Собр. Г. Г. IV, 573. Имъ подарили перевозъ черезъ Днѣпръ при Переволочнѣ. Золотыя медали велѣно раздать вдовамъ и дѣтямъ убитыхъ и умершихъ въ походѣ (Собр. Г. Г. IV, 575, Декабря 22, 1687 года).

249. Гаммеръ, Hist. de l'empire Ottoman, XII, 238. Любопытно, что низверженіе Мугаммеда основано было на стихѣ Корана: «Нарекли тебя халифомъ земли (Ena djaalnak Kalifiten fil erzi).

250. Бандтке, Ист. П. Г. II, 400—402.

251. Когда Венеціяне осадили Аѳины, въ 1688 г., въ Парѳенонѣ былъ у Турковъ пороховой магазинъ. Львы Пирейскіе стоятъ на Арсенальномъ мостѣ въ Венеціи.

252. Бандтке, Ист. П. Г. II, 403; Histoire générale de Pologne (Парижъ, 1834 г.), т. II, стр. 305.

253. Еретикъ, сожженный въ Варшавѣ, былъ нещастный Лышинскій (31 Марта, 1689 г.). Иннокентій XI-й умеръ въ 1689 г., а преемникъ его, Александръ VIII-й въ 1691 г. Сыну Собіескаго предложили жениться на сестрѣ Императрицы, герцогинѣ Нейбургской. Бандтке, Ист. Г. П. II, 403, 407; Гаммеръ, Hist. de l'emp. Ottoman, XII, 280 и слѣд. О переговорахъ Возницына, Сборникъ Муханова, стр. 227—230, инструкція Возницыну; изумительный проектъ мира, ibid. стр 230—232.

254. Любопытныя извѣстія о Вѣнскихъ переговорахъ, у Гаммера, Hist. de l'empire Ottoman, XII, 283—295.

255. Бандтке, Ист. П. Г. II, 405.

256. Собр. Зак. II, 905, указъ Неплюеву. О битвахъ казаковъ, Б.-К. Ист. Малор. III, 9, 10. Мигула былъ наименованъ надъ принадлежавшею Полякамъ Заднѣпровскою Украйною.

257. Броневскій, Ист. Донск. войска, I, 197. Донцовъ было въ походѣ 3,000 человѣкъ.—Раскольники, подъ главнымъ начальствомъ Козьмы Косаго и бѣглыхъ поповъ скитались по Медвѣдицѣ; часть ихъ ушла на Куму, другіе къ Тамбову и Козлову; остальные, до 500 человѣкъ, устроили городокъ, гдѣ соединилось съ ними много бѣглыхъ Донцовъ, и гдѣ они отбили казацкій отрядъ. Но потомъ ихъ взяли, многихъ казнили, прочіе разбѣжались. Грамата Царей Донцамъ, отъ 14-го Авг. 1688 г., Собр. Г. Г. т. IV, 585.

258. Ист. Малор. Б.-К. т. III, 11—12, прим. 26—28. Богородицкая крѣпость на Самарѣ, впадающей въ Днѣпръ, въ шести верстахъ отъ ея устья; ее разорили по Прутскому миру, но въ 1736 г. Минихъ возобновилъ ее, подъ именемъ Самарскаго ретраншамента, а въ 1784 г. переименовали ее Новомосковскимъ, и сдѣлали уѣзднымъ городомъ. Усмиряя Запорожцовъ, велѣно отпускать имъ на кошъ, или войско, вмѣсто 300, по 1000 червонцовъ ежегодно. Переволочинскій перевозъ приносилъ

имъ до 12,000 рублей дохода. О набѣгѣ на Волынь и Украйну, см. Гордона (Байеръ, Изв. Азовск. стр. 180—184).

259. Грам. Волошскаго господаря, Собр. Зак. II, 959, и Собр. Г. Г. IV, 591.

260. Гордонъ (Байеръ, Изв. Азов. стр. 183).

261. Собр. Зак. II, 912 и 949.

262. Объявленіе 18-го Сентября, ibid. стр. 946. О сборѣ войскъ, 10-го Ноября, ibid. 953. О сборѣ денегъ, указъ 1-го Ноября, ibid. 952. Опять собрано по 26 алт. 4 ден., съ монастырскихъ по рублю, съ Московскихъ 2 р. съ двора. Предположено было опять занять у Строганова 20,000 р., взять съ торговыхъ иноземцовъ 2000 р. и съ посадскихъ по 50 к. съ двора, но отложено. О сборѣ хлѣба, Акты Арх. Комм. IV, 446. Взято было съ прибавкою прежняго оклада, съ государственныхъ крестьянъ по $2^1/_2$ четверти ржи и по $2^1/_2$ овса, съ монастырскихъ по $3^1/_2$ ржи, по $3^1/_2$ овса, съ помѣщичьихъ по $1^1/_2$ ржи и по $1^1/_2$ овса. Отъ прибавки уволены Заоцкія (за Окою) мѣста, ибо съ нихъ брали на войско подводы, неокладные поборы, приказывали строить суда для сплавки по рѣкамъ, и проч.

263. Описаніе похода въ указѣ царскомъ, Іюня 19-го, Іюля 27-го, впрочемъ, оно собраніе хвастливыхъ лжей, извлеченныхъ изъ донесеній Голицына (прим. 267—270), повторены въ письмѣ Голицына (прим. 264). Истина является у Гордона (Байеръ, Изв. Азовск. стр. 184—192). Голиковъ, I, 2.6—212, изображаетъ походъ Голицына весьма сбивчиво. — Кизи-Кермень былъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Бериславль, въ 65 верстахъ отъ Херсона. О набѣгѣ Татаръ на Кіевъ, Собр. Зак. III, 24. — Перекопь, валъ, заграждавшій проходъ въ Крымъ, по узкому перешейку, соединяющему полуостровъ Крымскій съ материкомъ. Здѣсь былъ издревле *Ровъ* (Τάφρος), въ послѣдствіи заросшій лѣсомъ, но Менгли-Гирей, въ XV вѣкѣ устроилъ здѣсь снова ровъ и валъ, оградивъ его башнями, и назвавъ Феръ-Керманомъ. У Ватсена (стр. 567) представлено изображеніе Перекопи въ XVII-мъ столѣтіи. См. Кеппена, Крымскій Сборникъ, стр. 349.

264. О пріѣздѣ къ Голицыну Польскаго полковника Глысковскаго, Гордонъ (Байеръ, Изв. Азовск. стр. 190). Голицынъ продержалъ его 10 дней и отпустилъ обратно. Письмо Голицына съ Флюверкомъ, въ Сборникѣ Муханова, стр. 232—237. По его приказанію, Волковъ, бывшій

резидентомъ въ Варшавѣ, разослалъ его повсюду (Сборникъ Мухан. стр. 243—287).

265. О Лызловѣ (онъ былъ сочинитель извѣстной Скиѳской Исторіи, изд. Новиковымъ, въ М. 1787 г.), Гордонъ (Байеръ, Изв. Азов стр. 190). Царская грамота, Собр. Зак. III, 19.

266. Записки Желяб. (изд. Д. И. Языкова), стр. 21, гдѣ говорится о хитромъ обманѣ хана Крымскаго — нелѣпая сказка, но она показываетъ мнѣніе современниковъ.

267. Вивл. Новик. XI, 174—175, Указъ царскій о молебствіи, въ Троицкую Лавру, Акты Арх. Комм., IV, 447; съ нимъ ѣздилъ въ лавру Шакловитый, уже окольничій и намѣстникъ Вяземскій въ то время. Разсказъ о подвигахъ Голицына составленъ весьма искусно.

268. О граматахъ Императора и Собіескаго, отъ 16-го Сент. и 22-го Ноября, 1689 г. говоритъ Голиковъ, т. I, 212. — Любопытные переговоры Флюверка и Волкова, въ Сборникѣ Муханова, стр. 237—243.

269. Софія начала писать имя свое въ жалованныхъ граматахъ послѣ заключенія мира съ Собіескимъ. Подтвердительный указъ писать ее *Самодержицею* былъ 8-го Января, 1687 г. (Собр. Зак. II, 846).

270. Царскіе указы, Іюля 27-го, Авг. 11-го, Собр. Зак. III, 21, 30; Собр. Г. Г. IV, 601. Никогда награды не были такъ щедры. Воеводамъ давали отъ 230 до 100 рублей придачи къ окладу, отъ 344 (Шеину) до 200 дворовъ въ вотчину, отъ 4000 до 1000 ефимковъ на покупку вотчинъ; ротмистрамъ серебряные ковши, 250 четв. въ помѣстье, 160 четв. въ вотчину, 30 рубл. денегъ, особо деньгами отъ 20 до 1½ рубля на *лѣчьбу* ранъ, и проч.

271. Раздача наградъ была *27-го Іюля;* 24-го Гордонъ былъ у Софіи и Іоанна; 26-го едва могли уговорить Петра согласиться на награды, но когда награжденные пріѣхали въ Преображенское, онъ не пустилъ ихъ къ себѣ (Зап. Гордона, въ Сынѣ Отечества 1840 г. VI, 386, 387). *Сентября 3-го* имя Софіи исключено изъ царскаго титула; Сентября 9-го Голицынъ лишенъ чиновъ и имѣнія!

272. Главные источники: Записки Крекшина ошибочныя и невѣрныя;

Записки Гордона, къ сожалѣнію, извѣстныя отрывками; извѣстія иностранцовъ: Нейвиля, Вилліамса, Схельтемы, Шлейссинга, Рабенера, исполненныя ошибокъ. Голиковъ вносилъ все, что ему попадалось, въ свою Исторію безъ всякой критики, и смотрѣлъ на дѣла не вѣрно. Такъ, на примѣръ, онъ описываетъ Петра самостоятельно дѣйствующимъ въ дѣлѣ Хованскаго, въ войнѣ съ Крымомъ, въ мирѣ съ Польшею, въ сношеніяхъ съ Императоромъ, и проч.

273. См. во введеніи, образъ жизни Царей. Въ Уставѣ Успенскаго Собора (Вивл. Нов. X) исчислены бытности Софіи и Царей въ духовныхъ торжествахъ; Петръ является здѣсь весьма рѣдко, а равно не всегда и въ поѣздкахъ по монастырямъ (Вивл. XI, 175 и слѣд.)

274. Описаніе аудіенціи Шведскихъ пословъ, Кемпферомъ (Баронъ Мейербергъ, стр. 337—341). «Младшій Царь взиралъ на всѣхъ открытымъ прелестнымъ лицомъ, на коемъ при обращеніи къ нему рѣчи безпрестанно играла кровь юношеская; дивная красота его плѣнила всѣхъ предстоявшихъ, такъ, что еслибы онъ *былъ* дѣвица, то, безъ сомнѣнія, всѣ влюбились бы въ него.» Кемпферъ полагалъ ему 16 лѣтъ въ 1683 г. Петръ поспѣшилъ встать и начать рѣчь Послу; и смѣшалъ церемонію.

275. См. разные случаи юности Петра; восторгъ его при видѣ роты, обмундированной Лефортомъ, при видѣ Ботика; гнѣвъ его былъ огненный. «Боже мой! умѣя управлять царствомъ, я не умѣю управлять самимъ собою!» восклицалъ онъ горестно, сознавая неумѣстность порыва гнѣвнаго.

276. Роспись, въ Вивл. Нов. XX, 421; Миллеръ, Опытъ Трудовъ В. Р. С. IV, III. *Преображенская* подгородная слобода въ Москвѣ, отдѣляемая Яузою. Хапиловскій ручей отдѣляетъ отъ нея Семеновскую слободу, за которою слѣдуютъ къ Басманной части, на правомъ берегу Яузы Покровская и Нѣмецкая слободы (Рубцово и Кокуй). Имя произошло отъ церкви Преображенія. Въ Преображенскомъ былъ увеселительный дворецъ царя Алексія. Тутъ, черезъ Яузу, поселены были его сокольники; далѣе было село Измайловское съ царскими огородами и звѣринецъ; на Троицкую дорогу выходили заповѣдные лѣса, къ Алексѣевскому загородному дворцу. Въ Преображенскомъ тѣшили Царя комедіями и музыкою; въ Алексѣевскомъ отдыхалъ онъ отъ охоты; на Сокольницкомъ полѣ забавлялся соколами.

277. Начала потѣшныхъ ротъ опредѣлить невозможно. Миллеръ (Оп. Труд. В. Р. С. IV, 107) доказывалъ, что онѣ образовались не въ 1683-мъ но гораздо позднѣе, въ 1687 году. Собственно, образовались онѣ вполнѣ только въ 1689-го года, но безспорно, что начало относится даже къ первымъ лѣтамъ Петра и уже непремѣнно къ 1683 г., когда онъ удалился въ Преображенское, но потѣшные не имѣли постояннаго образованія въ то время.

278. См. Жизнь Лефорта, изданн. Голиковымъ (въ М. 1800 г). Жаль, что въ ней мало критическаго разбора матерьяловъ, и авторъ увлекался изъ біографіи въ панегирикъ.

279. См. Жизнь Гордона, вмѣстѣ съ Лефортовою изданную Голиковымъ, какъ мы упомянули выше (прим. 278). О любопытныхъ запискахъ его, см. Сахарова, Зап. Русскихъ людей (отд. IV, стр. 97).

280. Facta puta quaecunque iubes, девизъ, изображенный на одной изъ медалей Петра Великаго, можно назвать девизомъ его вообще. Голиковъ (Жизнь Лефорта, стр. 53) влагаетъ въ уста Лефорта подробные разговоры и совѣты его Царю, даже отвѣтъ ему Царя (стр. 60), но времена Ѳукидидовъ и Тита-Ливія, когда позволялись такія вставки, для насъ уже миновались.

281. Жизнь Леф. изд Голиковымъ, стр. 36. Миллеръ спорилъ (Опытъ Труд. В. Р. С. IV, 117), что Петръ не былъ барабанщикомъ, но почему же? Тотъ, кто самъ тесалъ топоромъ, каталъ ракеты, рвалъ зубы, стряпалъ кушанье въ Сардамѣ, могъ учиться у барабанщика, чтобы потомъ учить другихъ.

282. Полное образованіе двухъ первыхъ гвардейскихъ полковъ должно отнести къ Азовскому походу, но начало ихъ гораздо прежде, ибо они упоминаются уже полками въ экзерциціяхъ подъ Кожуховымъ, въ 1694 г., и Петръ называлъ себя капитаномъ бомбардирской роты Преображенцовъ въ 1695 году. Гордонъ называетъ потѣшныхъ въ 1690 г. придворною пѣхотою (the court foot), но имя гвардіи придано имъ уже въ 1700 г. передъ походомъ на Шведовъ (см. Военный Энц. Лексиконъ, IV, 642), Миллера (Опытъ Труд. В. Р. С. IV, стр. 120).

283. Петръ превосходно зналъ Русскія лѣтописи и всеобщую исторію. Математика была любимымъ его занятіемъ; онъ самъ чертилъ карты и

планы. Св. Писаніе и духовные книги составляли всегдашнее его чтеніе. Читалъ и писалъ онъ весьма скоро и быстро; почеркъ его былъ отъ скорости весьма не разборчивъ. Географію Россіи зналъ онъ въ подробности. Вся жизнь его свидѣтельство страсти его къ наукѣ. Онъ изучалъ потомъ анатомію, естествознаніе, законы Русскіе и другихъ государствъ. Слогъ его былъ оригинальный. О знаніи имъ Нѣмецкаго и Голландскаго языковъ доказываютъ переговоры, какіе лично велъ онъ съ Прусскимъ, Польскимъ и другими государями. Лебрюинъ, бывшій въ Москвѣ въ 1703 г., говорилъ съ нимъ по Голландски. Петръ самъ началъ разговоръ вопросами, когда Лебрюинъ почтительно поклонился ему. Hoe weet gy wie ik ben? en hoe komt gy my te kennen (какъ и почему вы узнали меня)? См. Лебрюина, Travels into Moscovy (Лондонъ, 1737 г.), I, 21. — Нѣмецкое письмо Петра, къ Трудахъ Общ. Ист. ч. V, кн. I, 265: авторъ статьи полагаетъ, что Петръ зналъ по Латыни, по Французски, по Англійски и по Шведски, ибо онъ разговаривалъ съ г-жею Ментенонъ, сердился за выпускъ одного мѣста изъ Латинской книги, разговаривалъ съ Вильгельмомъ III-мъ и съ Шведскими послами. Но съ г-жею Ментенонъ онъ могъ говорить черезъ переводчика, какъ говорилъ съ Людовикомъ XV-мъ и его царедворцами; выпущенное мѣсто изъ книги могъ узнать, ибо онъ тотчасъ обратился къ нему, съ Вильгельмомъ, Штаттальтеромъ Голландіи, говорить по Голландски, а съ Шведами по Нѣмецки. О Тимерманѣ говоритъ Крекшинъ (стр. 67) и у Голикова, I, 29.

284. Схельтема, Russland, etc. I, 38.

285. Увидимъ далѣе, что Петръ былъ на свадьбѣ Нѣмца золотыхъ дѣлъ мастера. Купцы Избрандъ, Миллеръ, Марселіусъ были друзьями его.

286. Өедоръ Матв. Апраксинъ, братъ супруги царя Өеодора Алексѣевича, Марөа Матвѣевны, род. въ 1661 г. Изъ комнатныхъ стольниковъ поступилъ въ потѣшные; князь Аникита Иванов. Рѣпнинъ, род. въ 1668 г., былъ сынъ боярина Ивана Борисов., который просилъ Петра Великаго не жаловать его иностранными чинами и оставить. Князь Мих. Мих. Голицынъ род. 1675 г. и съ 1687 г. былъ въ Семен. полку; князь Василій Влад. Долгорукій, сынъ боярина Влад. Дмитр., участвовавшаго въ походахъ Голицына на Крымъ (ум. въ 1701 г.), род. въ 1667 г. и изъ стольниковъ поступилъ въ Преображ. полкъ. Брюсъ, во времена Кромвеля выѣхалъ въ Россію, и умеръ въ Русской службѣ полковникомъ, въ 1680 г. — Сынъ его Яковъ род. въ 1670 г., и въ 1688 г. былъ прапорщи-

комъ у Преображенцовъ, исправляя подъ Азовомъ должность инженера. Отецъ Павла Иванов. Ягушинскаго, Іоаннъ Ягушинскій, вызванъ былъ изъ Польши для школы, бывшей при Лютеранской церкви въ Москвѣ въ 1687 г., и былъ еще въ 1692 г. школьнымъ мастеромъ, потомъ самъ вступилъ въ потѣшные и умеръ маіоромъ въ 1713 г.—Сынъ его Павелъ 18-ти (род. въ 1683 г.) лѣтъ поступилъ въ деньщики къ Петру, братъ его въ потѣшные.—Александръ Иванов. Румянцовъ, потомокъ Румянца, передавшаго Москвѣ Нижній Новгородъ, записанъ былъ въ потѣшные, и Петръ замѣтилъ его, увидя однажды на часахъ.—Григорій Петровичъ Чернышевъ, род. въ 1672 г., перешелъ въ гвардію въ 1699 г. изъ комнатныхъ стольниковъ. Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ, род. въ 1661 г., ближній стольникъ, славный по Кожуховскому походу, служилъ съ 1687 г. въ Преображенцахъ.—Шафировъ, Петръ Павл., былъ сидѣльцомъ у купца Евреинова: въ 1691 г. былъ онъ переводчикомъ у Царя, получая 30 рубл. въ годъ жалованья и по 20 коп. на харчи. Спорятъ о происхожденіи Меншикова. Въ дипломѣ на княжеское достоинство (Русск. Вѣст. 1841 г. II, 691) сказано, что онъ изъ благородной Литовской фамиліи, и что отецъ его служилъ въ гвардіи. Общее преданіе противорѣчитъ тому. Современники, какъ видимъ изъ Записокъ Манштейна знали его происхожденіе. Кантемиръ въ сатирахъ своихъ заставляетъ приверженца старины говорить съ горестью: «кто съ подовыми горшкомъ истеръ плечи, тотъ на высоку степень вспрыгнувши блистаетъ!» (Сат. Кант., Спб. 1762 г., стр. 16). Меншиковъ род. въ 1672 г., взятъ Петромъ у Лефорта въ 1686 г., записанъ въ потѣшные, храбро сражался подъ Азовомъ, и въ 1699 г. былъ Преображенскимъ сержантомъ (см. Голикова, Дѣянія Петра Великаго; Б.-К. Дѣянія мин. и полк. П. В., біографіи фельдмаршаловъ, Словарь дост. людей; Сказ. о родѣ Долгорукихъ; Берха, Жизнеоп. адмираловъ).

287. *Славить Христа*, то есть, приходить въ знакомые домы о Рождествѣ, пѣть духовныя пѣсни: «Рождество Твое, Христе Боже нашъ», и «Дѣва днесь пресущественнаго раждаетъ», прибавляя къ тому иногда *рацеи*, какъ-то: «Христосъ раждается, славите», и поздравляя хозяина, древній обычай Русскій. Петръ хранилъ его во всю жизнь. Петръ былъ отличный ѣздокъ. Часть потѣшныхъ была конная (horse peepers, по словамъ Гордона). См. Миллера, Опытъ трудовъ В. Р. С. IV, 119.

288. Миллеръ (ibid. стр. 132).

289. Крекшинъ, Голиковъ, I, (стр. 27).

290. Крекшинъ (стр. 61).

291. Голиковъ, I.

292. Голиковъ, I, 29.

293. Ibid. I, 30.

294. Ibid. I, 33. Ссылка на Крекшина.

295. Голиковъ I, 23, 24. Вилліамсъ, The rise, etc. II, 87. She (Софія) left her jounger brother surrounded with a troop of flathers, who drew him into all ninds of excess, calcoleted to ruin his health, and injure his unterstanding, и проч.

296. Царская грамата, 1684 г. Янв. 15, Собр. Зак. II, 570; Вивл. Нов. X, 196. Патріархъ вѣнчалъ Іоанна въ Успенскомъ соборѣ. Прасковія была красавица и ее назначали въ супруги Ѳеодору. Языковъ разстроилъ сватовство, и послалъ Салтыкова воеводою въ Енисейскъ, «гдѣ и прекрасная дщерь его съ нимъ пребывала.» Софія вызвала ее въ Москву (Крекшинъ, стр. 70).

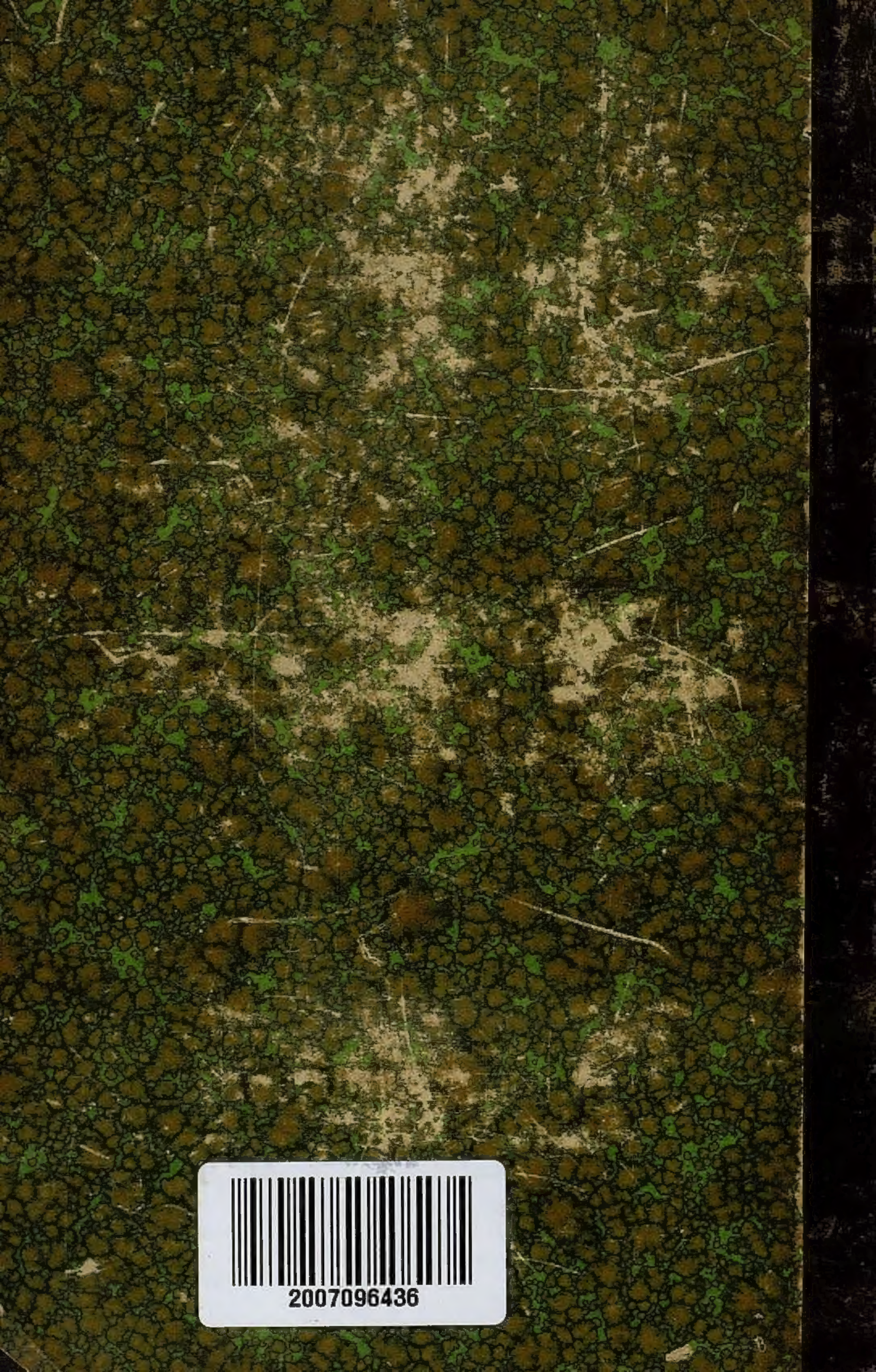
297. Не знаемъ, на чемъ основаны мнѣнія г-на Терещенко, что Софія хотѣла свергнуть Петра, объявить себя Царицею, выйдти за мужъ за Голицына, возвести его на престолъ, Медвѣдева сдѣлать патріархомъ, соединить церкви Восточную и Западную (Опис. Жизни Сан. I, 150, 260). Онъ ссылается на Нейвиля, говоря: «очень во многомъ можно вѣрить Нейвилю», потому что онъ былъ самъ посломъ въ Москвѣ, и сносился съ послами и переводчикомъ Спафаріемъ. Напротивъ: Нейвиль величайшій лжецъ и посломъ никогда не былъ. Не лучше ли поступать, какъ добродушно говоритъ Голиковъ, что не смѣетъ приписать Голицыну великихъ злодѣйствъ, «дабы противъ совѣсти не обвинить въ столь страшныхъ преступленіяхъ знаменитыхъ согражданъ» (т. I, 219)?

298. Крекшинъ говоритъ, что Петръ началъ входить въ боярскую думу послѣ перваго похода Голицына (стр. 76). Петръ до самой кончины князя Бор. Алекс. Голицына любилъ и уважалъ его; князь Бор. Алекс. спасъ Петра отъ умысла Шакловитаго, потомъ сопутствовалъ ему въ Архангельскъ, всегда раздѣлялъ его дѣла и забавы, оставался въ числѣ управлявшихъ государствомъ бояръ въ 1698 году.

299. Жизнь Лефорта и Гордона, изд. Голиковымъ. Зап. Гордона (въ С. О. 1840 г.)

300. Царскій указъ, Собр. Зак. III, 10; Вивл. Нов. XI. Свадьба была 27-го Января. Родъ Лопухиныхъ былъ старинный, но не знатный. Предокъ ихъ выѣхалъ изъ Касуйской орды. Потомокъ его Глѣбъ былъ родоначальникомъ многихъ фамилій, изъ коихъ Лопухины произошли отъ потомка его Василья Лопухи. (Родосл. Книга, М. 1787 г., т. II, 200). Абрамъ Никитичъ былъ думнымъ дворяниномъ при царѣ Алексіи; дѣти его окольничими. Евдокія была умна, но не красавица и необразованная, какъ писалъ Шведскій резидентъ Кохъ (Бергманъ, I, 147). Петру болѣе нравилась дочь Соковнина.

Конецъ примѣчаній.

2007096436